Памяти

Юрика (Юрия) Вартановича АРУТЮНЯНА
(1929–2016)

Леокадии Михайловны ДРОБИЖЕВОЙ
(1933–2021)

Михаила Николаевича ГУБОГЛО
(1938–2019)

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Москва
2022

УДК 39+316
ББК 60.54
Э 67

Рецензенты

Р.Р. Галлямов, доктор социологических наук
М.Ю. Мартынова, доктор исторических наук
О.Б. Наумова, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия

З.В. Анайбан, Д.В. Громов, А.Д. Коростелев, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко (отв. ред.), С.В. Рыжова, Ф.Г. Сафин, И.А. Снежкова, Р.А. Старченко, И.А. Субботина (отв. ред.)

Э 67 ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. 482 с.

ISBN 978-5-4211-0297-7

DOI: 10.33876/978-5-4211-0297-7/1-482

В предлагаемой книге содержатся статьи российских и зарубежных авторов, работающих в области этносоциологии. Помимо анализа различных аспектов современных этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных проблем, особое внимание в сборнике уделено рассмотрению как языковых процессов на постсоветском пространстве, так и вопросам межэтнических отношений и идентичности. Книга посвящена 55-летнему юбилею отечественной этносоциологии и памяти известных ученых, стоявших у ее истоков – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, а также актуальным исследованиям этносоциологов из «гнезда Арутюнянова».

Издание представляет интерес для социологов, этнологов, антропологов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами этносоциологии и результатами этносоциологических исследований.

УДК 39+316
ББК 60.54

ISBN 978-5-4211-0297-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Остапенко Л.В., Субботина И.А. (сост.), 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 10

Раздел I. Российская этносоциология во времени и пространстве: основатели, школы, теории, направления исследований

Л.В. Остапенко
Меж двух эпох. Памяти Ю.В. Арутюняна (1929–2016) 13

С.В. Рыжова
Л.М. Дробижева и формирование этносоциологии как отраслевой социологической дисциплины 20

Е.Н. Квилинкова
Михаил Николаевич Губогло – выдающийся российский этносоциолог, основатель гагаузской этнологии 26

Э.А. Паин
О преодолении некоторых стереотипов в российской этносоциологической теории 34

Ю.В. Попков
Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии 40

В.К. Малькова
Этносоциология и СМИ: 55 лет в пути 49

А.Д. Коростелев
Об этносоциологических и статистико-этнографических исследованиях 55

Р.А. Старченко
Этносоциологические исследования в Институте этнологии и антропологии РАН в начале XXI века 58

З.В. Анайбан
Тува: исследовательское поле российских этносоциологов 64

Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко
Этносоциология в Коми: по волнам нашей памяти 72

Раздел II. Проблемы идентичности, языка, межэтнических отношений в исследованиях российских этносоциологов

С.В. Рыжова
Российская идентичность в исследованиях этносоциологов школы Л.М. Дробижевой 85

Г.Ф. Габдрахманова
Общероссийская, региональная и этническая идентичности в политическом дискурсе Республики Татарстан 92

Л.В. Сагитова
Этничность в федеративном строительстве современной России. Кейс: Республика Татарстан 98

М.А. Жигунова
Межэтнические контакты и современная идентичность русского населения Сибири 104

А.Н. Ямсков
Соотношение локального и регионального уровней территориальной идентичности у русских выпускников средних школ Белёва и Старицы (по материалам 2017–2019 гг.) 110

Я.З. Гарипов
Языковая ситуация и языковая политика в Республике Татарстан 117

А.И. Халиулина
Речевое поведение молодежи в Башкортостане (по материалам этносоциологических исследований) 121

Л.В. Намруева
Этноязыковые потребности учащейся молодежи Калмыкии (по итогам опросов 2017 и 2021 г.) 126

И.А. Снежкова
Языковая ситуация в Украине после принятия Закона о государственном языке 2019 г. 131

Д.Д. Бекоева
Психологические истоки посредничества в урегулировании вооруженных конфликтов (на примере грузино-осетинского конфликта) 134

П.В. Фадеев
Историческая память о включении Кабарды в состав Российской империи (межэтнический аспект) 138

В.В. Черникова
Межэтнические отношения в Воронежской области: испытание на прочность 144

Раздел III. Этносоциальные, этнодемографические и этнокультурные процессы в зеркале российской этносоциологии. Этносоциологические исследования отдельных этнорегиональных и социально-демографических групп в России

Г.И. Макарова
Образ и символы Татарстана в дискурсе региональных экспертов 150

В.Е. Козлов
Социокультурные императивы русских Татарстана в XXI веке (по материалам этносоциологических исследований) 157

Т.А. Титова, Е.В. Фролова
Социальная защита, здоровье и репродуктивное поведение женщин-мигранток в Татарстане 162

Ф.Г. Сафин, Д.А. Камалетдинов
Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане) 171

Н.А. Дубова
Мнение жителей малых городов Центральной России о современной жизни (некоторые результаты опросов 2018, 2019 и 2021 г.) 182

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина
Жизненные ценности, тревоги и страхи жителей русской провинции 187

Д.В. Громов
«Группы смерти» и моральная паника 200

В.Н. Бирин
О некоторых социальных и политических позициях студентов г. Петрозаводска (по материалам социологического исследования октября 2020 г.) 211

И.А. Снежкова
Этнополитические проблемы России и Беларуси глазами молодежи (по материалам этносоциологического исследования студенческой молодежи двух стран в 2018–2020 гг.) 220

М.Ю. Донежук
Уважение старших у адыгов: взгляд студенческой молодежи 228

С.И. Аккиева
Институт взаимопомощи балкарцев: от традиции к современности 232

А.Д. Коростелев
Конфессионально-языковые группы в Поволжье и Приуралье (по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года) 238

И.В. Севастьянов
Елабужские кряшены: трансформация обрядово-праздничной традиции в XX веке 250

Раздел IV. Этносоциологические исследования в странах ближнего зарубежья

Армения

М.В. Галстян, Т.З. Закарян, Л.М. Варданян
Ю.В. Арутюнян и становление этносоциологии в Армении 255

Р.С. Карапетян
Новая армянская диаспора: опыт и перспективы исследования 262

Л.А. Танаджян
Вопросы изучения этносоциальных процессов в армянской диаспоре 268

М.В. Галстян, Г.Л. Акопян
Роль этнической сети в эмиграции из постсоветской Армении в Россию 272

С.А. Маркосян
Проблемы сохранения армянской идентичности среди армян Стамбула 279

К.Г. Налбандян
Языковое поведение армян в диаспоре (по материалам этносоциологического исследования армянских общин Тегерана и Бейрута) 284

Н.Р. Хачатурян Особенности изучения этнорелигиозной идентичности в диаспоре (обзор теоретических, идеологических и эмпирических подходов) 290

Р.С. Оганджанян
Некоторые проблемы использования шкалы социальной дистанции при изучении межэтнических отношений 296

Беларусь

А.Н. Данилов
Этнокультурный компонент в глобальной нестабильности XXI века 299

Е.Н. Квилинкова
Об ипостасях понятия «родной язык» у гагаузов Беларуси (опыт этносоциологического исследования) 305

Казахстан

С.Ш. Казиев, Е.Н. Бурдина
Генерирование межэтнического доверия и социальных добродетелей: опыт советской национальной политики в Казахстане (1920–1930-е годы) 314

М.В. Могунова
Этносоциологическое измерение межнациональной брачности в Северном Казахстане (на примере браков казахов) 326

Киргизия

А.А. Асанканов
Развитие этносоциологической науки в Кыргызстане 334

А.Р. Бикбулатова
Этническая идентичность татар Кыргызстана (по материалам этносоциологических исследований) 340

С.Н. Эралиев
Этносоциологические исследования среди городских рабочих-кыргызов Кыргызстана (вторая половина 80-х – начало 90-х годов XX в.) 347

Ж.К. Омурзакова
Роль билингвизма в выборе образования 354

Литва

Й.А. Мардоса
Этнодемографическое развитие локальной татарской общины в южной Литве (вторая половина XX века) 364

Молдова

С.Л. Нестерова
Летопись становления и современный вектор развития этносоциологии в Республике Молдова 371

И.И. Кауненко
Современные проблемы и перспективы исследования этнической идентичности (на примере Республики Молдова) 375

О.С. Галущенко
Гагаузы и молдаване по данным переписей населения Республики Молдова 2004 и 2014 г. 380

Раздел V. Воспоминания, размышления, заметки

Р.С. Карапетян
Уроки Учителя 386

С.С. Савоскул
«Русский проект» 389

А.А. Асанканов
Слово об Учителе 401

Ф.Г. Сафин
Памяти М.Н. Губогло 404

Н.А. Дубова
Жизнь прекрасна, друзья! 411

У.А. Винокурова
Социолог-миротворец Леокадия Дробижева и Якутия 415

Т.И. Губогло
Это было недавно, это было давно 426

М.А. Жигунова
«Рыцарь романтики», историк, этнограф, этносоциолог, политолог: памяти Михаила Николаевича Губогло 432

М. Балзер
Леокадия Михайловна Дробижева 437

Р.М. Валиахметов
О научном вкладе и жизненных принципах Л.М. Дробижевой 438

С.И. Аккиева, Г.Р. Столярова
Ученый с мировым именем и служитель человечности 441

В.Н. Бирин
Первый этносоциолог Карелии и его коллеги 444

И.А. Субботина
«…Нельзя к минувшему остынуть…» (о «молдавском поле» московских этносоциологов) 457

Д.Д. Бекоева
Воспоминания о работе в Институте этнографии АН СССР 471

С.Л. Нестерова
Воспоминания о будущем, уходящие в прошлое. Сюжет для небольшого рассказа… 473

Р.С. Оганджанян
Воспоминания о Л.М. Дробижевой. О бескорыстии, честности, чуткости и добродушии моей многоуважаемой руководительницы 476

Список авторов 478

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая книга посвящена 55-летию российской этносоциологии и памяти известных российских ученых – Юрия Вартановича Арутюняна (1929–2016), Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021) и Михаила Николаевича Губогло (1938–2019), чьи яркие имена связаны со становлением и развитием российской этносоциологии. Ушло целое поколение первых, талантливейших этносоциологов России.

Именно эти ученые стояли у истоков отечественной этносоциологии, отсчет существования которой начинается с 1966 года. Весной 1966 года в Институт этнографии АН СССР пришел новый 45-летний директор, будущий академик – Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990), который пригласил на работу в свой Институт 37-летнего доктора исторических наук – Юрия Вартановича Арутюняна, под руководством которого в этом же году был организован Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР. Этому сектору, в конечном итоге, предстояло стать флагманом этносоциологии – нового научного направления, которое сегодня уже конституировалось, превратилось в самостоятельную науку, о чем можно, в частности, судить на основании десятка изданных учебников и учебных пособий.

Разрабатывая новое научное направление, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло и их коллеги не только пополнили отечественную науку многочисленными научными трудами, которые получили широкое признание в России и за рубежом, но и воспитали многочисленную плеяду учеников и последователей. «Птенцы гнезда Арутюнянова» разлетелись по многим городам бывшего СССР, где уже в своих научных учреждениях продолжили заниматься этносоциологическими исследованиями, создавая свои школы, разрабатывая новые методики, пополняя новыми знаниями «копилку» этносоциологии. В настоящее время самостоятельные этносоциологические центры существуют в Москве, Новосибирске, Омске, Петрозаводске, Казани, Ижевске, Нальчике, Сыктывкаре, Уфе, а также в Армении, Грузии, Молдавии, Киргизии, Казахстане и т.д.

Чувствуя себя одной семьей, этносоциологи, где бы они ни жили, всегда старались поддерживать контакты друг с другом. После распада СССР частота этих контактов стала заметно слабеть. И дело было не только в сложностях их реального осуществления, но и в том, что многие научные работы, издаваемые в странах нового российского зарубежья, стали мало доступны российскому читателю.

В этих условиях как никогда возросла роль московских этносоциологов, в том числе работающих в Институте этнологии и антропологии РАН, в стенах которого и зародилась этносоциология. Входящий в его состав Центр по изучению межэтнических отношений в последние годы стал выступать в качестве объединяющей и координирующей организации.

Издающиеся Центром сборники (содержащие статьи этносоциологов из разных уголков постсоветского пространства), проводимые конференции – все это оказалось чрезвычайно важным и полезным, т.к. отвечало запросам ученых из разных регионов России и стран нового российского зарубежья в диалоге, в обмене информацией о своих исследованиях и их результатах, о наиболее актуальных изучаемых проблемах, методах исследования и т.п.

В представленной книге содержатся статьи авторов из России (в том числе из Москвы, Новосибирска, Омска, Татарстана, Башкортостана, Карелии, Коми, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Калмыкии и др.) и ряда зарубежных стран (Армении, Белоруссии, Казахстана,

Киргизии, Молдавии, Литвы). Немалая часть авторов – это бывшие сотрудники Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, его аспиранты и стажеры, люди, работавшие вместе с Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, побывавшие с ними в экспедициях и т.п. Многие из них стали докторами наук, профессорами, заведующими секторами и кафедрами, но не забыли свою альма-матер.

В статьях, посвященных Ю.В. Арутюняну (Л.В. Остапенко), Л.М. Дробижевой (С.В. Рыжова) и М.Н. Губогло (Е.Н. Квилинкова), авторы рассказывают о трудовой деятельности ученых, их научных достижениях, сложностях и неудачах, встречавшихся на жизненном пути ученых. Дань уважения и почтения отдают своим наставникам и авторы раздела «Воспоминания». Заметки написаны столь эмоционально и искренне, что становится поистине жаль, что их не смогут прочитать те, кому они посвящены.

В научном блоке собраны статьи, содержащие анализ тех злободневных проблем, которые наиболее актуальны в тех или иных регионах России и ряде зарубежных стран. В первой части книги представлены работы российских ученых, отражающие наиболее значимые направления современной этносоциологии, свидетельствующие о многомерности поля этой науки за 55 лет ее существования, значительном расширении географических рамок этносоциологических исследований. Авторы рассказывают о развитии этносоциологии в своих регионах – в Новосибирске (Ю.В. Попков), Туве (З.В. Анайбан), Республике Коми (Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко), а также анализируют актуальные проблемы современного этапа развития этносоциологии, ее методологии и методики, показывают особенности этносоциологического подхода в решении сложных этносоциальных проблем современности (Э.А. Паин, А.Д. Коростелев, В.К. Малькова).

Часть статей написана на основе результатов проведенных этносоциологических исследований. В круге интересов их авторов актуальные проблемы этнополитического, этносоциального и этнокультурного развития России. В числе таковых выступает, например, проблема формирования российской идентичности, что в наши дни имеет принципиальное значение. В статьях С.В. Рыжовой, Г.Ф. Габдрахмановой, Л.В. Сагитовой особое внимание уделяется анализу этнической и гражданской идентичностей, а в статьях М.А. Жигуновой, А.Н. Ямскова – соотношению региональной и локальной идентичностей.

С этими вопросами коррелируют и проблемы межэтнических отношений и языка, которые исследуются в статьях Я.З. Гарипова, А.И. Халиулиной, Л.В. Намруевой, В.В. Черниковой, И.А. Снежковой, П.В. Фадеева. В них поднимаются такие важные вопросы, как сохранение родного языка малочисленными титульными этносами российских республик в условиях растущей урбанизации и глобализации, показываются возможности бескровного разрешения межэтнических конфликтов (Д.Д. Бекоева).

Весьма значимыми для нашего времени можно назвать рассматриваемые в книге проблемы адаптации мигрантов, в том числе вопросы их социальной защиты и репродуктивного поведения (Т.А. Титова, Е.В. Фролова), сохраняющегося социально-экономического неравенства этнических групп, живущих в одной республике (Ф.Г. Сафин, Д.А. Камалетдинов), сложных этнокультурных процессах в регионах России (Г.И. Макарова, В.Е. Козлов).

Обращают на себя внимание статьи, содержащие итоги этносоциологических исследований этнорегиональных и социально-демографических групп, в том числе раскрывающие некоторые черты жизни современной российской провинции: удовлетворенность жизнью, социальные настроения, жизненные ценности, любовь к малой родине русского населения малых городов России (Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина), что принципиально важно, с точки зрения сохранения российской истории, русских традиций и этических норм.

Особое место занимают статьи, исследующие проблемы современной российской молодежи: анализируются политические ориентации студентов (В.Н. Бирин, И.А. Снежкова), трансформации нравственных и моральных ориентиров молодых людей (Д.В. Громов), сохранность культурных традиций (М.Ю. Донежук, С.И. Аккиева). В ряде представленных статей рассматриваются проблемы конфессионально-языковых и этносоциальных групп Поволжья и Приуралья (А.Д. Коростелев, И.В. Севастьянов).

Статьи зарубежных авторов размещены во второй части книги. В нынешних условиях разобщенности между бывшими союзными республиками они чрезвычайно важны для понимания российской аудиторией тех сложных процессов и проблем, которые актуальны сейчас для этих стран. Так, внимание ученых из Армении сосредоточено на проблемах армянских диаспор, в которых резко обострился вопрос сохранения своей «этничности», а также на продолжающейся эмиграции из Армении, в том числе в Россию (Р.С. Карапетян, Л.А. Танаджян. М.В. Галстян, Г.Л. Акопян, К.Г. Налбандян, Н.Р. Хачатурян, С.А. Маркосян). В ряде статей рассматриваются вопросы демографии (О.С. Галущенко – Молдавия, М.В. Могунова – Казахстан), национальной политики и межэтнических отношений (С.Ш. Казиев, Е.Н. Бурдина – Казахстан, Р.С. Оганджанян – Армения), этнической идентичности (А.Р. Бикбулатова – Киргизия, И.И. Кауненко – Молдавия), языковые проблемы (Ж.К. Омурзакова – Киргизия, Е.Н. Квилинкова – Белоруссия), вопросы положения этнических меньшинств (Й. Мардоса – Литва) и т.д. Особую значимость для российских ученых представляют особенности современного развития этносоциологии в зарубежных странах, о чем повествуют М.В. Галстян, Т.З. Закарян, Л.М. Варданян (Армения), А.А. Асанканов (Киргизия), С.Л. Нестерова (Молдавия).

В целом можно сказать, что представленная книга символизирует научное братство ученых-этносоциологов, которые, несмотря на разделяющие их расстояния, государственные границы, политические неурядицы, культурно-языковые особенности, стремятся к взаимным контактам, к общению друг с другом, обмену мнениями, передаче научной информации, обогащению новыми знаниями.

Дополнением к научным статьям, естественным продолжением и несомненным украшением являются представленные в книге яркие воспоминания о Ю.В. Арутюняне, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, с большой теплотой и любовью написанные их коллегами, учениками и друзьями, размышления и заметки о первых шагах становления этносоциологической науки, первых этапах этносоциологических исследований в СССР, об известных ученых, развивавших этносоциологическое направление в разных регионах России и сопредельных стран, о тех первых «птенцах гнезда Арутюнянова», которые уже ушли в мир иной – Валерии Семеновиче Кондратьеве, Валерии Никифоровиче Шамшурове, Владимире Александровиче Большакове, Игоре Александровиче Гришаеве, Александре Александровиче Сусоколове, Людмиле Александровне Тульцевой, Евгении Ивановиче Клементьеве, Александре Алексеевиче Кожанове. Светлая им память!

Хотелось бы отметить, что перед изданием сборника в Центре по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН прошла международная научная конференция (онлайн) по аналогичной теме (апрель 2022 г.), на которой выступили с докладами многие авторы данной книги, что дало им возможность лично поучаствовать в обсуждениях волнующих их вопросов, высказать свои мнения и пожелания, пообщаться с коллегами, в том числе с теми, с кем они когда-то вместе учились или работали в секторе Ю.В. Арутюняна.

РАЗДЕЛ I

РОССИЙСКАЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ОСНОВАТЕЛИ, ШКОЛЫ, ТЕОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖ ДВУХ ЭПОХ
ПАМЯТИ Ю.В. АРУТЮНЯНА (1929–2016)

Л.В. Остапенко

Ю.В. Арутюнян 2008 г.

Юрий (Юрик) Вартанович Арутюнян – известный советский, российский ученый, историк, социолог, этнолог, доктор исторических наук, профессор, советник РАН, член-корреспондент РАН, иностранный член Национальной академии наук Республики Армении (НАН РА), член Венского центра по документации и исследованиям в области социальных наук, автор почти 300 научных публикаций, с именем которого связано появление двух важных научных направлений – историко-социологического изучения села и этносоциологических исследований, – прожил яркую, но не простую жизнь.

Он родился в самом конце 1920-х годов в интеллигентной армянской семье. Благодаря своим способностям и целеустремленности, успешно закончил школу и институт, защитил кандидатскую диссертацию и в 32 года – докторскую.

Устроился на работу в Институт истории АН СССР, а затем в 1966 г. – в Институт этнографии АН СССР, по приглашению его директора Ю.В. Бромлея, где в том же году возглавил новый Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР.

Наиболее интересным, содержательным, творческим и плодотворным для Юрия Вартановича периодом стали 1960–1980-е годы, в течение которых он в значительной мере сумел реализовать свои научные планы и идеи.

Социологией Ю.В. Арутюнян стал заниматься, изучая проблемы села. Его книга «Социальная структура сельского населения СССР» (М., 1971) получила высокую оценку научного сообщества. Отмечалось, в частности, что Ю.В. Арутюняном было сделано от-

крытие, касающееся природы послевоенного советского общества. Он эмпирически доказал, что внутриклассовые различия между профессиональными группами сельского населения значительнее и сильнее, чем межклассовые.

Работая в Институте этнографии АН СССР, Юрий Вартанович «не просто реанимировал этническую социологию (первые конкретные социологические исследования в этнической сфере были проведены П.А. Сорокиным), но стал “отцом” новой отечественной этносоциологии, соединив два направления: социологию межэтнических отношений и социологию развития» [3: 14].

Именно в эти годы Юрием Вартановичем были задуманы и проведены два поистине грандиозных по своим масштабам проекта, осуществление которых растянулось на более чем двадцатилетний период: «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» и «Русские». Были организованы массовые опросы городского и сельского населения ряда российских регионов и союзных республик, в том числе Татарии, Армении, Грузии, Молдавии, Узбекистана, Эстонии; были опрошены десятки тысяч человек, собран богатейший архивный, статистический и документальный материал.

Наряду с данными массовых опросов, Юрий Вартанович, с его неисчерпаемым запасом идей, привлекал для исследований и множество других источников, в том числе достаточно оригинальных. Например, сведения из Большой советской энциклопедии, сборника русских народных песен, данные об этническом составе различных творческих союзов, письма слушателей на радио и телевидение и т.п.

Этот период был богат публикациями крупных монографий, сборников, теоретических статей: «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР» (М., 1973) (это была первая крупная этносоциологическая работа в Советском Союзе), «Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР» (М., 1980), «Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований» (М., 1986), «Русские. Этносоциологические очерки» (М., 1992) и др. Коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975), одним из авторов которой выступал Ю.В. Арутюнян, была удостоена Государственной премии СССР.

Принципиально важным достоинством всех работ Ю.В. Арутюняна являлась их практическая направленность и прогностический характер. Так, например, в труде «Русские» особое внимание было уделено русским в иноэтничной среде и сделана попытка предсказать их будущее в республиках после распада Советского Союза распадающемся Союзе. Эти прогнозы были представлены руководству страны, и многие из них подтвердились.

Оригинальностью отличались выводы Ю.В. Арутюняна по поводу создания новой исторической общности – советский народ, формирование которой он ни в коей мере не связывал с нивелированием этнических особенностей. Сближение наций он понимал, как выравнивание условий их жизни, что, в свою очередь, должно было способствовать развитию сходной социальной структуры, одинакового образовательного уровня, появлению общих черт в быту и культуре. Ю.В. Арутюнян одним из первых российских ученых рассматривал социальную мобильность как наиболее информативное социальное явление, принципиально важное для интерпретации социальных судеб народов.

В копилку достижений Ю.В. Арутюняна и сотрудников руководимого им сектора можно положить и открытость методологии и методики исследований, что служило делу распространения этносоциологических знаний в научной среде, помогало подключиться к проведению подобных работ представителям других научных коллективов. Многие методические инструкции, теоретические положения, высказанные в публикациях тех лет, остаются актуальными и в настоящее время.

К концу 1980-х годов сектор конкретно-социологических исследований превратился в Отдел этносоциологии с включенным в его состав сектором этнопсихологии (под руководством Л.М. Дробижевой) и насчитывал уже более двух десятков сотрудников, которые успешно разрабатывали темы в области этнопсихологии, этнодемографии, экономической антропологии, этножурналистики, этностатистики.

Юрий Вартанович сумел подготовить немалое число аспирантов и докторантов. «Птенцы гнезда Арутюнянова» работали и работают в Москве, Казани, Смоленске, Уфе, Петрозаводске, Элисте, Нальчике, Улан-Удэ, а также в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Киргизии, Казахстане, Молдавии, Украине и др. Среди них те первые стажеры и аспиранты сектора, которые потом стали докторами, профессорами, членами-корреспондентами. Ю.В. Арутюнян многое сделал для развития этносоциологии в союзных республиках, в том числе Армении, Молдавии, Киргизии и др.

Юрий Вартанович становится известным ученым как в Союзе, так и за рубежом, расширяются его контакты с отечественными и зарубежными коллегами. Он получает приглашения участвовать в международных проектах. Во Франции о нем была написана диссертация, а в Японии вышла серия статей. На родине он был награжден орденом «Знак Почета» и золотой медалью Питирима Сорокина, являлся членом Российского общества социологов, членом редколлегии журнала «Социологические исследования», членом Ученого совета Института этнографии АН СССР (впоследствии Института этнологии и антропологии РАН).

Всем этим успехам, помимо таланта и творческого энтузиазма Юрия Вартановича, благоприятствовала сложившаяся в то время социально-политическая обстановка.

Нельзя отрицать, что во времена советской власти существовали определенные препоны, ограничения как в работе обществоведов, так и в публикации их работ. Существовал «страшный» Главлит, строго контролировавший лояльность авторов коммунистическим идеям и советскому строю, в самих научных учреждениях работали редакционные коллегии, которые жестко фильтровали представляемые к печати труды и весьма часто их «заворачивали». Но в то же время руководство страны проявляло неподдельный интерес к исследованиям, освещающим происходящие в стране процессы, стремясь «держать руку на пульсе». Научная деятельность Юрия Вартановича Арутюняна и его сотрудников, соответствующая названию сектора, была достаточно востребована. Ю.В. Арутюнян готовил материалы по запросу директивных органов, писал отчеты; часто выступал на конференциях, участвовал в диспутах и т.п.

В те годы у этносоциологов существовали и довольно благоприятные условия для сбора информации, в том числе для проведения массовых этносоциологических опросов, результаты которых ложились в основу будущих работ Юрия Вартановича и его коллег. Финансовое обеспечение научных исследований со стороны государства выглядело более или менее приемлемым и, благодаря поддержке дирекции Института этнографии, сектор Арутюняна имел достаточные возможности для осуществления дальних и длительных экспедиций. Представители местных партийных и советских органов оказывали помощь в их проведении, сотрудникам сектора предоставляли жилье, помогали в привлечении интервьюеров, обеспечивали доступ к архивным данным, материалам ЦСУ, ЗАГСов и других учреждений, организовывали опросы на предприятиях. Наша экспедиционная машина с надписью: «Академия наук СССР» повсюду вызывала интерес и уважение.

Позитивным фактором был и удачный подбор сотрудников сектора, их плодотворная деятельность. У каждого из нас были свои функции. Леокадия Михайловна Дробижева и Михаил Николаевич Губогло выступали в роли советников, организаторов, представителей на важных встречах. Валерий Семенович Кондратьев был специалистом по методике исследований, в том числе выборке. В составе сектора обычно присутствовал человек, от-

вечающий за просчет материалов анкетирования на ЭВМ. Остальные сотрудники занимались как творческой, так и технической работой – проведением опросов и интервью, сбором статистических и документальных материалов, обработкой анкет, подготовкой глав в коллективные монографии и т.п. Костяк сектора составляли В.А. Большаков, И.А. Гришаев, А.Д. Коростелев, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, С.С. Савоскул, И.А. Субботина, А.А. Сусоколов, проработавшие бок о бок с Юрием Вартановичем Арутюняном долгие годы и являвшиеся неизменными авторами большинства секторальных публикаций.

Ю.В. Арутюнян, Р.Н. Мусина, Л.М. Дробижева

Юрий Вартанович был очень разносторонним человеком, обладающим множеством талантов, его блестящий ум никогда не находился в «застое». Он выступал генератором идей, идеологом и вдохновителем, заряжая окружающих своей кипучей энергией, юмором, оптимизмом и целеустремленностью. Исследовательские темы большинства сотрудников, в том числе диссертационные, были предложены именно Ю.В. Арутюняном.

Юрий Вартанович являлся адептом науки, ему был присущ неподдельный интерес к своему делу. При проведении анкетирования он проявлял такую искреннюю эмоциональную заинтересованность в ответах респондентов, что опрос превращался в живую беседу, не оставляя равнодушными и самих респондентов, откровенно рассказывающих подробности своей жизни профессору из Москвы, проявившему к ним такое внимание.

Наш сектор был в то время самым молодежным в Институте этнографии. Юрий Вартанович, хотя и не достиг тогда еще солидного возраста, считался нами непререкаемым авторитетом. При этом вне работы он выглядел вполне демократичным человеком, участвовал в наших посиделках, чаепитиях, нередко выступая в роли тамады. Но в работе оставался достаточно жестким. Давая любому из нас возможность высказать свои мысли и мнения, вступить в дискуссию, последнее слово всегда оставлял за собой.

Наступили 1990-е годы. Перестройка, распад Союза, реформы, которые прошлись по жизни многих бывших советских людей асфальтовым катком, разрушая их мечты и планы, привычный уклад жизни и ценности. Кто-то сумел довольно быстро приспособиться к новым условиям, а у других этот процесс затянулся на долгие годы. Юрий Вартанович Арутюнян принадлежал, к сожалению, ко второй категории.

Резко ухудшились возможности для осуществления научной деятельности, проведения исследований, сбора материалов, особенно массового. Востребованность науки, прежде всего, гуманитарной, значительно снизилась, упало финансирование, число научных работников сократилось в несколько раз. У научных учреждений не хватало средств не только на экспедиции, но и на зарплату сотрудникам. А после перехода к рыночной экономике за любую информацию надо было платить. В Комитете по статистике, откуда мы раньше постоянно черпали сведения, теперь требовали деньги за каждую цифру.

После распада СССР и расцвета, так называемой, этнической мобилизации была поколеблена основная идея, выпестованная Ю.В. Арутюняном, о сближении наций. Будучи интернационалистом, он очень переживал развал Советского Союза и не поддерживал центробежные тенденции национальных движений.

Важной темой, разрабатываемой Юрием Вартановичем, был и вопрос социальной структуры. Основываясь на работах предшественников, в том числе западных ученых, Юрий Вартанович разработал критерии выделения социально-профессиональных групп. Среди этих критериев, наряду с качеством и характером труда, присутствовал образовательный уровень. На высших ступеньках социальной иерархии стояли, согласно его теории, работники высококвалифицированного умственного труда (специалисты и руководители), требующего высшего образования. Но, как мы помним, в 1990-е и даже в начале 2000-х годов значимость образования резко упала и сравнительно высокие должности (хорошо оплачиваемые) и престижные места стали занимать люди, нередко не имеющие даже школьного аттестата. Существенно выросла роль материального фактора, появилась частная сфера деятельности, стал расти новый социальный слой предпринимателей и т.п.

Новая реальность принесла много разочарований. Юрий Вартанович, всегда увлеченный наукой, стал сомневаться в значимости своей профессии, в необходимости массовых опросов, которые раньше были одним из главных источников в его исследованиях, решив, что мнение большинства теперь никому не нужно, все в руках единиц, имеющих власть. Кроме того, и в общественной науке произошло смещение акцентов с объективного изучения массовых процессов в сторону исследования субъективных ощущений акторов. Весьма болезненно на Юрия Вартановича подействовал тот факт, что не были учтены итоги референдума о сохранении союзного государства.

Будучи немного идеалистом, свято верящим в человека и его возможности, в прогрессивное развитие общества, Юрий Вартанович не мог спокойно воспринимать те негативные перемены в жизни общества, которые произошли после распада Союза. «Его душевной болью было состояние Академии наук. Он никак не был готов признать изменение отношений в академическом сообществе, так как и не встраивался со своей индивидуальностью в новые рыночные отношения» [3: 14]. Рыночная система хозяйствования оказалась далекой от ученого-интеллектуала Арутюняна.

Со сменой директора в Институте этнографии изменилось и отношение к этносоциологии вообще и Ю.В. Арутюняну, в частности. Он остро воспринимал снижение востребованности науки, которой занимался, и себя, как ученого [3: 14].

В начале 1990-х годов распался и Отдел этносоциологии. Многие сотрудники его покинули по разным причинам (желание свободы творчества, карьерного роста, улучшения материального положения и т.п.). В итоге осталась только группа, состоящая из Ю.В. Арутюняна и его секретаря, официально входившая в состав ЦИМО (Центр по изучению межэтнических отношений, под руководством М.Н. Губогло). Потом должность секретаря сократили, и долгое время Юрий Вартанович не мог добиться от дирекции ее восстановления. Некоторое время он был вынужден сам нанимать помощника и платить ему зарплату из своего кармана. Без необходимого штата сотрудников невозможно было собирать и обрабатывать материалы, готовить крупные монографии.

Юрий Вартанович был очень ярким, неординарным человеком, и соответственно не лишенным противоречий. Его колоссальная, кипучая творческая энергия, фонтанирование идеями, которые он раздаривал направо и налево, постоянное стремление к совершенству сочетались с рассеянностью и непоследовательностью. Он постоянно корректировал как свои рукописи, так и чужие, в поисках наилучшего варианта, часто менял задания, которые давал сотрудникам, что их дезориентировало. Юрию Вартановичу сложно было встроиться в новые рыночные отношения, требующие быстроты реакции, не прощающие промахов и ошибок.

Кроме того, придерживаясь в целом новаторских взглядов, с интересом воспринимая каждую новую идею, Юрий Вартанович настороженно относился к появившимся техническим новинкам и с трудом их осваивал, в том числе и компьютер. Имея очень неразборчивый почерк, который часто сам не мог понять, он в основном диктовал свои произведения.

При отсутствии сотрудников и неумении обращаться с техникой, Ю.В. Арутюнян оказался практически лишенным возможности фиксировать приходящие ему в голову мысли и идеи.

Юрия Вартановича можно было назвать азартным, не лишенным определенной бравады человеком, джигитом. Он мог выпрыгнуть из окна (на первом этаже), отбить ножом горлышко у бутылки в отсутствии штопора и т.п. В то же время Юрий Вартанович был очень чувствительным, романтичным (писал стихи) и глубоко ранимым человеком, которому трудно было публично отстаивать свои интересы. Из-за развитого чувства собственного достоинства он не умел «устраиваться в жизни». Он никому никогда не навязывался, не пристраивался к доминирующему мнению.

Еще одной яркой чертой Юрия Вартановича был его оптимизм. Он обладал тонким юмором, живым умом и яркой эмоциональностью. В свое время, мы, сидя в своей комнате в Институте, всегда могли определить приход начальства по его громкому, зажигательному смеху, раздающемуся в коридоре. Он с юмором воспринимал жизненные коллизии, но внутри себя глубоко переживал все несправедливости.

В целом позитивное отношение к жизни и сила духа помогли Юрию Вартановичу мобилизоваться и продолжить свою научную деятельность, хотя и не столь кипучую, и в пореформенный период, особенно когда появилась возможность пользоваться финансовой поддержкой РГНФ и РФФИ, а также с помощью появившегося, наконец, постоянного сотрудника – Татьяны Васильевны Левашовой. В 1990-е годы он издал серию книг «Этносоциология в цифрах», в соавторстве с Л.М. Дробижевой и А.А. Сусоколовым принял участие в создании книги «Этносоциология» (М., 1998).

В начале 2000-х годов Ю.В. Арутюнян занялся изучением многонационального населения Москвы («Москвичи глазами этносоциолога» (М, 2006), «Москвичи. Этносоциологическое исследование» (М., 2007) и др.), была выпущена с его участием и под его редакцией коллективная монография «Русские» (М., 2011). А объектом его внимания в последние годы жизни стали российские армяне. При всех сложностях проведения массовых опросов в новое время, Юрию Вартановичу удалось осуществить исследования армян в Москве, Краснодаре и Ростове-на-Дону. Итогом стала коллективная монография «Российские армяне. Этносоциологическое исследование» (Ереван, 2016) под общей редакцией Ю.В. Арутюняна и др.

Особенно хочется подчеркнуть, что на протяжении жизни, несмотря на все перипетии и сомнения, он все же оставался верен своей первоначальной идее о развитии и сближении наций. В конце 1990-х годов, в период этнической мобилизации Ю.В. Арутюнян писал: «Главный интегрирующий индикатор национальных процессов в прошлом отражался в понятии “развития и сближения наций”. Это понятие и тогда, и теперь не теряет своего смысла. Сближение – двуединый процесс. Это – с одной стороны, утверждение общих черт, связанных с модернизацией экономики и социальных отношений, сближение культур цивилизованного общества, соответственно взаимодействиям и взаимопониманиям народов. С другой стороны, “сближение” – отнюдь не синоним пропагандистского лозунга “дружбы народов”. Это понятие довольно многогранное, ибо сходство социального развития наций, при сохранении зримых национальных границ, неминуемо приводит к определенному соперничеству… Если рассматривать в этническом плане, “сближение” предполагает усиление сходства этнических черт народов, что может вызвать сопротивление институтов, стремящихся к этническому самоутверждению и абсолютизации этнического характера культуры» [1: 6–7]. В 2015 г. он продолжил эту мысль: «… несмотря на неизбежные сложности в этнонациональных процессах, очевидно, что на определенном этапе цивилизационного развития, если оно реально, неизбежно преобладание исторически заданных интегративных тенденций. В перспективе это предполагает формирование

новых межэтнических, а точнее, “надэтнических” общностей со сходными и даже единообразными чертами в культуре, образе жизни, в конечном счете, даже в самосознании…» [2: 11].

Нельзя не сказать и о том, что этносоциологические исследования, начатые Юрием Вартановичем, продолжались его учениками и соратниками и в 1990-е, и в последующие годы. Преемником отдела этносоциологии стал Центр по изучению межэтнических отношений (ЦИМО), под руководством Михаила Николаевича Губогло. Успешно работал и работает возглавляемый Леокадией Михайловной Дробижевой (до ее ухода из жизни в 2021 г.) Центр исследования межнациональных отношений Института социологии РАН. Этносоциология активно развивается как в России, так и за ее пределами, о чем, в частности, свидетельствует настоящая книга.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Постсоветские нации. По материалам серии «Этносоциология в цифрах». М.: ИЭА РАН, 1999. 208 с.
2. *Арутюнян Ю.В*. Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван: «Гитутюн» НАН РА, 2016. 304 с.
3. *Дробижева Л.М*. Памяти Юрика Вартановича Арутюняна // Этносоциология вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с.

Л.М. Дробижева и формирование этносоциологии как отраслевой социологической дисциплины

С.В. Рыжова

Л.М. Дробижева

Леокадия Михайловна Дробижева – выдающийся российский социолог и человек науки в прямом смысле слова. Как ученый Леокадия Михайловна творческим и живым образом соединяла в себе социолога, историка, этнолога и общественного деятеля. Обладая широчайшим кругозором и неиссякаемыми научными интересами, вместе с Ю.В. Арутюняном и М.Н. Губогло она много лет развивала отечественную школу этнической социологии. Леокадия Михайловна стояла у самых истоков новой научной дисциплины, в полноте откликаясь на вызовы времени, внесла ценнейший вклад в копилку научных знаний об управлении этнокультурным разнообразием России. Благодаря ее труду, энтузиазму и высоким научным требованиям, этносоциология утвердилась в качестве самостоятельной отрасли социологической науки, подкрепляемой смежными дисциплинами.

Леокадия Михайловна была настоящим миротворцем. Во всех своих выступлениях, публикациях, лекциях и интервью, личных беседах, переговорах разного уровня она транслировала идеи межнационального мира, важность предотвращения конфликтов, необходимость включения механизмов тонкого урегулирования межнациональных противоречий. Ею лично много сделано для институционализации российской национальной политики и сохранения межнационального согласия в стране. Она очень любила Россию, переживала за ее будущее. Ее близкие ученики знали, что свою научную деятельность Леокадия Михайловна воспринимала как служение, выражавшее ее любовь к России.

В 2019 г. Л.М. Дробижевой была вручена премия Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации.

Научные исследования Леокадии Михайловны сохранили историю межнациональных отношений в нашей стране, включая период «оттепели» и распад СССР, периоды государственного кризиса 1990-х годов и последующей политической и социально-экономической стабилизации. Как член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации РФ, в качестве заместителя председателя Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и заслуженный деятель науки РФ Леокадия Михайловна видела свою миссию в том, чтобы на высокопрофессиональном научном уровне исследовать этносоциальные процессы в нашей стране и предоставлять экспертное научное сопровождение управленческих решений в сфере межнациональных отношений.

Леокадия Михайловна оставила большое интеллектуальное наследие, воспитала не одно поколение учеников из разных регионов нашей страны, внесла неоценимый вклад в развитие научных знаний об управлении этнокультурным разнообразием России.

Своим учителем в этносоциологии Леокадия Михайловна считала Юрика Вартановича Арутюняна, повторяя, что именно он научил своих учеников и коллег исследовать этничность в широком социальном контексте и чутко реагировать на вызовы времени, видеть «этническое в социальном» и «социальное в этническом». Всю свою научную жизнь Леокадия Михайловна вела масштабные полевые исследования, занималась просветительской деятельностью, читала лекции, выступала в СМИ, преподавала, подчёркивала необходимость повышения этнокультурных компетенций всех звеньев управленческого аппарата и тех, кто формирует общественное мнение по вопросам межнациональных отношений (журналистов, преподавателей, учителей). Основной фокус научного метода Л.М. Дробижевой заключался в анализе межнациональных отношений наряду со всесторонним исследованием роли государства, интеллигенции/интеллектуалов, элит, властного и общественного дискурса в процессах нациестроительства и этнической мобилизации [5]. Леокадия Михайловна была человеком с сильной гражданской позицией и в каждый научный проект вкладывала часть своего сердца. Благодаря ее научному подвигу, трудолюбию и организаторским способностям, этносоциология прочно вошла в корпус классических социологических дисциплин – в стране созданы университетские кафедры, в академических институтах функционируют подразделения этнической социологии, в рамках курса общей социологии читаются курсы по этнической социологии.

Леокадия Михайловна родилась 13 января 1933 г. в Москве и всегда говорила, что «13» – ее счастливое число. В личных беседах она часто вспоминала маму, работавшую детским врачом и научившую ее личным примером быть опорой для окружающих. Отец был инженером-метростроевцем, в Великую Отечественную войну он ушел добровольцем на фронт и не вернулся. Ее юность пришлась на 1950-е годы, начало «оттепели», когда новые веяния и новые смыслы врывались в жизнь людей. Леокадия Михайловна принадлежала к поколению советской молодежи, охваченному потребностью в обновлении исторических взглядов на ключевые события советской и российской истории. Ее ближайший круг друзей сложился во времена учебы на историческом факультете МГУ, ее супруг Владимир Дробижев, с которым она познакомилась в годы студенчества, стал известным российским историком.

Леокадия Михайловна говорила о том, что исторические диспуты с аспирантами на кухне ее квартиры, деловые и дружеские контакты с историками из советских республик, личное знакомство с зарубежными учеными, изучавшими историю СССР, наглядно-демонстрировали важность исторических знаний и могучую силу исторических аргументов в процессах осмысления текущих политических процессов [1]. Работа в архивах во время учебы в аспирантуре Института истории СССР открыла Леокадии Михайловне огромное разнообразие социального творчества в послереволюционной России, масштабы стихийных преобразований, инициированных, как бы мы сейчас сказали, гражданской активностью людей. Позднее она отмечала, что «изучение разнообразия социальных преобразований стало для меня превосходной школой освоения исторического материала…» [2]. Она всегда видела живых людей в любых социальных конструкциях, верила в гражданскую ответственность людей, надеялась, что мирная гражданская стихия даст стране импульс к позитивным преобразованиям. Леокадия Михайловна рассказывала, что одноклассники, однокурсники, друзья много обсуждали вопросы нравственности, которые имели особую значимость для людей ее поколения, для самой Леокадии Михайловны нравственные принципы легли в основу ее научной, просветительской, общественной деятельности.

Как научная дисциплина этносоциология возникла в конце 1960-х годов вместе с возрождением социологии в СССР (после XX съезда КПСС) и сразу же приобрела междисциплинарный характер. Когда в 1967 г. директор Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлей создал Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР (позднее преобразованный в Отдел этносоциологии), он пригласил на работу состоявшихся социологов, специалистов в области социальной структуры Ю.В. Арутюняна, О.И. Шкаратана, а также начинающего специалиста Л.М. Дробижеву. Он поддержал масштабные репрезентативные (на уровне союзных и автономных республик) социологические исследования процессов социальной интеграции и дифференциации народов Советского Союза, этнического многообразия социальных явлений. Средства выделялись из экспедиционного фонда Института. Исследования (под руководством Ю.В. Арутюняна) велись в Татарстане, Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Молдавии, Эстонии, РСФСР. Леокадия Михайловна в этих исследованиях вела тему этнического самосознания и межнациональных отношений. Согласно ее представлениям, межнациональные отношения разворачиваются в общественном пространстве на нескольких уровнях – личностном, групповом, институциональном. В 1982 г. она защитила докторскую диссертацию «Межнациональные отношения в СССР», подготовленную на основе исследований, проведенных в Грузии, Узбекистане, Эстонии, Молдавии и РСФСР. Леокадия Михайловна принимала непосредственное участие в экспедициях в республики, вела опросы, знакомилась с людьми различных национальностей.

Татарстан стал особенным регионом для Леокадии Михайловны. Первое этносоциологическое исследование под руководством Ю.В. Арутюняна было проведено в Татарстане в 1967 г. В личных беседах Леокадия Михайловна говорила, что в этом первом полевом исследовании она увидела разнообразие межэтнических (межнациональных) отношений, проявляющихся как в личных, повседневных контактах людей, так и между большими этническими общностями, а также на уровне взаимоотношений Центр – регионы. В этом исследовании ею был применен комплексный подход к изучению межнациональных отношений с анализом разнообразных данных – не только результатов массового опроса, но и материалов СМИ, радио- и телепередач, читательских писем в редакции газет и журналов. Первая книга (коллективная монография) по этнической социологии «Социальное и национальное» (М.: Наука, 1973) была написана по материалам этносоциологических исследований в Татарской АССР и впоследствии была переведена на английский язык; Леокадия Михайловна была в числе ее авторов и редакторов. Коллеги из Татарстана отмечают неоценимый вклад Леокадии Михайловны в подготовку кадров ученых-этносоциологов из Татарстана, ее постоянную включенность в социально-политические, этнические, общественные процессы в республике. Сегодня не только ученики Леокадии Михайловны, но и ученики ее учеников относят себя к последователям сформированного Л.М. Дробижевой направления этносоциологической школы [7, 6]. В силу сложившегося в республике «этнического паритета» Татарстан стал для этносоциологов модельной площадкой, позволяющей всесторонне исследовать межнациональные отношения и основные макроидентичности (государственно-гражданскую, этническую, религиозную, региональную), влияние этнического фактора на социально-профессиональную структуру населения, его роль в процессах культурной динамики, формирования ценностей и социальной консолидации.

Вспоминая период 1970-х годов, Леокадия Михайловна отмечала, что социологические исследования межнациональных отношений в СССР с применением метода включенного наблюдения были совершенно новым явлением. И с юмором добавляла, что понятие межнациональных (межэтнических) установок непросто прокладывало себе дорогу в советской науке, поскольку понятие «установка» в научных обществоведческих кругах

воспринималось в первую очередь как «программные установки коммунистической партии». Интерес к повседневным межличностным и межгрупповым взаимодействиям, разворачивающимся в этнически окрашенном социальном пространстве, позволил Леокадии Михайловне выявить многоплановый и динамичный характер межнациональных отношений, складывающийся в республиках Советского Союза, наполнить живым материалом сухие схемы идеологических клише о «дружбе народов», раскрыть позитивный характер этих отношений и выявить зоны межэтнических напряжений.

В 1986 г. Л.М. Дробижева становится заведующим сектором Отдела этнической социологии Института этнологии и антропологии РАН. Этносоциологические исследования с конца 1960-х – до середины 1980-х годов были ориентированы преимущественно на социальную практику, развивались в методологических рамках марксистской теории, в первую очередь – как метод полевых этнографических исследований, нацеленный на изучение этносоциальных процессов советского общества. Поэтому со временем в исследованиях наметился избыток эмпирических знаний при дефиците теории. Леокадия Михайловна как никто понимала ограниченность теоретической базы этносоциологии, которой становились тесными методологические рамки этнологии и концептуальные подходы отраслевых социологий (социологии города, социологии села, социологии личности), лежащие в основе большинства этносоциологических исследований. В 2001 г. в интервью главному редактору «Социологического журнала» Г.В. Батыгину [2], Леокадия Михайловна отмечала, что масштабные и серьезные исследования этносоциологов Института этнографии РАН не выходили на большую социологическую аудиторию, поскольку их работы «были посвящены социальным проблемам “*народов*”», и «получилось, что мы внесли социологию в этнологию. А этносоциологию в социологию в полной мере тогда внести не удалось».

Поэтому в середине 1980-х годов Л.М. Дробижевой был озвучен призыв к расширению сотрудничества этносоциологов с социологами-методологами, философами, психологами и политологами. В социологии ее главным учителем стал В.А. Ядов. Леокадия Михайловна читала его книги, слушала лекции в Академии общественных наук. Она посещала лекции Ю. Левады и Б. Грушина. В 1990-е годы Леокадией Михайловной налаживается прямое сотрудничество с Институтом социологии РАН, активно осваивается методология, теории и инструментарий большой социологии.

Леокадия Михайловна обладала прекрасными организационными способностями, незыблемым научным авторитетом и умением вдохновлять людей на общее дело. Благодаря своей честности и научной интуиции, обостренному чувству долга и нравственным принципам, Леокадия Михайловна сумела стать безусловным научным лидером для коллег, смогла организовать ученых из Москвы и регионов России для масштабных исследований этических процессов в условиях государственного кризиса, политических и социально-экономических трансформаций 1990-х годов и последующей стабилизации первых двух десятилетий 2000-х годов. Она инициировала и руководила научными проектами, собиравшими в ее команду ученых различных специализаций из разных регионов нашей страны.

В конце 1980-х годов, с подъемом национальных движений в советских республиках на волне «перестройки» со стороны общества и власти резко вырос запрос на экспертные этносоциологические знания. Леокадия Михайловна принимала самое активное участие в научных консультациях и интеллектуальных дебатах вокруг проблем межнациональных отношений и межэтнических конфликтов, читала лекции, готовила аналитические материалы для руководящих структур. В 1990-х годах, в период кризиса государственности в России и «парада суверенитетов», под руководством Леокадии Михайловны были прове-

дены первые в истории российской науки исследования национализма, выполнены проекты, посвященные трансформации этнической идентичности, административных и культурных границ в российских регионах (республиках и областях), впервые поставлена и изучена тема неравенства этнических групп. Эти проекты, часть из которых осуществлялась в тесном сотрудничестве с зарубежными коллегами, заложили основу для системного изучения на постсоветском пространстве политических и культурных аспектов национального самосознания, мобилизующих свойств этнической и национально-гражданской идентичности, этнических конфликтов, роли элит в этнической мобилизации, гражданского и этнического национализмов.

Благодаря активной работе над этими сложными проектами Л.М. Дробижевой и возглавляемого ею научного коллектива, этносоциологическая теория постепенно пополнялась концепциями этнополитической конфликтологии, теориями национализма и социальной идентичности, психологии межгрупповых отношений, концепциями социально-культурной антропологии и кросс-культурной психологии, теоретическими подходами к изучению ценностей и элит.

В период 1990-х годов, в рамках осуществляемых под руководством Леокадии Михайловны масштабных коллективных проектов, в сектор социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН в качестве консультантов по организации социологических исследований приглашались ведущие методологи Института социологии РАН, которые проводили обучающие тренинги с участниками проектов, консультировали коллектив по вопросам выборки и инструментария. Научные контакты с социологами обнаружили потребность со стороны этносоциологии как научной дисциплины, которая формировалась в зоне пограничных исследований (между этнологией и социологией) в твердой методологической базе классической социологии.

В 2000 г. Леокадия Михайловна в качестве избранного директора переходит на работу в Институт социологии РАН. В этой работе в полноте проявились ее качества организатора в науке и «общественно-ориентированной» личности. Как директор института, Леокадия Михайловна стремилась к тому, чтобы актуальная научная социологическая аналитика стала доступна обществу, широкому кругу заинтересованных лиц, руководству страны. Под редакцией В.А. Ядова в Институте начинается публикация ежегодника «Россия: трансформирующееся общество», в котором излагались основные результаты ведущихся исследований. Всегда готовая к самообразованию, обновлению и расширению знаний, она приглашала в Институт выступить с лекциями ведущих отечественных и зарубежных социологов, поощряла деятельность Образовательного центра ИС РАН, благодаря которому специалисты из регионов получали дополнительную профессиональную подготовку.

В 2005 г. в Институте социологии РАН под руководством Л.М. Дробижевой был образован Центр исследования межнациональных отношений с отделом этнической социологии в его составе. Начался новый этап развития этнической социологии, которая постепенно утверждается в статусе отраслевой социологической дисциплины, предмет изучения которой определяется Л.М. Дробижевой как «социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве» [3, 4]. В этот период Леокадия Михайловна инициирует проекты по изучению национально-гражданской консолидации, этнической толерантности и межэтнического согласия, основ формирования полиэтнической российской нации, гражданской, этнической, региональной идентичностей. Как эксперт она активно сотрудничает с Администрацией Президента РФ, администрациями глав республик, в которых ведутся исследования Центра, консульти-

рует специалистов Федерального агентства по делам национальностей РФ, работает в подготовке нормативно-правовых актов, регулирующих сферу национальной политики. Всю свою научную жизнь она активно сотрудничает с государственными структурами, связанными с управлением этнокультурным разнообразием, готовит доклады, аналитические материалы и рекомендации. Леокадия Михайловна принимала непосредственное участие в подготовке текста Стратегии государственной национальной политики (2012 и 2018 г.).

Леокадия Михайловна вложила жизнь в формирование и развитие этносоциологии как новой научной дисциплины. Ее энергии, добросовестности и научному энтузиазму не было предела. У Леокадии Михайловны всегда находилось время для всех, кому были нужны ее знания, богатейший опыт работы в сфере этносоциологии, ее чуткая интуиция и экспертный уровень понимания этнических проблем и вызовов современной России. Она внесла выдающийся вклад в становление методологических основ этнической социологии и формирование научного метода московской этносоциологической школы.

В последнее десятилетие научные интересы Леокадии Михайловны сосредоточились вокруг проблем формирования общероссийской гражданской идентичности, исследования условий становления в России полиэтнической российской нации и роли этничности в повседневной практике людей: инициированные ею проекты неизменно были нацелены на получение знаний, востребованных как обществом, так и управленческими структурами разного уровня. Леокадия Михайловна всей душой любила Россию и всей душой болела за ее благополучие, с полной самоотдачей работала для страны, для сохранения межнационального согласия. Обладая высокими научными требованиями, она была очень чуткой к повседневным нуждам людей, веселой и доброй, с прекрасным чувством юмора, отзывчивой и понимающей, светлым человеком с подлинными идеалами служения науке и Отечеству.

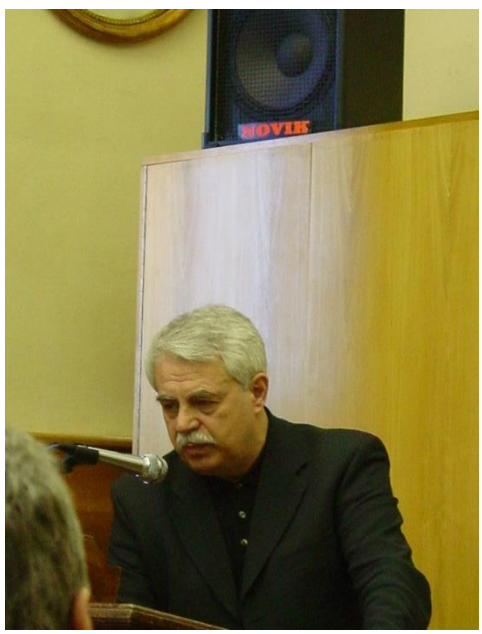
Литература

1. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2011. URL:http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=74&id=183 (дата обращения: 15.05.2021).
2. *Дробижева Л.М.* «Я всегда находилась в процессе самообучения» // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 115–127.
3. *Дробижева Л.М.* Этносоциология: о пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29.
4. *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 89–101.
5. *Рыжова С.В., Арутюнова Е.М.* Леокадия Михайловна Дробижева. Жизнь в Науке // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 173–182.
6. *Сагитова Л.В.* Леокадия Дробижева. Черты профессиональной биографии: взгляд из Татарстана // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 160–166.
7. Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / ред. Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 316 с.

Михаил Николаевич Губогло – выдающийся российский этносоциолог, основатель гагаузской этнологии

Е.Н. Квилинкова

Памяти М.Н. Губогло
(1938–2019)



М.Н. Губогло

Михаил Николаевич Губогло – выдающийся ученый, оставивший глубокий след во многих областях науки: этнологии, этносоциологии, этнополитике, социолингвистике и тюркологии. Но, прежде всего, Михаил Николаевич, конечно, этнограф и не только по базовому образованию, но и по зову души. Его всегда интересовали процессы межэтнического смешения и вопросы этногенеза.

Остановимся на основных вехах его жизни.

Родился Михаил Николаевич в селе около г. Чадыр-Лунга 25 октября 1938 г. В 1958 г. он поступил на исторический факультет Кишиневского государственного университета (ныне – Молдавский государственный университет). Там талантливого юношу заметили и дали рекомендацию для перевода в Московский государственный университет. По окончании вуза он продолжил учебу в аспирантуре.

Михаил Николаевич начинал свою научную деятельность с гагаузской проблематики. В 1967 г. он защитил в Академии наук СССР кандидатскую диссертацию «Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов» [3]. Находясь в российском научном пространстве, М.Н. Губогло уделял большое внимание наиболее актуальным в то время вопросам нациестроительства, проблемам национальных меньшинств. Этому была посвящена тема его докторской диссертации – «Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР» [4].

Основная часть работ М.Н. Губогло связана с этносоциологией – областью науки, которой он занимался на протяжении более чем 50 лет. Он является одним из ярких представителей когорты по-настоящему известных и знаменитых этносоциологов, таких как Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева. Михаил Николаевич стоял у истоков российской этносоциологии, активно занимаясь разработкой этого нового научного направления. Под его руководством в 1990-х – начале 2000-х годов на протяжении более 10 лет проводились многочисленные этносоциологические исследования в разных регионах России и странах ближнего зарубежья, на основе которых были подготовлены и изданы многочисленные научные труды.

В своих работах М.Н. Губогло исследовал связи между социальными трансформациями и этничностью в контексте теории идентичностей. «В рамках этносоциологических проектов были решены теоретические и методические вопросы о языковой ситуации и

двуязычии, методах измерения знания языков (*language competence*), речевом поведении (*speech behavior*) и об отношении к языкам (*language attitude*) при двуязычии и многоязычии» [30]. Им впервые была разработана программа этносоциологического изучения языковой ситуации и предложен необходимый для этого инструментарий. Для исследования современных этносоциальных и этнокультурных процессов М.Н. Губогло была обоснована необходимость выделения внутриязыковых, межъязыковых и внеязыковых явлений. Благодаря его трудам, в том числе широко известной монографии «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» [8] понятие «идентичность» прочно утвердилось в предметной области и понятийно-терминологическом аппарате этнологического знания.

В 1985 г. Михаилу Николаевичу Губогло было присвоено звание профессора. В 1988–2005 гг. он работал заместителем директора Института этнологии и антропологии РАН, руководителем Центра по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН. Был президентом Ассоциации этнографов и антропологов России (1997–1999).

Глубокое погружение М.Н. Губогло в область этнополитики – в изучение вопросов этнической мобилизации и выявление причин роста этнического самосознания, в разработку методики фиксирования уровня межэтнической напряженности – позволило ему разработать проблематику, программу и предметную область этнополитических исследований. Благодаря проведенным под его руководством многочисленным этносоциологическим опросам, результаты которых затем были представлены в многотомных изданиях, была создана мощная источниковая база для дальнейших исследований российских ученых. Важным достижением является разработанная им методика подготовки материалов для концептуальной части проектов законов по национальной проблематике, которая позволяла учитывать результаты научных исследований в данной сфере и способствовала «осмыслению и гармонизации социокультурного облика российской нации» [32]. Тем самым его деятельность опосредованно влияла на процессы в области межэтнических отношений, способствуя снятию межэтнической напряженности. Осмысление того огромного вклада, который М.Н. Губогло внес в теорию этнополитики, еще только начинается [34].

Михаил Николаевич особо выделял три направления (вызывавших у него «чувство вдохновения и удовлетворения» [30]) – этносоциологическое, этнополитическое и тюркологическое. Среди них тюркологическое направление он поставил на первое место. Это говорит о том, что с начала 2000-х годов изучение своих этнических корней было для него в приоритете.

Начиная с 2004 г., гагаузская тематика занимала в его исследованиях одно из ведущих мест. Словно стараясь наверстать упущенное им время (для своего народа), М.Н. Губогло практически целиком погрузился в изучение истории и культуры гагаузов, для более глубокого и всестороннего изучения которых он разработал новые методы, подходы и концепции. Ежегодно одна за другой выходили в свет его новые книги, что является показателем творческого вдохновения Михаила Николаевича, которое он черпал как в истории и культуре своего народа, так и в истории собственной жизни.

При изучении вопроса о социально-культурном развитии гагаузского этноса М.Н. Губогло делал особый акцент на выявлении роли русского языка в процессах национально-русского двуязычия. Дело в том, что единая система культурных ценностей и норм связывает гагаузов с восточно-европейскими христианскими народами [27: 53–69; 28: 89–98]. Кроме того, культурное развитие гагаузов (испытавших, как и другие народы бывшего Советского Союза, огромное влияние русской культуры) во многом связано с русским языком. Данной проблеме и объяснению причин ориентации гагаузов на русский язык и Россию были посвящены следующие труды Михаила Николаевича: «Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века)» [5], «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» [6].

Особым объектом интереса у М.Н. Губогло являлось изучение и анализ этномобилизационных процессов у гагаузов, состояния языковой ситуации в Республике Молдова, ресурсов нациестроительства. Этой проблеме посвящена его монография «Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии» [18].

В ряде монографий М.Н. Губогло осмысливается история и повседневность гагаузского народа [16]. В них, с одной стороны, отражается быт гагаузов, а с другой – представлена точка зрения на страницы их истории и культуры не стороннего наблюдателя, а конкретного антрополога и этносоциолога, который осмысливал все изнутри, на основе собственных переживаний, собственной судьбы и жизненного опыта.

В известном смысле М.Н. Губогло сам является частью гагаузской истории. Будучи еще ребенком, он прошел через трагедию, связанную с ужасом политических репрессий и массовых депортаций в Сибирь. Поэтому он через свою судьбу, через историю и жизнь своей семьи показал судьбы некоторых людей, являвшихся наиболее активной и деятельной частью гагаузского и других народов. В трилогии «Антропология повседневности» (2013) он, запечатлел свои воспоминания, вписал печальные исторические события, связанные с трудностями и переживаниями простых людей, не только в общую канву гагаузской истории, но и в историю нашей большой Родины. Благодаря тому, что М.Н. Губогло использовал этот новый жанр этнологического исследования («исповедальная автоэтнография»), в котором откровенно и искреннее изложил собственную авторскую позицию, он открыл нам самого себя.

В этом смысле некоторые из его работ представляют собой не только автобиографический текст, но и документально-историческое исследование, основу которого составляет свидетельство очевидца – самого автора книги. Но в них представлены его воспоминания как об определенных этапах жизни части гагаузского этноса, так и те, которые раскрывают состояние традиционной обрядности гагаузов, а также происходящие в народной культуре трансформационные процессы: «Сполохи прошлого. Автобиографические затеси», «Сполохи прошлого – блики будущего. Автобиографические затеси» [9; 16]. Являясь одновременно и этнологом, и носителем описываемой традиции, он особым образом, со свойственной ему оригинальностью и восприятием рассматривает и анализирует эти народные традиции. Они для него не только часть традиционной обрядности гагаузов, но и часть его прошлой жизни, часть его воспоминаний. Надо сказать, что для гагаузоведения обращение к автобиографии как к источнику и жанру этнологического исследования является совершенно новым направлением, и здесь он тоже оказался первым.

Ряд работ М.Н. Губогло посвящен анализу современной гагаузской литературы, а также танцевально-игровой культуры через призму этнической идентичности. Он, со свойственной ему скрупулезностью, проанализировал поэзию видных гагаузских поэтов на предмет отражения в ней особенностей восприятия малой Родины – Буджака с целью выявления элементов, фиксирующих гагаузскую этническую идентичность. Отметим, что основанное им направление в гагаузоведении, связанное с изучением современной гагаузской литературы через призму этнической идентичности, впоследствии получило развитие в публикациях других гагаузских этнологов и фольклористов. Тем самым Михаил Николаевич дал мощный толчок новым направлениям исследований в гагаузоведении [22: 301–314].

К изучению проблемы происхождения гагаузов (с которой М.Н. Губогло начинал свою научную деятельность) он возвратился, спустя более чем сорок лет, в монографии «Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов» [11]. В ней он дал собственную обновленную гипотезу происхождения гагаузов с учетом новых имеющихся данных. В своих работах Михаил Николаевич предпринял попытку объяснить этногенез гагаузов теорией этнически смешанного происхождения. В результате проведенных исследований он пришел к выводу о «“синтетическом” этническом происхождении

гагаузов, “бульоном” для которого послужили миграции средневековых печенегов, узов (тюрков) и куман (половцев) из южнорусских степей на Балканы, а “приправой” – проникновение элементов сельджукской, болгарской, румынской и русской культур» [30: 283]. Сформулированную им теорию происхождения гагаузов и приведенные в связи с нею аргументы еще предстоит проанализировать и осмыслить гагаузским исследователям. Для Михаила Николаевича как маститого ученого характерны широта полета мысли и глубина понимания происходивших процессов.

Ценность научных работ М.Н. Губогло не только в том, что в них рассматриваются сложные вопросы этногенеза гагаузов, выявляются корни и дух гагаузского народа, объективно способствующие усилению его этнической идентичности, но и в том, что они являются культурно-исторической основой становления и развития гагаузской государственности.

В связи с этим добавим, что немногим людям судьба дарит возможность оставить после себя глубокий след, и лишь единицам она позволяет вписать свое имя в историю своего народа. Михаил Николаевич уже при жизни стал легендой гагаузоведения, в котором он оставил глубокий след. Он – первый из этнологов на советском пространстве, который непосредственно занялся проблемой происхождения гагаузов. Ему удалось приоткрыть некоторые страницы этнической истории гагаузского народа, раскрыть факторы и механизм этнической мобилизации, рассмотреть роль культуры и языка в данном процессе.

Для М.Н. Губогло разработка гагаузской тематики – это дань своей Родине, возможность оправдать доверие своих соотечественников, желание принести пользу землякам и своему народу. Благодаря таланту, трудолюбию, профессионализму, беззаветному служению науке и любви к своему народу Михаил Николаевич вписал свое имя в историю своего народа. Его работы в области гагаузоведения являются той отправной точкой, с которой каждый исследователь начинает изучать этот малочисленный и загадочный народ. М.Н. Губогло не только попытался ответить на сложные вопросы этнической истории гагаузов, но и рассмотрел этнополитические векторы развития гагаузского народа, а также поставил многочисленные задачи для будущих исследователей.

Несмотря на то, что жил М.Н. Губогло далеко от своей Родины, но до него всегда можно было «достучаться». Он являлся своего рода неофициальным представителем гагаузов и Гагаузии в Москве и, в случае необходимости, всегда приходил на помощь. Михаил Николаевич включался во все важные для автономии и Молдовы вопросы, держал руку на пульсе всех происходивших там процессов, старался через науку укреплять гагаузско-молдавские отношения и молдавскую идентичность. Он принимал непосредственное участие в подготовке новых научных кадров для гагаузоведения, помогая молодым исследователям защититься в Москве, рецензируя их работы, влияя на выбор тематик их исследований и их научные подходы.

Благодаря предпринятым М.Н. Губогло усилиям, в Москве при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН были защищены пять диссертаций по гагаузской проблематике на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Данное его участие и поддержка – это неоценимый вклад в развитие молдавского гагаузоведения, т.к. в тот период в Молдове не было еще специализированного совета для защиты диссертаций по этнологии.

Нельзя не сказать и о том, что нас еще больше объединяло: Михаил Николаевич – мой земляк, он, как и я, окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, занимался изучением истории, культуры и самосознания гагаузов. Так получилась, что с нашим соотечественником и ученым жизнь свела меня не в Москве, а значительно позже, когда я уже работала в Академии наук Молдовы – перед самой защитой моей кандидатской диссертации. Я благодарна ему за данные отзывы на

мои диссертации и предисловия для моих монографий [12: 9–14; 13: 6–15], за содействие в защите кандидатской диссертации в Москве, за знакомство с известными российскими коллегами и возможность общаться с ними на конференциях и мн. др.

Я благодарна судьбе, что мне довелось поработать с М.Н. Губогло по ряду научных проектов и помогать ему в организационных вопросах (в работе с авторскими коллективами по томам «Молдаване», «Гагаузы» и др.). Деятельность в проектах под его руководящим началом являлась для меня бесценным опытом. Он своим примером учил тому, как нужно не только на словах, но и на деле проявлять любовь к Родине, к истории и традициям своего народа, к своим учителям и предшественникам. Во все, что Михаил Николаевич делал, он вкладывал свою душу.

М.Н. Губогло был лишен чувства зависти; он всегда поддерживал молодых ученых и новые исследовательские тематики. Наверное, нет ни одного гагаузского исследователя, который бы не обратился к нему за научным советом или рецензией, и он, несмотря на свою занятость, никому не отказывал. В написанных им отзывах и рецензиях проявляется особый, присущий ему талант: красота и лаконичность изложения научной мысли, аргументация и профессионализм. Его стиль написания не спутать ни с каким другим. Например, обращая внимание на важность привлечения различных источников для углубленного изучения истории и культуры гагаузов, М.Н. Губогло писал: «Представленные в книге Е.Н. Квилинковой («Гагаузский песенный фольклор – “Грамматика жизни”» – *Е.К.*) материалы, со всей совокупностью содержащихся в них эксплицитных и имплицитных смыслов, представляют собой исходную источниковедческую реальность не только для филологии и для ее составной части – фольклористики, но и для этнологии. Предметные области каждой из названных дисциплин, встретившись на перекрестке комплексных исследований по поводу осмысления песенного материала, разумеется, не “закрывают” вопрос, а открывают новые горизонты» [13: 9].

М.Н. Губогло ценил молодых исследователей, мотивированных на научный рост, увлеченных полем и поиском истины, которую они старались достичь ради научной истины, ради торжества справедливости. Иногда, оценивая значимость для гагаузоведения рецензируемой работы, он видел в ней гораздо больше, нежели сам исследователь, который ее выполнил. Михаил Николаевич обращал внимание на необходимость «смещения акцента с союза этносоциологии с этнополитологией к взаимодействию этносоциологии с традиционной этнографией, в которой знание языка изучаемого народа играет не менее важную роль, чем “внеязыковые” анкетные опросы и интервью с помощью единого языка межнационального общения» [30].

В связи с этим, М.Н. Губогло особо подчеркивал ценность этнографического полевого материала и вклад исследователя в этой области в общую научную копилку [12: 9–14; 13: 6–15]. Надо сказать, что данная проблема стала в молдавском гагаузоведении одной из первоочередных. К сожалению, уже более 20 лет ни этнологи, ни фольклористы, ни лингвисты не занимаются сбором этнографического и фольклорного материала, т.к. полевые исследования – это очень кропотливая и трудоемкая работа, требующая профессиональных и физических усилий, а также временных и материальных ресурсов. В своих исследованиях они используют историографический материал В.А. Мошкова 100-летней давности.

Как и все именитые ученые, Михаил Николаевич всегда с упорством отстаивал свои научные теории и взгляды, хотя иногда новые данные и полевой материал говорили об обратном. В таких случаях оппоненту доставалось, что и мне пришлось не раз почувствовать на себе. Наши отношения были теплыми, но бывали и очень напряженными из-за разных научных подходов к вопросу о степени религиозности гагаузов и о содержании культа волка у гагаузов [25; 26]. Иногда эмоции могли так захлестнуть Михаила Николаевича, что уводили довольно далеко от научно сдержанной позиции. Но и с этим он, в

конечном итоге, справлялся, т.к. был отходчивым. Через некоторое время научные контакты и сотрудничество возобновлялись.

Если не сказать о том, что Михаил Николаевич был неутомимым романтиком – это значит не сказать об одной из важных составляющих его характера. По его мнению, наука призвана решать не только научные проблемы, но и налаживать международное сотрудничество между учеными, быть площадкой для общения с коллегами, друзьями и студентами. Надо сказать, что он был щедрым на чувства и не скупился на похвалу, благодарил за оказанную ему организационную помощь в проведении симпозиумов и подготовке сборников и книг, посвящал самым близким стихи и писал им душевные поздравления.

В трудах М.Н. Губогло отражаются его профессионализм, новые научные подходы и приемы, широта интереса и глубина исследований, оригинальность мышления и изложения. Однако, на наш взгляд, не менее, а может быть, более важным является то, что Михаил Николаевич, как масштабная и творческая личность, «горел» глобальными идеями и коллективными проектами. Благодаря энергии, умению зажечь своим энтузиазмом всех вокруг, организаторским способностям, огромному личному труду и ответственности, он всегда доводил их до конца.

Организация коллективной работы – это трудная задача, за которую берутся настоящие подвижники. Под руководством М.Н. Губогло был осуществлен целый ряд масштабных проектов, среди которых 10-томная серия сборников «Курсом развивающейся Молдовы», изданных по материалам российско-молдавских симпозиумов (2006–2010 гг.). В ходе их проведения и подготовки материалов к печати Михаилу Николаевичу удавалось своей энергией сплотить вокруг себя российских и молдавских ученых, благодаря чему были подняты и исследованы важные пласты, отражающие вопросы этнокультурных взаимодействий между народами Молдовы. В результате этих российско-молдавских симпозиумов заметно активизировались исследования в области гагаузоведения. Более того, благодаря трудам М.Н. Губогло и ежегодным научным форумам, проводившимся по его инициативе в Комратском университете (2006–2010 гг.), состоялся переход молдавского гагаузоведения от описательной этнографии к аналитической этнологии, а Гагаузская автономия стала, по сути, центром этнокультурных и этнополитических исследований в Молдове.

Кроме того, по идее М.Н. Губогло и под его руководством был успешно реализован и ряд других масштабных международных проектов. В престижной серии «Народы и культуры» опубликованы коллективные монографии: «Молдаване» (2010) [33], «Гагаузы» (2011) [2]. Благодаря его идее и руководству, издан двухтомник «Гагаузы в мире» (2012) и «Мир гагаузов» (2012) [1], который стал в Гагаузии не только долгожданной настольной книгой студентов, лицеистов и школьников, но и своего рода «энциклопедией гагаузского народа».

Все, что сделано М.Н. Губогло и как ученым, и как организатором коллективных работ, было под силу только ему одному – научному тяжеловесу и глубоко патриотичному человеку, любящему свою Родину – Гагаузию и Молдову. Отметим, что «за цикл работ по культурной антропологии и этнополитической истории гагаузов» Михаилу Николаевичу в 2014 г. была присуждена премия им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Кроме того, он – лауреат ряда других престижных премий.

Но все же самая большая награда – быть Сыном своего народа. Михаила Николаевича ценили, любили и всегда ждали на Родине. Его заслуги по достоинству оценены научным сообществом Молдовы; он был удостоен звания почетного академика Академии наук Молдовы (2003). Особое признание его заслуг со стороны гагаузов проявляется в том, что он стал почетным гражданином Гагаузии (2003) и города – Чадыр-Лунги (2011). Он также награжден дипломом первой степени правительства Республики Молдова «За создание

позитивного имиджа Республики Молдова» (2006), высшей наградой автономии – «Орденом Гагаузии» (2014), золотой медалью Ассамблеи народов России (2006), «Орденом Почета» Республики Молдова (2019).

М.Н. Губогло по праву является не только одним из основателей и признанных классиков российской этносоциологии, но и гагаузской этнологии. Им издано 500 научных работ, из которых около двух десятков монографий.

Имя Михаила Николаевича Губогло, который прожил большую, яркую, интересную, насыщенную и плодотворную жизнь, вписано не только в анналы российской этносоциологии и мировой науки, но и в историю гагаузского народа. Долг тех, кто шел с ним рядом или был свидетелем пройденного им пути, не только помнить о заслугах этого человека и ученого, но и постараться быть продолжателем его славных научных дел по исследованию гагаузского народа. Мы всегда будем с благодарностью вспоминать нашего выдающегося ученого – Михаила Николаевича Губогло. Память о нем согревает сердца всех, кто был знаком с этим светлым и неординарным человеком, профессионалом с большой буквы.

Михаил Николаевич, не жалея, раздаривал себя всем тем, с кем общался. Вокруг него всегда была творческая научная среда, которая способствовала повышению профессиональной квалификации. Его отличало заинтересованное и увлеченное служение науке. Мне, как и многим другим коллегам, повезло, что жизнь свела меня с этим ученым, что часть своего бесценного опыта и знаний он передал мне, и в этом смысле я могу считать себя его ученицей. Поэтому я своим долгом считала рассказать об этом человеке, чтобы была жива память о нем и о его делах.

Литература

1. Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. I: Гагаузы в мире / сост., отв. ред. М.Н. Губогло. Комрат-Кишинев, 2012. 756 с.; Т. II: Мир гагаузов / под ред. В.И. Балова, Е.Н. Квилинкова, Д.Е. Никогло и др. Комрат-Кишинев, 2012. 1012 с.
2. Гагаузы / отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. М.: Наука, 2011. 615 с. (Сер.: Народы и культуры).
3. *Губогло М.Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.
4. *Губогло М.Н.* Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР: дис. … д-ра ист. наук. М., 1984. 448 с.
5. *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М.: Старый сад, 2004. 432 с.
6. *Губогло М.Н.* Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.: Наука, 2006. 498 с.
7. *Губогло М.Н.* Адаптации: от инфантилизма к мобилизму // Курсом развивающейся Молдовы. Т.2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптации культуры и культура адаптации». г. Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007. С. 11–23.
8. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
9. *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев: Tip. Centrală, 2008. 560 с.
10. *Губогло М.Н.* Драматургия принудительной адаптации спецпереселенцев. Из Курганского опыта середины XX века // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: ООО Интер-принт, 2008. С. 128–130.
11. *Губогло М.Н.* Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. М.: ИЭА РАН, 2010. 352 с.

12. *Губогло М.Н.* И «пламень костра»… и пересадка сердца (Вместо предисловия) // Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов / Е.Н. Квилинкова. Кишинев, 2010. С. 9–14.
13. *Губогло М.Н.* Магия песенного достояния гагаузов. Этнология в зеркале филологии (Вместо предисловия) // Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan, 2011. С. 6–15.
14. *Губогло М.Н.* Институты соционормативной культуры // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Комрат–Кишинев, 2012. С. 444–495.
15. *Губогло М.Н.* Пантеон культов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Комрат–Кишинев, 2012. С. 496–535.
16. *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого – блики будущего. Автобиографические затеси. Т. 2. Комрат; Кишинев, 2013. 760 с.
17. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
18. *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.
19. *Губогло М.Н.* Антропология доверия: этносоциологические и этнополитические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2016. 545 с.
20. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы: (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев, 2016. 732 с.
21. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузы Молдовы и Болгарии: (сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.
22. *Квилинкова Е.Н.* Методика и практика этнологических исследований (научно-методическое пособие). Кишинев: Print Caro, 2020. 224 с.
23. *Квилинкова Е.Н.* Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Print Caro, 2020. 344 с.
24. *Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007. 840 с.
25. *Квилинкова Е.Н.* Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат; София: Centrală, 2013. 872 с.
26. *Квилинкова Е.Н.* Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Centrală, 2014. 472 с.
27. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузская идентичность: культурно-цивилизационный выбор или стратегия самосохранения? // Вестник Антропологии. 2021. № 3. С. 53–69.
28. *Квилинкова Е.Н.* О важности изучения вопросов этногенеза через призму культурогенеза (из опыта изучения традиционной духовной культуры гагаузов в контексте междисциплинарных и этнорегиональных исследований) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. Вып. 10. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 89–98.
29. *Квилинкова Е.Н.* Исследовательские подходы и вклад в молдавскую этнологию и гагаузоведение М.Н. Губогло // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 301–314.
30. *Комарова Г.А.* Сила антропологического подхода // URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/017online/komarova.pdf (дата обращения 05.02.2022).
31. Курсом развивающейся Молдовы / сост., отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 1–10. М.: Старый сад, 2006–2010.
32. *Мартынова М.Ю.* Михаил Николаевич Губогло и Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН сегодня // Идентичность: сб. докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло. Комрат, 2018. С. 14–27.
33. Молдаване. Серия: «Народы и культуры» / ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2010. 542 с.
34. *Шорников П.М.* М.Н. Губогло – теоретик этнополитики // Идентичность: сб. докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло. Комрат, 2018. С. 69–74.

О преодолении некоторых стереотипов в российской этносоциологической теории

Э.А. Паин

Радикальные перемены и формальная смена вывесок в российской этносоциологии

В 1990-е годы российская этнография стала называться этнологией, вслед за переименованием академического Института этнографии в Институт этнологии. Переименования обосновывались целями повышения имиджа нашей науки как теоретической, концептуальной, вместо прежней, якобы описательной. Меня всегда забавляло это изменение названия, поскольку я представлял себе, как по такому же пути могут пойти другие науки. Например, географию, в тех же целях, нужно было бы переименовать в геологию, а астрономию – в астрологию. Разумеется, переименование института и изменение названия научной дисциплины не были единственным символом перемен в постсоветской этносоциологической науке, но почти все перемены, на мой взгляд, несли на себе налет формализма и идеологической мотивации, вместо сугубо академической.

Л.М. Дробижева полагала, что действительно важнейшим изменением в отечественной этносоциологии 1990-х годов стало укрепление новой методологии – конструктивизма, сосредоточенного на анализе этнической идентичности и ее социально-психологического конструирования на основе дискурсивных (языковых) практик [6]. Соглашаясь в этом с одним из моих учителей, я одновременно не могу не отметить, что и позитивные перемены были омрачены поспешными и необоснованными оценками другого научного направления – «примордиализма».

В 1990-е годы В.А. Тишков предложил выделять три теоретических направления в этнологии: *примордиализм*, *конструктивизм* и *инструментализм*. При этом примордиализм рассматривался как синоним эссенциализма, оценивался как научная архаика и опасная лженаука, порождающая национализм и расизм, а две других концепции – как современные и плодотворные [12]. Идеи, появившиеся в головном институте РАН, стали распространяться в качестве нормативных, и вскоре трехчленная классификация основных парадигм этносоциологической теории, предполагающих отождествление примордиализма с эссенциализмом, стала каноническим стереотипом и в этом качестве воспроизводилась в большинстве российских учебников, а также в справочной литературе [1]. Социолог М.Ю. Барбашина следующим образом оценивает и идейный, и терминологический переворот в российской этносоциологии 1990-х годов: «…в конструктивистском понимании примордиализму достается роль “лженаучного” направления, которая в советское время отводилась генетике и кибернетике», и далее этот автор сравнивает характер развернувшейся критики примордиализма с «упорством, с которым правоверные нападают на еретиков, стремясь их уничтожить или, как минимум, изгнать» [3].

Эта российская тенденция не нашла поддержки в мировой науке и в 2000-е годы сама стала подвергаться серьезной и справедливой критике [24]. Назову лишь два из множества упреков, предъявляемых к преобладающему числу оценок примордиализма в российской этнологии и этносоциологии.

Во-первых, его трактовка считается неэтичной, поскольку преобладающие определения «примордиализма» имеют заведомо негативную коннотацию и используются в качестве оскорбительных оценок научной методологии некоторых известных исследователей. Так, в большинстве современных российских справочных изданий и учебников этнологии к течению примордиалистов причисляют видных советских этнографов Ю.В. Бромлея, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, М.В. Крюкова и некоторых др. Между тем, ни один из

названых ученых не называл себя примордиалистом. Большинство из них были знакомы с концепциями авторов этой теории и никогда публично не солидаризировались с ними, а С.А. Токарев даже полемизировал [13]. Искусственное, без учета мнения и желания советских этнографов, отождествление их идей с примордиалистским направлением в этнологии не только этически некорректно, но и научно неверно, поскольку не учитывает особенности советской методологии, историко-эволюционной по своей сути.

Во-вторых, и это, на мой взгляд, главное, интерпретация примордиализма, закрепившаяся в российских учебниках и справочниках, искажает оригинальное содержание этой концепции, которую предложили ее авторы. Речь идет об идеях выдающегося социолога Эдварда Шилза, впервые предложившего концепцию и сам термин «примордиализм» в 1957 г. [20], а также развитие этой концепции антропологом Клиффордом Гиртцем с начала 1960-х годов [17] и теми исследователями, которые позднее причисляли себя к примордиалистскому направлению. В прочтении этих ученых, реальный примордиализм не имел ничего общего с эссенциализмом, во всяком случае, с представлением о кровно-биологическом происхождении этнических групп [20]. Крейг Калхун, специалист в области теории нации, национализма и этничности противопоставляет эссенциализм как теоретический постулат, приписывающий социальным общностям неизменный набор качеств и свойств, двум другим парадигмам – примодиализму и конструктивизму. Такое противопоставление нашло отражение в структуре его монографии «Национализм», в которой выделены разделы: «*Эссенциализм*» – с одной стороны, и два взаимно дополнительных «*Конструкция* и *примордиальность*» – с другой [7].

Переосмысление примордиализма

Искажение (сознательное или случайное) понятия «примордиализм» начиналось с объяснения главного термина этой концепции – «примордиальность» («первоначальность»). Ее в российских энциклопедических изданиях определяли как «изначальное и неизменное объединение людей “по крови”» *(подчеркивание мое – ЭП*) [15]. Между тем, ни один из исследователей, причисляющих себя к примордиализму, не разделял и ныне не разделяет биогенетическую трактовку понятия «этничность». Все они подчеркивали ее социально-культурный характер. Э. Шилз писал об этом явлении как о «социальном феномене глубинного коллективного самосознания» [21]. К. Гиртц определял этничность как «социально ратифицированную личностную идентичность» [18]. Такая интерпретация не расходится с определением этничности, данным Л.М. Дробижевой с позиции конструктивистской методологии [6].

Известный американский социолог Дональд Хоровитц, обобщая все реальные проявления примордиализма в американской социологии, трактует их исключительно как подход, основанный на анализе социальных факторов индивидуальной и коллективной идентичности [20]. Разделяя эту точку зрения, я предлагаю свое определение примордиализма, близкое, на мой взгляд, к трактовке Э. Шилза и его последователей. Итак, *примордиализм – это теоретико-методологический подход в гуманитарных науках, основанный на представлении о социально-культурной «изначальности», первичности этничности в двух значениях:*

во-первых, как культурного наследия, передаваемого по каналам трансляции этнических традиций и воспринимаемых как начало для нового поколения*;*

во-вторых, как указания на этническое происхождение («начало») такого социально-политического сообщества, как нация.

Обобщенно основные признаки примордиалистского подхода в трактовке его авторов сводятся к трем постулатам.

Реальность бытования этничности как коллективного самосознания и внутригрупповой солидарности. Э. Шилз писал, что «этничность кажется неуловимой, но она вполне реальна» [21]. Здесь подмечена одна из важнейших особенностей примордиалистского подхода в его дискуссии с радикальным крылом конструктивизма, представляющим этничность исключительно как миф. Э. Шилз и другие примордиалисты рассматривают реальность этничности не только в связи с ее видимыми проявлениями (в языке и особенностях этнического поведения – брачного, семейного, бытового и трудового), но и в этнических представлениях, в том числе и мифологических. Из знаменитой теоремы Томаса о том, что представления реальны по своим последствиям, вытекает вывод о реальности этнических стереотипов. Например, недоброжелательство к «чужим» становится социальной реальностью, овладевая массами людей и проявляясь в их действиях.

Примордиализм трактуется как трансляция и преемственность этнических признаков. Сторонники примордиализма рассматривают этничность как культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение по каналам трансляции культурных традиций. Эта традиционность обеспечивает устойчивость некоторых этнических явлений культуры, в каких-то случаях со времен эпохи племенных обществ и до наших дней [19]. Веками, а то и тысячелетиями сохраняются некоторые этнонимы. Весьма устойчивы также представления (мифы) об общем происхождении и важные фрагменты этнического языка. Менее длительное время, но также на протяжении жизни нескольких поколений могут сохраняться пищевые или эстетические представления.

Примордиальность – это первичность этничности по отношению к нации. В истории, по мнению Э. Шилза, примордиальность проявилась следующим образом: «Когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась в национальную» [14]. Эту идею наиболее последовательно развивал Э. Смит в своем фундаментальном труде «Этническое происхождение наций», подчеркивая важность учета этнического фактора в истории современных политических наций, в которых переплетены гражданские и этнические основания (начала) [22]. Этнические корни наций проявляются, например, в государственном языке. Ни одна из существующих политических наций не изобрела для себя искусственный язык, все изначально используют языки реальных этнических общностей. Даже государственный язык Израиля (иврит) нельзя назвать возрожденным из «мертвых» и уж тем более искусственным. Он сохранялся более двух тысяч лет в иудейских религиозных текстах и использовался религиозными людьми в иудаизме как «священный язык». На нем создавались произведения художественной литературы с древнейших времен и вплоть до наших дней. В тех случаях, когда законом установлено несколько государственных языков, как в Швейцарии или Финляндии, все они отражают «первичность этничности по отношению к нации», подчеркивая культурный вклад той или иной этнической группы в общее культурно-политическое наследие сложившейся нации. О роли этнического (национального) языка в развитии политических наций пишет Р. Суни, ссылаясь при этом на идеи Б. Андерсона и подчеркивая, что в концепции «воображаемого сообщества» язык является: 1) средством, при помощи которого *«воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее»*; 2) основным выражением *«народности нации»,* соединяющей ее с народной, этнической культурой; 3) «*фундаментом примордиальности*» для нации, в том смысле, что язык не конструируется нацией, а почти всегда наследуется из прошлого [11]. Р. Суни использует термин «примордиальность» как признак того, что это не сконструированный элемент, а полученный в результате исторической трансляции этничности. Вместе с тем Р. Суни, как и подавляющее большинство современных академических специалистов в области теории наций, не сомневается в том, что этничность не

играет главенствующей роли в функционировании и развитии современных политических наций, как правило, многоэтничных.

О принципе взаимной дополнительности в изучении этничности

На протяжении нескольких десятилетий, на рубеже XX–XXI вв., в науке шел спор между сторонниками примордиальной и конструктивистской концепций этничности и нации, хотя многие теоретики вполне обоснованно считают противопоставление этих парадигм искусственным и схоластическим. Я попытался обозначить свою позицию в отношении примордиализма и хочу сделать то же самое в отношении другого рассматриваемого подхода. *Конструктивизм – научное направление в изучении этничности и нации, представляющее нацию или этническую общность как социальный конструкт – воображаемые сообщества, порождения культуры*. Ныне это одна из основных парадигм социальных наук [4], в той или иной мере разделяемая большинством современных этнологов и этносоциологов. При этом применительно к проблемам этничности и нации методология конструктивизма распадается на множество разновидностей.

Радикальный конструктивизм отрицает сам факт реального существования как этничности, так и нации. Роджерс Брубейкер в аннотации к своей книге «Этничность без групп» говорит, что «этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации» [5]. Такая точка зрения, назовем ее «ирреализмом», допустима, но имеет свои ограничения, особенно для использования в управлении. В принципе любую социальную реальность, например, город, можно рассматривать не только как реальный объект жизнедеятельности людей, но и как совокупность репрезентаций – отражений городских проблем и образов в общественном мнении, политических дискуссиях или художественной литературе. Однако анализ города в такой проекции будет явно недостаточным для целей государственного или муниципального управления, например, когда задача состоит в снабжении города продуктами питания, развитии дорожной инфраструктуры или энергетическом обеспечении жизнедеятельности тысяч людей. И о нации также можно говорить как об образе в сознании людей, однако реальность существования национально-политических сообществ неизбежно даст о себе знать в случае их раскола, эрозии и возникновения этнических, религиозных или расовых конфликтов или агрессии со стороны других государств-наций.

Реалистический конструктивизм. Большинство этнологов всех направлений и разных стран мира не ставят под сомнение реальность этничности, этнических групп и наций, но различают *два типа реальности*. На первую из них обращают внимание примордиалисты, изучая исторически устойчивые, унаследованные из прошлого явления, воспринимаемые людьми как внешняя, независимая от них данность, – этот подход можно описать метафорой «социальной эстафеты», передачи наследия из рук в руки, из поколения в поколение. В свою очередь, конструктивисты выделяют реальность, созданную, сконструированную людьми, но зачастую воспринимаемую как давняя традиция [8]. Эрик Хобсбаум и группа английских историков собрали многочисленные примеры другой реальности – так называемых «изобретенных традиций» – культурных артефактов, считавшихся большинством англичан древними, но в действительности специально созданных в Новое время, в период промышленного подъема для укрепления веры людей в национальное государство, поскольку всякая вера нуждается в опоре на древние символы [23].

Т. Эриксен, автор одной из лучших, на мой взгляд, работ по теории этничности, пишет: «Этничность – аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп, с которыми у них поддерживается минимум регулярных контактов. Это социальная идентичность, характеризующаяся метафорой родства или фиктивным родством» [16].

Еще в начале 2000-х годов я предложил использовать принцип дополнительности в использовании примордиализма и конструктивизма в этносоциологической теории [9]. Эти методологии не только вполне совместимы друг с другом, но и малопродуктивны при раздельном применении. Оно приводит к неадекватным и излишне радикальным выводам. Избыточная опора на примордиализм «допускает фатальную, извечную предопределенность культурных свойств и ценностных ориентаций различных народов (этносов) и цивилизаций. Отсюда вытекает идея роковой “судьбы народа” <…> Другая крайность – чрезмерный конструктивизм, преувеличивает пластичность массового сознания и возможность манипулировать им под воздействием дискурса интеллектуальных и политических элит. Обе крайности приводят к весьма упрощенным представлениям об этнических процессах» [10].

Между тем, примордиализм и конструктивизм как научные подходы дополняют друг друга, поскольку изучают разные стороны этничности. Первый сосредоточен на анализе относительно устойчивых свойств этнических общностей: этническое самосознание, солидарность и предрасположенность к взаимному общению, например, в сфере брачных отношений. Конструктивизм, напротив, акцентирует внимание на относительно подвижных элементах этноса, сформированных в результате целенаправленной деятельности людей, во многом под влиянием этнических элит. О взаимосвязи этих подходов (не используя сами термины «примордиализм» и «конструктивизм») писал Ю.В. Бромлей еще в начале 1980-х годов. Он отмечал, что каждый этнос на протяжении всего своего существования практически перманентно подвергается изменениям. По сути, академик говорил о «конструировании» этнической культуры (во всяком случае, о ее «перестройке») под влиянием инноваций. Однако, в конечном счете, «только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность и относительную устойчивость, которая необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций» [2].

Всякая новация, любое конструктивное решение входят в жизнь этнических групп после того, как становятся традицией, на практике это подтверждается анализом результатов исследований лидеров конструктивистского направления. Так, Э. Хобсбаум и его коллеги по сборнику «Изобретенные традиции» показали, что многие явления культуры, которые люди XX в. считали давними традициями, были изобретены в XIX в., особенно в период правления королевы Виктории. Однако с тех пор эти артефакты (например, шотландский килт – предмет мужской одежды из клетчатой ткани) закрепились в культуре и превратились в полноценные традиции, поскольку уже несколько поколений англичан и шотландцев используют эти элементы одежды в качестве этнических символов.

Исследования Ф. Барта показали, как меняется этническая идентичность вслед за изменением социальных границ. Вместе с тем, возникшие границы могут надолго «застывать», а сформировавшаяся при этом идентичность закрепляется в сознании нескольких поколений людей.

Наиболее выдающиеся научные труды в области изучения этничности и нации, как правило, сочетают в себе разные научные подходы. К. Калхун в своей фундаментальной и обобщающей книге «Национализм» выделил раздел «*Конструкция и примордиальность*», в котором отказался не только от оценок этих подходов по принципу «плохие» и «хорошие», «истинные» и «ложные», но и показал, что эти подходы предназначены для анализа разных социокультурных явлений: конструктивизм наилучшим образом описывает феномен нации, тогда как примордиализм весьма ограниченно пригоден для анализа этого явления и больше применим для характеристики «родства», «происхождения» и «этничности», учитывая значительную зависимость указанных явлений от передачи прошлого, исторического опыта [7].

Литература

1. *Ананьина В.Т.* Этносоциология: практикум. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 21; *Садохин А.П.* Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2008; *Тавадов Г.Т.* Этнология. Учебник для вузов М.: Проект, 2002; *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2011.
2. *Бромлей Ю.В.* Указ. соч. С. 234. Эту идею десятилетием раньше выражали и другие советские этнографы. См.: *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 1972. Вып. 2.
3. *Барбашин М.Ю.* Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2014.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование действительности. М.: Медиум, 1995.
5. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве России. Опыт 20 лет. М.: «Новый хронограф», 2013.
7. *Калхун К.* Национализм / пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
8. О взаимосвязи двух форм реальности в социально-культурной сфере см.: *Паин Э.А.* «Социальная эстафета» и другие механизмы воспроизводства стереотипов социального поведения // X Сократические чтения «Реальность как социальные эстафеты». М.: Эслан, 2015. С. 74–88. URL: https://publications.hse.ru/view/202245498.
9. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
10. *Паин Э.А.* Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М., 2009.
11. *Суни Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 19.
12. *Тишков В.А.* Очерки теории этноса и политики этничности в России. М.: Наука, 1997.
13. *Токарев С.А.* Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978.
14. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 358.
15. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999.
16. *Eriksen T.* Ethnicity and Nationalism. Anthropoiogical Perspectives. L., 1993.
17. *Geertz C.* The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Geertz C. (ed.) Old Societies and New States. New York, 1963.
18. *Geertz C.* The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973.
19. *Isaacs H.R.* Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. N.Y., 1975.
20. *Shils E.* Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // British J. Sociology. 1957. Vol. 8. No. 2.
21. *Shils E.* Nation, Nationality, Nationalism and Civil Society // Nations and Nationalism. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 93–118.
22. *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations // Oxford university press. 1996.
23. *Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 2003.
24. *Horowitz D.L.* The Primordialists // Conversi D. Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism. London, New York: Routledge, 2002. P. 72–82.

Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии

Ю.В. Попков

Прежде чем остановиться на общих вопросах, которые обозначены в названии статьи, считаю своим долгом кратко сказать об основателях российской этносоциологии – Ю.В. Арутюняне, Л.М. Дробижевой и М.Н. Губогло – с учетом состоявшихся личных контактов и содержания бесед с ними в контексте заявленной темы.

С Ю.В. Арутюняном мне довелось встретиться лишь однажды. Это произошло в Москве в октябре 2008 г. на III Всероссийском социологическом конгрессе, где он вместе с Л.М. Дробижевой был руководителем секции «Этносоциология». Посчастливилось кратко поговорить с Юрием Вартановичем и обсудить некоторые проблемы этносоциального развития (я подарил ему несколько выпусков нашего тематического сборника «Этносоциальные процессы в Сибири» [34]). Мой доклад на секции был связан с тематикой сборника и предметом этносоциологии и назывался «Этносоциальные процессы и цивилизационное развитие в предметной области этносоциологии». Он одобрил исследовательский фокус новосибирцев на этносоциальных процессах.

С М.Н. Губогло мы периодически встречались на разного рода научных мероприятиях, прежде всего, на Конгрессе этнографов и антропологов России (позднее – Конгресс антропологов и этнологов). Я всегда находил в нем предельно доброжелательного и интересного собеседника с неизменно лучезарной улыбкой. Летом 2016 г. мы начали активную переписку по электронной почте, в связи с его планами издать «Антологию этносоциологии на рубеже столетий». Узнав об этом, я выслал ему для информации серию работ нашего исследовательского коллектива по данной проблематике. В ответ 29 сентября 2016 г. он написал:

«Дорогой Юрий Владимирович! Готовлюсь осваивать сибирские богатства, так как кроме статей в СОЦИСе, 2009, №3 (речь идет о нескольких наших статьях в этом номере журнала под рубрикой «Этносоциология: сибирская школа», здесь есть и статья о предмете этносоциологии – Ю.П.)*, похоже, ничего другого не читал. “Антологию этносоциологии на рубеже столетий” надеемся посвятить светлой памяти родоначальника этносоциологии Ю.В. Арутюняна. Ваше с коллегами участие будет очень полезным. Пока не знаю, хватит ли замаха и пороха. Большое спасибо за подарки, примите более чем скромные отдарки».*

В качестве «отдарков» он прислал свою «Антропологию повседневности».

Хочу привести фрагменты еще нескольких его писем, в которых обсуждаются вопросы подготовки указанной «Антологии». 22 октября 2016 г.:

«Дорогой Юрий Владимирович, привет! Пересылаю приложенным файлом предварительный вариант первого из трех томов “Антологии”, посвященной памяти Ю.В. Арутюняна. Более широкое участие новосибирской этносоциологической школы ожидается во 2 томе, посвященном этнодемографическим, этноэкономическим (в сочетании с этносоциальными), этнокультурным и этноязыковым процессам. Надеюсь, Вас не затруднит рефлексия по первому тому, а также предложения о включении (в электронном виде) в его состав чего-либо из вашей классики по поводу места, роли, границ и методологии этносоциологии. Буду рад и благодарен. С искренним уважением, Михаил Губогло».

6 ноября 20016 г.: «*Добрый день, дорогой Юрий Владимирович! Именно такой вариант, т.е. обновленную синтетическую статью мне думалось Вам заказать, даже если в ее состав будут включены прежние публикации. Хотелось бы “Новосибирскую школу” представить в полнокровном академическом блеске. С добрыми пожеланиями, Михаил Губогло».*

В сентябре 2018 г. вместе с Михаилом Николаевичем и Леокадией Михайловной мы участвовали в работе III Всероссийской научно-практической конференции в Казани «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации». Все трое выступали на пленарном заседании, общались в кулуарах, дискутировали. Из разговора с Михаилом Николаевичем я понял, что работа над «Антологией этносоциологии» проходит с определенными трудностями. Позднее, 11 февраля 2019 г., он написал: *«Дорогой Юрий Владимирович! Прикрепляю краткий отчет об относительно недавнем содеянном* (это были первый том его "Этничности" и сборник статей, в котором он являлся составителем и ответственным редактором, "Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования", посвященный юбилею М.Ю. Мартыновой – Ю.П.). *Только что вернулся из Кишинева. Родина наградила орденом за долгожительство. Первый том "Антологии", как это ни смешно, все еще в работе. Пора снова готовиться в Казань. До встречи!»*

К сожалению, этой встречи не произошло (я не смог участвовать в XIII Конгрессе антропологов и этнологов), как не случилось и других с ним встреч…

О Леокадии Михайловне Дробижевой. Я не был ее учеником, не участвовал в реализации ее проектов, не проводил с ней совместных исследований. Но мы давно лично знакомы, а еще раньше, с начала 1980-х годов, я знал ее и ее коллег научные работы по этносоциологии. Важно подчеркнуть и то, что многие выводы Леокадии Михайловны, в том числе из совместных с Ю.В. Арутюняном работ, и итоги наших эмпирических исследований были схожими, хотя они проводились в разных регионах и по различающимся методикам. Одновременно они часто дополняли друг друга, составляя общий фонд российской теоретической и прикладной этносоциологии.

Помню, как осенью 2011 г., увидев меня на подходе к зданию ИНИОН РАН, где проходил Международный конгресс под названием «Двадцать лет спустя (1991–2011): реорганизация пространства и идентичности» и где Леокадия Михайловна делала главный доклад, она, улыбаясь, воскликнула: «Вот, наш оппонент!». Действительно, наши взгляды на некоторые теоретические вопросы, например, о предмете этносоциологии, различались. Но я считаю, что мы были не оппонентами, а находились в состоянии творческой дискуссии. Позднее это нашло дополнительное подтверждение, хотя она как-то призналась, что знает о наших наработках в основном по публикациям в СОЦИСе и заявкам в РГНФ, где выступала в качестве эксперта по нашим проектам, но была не очень хорошо информирована о других работах. В последние годы мы часто общались на научных форумах, регулярно переписывались, обменивались публикациями, вели очную и заочную полемику. Именно такой режим взаимодействия, по нашему общему признанию, составлял основу для развития этносоциологии и определял ее прикладную значимость.

Считаю, главное, что характеризовало Леокадию Михайловну как исследователя – это знание реальной ситуации и реальных проблем в стране, в ее многочисленных и столь различающихся регионах. Ее идеи и конкретные положения никогда не являлись благопожеланиями и не были схоластичными, будь то научная сторона дела или установки, касающиеся реальной практики и доктринальных документов в сфере национальной политики. По этой причине именно ей, как члену образованного Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, я отправлял в 2012 г. наши предложения по возможной корректировке текста вынесенного на обсуждение проекта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. К сожалению, не только она определяла содержание окончательного варианта Стратегии, были и более влиятельные люди с другими научными, в том числе методологическими, установками. В целом положительно оценивая роль этого важного доктринального документа, я считаю, что ему свойственны

недостатки содержательного и концептуального плана. Так, по моему мнению, в Стратегии, в том числе в ее скорректированном в 2018 г. варианте, заложена в качестве базовой либерально-конструктивистско-инструменталистская парадигма, которая имеет серьезные ограничения и слабости применительно к реальной жизни нашей многонациональной России, о чем мне приходилось неоднократно писать [см., например: 21; 24]. В этой связи хочу подчеркнуть, что я солидарен со многими оценками, которые Леокадия Михайловна дает в одной из своих последних работ – статье, посвященной неоднозначным последствиям активных попыток деполитизации этничности [8].

Мне особенно приятно констатировать, что в последнее время получал от Леокадии Михайловны одобрение и высокую оценку результатов наших теоретических и прикладных разработок. Так, она положительно отозвалась о нашей книге «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири» [31], отметив оправданность концентрации исследовательского интереса на этносоциальных процессах, которым, как она сказала, ее коллектив уделяет мало внимания. В феврале 2019 г. я выслал ей нашу новую книгу «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика» [27]. Она тут же ответила: «Спасибо, Юрий Владимирович! Будем изучать. С переключением внимания на города вышла интересная книга Паина и Вендиной. Так что Вы – в тренде!». В начале сентября 2020 г. я сообщил ей о том, что постановлением мэра нашего города утверждена «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» [32] (мне довелось быть руководителем авторского коллектива и одним из основных ее разработчиков) в качестве основополагающего документа по реализации национальной политики на муниципальном уровне. В ответ на высланный текст документа она написала: «Поздравляю Вас, Юрий Владимирович! Во многом порадовали. С добрыми пожеланиями, Леокадия Михайловна».

Последний раз достаточно продолжительное общение с Леокадией Михайловной произошло в онлайн-формате 8 октября 2020 г. на IV конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации». Отвечая на мою благодарность за эту, хоть и виртуальную, встречу и за оживленную, заинтересованную дискуссию, она написала: «Спасибо большое, Юрий Владимирович! Ничто не заменит живого общения! Всего Вам наилучшего!».

В конце февраля 2021 г. я пригласил Леокадию Михайловну принять участие в работе очередного заседания нашего семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», который мы посвятили 100-летию со дня рождения Ю.В. Бромлея. Она отреагировала на него следующим образом: «Юрий Владимирович! Вы большой молодец! Спасибо, что чтите память Юлиана Владимировича Бромлея! Если бы я знала немного раньше, то непременно бы присоединилась. Пока же благодарность Вам и коллегам! Леокадия Михайловна». Замечу, что на семинаре мы вспоминали добрыми словами не только основателя теории этноса, но также и ее, и Ю.В. Арутюняна, и М.Н. Губогло, отдавая должное их фундаментальному вкладу в становление и развитие этносоциологии.

Она была приглашена и на следующее заседание нашего семинара 7 апреля 2021 г. На нем обсуждалась тема «Этнический феномен в глобальных трансформациях». Вечером, когда семинар уже закончился, Леокадия Михайловна написала мне кратко по электронной почте, что, к сожалению, не могла принять участия в его работе. Она была настроена подключиться к дискуссии, и мы все с нетерпением ждали этой встречи. Информация о ее кончине 11 апреля нас потрясла, была крайне неожиданной. До последнего момента Леокадия Михайловна продолжала активно творить на поприще этносоциологии и реальной национальной политики, интересоваться наработками коллег, заинтересованно участво-

вать в обсуждении актуальных научных и практических проблем. Особо хочется подчеркнуть безупречность Леокадии Михайловны во всех ее многогранных профессиональных и чисто человеческих проявлениях. Для нее были характерны благородство, здравая ё помыслов, общественная значимость реальных дел. Она является примером подлинного служения науке и безусловного стремления к истинному процветанию нашей многонациональной Родины.

Переходя к рассмотрению содержательных вопросов заявленной темы, замечу, что мне и моим коллегам уже приходилось осмысливать историю формирования и теоретико-методологические особенности Новосибирской этносоциологической школы [12; 14; 26]. Не останавливаясь на их подробной характеристике, сначала затрону некоторые вопросы становления и развития школы.

Этносоциологические исследования в Сибири начались в Новосибирске, в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, по инициативе академика А.П. Окладникова и под руководством В.И. Бойко (тогда кандидата философских наук, а позднее член-корреспондента АН СССР) в секторе комплексных исследований проблем развития народов Сибири. Они возникли в конце 1960-х годов, т.е. почти одновременно с исследованиями под руководством Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой. Примечательно и другое: с самого начала эмпирические исследования опирались на методические наработки московских коллег. Это произошло потому, что пришедшая в институт молодая сотрудница И.В. Удалова была дипломницей Ю.В. Арутюняна, поэтому знала «кухню» зарождающихся этносоциологических изысканий.

Первые экспедиции были организованы в регион Нижнего Амура для изучения вопросов социального развития малочисленных народов – нанайцев, ульчей, нивхов. С этого момента и на протяжении двух десятилетий внимание исследователей концентрировалось на проблемах социально-демографической и социально-профессиональной структуры, занятости, образования, ценностных ориентаций, реальной и потенциальной миграции, удовлетворенности трудом, условиями жизни и т.д. Итоги исследований коллектива за этот период представлены в обобщающих монографиях В.И. Бойко [5; 6] и коллективных работах под его редакцией [см., например: 4; 7; 20]. Начиная с 1970-х годов, в состав руководимого им отдела социологии входили, помимо указанного сектора, также сектор социальных проблем труда и образования молодежи (рук. Д. Л. Константиновский) и сектор математических методов в гуманитарных исследованиях (рук. А. Ф. Фелингер). И в этот период, и позднее многие эмпирические исследования новосибирцев проходили в тесном сотрудничестве с коллегами из конкретных регионов и осуществлялись при организационной поддержке местных управленческих структур.

Принципиально важно, что изначально на основе результатов проводимых исследований разрабатывались рекомендации для органов власти. В 1980-е годы тесная связь науки и практики управления реализовывалась в институциональной форме в виде утвержденной Советом Министров РСФСР Региональной межведомственной комиссии Сибирских отделений АН СССР, АМН СССР, ВАСХНИЛ по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера (ее председатель – В.И. Бойко, ученый секретарь – Е.И. Швецова). В рамках деятельности Комиссии подготовлено множество разного рода документов для федеральных и региональных органов власти, в том числе Концепция развития народов Севера [11].

С начала 1990-х годов, с момента образования самостоятельного Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), этносоциологическая тематика концентрировалась в секторе этносоциальных исследований (под руководством автора настоящей статьи) и в секторе этнокультурных исследований (под

руководством В.В. Мархинина). С 1997 г., после перехода В. И. Бойко в Институт археологии и этнографии СО РАН и переезда В.В. Мархинина в Сургут, структурной основой школы является сектор этносоциальных исследований. На его базе с 1995 г. действует научный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири», который, по сути, изначально выполнял функцию координации и обобщения результатов этносоциальных исследований в нашем макрорегионе, по его итогам издается тематический сборник с тем же названием [35], организуется международная школа молодых этносоциологов, публикуется тематический сборник ее материалов [36; 37].

С момента зарождения Новосибирской этносоциологической школы ее участниками проведено множество экспедиций в разных регионах России и других стран (Сибирь, Север, Дальний Восток, Канада, Казахстан, Монголия, Индия), подготовлено большое количество научных и научно-популярных публикаций, организованы многочисленные форумы. Обладая богатым массивом эмпирической информации, сотрудники не ограничиваются ее систематизацией, анализом, описанием и разработкой практических рекомендаций. Школа служит основой для широких теоретико-социологических и социально-философских обобщений. Данный факт составляет одну из главных содержательных особенностей работы нашего коллектива, на чем будет сделан особый акцент далее.

Хотя за более чем полувековой период менялись географические маршруты экспедиций, теоретические подходы, конкретная тематика и методика исследований, сохраняются некоторые общие методологические принципы и концептуальные ориентиры, задающие специфику нашей этносоциологической школы. Если методика конкретных исследований изначально основывалась на наработках основоположников российской этносоциологии, то в качестве их фундаментальной теоретико-методологической базы выступали идеи академика А.П. Окладникова, выраженные, в частности, в комплексном подходе, диалектическом принципе всеобщей взаимосвязи явлений материальной и духовной жизни, процессов этногенеза и культурогенеза, глобальном взгляде, акценте на локусе евразийского социокультурного пространства [см. подробнее: 23]. В целом можно выделить следующие основополагающие методологические основания и обобщающие содержательные результаты исследований представителей Новосибирской этносоциологической школы, образующие ее концептуальное своеобразие.

1. В отличие от господствующей долгое время в мировой социологии парадигмы социального действия, исследования новосибирских этносоциологов базируются на парадигме социального взаимодействия в его диалектико-материалистической интерпретации и системно-генетическом измерении, в единстве синхронных и диахронных связей взаимодействующих сторон, в качестве которых рассматриваются этносоциальные субъекты – национальные общности, понимаемые и как нации-государства и как нации-культуры (этносы, этнические общности), этнические группы, диаспоры и т.д. Становление этнических общностей, их устойчивость и своеобразие определяются природно-ландшафтными предпосылками, в свою очередь, их сходство и развитие обеспечиваются, благодаря интернационализации, понимаемой как рефлексивное взаимодействие этносоциальных субъектов. При этом этнический феномен рассматривается как объективное явление в его социальном измерении, единстве устойчивости и изменчивости. [18; 22]. В русле обозначенной диалектико-материалистической парадигмы социального взаимодействия рассматривается и процесс воспроизводства этничности, что не ограничивается теоретическими построениями, а находит подтверждение в результатах конкретно-социологических исследований [34].

2. В рамках этносоциальных исследований в качестве важной методологической ориентации используется процессуальный подход, который реализуется в понимании обще-

ства на разных уровнях его организации как этносоциального процесса – системы и продукта взаимообусловленного, взаимозависимого развития этносоциальных субъектов. В своем «вертикальном структурировании» этот процесс рассматривается как образующий некоторую целостность множества подпроцессов – от этноэкологических, этнодемографических и этноэкономических до этнокультурных и этнополитических. В свою очередь, отдельный этносоциальный процесс выделяется не по этническому или социальному основаниям, а по его пространственной локализации в виде конкретного межэтнического сообщества. Процессуальная интерпретация общественной жизни акцентируют ее динамизм, поступательный характер, нелинейность развития, открытость его альтернатив, роль сетевых структур [16; 28; 31].

3. Хотя в ходе эмпирических исследований новосибирские этносоциологи имеют дело с анализом конкретных проявлений этнического феномена, в конечном итоге их интересует «вписанность» отдельных явлений во всемирно-исторический контекст. В этом отношении одним из теоретико-методологических оснований наших разработок является концепция всемирной истории как рефлексии культур (в том числе, этнокультур) и цивилизаций. Этносоциальные процессы интерпретируются как основа цивилизационного развития, конкретный межэтнический синтез – как базис формирования отдельных локальных цивилизаций, а система межэтнических взаимодействий – как ее этносфера. Онтологически релевантным фокусом исследования этносоциологов ИФПР СО РАН является анализ этносоциальных процессов в рамках евразийской цивилизационной общности народов [13; 19; 30].

4. Еще одним методологическим основанием этносоциальных исследований является социокультурный подход, причем используются потенциальные возможности двух его основных интерпретаций – валюативной и рефлексивной. В первом случае речь идет об аксиологической концепции культуры, что реализуется в панорамном изучении системы ценностных ориентаций представителей разных народов из регионов Сибири и других стран. Во втором случае учитывается факт существования и развития отдельных обществ (и человечества в целом) как процесса рефлексии культур. В этой интерпретации общество представлено в виде ансамбля культур, а социокультурное понимается нами как социальное в его культурном разнообразии, которое рассматривается в качестве важного условия социокультурной динамики и предпосылки жизнеспособности социальной системы [19; 25; 27; 30]. Показана существенная роль этнического многообразия в цивилизационном развитии России [9]. Аргументировано понимание коллективных прав этнических сообществ как необходимого условия поддержки этнокультурного разнообразия, развития отдельных этнических культур и атрибута социальной и национальной политики [10; 33]. Проведено теоретико-методологическое обоснование социокультурной типологизации [2].

5. Фиксация устойчивости этнического субстрата во времени и сохранения адаптационного потенциала традиционных культур в системе межэтнических взаимодействий позволила представителям школы аргументировать концепцию этнокультурного неотрадиционализма как рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в единстве синхронных и диахронных связей и как основы современного этносоциального развития отдельных народов [1; 15; 19; 29; 30].

6. Предложенная содержательная характеристика этносоциальных процессов аргументируется для обозначения базисной предметной области этносоциологии, то есть рассматривается как ее предмет (функционирование и развитие общества для этносоциологии есть, в нашем понимании, этносоциальный процесс). Мы исходим из того, что этносоциология изучает не единство этнического и социального или отдельный этнос как таковой, а некоторую систему в ее процессуальном выражении – множество находящихся в рефлексивных взаимодействиях этносоциальных субъектов и конкретных результатов этого

взаимодействия. [28]. В качестве элементарной эмпирической единицы (объекта) этносоциальных исследований представителями новосибирской научной школы рассматривается межэтническое сообщество, характеризующее взаимообусловленное развитие отдельных этносоциальных субъектов внутри этих сообществ [17; 27].

В заключение – о практических приложениях результатов наших исследований. Они используются, прежде всего, для осмысления проблем и концептуальных оснований государственной национальной политики на разных уровнях управления. С учетом теоретико-методологических наработок и знания реальной ситуации на местах их видение по целому ряду вопросов отличается от того, как они ставятся федеральным центром в доктринальных документах. В частности, обоснованы следующие концептуально значимые положения: об ограниченности либерально-конструктивистско-инструменталистской позиции в интерпретации основополагающих понятий национальной политики – нации, этнокультурного многообразия, этнической общности; необоснованности стремления на официальном уровне заменить этнокультурный смысл понятия нации на исключительно политический смысл; объектом национальной политики предлагается определять не только межнациональные (межэтнические) отношения и конфликты, но и лежащие в их основе этносоциальные процессы, локализованные в рамках конкретных межэтнических сообществ, которые целесообразно рассматривать как элементарный объект в регулировании этих процессов; с учетом значимых региональных различий в тенденциях развития этносоциальных процессов обоснован вопрос о выделении базовых региональных моделей национальной политики и определении ее значимых регионально обусловленных ориентиров, наряду с общестратегическими [3; 21; 24]; в рамках политики идентичности аргументируется необходимость реализации четкой государственной позиции по отношению не только к государственно-гражданской, но и к имеющей большое социальное значение этнической идентичности как важного условия сохранения и поддержки этнокультурного многообразия [29]; важным представляется проведение общественной экспертизы по существенно значимым проблемам государственной национальной политики. В ее рамках особый акцент должен быть сделан на городских межэтнических сообществах как зонах с наибольшим уровнем полиэтничности, где концентрируются основные проблемные узлы межэтнических отношений [27].

Отстаиваемые представителями школы концептуально значимые ориентиры реализации национальной политики на муниципальном уровне применительно к городу Новосибирску заложены в Концепции его устойчивого этносоциального развития – важном нормативном документе мэрии, о котором я говорил в начале статьи [32]. Данный факт свидетельствует о востребованности теоретико-методологических и прикладных результатов работы этносоциологов со стороны органов власти и местного сообщества.

Литература

1. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, М.П. Гупта [и др.]; под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. 336 с.
2. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2014. 178 с.
3. *Абрамова М.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В.* Региональные модели государственной национальной политики в современной России. Новосибирск, 2016. 176 с.
4. БАМ и народы Севера / В.И. Бойко, С.Н. Еремин, Г.С. Гончарова [и др.]; под ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1979. 176 с.
5. *Бойко В.И.* Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973. 211 с.

6. *Бойко В.И.* Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 279 с.
7. Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования / Ю.Л. Аранчын, В.Ч. Очур, А.Д. Бегзи [и др.]; под. ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1981. 224 с.
8. *Дробижева Л.М.* Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 202–224.
9. *Ерохина Е.А.* Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014. 238 с.
10. Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Попкова, И.С. Тарбастаевой. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2017. 196 с.
11. Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. / отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1988. 127 с.
12. *Костюк В.Г.* Новосибирская школа этносоциологии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 89–93.
13. *Костюк В.Г., Абрамова М.А., Ерохина Е.А., Мархинин В.В., Удалова И.В., Ушаков Д.В.* Россия как цивилизация: сибирский ракурс / под ред. В.Г. Костюка. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2008. 259 с.
14. *Костюк В.Г., Персидская О.А.* Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 14–18.
15. *Мадюкова С.А., Попков Ю.В.* Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб: Алетейя, 2011. 132 с.
16. *Мархинин В.В.* Местное самоуправление в межэтнических сообществах: (социол. исслед. в сельских районах Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 261 с.
17. *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаи модействие культур: (По материалам социол. исслед. в р-нах традиц. сев. природопользования коренного нац. и рус. старожил. населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. 188 с.
18. *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Этнос в ситуации выбора будущего: По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа / Новосибирск: Наука, 1993. 205 с.
19. Монгольский мир: между Востоком и Западом / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, Х. Цоохуу [и др.]; под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
20. Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие / Г.С. Гончарова, Ю.В. Попков, Ч.М. Таксами [и др.]; под. ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
21. *Попков Ю.В.* Государственная национальная политика: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 3. С. 345–366. DOI: https://doi.org/10.21638/ 11701/spbu23.2019.302.
22. *Попков Ю.В.* Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.
23. *Попков Ю.В.* Роль академика А.П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 8–10.
24. *Попков Ю.В.* Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18.
25. *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Удалова И.В., Ушаков Д.В., Тюгашев Е.А., Мархинин В.В.* Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 272 с.

26. *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А.* Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности / Respublica Literaria. 2020. Т. 1. № 1. С. 103–111. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.103-117.
27. *Попков Ю.В., Скалабан И.А., Тюгашев Е.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Тарбастаева И.С., Вавилина Н.Д., Терентьева М.Н., Осьмук Л.А., Дерига Е.С.* Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2018. 347 с.
28. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А*. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 93–101.
29. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2020. 256 с.
30. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А, Иванов А.В., Четырова Л.Б., Шишин М.Ю., Цоохуу Х., Цэдэв Х.* Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
31. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Гончарова Г.С., Мархинин В.В., Удалова И.В., Костюк В.Г.* Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 273 с.
32. Постановление мэрии города Новосибирска от 10 июня 2020 года N 1831 «О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (с изменениями на 5 мая 2021 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/465737610 (дата обращения: 23.12.2021).
33. *Тарбастаева И.С*. Коллективные права этнических сообществ: социально-философский анализ: дис.… к. философ. н. Новосибирск, 2020.
34. *Ушаков Д.В.* Новосибирск многонациональный: межэтнические отношения и воспроизводство этничности. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 200 с.
35. Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Вып. 1–10. Новосибирск, 1997–2015.
36. Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: Нонпарель, 2009. Вып. 1. 301 с.
37. Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2013. Вып. 2. 380 с.

Этносоциология и СМИ: 55 лет в пути

В.К. Малькова

В память о первых российских этносоциологах – Ю.В. Арутюняне, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло и других наших коллегах

В.К. Малькова

Этносоциология и средства массовой информации (СМИ), а вернее – изучение деятельности СМИ в рамках этносоциологии – научное направление, зародившееся в нашем институте более 50 лет назад, имеет большое научное и серьезное практическое значение. Тематика многогранная и крайне актуальная для всех полиэтничных сообществ. В рамках нашего института она связана в значительной степени с исследованием этнокультурных и этнополитических процессов в российском и окружающем пространстве, с формированием массовой гражданской и этнической идентичности россиян и способами ее мобилизации, с проблемами межкультурного взаимодействия, с формированием новых полиэтничных пространств и сообществ, с отношениями инокультурных мигрантов и принимающего населения, с их интеграцией, адаптацией и внутренней консолидацией в новых для них местах жительства и многими другими проблемами.

Из отечественной и мировой практики известно, что пресса (а затем и другие каналы массовой информации) всегда, с первых дней своего существования использовалась элитами в целях регулирования общественных процессов и манипулирования массовым сознанием. Уже давно элиты научились с помощью информации распространять в общественном пространстве определенные стереотипы, ценности, идеи и установки и тем самым сближать или разделять людей по группам, регионам, странам и по мировоззрению. Вполне закономерно, что этносоциологические исследования конца 60–80-х годов прошлого века не могли обойти вниманием целенаправленное использование прессы советскими, а затем и российскими идеологами и политиками и особенно широко распространяемую в пропагандистских целях этнически окрашенную информацию.

Так, в СССР, где основной этнополитической идеей советского времени был интернационализм и дружба советских народов, общесоветские и республиканские идеологические институты, включая СМИ (прессу, радио, телевидение), разными способами формировали у своего населения общесоветское, республиканское и менее заметно – этническое самосознание. Участвуя в «холодной войне» с нашими зарубежными противниками, они также информационно способствовали формированию недружественных представлений советских людей о нашем геополитическом враждебном окружении. Через центральные СМИ в массовое сознание внедрялись идеи о том, что *наша страна – самая большая, великая и могучая, самая богатая и лучшая в мире*, что *все народы страны издавна мирно и дружно живут единой семьей, помогают друг другу и вместе идут к еще более счастливому будущему*. И многие советские люди верили этой красивой легенде-идее, хотя реальность далеко не всегда ее подтверждала.

После распада Советского Союза исследование различных форм медийной этничности, используемых в многонациональных российских СМИ, приобрело особую важность. В 90-х годах ушедшего века эта тематика имела уже не только завуалированную пропагандистскую направленность на «этнографическое просвещение» граждан страны, но активно касалась сохранения и строительства нового российского полиэтничного государства и новой российской нации. Одним из первых, кто активно продолжал исследовательские работы в этом направлении, был Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР (впоследствии – Отдел этносоциологии ИЭА РАН), которым руководил профессор Ю.В. Арутюнян.

Как известно, этническая тематика в полиэтничном обществе всегда очень близко соприкасается с политикой. И в дальнейшем, уже с 2000-х годов, эту важную этнополитическую исследовательскую тематику активно поддерживает руководивший в те годы Институтом академик В.А. Тишков. Важность изучения процессов взаимодействия этнических (и религиозных) групп, строительство новых межэтнических взаимоотношений в постсоветской России, формирование и укрепление российской полиэтничной нации и освещение этих процессов в СМИ несомненны. Особенно это становится заметным в периоды общественно-политических трансформаций. Внезапный для многих современников распад большой советской страны вызвал в ней и во всем мире большой шок, и этносоциологи вместе со всем обществом, так же, как и пресса, пытались осмыслить это явление. Почему бывшие советские республики спокойно разошлись в разные стороны? Исследуя их республиканскую прессу рубежа 1980–1990-х годов, мы пришли к мнению, что этот распад был в определенной степени подготовлен, в том числе и деятельностью местных идеологов и журналистов, которые в течение ряда лет через республиканскую прессу формировали локально-этническое массовое самосознание жителей союзных республик. Большой эмпирический материал, подтверждающий эти факты, был обобщен и озвучен нами в первых авторских работах на эти сюжеты [11; 25].

Наши исследования уже постсоветской российской медийной информации, особенно прессы (федеральной, республиканской, а затем – и диаспорной) показывали, что после распада Союза СМИ российских республик, вслед за бывшими союзными собратьями, стали вводить в массовое сознание жителей национальных регионов не только общегражданские ценности, не только идеи общности российских народов, но и узко региональные (преимущественно этнические): *«Мы» – это наша земля и наша территория; «Мы» – это наш национальный язык, наша культура, наша история; «Мы» –это наша национальная экономика…* И, наконец – *«Мы» – это отдельное государственное образование.* Заметим, что на первых порах (середина 1990-х годов) российские республиканские идеологи и журналисты не могли разобраться (и это отражено в сохранившихся публикациях) – о ком в прессе должна идти речь как о носителе суверенитета – только ли о «титульном» этносе республик или – обо всем полиэтничном населении. Российская республиканская пресса этого периода сохранила исследователям множество дискуссий местных политиков и идеологов, оказавшихся в этом вопросе на временном «распутье»… Заметная психологическая и практическая дискриминация русских и других «некоренных» жителей, их массовый отток из республик (о чем тоже появлялась информация) со временем показали, что это рискованная для республики дилемма о суверенитете только для «титульного этноса» может привести к печальным последствиям. Соответствующие результаты исследований на эту тему были описаны нами в ряде статей и монографий [12; 13; 14].

Таким образом, постепенно для этносоциологии и этнополитологии в отдельные направления выделилось не только изучение контента – фактического материала с этни-

ческой окраской. А ведь именно он с помощью СМИ распространялся в массовом сознании и активно воздействовал (как и сейчас) на формирование массовых представлений о народах и странах, в том числе и представлений о своем собственном этносе. В медийной информации анализировалось также и разнообразие **способов и форм** информационного влияния на формирование массовой общественно-политической идентичности населения – общегражданской, региональной и этнической. С 1990-х годов, основываясь на многочисленных прежних наших опытах и методиках исследования больших массивов информации, мы стали более активно изучать эти и другие направления деятельности российских СМИ под руководством Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой. Результаты наших исследований позднее были обобщены и представлены научному сообществу в нескольких монографиях об информационных технологиях, о методологических подходах к изучению медийной этнически окрашенной информации (с описанием конкретных методик), лексики, стереотипов, идеологем [7].

Кроме вышеназванных, в постсоветский период стали активнее изучаться также отражаемые и инициируемые в СМИ разнообразные аспекты межэтнического взаимодействия. Основное внимание было обращено на **межэтнические конфликтные ситуации**, нередко случавшиеся в строящемся неоднородном российском обществе. К сожалению, в последние десятилетия в российской, как и мировой журналистике, развивается не только гуманитарное направление, но и, условно говоря, конфликтное. С помощью СМИ порой происходит и озвучивается (а иногда и стимулируется) не только риторическое противостояние взаимодействующих групп, но и публичная перепалка их представителей. Речь идет о разных социальных, этнических, религиозных группах, а, вернее – об их лидерах и активистах, порой провоцируется и групповое реальное столкновение противников на улицах городов и поселков. Нынешние СМИ, несмотря на ограничения, не упускают случая публично обсудить эти «горячие» новости, вовлекая таким образом в происходящие события массы сторонников и противников. Одним из результатов анализа подобных информационных публикаций также стали наши книги [8].

В последние десятилетия в Институте, продолжая традиции наших учителей, уже в Центре политических исследований ИЭА РАН, мы изучаем также и процессы, связанные с беспрецедентным наплывом в российские города **иностранных и внутренних мигрантов**, их **взаимодействие с местным населением, их адаптацию и интеграцию в новых для них сообществах**. Анализируя публикации прессы, интернет-изданий и центрального телевидения, можно видеть, как эти и другие процессы и явления освещаются в очень насыщенном теперь российском информационном пространстве, как они оцениваются разными аналитиками и лидерами мнений, и что предлагает общество и само государство для решения проблем в этой сфере [3; 20; 9].

Вместе с этой, актуальной для современного общества тематикой, исследуются как и прежде, новые информационные технологии, используемые журналистами – особые сближающие или разделяющие этносы идеи и стереотипы, лексика, мифы и фейки, изучаются также и многочисленные способы медийного формирования образов и имиджей народов, стран, диаспорных сообществ, их элит и их этнических стратегий и т.д. [6; 17].

Постепенно тематика наших исследований расширялась, исследовательские задачи углублялись, этнология, ее методы и подходы пересекались уже не только с социологическими, с политологическими, но и с психологическими и лингвистическими подходами и методиками. Эта тематика, зародившаяся в недрах этнологии в Институте этнографии, постепенно стала междисциплинарной и распространилась также географически. Во многих российских и бывших союзных республиках, в академических институтах, в универ-

ситетах, в журналистской среде появились наши последователи, изучавшие медийную информацию с этнической окраской. Этнографические и социологические конгрессы и конференции, где мы встречались и организовывали совместные секции и круглые столы, объединяли нас, лично знакомили исследователей друг с другом и давали основу для появления новых коллективных работ [1; 5; 21].

Анализируя медийную информацию, нельзя не видеть, что в деятельности постсоветских СМИ – одного из основных инструментов общественного управления и поддержания межэтнического спокойствия не все однозначно позитивно. В условиях рынка в последние десятилетия средства массовой информации заметно изменились. Если в советский период они, наряду с пропагандой интернационалистских ценностей, выполняли функции одного из главных каналов просвещения, гражданского и морально-нравственного воспитания, то сегодня, помимо многих положительных функций, которые также нельзя не отметить, СМИ во многом отошли от своей прежней гуманитарной и гражданской миссии. Правда, и сейчас некоторые ответственные работники утверждают, что «…миссия СМИ – просвещение и информирование, направленные на созидание, а не только на стремление к максимальным рейтингам и прибыли» [2; 11]. Тем не менее распространение медийной информации, несмотря на законодательные рамки разрешенного или запретного в каждом отдельном сообществе, во многом связано с целями и намерениями политиков, идеологов и других общественных лоббистов, у которых есть возможность влиять на прессу, а через нее – на массовые представления людей. В этом ряду особое место занимают журналисты, редакторы и спонсоры, от чьей деятельности в конечном итоге и зависит выпускаемый в общественное пространство материал. Вместе с тем, несмотря на так называемую «независимость» современных СМИ, все информационные каналы (включая и нынешний Интернет) не являются независимыми. Поэтому в фокусе нашего внимания еще с начала 1990-х годов появляется еще одно научно-практическое направление – исследование гражданской или этической стороны деятельности российских журналистов, в том числе противостояние любым деструктивным идеям, связанным с межэтническим взаимодействием, любая дискриминация по этническому, религиозному, расовому или иному признаку, разжигание межнациональной розни, экстремизм, терроризм [10; 18]. Журналисты, политологи и другие эксперты порой специально будоражат общественное сознание, тенденциозно рассказывая о реальных или мнимых конфликтах в современных межэтнических отношениях, комментируя их в интересах определенных групп – политиков, спонсоров, владельцев медиаканалов. Некоторые российские медийные каналы порой распространяют сомнительные морально-нравственные ценности и идеи или неприемлемые нормы поведения, к которым можно отнести ксенофобию, провокации, фейки, клевету и иные формы. При этом, некоторые СМИ, по-своему отражая в материалах текущие события и комментарии к ним, подчеркивают, что редакция не всегда согласна и не несет ответственности за высказывания авторов. Этические вопросы этножурналистской деятельности также нашли отражение в наших книгах [1; 16; 21].

С 1990-х годов от имени ИЭА РАН мы интенсивно сотрудничали с различными журналистскими организациями, в том числе и международными, работавшими в Москве и в других российских регионах. Вместе с вузовскими преподавателями журналистики, с практикующими журналистами, представителями Союзов журналистов из разных областей страны мы проводили научно-практические обучающие семинары в разных российских городах, а иногда – и в странах нашего бывшего Союза (в Киргизии, Казахстане, Молдавии и др.). Эти семинары знакомили местных журналистов с общими проблемами этнографического просвещения россиян, помогали разъяснить им смысл и необходимость справедливой, миролюбивой, а не конфликтной гражданской позиции в отражении СМИ

межэтнического взаимодействия. Такие встречи помогали и ученым увидеть конкретные региональные проблемы, которые нужно решать в нашем полиэтничном обществе с помощью «этнической журналистики». Результатом такой работы стали не только публикации в научных изданиях, пособия и хрестоматии для журналистов и управленцев, результаты анкетных опросов региональных этнических активистов в разных республиках страны, но и наши многочисленные выступления с рекомендациями в российских и московских государственных и общественных структурах – на экспертных заседаниях в Совете Федерации и Госдуме РФ, в Общественной палате России, в Департаменте национальной политики Правительства Москвы, в Доме национальностей Москвы (МДН), в РИА Новости, в столичных вузах … Популяризируя нашу науку и научные знания, мы выступали с лекциями в различных аудиториях – для слушателей этнополитического лектория в МДН, в РАНХиГС (для аспирантов, студентов, руководителей национально-культурных объединений и для журналистов Москвы).

Мы считали важным показать практическим журналистам их гражданскую миссию, их ответственность перед обществом, помочь им лучше разбираться в межнациональных отношениях в своих регионах и предотвращать (смягчать) своими выступлениями растущую напряженность и конфликтность в обществе. Наши многочисленные лекции и семинары давали большой материал для анализа, что вылилось в ряд авторских монографий и учебных пособий для журналистов [4; 10; 22].

Литература

1. Антропология медиа: теория и практика / отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2016. 301 с.
2. *Баринов И.В.* Стенограмма заседания Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации на тему: Актуальные проблемы информационного обеспечения… // Актуальные вопросы информационного обеспечения реализации государственной национальной политики Российской Федерации. М., 2018. С. 11.
3. *Малькова В.К.* Полиэтничная Москва 2011–2012 гг. Тревожные звонки в информационном пространстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2012. № 233.
4. Внедрение принципов толерантного освещения этнических проблем в деятельность российских журналистов / отв. ред. В.К. Малькова. М.: ИЭА РАН, 2000.
5. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В.К. Мальковой. М.: ИЭА РАН, 2002. 352 с.
6. *Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России. По материалам этнических СМИ. М.: ИЭА РАН, 2011. 209 с.
7. *Малькова В.К.* Москва – многокультурный мегаполис. М.: ИЭА РАН; «Оргсервис-2000». 2004. 216 с.
8. *Малькова В.К.* Москва многонациональная. Конфликт или согласие? Т. 2 // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1998. № 115.
9. *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? Русские москвичи и иноэтничные мигранты: взгляд друг на друга. Т. 3 // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2001. № 142.
10. *Малькова В.К.* «Не допускается разжигание межнациональной розни…». Книга об этнической журналистике. М.: ИЭА РАН; МБПЧ, 2005. 225 с.
11. *Малькова В.К.* «Образы этносов в республиканских газетах. Опыт этносоциологического изучения» / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИЭ АН СССР, 1991. 183 с.
12. *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнореспубликанская идеология // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1997. № 103.

13. *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1996. № 95.
14. *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1993. № 41.
15. *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1993. № 36.
16. *Малькова В.К.* Стыд и СМИ или еще одно общественное пространство для противостояния добра и зла // Идентичность. Сборник докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения М.Н. Губогло. Комрат; Молдова, 2018. С. 298–222.
17. *Малькова В.К., Тишков В.А.* Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в интернете. М.: ИЭА РАН, 2009. 147 с.
18. *Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. 348 с.
19. *Малькова В.К.* Этика и СМИ // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост., отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 214–223.
20. *Малькова В.К.* Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: ИЭА РАН; ООО-Информполиграф, 2004. 280 с.
21. Медийная индоктринация: антропологические исследования / отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2018. 277 с.
22. Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. Примеры публикаций из жизни этносов / Сост. В.К. Малькова. М.: Изд-во РУДН, 2002. 172 с.

Об этносоциологических и статистико-этнографических исследованиях

А.Д. Коростелев

А.Д. Коростелев

Актуальность обращения к вопросам этносоциальных и этнокультурных процессов связана с тем, что за последнее время чрезвычайно расширился круг проблем, которыми стала заниматься отечественная этнология вкупе с социальной антропологией, а, следовательно, отчасти ослаб интерес к сюжетам, входившим в поле ее деятельности еще вчера.

В частности, в значительной степени была прервана и традиция научного анализа и осмысления многих этносоциальных и этнокультурных феноменов в их динамике, в том числе и относящихся к советскому периоду, но при этом своими результатами продолжающих оказывать влияние на сегодняшние процессы.

Между тем, стремление соединить этнографические знания с данными статистики возникло далеко не в последнее время. Достаточно вспомнить такого выдающегося ученого, каким был Петр Иванович Кёппен (1793–1864) – историк, географ, этнограф, демограф и статистик, возглавлявший с 1845 г. отделение статистики Русского географического общества. С его именем связано создание «Этнографической Карты Европейской России», вышедшей в свет в 1851 г., капитального труда «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России», изданного в 1857 г., «Хронологического указателя материалов для истории инородцев Европейской России» (СПб., 1861).

Однако речь в данном случае идет о традиции, которая, в частности, в Институте этнографии АН СССР развивалась в рамках двух направлений. Одно из этих направлений было связано с созданным в Институте Сектором конкретных социологических исследований культуры и быта народов СССР и, прежде всего, с его руководителем Ю.В. Арутюняном. В 1967 г. был проведен опрос около 10 тыс. человек в Татарской АССР. Результатом исследования стала фундаментальная коллективная монография «Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР» [3]. Это стало первым этносоциологическим исследованием и первой монографией по этносоциологии в советский период. После этого были проведены еще десятки подобных исследований в различных союзных республиках бывшего СССР и изданы десятки монографий и сборников, но начало этносоциологии было положено именно тогда.

В процессе этой исследовательской работы сложился коллектив ученых, каждый из которых специализировался на каких-либо определенных сюжетах. Сам Ю.В. Арутюнян занимался многими сюжетами, но прежде всего проблемами трансформации социальной структуры, которые в настоящее время продолжает изучать Л.В. Остапенко, а также вопросами этнических особенностей культуры. Л.М. Дробижева специализировалась на проблемах психологии межэтнических отношений. М.Н. Губогло в наибольшей степени интересовался особенностями этноязыковых процессов в различных этнических общностях. А.А. Сусоколов изучал этнически смешанные семьи и занимался вопросами экономической антропологии. Этнодемографические процессы, особенности этнического расселения, этнические миграции и проблемы адаптации мигрантов исследует И.А. Субботина. В.Н. Шамшуров изучал вопросы, связанные с характером расселения различных этнических сообществ. И.А. Гришаев занимался проблемами социально-этнического разнообразия внутрисемейных отношений и быта. Вопросы культуры также входили в сферу

интересов этносоциологов: С.С. Савоскул изучал тему культурной среды и проблемы, связанные с освоением культуры, а в центре внимания Л.А. Тульцевой были сюжеты, связанные с трансформациями обрядово-ритуальных форм культуры. Как специалист в вопросах этножурналистики выступает В.К. Малькова, которая занимается анализом средств массовой информации. Вопросами этнопсихологии стали заниматься также И.М. Кузнецов, изучающий социально-культурные последствия миграционных процессов, и И.А. Снежкова, работы которой посвящены, в частности, проблемам этнической идентичности в России и на Украине. Важную роль в проведении исследований сыграл В.С. Кондратьев как специалист по проблемам выборки и представительности данных и как человек, на плечах которого лежала львиная доля организационной работы.

Тем не менее, не следует думать, что и сами этнографы не использовали в своих работах статистику и количественные (статистические) методы. Использование их в отечественной этнографии имеет давнюю историю, и особенно активизировалось в 1960-е годы. При этом на первом этапе ряд исследователей просто обращались к массовым источникам, полученным в ходе полевой работы, но не ставили задачу строгой представительности первичной информации. В дальнейшем, этнографы, опирающиеся на массовые обследования, под влиянием этносоциологов взяли выборочный метод «на вооружение», решая тем самым проблему репрезентативности данных [2: 279–280].

Особо необходимо отметить сложившуюся на географическом факультете Казанского университета группу этнографов (Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин и др.), изучавших русское население Среднего Поволжья, использовавших в своей работе не только материалы полевых наблюдений, но также статистику и называвших свой подход «статистической этнографией».

Следующим шагом в развитии статистической этнографии стало появление направления, в рамках которого этническое сообщество рассматривается с позиции системного подхода, а в качестве компонентов такой системы выступают различные сферы или аспекты общественной жизни. Первой работой такого рода явилось проведенное под руководством В.В. Пименова в 1968 г. массовое статистически репрезентативное этнографическое исследование удмуртов, выполненное с использованием специального инструментария – «Вопросника». В монографии, посвященной этой работе, этнос характеризуется как «относительно автономная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся сложная социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации, система, функционирование и развитие которой в конечном счете экономически детерминировано» [5: 14].

Позже аналогичные исследования были проведены и в других республиках Волго-Уральской историко-этнографической области: в Мордовии (1973 г.), снова в Удмуртии (1979 г.), в Чувашии (1981 г.), в Марийской Республике (1984 г.), в Калмыкии (1985 г.) и в Башкирии (1986 г). При этом, начиная с 1973 г., наряду с основными коренными народами этих республик изучалось и русское население, а в Башкирии также и татарское. Направление, в рамках которого проводились эти работы, получило название статистико-этнографического. Оно сформировалось «частью во взаимодействии, а частью параллельно с интенсивно развивающейся этносоциологией, широко применяющей статистические методы. Эти две близко родственные, хотя и не сливающиеся дисциплины исследуют этносы под разными углами зрения, во многом подкрепляя и дополняя одна другую» [4: 5].

К этому направлению с теплотой и симпатией относились и коллеги-этносоциологи. При этом, как отмечал И.А. Гришаев, «статистическая этнография должна остаться этнографией, а не превращаться в еще один способ получения массовых данных» [1: 149].

Здесь необходимо отметить, что если этносоциологические исследования проводятся и в наши дни, то после перехода В.В. Пименова – инициатора и бессменного руководителя

всех перечисленных статистико-этнографических исследований – в МГУ им. М.В. Ломоносова в качестве заведующего кафедрой этнографии, что потребовало от него значительных усилий по перестройке процесса обучения, новые статистико-этнографические исследования в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) больше не велись. Другая причина прекращения работ в этом направлении состояла в том, что кадры, участвовавшие в них в 1970–1980-е годы и подготовленные к ним, в основном находились в соответствующих республиках, а их возможность продолжать эту деятельность значительно ухудшалась по третьей причине – из-за общего финансового положения в стране накануне распада Советского Союза. Наконец, четвертая и далеко не последняя по важности причина – смена парадигм в общественной науке и связанное с ней смещение интересов от объективного изучения массовых процессов в сторону исследования субъективных переживаний участников этих процессов.

В итоге, если не считать сборников и отдельных статей, по результатам статистико-этнографических исследований было опубликовано всего две полновесные монографии – по исследованию 1968 года в Удмуртии и 1981 года в Чувашии [5; 6].

Все это явилось причиной того, что сам термин «статистико-этнографические исследования» стал постепенно забываться, а коллеги, пришедшие в науку сравнительно недавно в результате естественной смены поколений, могли в каких-то случаях и вообще о нем не слышать.

Между тем, при всей близости двух направлений – этносоциологического и статистико-этнографического – следует обратить внимание на существующее между ними отличие. Прежде всего, как следует из самих терминов, этносоциология есть социология, учитывающая и изучающая этнические различия, это, следовательно, отрасль социологии. Статистико-этнографические исследования стали проводиться в связи с тем, что этнографы/этнологи начали ставить вопросы, которые они изучали и раньше, но при ответе на эти вопросы они хотели учесть социальные различия. Таким образом, одно направление «идет» от социологии, другое – от этнографии/этнологии. Естественно, одно из направлений может отчасти перекрывать другое и наоборот, но не всегда. Например, статистические распределения распространения тех или иных обрядов интересны с точки зрения обоих направлений, а конкретное содержание этих обрядов – только с точки зрения статистико-этнографического направления. Поэтому в инструментарии – в вопросниках для проведения статистико-этнографических исследований было предусмотрено место для записей конкретного этнографического материала, который обычно собирает этнограф во время своих полевых экспедиций.

Кроме того, в статистико-этнографических монографиях теоретико-методологические вопросы исследования и его методический аппарат, включая описание выборки, предшествует основной части, а не выносится в приложение. Точно так же графы (модели), на которых показана структура взаимосвязей между переменными не выносятся в приложение, а даны в начале главы, следующей за описанием программы исследования, т.к. с их рассмотрения начинается анализ структуры взаимосвязей переменных. Такой порядок изложения материала был принят и в монографии «Удмурты», и в монографии «Чуваши».

Литература

1. *Гришаев И.А.* Статистико-этнографическое исследование народов Поволжья // Советская этнография. 1987. № 2. С. 145–149.
2. *Комарова Г.А.* Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 273–297.
3. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 332 с.
4. Статистика в этнографии. М.: Наука, 1985. 189 с.
5. *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
6. Чуваши: Современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 238 с.

Этносоциологические исследования в Институте этнологии и антропологии РАН в начале XXI века

Р.А. Старченко

Ровно 55 лет назад в Институте этнографии Академии наук СССР был создан Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР. Его возглавил молодой доктор наук Юрик Вартанович Арутюнян, который положил начало бурному развитию этносоциологических исследований. На сегодняшний день этносоциология успешно развивается в России и за ее пределами, в том числе благодаря усилиям и стараниям аспирантов, докторантов и стажеров сектора, которых за 55 лет его существования оказалось более сотни. «Птенцы гнезда Арутюнянова» работают в Москве, Казани, Смоленске, Уфе, Петразаводске, Элисте, Нальчике, Улан-Удэ, а также в Литве, Молдавии, Украине, Беларуси, Армении, Грузии, Азербайджане, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане. Такая география и многочисленные публикации наших коллег свидетельствуют об актуальности этносоциологических исследований, важность которых обусловлена не только высокой научной значимостью, но и общественным, государственным запросом на их результаты. С момента создания Сектора конкретно-социологических исследований, этносоциологи всегда занимались решением практических задач, затрагивая в своих исследованиях наиболее острые и актуальные проблемы. Именно из-за прикладной значимости исследований наших коллег, этносоциологов приглашают в экспертные советы, которые создаются органами государственной власти в России и за рубежом.

За время существования сектора его сотрудники реализовали десятки комплексных этноциологических исследований, а также издательских и научно-организационных проектов, в том числе международных, по конкретным проблемам национальной и миграционной политики, миграции и адаптации мигрантов в принимающих сообществах, двуязычия, повседневной жизни, самоопределения этнических групп, этнической, региональной и других форм идентичностей.

Наряду с оперативными исследованиями по приоритетным научным направлениям и разработкой соответствующих предложений, сектор осуществлял координационную научно-исследовательскую деятельность среди структурных подразделений, разрабатывающих проблематику межэтнических отношений; оказывал научно-методическую помощь; обеспечивал творческие связи между научными и практическими инстанциями, имеющими отношение к сфере социально-этнических и этнополитических отношений; помогал в подготовке квалифицированных кадров по этносоциологической и этнополитической проблематике; проводил научные симпозиумы и конференции с последующей публикацией материалов и результатов; анализировал состояние межэтнических отношений в странах ближнего зарубежья и принимал участие в реализации международных проектов по исследованию этноязыковых и этнополитических ситуаций.

В соответствии с решением Президента Российской Федерации от 4 апреля 2012 г. Минобрнауки России совместно с Российской академией наук создали на базе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Распределенный научный центр межнациональных и религиозных проблем (РНЦ). В течение 10 лет Центр осуществляет ежегодный мониторинг этнополитических ситуаций и проводит этносоциологические исследования в 45 регионах России, взяв за основу подходы и методы, выработанные этносоциологами за 55 лет существования нашего научного направления. ИЭА РАН, осуществляя организационное и методическое обеспечение деятельности РНЦ, координирует работу данной инновационной структуры, объединяющей специалистов из нескольких десятков вузов. С 2013 г., совместно с Сетью этномониторинга центральный офис РНЦ на

базе ИЭА РАН формирует общую методологическую базу и занимается разработкой направлений исследований. С 2019 г. РНЦ на основе индикаторов Сети этнологического мониторинга начал систематическую работу по комплексной оценке состояния межэтнических отношений в 12 регионах федеральных округов: Уральском (Свердловская, Тюменская, Челябинская области), Сибирском (Республика Алтай, Красноярский край, Новосибирская и Омская области) и Дальневосточном (Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края, Чукотский авт. округ, Республика Саха (Якутия)).

В 2021–2022 гг. сотрудники Центра по изучению межэтнических отношений работали по ряду направлений, в том числе в области исследований языковой ситуации, межэтнических отношений в различных регионах России и ближнего зарубежья, миграции, демографических процессов, идентичностей малых этнических групп, локальных проявлений традиционной культуры, специфических субкультур, политики памяти. Общей связующей целью стало изучение, с одной стороны, происходящих в России и сопредельных государствах процессов, влекущих изменения в социально-культурном ландшафте, а с другой – проблем сохранения и функционирования устойчивых этнокультурных и языковых групп.

Этнокультурные, языковые практики на территории бывшего СССР за последние три десятилетия существенно усложнились. Это связано не только с новыми экстерриториальными формами «культурного производства», получившими распространение благодаря радикальному улучшению средств физической и виртуальной мобильности, но и с ужесточившимися политическими установками национальных правительств. Как следствие, предпочтения государства и общества нередко вступают во взаимные противоречия при выборе языка делопроизводства, бизнеса, школы, вуза, СМИ, иных сфер публичного взаимодействия. Языковые разногласия становятся причиной внутри- и межгосударственных напряжений, формируют поводы долговременных противостояний и коллективных травм общественной памяти из-за «наказанных» и «вытесняемых» языков, из-за низведения за пределами России до положения языка меньшинств широко востребованного русского языка. Какова в настоящее время ситуация с реальной потребностью в разных языках, возможно ли бесконфликтное распространение управленческого и бытового двуязычия, каковы перспективы улучшения межгрупповых отношений в языковой сфере и что в этой связи можно улучшить в законодательной сфере – эти вопросы сохраняют остроту, академическую и общественно-политическую актуальность и до настоящего времени остаются нерешенными.

Исследование языковой и этнокультурной ситуации в различных регионах стало одним из приоритетных направлений исследований Центра. Одним из важнейших результатов 2021 г. является проведение сотрудниками ЦИМО симпозиума «Языковая и этнокультурная ситуация в России и зарубежье» на XIV Конгрессе этнологов и антропологов России. В рамках симпозиума работало 3 секции, на которых в общей сложности выступили 95 докладчиков.

В условиях серьезных ковидных ограничений последних лет сотрудники ЦИМО продолжили активную полевую работу, были проведены этносоциологические опросы как в регионах России, так и в странах ближнего зарубежья. Этносоциологическое исследование этнокультурных ориентаций, межэтнических отношений, миграционных настроений, этнической и региональной идентичности, языковой ситуации было проведено в Молдове, Абхазии, Карачаево-Черкесской Республике, Крыму, Адыгее.

Сотрудники ЦИМО организовывали семинары, круглые столы, в которых принимали участие ведущие ученые России. Доклады были посвящены проблемам изучения межэтнических отношений, этнополитической ситуации, радикализму, этнокультурным ориентациям молодежи, исследовались демографические и социально-культурные ориентации

современных женщин, живущих в разных этнорегиональных средах: в малых российских городах и в городах и селах Гагаузии. Были, в частности, рассмотрены представления женщин о семье и числе желаемых детей, материальное положение женщин, их жизненные ценности, удовлетворенность жизнью, опасения и страхи, интересы и запросы.

Кроме того, продолжаются исследования молодежи в разных странах постсоветского пространства, в частности молодежи, живущей в Гагаузии и малых российских городах. Был сделан важный вывод о сохранении приверженности юношей и девушек Гагаузии своей традиционной культуре и этическим нормам и, в то же время, о наметившейся тенденции к снижению числа ее адептов от старших возрастных групп к младшим, что может говорить о процессе некоторого размывания гагаузской этничности. При этом было отмечено возрастающее влияние Турции на гагаузскую молодежь и ее духовный облик. При изучении русской провинциальной молодежи особый акцент был сделан на миграционных ориентациях молодых людей, в частности на отношении их к своей малой родине – аспекте, тесно связанном с проблемой оскудения людскими ресурсами русской провинции. Выводы исследования были направлены на выяснение факторов, тормозящих/стимулирующих отток молодежи из малых городов. Было показано, что любовь к малой родине, свойственная многим молодых людям малых городов, входит в конфликт со стремлением молодежи к улучшению качества своей жизни, что усиливает психологическую нагрузку на молодых людей, способствует обострению стрессовой ситуации, снижению чувства социального оптимизма. В 2021 г. продолжались исследования армянской диаспоры в России. Изучение социально-культурных характеристик российских армян, их планов и намерений, взаимоотношений со старожильческим населением и т.п. важно как с точки зрения улучшения межэтнической ситуации в России, так в плане развития экономики страны.

Совместно с коллегами Белорусского государственного университета продолжалась работа над изучением образа России, Беларуси и Украины в представлениях молодежи. Был сделан вывод о том, что ментальность российских и белорусских студентов в настоящее время сохраняет общую основу, сформированную предыдущими поколениями, в том числе и в советский период. Отдельное внимание было уделено изучению образа России, Украины и Беларуси и представлений о власти и народах этих странах глазами российских студентов.

В 2021–2022 гг. были реализованы этносоциологические опросы в Крыму, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Абхазии, Республике Адыгея, Республике Северная Осетия – Алания. С 14 по 24 мая 2021 г. был проведен этносоциологический опрос студентов различных факультетов Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск) и Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск). Опрошено 400 студентов, проведены экспертные интервью с преподавателями данных университетов. Актуальность исследования обусловлена исторической полиэтничностью и поликонфессиональностью региона, а также нарастающими процессами урбанизации, миграциями населения внутри республики и за ее пределами. Предварительные результаты опроса показывают устойчивое положение русского языка как средства межэтнического общения, средства обучения и средства деловой коммуникации. При этом почти никто из опрошенных не владеет другими государственными языками республики, кроме русского и языка своей национальности. В повседневном общении они также чаще используют русский язык, особенно вне общения с членами семьи или родственниками.

Несмотря на то, что около пятой части опрошенных оценили межэтнические отношения в регионе как не совсем спокойные, подавляющее большинство за прошедший год не сталкивалось с примерами негативного к себе отношения или дискриминации.

С 3 по 17 июня 2021 г. был проведен этносоциологический опрос жителей города Бахчисарай и сел Бахчисарайского района Республики Крым по теме «Культура, языки и возможности развития Крыма». Было опрошено 647 человек согласно установленной возрастно-половой выборке, соответствующей демографической структуре населения района. Данный опрос продолжает многолетние исследования по программам изучения языков и социально-культурному развитию населения Республики Крым.

Предварительные результаты этносоциологического опроса, а также глубинные интервью с жителями показывают, что в 2021 г. межэтнические отношения в районе жители оценивали как спокойные и стабильные, подавляющее большинство опрошенных указывало, что не сталкивалось со случаями дискриминации по национальному, языковому или конфессиональному признакам. Для большинства опрошенных более проблемными были вопросы экономического и социального развития Крыма, Бахчисарайского района и своего населенного пункта. Ограничения, вызванные новой коронавирусной инфекцией, негативно отразились на экономическом положении местных домохозяйств. Несмотря на многочисленные сложности и проблемы развития региона, на которые указали респонденты, подавляющее большинство опрошенных не планирует переезжать из Крыма в другой регион России или другую страну.

Ответы жителей Бахчисарайского района на вопросы о гражданской, региональной и этнической идентичности подтверждают выявленные более ранними опросами в других частях полуострова закономерности: общегражданская российская идентичность сильнее выражена у тех, кто идентифицирует себя русскими, однако и у них она очень сильно связана с региональной, крымской идентичностью – «мы – крымчане»; у большинства крымских татар региональная крымская идентичность часто неразрывно связана с этнической, крымско-татарской идентичностью.

В рамках этого экспедиционного выезда были проведены исследования лингвистического ландшафта города Бахчисарай. Актуальность данного исследования связана с тем, что, несмотря на многолетнее существование в Республике Крым трех государственных языков (крымско-татарского, русского и украинского), исследования лингвистического ландшафта городских пространств полуострова еще не проводилось. Результаты исследования показывают доминирование русского языка во всех сферах общества. Крымско-татарский язык в лингвистическом ландшафте города представлен очень ограничено. Украинский язык, несмотря на его статус как одного из государственных языков Республики Крым, в лингвистическом ландшафте Бахчисарая отсутствует, что, вероятно, связано с тем, что украинцы, проживающие в Бахчисарае и Бахчисарайском районе, свободно владеют русским языком, который чаще всего является для них единственным языком повседневного общения.

С 11 по 18 октября 2021 г. проведен этносоциологический опрос студентов по теме проекта «Языковая ситуация и социально-культурные изменения в Республике Абхазия». Опрос проведен методом массового анкетирования студентов различных факультетов Абхазского государственного университета, проведены экспертные интервью с преподавателями университета и научными сотрудниками Академии наук Абхазии. Подобный этносоциологический опрос проводился в республике впервые. Предварительные результаты исследования показывают устойчивое положение русского языка как языка межэтнического общения и одного из официальных языков делопроизводства и образования в республике. Подавляющее большинство опрошенных независимо от национальности не отметили фактов дискриминации по отношению к себе по этническим, языковым или религиозным признакам. Современная молодежь Республики Абхазия не владеет грузинским языком (кроме этнических грузин и мегрелов). Не владеют грузинским языком и представители среднего поколения жителей.

Большинство опрошенных студентов не планируют уезжать из Абхазии на длительный срок или менять место жительства. Несмотря на обязательное изучение абхазского языка в школах республики, подавляющее большинство молодых людей из неабхазских этнических групп абхазским языком в повседневной жизни не пользуются или пользуются ограниченно. В этнически смешанных коллективах используют русский язык, а абхазский язык используется как маркер включенности собеседника в группу «своих».

С 11 апреля по 21 мая был проведен этносоциологический опрос студенческой молодежи Республики Адыгея, посвященный изучению этнокультурных и языковых ориентаций адыгейской молодежи. Было опрошено 1200 респондентов. Для студентов-адыгейцев очень важную роль имеет этническая принадлежность. Доля владеющих адыгейским языком среди студентов оказалась очень высокой, но отчетливо заметна разница между студентами, родившимися и выросшими в городе и сельской местности. Первые, в целом хуже знают адыгейский язык и среди них выше доля тех, кто вовсе им не владеет. Доля владеющих адыгейским языком среди студентов Адыгеи оказалась более 80%. Между студентами горожанами и сельской молодежью есть разница в уровне владения адыгейским языком. Так, студенты, родившиеся в городе, хуже знают язык и меньший процент опрошенных им владеют. Адыгейский язык не воспринимается престижным и востребованным, кроме того, по мнению респондентов, он связан с культурой, которая на фоне соседствующей (русской) постоянно находится под угрозой признания как «низкой», при этом частью общества порицается незнание языка. Сферы возможного применения адыгейского языка в Республике Адыгея продолжают оставаться весьма ограниченными. Адыгейский язык в значительной мере используется в домашнем общении, преимущественно среди сельских жителей. Большой комплекс проблем – статусных, социальных и экономических – являются труднопреодолимыми.

Продолжились исследования исторического влияния миграций в пределах Волго-Уральского региона на религиозные особенности и изменения в конфессиональной сфере у разных этнографических групп кряшенского населения.

Сравнительное исследование Крыма в культурной памяти и символической политике России и Украины основано на подходе, который сфокусирован на публичной репрезентации политических процессов и использовании разнообразных символических форм – памятников, музейных экспозиций, памятных речей политических деятелей и др. Поскольку конкурирующие политические силы зачастую переносят свою борьбу в символическое пространство, в том числе, эксплуатируя различную трактовку исторических событий и различную оценку исторических личностей, борьба за символы зачастую тесно связана с борьбой за символические и материальные ресурсы, особенно в периоды нестабильности и неопределенности.

Сотрудниками ЦИМО уделено особое внимание языковым проблемам, которые актуализировались в период проведения Всеобщей переписи населения в России: была исследована проблема изменения списков языковых категорий, использовавшихся статистиками от переписи к переписи. На протяжении длительного (более столетия) периода, в течение которого в стране проводились переписи населения, неоднократно изменялись цели изучения языковых характеристик населения и, соответственно, назначение соответствующих вопросов в переписных бланках. Данные этносоциологических исследований подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования языковых вопросов переписного инструментария. Во-первых, так же как и в вопросе о национальности, давно назрела необходимость учета случаев, когда человек считает родным не один, а несколько языков. Во-вторых, как показали результаты исследований, весьма ценную информацию дают ответы на вопрос о языке, на котором человек общается дома, причем и здесь лучше предусмотреть возможность для опрашиваемого в ответе указать более чем один язык.

Наконец, в-третьих, при разработке вопроса о языках, имеет смысл отражать в итогах переписи не только число лиц, владеющих тем или иным языком, но также число лиц, владеющих несколькими языками одновременно, по крайней мере, в таких случаях, когда число указавших определенные сочетания языков (например, татарский и башкирский, русский и украинский) оказывается значительным. То же самое можно пожелать и в отношении родных языков и языков домашнего общения в случаях, если сказанное в позициях «во-первых» и «во-вторых» однажды осуществится.

Результаты этносоциологических опросов подтверждают, что в регионах есть существенный запрос на изучение русского языка как языка межнационального общения, а также есть существенный запрос на изучение национальных языков в формировании общего культурного пространства. Естественные языковые практики в регионах исследования развиваются в сторону доминирования русского языка.

Наиболее актуальной задачей для ИЭА РАН остается осуществление мониторинга межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Российской Федерации, изучения феномена ксенофобии, радикальных и этноцентристских идеологий, информационных методов национального и националистического строительства, изучения политики социальной и исторической памяти и различных форм массовой идентичности, в том числе религиозной. Большая часть исследований не имеют аналогов в мировой науке и востребованы как научным сообществом, так органами государственной власти.

Шесть лет назад не стало основателя этносоциологии Юрика Вартановича Арутюняна, чуть более двух лет назад ушел из жизни мой учитель – Михаил Николаевич Губогло, а год назад из-за последствий перенесенной коронавирусной инфекции мы потеряли Леокадию Михайловну Дробижеву. Это невосполнимые потери. Но я все же с оптимизмом смотрю в будущее; уверен, что этносоциология в силу своей нацеленности на решение прикладных, общественно значимых задач и открытости к широкому междисциплинарному диалогу всегда будет востребована и продолжит активно развиваться.

Тува: исследовательское поле российских этносоциологов

З.В. Анайбан

З.В. Анайбан

В данной работе мне бы хотелось остановиться на наиболее масштабных, важных и значимых этносоциологических исследованиях, которые были организованы и реализованы непосредственно под руководством моих бесконечно почитаемых и любимых учителей, основоположников российской этносоциологии – д.и.н., проф. Леокадии Михайловны Дробижевой и д.и.н., проф. Михаила Николаевича Губогло в Республике Тыва в разные годы, но преимущественно в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Необходимо отметить, что своими исследованиями в целом они внесли неоценимый вклад в развитие тувинской этносоциологической школы. Как справедливо отмечала тувинский философ Ч.К. Ламажаа в своей статье «Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях», собственно тувинская этносоциология в 1990-е годы начала развиваться, благодаря участию в проектах представителей московской школы. Особенности работ в эти годы были связаны с общей либерализацией в стране, расширением влияния этнонационального фактора на различные стороны жизни общества» [5: 33].

Особый новый этап этносоциологических исследований в Туве, относящийся к началу 90-х годов прошлого столетия, был непосредственно обусловлен и напрямую связан с теми известными кардинальными этнополитическими и социально-экономическими изменениями, которые затронули все без исключения сферы жизнедеятельности российского общества. При этом отдельное пристальное внимание в этих исследованиях стало уделяться этническим проблемам, по-новому проявившимся на волне всплеска процессов суверенизации, распада Советского Союза, разного типа межнациональных конфликтов и напряженности. Как по этому поводу, исходя из сложившейся на тот период этнополитической ситуации в России, писала Леокадия Михайловна, «в условиях обращения политиков и государственных деятелей к национальным, этническим ценностям для мобилизации масс, потребность в научных исследованиях этнической идентичности и межэтнических отношений небывало возросла» [6: 10].

В этом ряду, прежде всего, следует назвать исследование Сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН по международному научно-исследовательскому проекту «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение

конфликтов в Российской Федерации», автором и руководителем которого была Леокадия Михайловна. Программу проекта разрабатывала А.Р. Аклаев (Москва), З.В. Анайбан (Республика Тыва), У.А. Винокурова (Республика Саха (Якутия), Г. Лапидус (США), Р.Н. Мусина (Республика Татарстан), Г.У. Солдатова (Москва – Республика Северная Осетия).

Основной целью проекта было исследование динамики этнического самосознания и межэтнических отношений в республиках Российской Федерации в условиях глобальных

перемен во всех сферах жизни российского социума. Как было сказано в «Предисловии» одной из книг, подготовленной в рамках этого проекта и изданной в 1995 г., «начиная работу над проектом в республиках Российской Федерации, мы поставили цель изучить, в какой мере социально-политическая трансформация общества, этнический ренессанс будут сопровождаться взрывами национализма, этнорегиональным сепаратизмом, при каких условиях можно избежать перерастания этнической напряженности в насильственные конфликты...» [7: 7]. Среди основных задач также было определение факторов, влияющих на характер контактов, выявление этнического самочувствия разных социальных групп, установление бытующих представлений о взаимоотношениях между различными этносами в республике, изучение оценок и ориентаций населения на межэтническую ситуацию и национальные отношения.

Опрос был проведен в 1994 г. в Туве и еще в трех республиках Российской Федерации – Татарстане, Саха (Якутия), Северной Осетии. Выборка в каждой республике составила 1000 человек. Конкретным объектом исследования в Татарстане были татары и русские, в Саха (Якутии) соответственно якуты и русские, в Северной Осетии – осетины и русские, в Туве – тувинцы и русские. Предметом сравнительного исследования явились политические взгляды, баланс национальных и гражданских ценностей, национальные интересы и жизненные приоритеты народов в разных этносоциальных и этнокультурных ситуациях, тенденции и механизмы формирования этнической идентичности, мотивы поведения в условиях межнациональных контактов в политической, социальной и экономической сферах, условия, способствующие достижению межнационального согласия или, наоборот, стимулирующие межнациональную напряженность и конфликты. Согласно программе, опрос проводился среди взрослое (старше 18 лет) городское и сельское население республик. Анкета исследования состояла из 131 вопроса. Расчеты выборки данного исследования были проведены сотрудником Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН И.А. Субботиной. Так, в итоге в выборку в Туве были включены столица республики г. Кызыл, г. Ак-Довурак, г. Шагонар и сельские поселения Уюк, Усть-Элегест, Хову-Аксы, Сукпак. После организации и проведения данного опроса обработка его материалов была осуществлена в названном институте под руководством сотрудника того же Центра А.Д. Коростелева.

В осуществлении этого опроса в Республике Тыва участвовали сотрудники сектора этносоциологии Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва), преподаватели и студенты Тувинского государственного университета, а также представители общественности. При этом одним из условий участия в опросе в качестве интервьюера (как это соответствовало традициям этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН) было знание языка основных этнических групп республики – тувинского и русского.

По итогам реализации этого проекта были изданы следующие коллективные монографии – «Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов» (М., 1994), «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества» (М., 1994), «Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика» (М., 1995) и «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов» (М., 1996). В этих работах, наряду с освещением вопроса национального самосознания как важного принципа этнической общности, были подвергнуты серьезному анализу обозначившиеся в то время острые проблемы в области межэтнических отношений. Следует заметить, что при этом у авторов не было полного единства взглядов и прослеживалась различная степень осмысления и анализа сложившейся межэтнической ситуации в тех или иных республиках. Однако общей отличительной особенностью этих работ

являлось то, что исследование поставленных проблем было построено на сравнительном материале, полученном в результате этносоциологических исследований в четырех республиках Российской Федерации, характеризовавшихся на тот период наличием разных уровней межэтнической напряженности. Кроме того, в этих исследованиях получили теоретическое обобщение типы этнической идентичности, а также особое внимание было уделено вопросу идеологии в развитии конфликтных этнополитических ситуаций, экономическому национализму.

В подготовке публикаций, основанных на результатах данного и других исследований, приняли участие также и тувинские этносоциологи. Так, например, в работе «Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов» специальный раздел был посвящен изучению межэтнической ситуации в Республике Тыва, в период, когда в данном регионе не так давно, в начале 1990-х годов, наблюдалось противостояние и имели место межэтнические столкновения [6: 117–134]. Так, в числе ведущих факторов, способствующих сохранению в то время межэтнического напряжения в Туве (середина 90-х годов прошлого века), исследование выявило: существенное преобладание сельского населения среди тувинцев по сравнению с численностью сельских жителей среди русских; все возрастающий приток населения из сел в города; рост безработицы, особенно среди тувинской молодежи. В представлении опрошенных ухудшение межнациональных отношений связывается, в первую очередь, с причинами экономического характера. Вместе с тем, в этой работе с привлечением большого массива эмпирического материала, в том числе результатов данного этносоциологического исследования, был сделан важный вывод, что, несмотря на то, что обеспокоенность межнациональными отношениями в Туве обоснована и напряженность в общении между людьми разных национальностей существует, для большинства населения все же характерна достаточно высокая степень этнической толерантности и отмечается очевидная тенденция к стабилизации этнической ситуации [6: 133].

В этой связи, говоря о весьма важной составляющей проводимых исследований в Республике Тыва, а именно об их практической значимости, необходимо отметить, что анализ полученных в процессе реализации данного проекта материалов регулярно предоставлялся в виде «Пояснительных записок» республиканскому руководству. И надо признать, что, учитывая сложившуюся на тот момент межэтническую ситуацию в регионе, местная власть достаточно позитивно и даже с благодарностью относилась к подобным «отчетам» и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что, ознакомившись с представленными данными, «брала их на вооружение». Впоследствии докторская диссертация З.В. Анайбан, посвященная исследованию межнациональных отношений в Республике Тыва, и опубликованная по этой теме монография, также были основаны на анализе полученных в ходе названного исследования материалов.

Добавим также, что в 1995 г. в рамках названного проекта под руководством Л.М. Дробижевой был осуществлен выборочный опрос среди трех экспериментальных групп населения Тувы – политической элиты, творческой интеллигенции и работников квалифицированного физического труда. Всего было опрошено 240 человек представителей титульного этноса и русских жителей республики. Исходя из того, что состояние межнациональных отношений в любом регионе определяется совокупностью факторов исторического, политического, экономического, этнокультурного порядка, одной из основных задач этого исследования было изучение мнений и оценок местного населения относительно складывающейся социально-экономической обстановки, реальной перспективы своего благосостояния, обусловленного социально-экономическими реформами в стране.

Анализ результатов данного исследования показал, что на тот момент среди опрошенных в Туве социальных групп не наблюдалось существенных отличий в характеристике

состояния межнациональных отношений. В частности, на то, что ситуация спокойная, указали от 55 % (творческая интеллигенция, русские) до 83,6 % (политическая элита, тувинцы) опрошенных. По материалам этого опроса, ни в одной из групп русских не было отрицательных оценок межэтнической ситуации. Все это вселяло надежду на скорую стабилизацию межнациональных отношений в Туве. Во всех трех достаточно полярных по роду занятий группах, с одной стороны, буквально единицы причисляли себя по уровню дохода к высшему классу, с другой, – довольно значительным было число тех, кто относил себя к низшему классу. Наибольший пессимизм при оценке сложившейся жизненной ситуации выразила именно национальная творческая интеллигенция, считающая, что «терпеть наше бедственное положение далее невозможно» (42,5 %). В целом материалы этого исследования свидетельствовали о существовании различий в установках, ориентациях, оценках состояния межнациональных отношений не столько между опрошенными группами, сколько между этносами, независимо от их социального статуса и занимаемой ими этноэкономической и этнополитической ниши [1: 286–287].

В ряду отличительных характеристик этносоциологических исследований начала 90-х годов прошлого века следует назвать их сопряженность с политическими процессами и обусловленность ими. В числе первых этносоциологических исследований постсоветского времени, направленных на изучение предвыборной ситуации в России в тот период, прежде всего, несомненно, следует назвать проведенный по инициативе и под руководством проф. М.Н. Губогло среди населения разных субъектов Российской Федерации, в том числе и в Туве, крупномасштабный опрос 1993–1995 гг. Как позднее отмечал Михаил Николаевич в своей книге «Развивающийся электорат России. Т.1. Истоки» (1996 г.), подготовленной в том числе с использованием материалов этносоциологических исследований, «изучение электората никогда раньше не входило в предметную область отечественной этнографии и этнологии. Включение этнополитического ракурса предвыборной кампании в предметную область этнологии имеет глубокий смысл и основано на объективной необходимости, связанной с задачами изучения глубоких перемен, происходящих в России в связи с реформацией и этнической мобилизацией. Переход от тоталитарных форм голосования к демократическим, основанным, помимо прочего, на свободной конкуренции кандидатов в депутаты, на соревновательной борьбе политических партий, вносит существенные коррективы в суть и характер межнациональных отношений» [3: 5].

Надо сказать, что этот опрос – исследование предвыборной ситуации в разных регионах Российской Федерации был реализован по проекту, который был разработан американскими социологами – Джерри Хаффом (Университет Дьюка), Тимоти Колтоном (Гарвардский университет) и Сьюзен Лейманн (Колумбийский университет). В осуществлении этого проекта приняли участие как российские, так и американские исследователи. Согласно намеченному плану проекта, перед предстоящими выборами 12 декабря 1993 г. было опрошено приблизительно по одной тысяче человек в каждой из шестнадцати республик, тридцати пяти областей и краев Российской Федерации. Для проведения этносоциологического опроса в этих регионах в качестве интервьюеров были привлечены местные жители, как правило, из числа служащих разных организаций и ведомств, преподаватели учебных заведений. М.Н. Губогло руководил этим исследованием в республиках, во всех других российских субъектах руководство было возложено на директора Центра социологических исследований при Московском государственном университете С.В. Туманова.

В республиках России опрос проводился по многоступенчатой, стратифицированной выборке, разработанной И.А. Субботиной, представительной для городской и сельской части титульных национальностей и русских. Наряду с этим, были дважды опрошены 4000 человек сначала по предвыборному, а затем, после завершения выборов, по поствы-

борному вопросникам в ста районах России, включая Туву (по 40 человек в каждом районе) по той же всероссийской выборке. Этот поствыборный вопросник дал возможность вторично опросить те же самые 4000 респондентов по той же общенациональной выборке, но уже с дополнительными вопросами, которые были нацелены на выявление факторов и мотивов поведения электората до и в процессе выборов, на определение социально-психологических причин, обусловивших избирателей намеренно или ненамеренно принять то или иное решение перед тем голосованием.

Данные, полученные по итогам массовых опросов в каждой из республик, а также по итогам реализации общенациональной выборки, были введены в компьютер, проконтролированы специально разработанными программами коллективом программистов и операторов во главе с Т.И. Губогло. В результате были оформлены две базы данных, конвертированные в среду SPSS. Базы были переданы в республики для сравнительного изучения этнополитической ситуации как в конкретном регионе, так и в России в целом [3: 12].

В результате успешной реализации этого масштабного исследования удалось получить ценные и необходимые материалы, раскрывающие изменения в установках и ориентациях россиян с учетом их этнических различий, в частности, в положении представителей титульных этносов и русских.

При составлении предвыборного вопросника был использован богатый опыт отечественных этносоциологических исследований, в том числе опросные листы, разработанные этносоциологами Института этнологии и антропологии РАН под руководством чл.-корр. Ю.В. Арутюняна. Вопросник состоял из нескольких блоков вопросов, в числе которых были данные о происхождении опрашиваемого (блок А), о его семье и семейных отношениях (блок Б), о работе, образовании и социальной мобильности (блок В), об экономике (блок Г), о демократизации (блок Д), о предвыборной кампании (блок Е), о выборах (блок Ж), о характере этнополитической ситуации (блок И). Очевидно, что такой вопросник, включавший в итоге 197 вопросов, предполагал большие возможности для серьезного разностороннего анализа, одной из основных задач которого было создание «портрета» современных избирателей. Уместно добавить, что в заключительной части этой анкеты были сформулированы вопросы, не утратившие актуальности и даже ставшие более значимыми в наши дни, как-то: «Заглядывая в XXI век, можете ли Вы указать главную угрозу безопасности России?» или «Должно ли Российское государство защищать права русских, живущих в бывших союзных республиках СССР?».

Подытоживая результаты проведенных опросов, Михаил Николаевич писал, что «исследования в 1993–1995 гг. дали возможность для создания социологического портрета российского электората. Пробуждающийся электорат России становится одним из тех механизмов, с помощью которого формируется … “корневая” демократия (*grass-roots democracy*), а граждане России выходят из состояния державнического иждивенчества и становятся на рельсы демократической деинфантилизации» [3: 15]. И он был убежден, что формирование, развитие и самосовершенствование нового электората России является одной из приоритетных задач, одной из важнейших предпосылок политического, социального и экономического роста многонациональной страны. С его точки зрения, без заинтересованного, уверенного в себе избирателя, грамотно и хорошо подготовленного, знающего правила игры избирательной кампании, трудно рассчитывать на значительные успехи в реформировании, в обновлении страны, в ускорении ее развития [3: 16].

Следует также сказать, что кроме названного крупного исследования по изучению предвыборной ситуации, Михаил Николаевич был руководителем еще двух других этносоциологических опросов, осуществленных в 1990-е годы среди жителей Тувы. Так, в 1997 г. под его руководством был организован и проведен среди тувинской молодежи

опрос по проекту «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование». Данное исследование было проведено Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с Центром социологических исследований МГУ. В итоге в каждом российском регионе, включая Туву, было опрошено по 800 учащихся. Кстати сказать, в анкете данного исследования в том числе были и такие вопросы как: «Поддерживаете ли Вы иностранные вложения в экономику России?», «Преследует ли Запад цель ослабить своими экономическими советами?», которые, как видим, злободневны и сегодня.

Назовем также опрос, реализованный в ноябре 1998 г. по плану международного проекта «Русские как меньшинства в республиках Российской Федерации», в осуществлении которого участвовали Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, Центр социологических исследований при МГУ, возглавляемый С.В. Тумановым, и Европейский центр по изучению миграций и межэтнических отношений (Утрехтский университет, Голландия) [2: 8]. Автор данной работы был ответственным за реализацию этих исследований в названной республике.

И вместо заключения хочется еще раз выразить чувство безмерного уважения и любви моим учителям – Леокадии Михайловне и Михаилу Николаевичу, благодаря которым, по моему глубокому убеждению, состоялось мое становление как исследователя, как этносоциолога. Впервые порог Института этнографии АН СССР я перешагнула в далеком 1977 г., когда была направлена из Тувы на стажировку в Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР данного института. Надо признать, что для меня, до того не знавшей и не слышавшей об этносоциологии ровным счетом ничего, мои «первые университеты» по постижению азов этносоциологии, несомненно, были связаны с названным сектором, его сотрудниками и, в первую очередь, с Леокадией Михайловной, которая в то время была замом Юрика Вартановича Арутюняна, бессменного руководителя этого сектора, и, конечно же, с Михаилом Николаевичем. По прошествии многих лет я нередко мысленно возвращаюсь к тому времени и с особой теплотой и благодарностью вспоминаю ту бескорыстную помощь, поддержку и внимание, которую оказали они мне, вчерашней студентке из провинции. А их коллективная монография «Этносоциология», где практически впервые столь обстоятельно был рассмотрен как сам предмет этнической социологии, так и ее основные направления исследования (первая была опубликована в 1984 г., вторая – в 1999 г.) и по сей день является для всех нас, «птенцов гнезда Арутюнянова», настольной книгой.

Михаил Николаевич был человеком острого и пытливого ума, большим эрудитом, ученым, как принято говорить, прекрасно владеющим пером и глубоко знающим свое дело, постоянно фонтанирующим разнообразными идеями и замыслами. Несмотря на то, что тематика его научных изысканий была довольно обширна и разнообразна, все же среди них особую нишу занимали его исследования, посвященные родным гагаузам. К великому сожалению, многому из того, о чем он думал и планировал, не суждено было сбыться. А каким он был великолепным оратором, незаменимым и непревзойденным организатором и тамадой на разных торжественных и праздничных мероприятиях, проводимых как в секторе, так и в стенах института! Как и всем, мастерски владеющим ораторским искусством, ему нравилось, когда его слушают и внимают. Позже, когда я стала аспиранткой Института этнографии, Михаил Николаевич был моим научным руководителем. Под его руководством я подготовила кандидатскую диссертацию по теме «Тенденции развития этноязыковых процессов в Тувинской АССР», которая была основана непосредственно на материалах этносоциологических исследований. Надо отметить, что он любил подолгу беседовать со своими аспирантами, наставлять их, подкидывать им какие-то новые идеи,

связанные непосредственно с проблематикой их исследования. В то же время с его стороны как руководителя не было жесткого контроля, он предоставлял своим ученикам полную свободу действий. Вместе с тем, будучи человеком, уважающим иные, чем его, взгляды и суждения, он принимал и с должным пониманием относился к тем или иным мнениям своих учеников, хотя порою и не разделял их позиции.

Следует отдельно сказать о прекрасных организаторских способностях Михаила Николаевича, его таланте работать и находить общий язык с людьми, которые его окружали. Я в этом еще раз воочию убедилась, когда под его руководством в 1990-е годы участвовала в реализации вышеназванных проектов. Так, например, когда в связи с проведением этносоциологического исследования в Туве они со своей супругой Татьяной Ивановной приезжали в Туву, он смог в кратчайшие сроки не только организовать, но и, что важно – качественно осуществить намеченный опрос. Кроме того, параллельно этой работе, в связи со сбором эмпирического материала для будущей книги, он успевал посетить множество разных республиканских организаций. Его энергии и работоспособности можно было только позавидовать! Помню, на мой вопрос о том, остается ли у него время на отдых и сон, он ответил, что «здесь, в Туве, такой волшебный воздух, который дает неимоверный прилив сил, что не чувствуешь усталости». Кстати, впоследствии одним из итогов этой поездки стала, выполненная под руководством Михаила Николаевича, коллективная монография «Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы» (М., 1999) [2].

Леокадия Михайловна… Она была моим кумиром и примером подражания во всем. Я всегда восхищалась ее незаурядным умом, ее неиссякаемой жизненной энергией и оптимизмом, которые удачно сочетались и гармонировали с ее женственностью, изысканным стилем и вкусом.

В годы моей учебы в докторантуре Института этнологии и антропологии РАН Леокадия Михайловна была научным консультантом моей докторской диссертации, а до этого, на протяжении 1990-х годов, по ее приглашению, я была, как она говорила, членом ее команды по реализации нескольких научных проектов, которыми она руководила. В частности, на меня была возложена ответственность за проведение этносоциологических опросов в Республике Тыва, предусмотренных в рамках этих проектов. И все эти годы, находясь рядом с ней, кроме всего прочего, я не уставала поражаться ее научной интуиции и прозорливости, к примеру, умению не только основательно и в то же время оперативно изучить те или иные проблемные вопросы, то и дело возникающие в этнической жизни российского социума, но и на этой основе разработать аргументированные предложения и практические рекомендации по их регулированию и решению.

При всех заслугах и регалиях, широкой известности и высоком авторитете не только среди научного сообщества, но и среди «власть предержащих», Леокадия Михайловна была человеком чрезвычайно деликатным и скромным. Важно отдельно сказать, что у нее было не просто толерантное, а очень чуткое и поразительно бережное отношение к представителям любой этнической группы. Не случайно, в своих работах, говоря о методологии и методике этносоциологических исследований, она особо подчеркивала, что «этносоциологу, проводящему исследование, должна быть присуща социальная чувствительность, чуткость, в том числе тогда, когда он формирует вопросы, обращенные к респонденту, и делает выводы. Опросы не должны провоцировать межэтнический негативизм, агрессивный национализм. Равно как и правдивые выводы, даже самые горькие, должны быть выражены в форме, не задевающей национального достоинства групп, относительно которых они сделаны» [6: 25]. Все это я имела возможность наблюдать, когда она руководила масштабным исследованием в Туве, где было привлечено достаточно большое число местных жителей разных национальностей, с одной стороны, в качестве интервьюеров, с

другой, – респондентов, а также, когда она лично проводила в Туве опрос-интервью республиканской политической элиты. Результатом этой работы стала ее книга «Говорит элита республик Российской Федерации», основанной на результатах ее бесед с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений четырех российских регионов [4]. Леокадию Михайловну знали и уважали в разных уголках нашей страны, где наряду с ее научно-профессиональными и деловыми контактами у нее были и навсегда остались теплые дружеские отношения с региональными коллегами. К слову сказать, все это, присущее именно ей, привитое и наработанное не в уютных кабинетах, было большим подспорьем в решении и достижении всего того, что было ею сделано как на научном поприще, так и в общественной жизни в целом.

Такое же отношение распространялось и на нас, ее учеников – аспирантов и докторантов. Например, при всей ее неимоверной занятости она часто приглашала нас к себе домой. Достаточно сказать, что с начала 2000 г., на протяжении пяти лет Леокадия Михайловна возглавляла Институт социологии РАН. Принимая нас дома, прежде чем говорить о работе, консультировать нас, она обязательно накрывала стол и угощала нас. Разве такое забывается?! Увы, за все эти годы, что мы с семьей живем в Москве, нам только однажды удалось «заманить» ее к себе в гости на наше семейное торжество...

Трудно смириться с мыслью и до сих пор невозможно поверить, что их больше нет рядом с нами…. С нами остались светлая память о них, их бесценные научные труды.

Литература

1. *Анайбан З.В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Туве // Развивающийся электорат России. М., 1996. Т. 3. С. 245–297.
2. *Анайбан З.В., Губогло М.Г., Козлов М.С.* Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. М.: ИЭА РАН, 1999. 420 с.
3. *Губогло М.Н.* Развивающийся электорат России. Т. 1. Истоки. М., 1996. 380 с.
4. *Дробижева Л.М.* Говорит элита республик Российской Федерации. М., 1996. 302 с.
5. *Ламажаа* Ч.К. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 32–51.
6. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. 273 с.
7. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. 300 с.

Этносоциология в Коми: по волнам нашей памяти

Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко

В марте 2015 г. Сыктывкарский государственный университет, который в свое время носил гордое наименование «имени 50-летия СССР», стал университетом им. Питирима Сорокина, а спустя пару лет перед главным корпусом университета появился памятник одному из отцов-основателей американской социологии и одновременно основателю факультета социологии в Гарварде, где после его смерти стали присуждать премию за лучшую книгу по социологии, носящую его имя. Мать П. Сорокина была коми, родом из деревни Турья, расположенной ныне в Княжпогостском районе республики, а отец – русским из Великого Устюга, зарабатывавшим себе на жизнь плотничьим ремеслом.

Становление Сорокина как ученого происходило первоначально под влиянием известного коми писателя и исследователя Каллистрата Жакова, этнографические описания которого не потеряли своей привлекательности и для современных исследователей [4]. Не случайно, что первые научные опыты П. Сорокина были связаны с попытками этнографических описаний традиций коми-зырян. Описывая историю этносоциологических исследований в Коми, мы непременно вспоминаем имя Сорокина и, конечно, появляется искушение связать ее с трудами одного из самых известных уроженцев Коми края. Но это был бы один из очередных мифов, которые рождаются в «процветающей республике» лишь для того, чтобы скрыть полное банкротство местных элит, ибо «бегство» из республики не прекращается, а с 1989 г. население сократилось уже почти на 40%. В последние годы мифотворчество в Коми расцвело буйным цветом, и теперь мы знаем, что время, когда здесь зародилась и окрепла этносоциология, было «золотым веком» Коми, но связано это процветание не с достижениями ученых, а с именем еще одного местного уроженца – первого секретаря Коми обкома КПСС И.П. Морозова, занимавшего эту должность 20 лет. По мнению некоторых представителей местных элит, именно он является самой легендарной фигурой для местного сообщества, а потому его именем названа улица в столице республики, устроен музей в его родной коми деревне, перед городским парком выстроена «точная копия» избы, в которой он родился. В 2021 г. к уже имевшимся памятным доскам добавился памятник, поставленный в честь «выдающегося деятеля коми народа», и это, вероятно, единственный памятник первому секретарю обкома КПСС, который поставлен 30 лет спустя после краха коммунистического режима. Это лишь один штрих к тому, в каких политических и культурных условиях приходится изучать этнокультурные и этнополитические процессы сегодняшним этносоциологам Коми. Но, собственно, нелегко им было всегда.

Этносоциология в Коми имеет свою историю, но она не столь глубока, как история собственно этнографического изучения территории. Этнографические исследования в Коми длятся уже более 250 лет, ибо первые сведения о культуре этого народа были записаны в 1771 г., когда на территории европейского северо-востока побывала экспедиция под руководством академика Ивана Лепехина. Спустя пятьдесят шесть лет, в Коми крае осуществила обширные исследовательские работы экспедиция, возглавляемая членом императорской Академии наук (с 1831 г. – академиком) Андреасом Шегреном, по итогам которой было написано первое монографическое сочинение, посвященное комплексному изучению края, включая язык и традиционную культуру его населения – «Зыряне. Историко-статистико-филологический опыт» (1863). По сути дела, от этой работы, видимо, и следует начинать отсчет публикаций по коми этнографии, у которой был долгий путь, связанный с именами многих замечательных исследователей.

Мы же коснемся только этносоциологии и, отчасти, этнополитологических исследований. Но предварить это повествование хочется словами, которые написал М.Н. Губогло на монографии «Идентификация идентичностей», одаривая ею одного из авторов данной статьи: «Дорогому Юрию Петровичу Шабаеву с искренними пожеланиями могущественной идентичности во всех ее проявлениях». Отвечая на данное «напутствие», мы постараемся идентифицировать себя как с этносоциологией Коми и ее представителями, так и со всем отечественным сообществом этносоциологов и этнополитологов, а инструментом идентификации будет выступать наша память.

А память необходима, ибо традиции этносоциологических исследований в Коми насчитывают уже не одно десятилетие, но вполне вписываются во временные рамки наших личных воспоминаний. Начальные опыты этносоциологических исследований в Коми АССР связаны с именем Ю.В. Гагарина, который первым из местных исследователей стал применять конкретно-социологические методы для сбора полевых материалов. Сферу его научных интересов составляло, прежде всего, изучение религии и атеизма и, в частности – анализ уровня религиозности населения Коми АССР и, конечно, обоснование неуклонного падения роли религии в жизни местного населения. Оценить же распространение религиозных настроений (в трактовке того времени – «религиозных пережитков») и степень приверженности различных групп населения к религиозным верованиям без использования социологических методов было трудно. Заслугой Ю.В. Гагарина является то, что он первым усвоил методы этносоциологии, признал их значение и стал широко применять в практике полевой работы. Наиболее масштабные исследования осуществлялись им в 1964–1968 гг. и в меньших масштабах – в 1973–1974 гг.

Не обладая достаточным уровнем социологической подготовки (хотя она тогда у многих начинающих этносоциологов была не слишком основательной) и не имея возможности привлечь специалистов для разработки программ исследований и проектирования выборок, Ю.В. Гагарин пошел по пути проведения сплошных анкетных опросов взрослого населения сел и деревень (например, в 1964 г. в Удорском районе было опрошено все взрослое население), что требовало опроса многих тысячи респондентов и осуществление длительных и сложных полевые работы, кропотливую обработку огромного массива информации.

Результаты его исследований и опросов нашли отражение в серии публикаций и в обобщающей работе, на основании которой Ю.В. Гагариным в Институте этнографии АН СССР была защищена докторская диссертация. Этой работой стала «История религии и атеизма народа коми», опубликованная в издательстве «Наука» в 1978 г.

Первые же по-настоящему качественные социологические исследования, которые были проведены на территории Коми, связаны с именем Г.П. Белоруковой, которая пришла в отдел этнографии и археологии Коми филиала АН СССР в 1968 г., а в 1969 г. поступила в аспирантуру Института этнографии, где и приобрела навыки использования социологических методов исследований. Именно с этого времени и стали крепнуть связи между этнографами Коми и московскими этносоциологами.

Более того, она занялась изучением этнокультурных процессов в очень специфичной социальной среде, а именно: среди жителей лесных поселков республики. Эти поселки стали возникать в начале 1930-х годов, когда лесозаготовки из сезонного занятия крестьянского населения начали превращаться в специализированное промышленное производство. Лесные поселки были новым типом сельских поселений, в которых к началу 1970-х годов проживала уже треть сельского населения Коми АССР. Эти поселения существенно отличались по составу жителей от сел и деревень. Большинство поселков имели

смешанный в этническом отношении состав жителей, а доля подобных поселений с преобладанием коми жителей была относительно невелика. Поэтому поселки изначально являлись центрами активных межэтнических контактов в сельской местности.

Г.П. Белорукова провела массовый опрос населения лесных поселков в 1970–1971 гг. Опрос проводился в 30 лесных поселках, расположенных в четырех районах республики (в южной и центральной ее части). Выборочная совокупность составила более 1300 респондентов. Результаты исследования показали, что уровень квалификации рабочих, принадлежащих к разным этническим группам (прежде всего русских и коми), примерно одинаков, а возрастной и половой состав лесных рабочих у коми и русских различаются – среди занятых на лесоразработках у коми доля женщин и молодежи была заметно выше, чем у русских. У русских же был выше средний уровень образования, но при этом характер культурного поведения и культурного потребления у представителей обеих этнических групп существенно не различался.

Особое внимание исследовательница уделила анализу двуязычия и, прежде всего, характеру речевого поведения. Она выделила два уровня такого поведения, которые были связаны с этнической средой (преобладанием коми, преобладанием русских) или со сферой деятельности (производственная, бытовая). Результаты анализа показали, что лесные рабочие-коми на производстве предпочитают пользоваться либо только русским, либо русским и коми языками одновременно, а дома – коми; в то же время в поселках с преобладанием русских частота употребления коми русского языка как на производстве, так и в домашнем окружении оказалась выше, чем в поселках с преобладанием коми. Русские в основном и на производстве, и дома пользовались только русским языком, независимо от этнической среды обитания [1]. В 1974 г. Г.П. Белорукова в Институте этнографии АН СССР защитила кандидатскую диссертацию «Лесные рабочие Коми. Современные этнокультурные процессы». Но через два года она покинула Коми, а в начале 1981 г. умер Ю.В. Гагарин. Но массовые опросы, которые все еще носили эпизодический характер, прекратились несколькими годами ранее в силу разных обстоятельств. Систематические этносоциологические исследования в Коми стали проводиться с начала 1980-х годов, когда в отделе этнографии ИЯЛИ Коми филиала АН СССР была сформирована группа этносоциологов, которую возглавил М.Б. Рогачев. Помимо него, в группу вошли Ю.П. Шабаев и В.Н. Денисенко, которые так же, как и руководитель, только начинали свою научную карьеру.

Перед группой с самого начала стояла задача попытаться проанализировать весь комплекс современных этнокультурных процессов: характер этнической ситуации и этнических контактов в различных социальных сферах, языковые и культурные изменения, перемены в материальном быту, этническое самосознание и т.д.

Но на первом этапе работы группы было решено ограничиться изучением этнокультурных процессов среди коми сельского населения, ибо именно на селе проживала основная часть коренного населения республики, и здесь наиболее очевидно можно было проследить процессы этнокультурных трансформаций, происходящих в среде титульного этноса. Первое пилотажное исследование (целью которого была отработка методики полевой работы, проверка анкеты на информативность и технологичность, приобретение навыков интервьюирования) группа провела в полевой сезон 1980 г. в самом южном районе республики – Прилузском. В пяти сельских населенных пунктах района было опрошено 413 человек в возрасте от 18 лет и старше, что составляло 3,3% взрослого коми населения. Первоначально опрос замышлялся как техническое мероприятие, предваряющее большое общереспубликанское исследование. Однако оказалось, что в процессе пилотажа был получен вполне качественный полевой материал, который мог быть опубликован. В результате, спустя почти десять лет после того, как вышла в свет последняя работа

Г.П. Белоруковой, посвященная социологическому анализу межкультурного взаимодействия, был издан препринт, в основе которого лежали материалы очередного этносоциологического исследования, что свидетельствовало о том, что этносоциология заняла прочные позиции в Коми, а потребность в этносоциологических исследованиях не теряет своей актуальности [10].

После завершения пилотажного исследования, авторами были внесены дополнения и уточнения в этнографический вопросник, разработана программа большого общереспубликанского опроса, произведен расчет выборочной совокупности, отобраны населенные пункты, в которых должен проводиться опрос, и определено количество респондентов в каждом из них, намечены маршруты для бригад интервьюеров и подготовлены сами интервьюеры из числа студентов местных вузов.

Опрос проводился летом 1981 и 1982 г., и в каждый сезон надо было работать не менее полутора-двух месяцев, чтобы реализовать намеченную программу, но при этом всем участникам полевой работы по советской традиции было необходимо отработать две недели на сенокосе в совхозе Межадорский (члены группы по очереди отбывали с «поля» на отработку). Общая выборочная совокупность по программе исследований составляла 1500 человек. Число населенных пунктов, в которых проводился опрос, приближалось к пятидесяти, причем во многие из них надо было добираться на самолете (местных маршрутов было много, и все они обслуживались легендарными «кукурузниками» – АН-2). Случались и совсем экстремальные ситуации, когда оказывалось, что наплавной мост, ведущий к выбранному нами населенному пункту, унесен половодьем, и надо преодолевать водную преграду вплавь.

В ходе исследования опрашивалось население сел, деревень и лесных поселков, расположенных в северных, западных, восточных, центральных и южных районах. Естественно, сложности организации полевого этапа не позволяли осуществить масштабный опрос в оптимальные сроки, т.е. в один сезон. Это стало возможным лишь позднее, когда исчезли прежние проблемы с транспортом, а этносоциологи ИЯЛИ Коми НЦ АН СССР обрели достаточный опыт организации массовых опросов. Помимо проблем полевого этапа, большие трудности представляла и обработка анкет. Она осуществлялась в то время вручную. Данные каждой анкеты переносились на миллиметровку, а затем суммировались методом «точкования». Эта работа занимала многие месяцы и была весьма трудоемкой. Тубы с миллиметровкой, на которых была нанесена «база данных» опроса 1981–1982 гг., представляли бы сегодня один из центральных экспонатов в музее отечественной этносоциологии, но, к сожалению, они не сохранились!

Результаты же указанного опроса нашли отражение в целой серии публикаций, были обобщены в научном отчете по итогам полевых исследований и послужили основой для кандидатских диссертаций В.Н. Денисенко и Ю.П. Шабаева, защищенных в Институте этнографии АН СССР в 1986 и 1988 г. Ю.П. Шабаев поступил в заочную аспирантуру Института этнографии в 1980, а Денисенко в очную – в 1981 г. Как начинающему исследователю, окунувшемуся в московскую и большую академическую жизнь, молодой аспирантке приходилось внимательно всматриваться в повседневную жизнь Института, занимавшего тогда последний, четвертый этаж в здании на улице Дмитрия Ульянова.

Научным руководителем В.Н. Денисенко была назначена Л.М. Дробижева.

Из копилки памяти В.Н. Денисенко:

«Леокадия Михайловна в это время была заместителем директора Института Ю.В. Бромлея, который тогда часто болел, поэтому встречаться с ней в ее рабочем кабинете было весьма затруднительно, ввиду большой ее загруженности. В памяти остались многие интересные моменты аспирантской московской жизни, но особенно врезался в нее один забавный случай. Когда я зашла в кабинет Л.М., ее срочно куда-то вызвали. И она попросила

меня сходить в библиотеку и узнать имя и отчество Ю.В. Кнорозова, который должен был к ней зайти. Когда она вернулась, то увидела, что мы сидим с ним вдвоем и ожидаем ее. Мы с Леокадией Михайловной долго потом смеялись над тем, как она пыталась выйти из положения.

Все научные и организационные вопросы решались в квартире Дробижевой, на улице Горького. С большой теплотой вспоминаю маленькую экскурсию по квартире – коврик, на котором она кувыркалась, большой письменный стол – предмет борьбы всех трех членов семьи, кухню, где всегда горел свет… А также ее рассказы о маме-враче, к которой за помощью обращались многие жители этого дома.

Однажды зимой мы с двумя аспирантками поехали в Звенигород навестить Леокадию Михайловну, которая там отдыхала. Поднимаясь по лестнице, мы с девчонками обсуждали свои текущие дела и вдруг услышали позади себя удивленно-возмущенный возглас моего руководителя: “Валя! Вы даже не стесняетесь говорить, что вы сачкуете”. Недоразумение быстро нашло объяснение. Дело в том, что в нашем Институте в Сыктывкаре не было компьютеров и мы обрабатывали анкеты вручную. Метод этот мы называли “точкование”, что близко по звучанию со словом “сачкование”.

Один из самых трогательных моментов наших отношений с Леокадией Михайловной была моя защита диссертации, на которой я получила один черный шар. Она подошла ко мне и очень просто объяснила, что этот шар не мой, а ее. Мотивировала она тем, что недавно состоялась аттестация, результатами которой не все были довольны и просто отыгрались на ее аспирантке. Так это было или не так – уже никогда не узнать. Но такая поддержка запоминается.

Удивительные и теплые отношения в секторе особенно сильно проявлялись во время различных застолий. Помню, как на одном из них сектор вдруг дружно запел…частушки. Первая же из них привела меня в шок (тогда я услышала ее впервые) “Респондент забейся в щель, сектор вышел на панель..”.

Как-то возвращаясь домой с банкета, мы шли втроем – с моим однокурсником и добрым знакомым В.Н. Бириным и сотрудником сектора В.С. Кондратьевым, и вдруг последний из них сказал мне: “Я как ученый секретарь сектора разрешаю тебе не ходить на заседания сектора, но на банкете ты быть обязана”. И таких веселых и забавных случаев было немало. И сейчас, по прошествии почти сорока лет, они до сих пор остаются в памяти хорошими, добрыми воспоминаниями».

Из копилки памяти Ю.П. Шабаева:

«Мне научного руководителя нашли только на втором году аспирантуры, и им стал О.И. Шкаратан, которого Ю.В. Бромлей только недавно “пригрел” в Институте, и тот переехал из Ленинграда в Москву, а потому мои аспирантские воспоминания связаны в основном с сектором общих проблем. С московскими этносоциологами сталкивался тогда редко, но помню, что они были в фаворе у директора Института, являлись дружным и новаторским коллективом (в отличие от некоторых других) и представали в моем восприятии его своеобразным “научным авангардом”. А Юрик Вартанович Арутюнян, которого встречал тогда в основном в коридорах, представлялся мне в образе какого-то рафинированного научного мэтра, занятого глубокими размышлениями и не замечающего суетящейся рядом научной молодежи. Потом, когда пришлось принимать участие в конференциях и семинарах, где Арутюнян общался с коллегами, этот образ разрушился, и я понял, что он очень мягкий и доброжелательный человек.

Школа Шкаратана была, однако, для меня в аспирантские годы более значимой. По инициативе научного руководителя, я принял участие в подготовке и проведении социологического исследования в Татарии, которое явилось продолжением проекта “Социаль-

ное и национальное”, являвшегося в те годы одним из самых крупных этносоциологических проектов. Мне довелось работать и в Казани, и в Альметьевске (где я был назначен руководителем группы). Участие в данном проекте принесло немало полезного опыта, но научный руководитель решил, что мне нужно сменить тему и положить в основу кандидатской диссертации татарский материал. Я воспринял эту идею с энтузиазмом, но после длительных попыток пробить ее утверждение в стенах Коми филиала АН СССР мне пришлось вернуться к прежней теме, ибо руководство филиала заявило, что “наши аспиранты должны заниматься местной тематикой”. Овсей Ирмович без восторга, но принял такой поворот событий, однако это были не последние сложности. Обсуждение текста моей диссертации в секторе общих проблем было конструктивным, и я оперативно внес необходимые изменения в текст, но дело с защитой затянулось в силу того, что рецензент из сектора народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера заявила по поводу описываемых мной явлений, что “такого не может быть”, и подобная оценка в большей мере была связана не с содержанием моей работы, а с тем, кто был моим руководителем, т.е., как это часто бывает, с внутренними проблемами Института и характером отношений в нем. А склонила чашу весов в мою пользу, как я понял, именно поддержка этносоциологов. Все эти перипетии привели к тому, что на самой защите диссертации мне с трудом удалось сказать заключительную речь. Но, впрочем, как отметили коллеги, я хорошо отыгрался на защите докторской, которая, правда, прошла уже в других стенах».

В конце 1981 г. ослабленную группу этносоциологов Коми пополнил О.В. Котов, который до этого был сотрудником сектора социологических исследований, созданного в Институте в 1978 г., но так и не превратившегося в полноценное научное подразделение (в конце 1980-х годов сектор был расформирован). О.В. Котов, помимо участия в общем исследовательском проекте, связанном с изучением современных этнических процессов, активно занялся изучением культурной и социальной эволюции этнолокальных групп коми, итоги его исследования были обобщены в монографии «Этнолокальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние», изданной в издательстве «Наука» в 1991 г. Среди ее авторов был Н.Д. Конаков, возглавивший к тому времени сектор этнографии.

Самым крупным исследовательским проектом этносоциологов ИЯЛИ стал общереспубликанский опрос 1987–1988 гг., который по замыслу должен был показать, как меняются этнокультурные ориентации населения, какова направленность процесса культурных трансформаций. И программа, и инструментарий исследования были схожи с предыдущим массовым опросом, но они подверглись критическому переосмыслению и были серьезно обновлены. Более того, было решено не ограничиваться опросом только сельского населения, а провести ограниченный опрос городского. При этом, учитывая этнический состав горожан республики, где доля коми составляла лишь 15%, было признано целесообразным в городе опрашивать как коми, так и русских. Опрос горожан проводился в столице республики, а также в городах Ухте и Емве. Данные этого опроса уже обрабатывались машинным способом, а обобщенные материалы исследования были изложены О.В. Котовым, М.Б. Рогачевым и Ю.П. Шабаевым в научном отчете, который хранится в научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Завершив основные полевые работы на территории Коми АССР, разработчики исследовательского проекта сочли, что было бы идеально получить сравнительные материалы, организовав опрос в соседнем с республикой Коми-Пермяцком автономном округе. Такому решению способствовало то обстоятельство, что в 1988 г. в столице округа по просьбе местных властей был создан Коми-Пермяцкий отдел общественных наук, который стал структурным подразделением Института ЯЛИ Коми научного центра.

В начале 1989 г. было принято окончательное решение провести пилотажный опрос в Коми-Пермяцком автономном округе, и всю научную подготовку исследования, а также реализацию полевого этапа работы взял на себя Ю.П. Шабаев. В сентябре 1989 г. группа сотрудников отдела этнографии ИЯЛИ опросила более 200 человек из числа представителей титульного этнического сообщества в г. Кудымкаре и четырех сельских населенных пунктах Кудымкарского и Юсьвинского районов округа. Коми-пермяки составляли тогда 70% населения КПАО. Результаты опроса и проведенных параллельно с ним исследований показали, что социальная ситуация в округе довольно сложна и, несмотря на то что сама культурная среда здесь должна была, по идее, способствовать сохранению этничности, процессы этнической эрозии среди коми-пермяков протекали весьма интенсивно. Более того, по итогам исследования был сделан вывод о том, что возможно существенное ослабление этнического самосознания коми-пермяков уже в ближайшие годы [5]. И этот вывод отчасти был подтвержден тем фактом, что округ в 2005 г., в результате референдума (2003 г.), окончательно прекратил свое существование и вошел в состав Пермского края. Это был первый случай слияния автономного округа с соседними более крупными субъектами.

На рубеже 1980–1990-х годов в результате политических процессов, получивших название «горбачевская перестройка», начались и сопутствующие этнополитические изменения, вызвавшие политизацию этничности и превращение ее в мощный политический ресурс. В Коми АССР этнополитические трансформации протекали достаточно интенсивно и своеобразно. Здесь очень быстро был оформлен пакт элит (политической и этнической), в результате которого коми национальное движение превратилось в важного политического актора, а политическое руководство республики получило в свое распоряжение дополнительный политический ресурс, которым эффективно пользовалось в 1990-е годы.

При непосредственной поддержке властей (организационной и финансовой) происходила самоорганизация коми движения и, в частности, был проведен I съезд коми народа. Этот съезд состоялся в январе 1991 г. и был одним из первых съездов подобного рода в бывшем СССР, а некоторые положения его деклараций были без изменений и правовой корректировки включены в текст республиканской Конституции 1994 года.

Естественно, что процессы политизации этничности не могли пройти мимо внимания исследователей. И первой серьезной работой, связанной с изучением этнополитических движений, их политической практики и идеологии, стал именно опрос делегатов I съезда коми народа, который был осуществлен О.В. Котовым и М.Б. Рогачевым. Из 481 делегата съезда было опрошено 365, и ответы на вопросы анкеты показали, что ситуация в республике оценивается делегатами весьма неоднозначно, и предлагаемые ими решения в сфере этнополитики тоже различны, причем набор мнений представлял из себя некую смесь советского интернационализма и этнического национализма [6].

Исследование О.В. Котова и М.Б. Рогачева положило начало самостоятельному направлению в исследованиях этносоциологов Коми – этнополитологии. Более того, данное направление в силу объективных обстоятельств на долгие годы стало одним из основных в научной деятельности сектора этнографии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Продолжая исследования, начатые в конце 1980-х годов, в 1993 г. Ю.П. Шабаев (автор программы и инструментария) организовал массовый опрос населения Коми-Пермяцкого автономного округа (опрос проводился в Кудымкаре и в пяти из шести районов округа). Цель исследования состояла в том, чтобы проанализировать этнокультурные ориентации, языковую компетенцию, этническое самосознание коми-пермяков и определить, насколько глубоки процессы этнической эрозии, которые были отмечены среди этноса еще в ходе

пилотажного исследования 1989 г. К полевому этапу были подключены местные исследователи, а также известный финский социолог Сеппо Лаллукка. Результаты данного исследовательского проекта нашли отражение в целом ряде публикаций [11; 18].

Материалы опроса 1993 г. в Коми-Пермяцком округе вместе с другими данными и исследование 1987–1988 гг. по Республике Коми стали основой для написания итоговой монографии, которая по аналогии с одной из самых первых научных статьей П. Сорокина получила название «Современные коми». Эта монография была издана в Екатеринбурге, в издательстве УрО РАН [7]. В монографии подробно описана динамика этнической ситуации на территории Республики Коми и Коми-Пермяцкого автономного округа, проанализированы этнодемографические и этнолингвистические процессы в двух регионах, дан обстоятельный анализ особенностей этнического самосознания у представителей двух родственных этносов, рассмотрен характер этнических контактов и особенности материальной и духовной культуры.

Эта работа стала своеобразной «лебединой песней» этносоциологической группы в ИЯЛИ. Ко времени издания монографии группы, по существу, уже не было: М.Б. Рогачев перешел на педагогическую работу и занялся изучением истории ГУЛАГа, возглавив сначала сыктывкарскую организацию «Мемориал», а затем фонд «Покаяние», который подготовил и издал многотомный мартиролог жертв политических репрессий, ставший одним из лучших изданий подобного рода в России. Эта работа стала делом всей его жизни, и занимался он ей до своей скоропостижной кончины в январе 2021 года.

О.В. Котов скоропостижно скончался в 1994 г., Ю.П. Шабаев формально не числился в штате отдела этнографии, поскольку занял пост ученого секретаря Института ЯЛИ. Но удалось объединить усилия местных социологов, политологов и этносоциологов, которые работали в Институте ЯЛИ и в Институте социально-экономических и энергетических проблем севера Коми НЦ УрО РАН, а также исследователей из Сыктывкарского университета. Ученым удалось убедить республиканские власти в очевидной полезности системного изучения общественного мнения по важнейшим проблемам социально-экономического развития РК. Указом главы республики № 287 от 28 июля 1995 г. был дан старт реализации программы «Социально-психологический мониторинг». Предмет мониторинга, согласно Указу, составляют общественные процессы, отражающие политические и национально-культурные условия, социальные результаты и косвенные последствия экономических преобразований в республике. В рамках программы было проведено два общереспубликанских опроса населения (весной и осенью 1996 г.), программу и инструментарий которых готовили сотрудники Института экономических и социальных проблем севера, Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и Сыктывкарского государственного университета. Заметное место в исследовании занимала этнополитическая проблематика. Обобщенные результаты этих опросов были опубликованы в двух специальных выпусках «Вестника Государственного Совета Республики Коми» [2; 3]. Но система мониторинга в первоначальном виде просуществовала недолго. Тем не менее, этносоциологические и этнополитические исследования продолжались, и особую роль в том, что эти исследования не были свернуты, сыграла научная кооперация. Эта кооперация носила как внутриреспубликанский, так и межрегиональный и международный характер. И несомненная заслуга в том, что этносоциология в Коми выжила, принадлежит М.Н. Губогло, тесные контакты с которым начались в начале 1990-х годов.

Из копилки памяти Ю.П. Шабаева:

«Михаила Николаевича я первый раз увидел в Баку, на Школе молодого ученого. Кто-то из молодых коллег указал: “а вон и Губогло приехал, завтра он будет читать нам лекцию”. Лекцию не помню, кажется, мы в это время поехали из пригорода изучать старый город, а заодно хотели поискать “огненную воду”, которая была нужна, чтобы укрепить

связи с молодыми интеллектуалами из других регионов страны на вечерних посиделках. Как раз начиналась горбачевская антиалкогольная кампания, и надо было преодолевать возникшие трудности в организации неформальных встреч. Кстати, именно работа в рамках организационного семинара при подготовке российско-американского проекта и совместные посиделки, душой которых были Энвер Кисриев и Александр Дзадзиев, а также банкет, организованный после завершения проекта, где как всегда блистал красноречием Михаил Николаевич, положили, на мой взгляд, начало тесным и дружеским связям участников проекта, многие из которых затем пересеклись в рамках работы в Сети этнологического мониторинга, организованной примерно в это же время В.А. Тишковым, и других проектах. А тесное сотрудничество и взаимное приятие между мной и Михаилом Николаевичем началось у нас в рамках ЦИМО тогда, когда, по инициативе Губогло, я подготовил сборник материалов и документов "Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Т. 1" (идея названия принадлежит М.Н. Губогло). Этот сборник стал частью обширной серии, которая была задумана Михаилом Николаевичем и усилиями которого последовательно расширялась и дополнялась, а сегодня является не только мощной информационной базой, характеризующей этнополитические процессы в регионах России в 1990-е и 2000-е гг., но и служит своеобразным памятником его научному подвижничеству. Отличительной чертой Михаила Николаевича было бережное отношение к тем людям, которых он привлекал для участия в своих проектах. Для меня свидетельством тому стало его предложение посвятить указанный сборник статей и материалов памяти нашего коллеги Олега Котова. И сборник начинается посвящением "Памяти коллеги". Это было первое издание, посвященное памяти коми этнографов (этносоциологов). Потом появились новые издания, проведены мемориальные конференции, а сегодня мы готовим очередной сборник, который намереваемся посвятить памяти многих из тех, кто ушел из жизни давно и совсем недавно. После того как пару лет спустя был подготовлен второй том статей и материалов, характеризующих этнополитические процессы в Коми, Михаил Николаевич предложил подумать о защите докторской диссертации, оговорив, что для успеха затеи нужно издать авторскую монографию. Ее я написал, обсудил в ЦИМО и под грифом Центра издал как третий том "Штрихов этнополитического развития Республики Коми" [14]. Одновременно я был зачислен в докторантуру ИЭА, еще до формального завершения которой защитил докторскую диссертацию. На защите в мою поддержку пламенно выступал М.Н. Губогло, который являлся научным консультантом, и его красноречие вызвало ответную реакцию у одного из членов диссовета, кто усомнился в том, что автора диссертации надо столь громко хвалить. Но, кажется, черных шаров не было или уже память подводит. Потом еще много лет, приезжая в Москву и заглядывая в Институт этнологии, я первым делом шел в кабинет М.Н. Губогло, где мы с ним делились новостями и научными планами. И именно работа с ним подтолкнула меня к идее сделать учебное пособие по этнополитологии, которое я первоначально пытался издать через СПбГУ, но тщетно, поскольку в издательство как раз в это время поступил замечательный труд В.А. Ачкасова с аналогичным названием. Пособие я все равно издал, но сразу же понял, что его надо дорабатывать, ибо в это время началась моя активная преподавательская деятельность в качестве университетского профессора. А поскольку я, по протекции М.Н. Губогло, стал активным членом Сети этнологического мониторинга, постольку как-то естественным образом идея превращения учебного пособия в полноценный учебник была реализована совместно с отцом-основателем Сети академиком В.А. Тишковым, усилиями которого учебник приобрел необходимую глубину. Михаил Николаевич, хотя и несколько ревниво, но в целом позитивно воспринял мою деятельность в сети и новые этнополитические достижения, которые, надеюсь, еще не завершены».

В качестве координационного центра, способствовавшего укреплению кооперации этносоциологов России, выступал ЦИМО (Центр по изучению межнациональных отношений) под руководством М.Н. Губогло. Первый масштабный проект, в котором коми этносоциологи приняли участие, носил не столько этносоциологический характер, сколько касался области политической социологии. Суть его состояла в изучении географии электоральных настроений и электорального поведения граждан России. Партнерами в этом проекте и его финансистами выступали американские исследователи из нескольких университетов США: Гарвардского университета, Колумбийского университета и Университета Дьюка.

В рамках проекта в 73 регионах РФ был проведен опрос населения, который позволил определить как политические предпочтения населения, так и его отношение к политическим и экономическим реформам, проводимым в стране. Перед выборами 1995 г. с тем же составом участников был проведен повторный опрос с использованием сходной по содержанию анкеты. Результаты обоих опросов были обобщены в многотомном сборнике статей, опубликованном ЦИМО. В данном сборнике были опубликованы статьи ряда региональных руководителей проекта и, в частности, две публикации, подготовленные коми этносоциологами [12; 13].

Следующим крупным исследовательским проектом, который с российской стороны «вел» ЦИМО, а с американской – его организатором выступала Сюзан Лейман из Университета Дьюка, стало исследование «Этнополитические воззрения молодежи. Формирование и функционирование». Впервые внимание исследователей было целиком сосредоточено на анализе воззрений 16–17-летних юношей и девушек, что имело весьма важное значение, особенно для республик с финно-угорским населением, где процессы языковой и этнической ассимиляции протекают очень интенсивно среди представителей титульных этносов, и особенно интенсивны они в молодежной среде. Результаты исследования подтвердили, что, несмотря на принятые меры по сохранению и развитию языка и культуры коми, несмотря на призывы к «национальному возрождению» со стороны коми национального движения, молодежь ориентирована на интеграцию в доминантное большинство, на доминирующие культурные ценности.

Этнополитические и этносоциологические исследования в Республике Коми и Коми-Пермяцком округе мы продолжали проводить, хотя их организация требовала с каждым годом все больше усилий. В 1998 и в 2000 гг. были проведены опросы городского и сельского населения округа. На 2000 год были назначены выборы губернатора КПАО и, ориентируясь на неистребимое желание политической элиты к саморекламе, удалось обобщить материалы опросов и исследований, проведенных в разное время в округе и издать их отдельной книгой. В число авторов книги был включен и бывший губернатор Н. Полуянов, который и профинансировал издание книги [9].

В работе было указано, что возможны три сценария развития коми-пермяцкого этноса в ближайшей перспективе, и наиболее реален сценарий прогрессирующей этнической эрозии. Об этом свидетельствовала и низкая этническая лояльность коми-пермяков, и прогрессирующая языковая ассимиляция, стремление молодежи к выезду из округа, поскольку здесь имел место глубокий социально-экономический кризис, который не удавалось преодолеть (и так и не удалось до сих пор), несмотря на принимаемые властями решения.

Этот кризис вместе с кризисом идентичности (региональной и этнической), собственно, и стал причиной того, что коми-пермяки оказали мощную поддержку идее объединения с Пермской областью и фактически отказались от национальной государственности. Референдум об объединении можно считать «голосованием последней надежды», но результаты нашего анализа ситуации показывают, что процессы деэтнизации среди

коми-пермяков теперь должны только усилиться [15]. Активное международное сотрудничество этносоциологов, толчок которому дал проект «Предвыборная ситуация в России», продолжилось и в последующие годы. Более того, исследователи, которые заявили о себе в ходе реализации широких общероссийских исследовательских программ, естественным образом оказывались вовлеченными в крупные межрегиональные проекты. В числе таких проектов был, в частности, и проект «Нациестроительство и ценности в российских регионах». Этот проект стал продолжением двух других аналогичных проектов, которые были связаны с изучением процесса переоценки ценностей и формирования новых политических институтов в странах Восточной Европы, а затем и в бывших союзных республиках СССР, ставших независимыми государствами. Третий этап по своему содержанию и принципам подхода к анализу социальных процессов существенно не отличался от предыдущих. Инициаторами проекта явились норвежские коллеги из университета Осло, а его финансирование обеспечивалось за счет средств Норвежского исследовательского совета и Норвежского совета университетов. Руководителем стал известный норвежский исследователь профессор Пал Колсто. В проекте приняли участие российские ученые из шести регионов, в том числе из трех республик: Коми, Башкортостана, Дагестана. Весьма показательно, что участники из национальных республик были исполнителями и тех межрегиональных проектов, о которых говорилось выше. Основой проекта стал опрос, проведенный РОМИР в 2000 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирской области, Дагестане, Башкортостане и Коми. В результате двухлетней совместной работы норвежских и российских исследователей была подготовлена и опубликована коллективная монография [17], которая была позитивно оценена западным научным сообществом.

В последующие годы началась работа по восстановлению коллектива этносоциологов в рамках отдела этнографии ИЯЛИ, хотя должного понимания и поддержки идея расширения и интенсификации квалифицированных этносоциологических исследований пока не находит. Вернулась к активным этносоциологическим исследованиям В.Н. Денисенко, на этносоциологию и этнополитологию ориентируются некоторые из принимаемых в аспирантуру Коми НЦ аспирантов, а главное – осуществлены масштабные самостоятельные исследовательские проекты.

В 2004–2005 гг. был реализован исследовательский проект «Я и мой народ», суть которого заключалась в изучении современных этнокультурных процессов на территории Республики Коми и Коми-Пермяцкого автономного округа. Замысел проекта состоял в том, чтобы получить сравнительные материалы к данным опросов начала и конца 1980-х годов и, тем самым, выявить динамику культурных изменений. Опрашивалось как городское, так и сельское население, анкета была совместима с использовавшейся в более ранних исследованиях, но подверглась незначительным изменениям. В 2004 г. опрос проводился в Республике Коми, в 2005 г. – в КПАО. Итоги исследования показали, что интенсивные процессы аккультурации и ассимиляции в обоих регионах продолжаются, и потому есть основания говорить о внутрироссийских интеграционных процессах, ибо данные явления наблюдаются тогда, когда мобилизация этничности, казалось бы, достигла наивысшего уровня. Очевидно, что значительная часть представителей титульных этносов сегодня делает сознательный выбор в пользу интеграции в доминантное большинство. Об этом же свидетельствует и характер ответов на вопрос о целесообразности укрупнения субъектов федерации (которая нередко ведет к утрате национальной государственности). Мы полагали, что ответы на данный вопрос будут очень серьезно коррелировать с этнической принадлежностью респондентов. Такое предположение не было лишено оснований, ибо целый ряд предыдущих исследований указывал на очевидную связь политических предпочтений с национальной принадлежностью опрашиваемых. Так по итогам общереспубликанского опроса «Коми парламент: каким я его хочу видеть», проведенного в

2002 г., оказалось, что национальная принадлежность депутатов Коми парламента важна для 40% коми и для 25% русских.

Здесь же были получены ответы, которые в чем-то были неожиданными. Мы полагали, что идея объединения пользуется достаточной поддержкой, и действительно, более 51% респондентов высказались в пользу укрупнения регионов. Но неожиданным оказалось то, что эта поддержка никак не зависит от национальной принадлежности респондентов: и среди русских, и среди коми она одинакова. Такой результат шел вразрез со многими фундаментальными идеями национальных движений финно-угров и заставлял более серьезно задуматься над политикой гражданской консолидации, политикой формирования российской нации. И целая серия исследований, которые были проведены во втором десятилетии XXI в. под руководством ИЭА (Сети этнологического мониторинга), в которых мы принимали участие, показывали последовательный и существенный рост влияния общероссийской идентичности, хотя это была по преимуществу политическая идентичность, т.е. идентификация граждан с государством (а не с сообществом граждан).

Однако на европейском севере среди идентичностей особое место занимает общая северная идентичность. Наше самое крупное исследование последних лет было проведено в 2010 г., когда у нас появились финансовые возможности осуществить опрос населения трех региональных центров на европейском севере РФ: Сыктывкара, Мурманска и Архангельска. Опрос был осуществлен силами группы этносоциологов ИЯЛИ с привлечением исследователей из Поморского университета (ныне – САФУ). Опрос показал, что социальная ситуация даже в этих относительно благополучных городах неблагоприятна, а большая часть молодежи в возрасте 18–25 лет собирается их покинуть. Но одновременно мы выяснили и то, что общая северная идентичность для жителей названных городов была значимее и общероссийской, и этнической, и региональной, а большинство респондентов было убеждено, что северянами люди будут (и могут) считать себя, даже навсегда покидая Север [16].

В последние несколько лет в сотрудничестве с ИЭА и РГГУ была проведена целая серия опросов, которые касались проблем этнокультурного образования в российских регионах, восприятия мигрантов, социального самочувствия молодежи и ее сетевого поведения и сетевых предпочтений. Нами при этом взят курс на осуществление широких межрегиональных исследований. Результаты проведенных исследований мы обобщили в коллективной монографии «Молодежь в политическом пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски» (2021), но изучение проблем молодежи и этносоциальных проблем российской периферии продолжается: готовятся к изданию новые монографические работы, планируются новые исследовательские проекты.

Литература

1. *Белорукова Г.П.* Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы) // Советская этнография. 1973. № 5. С. 29–39.
2. *Вячеславов В., Ковалев В., Шабаев Ю., Ярошенко С.* Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения (Социологический портрет весны 1996 года) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 1996. № 3. 37 с.
3. *Вячеславов В., Ковалев В., Шабаев Ю., Ярошенко С.* Время и бремя кризиса. Республика Коми осенью 1996 года (По материалам социологического опроса) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. Специальный выпуск. 1997. 35 с.
4. *Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П.* История этнографического изучения коми // Очерки по истории изучения этнографии Коми. Сыктывкар: «Издательство «Кола», 2007. С. 3–44.
5. *Котов О.В., Шабаев Ю.П.* Этнокультурная ситуация у коми-пермяков: Докл. на заседании президиума Коми науч. центра УрО АН СССР 2 авг. 1990 г. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 25 с. (Сер. препринтов «Научные доклады». Вып. 254).

6. *Котов О.В., Рогачев М.Б.* Первый съезд коми народа: социологический аспект // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 160–167.
7. *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 178 с.
8. Молодежь в политическом пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 387 с.
9. *Полуянов Н.А., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И.* Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития (очерки, статьи, материалы). М.: ЦИМО, 2000. 240 с.
10. *Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н.* Этнокультурные процессы у современного коми сельского населения: Докл. на заседании Президиума Коми фил. АН СССР 28 янв. 1982 г. Сыктывкар : КФ АН СССР, 1982. 32 с. (Сер. препринтов «Научные доклады». Вып. 80).
11. *Шабаев Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 26–35.
12. *Шабаев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В*. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов коми // Развиваюшийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 2. Выборы-93. М.: ЦИМО, 1995. С. 22–37.
13. *Шабаев Ю.П., Рогачев М.Б.* Этнополитическая ситуация в Республике Коми: эволюция власти и электората // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 3. Выборы-95. Вып. 1. М.: ЦИМО, 1996. С. 101–136.
14. *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке М.: ЦИМО, 1998. 376 с.
15. *Шабаев Ю.П.* Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 64–70.
16. *Шабаев Ю.П.* Культурный апокалипсис или гражданская консолидация // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28–36.
17. *Kolstø, Pål, Blakkisrud H./Eds*. Nation-Building and Common Values in Russia. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford, 2004. 382 p.
18. *Sabaev J., Lallukka Seppo, Derjabin V.* Between Assimilation and Accomodation: Problems of Komi-Permiak Identity Maintenance // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XI. Helsinki, 2003. Pp. 59–88.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЯЗЫКА, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ЭТНОСОЦИОЛОГОВ

Российская идентичность в исследованиях этносоциологов школы Л.М. Дробижевой

С.В. Рыжова

Понятие российской идентичности, введенное в научный оборот академиком В.А. Тишковым [8], выражает исследовательский и управленческий подход, направленный на изучение и решение проблем становления и формирования российской политической нации при сохранении этнического и культурного разнообразия страны. Стратегией государственной национальной политики уровень российской гражданской идентичности рассматривается в качестве стратегического параметра общенациональной консолидации и определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [9].

Структура и содержание российской идентичности активно дискутируются в научной и общественно-политической среде, при этом экспертами российская идентичность рассматривается как множественная и многоуровневая, включающая в себя несколько измерений.

Масштабное изучение российской идентичности ведется в Центре исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН (Федеральный научно-исследовательский социологический центр) в серии научных проектов, реализованных под руководством Леокадии Михайловны Дробижевой в 2004–2021 гг. Этносоциологический подход к изучению российской идентичности подразумевает концептуализацию последней, исходя из методологических предпосылок этносоциологии как отрасли социологического знания и разработку соответствующих индикаторов ее измерения. Интервью с экспертами (учеными, преподавателями, журналистами), собранные Центром исследования межнациональных отношений в 2020–2021 гг. (и в более ранних проектах), показывают, что в массовых представлениях российская идентичность имеет устойчивые основы, которые можно рассматривать в качестве компонентов ее структуры и которые в репрезентативных социологических исследованиях выступают как индикаторы общероссийской макроидентичности. Вместе с тем, даже среди экспертного сообщества нет согласия в том, какие структурные компоненты российской идентичности сегодня наиболее сильны, что является ее стержнем и мотивационно-ценностной основой.

Коллективом Центра российская идентичность рассматривается как отражение в массовом сознании процессов нациестроительства и изучается в контексте проблем социальной консолидации, обусловленных полиэтническим характером российского общества и научных задач, связанных с управлением этнокультурным разнообразием Российской Федерации.

Российская идентичность – это результат отождествления с гражданами страны и ее территориально-государственным пространством [1], она изучается через призму устойчивых представлений и эмоций, выступающих основой этого отождествления. Представления о российском государстве и его символах, о государственном языке и территории, культуре, истории и гражданской ответственности рассматриваются как компоненты многосоставной российской идентичности. Учитываются эмоции в отношении России и чувство российской общности, представления о целях развития России, представления о ее

будущем, а также дискурс власти, определяющий «модель» национального строительства. Изучается ценностная основа российской идентичности и роль доверия в ее формировании. Стрежневой выступает тема совместимости и конкурентности этнической и российской идентичностей, межэтническая толерантность и характер межнациональных отношений. Эмпирические исследования опираются на синтезированный в методологическом отношении подход, включающий в себя методологические подходы социологии и социальной психологии, социально-культурной антропологии и политологии [3, 4, 7].

Коллективом Центра были предложены социологические индикаторы российской идентичности и актуальных консолидирующих представлений, которые составляют потенциал ее развития. Ответственность за судьбу страны рассматривается Л.М. Дробижевой как ключевой индикатор гражданской составляющей российской идентичности.

В данной статье мы рассмотрим уровень российской идентичности и некоторые консолидирующие представления, а также социологические индикаторы, отражающие основные компоненты российской идентичности, их значимость для россиян. Эмпирической базой служат данные Всероссийского репрезентативного социологического опроса, осуществленного в 2020 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН[1], данные 29 волны Всероссийского социологического исследования RLMS-HSE[2], осуществленного в 2020 г. Для сравнения привлекаются данные 9 волны мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН за 2018 г.

Уровень российской идентичности. Для определения уровня российской идентичности Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН традиционно используется вопрос о том, насколько «часто» («в значительной степени»), «иногда» («в некоторой степени») или «никогда» респондент испытывает общность, близость с гражданами России. Данный вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х годах для исследования новых социальных макроидентичностей и солидарностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной российской идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

Согласно всероссийскому исследованию ИС ФНИСЦ РАН за 2020 г., «часто» ощущали общность со всеми гражданами России 16% опрошенных, «иногда» – 52%, «никогда» – 16%. Общий уровень российской идентичности составил 68%.

Опрос 2020 г. проходил в условиях социальных ограничений и повышенной тревожности, в связи с распространением коронавируса. Социологи и психологи фиксировали усиление общественных страхов, распространение в социальных сетях конспирологических версий происхождения COVID-19, недоверие к действиям властей в условиях пандемии [5]. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, оказали влияние на снижение актуализации российской идентичности и ее общего уровня в 2020 г., в сравнении с доковидным 2018 г., и сопутствующий этим процессам рост уровня этнической идентичности (табл. 1).

---

[1] Опрос ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объемом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

[2] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms; http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 15.05.2021). В 2020 г. в рамках мониторинга было опрошено 14 007 чел. в 39 регионах РФ.

Таблица 1

Уровень российской и этнической идентичностей, 2018–2020 гг., %

	РОССИЯ, 2018	**РОССИЯ, 2020**
Ощущают общность, близость с гражданами России		
Часто	29	16
Иногда	45	52
Общий уровень российской идентичности	**74**	**68**
Никогда	19	16
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности		
Часто	23	34
Иногда	47	46
Общий уровень этнической идентичности	**70**	**80**
Никогда	21	9

В обстоятельствах социальной дистанцированности и тревожности этническая идентичность проявляет себя как более значимая идентичность, поскольку аккумулирует в себе примордиальные основы общественной солидарности, поддерживает чувство безопасности. Общий уровень этнической идентичности в 2020 г. составил 80%, а ее актуализация – 34%, в то время как в 2018 г. – 70% и 23% соответственно.

Взаимозависимость и взаимовлияние российской национально-гражданской (государственно-гражданской) и позитивной этнической идентичностей проявляет себя на протяжении всего постсоветского развития России. Исследования показывают, что при высоком уровне межэтнической толерантности и доверии власти этническая идентичность русского большинства способна стать активным источником российской идентичности и нациестроительства [6].

Социологические индикаторы, отражающие основные компоненты российской идентичности. Как любая социальная идентичность российская идентичность имеет трехчастную структуру и в своем становлении опирается на когнитивные, эмоциональные, поведенческие измерения. Когнитивное измерение российской идентичности складывается из устойчивых представлений, с опорой на которые происходит идентификация (отождествление) с россиянами и Россией.

Согласно исследованиям, наибольшим весом обладают представления об *общем государстве* (58% в 2020 г.), *территории* («родная земля, территория, природа» – 44%), *русском языке* (43%). Следующие по значимости представления – «*историческое прошлое*», «*культура, обычаи, праздники*» (32–29% соответственно) и общие государственные символы («*флаг, герб*» – 15%). Устойчивое преобладание государственного компонента российской идентичности дает основание считать, что сегодня российская идентичность складывается преимущественно как государственно-гражданская идентичность [2].

Гражданский компонент российской идентичности, индикатором которого выступает представление об «ответственности за судьбу страны» представлен слабо – лишь 22% опрошенных полагают, что гражданская ответственность объединяет их со всеми россиянами[3] (табл. 2).

[3] Данные 29 волны всероссийского социологического исследования RLMS-HSE, осуществленного в 2020 г.

Таблица 2

Структурные компоненты российской идентичности, %
(выбор не более 3-х ответов)

Что больше всего объединяет Вас со всеми гражданами Российской Федерации, со всеми россиянами?	**Россия, 2020**
Общее государство	58
Ответственность за судьбу страны	22
Историческое прошлое	32
Родная земля, территория, природа	44
Русский язык	43
Культура, обычаи, праздники	29
Общие символы (флаг, герб)	15
Ничего не объединяет	3
Затруднились ответить	2

В исследовании 2020 г. была предпринята попытка найти наиболее распространенные представления об объединяющих элементах российской культуры. Задавался вопрос «*Что, по Вашему мнению, в российской культуре объединяет всех, кто чувствует себя россиянами?*». Выяснилось, что наибольшим потенциалом, согласно исследованию, обладает общероссийская праздничная культура (54%), и сопутствующие ей известные любимые песни (41%), а также выдающиеся произведения художественной литературы (38%) и любимые кинокартины (31%) (табл.3). Наименее ресурсные – элементы классического музыкального и театрального искусства.

Таблица 3

Компоненты культуры в формировании российской идентичности.
Распределение ответов на вопрос «*Что, по Вашему мнению, в российской культуре объединяет всех, кто чувствует себя россиянами*», %
(выбор не более 3-х ответов; ответы ранжированы)

Компоненты культуры	**Россия, 2020**
Общероссийские праздники	54
Песни, которые все знают и поют	41
Выдающиеся произведения художественной литературы	38
Любимые кинокартины	31
Народное творчество	27
Шутки, юмор, анекдоты	22
Классическая музыка, балет, театр	14
Ничего не объединяет	5
Затруднились ответить	5

Объединяющая роль праздничной культуры активнее проявляется в сельской местности, а любимые кинокартины больше ценятся жителями поселков городского типа, при этом жители районных центров и небольших городов чаще отмечают роль песенных традиций [7].

Гражданская составляющая российской идентичности, как отмечалось, пока развита слабо. В исследовании было зафиксировано, что в содержательном отношении под гражданством россияне подразумевают, в первую очередь, юридические и правовые аспекты. Распределение ответов на вопрос: «*Что для Вас значит быть гражданином Российской*

Федерации?» показывает, что гражданство в глазах россиян ассоциируется, в первую очередь, с возможностью «пользоваться правами российского гражданина», «соблюдать законы и обязанности российского гражданина», «иметь российский паспорт», – каждое из этих представлений о гражданстве набирает около 70% ответов. При этом представления, связанные с гражданским активизмом (участие в выборах, участие в митингах, в волонтерских движениях) распространены значительно слабее – каждое из них набирает не более 13% [7].

Консолидирующие представления. В формирование российской идентичности включаются представления, связанные с оценкой судьбы страны, путей и целей ее развития, ее будущего. В коллективных представлениях о желаемом будущем России и целях ее развития прочитываются контуры социального идеала общественного устройства России. Среди основных его характеристик, обладающих потенциалом внутрироссийской консолидации, наиболее весомые – запрос на социальную справедливость (54%), демократию и обеспечение прав человека (38%), сильную власть (38%) (табл.4).

Таблица 4

Представления о желаемом будущем России
(выбор не более 3-х ответов; ответы ранжированы, %)

Какие из нижеприведенных идей и лозунгов в наибольшей степени выражают Ваши представления о желаемом будущем России?	**Россия, 2020**
Социальная справедливость	54
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	38
Сильная власть, способная обеспечить порядок	38
Россия – великая держава, объединяющая разные народы	29
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	24
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	16
Россия, в первую очередь, для русских, создание русского национального государства	12
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	10
Ни один из этих лозунгов не выражает мою личную мечту о будущем России	6

Источник: Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности» (рук. М.К. Горшков). Всероссийский опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2020 г.

Идеал социальной справедливости можно рассматривать в качестве ценностной основы российской идентичности. Его содержание, согласно масштабным эмпирическим исследованиям в регионах РФ, складывается из таких актуальных ценностей, как «*равенство всех перед законом*», «*уважение к достоинству* каждого человека…», равные возможности социального продвижения («*доступ к образованию, работе, ведению бизнеса*») [4].

Распределение ответов на вопрос о том, «*какие общие цели смогли бы сплотить российское общество*», подтверждает эту тенденцию – представление о социальной справед-

ливости и правовом равенстве наиболее востребованные цели развития (47 и 40% соответственно) и в качестве национальных интересов могут рассматриваться в числе мотивационных основ российской идентичности (табл. 5).

Таблица 5

Основные цели, объединяющие россиян

(выбор не более 3-х ответов; ответы ранжированы, %)

Объединяющие цели	Россия, 2020
Равенство всех перед законом	47
Обеспечение справедливости в обществе	40
Обеспечение благосостояния народа	39
Укрепление единства страны	32
Возрождение России как великой державы	31
Предотвращение войн, эпидемий, экологических катастроф	31
Укрепление обороноспособности страны	18
Равные возможности для всех людей независимо от национальности, языка	15
Затруднились ответить	3

Слабость гражданского компонента российской идентичности находит отражение в слабой политической культуре участия россиян. Опросы социологических центров фиксируют, что лишь 16% россиян чувствуют свою способность влиять на происходящее в их городе/районе, 11% – на происходящее в стране. Но при этом доля сторонников *особого пути развития России* велика и достигает 58%[4], и большинство россиян (73%), согласно опросу ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., поддерживают мнение о том, что самое важное для них – это судьба российского народа.

Эти тенденции позволяют говорить о том, что современная российская идентичность имеет сильный социокультурный фундамент, сложившийся на основе традиционных российских культурных норм и ценностей общественного взаимодействия. Большинство россиян (69%) поддерживают суждение «*Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей*»; 81% ощущают общность с людьми своей национальности, 62% – с людьми своей веры. Важный социокультурный источник российской идентичности – формирующаяся культура доверия и межэтническая толерантность.

Исследования дают основания считать, что российская идентичность формируется главным образом под влиянием социокультурных факторов. Ее гражданский компонент (ответственность за судьбу страны) пока развит слабо. Вместе с тем, исторически укорененный в русской/российской культуре *идеал* социальной справедливости, включающий в себя целый спектр правовых социальных представлений (о равенстве перед законом, о достоинстве людей, их равных возможностях) может стать связующим звеном между традиционалистскими основаниями российской идентичности и проектом ее будущего развития, стимулируя гражданский активизм и гражданское измерение российской идентичности.

[4] Общественное мнение – 2019. М.: Левада-Центр, 2020. 188 с. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads /2020/02/ ОМ-2019.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Литература

1. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
2. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В*. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
3. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
4. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2016. 400 с.
5. *Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А*. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104.
6. *Рыжова С.В*. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М., 2011.
7. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.
8. *Тишков В.А*. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.
9. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/902387360 (дата обращения: 10.02.2021).

Общероссийская, региональная и этническая идентичности в политическом дискурсе Республики Татарстан[5]

Г.Ф. Габдрахманова

Концепт «идентичность» занимает заметное место в современном социогуманитарном знании. Интерес к нему возник под влиянием новых условий жизнедеятельности людей в индустриальном обществе, когда «динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных солидарностей» [16: 35]. Ответ на вопрос о том, какую роль в этом процессе играют «предприниматели идентичности» [17: 25], воздействующие на конструирование самоотождествлений конкретных групп, становится принципиально важным для понимания идентичности как ресурса общественного развития [13: 12].

Познание социально-политической инженерии идентичности связано, прежде всего, с изучением стратегий акторов политики, используемых ими при построении наций. Труды Э. Геллнера, Э. Смита, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Р. Брубейкера, Л. Гринфельд заложили основу для исследований конструирования наций, национализма и этнических групп путем изучения использующихся многообразными элитами политико-экономических аргументов, элементов историко-культурного наследия и чувственных аспектов сопричастности к коллективным идентичностям. Какие-то из них человек признает «своими», к другим он относится индифферентно, третьи являются частично близкими или даже враждебными. Такие результаты идентификаций определяются множеством действий, некоторые из них скрыты и находятся на втором плане. Другие сознательно спланированы в плане политического вмешательства и тогда идентичности социальных сообществ как целостных образований становятся для многообразных элит частью «символического капитала», определяющего их силу влияния на конструирование социального пространства [2]. Ответственную функцию по их оформлению выполняет политический дискурс, понимаемый как язык исключительно публичной и институционально оформленной сферы [18: 191–312].

Объект изучения – Послания Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Государственному совету Республики Татарстан за 2013–2019 гг.[6] Среди подобных доктринальных документов большого внимания заслужили Послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. Их рассматривают как особый жанр с определенной структурой [1], стилистическими признаками [6], речевой модой на метафоры [11], ~~и~~ выражающий политику страны [7]. В объяснении причин (возникновения политического дискурса) и его сути, транслируемого региональными элитами России, заметно преуспели со-

---

[5] Полная версия см.: Габдрахманова Г.Ф. Дискурсивное конструирование идентичности в Посланиях региональному парламенту. Кейс Республики Татарстан // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 146–160.

[6] Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный сайт Президента Республики Татарстана. URL: http://president.tatar.ru/index.htm/news/227875.htm (дата обращения: 30.10.2019); http://president.tatar.ru/index.htm/news/345897.htm (дата обращения: 10.11.2019);http://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm?year=2015 (дата обращения: 18.11.2019);http://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm?year=2016 (дата обращения: 30.11.2019); http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1015109.htm (дата обращения: 05.12.2019);http://tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1288497.htm (дата обращения: 11.12.2019); http://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm (дата обращения: 19.12.2019).

циологи. Ведущей темой их изысканий стало изучение роли государства в конструировании границ национально-гражданской идентичности [4] и региональных элит в самоотождествлениях людей с регионом [3; 10]. Говоря о Татарстане, исследователи раскрывают процесс национального строительства, обновления федеративных отношений, динамику конструирования региональной идентичности и реализации имиджевой стратегии [5; 8; 12].

Анализ официальных речей высшего лица Татарстана, рассматриваемых как коммуникативное событие, осуществлен с помощью теории Т. Ван Дейка. Она позволяет выделить суперструктуру (схематическую организацию дискурса) и макроструктуру, т.е. семантическое содержание суперструктур, которое включает, тему, общий смысл и основное содержание [15: 41]. Их определение подчинено задаче выявления тем и приемов конструирования дискурсивной реальности идентичности Президентом Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, используемые им в Посланиях Государственному Совету Республики Татарстан в 2013–2019 гг. Вначале выявлялись их суперструктуры (по Т. Ван Дейку), а с помощью ресурса Advego, специализирующегося на изучении текстовой информации – их семантика. Для определения последнего в каждом Послании выискивались связанные по значениям слова и словосочетания, позволившие сформировать перечень представлений о согласованной, солидарной мотивации индивидуального и группового поведения, и кристаллизирующих коллективную идентичность [14: 40]. На следующем этапе составленный из всех документов словарь слов и словосочетаний подвергся агрегации (объединению по их смыслу в категории – интересующие нас типы идентичности) и статистической обработке (подсчету количества и частоты употребления слов)[7]. Для определения смыслов слов изучался контекст их употребления. Количественно-качественный контент-анализ выявил понятия, используемые в языке Посланий для конструирования идентичностей, и их смысловую направленность, позволил взвесить отдельные категории.

* * *

Послания Президента Республики Татарстан Государственному совету Республики Татарстан являются достаточно насыщенными с точки зрения продвижения общероссийской идентичности. Частота употребления главой Татарстана слов: «российский» (2013 г. – 19 упоминаний, 2014 – 11, 2019 – 2), «общероссийский» (2013 – 2), «всероссийский» (2014 – 2, 2019 – 2), «Россия» (2015 – 14, 2016 – 16, 2017 – 21, 2018 – 29, 2019 – 10) и «нация» (2018 – 6, 2019 – 7) демонстрирует доминирование политического акцента в понимании общероссийской идентичности как государственного (странового) сознания. Его солидаризирующим символом выступает Президент РФ В.В. Путин, обозначаемый «национальным лидером» (2018), к которому Р.Н. Минниханов неоднократно обращается, выражая благодарность за поддержку проектов, реализованных в Татарстане (2013, 2015, 2019), озвучивая высокую оценку проводимой политики (2016) по консолидации страны (2018), убеждая во взаимной поддержке (2014). Общероссийская идентичность цементируется вокруг личности высшего лица страны и отражает тренд нынешней внутригосударственной политики.

В речах одновременно озвучиваются и другие образы общероссийской идентичности. Это многонациональность России и ее сложносоставной характер. Освещая вопросы, касающиеся политической обстановки в стране, руководитель Татарстана использует словосочетания «многонациональный народ», «многонациональная Россия». Эти слова-символы транслируются с помощью призывов поддержать президента страны в отстаивании ее интересов, к повышению патриотизма, к сохранению культурно-языкового богатства России. Отдельное внимание уделяется молодежи, в которой необходимо воспитывать

[7] Подсчет осуществлен Э.Р. Юсуповой.

патриотизм, уважение и любовь к историко-культурному наследию страны, приобщать к знаниям о сегодняшней России (2013, 2016), что *«…является залогом становления личности, гражданина большой и сильной страны»* (2014). Ставится задача по формированию у молодежи эмоционального компонента общероссийской идентичности: *«Важно прививать подрастающему поколению чувства долга и гордости за свою страну»*. Этничность для Р.Н. Минниханова – органичная часть общероссийской идентичности.

В Посланиях, наряду с обозначенными явными темами дискурса конструирования общероссийской идентичности, звучат и завуалированные вопросы федерализма. Руководитель Татарстана затрагивает эту тему, подчеркивая асимметричность субъектов России. *«Татарстан – самобытный и самодостаточный российский регион»* (2015). Одновременно он отмечает, что *«Великой Россию делают сильные регионы»* (2016), *«Будущее крепкого Татарстана и сильной России зависит от нас!»* (2017). Таким образом, Р.Н. Минниханов продвигает идею многослойности общероссийской идентичности. Она декларируется им как государственное сознание, как интегрирующая основа многонациональной страны и используется в качестве оценки деятельности регионов в укреплении России. Глава Татарстана не снимает с повестки дня вопросы взаимоотношений Центра и субъектов страны, но переносит акцент в их интерпретации на единство государства и активность региональных сообществ.

Еще более бедным выглядит словарь слов, призванных для построения региональной идентичности. Р.Н. Минниханов использует лишь два слова – «Татарстан» и «татарстанцы», но частота и динамика их использования впечатляет (2013 г. – 30 и 6 упоминаний, 2014 – 16 и 4, 2015 – 17 и 7, 2016 – 27 и 7, 2017 – 33 и 8, 2018 – 63 и 7, 2019 – 44 и 7). Это демонстрирует высокую заинтересованность руководителя Татарстана в поддержании идентификации населения с регионом. В пользу этого говорит и тот факт, что он, открывая разные блоки Посланий, часто обращается к потенциальным слушателям, называя их татарстанцами.

Дискурсивные практики конструирования региональной идентичности выглядят весьма насыщенными. Они увязываются с различными событиями, что вновь указывает на обусловленность регионалистского дискурса общественными процессами. Озвучиваемой в первую очередь темой выступают выборы в органы государственной власти и управления. Во время них необходима *«консолидация всех здоровых сил общества и высокий потенциал доверия татарстанцев выбранному в республике курсу на социальную стабильность, межнациональное согласие и экономическое развитие»* (2014). Т.е. региональная идентичность главой Татарстана рассматривается как проявление политической консолидированности населения вверенной ему территории, обеспечивающей устойчивую динамику республики. Другие привлекаемые символы региональной идентичности: активное участие татарстанцев в праздновании 70-летия Великой Победы (2013), в проведении Чемпионата мира по водным видам спорта, WorldSkills, Чемпионата мира по футболу (2018), в реализации социально значимых проектов, например, в облагораживании парков и скверов (2014). Нередко используется прием-обращение к корпоративному духу. *«Безусловно, достижения республики – результат труда всех татарстанцев»* (2015). Говоря в 2013 г. о праздновании Великой Победы, Р.Н. Минниханов отмечает, что участие в торжественных мероприятиях – *«Это дело чести каждого татарстанца»*. Звучат и благодарности жителям (2019). Так, президент Республики Татарстан удачно использует дискурсивные возможности для конструирования региональной идентичности путем озвучивания эмоционально насыщенной риторики. Другой привлекаемой темой является качество жизни жителей Татарстана. Ежегодно поднимается тема спорта и любви к здоровому образу жизни. Все это призвано сформировать образ Татарстана как исключительной территории.

Идеологема «татарстанцы» получает свое развитие при обсуждении этнической темы. Они напрямую связываются друг с другом: Р.Н. Минниханов вменяет в обязанность жителей республики получение знаний о национальных культурах и традиционных религиях, т.к. *«Это основа для общественного согласия и выстраивания доверительных отношений»* (2015). Т.е. для президента Татарстана региональная идентичность – это не только сообщество жителей с высокой политической консолидированностью и качеством жизни, но и объединение людей, ощущающих свою этническую идентичность. В пользу этого заключения свидетельствует самый насыщенный словарь слов, к которым он прибегает при описании тем, связанных с этнической сферой и символами республики. При перечислении обязательно применяется прием одновременного упоминания разных культур и религий, что показывает использование Р.Н. Миннихановым дискурсивных возможностей для формирования толерантных установок у жителей Татарстана.

Межнациональные отношения привлекают большое внимание регионального лидера. О них он упоминает в каждом Послании, подчеркивая, что межнациональный и межрелигиозный мир является *«…высшей ценностью и одним из главных достижений республики»* (2015). Для закрепления такого приоритета республики Президент называет документы, принятые Татарстаном – Концепцию государственной национальной политики в РТ (2013), Государственные программы Республики Татарстан по приоритетным направлениям национальной политики (2013), План мероприятий в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений (2013), этнокультурные сообщества, работа которых направлена на *«эффективное взаимодействие национальных общественных объединений»* и установление конструктивного диалога между представителями различных этносов (2015). Так, лидер региона продвигает образ Татарстана как региона мирного соседства религий и этнических культур. Отдельное звучание приобретает тема профессиональной культуры, которая, по мнению Р.Н. Минниханова, является одним из *«важнейших ресурсов укрепления государства и гражданского общества. Это духовная основа проводимых в стране преобразований»* (2013). Рассматривая ее как ресурс интеграции российского общества, региональный лидер стремится найти пути совмещения мировой и традиционной культуры на вверенной ему территории.

Еще одной, ежегодно затрагиваемой и связанной с этнической идентичностью темой, является этноязыковая сфера. В 2013–2016 гг. Р.Н. Минниханов обозначает проблемы качества обучения государственным языкам Республики Татарстан в школах региона. А в 2017–2019 гг. он, настаивая на политике *«по сохранению языков, культур, традиций представителей всех народов, культивированию межнационального мира и межрелигиозного согласия»*, уже акцентирует внимание на важности сохранения государственного статуса татарского языка в республике (2018). Изменение дискурса произошло под влиянием новой языковой политики федерального Центра. Р.Н. Минниханов признает, что актуализация языкового вопроса стала *«…серьезным уроком для нашей системы образования»*, поскольку *«длительное время не решались вопросы совершенствования методик и технологий обучения татарскому языку»* (2018). В Послании 2019 г. озвучена уверенность в нахождении *«…во взаимодействии с федеральным центром оптимальных условий для сохранения и поддержки родных языков народов и государственных языков Республики Татарстан»*. Т.е. под влиянием федеральных инициатив глава Татарстана заявляет о ревизии системы обучения татарскому языку в республике, но настаивает на создании возможностей для развития национальных языков. Такой акцент на поддержке и паритетности языков и культур, а также историко-культурное наследие, культурные события, межнациональные отношения являются в его речах самыми популярными и неизменными темами дискурсивного построения этнической идентичности.

* * *

В процессе становления самоотождествлений людей задействовано множество акторов. Региональные лидеры являются одними из значимых участников данного процесса. Они формируют, поддерживают и публично признают конкретные идентичности, выстраивают границы, основания и смыслы идентификаций у населения, проживающего на управляемой ими территории. Однако далеко не все они могут привлекать их внимание. В поле рациональных интересов попадают лишь те идентичности, которые стимулируются внутрирегиональной ситуацией, работают на формирование специфического образа территории и содержат потенциал для ее развития. Так образуются границы региона. Заинтересованность главного лица проявляется в разнообразии дискурсивных практик конструирования идентичности: чем чаще он обращается к ее отдельным типам, чем богаче словарь слов-представлений, перечень тем и приемов публичного признания, тем выше эффект официальной риторики. Он обеспечивается рейтингом политика. Р.Н. Минниханов, имеющий высокий уровень поддержки со стороны жителей Татарстана, обладает реальными рычагами воздействия на их идентичности.

Региональная идентичность «мы – татарстанцы», заложенная в Татарстане еще в начале 1990-х годов, остается значимой частью официального дискурса республики. К ее воспроизводству по-прежнему привлекаются экономические успехи региона, этнокультурная специфика и этническая идентичность (позиционируемая как толерантная), а в последние годы (судя по текстам Посланий) посредническая функция Татарстана в продвижении интересов России на восток, идея о республике как о консолидированном сообществе, месте высокого качества жизни и о территории, аккумулирующей высокий человеческий капитал.

Субъектность региона выстраивается и по линии Центр – регион. Обнаруженные интенции руководителя Татарстана к продвижению значимой для регионального сообщества идеи о многокультурности и многоязычии России и ее непротиворечивости с общероссийской идентичностью, о важности для российского государства наличия сильных и ответственных регионов как агентов ее развития и обладающих высокой степенью общегосударственной интегрированности, указывают на значимость регионалистского дискурса в построении специфики территории и его значении для понимания внутриполитических процессов в стране.

Лидер региона использует разнообразные приемы для конструирования идентичностей. Язык трансляции идей, образы и символы территории, мега-мероприятия и события местного значения, эмоционально насыщенная риторика, в том числе прямые обращения к корпоративному духу регионального сообщества (включая отряд региональной элиты) – все это является ответом на существующую реальность местного сообщества и направлено на объединение многообразного населения.

Несмотря на сохраняющуюся структурную организацию однопорядковых официальных речей, регионалистский дискурс находится в постоянном обновлении. Динамика конструирования региональным лидером идентичности зависит от политики Центра, в условиях которой он вынужден отстаивать интересы подчиненной ему территории, предлагать собственное видение взаимоотношений в условиях складывающейся политической конъюнктуры, находить компромиссные решения.

Литература

1. *Айрапетян А.С., Бороздин М.С.* Отражение «языкового» вопроса в Посланиях Президента Российской Федерации (1994–2012) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1(96). С. 181–185.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

3. *Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 91–105.
4. *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.
5. *Дробижева Л.М.* Российская и этнорегиональная идентичность в Татарстане от 1990-х ко второму десятилетию XXI века. // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 22–25.
6. *Клюев Е.В.* Информационно-коммуникативные и психолого-политические аспекты ежегодных Посланий Президента В.В. Путина Федеральному собранию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2008. Сер. 9. Вып. 1. С. 129–139.
7. *Кузнецов В.И.* Послания Президента РФ Федеральному собранию как форма выражения политического курса развития страны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2014. № 2. С. 94–99.
8. *Макарова Г.И.* 2020. Образ Татарстана в стратегиях региональных элит и в массовом сознании. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020.
9. *Мухарямов Н.М.* Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 7–21.
10. *Назукина М.В.* Политика идентичности в Пермской области (1990-е – начало 2000-х гг.) // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 5. С. 38–45.
11. *Потапчук Е.Ю.* Пятый элемент. Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 92–105.
12. *Сагитова Л.В.* Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
13. *Семененко И.С.* Предисловие // Идентичность: Личность, общество, политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 11–17.
14. *Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. №3. С. 40–59.
15. *Тён А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
16. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
17. *Obradović S., Howarth C.* The power of politics: How political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation // European Journal of Social Psychology. 2018. № 48(1). P. 25–35.
18. *Teun A. van Dijk.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. Sage Publications, Inc, 1998.

Этничность в федеративном строительстве современной России. Кейс: Республика Татарстан

Л.В. Сагитова

Предисловие

Динамика федеративных отношений в современной России формировалась под влиянием возросшей роли регионов в ходе общественной трансформации 1990-х годов и последующих процессов реинтеграции, активизировавшихся с приходом В.В. Путина. Смена парадигмы в отношениях между центром и регионами стимулировала активность элит субъектов федерации в конструировании региональной политики идентичности, направленной как на легитимацию властных полномочий в рамках своей территории, так и на формирование региональной идентичности местного населения. Федеративное строительство в 1990-е и 2000-е годы характеризовалось рядом разнонаправленных тенденций, формируемых, с одной стороны, действием политических институтов, с другой – усиливающимся режимом конкуренции между субъектами федерации. Так, исследователи отмечали влияние общероссийских политических трендов на региональную политику идентичности, когда государственное строительство сопровождалось созданием надрегиональных структур – федеральных округов, которые, в свою очередь, ввели новый уровень макрополитической конкуренции [14; 1].

В то же время специфика России как многонациональной страны актуализирует влиятельность этнического фактора в федеративном государственном строительстве. В субъектах федерации, имеющих статус республики, он играл и продолжает играть стержневую роль в формировании политики идентичности. При этом его значимость и содержательное наполнение модулируют в зависимости от ряда факторов внешнего и внутреннего свойства: а) политическая конъюнктура и интересы различных групп элиты на уровне федерального центра; б) внутрирегиональная конъюнктура, складывающаяся из политического и социально-экономического положения республик, интересов политической элиты и проживающих в них этнических групп.

Прошедшие 30 лет постсоветской трансформации позволяют проследить динамику этничности в политике идентичности Республики Татарстан, где наиболее ярко и показательно проявили себя как дезинтеграционные процессы 1990-х годов, так и успешная и продуктивная интеграция в общероссийское пространство в 2000-е годы. Закрепившаяся за республикой метафора «Модель Татарстана», в качестве успешного алгоритма разрешения противоречий переходного периода между регионом и федеральным центром, имеет основания наполниться новым содержанием, отражающим как алгоритм смены дезинтеграционной тенденции на интеграционную, так и успешную адаптацию к изменяющимся политическим и экономическим реалиям. Важную роль в этих процессах играют политическая и национальная «символьная»[8] элиты республики. Этнический фактор поразному использовался и продолжает использоваться названными группами элит на определенных этапах формирования политики идентичности Татарстана.

Политика идентичности Татарстана: детерминанты становления

Эволюция политики идентичности региона развивалась под влиянием центробежных (начало 1990-х годов) и центростремительных тенденций (с 2000-х годов), определявших отношения «центр – регионы». Социально-экономический кризис, охвативший страну в

[8] Термин объединяет научную и творческую интеллигенцию, создающую и тиражирующую посредством СМИ этнические ценности и символы. См.: *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Казань: «Татполиграф», 1998. С. 77.

начале 1990-х годов и внутренняя конкуренция на высших этажах союзной/федеральной власти, ослаблявшие центральное правительство, поставили региональные элиты перед задачей самостоятельно искать ресурсы для выживания региональных сообществ в сложный переходный период. Динамика перемещения власти в регионы в начале 1990-х годов была стремительной: по заключению А.К. Магомедова, начавшийся летом 1992 г. процесс перехода власти на региональный уровень привел к тому, что к осени 1993 г. около 60% полномочий федеральной власти было сосредоточено в российских провинциях. Передел власти был задан процессами регионализации и самоутверждением региональных элит [9: 9], а в целом политические процессы в стране характеризовались тем, что в поле политики начала 1990-х доминантой среди экономических, культурных, языковых требований стало требование суверенитета [4: 3–7; 5].

Политическая активность элит во многом была связана с дефицитом полномочий и находящихся в их руках ресурсов для достойного развития регионов. ТАССР к началу перестройки была фактически приравненной к обычным административным единицам, хотя ее экономический потенциал для страны был значителен. Ее предприятия ежегодно вырабатывали продукции на 25 млрд руб.; из недр республики выкачивалось более 100 млн тонн нефти. В то же время в регионе не было ни одного республиканского промышленного министерства; 80% предприятий имели союзный статус, 18% были подчинены РСФСР и лишь 2% – самой республике [17; 19]. После отчислений в бюджеты СССР и РСФСР в распоряжении республики оставалась мизерная выручка, не позволявшая адекватно повысить уровень благосостояния ее жителей.

Этот аспект предопределял содержание политики идентичности Татарстана в конце 1980-х годов, ограничивавшейся на тот период исключительно экономическими интересами. Так, в русле Закона «О государственном плане экономического и социального развития» СССР и РСФСР на 1989 г. в Татарстане, в сентябре 1989 г. на сессии Верховного Совета ТАССР обсуждались «Основные положения концепции перехода Татарской АССР на региональный хозрасчет, самофинансирование и самоуправление» [7]. Политический аспект был детально разработан в альтернативном варианте концепции «регионального хозрасчета», авторами которой была группа татарских интеллектуалов [2]. Разработчики, основываясь на Декларации прав народов России при образовании РСФСР, увязывали экономическую самостоятельность республики с принципами национального суверенитета и свободного самоопределения наций [8].

Сложившаяся социальная конъюнктура обновления и поиска новых алгоритмов развития регионов и страны в целом давала шанс региональным элитам решить накопившиеся проблемы и воспользоваться появившимися возможностями для реализации как групповых, так и общереспубликанских интересов. Динамизма добавляло заявление, высказанное Б.Н. Ельциным во время его визита в Татарию, о том, что республики могут брать столько суверенитета, сколько захотят.

Причины социально-экономического и этнокультурного неравенства с другими наиболее развитыми союзными республиками и Москвой виделись в несправедливом распределении средств центральным правительством. В общественном дискурсе тех лет доминировали две темы: социально-экономической и этнокультурной деградации региона. Политическая элита республики в ситуации перераспределения властных ресурсов приводила требования общественных движений в качестве аргументов в пользу передачи ей б***о***льших экономических, а затем и политических полномочий. Она заявляла о своей готовности взять не себя всю ответственность за экономическое и культурное процветание региона. Этносоциологические исследования, проведенные в этот период[9], констатировали усилившееся региональное самосознание у населения республики. Сопоставление степени

[9] Проект «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» («НИК») 1993–1996 гг., рук. Л.М. Дробижева.

доверия к Президенту РФ и Президенту РТ по результатам опроса населения Татарстана в 1994 г. показало, что 42% русских и 63% татар в республике считали, что М.Ш. Шаймиев лучше других выражает интересы народа, 12% и 3%, соответственно, назвали Б.Н. Ельцина. За высокую степень децентрализации высказались 66% татар и 50% русских, за сильное централизованное российское правительство, соответственно, 12% и 26%[10].

Период с 1989 по 1994 г. в республике характеризовался острой борьбой между властной элитой и оппозиционными политическими движениями за право своей интерпретации понятия «суверенитет республики» и формирование региональной политики идентичности. Ее содержание как модели национально-государственного развития опиралось на этнический фактор и выстраивалось национальными движениями с учетом характера расселения татар в РФ. Ведущая роль в формировании новой идентичности республики была за властной элитой. Реальные властные полномочия, ее легитимность в диалоге с Москвой (в противовес национальному движению), опыт партийной работы в сочетании с умением использовать идеи пользующихся массовой поддержкой общественных сил позволили команде первого Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева провести свой вариант политической идентичности республики: добиться экономической самостоятельности; нейтрализовать радикальные проявления национализма и заложить основы республиканской культурной политики, направленной на выравнивание статусов русской и татарской культур и языков[11].

Татарстан в становлении новой федерации: эволюция договорных отношений

Ход и содержание длительных переговорных процессов между федеральным и региональным правительствами в начале 1990-х годов, в результате которого был разработан и подписан двусторонний договор, знаменовавший новый формат взаимоотношений между центром и субъектом, демонстрируют значимость комплекса факторов, включающих как субъективные (роль личности в политике, характеристики элитных групп), так и объективные (экономические и культурные ресурсы и социальную базу региона), а также социально-политическую конъюнктуру страны в целом.

Переговорный процесс был инициирован татарстанской политической элитой в условиях, когда демократизирующееся региональное сообщество, включавшее все этнические группы, выступало за повышение социально-экономического уровня жизни и реализацию вопросов развития этнической культуры и языка татар. При этом сама парадигма центральной власти о демократизации актуализировала вопрос равенства и справедливости на уровне субъектов федерации. В данном контексте следует отметить, что региональная власть декларировала в первую очередь проблему равенства в этнической парадигме, соединяя права народов и демократизацию. Так, в 1995 г. недавно избранный президентом республики М.Ш. Шаймиев заявлял: «Почему именно Татарстан одним из первых в Российской Федерации в условиях перестройки заговорил во весь голос? Это, прежде всего, связано с историей этого государства и народа. Даже в условиях 70 лет тоталитарного режима <…> люди всегда думали о своих правах, хотя редко говорили о них. С каждым днем народ терял свою культуру, духовность, язык» [15: 3–8].

Политическую стратегию региональной власти в новых условиях можно охарактеризовать как осторожную и осмотрительную. Будучи лидером процесса суверенизации, Татарстан, тем не менее шел в фарватере федеральных политических процессов: Декларация о независимости РТ была принята после принятия соответствующей Декларации на уровне России. В связи с этим М.Ш. Шаймиев подчеркивал: «Сказанное справедливо и в отношении России, которая считала себя бесправной в условиях СССР и приняла одной

[10] Данные проекта «НИК».

[11] В Конституции Республики Татарстан (Ст. 4) закреплен статус государственного за двумя языками – русским и татарским.

из первых Декларацию о государственном суверенитете. Но Россия многонациональна: она состоит из республик, областей, краев. Поэтому совершенно естественно, что после принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, о своем государственном суверенитете провозгласила и Республика Татарстан» [13: 7].

Этнический императив в качестве основного аргумента в процессе суверенизации, тем не менее нивелировался в основных законодательных актах: прежде всего, в принятой 30 ноября 1992 г. Конституции Республики Татарстан, в которой заявлялось, что первоисточником права является многонациональный народ Татарстана. Апелляция ко всему населению республики получила выражение в выборе основного политического инструмента в отстаивании интересов региона: республиканского Референдума, состоявшегося в марте 1992 г. и набравшего 62% голосов. Опора на его результаты усилила позиции властной элиты, и после длительной подготовки в феврале 1994 г. был подписан Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», главным результатом которого было утверждение принципа построения новой Федерации путем делегирования полномочий снизу.

Известный политик и политолог С. Шахрай уже в наши дни отмечает: «…Договор с Татарстаном – это конституционная форма разграничения полномочий в нашем федеративном государстве. Причем в случае с РТ эта форма (договор) решила две задачи: во-первых, предотвратила конфликт по типу чеченского, а во-вторых, позволила конвертировать дополнительные полномочия, а это и дополнительная ответственность в качество жизни, в качество экономики. Мы видим, что теперь чуть ли не половина министров на федеральном уровне и московском – кадры из Татарстана» [11].

В дальнейшем, смена вектора развития России с дезинтеграционного к интеграционному стимулировала корректировку Договора между РФ и РТ: приведение части его положений в соответствие с Конституцией Российской Федерации с учетом последних дополнений в контексте федеративной реформы. В 2007 г. Договор о разграничении полномочий после согласований был продлен в качестве Федерального закона при поддержке главы государства В.В. Путина. Эксперты оценивали данное обстоятельство особым отношением Президента РФ как к самому региону, так и к его политическим лидерам [12: 312].

Вопрос о пролонгации в 2017 г. Договора по истечении десяти лет явился предметом общественных дискуссий. Так, представители национально ориентированной элиты татар и депутатский корпус РТ выступали за сохранение договорных отношений между Татарстаном и федеральным центром[12]; представители Администрации Президента РФ заявляли о том, что данный инструмент исчерпал свои функции [3]. Часть экспертов и представители политического истеблишмента РТ отмечали ряд негативных последствий в случае его непродления: ослабление конституционных принципов федерализма; опасность

[12] Необходимость продления Договора о разграничении полномочий между РФ и РТ была внесена в Резолюцию III съезда народов Татарстана в апреле 2017 г.; озвучена на Пленарном заседании VI съезда Всемирного Конгресса Татар (участники: 810 делегатов и около 300 гостей из 41 страны и 73 регионов РФ); депутаты Госсовета Татарстана обратились с соответствующим письмом к президенту страны В.В. Путину в июле 2017 г. См.: Договор Татарстана с Москвой: «БИЗНЕС Online» публикует полный текст обращения Госсовета к Владимиру Путину. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/351169 (дата обращения: 11 07.2017).

.

превращения региона-донора в регион-реципиент; негативное влияние на этнокультурный климат в регионе и др. [11]. Окончательное решение было озвучено Р.Н. Минниханов ым в ежегодном Послании Президента РТ Государственному Совету РТ 21 сентября 2017 г. Глава республики отметил важнейшую историческую роль Договора в укреплении российской государственности и в совершенствовании практики российского федерализма в течение четверти века. Он также заявил, что в нынешних условиях приоритетной становится не столько форма отношений между республикой и федеральным центром, сколько их содержание, возможность находить взаимоприемлемые решения возникающих вопросов в общих интересах [6].

Изменение социально-политической конъюнктуры в связи с новой политикой федерального центра в 2000-е годы усилило центростремительные тенденции. Политическая элита республики в этих условиях уходит от акцентирования этнического фактора, переводя его с роли ведущего на роль дополняющего этнокультурную специфику региона [10: 76–82]. В дискурсивном поле, связанном с этничностью, татарская идентичность органично встраивается в общероссийский общенациональный контекст. Татарстан позиционирует себя, прежде всего, в качестве экономического лидера среди субъектов федерации, укрепляя свой имидж резонансными на федеральном и мировом уровне мега-проектами, такими как Празднование 1000-летия Казани, Молодежная Универсиада 2013 г. и др. Мегапроекты становятся локомотивами развития спортивной, городской и социальной инфраструктуры и логично встраиваются в стратегию развития республики, которая все больше позиционирует себя как регион инновационного развития. Разработанная и принятая к исполнению в 2015 г. «Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.» [16] провозглашает в качестве приоритетов конкурентоспособность и лидерство среди российских регионов на основе качественной системы развития человеческого капитала. Этничность в стратегии рассматривается амбивалентно: и как культурный потенциал, и как зона рисков.

События последних лет вновь актуализировали тренд федерализма, когда в условиях пандемии 2020–2021 гг., а также недавних кризисных событий февраля–марта 2022 г. центр делегировал ряд полномочий главам субъектов и республик РФ, для поддержания социально-экономической стабильности на вверенных им территориях [18].

* * *

Таким образом, новый формат политического и экономического устройства современной России существенно повлиял на развитие федеративных отношений внутри страны. Кризис советской политической и экономической системы способствовал усилению роли и значимости субъектов федерации в качестве политических, экономических и социокультурных единиц, уровень развития и социально-экономические характеристики которых формируют потенциал страны в целом. Значимую роль в формировании политической и культурной идентичности национальных республик составляет этнический фактор, который, в зависимости от политической конъюнктуры, может перемещаться в поле политики, становясь инструментом мобилизации этнических групп для поддержки политических стратегий региональных элит в условиях кризиса. Согласованность позиций федеральной и региональных элит, поступательное решение вопросов регионального социально-экономического и этнокультурного развития при участии федерального центра нейтрализует конфликтный потенциал этнического фактора, создает устойчивые основания для интеграционных процессов в рамках многонациональной федерации.

Литература

1. *Белокурова Е., Ноженко М., Яргомская Н.* Создание единого информационного пространства как средство формирования региональной идентичности Северо-Запада. URL.: http://www.dartmought.edu/-crn/groups/.centering_group_papers/belokurova.pdf (дата обращения: 23.11.2017).
2. Вопросы экономики. Казань, 1989. С. 16–24.

3. Договор между Казанью и Москвой. Что говорят эксперты? URL.: http://e-kazan.ru/ news/ show/32545 (дата обращения: 12.07.2017).
4. *Дробижева Л.М.* Предисловие // Духовная культура и этническое самосознание. М.: ИЭА РАН, 1991. Вып. 2. С. 3–7.
5. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 252–254.
6. Ежегодное Послание Президента РТ Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан. URL.: http://president.tatarstan.ru/news/view/1015109 (дата обращения: 21.09.2017).
7. *Исхаков Д.М.* Возникновение и эволюция государственного национализма в Татарстане // Татары. М.: Наука, 2001. С. 532–533.
8. *Курчаков Р.С., Хакимов Р.С.* Проблемы экономической самостоятельности автономной республики // Вопросы экономики. Казань, 1989. С. 16–24.
9. *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: Московский научный общественный фонд, ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 221 с.
10. *Макарова Г.И.* Репрезентация Республики Татарстан в мероприятиях Культурной Универсиады и церемонии открытия Универсиады–2013 / Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Г.Ф. Габдрахмановой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 76–82.
11. Мнение: 3 причины, по которым Татарстану необходим новый договор с Россией. URL: http://prokazan.ru/news/view/118839/ (дата обращения: 04.08.2017).
12. *Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Татарстан в условиях рецентрализации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / ред. К. Мацузато. М.: Материк, 2004. С. 312–366.
13. Панорама-форум. Специальный выпуск. Международный опыт урегулирования этнополитических конфликтов. 1996. № 3(6).
14. *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в СПб.; Летний сад, 2003. 256 с.
15. Приветственная речь М. Шаймиева на 1-й сессии «Опыт взаимоотношений Татарстана и России» // Панорама-форум. Специальный выпуск. Международный опыт урегулирования этнополитических конфликтов. 1996. № 3(6). С. 3–8.
16. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030г. URL: https://chistopol.tatar.ru/rus/file/ Presentation_Tatarstan-2030.pdf (дата обращения: 26. 04.2016).
17. *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 2008. 455 с.
18. Указ Президента Российской Федерации от 16.03.2022 № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 00012022031 60012?index=1&rangeSize=1
19. *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. // Полис. 1994. № 6. URL: http://www.politnauka.org/ library/elit/farukshin.php (дата обращения: 19.11.2016).

Межэтнические контакты и современная идентичность русского населения Сибири

М.А. Жигунова

Сибирь является важнейшим геополитическим регионом России, его энергетический и природно-ресурсный потенциал сложно переоценить. Не менее значимым является тот факт, что это – «территория многовекового взаимодействия славянских, тюркско-монгольских, угро-финских, палеоазиатских народов, пространство диалога христианства, мусульманства, буддизма, шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевнического хозяйственного укладов» [17: 6]. Сегодня территорию Сибири населяют представители более 200 различных народов, и она граничит со многими государствами, являясь своеобразным мостом между Европой и Азией, Востоком и Западом [2: 48]. Среди ее современных жителей явно доминируют русские: по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Сибирском Федеральном округе их доля составляла 85,9%, в Дальневосточном – 78,9%.

В последние годы активизировались исследования, связанные с изучением различных типов идентичности: национальной/гражданской, этнической, конфессиональной, региональной, этнокультурной, политической, гендерной и др. Проблема самоопределения в многообразии различных идентичностей является одной из ключевых в современном социогуманитарном знании. М.Н. Губогло высказывал мнение, что в настоящее время можно говорить о возникновении нового научного направления – идентологии, в стратегические задачи которой входит поиск, надежная и объективная характеристика важнейших направлений развития каждой идентичности [4: 23].

Устойчивый интерес к изучению русского населения Сибири возник в середине 1950-х годов. К концу XX в. сложилось несколько академических научных центров, работающих по данной тематике: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Омске, Владивостоке. Изучением русских сибиряков занимаются также в Барнауле, Иркутске, Томске, Тюмени и др. Несмотря на это, исследования по современному периоду немногочисленны и фрагментарны. Среди русского населения Сибири выделяются старожилы и переселенцы, представленные различными историко-этнографическими, этническими, субэтническими, этноконфессиональными, этнотерриториальными группами. Представленная работа базируется на историко-этнографических и этносоциологических исследованиях 1985–2022 гг., которые проводились под руководством автора экспедициями Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, Сибирского культурного центра в различных регионах Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана. Также использовались материалы Всероссийских переписей населения, похозяйственных книг сельских и городских Советов, архивов ЗАГС и паспортных столов, словари русского языка и говоров Сибири.

Согласно историческим источникам, первые контакты русских с народами Сибири фиксировались с XI в., но массовый характер они приобрели с конца XVI в., после походов казаков под предводительством Ермака и победой над Сибирским ханством [8: 794]. Многие исследователи отмечали процесс метисации на ранних этапах сибирской истории. Как правило, это было вызвано тем, что казаки и другие служилые люди, купцы, промышленники, попавшие в Сибирь, не имели при себе жен. С первых же лет они вошли в тесный контакт с проживающими здесь народами, религиями и культурами.

В материалах Всероссийской переписи населения 2002 г., в перечне встретившихся вариантов национального самоопределения более 140 тыс. человек назвали себя «казаками».

Интересно, что подобные варианты зафиксированы практически во всех административно-территориальных единицах Сибири. Сибирские казаки являлись этносословной группой в составе русского этноса, формирование которой связано с освоением Сибири и походами атамана Ермака. Сибирское казачество представляло собой довольно сложную полиэтническую и поликонфессиональную общность, в которую входили не только численно доминирующие восточные славяне, но и башкиры, калмыки, казахи, мордва, поляки, татары, чуваши, представители различных народов Кавказа и Азии [1]. Во многих языках народов Сибири слова «казак» и «русский» синонимичны, т.к. первые русские зачастую были именно казаками [3: 233]. Смешанные браки были довольно распространены в казачьей среде. Так, Лавр Корнилов был сыном сибирского казака и казашки. Казачий атаман Семен Дежнёв взял в жены дочь якутского народа. В 2005 г. в Якутске их семье с сыном Любимом был поставлен памятник – «первому сахаляру» (так называют в Якутии потомков национально-смешанных семей). Сахаляры зачастую имеют европейскую внешность, но родным языком считают якутский и воспитаны в якутской культуре. Часто встречается и обратная ситуация: человек с типично славянской/русской фамилией обладает ярко выраженной монголоидной внешностью. Среди современных жителей Сибири различных национальностей нередко встречаются сочетания европейских и азиатских имен, отчеств и фамилий.

Главным признаком близости к людям своей национальности русские называют язык (до 73% ответивших). Во многих диалектных словарях Сибири отмечается лексема «чалдон» в значении «коренной сибиряк, русский» [6: 97]. Некогда В.И. Даль полагал, что «ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где нужно искать его принадлежность к тому или иному народу… Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит» [5: 5]. Но сегодня далеко не всегда совпадают языковая и этническая идентичности. В фонде русской сибирской лексики имеются заимствования из алтайского, бурятского, казахского, кетского, нанайского, немецкого, селькупского, татарского, хакасского, эвенкийского, якутского и многих других языков [3: 10]. В настоящее время язык теряет функцию этноразделителя, наблюдается рост билингвизма и полилингвизма, а русский язык широко используется в качестве языка межнационального общения.

Известно, что графа «национальность» появилась в документах в советский период (в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. фиксировались религиозная и языковая принадлежности). В это же время заметно активизировалась межэтническая брачность, что было обусловлено государственной политикой интернационализации и прогрессирующей урбанизацией. Подростки из национально-смешанных семей нередко делали выбор в пользу национальности отца, хотя в разные периоды было по-разному. Встречались случаи, когда в паспорт гражданина записывали русскую национальность, хотя ни один из родителей к ней не принадлежал. Бытовала даже поговорка: «Папа – турок, мама – грек, а я – русский человек». От 50% до 90% семей опрошенных русских Сибири имеют близких родственников других национальностей, чаще всего украинской, немецкой, татарской, казахской, белорусской, чувашской, польской, армянской, азербайджанской. Согласно данным архивов ЗАГС, в 1950–1970-е годы в отдельных регионах Сибири национально-смешанные браки составляли 25–73% от всех зарегистрированных. В городах у сибирских татар на них приходилось 60–80% [18: 238]. Больше половины опрошенных полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет особого значения: «Лишь бы человек был хороший», «Лишь бы любили и уважали друг друга», «Какая разница – какая национальность! Главное – любовь!».

С конца XX – начала XXI в. появилась тенденция к расширению круга брачных партнеров и росту браков с иностранными гражданами. Так, например, только в Омской области в 2015 г. было зарегистрировано 589 таких браков. В 2017 г. в Омске были заключены

39 браков с гражданами Германии, Турции, Франции, Израиля, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Египта, Индии, Италии, Китая, Ливана, Мали, Марокко, Перу, Сербии, Эквадора. Интересно, что среди иностранных невест оказалась только одна перуанка, которая выбрала в мужья российского гражданина, в остальных случаях иностранцами были мужчины. В настоящее время бытуют и фиктивные браки, например, русских женщин с китайцами, для получения определенных преференций. Встречается и полная смена этнической и религиозной идентичности. Так, женщина средних лет, родившаяся в казахской семье, определяет себя русской. Говорит, что приняла православие еще перед замужеством. Своих детей, рожденных от русского супруга, крестила в церкви. Несмотря на это, в их семье отмечают как мусульманские, так и православные праздники, с уважением относятся к вере родственников и по материнской, и по отцовской линии. Другой пример русской женщины: «Недели через две после свадьбы, проведенной по русско-советским традициям с торжественной регистрацией в ЗАГСе, мать мужа сказала, что нужно пригласить муллу и сделать все, как нужно... После проведения обряда бракосочетания, мулла объявил меня мусульманкой. А в детстве меня мама в православной церкви крестила. Так я теперь и не знаю, кто я? Это без разницы, главное, что семья у нас хорошая, и мы любим наших детей и друг друга».

Существенное влияние на межэтническую брачность оказывает миграционный фактор [11]. В этом случае брак зачастую выступает как средство адаптации и получения определенных преимуществ. Лидером среди регионов Сибирского Федерального округа по миграционным потокам является Омская область. Наибольшую часть мигрантов составляют мужчины репродуктивного возраста из Средней Азии и Кавказа. Значимым фактором является и совместное обучение. Так, например, в 2014/2015 уч. г. в Омском регионе обучались иностранные студенты из 39 стран дальнего и 11 стран ближнего зарубежья (всего – 9122 человек). Представители негроидной расы часто говорят о том, что удивлены позитивным отношением к ним и отсутствием расовых предрассудков у жителей Сибири. Как правило, мигранты и их потомки чаще вступают в национально-смешанные браки. Дети из таких семей более склонны к заключению межэтнических браков, чем их сверстники из мононациональных семей.

Поскольку территория Сибири относится к зонам активных межэтнических брачных контактов, то у многих респондентов, начиная с 1990-х годов, стали возникать определенные трудности при четком определении своей идентичности: «Не знаю, кто я, родители разной веры и национальности», «Трудно сказать, много во мне разной крови намешано», «Национальность у меня смешанная, но, в основном, русская» и др. Все чаще встречаются люди со смешанной и множественной идентичностью: «гибрид», «метис», «полурусок/полукровка», «русский татарин/казах/немец/чуваш/еврей/бурят и др.», «наполовину – русский, наполовину – казах», «русский хохол с еврейскими корнями», «татаро-украино-русская», «русская с немецкой помесью», «смешанная русско-украинско-белорусско-финская», «русский таджик с греческим именем», «русский немец финского происхождения с польско-украинскими корнями», «на 50% – русская, на 25% – немка, на 25 % – украинка», «татарка по рождению, но русская по жизни» и мн. др.

Среди основных критериев идентичности респонденты часто указывают этническую принадлежность родителей и родственников, территорию проживания, язык и культуру, а также – личные ощущения («чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская»). Заметную роль при выборе идентичности детьми из национально-смешанных семей играет характер отношений с родителями и другими родственниками, социальное окружение, страна и территория проживания, политические соображения, престижность/статус конкретной национальности: «Я считаю себя только русским, поскольку отца-татарина почти не помню», «Я считаю себя украинкой по бабушке, т.к. в детстве жила у нее, она меня воспитывала, песни пела украинские, вареники готовила», «Я считаю

себя русской, поскольку родилась в России, говорю на русском языке и воспитана в русской культуре», «Я, конечно, чувствую себя русской, но записалась хакаской, т.к. в нашей республике это титульная нация» и др. Отдельные русские девушки назвали себя казашками, «поскольку родились и выросли в Казахстане».

Среди людей среднего и старшего возраста встречаются те, кто позиционирует себя в качестве «интернационалистов» или «советским человеком», а среди молодого поколения (чаще – юношей) встречаются «космополиты», «человек/гражданин мира», «землянин» и др. В начале XXI в. стали встречаться такие варианты самоопределения, как «евразиец/евразийка», «человек Евразии». Так, например, считает себя евразийкой женщина средних лет, отец которой – якут, а мать – татарка. Поясняет, что обладает русской ментальностью, но не может назвать себя русской, т.к. на русскую внешне не похожа, но вобрала в себя и русское, и якутское, и татарское.

Еще в движении сибирских «областников» появилась концепция особой «сибирской нации». В начале XX в. В.И. Далем была выделена лексема «сибиряк» в значении «житель, уроженец Сибири» [4: 144]. При опросах конца 1980-х годов стали встречаться первые варианты сибирского этнического/национального самоопределения. Актуализация исследований по региональной сибирской идентичности произошла в начале XXI в., что подтверждается проведением целого ряда научных конференций и публикаций [12; 13; 17; 21; 22], появлением художественных произведений. Всероссийская перепись населения 2010 г. впервые зафиксировала новую национальность «сибиряки», что свидетельствует о росте региональной сибирской идентичности [9; 15]. Не существует единого мнения по поводу трактовки самого понятия «сибиряк», несущего различную смысловую нагрузку [7]. Наряду с «сибиряками», нам встречались «северяне», «дальневосточники», «якутяне» и др.

В 2011 г. французский кинопродюсер и путешественник Пьер-Кристиан Броше пригласил меня консультантом на съемки документального фильма «По следам Мишеля Строгова» (по роману Жюля Верна «Мишель Строгов» (Телеканал Frans-5, режиссер, оператор и сценарист Бенуа Сегюр). Он рассказал, что во Франции известны и сибиряки, и сибирские казаки. Кстати, позднее он выпустил серию путеводителей по различным регионам Сибири: «Алтай», «Тыва», «Хакасия», «Чукотка», «Якутия» и др. Режиссер Кристиан Дюран снял в 2011 г. документальный фильм о Транссибирской железной дороге. В этом же году состоялась премьера российского художественного фильма «Сибиряк» (режиссер И. Москвитин). Вскоре был опубликован роман московской писательницы Н. Нестеровой «Жребий праведных грешниц. Сибиряки» [14].

В настоящее время довольно сложными являются проблемы религиозной/конфессиональной идентичности и определения точного количества последователей той или иной веры. Как известно, в Российской империи слова «русский» и «православный» воспринимались как синонимы. Но в Сибири XVIII–XIX вв. довольно активно проводилась политика христианизации местных народов. Уже к концу XIX в. православные составляли основную массу не только среди восточных славян (94%), но и цыган (99%), чувашей и мордвы (97%), большинства коренных народов Западной Сибири; из тюркских коренных народов христианство приняли чулымцы, обские татары, северные алтайцы и часть телеутов [10: 51]. В центральных районах Республики Алтай известна группа православных туратинских казахов.

Около 80% современных русских жителей Сибири считают себя православными христианами, по 5% назвали себя атеистами (преимущественно, это мужчины) и сторонниками других конфессий (бурханисты, буддисты, иудеи, язычники и др.). Около 10% опрошенных затруднились четко ответить на вопрос о своей религиозной принадлежности: «Не верующий, и не атеист», «Не знаю, у родителей разная вера» и др. Среди опрошенных встречались: «православный мусульманин», «православный потомок Чингисхана», «православная казашка», «русский мусульманин» и др. На современных кладбищах Сибири и

Северного Казахстана можно встретить совместные захоронения православных и мусульман за одной общей оградой и общим рвом [23]. Зачастую самоопределение респондентов свидетельствует не столько о принадлежности к конкретной религии, сколько к исторически сложившейся культурной традиции. Несмотря на то, что конфессиональный фактор в начале XXI в. многими воспринимается как этнодифференцирующий, фиксируется тенденция объединения различных конфессий на основе суждения, что «Бог един, ни Иисус Христос, ни Аллах», синкретизм различных религиозных представлений.

Наиболее устойчивой и конкретной является гендерная идентичность. Русское мужское население Сибири четко определяет себя: «мужчина/настоящий мужчина», «глава семьи», «многодетный отец», «любимый муж» и др. Среди женщин чаще всего встречаются такие варианты самоидентификации: «мать», «бабушка», «любимая женщина/девушка», «верная жена», «заботливая дочь», «старшая сестра».

Для русского населения Сибири характерны массовые соседские, дружеские и родственные отношения с представителями различных народов, которые обусловлены совместным проживанием на общей евразийской территории и в одном населенном пункте, тесными хозяйственно-экономическими, производственными, торговыми, языковыми и культурными связями, межнациональными браками. По мнению опрошенных, представителей различных этносов больше всего сближают общий язык, религия и культура, совместное проживание и работа, любовь. Наиболее активно межэтнические контакты протекают в городской местности, а также – в районах степной зоны и южной лесостепи. «Оказавшись в Сибири, великороссы принесли сюда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое на ментальном уровне (или в этническом подсознании) не противопоставляло их этносам Северной Азии, не предполагало “национального высокомерия” по отношению к ним» [19: 108]. Значимым фактором, объединяющим русских с другими народами Сибири, является общая многовековая история проживания на одной территории, в едином государстве – Российской империи, Союзе Советских Социалистических Республик, Российской Федерации, совместные боевые действия в период Великой Отечественной войны и службы в Советской армии, трудовая деятельность, освоение целинных и залежных земель, Всесоюзные ударные комсомольские стройки, централизованное распределение по окончании вуза и др.

Среди жителей Сибири довольно часто встречаются браки с представителями самых различных народов, религий и стран. Их идентификационные представления отличаются значительным многообразием, зачастую не совпадают самоопределение и реальная ситуация, религиозная, этническая, национальная, языковая и этнокультурная идентичности. Определяющую роль в процессах самоидентификации играют социальное окружение и территория проживания индивида в период становления его личности. Растет количество лиц со смешанной и множественной идентичностью. Все чаще встречаются люди, называющие себя сибиряками и россиянами. Позитивные установки на межнациональное и межрелигиозное общение чаще демонстрируют представители старшего и среднего поколений. Молодежь отличается меньшей терпимостью и миролюбием, большей категоричностью и предвзятостью по отношению к отдельным народам и религиям. Это свидетельствует о необходимости активизации просветительской и научно-образовательной деятельности в данной сфере.

Литература

1. *Андреев С.М.* Этнический и религиозный состав сибирского казачества // Сибирское казачество – Отечества служилая рать: сб. науч. ст. / под ред. М.А. Жигуновой, Г.Н. Привалова. Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. С. 16–21.

2. *Анжиганова Л.В., Ерохина Е.А., Жигунова М.А*. Современные историко-культурные исследования цивилизационной идентификации народов Евразии: Некоторые итоги // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1(27). С. 47–52.
3. *Аникин А.Е*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. –Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2000. 768 с.
4. *Губогло М.Н*. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. IV, С-V. М.: Цитадель, 1998. 832 с.
6. *Демешкина Т.А*. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3(41). С. 90–107.
7. *Жигунова М.А*. Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 351–368.
8. *Жигунова М.А., Исупов В.А., Шелегина О.Н*. Русские // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II: К-Р. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 794–798.
9. *Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В*. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. 2014. № 2(12). С. 48–63.
10. *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
11. Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика: сб. науч. тр. / под ред. М.А. Жигуновой, И.И. Кротта. Омск: Издательский центр КАН, 2018. 328 с.
12. Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: Сб. науч. тр. / под ред. М.А. Жигуновой, Е.М. Данченко. Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. 348 с.
13. Национальность – Сибиряк. О народах Красноярского края: Альманах. № 1. Красноярск: ИПК «Платина», 2008. 144 с.
14. *Нестерова Н*. Жребий праведных грешниц. Сибиряки. М.: АСТ, 2015. 320 с.
15. *Ремнев А.В*. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // Полития. 2011. № 3. С. 109–128.
16. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2008. 262 с.
17. Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Астерион, 2003. 274 с.
18. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
19. *Шерстова Л.И.* Проблема русской идентичности в контексте евразийской концепции // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 107–110.
20. Этническая идентичность и конфликт идентичностей / отв. ред. Г.Г. Ермак, Е.В. Рудникова. Владивосток: Дальнаука, 2007. 200 с.
21. Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 592 с.
22. Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сб. науч. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 296 с.
23. *Zhigunova, Marina*. Islam and orthodoxy in Siberia and Kazakhstan at the beginning of the 21st century // Shamanhood and Mythology: Archaic Techniques of Ecstasy and Current Techniques of Research. In Honour of Mihály Hoppál, celebrating his 75th Birthday. Budapest: Hungarian Society for Religious Studies, 2017. P. 481–490.

Соотношение локального и регионального уровней территориальной идентичности у русских выпускников средних школ Белёва и Старицы (по материалам 2017–2019 гг.)

А.Н. Ямсков

Данное исследование основано на материалах, собранных автором в рамках коллективного проекта по изучению малых городов Центральной России – Белёва Тульской области (13180 человек на 1 янв. 2018 г.) и Старицы Тверской области (7676 человек на 1 янв. 2018 г.) [13].

Сплошное анонимное анкетирование учащихся 11-х классов, посвященное выявлению относительной роли регионального (областного) и локального (связанного с городом-райцентром и прилегающим районом) уровней территориального самосознания в структуре их идентичности, проводилось автором на уроке в школе в 2017, 2018 и 2019 г., каждый раз осенью. Сначала все школьники, присутствовавшие в тот день, заполняли анкету о местах рождения респондента и двух поколений его предков [см. подробнее: 6], а затем – анкету из трех вопросов, посвященную различным аспектам идентичности [14].

Всего за три года было опрошено 114 человек в Белёве (включая 109 русских) и 121 человек в Старице (113 полных ответов, полученных от русских учеников). Фактические выборки в обоих городах составили по 77,5% от общего числа учащихся в выпускных классах всех школ этих городов. При этом в данные по Старице были включены сведения из школы в деревне Ново-Ямская, примыкающей к окраине этого города, поскольку большинство учеников новоямской школы проживает в Старице.

Анкетирование проходили все учащиеся 11-х классов, но ниже учтены только респонденты, отметившие в графе «национальность» или при ответе на вопрос об идентичности, что они «русские». Это ограничение потребовалось для корректного сравнения с итогами социологического опроса, проводившегося участниками проекта в 2018 г. в Белёве и Старице только среди русских респондентов ради сопоставимости результатов с опросами в других регионах России и ряда постсоветских стран [10].

В обследованных школьных классах Белёва и Старицы абсолютно преобладают этнические русские. Так, среди опрошенных в г. Белёве в 2017 г. из 48 респондентов были отмечены даргинка и лачка, в 2018 г. из 38 человек – даргинка и одна девушка – «метис», в 2019 г. из 28 человек – цыган. В г. Старице в 2019 г. все 38 человек назвали себя русскими, а в 2017 г. в числе 37 респондентов были аварец и украинец, в 2018 г. из 44 человек – азербайджанец, грузин, чеченка и один «гражданин РФ». Кроме того, в Старице в 2018 г. один комплект анкет был возвращен почти незаполненным, а другой – с очевидно абсурдными записями. Все эти анкеты от 5 иноэтничных респондентов из 114 отвечавших в г. Белёве и от 8 человек из 121 отвечавшего в г. Старице в дальнейших расчетах не учитываются.

Отношение учащихся к анкетированию было весьма ответственным. Видимо, это объясняется тем, что большинство учеников 11-х классов из Белёва, Старицы или Ново-Ямской после окончания школы уезжают из дома и поступают в вузы [16: 133–134]. В последние годы после окончания 9-го класса от половины до двух третей учащихся покидают школы и в большинстве своем уходят в колледжи. Поэтому в 10-х и 11-х классах остаются только те, кто нацелен на получение высшего образования.

Например, по данным директора Старицкой школы Н.И. Билетиной, в 2019 г. 9-й класс закончили 45 человек, из которых в 10-й класс перешли только 20 человек, а 24 человека ушли в колледжи. В 2019 г. эту школу закончили 17 человек, из которых 12 человек ныне учатся в вузах (в том числе 7 человек в Твери и 4 человека в Москве), и еще 4 человека – в колледжах (интервью 3.10.2019 г.). Близкие показатели были в школе № 1 в Белёве, где, по сведениям зам. директора В.Ю. Басанской (интервью 12.09.2018 г.), в 2018 г. после 9-го класса из школы ушли 34 человека, в основном поступивших в колледжи, а в 10-й класс

перешли только 19 человек. В выпуске 2017 г. из 29 человек, окончивших школу № 1, 25 человек по состоянию на осень 2018 г. учились в вузах.

Таким образом, высказанные учащимися 11-х классов мнения следует считать безусловно заслуживающими внимания, ведь в большинстве своем наши респонденты через год стали студентами университетов.

Начнем анализ собранных материалов с используемых терминов. Так, «идентичность» и «самосознание» применяются ниже как синонимы. О правомерности такого подхода ранее говорили этнологи [1: 20–21] и географы [8: 159]. Аналогичного мнения придерживалась Л.М. Дробижева, рассматривавшая «идентичность как самоотождествление себя с общностью» [5: 7], т.е. как самосознание. Также в качестве синонимов ниже применяются термины «территориальное» и «пространственное» в приложении к идентичности. Пусть и с оговорками, такой подход разделяют некоторые географы [7: 152].

Многие этнологи акцентируют внимание на феномене «множественной идентичности» [2: 81; см. также: 4; 12: 107]. Это позволяет рассматривать в одном ряду и сопоставлять друг с другом как различные уровни пространственного самосознания (например, локальный и региональный), так и этническую, и национальную (российскую) идентичности, невзирая на принципиально разную природу перечисленных выше форм самосознания. Важным представляется положение Р.А. Григорьевой и М.Ю. Мартыновой о том, что «российская идентичность» является не только территориальной, но и составной частью национальной, т.е. «гражданской или национально-государственной» идентичности [2: 82].

С.С. Савоскул отмечал, что локальная идентичность человека выражает его чувства сопричастности не только к соответствующей территории, но и к ее жителям, подчеркивая наличие важной социальной составляющей у территориального самосознания, по крайней мере, на локальном уровне [11: 83]. О социальной или социально-культурной составляющей региональной идентичности писали и многие другие исследователи – этнологи [4: 410–411] и географы [7: 156–157; 9: 86]. В обзорной статье о современных исследованиях феномена «чувства места» в зарубежной антропологии также акцентируются именно социальные аспекты территориального самосознания [17: 1].

Итак, можно выделить следующие уровни территориальной идентичности населения России: государственный (житель России, или россиянин), региональный (житель области или республики в составе Российской Федерации), локальный (житель отдельного малого либо среднего города или сельского района в составе области), местный (житель части города или района, группы деревень) [14: 270; 16: 132].

Однако государственный уровень территориальной идентичности чаще всего практически сливается с национальной (иначе говоря, государственно-политической) самоидентификацией личности, и потому его обычно нецелесообразно рассматривать в отрыве от последней. Напротив, для понимаемых таким образом региональной, локальной и местной составляющих пространственной идентичности человека, на первый план выходят именно чувства сопричастности к соответствующей территории и, в не меньшей степени, к ее жителям.

Города Белёв в Тульской области и Старица в Тверской области кратко описывались ранее [14: 270–271; 16: 132–133]. Более полные исторические очерки о них подготовили коллеги [3: 43–62]. Белёв и Старица явно выделяются своей несомненной историко-культурной спецификой, поскольку оба входили еще в «Список исторических городов и других населенных мест РСФСР» 1970 г. и в аналогичный список 1990 г. Оба эти города были столицами княжеств в XV–XVI вв., а с конца XVIII в. являлись центрами уездов Тульской и Тверской губерний, с 1920-х годов – районными центрами данных областей. Поэтому можно предположить, что в этих малых городах сложились оптимальные исторические

предпосылки для наиболее сильного проявления именно локального (городского и районного) уровня территориального самосознания у местных жителей. Результаты анкетирования учащихся 11-х классов это подтвердили.

Первый открытый вопрос анкеты сформулирован так: «*Я думаю, что г. Белёв и Белёвский район входят в состав территории, которая называется: …*» (аналогично о Старице). Очевидно, все учащиеся знают, что живут в г. Белёве Белёвского района Тульской области Российской Федерации. Важно то, что именно они назвали в качестве того целого, частью которого являются Белёв и Белёвский район – Тульскую область, или Россию (Российскую Федерацию), или же то и другое вместе. Ответы на этот вопрос показывают относительное значение для респондентов регионального (областного) и государственного уровней территориальной идентичности (табл.1).

Таблица 1

Сравнительное значение регионального (областного) и государственного (российского) уровней территориальной идентичности у старшеклассников Белёва и Старицы

Город	**Период времени**	**Кол-во ответивших (%)**	**Доля лиц, вписавших название следующей территории, *«в состав которой входят»* соответствующий город (райцентр) и район (%)**			
			Область	**Область и Россия**	**Россия**	**Иное**
Белёв	2017 г.	40	75	8	15	2
	2018 г.	35	51	20	26	3
	2019 г.	25	80	16	4	0
	Итого за 2017–2019 гг.	100	68	14	16	2
Старица	2017 г.	35	71	17	9	3
	2018 г.	33	79	6	15	0
	2019 г.	38	66	29	5	0
	Итого за 2017–2019 гг.	106	72	18	9	1

Данные табл. 1 показывают, что в контексте заданного вопроса абсолютное преобладание получил региональный (областной) уровень территориальной идентичности в сравнении с государственным. Так, 68% школьников-белёвцев и 72% старичан видят свои города и районы прежде всего как части пространства соответствующих областей. Те 16% старшеклассников из г. Белёва и 9% из г. Старицы, которые, напротив, рассматривают места своего проживания в качестве части территории России, не вспоминая при этом о соответствующей области, в данном случае демонстрируют приоритетное значение для них российской государственной идентичности именно как формы пространственного самосознания.

Можно заключить, что выявленная таким образом региональная идентичность очень значима для всех тех подростков, которые назвали в данном контексте территорию своей области или области и России вместе, т.е. для 82% белёвцев и 90% старичан, или их подавляющего большинства. Для 30% белёвцев и 27% старичан, назвавших в ответах на этот вопрос территорию России, или же своей области и Российской Федерации вместе, очень значима государственная (российская) территориальная идентичность.

Второй открытый вопрос анкеты продолжает тему пространственного положения города и района. В нем респондента просят назвать те соседние районы, которые населяют люди, наиболее близкие ему и его землякам исторически и по культуре [см. подробнее: 15].

Третий и главный закрытый вопрос анкеты просит респондента ранжировать свою идентификацию с россиянами в целом (гражданами Российской Федерации), русскими

(или лицами иной национальности), жителями соответствующей области (туляками, тверичанами), населением данного города и/или района (белёвцами, старичанами). При ранжировании указанных четырех форм идентичности с точки зрения их значимости для респондентов, у последних появляется возможность фактически напрямую сопоставить относительную важность локального (городского и/или районного) и регионального (областного) уровней территориальной самоидентификации.

Контекст анкеты и формулировка вопроса ориентируют респондентов на первостепенное внимание к территориальным аспектам идентичности: «*Когда я задумываюсь о том, кем именно ощущаю себя в первую очередь, или когда в Москве или другом месте вдали от дома откровенно отвечаю на вопрос "Кто ты?", то называю себя так: ...*». Т.е. здесь присутствует прямая подсказка подумать о том, кем бы он/она назвали себя «в Москве». Эти слова подталкивают к выбору прежде всего между локальным (белёвцы, старичане) или региональным (туляки, тверичане) уровнями идентичности, поскольку нет особого смысла определять себя «русским» или «россиянином» в Москве, где таковых явное большинство.

Вначале сопоставим относительное значение локальной и региональной идентичности только в сравнении друг с другом. Этой цели служит табл. 2, в которой были засчитаны даже неполные ответы на данный вопрос, когда, например, респонденты не обозначили ранг этнической или национальной идентичности, или же выдели лишь одну локальную либо только одну региональную идентичность.

Таблица 2

Сравнительное значение регионального (областного) и локального (городского и/или районного) уровней территориальной идентичности у старшеклассников Белёва и Старицы

Город	Период времени	Кол-во ответивших (%)	Приоритетный уровень территориальной идентичности (при сопоставлении региональной и локальной)			
			Региональная идентичность		Локальная идентичность	
			Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Белёв	2017 г.	38	20	53%	18	47%
	2018 г.	29	16	55%	13	45%
	2019 г.	24	15	63%	9	37%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	91	51	56%	40	44%
Старица	2017 г.	25	14	56%	11	44%
	2018 г.	26	14	54%	12	46%
	2019 г.	31	20	65%	11	35%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	**82**	48	**59%**	34	**41%**

Итак, выявленное соотношение значения для респондентов локального и регионального уровней территориальной идентичности свидетельствует об их относительной близости при устойчивом небольшом преобладании последнего. Так, 55%–60% старшеклассников отдали приоритет областной идентичности, а 40%–45% – городской и/или районной, причём в 2017–2018 гг. последний показатель был даже выше, устойчиво составляя порядка 45% в обоих городах.

В этой связи интересно отметить результаты массового социологического опроса населения, проведенного нашим коллективом в 2018 г. по квотной выборке по полу и возрасту и охватившего примерно 100 человек молодежи. Вследствие явных отличий в наборе предложенных идентичностей для выбора и формах фиксации последнего, возрастном диапазоне респондентов (16–29 лет), прямое сравнение результатов указанного опроса и

данного исследования невозможно. Но этот опрос тоже показал тенденцию к высокой значимости, а в г. Белёве даже к преобладанию именно локального уровня территориальной идентичности в сравнении с региональным. Так, рассчитанный коллегами индекс самоидентификации со своим городом в Белёве составил 3,54, а с Тульской областью – только 3,28; аналогичные показатели в Старице – 2,90 для своего города и 2,98 для Тверской области [10: 191–192].

Можно также оценить, насколько высокое значение придавали наши респонденты различным уровням территориального самосознания (локальному и региональному) на фоне этнического и национального. Следует подчеркнуть, что в данном случае были учтены все те возможные варианты отметок в анкете, которые позволяют сделать вывод о наличии и конкретном виде приоритетной идентичности респондента. Так что засчитывались даже анкеты с неполными ответами, в которых респондент выделил всего одну идентичность как приоритетную. Эти сведения представлены ниже, в табл. 3. В данном случае в ответе «*россиянин/россиянка*» присутствует не столько территориальная самоидентификация, сколько национальная (гражданско-политическая).

Таблица 3

Приоритетная идентичность респондентов-старшеклассников в Белёве и Старице

Город	**Период времени**	**Кол-во ответивших (%)**	**Национальная (россиянин)**		**Этническая (русский)**		**Региональная (туляк/тверичанин)**		**Локальная (белёвец/старичанин)**	
			Кол-во	**Доля**	**Кол-во**	**Доля**	**Кол-во**	**Доля**	**Кол-во**	**Доля**
Белёв	2017 г.	35	15	43%	9	26%	6	17%	5	14%
	2018 г.	28	8	29%	9	32%	6	21%	5	18%
	2019 г.	23	6	26%	11	48%	3	13%	3	13%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	**86**	29	**34%**	29	**34%**	15	**17%**	13	**15%**
Старица	2017 г.	30	15	50%	7	23%	3	10%	5	17%
	2018 г.	22	10	45%	4	18%	3	14%	5	23%
	2019 г.	32	13	41%	12	37,5%	4	12,5%	3	9%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	**84**	38	**45%**	23	**27%**	10	**12%**	13	**16%**

Как свидетельствует табл. 3, в г. Старице на первое место по значению и с большим отрывом от остальных устойчиво выходит национальная российская идентичность, набравшая 45% ответов, причем схожее преобладание она имела в каждый из трех лет проведения исследований. Напротив, в г. Белёве национальная российская идентичность делит первое-второе места с этнической идентичностью, т.к. каждая из них в итоге набрала по 34% ответов, и к тому же в 2019 и 2018 г. именно этническая идентичность выходила здесь на первое место по значению для респондентов-старшеклассников. На этом фоне региональная и локальная территориальные идентичности явно отстают по своей значимости от национальной и этнической. При этом они показывают относительно близкие значения в г. Белёве, при некотором преобладании региональной (17%) над локальной (15%), и более существенное превосходство локальной (16%) идентичности над региональной (12%) в г. Старице.

В заключение можно резюмировать, что проведенное в 2017–2019 гг. анкетирование русских учащихся 11-х классов в малых городах Белёв Тульской области и Старица Тверской области позволило выявить относительно высокое значение локального уровня территориального самосознания в структуре их социальных идентичностей, вполне сопоставимое с таковым регионального уровня пространственного самосознания. Так, в среднем по общему массиву ответивших, приоритет локального (городского и/или районного) уровня территориальной идентичности над региональным (областным) продемонстрировали 44% респондентов в Белёве, а в Старице – 41% ответивших.

Еще одной интересной особенностью полученных результатов стал высокий уровень акцентированности этнического самосознания у русских старшеклассников. Так, несмотря на контекст и формулировки анкеты, нацеливавших респондентов на первостепенное внимание к различным уровням территориальной идентичности, 34% в Белёве и 27% в Старице поставили на первое и самое важное для себя место именно этническую идентичность. Правда, национальная российская идентичность явно преобладает среди учеников 11-х классов в Старице, где ее обозначили как самую главную для себя 45% респондентов, а в Белёве она разделила первое-второе место с этнической идентичностью, набрав те же самые 34% ответов.

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность за помощь в организации анкетирования старшеклассников и за сведения о школах заведующим и сотрудницам районных Отделов образования Л.А. Евстратовой и Е.Н. Журавкиной (Белёв), С.В. Марченко и О.Н. Игнатовой (Старица), директорам школ Н.И. Билетиной (Старица), М.В. Стоговой (Ново-Ямская), И.А. Соколовой (Белёв), завучам В.Ю. Басанской, Ж.В. Голиковой, И.Г. Писанец и учителям Н.В. Аверьяновой, Л.Ф. Касаевой (Белёв), а также всем другим информаторам.

Литература

1. *Александренков Э.Г.* «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13–22.
2. *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Молодежь в городах Калининградской области. М.: ИЭА РАН, 2017. 132 с.
3. *Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н.* Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белёве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. http://doi.org/10.5281/ zenodo.2575296.
4. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
5. *Дробижева Л.М.* Введение. К пониманию «Кто мы?» // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 7–13.
6. *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Масштабы и направления миграционных потоков в малые города Центральной России в середине – конце XX в. // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17.11.2017 г. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. С. 306–309.
7. *Замятина Н.Ю.* Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.
8. *Крылов М.П.* Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // Гуманитарная география. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 154–165.
9. *Крылов М.П.* Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты // Гуманитарная география. Вып. 3 / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2006. С. 83–119.

10. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.
11. *Савоскул С.С.* Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–99.
12. *Савоскул С.С.* Образ родного края у современных россиян (по данным Переславля-Залесского) // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А.В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 107–137.
13. Численность населения городов и поселков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2018 г. // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. М.: Росстат, 2018. С. 88–118.
14. *Ямсков А.Н.* Региональное и локальное самосознание жителей малых городов Центральной России (по итогам анкетирования старшеклассников Белёва и Старицы) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17.11.2017 г. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. С. 270–273. http://doi.org/10.5281/zenodo.2650271.
15. *Ямсков А.Н.* Отражение культурно-исторических связей с соседними районами в пространственной идентичности старшеклассников Белёва и Старицы // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): Материалы Национальной науч.-практ. конф.; г. Рязань, 21–22.11.2018 г. / ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 73–79.
16. *Ямсков А.Н.* Кто мы? Белёвцы или туляки, старичане или тверичане? Локальный и региональный уровни пространственной идентичности старшеклассников в малых городах Тульской и Тверской областей // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / ред. Т.И. Рябова. Брянск: БГИТУ, 2019. С. 130–137. http://doi.org/ 10.5281/zenodo.3352293.
17. *Hirsh E.* Sense of Place // The International Encyclopedia of Anthropology / Ed. H. Callan. – New York: John Wiley & Sons, 2018. Pp. 1–3. https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1764.

Языковая ситуация и языковая политика в Республике Татарстан

Я.З. Гарипов

Язык – это объективное условие существования любого этноса, а этноязыковые процессы – важная составляющая этносоциального развития. Анализ взаимодействия языков этнических групп с федеральным государственным русским языком в контексте консолидации российского общества, интеграции этнических групп и формирования единой гражданской российской нации представляется одной из важнейших научных задач этносоциологии.

Из всех языков народов Поволжья наиболее благополучной считается языковая ситуация с сохранением и развитием родных языков в Республике Татарстан. Население республики – 3,89 млн человек к началу 2021 г., из них городского – 77 %; национальный состав (по переписи 2010 г.) – татар 53%, русских 39,5%. По данным на 2010 г., свыше 92% татар указали, что в той или иной степени владеют родным языком. Отношение численности людей, знающих этнический родной язык к общей численности этноса, может быть обозначено как индекс этнической устойчивости и может служить определенным измерителем этнической трансформации.

Межнациональное и межконфессиональное согласие – одно из приоритетных направлений в политике Республики Татарстан.

Имидж Татарстана базируется на высоком социально-экономическом развитии, общественно-политической стабильности, межнациональном согласии. Стабильность общественных отношений, мир и согласие многонационального народа – важнейшая задача внутренней политики. Это проявление общепринятой формулы «Гражданское единство в этническом многообразии».

Руководство республики постоянно держит в поле своего внимания проблемы развития и широкого распространения в органах государственной власти татарского языка. Президент Республики Татарстан, посещая регионы России и зарубежные страны по вопросам социально-экономического взаимодействия, постоянно встречается с соплеменниками, акцентирует их внимание на проблемах сохранения родного языка и культуры. Председатель Госсовета часто пользуется родным татарским языком в живом общении с населением. В парламенте республики некоторые депутаты выступают на татарском языке, идет синхронный перевод. У парламента два рабочих языка – русский и татарский. Документы также готовятся на двух государственных языках.

В 2019 г. в республике стартовал новый образовательный проект «Адымнар – путь к знаниям и согласию». Инициирован он первым президентом, государственным советником Татарстана М.Ш. Шаймиевым и поддержан президентом России В.В. Путиным. «Адымнар», в переводе с татарского, означает «шаги». Сегодня важно дать подрастающему поколению республики качественное образование на русском, татарском и английском языках. Это проект мирового уровня, и здесь мы – первые. В Казани, в городах Набережные Челны и Елабуга открылись 3 полилингвальные школы, рассчитанные на 1224 учащихся каждая. К 2024 г. планируется построить такие школы еще в трех городах и далее продолжать их строить. Для работы в таких комплексах готовятся 400 преподавателей. Казанский комплекс будет методическим центром развития такого образовательного процесса. Вся масштабная работа по этому проекту делается для детей с целью дать им не только знания, но и правильное воспитание ради успешного развития родной республики.

Указом президента Республики Татарстан в июле 2020 г. учреждена комиссия при президенте РТ по вопросам сохранения и развития татарского языка как постоянно действующий консультационный орган. В качестве задач определены: изучение и распространение лучших методик преподавания татарского языка; определение проблемных вопросов сохранения татарского языка и разработка подходов к их решению; содействие популяри-

зации знаний о татарском языке; развитие полилингвального образования, речевой культуры и литературного языка; улучшение издательской деятельности на татарском языке; поддержка творческих инициатив в языковой сфере.

Комиссия (возглавляемая вице-спикером Госсовета Татарстана) наделяется правом вырабатывать предложения по совершенствованию языковых законов, организовывать взаимодействие власти республики с федеральным центром и общественными организациями по вопросам сохранения и развития татарского языка. Идея создания такой комиссии выдвинута первым президентом республики, госсоветником М.Ш. Шаймиевым.

Спектр деятельности комиссии довольно широк. Так, проведен конкурс по привлечению жителей к выявлению ошибок в названиях и надписях на вывесках, информационных табличках и дорожных указателях, жилых домах на татарском языке. Комиссия провела много мероприятий в год родных языков и народного единства (2021). С помощью комиссии реализуются художественно-музыкальные проекты, для желающих изучать татарский язык организуются бесплатные курсы, установлены тематические баннеры, посвященные родным языкам. В Казани на рекламном щите около спортивного комплекса жители города долгое время могли видеть текст: «6 да белгэн тел 60 та да онытылмас», что, в переводе на русский, означает: «Язык, который ты знал в 6 лет – не забудется и в 60». В Казанском метро оформление одного из поездов посвящено родным языкам народов, населяющих республику. Знание и использование родных языков должно стать нормой образа жизни населения Татарстана. Комиссия организовала литературный конкурс среди татароязычных писателей, провела уроки мастерства по татарской разговорной речи. При активном содействии комиссии 100 детских садов, 100 школ и 100 учреждений культуры получили гранты по 500 тыс. руб. каждое на совершенствование обучения татарскому языку и развитие татарской культуры. В 2021 г. Министерством культуры республики проведено свыше 450 мероприятий в области сохранения и развития родных языков народов, населяющих республику. Министерством по делам молодежи проведена разносторонняя работа по повышению у молодого поколения мотивации к употреблению родного языка, знания национальной истории и культуры.

В Республике Татарстан 2021 год был объявлен годом родных языков и народного единства. Указ был подписан президентом республики Р.Н. Минниханов. Его целью является сохранение и развитие родных языков, культуры и традиций всех народов, проживающих в республике, а также укрепление их единства. Эта идея была ранее высказана в послании главы республики Госсовету РТ. «Родной язык – прежде всего, это тонкая связь со своим народом. Я неоднократно подчеркивал, что мы будем делать все для его сохранения. Это наш нравственный долг перед будущими поколениями. Мы должны создавать условия для сохранения и развития языков и культур представителей всех национальностей, проживающих в республике: русских, чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев и других народов», – отметил президент республики в своем Послании[13].

Несмотря на всесторонние усилия власти республики, положение с татарским языком тем не менее вызывает тревогу, сфера его употребления постепенно сужается, уменьшается число обучающихся и получающих воспитание на родном языке в дошкольных учреждениях и в системе школьного образования. Объем времени преподавания его в русскоязычных школах ограничен двумя часами в неделю и лишь по желанию родителей. Требуются неотложные меры по сохранению развитого татарского литературного языка. Знание народом литературного языка является одним из условий становления его развитой нацией. Необходимо всемерно поддерживать былую значимость языка, расширять его

[13] Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный сайт Президента Республики Татарстана. URL: https://president.tatarstan.ru

употребление во всех сферах жизнедеятельности. Эта задача может быть успешно решена лишь при активной позиции самих носителей языка – татар и власти республики [3: 115].

Из множества возможных факторов, способствующих сохранению и развитию родных языков, наиболее важным представляется повышение языкового самосознания этноса, престижа родного языка. Функциональное восстановление языка в полном объеме, обеспечение его широкого распространения среди всей этнической общности может быть достигнуто, прежде всего, усилиями самого народа – превращением потенциальных носителей языка в активных его пользователей (информированный языковой патриотизм).

По словам академика РАН, научного руководителя Института океанологии Роберта Нигматуллина, «…знать родной язык должно быть признаком хорошего тона! Чтобы учить родной язык нужны усилия и этим должны заниматься родители, это вопросы воспитания. К сожалению, с уходом языка национальные проблемы никуда не денутся» [6: 1–2]. Несмотря на высокий уровень владения родным языком, менее половины татар республики отдают ему предпочтение лишь в домашнем семейном общении. В итоге молодое поколение оказывается недостаточно вовлеченным в сферу этнически родного языка и культуры.

Важна продуманная программа воспитания уважительного отношения к родному языку, его изучения и употребления в жизненной практике, важно эффективное обучение татарскому языку молодого поколения татар. Необходимо показывать его широкие возможности в образовании. Не секрет, что к организации обучения на нем в школе относятся пока как второстепенному предмету.

Требуется повышать меры для эффективности преподавания татарского языка в русскоязычных школах на коммуникативном уровне. Необходимо вернуться к практике сдачи выпускных экзаменов в национальных школах на родном языке. Пока ЕГЭ сдаются на русском языке, причем по русскому языку в объеме программ русскоязычных школ.

Автор опровергает сложившуюся точку зрения о том, что обучение в национальной школе на родном языке создает значительные трудности в дальнейшем при получении высшего профессионального образования и уменьшает шансы в конкурентной борьбе на рынке труда. Имеющиеся проблемы в преимущественной степени связаны с социальным статусом национальных школ, большинство из которых расположены в сельской местности либо в малых городах и по объективным причинам имеют ограниченные возможности в предоставлении качественного образования. Обучение в городских школах на родном языке не создает заметных препятствий для овладения русским и иностранными языками, не создает сколь-нибудь существенных трудностей в социальном продвижении и практически не влияет на степень удовлетворенности существующими условиями для профессионального роста. В любом случае, имеющиеся трудности не настолько значительны, чтобы лишать молодое поколение возможности приобщения к родному языку и культуре через систему образования.

Городские национальные школы дают вполне качественное образование. В «Татарской гимназии № 2 им. Ш. Марджани при Казанском федеральном университете» все предметы преподают на татарском языке. Несмотря на это, учащиеся получают высокие знания. К примеру, ученик Рамиль Багавеев по всем четырем выпускным экзаменам по ЕГЭ (русский язык, информатика, физика и математика) набрал 399 баллов (2019 г.) [1]. Сейчас он – студент Казанского федерального университета. Заметим еще раз, что все выпускные экзамены в национальных школах сдаются на русском языке.

В Республике Татарстан на сегодняшний день порядка $^{2}/_{3}$ детей-татар дошкольного возраста воспитываются в дошкольных учреждениях на родном языке. Обучение около половины детей-татар в общеобразовательных школах проходит на родном языке (табл. 1, 2). В то же время есть очевидная необходимость в русском языке как языке межнационального общения, мощном средстве образования, интеллектуального развития и единения народов. Русский язык остается для нас и сегодня незаменимым средством в научно-технической сфере и в доступе к русской и мировой культуре. Нам представляется, что

идеология национального образования, в частности, а в целом и философия языковой политики полиэтнического общества может быть кратко выражена формулой: «Родной язык – насколько возможно, другие языки – насколько необходимо».

Таблица 1

Динамика развития системы дошкольного образования детей-татар на родном языке в Республике Татарстан, %

Год	2007	2010	2014	2018	2020
Доля детей-татар, воспитывающихся в ДОУ на родном языке	69,3	67,2	64	54	52

Таблица 2

Динамика обучения учащихся-татар на родном языке в общеобразовательных школах Республики Татарстан, %

Год	2007	2010	2014	2016	2018	2020
Доля татар, обучающихся на родном языке	52,7	46,1	44,2	43,3	42,2	41

В Республике Татарстан родной язык татар в той или иной степени охватывает все образовательные ступени – от детских дошкольных учреждений до высших учебных заведений. Вместе с тем, имеется целый ряд объективных причин, которые сдерживают функциональное продвижение татарского языка в сферу профессионального образования (особенно высшего): малая востребованность татарского языка в социально-экономической сфере, отсутствие научно разработанных механизмов повышения статуса языка как второго государственного, недостаточная методическая разработанность обучения татарскому языку русскоязычного населения на коммуникативном уровне и др. Кроме того, дальнейшее функциональное продвижение татарского языка в школьном образовании затруднено факторами психологического порядка и связано с наличием стереотипов в массовом сознании, что обучение в национальной школе создает значительные трудности при получении высшего образования и уменьшает шансы в конкурентной борьбе на рынке труда. Имеющиеся проблемы в преимущественной степени связаны с социальным статусом национальных школ, большинство из которых расположены в сельской местности либо в малых городах и по объективным причинам имеют ограниченные возможности в предоставлении качественного образования.

Языковая ситуация в Татарстане становится предметом анализа зарубежными экспертами. Ирландский историк и языковед Кувин де Барра считает, что у татар пока есть шансы избежать языковой ассимиляции. По его мнению, для развития языка нужна реальная автономия региона с инклюзивными полномочиями в области образования [4]. В нашем случае речь может идти о дальнейшем развитии федеративных отношений между федеральным центром и российскими республиками. Важная задача руководства республики – добиваться, чтобы определение объема времени на изучение в школах родного языка стало возможным в Министерстве образования республики.

Масштабные усилия власти республики, постоянное внимание к вопросам сохранения и развития родного языка, постепенное повышение языкового самосознания народа позволяют высказать обоснованную уверенность, что татарский язык сохранится и будет развиваться в будущем.

Литература

1. Акчарлак. 4.07.2019. С.11.
2. *Гарипов Я.З.* Этноязыковые процессы в республике Татарстан: тенденции развития и социальное проектирование. М., 2019. С.108–110, 133–135, 282–283, 290.
3. *Барра де К.* «Чтобы возрождать язык, нужно иметь политическую автономию». URL: https://business-gazeta-ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/538534 (дата обращения: 05.02.2022).
4. Тел комиссиясе хисап тотты // Мэдэни жомга. 2022. № 11.
5. *Юсупов Р*. Престиж родного языка // Звезда Поволжья. 19–25.03.2021.

Речевое поведение молодежи в Башкортостане (по материалам этносоциологических исследований)

А.И. Халиулина

Особенностью языковой ситуации в Башкортостане является не только наличие в качестве официальных двух языков – русского и башкирского, но и многоязычие, что определяется использованием нетитульными этносами региона в местах своего компактного расселения родного языка.

Важным показателем, определяющим этноязыковую ситуацию, является уровень владения теми или иными языками представителей разных национальностей, проживающих на данной территории. В этом отношении весьма интересен сравнительный анализ результатов этносоциологических исследований, проведенных среди молодежи республики в 2014 [4] и в 2018 г.[14].

Если в ходе опроса в 2014 г. 78,2% башкирской и 71,9% татарской молодежи отметили свободное владении языком своей национальности, то в 2018 г. данный показатель претерпел определенное снижение: у башкир до 75,2%, у татар весьма существенное – до 57%. Уровень свободного владения башкирским языком у татарской молодежи в 2014 г. (29,4%) был в полтора раза выше, чем у башкир, владеющих татарским языком (17,7%). Примечательно, что за эти годы показатели владения языками незначительно увеличились, соответственно на 4,0 и 0,8 процентных пунктов, что позволяет утверждать о более тесном этнокультурном взаимодействии между родственными башкирами и татарами, обусловленном проводимой языковой политикой в Башкортостане.

Языковая политика в начале 1990-х годов предполагала приоритетной задачей возрождение национальной школы с обучением на родном языке. В 2000-х годах в языковую политику были внесены определенные коррективы и ставилась более глобальная задача – модернизация этноса через сферу национального образования.

В принятом 28 сентября 2005 г. Законе Республики Башкортостан «О внесении изменений в статью 7 Закона “Об образовании”» предполагалось обязательное изучение с 1 сентября 2006 г. башкирского языка как государственного во всех общеобразовательных учреждениях и в учреждениях начального, среднего профессионального образования.

Широкое внедрение башкирского языка в сферу образования, связанное с обязательным изучением башкирского языка в школах республики всеми учащимися, независимо от этнической принадлежности, возможно, и является объяснением повышения уровня владения башкирским языком татарской (29,4%), русской (2,7%) и молодежью других национальностей (2,6%)[15].

---

[14] Этносоциологический опрос «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтническом регионе» проводился в Республике Башкортостан в ноябре 2018 г. Отделом этнополитологии ИЭИ УФИЦ РАН. Авторы проекта: д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина (Фатхутдинова), руководитель исследования – А.И. Халиулина (Фатхутдинова). В исследовании приняли участие 585 человек в возрасте от 17 до 20 лет, из них – 195 русских, 157 башкир, 193 татар и 42 представителя других национальностей.

[15] Этносоциологический опрос «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» проводился в Республике Башкортостан в январе 2014 г. в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» по проекту «Нациестроительство в РФ: региональные измерения (на примере республик Урало-Поволжья)» Отделом этнополитологии ИЭИ УФИЦ РАН. Авторы проекта: д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина (Фатхутдинова), руководитель исследования – А.И. Халиулина (Фатхутдинова). Источниками информации, эмпирической базой исследования явились результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. и этносоциологический опрос

Опрос также показал, что 44,2% респондентов башкирской национальности совсем не говорят на татарском языке, хотя и понимают татарскую речь. Среди татар доля не говорящих на башкирском языке составила только 17,3% в 2014 г. и 22,8% в 2018 г.

При этом, как выяснилось в ходе этносоциологического опроса в 2014 г., респонденты нерусской молодежи указывали на высокий уровень владения русским языком: башкиры – 82,3%, татары – 94,4%, другие национальности – 92,3%. Вместе с тем, данный опрос выявил, что для определенной части нерусской молодежи необходимо совершенствование знания русского языка, т.к. каждый пятый из ста респондентов татар и представителей иных национальностей, а также почти каждый второй из пяти опрошенных из башкирской молодежи отметили, что они говорят на русском языке с некоторыми затруднениями (табл. 1).

Таблица 1

Степень владения русским языком (%)

Степень владения русским языком	Русские		Башкиры		Татары		Другие	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Думаю	30,3	32,3	12,9	20,4	18,2	11,9	20,5	33,2
Свободно говорю	69,2	66,7	69,4	65,0	76,2	80,8	71,8	64,4
Говорю с затруднениями	0	0,5	17,0	14,6	5,1	6,2	5,1	2,4
Говорю с большим трудом	0	0	0,7	0	0,5	0,5	2,6	0
Нет ответа	0,5	0,5	0	0	0	0,6	0	0

Составлено по материалам исследований 2014, 2018 г. [4, 5].

Таким образом высокий уровень владения русским языком свидетельствует, что русский язык выступает объединяющим фактором в формировании этноязыковой идентичности, знание которого обусловлено жизненной необходимостью [3: 31]. Показательно то, что при общении между собой представители татар, башкир, чувашей, мари, удмуртов и других народов переходят на русский язык, который выступает языком межэтнического общения. В силу этого проживающие в едином российском пространстве народы, выбирают для общения тот язык, которым владеет большинство населения. Более того, русский язык остается не только языком межэтнического общения, а является языком обучения в образовательных учреждениях, языком общения в трудовых коллективах, языком культуры и т.д. Такая широкая функциональная нагрузка русского языка сложилась еще со времен Советского Союза [2: 317]. Поэтому неудивительно то, что, несмотря на усилия и принимаемые меры по возрождению и развитию национальных языков, русский язык выступает цементирующим элементом в формировании общероссийской государственно-гражданской идентичности, что ярко проявляется на примере полиэтничного Башкортостана.

молодежи, проведенный в марте 1997 г. Структуру генеральной совокупности молодежи г. Уфы в возрасте 17–19 лет составили учащиеся средних и высших учебных заведений г. Уфы. В выборочной совокупности исходя из общего количества опрашиваемых респондентов по квотной стратифицированной выборке была отобрана молодежь, обучавшаяся в разных категориях учебных заведений, с учетом половозрастного и национального состава. Объем выборки составил 500 респондентов. При сборе данных использовался метод анкетирования. Формулировка вопросов несли как открытый, так и закрытый характер.

Таблица 2

Родной язык (%)

Родной язык	Русские		Башкиры		Татары		Другие	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Башкирский	0	0,5	87,1	89,2	2,3	3,1	5,1	7,1
Татарский	0,5	0	2,7	1,3	80,8	69,4	2,6	7,1
Русский	98,6	98,5	9,5	7,0	15,4	21,2	33,3	42,9
Другой	0,9	1,0	0,7	2,5	1,5	6,3	59,0	42,9

Составлено по материалам исследований 2014, 2018 г. [4, 5].

Однако нельзя умалять особое значение родного языка в структуре этнической идентичности индивида и в коллективном сознании народа.

Как показали данные этносоциологического опроса молодежи, большинство башкир (87,1%) своим родным языком признало башкирский. При этом лишь 75,5% отметило, что первым языком, на котором они научились разговаривать, был язык своей национальности. Для пятой части молодых людей (20,4%) первым языком стал русский, и лишь для 4,1% – татарский (табл. 3).

Таблица 3

Определение первого языка, на котором научились разговаривать (%)

Первый язык, на котором научились разговаривать	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Русский	97,3	20,4	37,9	53,8
Башкирский	0,5	75,5	3,7	0
Татарский	0,9	4,1	56,5	2,6
Другой	1,3	0	0	38,5
Нет ответа	0	0	1,9	5,1

Составлено по материалам исследований 2014 г. [4].

У татарской молодежи, в отличие от башкирской, доля признавших татарский язык в качестве родного, была несколько ниже – 80,8%. Представители татарской молодежи отметили татарский язык в качестве первого языка, на котором они научились разговаривать лишь в чуть более половине случаев (56,5%). Но при этом для татарских юношей и девушек было характерно более масштабное признание русского языка как первого, на котором они начали говорить. Об этом говорил каждый второй из пяти опрошенных татар (38%) (табл. 2, 3).

Вместе с тем, как показал опрос молодежи в 2018 г., среди башкир доля лиц, признавших родным язык своей национальности, практически не изменилась, тогда как среди татарской и молодежи других национальностей она имела тенденцию к определенному сокращению (на 10–11 процентных пунктов) (табл. 3).

Для молодежи республики также характерно признание в качестве родного не одного, а двух языков, поскольку в национально-смешанных семьях, в которых языковая социализация может проходить на двух или даже на трех языках, дети могут освоить несколько языков одновременно. Например, как показали результаты опроса 2018 г., 3,6% татарской молодежи в качестве родного отметили – русский и татарский языки; 0,5 % –татарский, туркменский; 0,5 % – русский, башкирский; 1,6 % – татарский, башкирский. А 1,9% башкирской молодежи в качестве родного отметили русский и башкирский языки одновременно. Например, допустим,

в семье один родитель по национальности чуваш, другой – татарской национальности. Каждый из них с ребенком дома будет разговаривать на своем языке, тем самым прививая его ребенку. Между собой родители разговаривают на русском или же на смешанном русско-национальном варианте речи. В такой семье, несмотря на трудности освоения сразу трех языков, ребенку с детства прививается (навязывается) одновременно несколько языков. А когда ребенок начинает играть на детской площадке, он самопроизвольно приобщается к общему языку, которым в условиях городской среды является русский. Когда ему исполняется 3 года, он начинает ходить в детский сад, где несмотря на то, что детский сад с башкирским уклоном, языком общения выступает снова русский язык. Отсюда такая перспектива первого разговорного языка, на котором представители разных национальностей научились разговаривать.

Таблица 4

Язык общения с самым близким другом (%)

Общение с близким другом	Русские	Башкиры	Татары	Другие
На русском	96,4	51,7	75,7	89,7
На башкирском	0,5	42,9	0	0
На татарском	0,5	3,4	20,1	0
На другом	0,5	0	0	10,3
Нет ответа	2,1	2,0	4,2	0

Составлено по материалам исследований 2014 г. [4].

Поэтому неудивительно, что 51,7% башкирской, 75,7% татарской и почти 90% представителей молодежи других национальностей предпочитают общаться между собой, с друзьями на улице только на русском языке. Роль родного языка в условиях столицы сводится к минимуму. Если более 43% башкирской молодежи при общении с друзьями отдавало предпочтение родному башкирскому языку, то среди татарской части данный показатель был в два раза меньше (20%) (табл. 4). Иными словами, татарская молодежь в этноязыковом отношении больше русифицирована и в большей мере теряет связь с языком материнского этноса. Видимо, такие тенденции объясняются более ранним и широким вовлечением татар в урбанизационные процессы в республике.

Таким образом, на современном этапе среди городской молодежи, живущей в условиях преобладающей русскоязычной среды, идут следующие процессы. Во-первых, растет приобщение к русскому языку как основному языку, выполняющему коммуникативные функции в условиях городской среды. Во-вторых, несмотря на незначительное владение и употребление родного языка, среди татар и башкир проявляется декларирование этноязыковой идентификации со своим народом [1: 112]. Последнее подтверждается результатами опроса по блоку семейно-бытового общения.

В национальных нерусских семьях характерна дифференциация речевого поведения. Если 62% башкирской и 52% татарской молодежи, по данным опроса 2014 г., в семейно-бытовом общении с матерью отдают предпочтение родному башкирскому и соответственно татарскому языкам, то почти 80% молодежи других национальностей (украинской, белорусской и др.) используют в большинстве своем русский язык. Употребление русского языка в домашней обстановке прямо пропорционально возрасту человека: чем младше член семьи, тем шире общение на русском языке. Например, как показал опрос 2018 г., 26% башкирской и 49% татарской молодежи с матерью общаются на русском языке (табл. 5).

Таблица 5

Язык общения дома с матерью (%)

Общение с матерью (мачехой)	Русские		Башкиры		Татары		Другие	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
На русском	97,7	98,5	32,7	26	44,9	48,9	76,9	69
На башкирском	0	1,0	61,9	64,3	1,9	1,1	0	2,4
На татарском	0,9	0,5	4,8	1,9	52,3	34,0	2,6	0
На другом	0,9	0	0	7,8	0	16,0	17,9	28,6
Нет ответа	0,5	0	0,6	0	0,9	0	2,6	0

Составлено по материалам исследований 2014, 2018 г. [4,5].

Таким образом, результаты исследований подтверждают, что если у башкир пока еще сохраняется доминирование родного языка над русским по степени владения, то у городских татар русский язык уже заметно обошел родную речь по масштабам участия в процессе коммуникации.

Реалии языковой ситуации подтверждают, что молодежь, независимо от этнической принадлежности, не только в семейно-бытовом общении с родственниками, с друзьями, но и в общественных местах в повседневности больше ориентирована на общение на русском языке.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности – 2020–2022 гг.».

Литература

Галлямов Р.Р. Многонациональный город: Этносоциологические очерки. Уфа : Гилем, 1996. 199 с., ил.

Губогло М.Н. Русский язык и толерантность. М.: Старый сад, 2003. 400 с.

Сафин Ф.Г., Фатхутдинова А.И. Этническая и языковая идентичности в региональном измерении: феномен Башкортостана (1959–2002 гг.). Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2012. 152 с., табл.

Этноязыковые потребности учащейся молодежи Калмыкии (по итогам опросов 2017 и 2021 г.)

Л.В. Намруева

Этносоциологические исследования автор статьи ведет с 1993 г., когда, работая в Калмыцком республиканском институте повышения квалификации работников образования, отслеживала деятельность национальных классов и отношение к ним общественности. Затем продолжила вести разнообразные этносоциологические исследования, перейдя работать в 2000 г. в Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. Мое становление как этносоциолога тесно связано с именами первых этносоциологов страны – Леокадии Михайловны Дробижевой, Михаила Николаевича Губогло, Юрия Вартановича Арутюняна. Коллективная монография «Этносоциология» является моей настольной книгой, которая не только обучает концептуальным понятиям, развивает мое исследовательское мировоззрение, но и вдохновляет на неустанный исследовательский поиск [1].

В 2001 г. я отправила тезисы о языковой ситуации в Республике Калмыкия на Конгресс этнологов и антропологов России, который состоялся в октябре в г. Нальчике. Секцию вел М.Н. Губогло, внимательно выслушивая каждого выступающего. Мне он задал несколько вопросов. Каково было мое удивление, когда на итоговом пленарном заседании руководитель нашей секции отметил мой доклад. Потом более опытные мои коллеги удивлялись этому факту и говорили, что упоминание в докладе такого известного исследователя очень похвально. С легкой руки М.Н. Губогло я продолжительное время занималась этносоциологией и продолжаю изучать этнокультурные процессы в Калмыкии, в том числе особенности языковой ситуации и этнической идентичности калмыков.

С Леокадией Михайловной Дробижевой я начала общаться, отправив свое выступление ей, руководителю секции очередного социологического конгресса. Получила текст своего выступления с замечаниями, очень корректными, доброжелательными, с которыми не сравнятся нынешние отзывы в некоторых российских журналах. С Леокадией Михайловной встречалась и работала на секциях Конгрессов этнологов и антропологов, социологов России, различных конференций по этнической проблематике. Заседания под ее мудрым руководством всегда проходили оживленно, она заинтересованно выслушивала каждого выступающего, не только задавала вопросы, но и давала рекомендации, как глубже исследовать данную проблему. В 2002 г. я проходила обучение на курсах по этносоциологии в Центре социологического образования при ИС РАН, где Л.М. Дробижева была ведущим лектором, экспертом. Те знания, которые были получены на этих курсах, неустанно питают меня разнообразными идеями в научных изысканиях, они позволили мне открыть новые исследовательские направления в своей научной деятельности. В 2007 г. я практически не участвовала в научных мероприятиях социологов и в 2008 г. на социологической конференции ИС РАН, подойдя к Леокадии Михайловне, объяснила ей причину, сказав, что родила долгожданную дочь и находилась в отпуске по ее уходу. Она с грустью улыбнулась, сказав, что «это самое важное в жизни женщины».

С Юрием Вартановичем Арутюняном всегда встречались на конференциях по этносоциологии и на конгрессах. Однажды, выслушав мое выступление о языковой ситуации, где я рассматривала символическую роль калмыцкого языка в определении этничности, он спросил меня: «А вы пытались исследовать этническое самосознание калмыков?». Он, таким образом, очертил то исследовательское пространство, к которому я все не осмелюсь подойти. Но это необходимо начать.

С начала 1990-х годов в республике многое сделано для сохранения, возрождения калмыцкой культуры, народных обычаев и обрядов, духовных этнических ценностей. В этом

процессе молодое поколение играет ключевую роль, т.к. ему суждено определять состояние калмыцкой культуры в будущем. Этнически ориентированные молодые люди, молодежные организации вносят значительный вклад в сохранение богатейшего культурного наследия калмыков, развитие калмыцкого общества [5: 80]. 1990-е годы стали периодом реализации этнокультурной стратегии республики, где важнейшее место занимает повышение статуса калмыцкого языка, его закрепление, наряду с русским, в качестве государственного языка Республики Калмыкия, а также преподавание его в образовательных учреждениях независимо от этнической принадлежности учащихся. Языковая политика приостановила исчезновение калмыцкого языка, но не преодолела влияние ассимиляции [6: 110].

Далее рассмотрим отдельные результаты опросов, которые позволяют проанализировать мнение учащейся молодежи относительно этноязыковых процессов в Республике Калмыкия. Анализируемые этносоциологические исследования проведены в республике в 2017 и 2021 г. в рамках проектов Распределенного научного центра (рук. академик В.А. Тишков).

Характеристика выборки. В ходе исследования 2017 г. было опрошено 300 человек обучающихся (100 учащихся старших классов школ, 50 студентов колледжей и 150 студентов высших учебных заведений). Были выбраны учебные заведения со смешанным этническим составом. По национальной принадлежности: 28% – русские, 65% – калмыки, 7% – представители других национальностей. Такая структура выборки соответствует молодежным когортам генеральной совокупности, которая проявляется в доминировании калмыцкой молодежи в образовательных организациях средней и высшей школы. Следует отметить, что, идентифицируя свою национальность, более 80% обучающихся отметили одну этническую принадлежность, 15% респондентов указали две национальности, 5% не указали свою этническую идентичность. Большинство опрошенных (90%) – старожилы, проживают в республике более 10 лет.

Выборка анкетного опроса в 2021 г. составила 300 человек, обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова, единственном государственном высшем учебном заведении в республике. Опрошено 150 студентов гуманитарных специальностей и 150 студентов естественнонаучных, инженерно-технических специальностей. По этнической принадлежности: 21% – русские, 76% – калмыки, 3% – представители других национальностей (киргизы, казахи, туркмены, узбеки). Следует отметить, что, идентифицируя свою национальность, 89% обучающихся отметили одну этническую принадлежность, 11% респондентов указали две национальности. Большинство опрошенных (89%) – старожилы, проживают в республике более 10 лет, с рождения. 5% опрошенных приехали в г. Элисту из других российских регионов (Ростовской, Астраханской, Волгоградской областей, Республики Крым, Чукотки и др.). Следует отметить, что география обучающихся в КалмГУ с каждым годом расширяется. 5% участников анкетного опроса прибыли в калмыцкий вуз из других государств. Среди респондентов были не только граждане стран СНГ (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан), но и дальнего зарубежья – Марокко, Сирия.

Рассмотрим языковое поведение опрошенных молодых людей. По итогам опроса 2017 г., большая часть (54%) общается в семье только по-русски. Менее половины выборки, 46% опрошенной молодежи, используют два языка для межличностных коммуникаций.

Результаты опроса 2021 г. показывают, что 48% не используют никаких других языков, кроме русского. Из сравнения двух исследований видим, что снижается количественный показатель использования русского языка. Это можно объяснить тем фактом, что в выборке 2021 г. было увеличено количество студентов, приехавших из стран ближнего зарубежья. Об этом свидетельствует и другой результат: увеличилось число тех ребят, кто в

семье или при общении с друзьями и знакомыми используют другой язык, кроме русского (46% в 2017 г. и 52% в 2021 г.). По результатам второго исследования, 33% студентов-респондентов используют калмыцкий язык. Согласно разделяемому нами мнению социолингвистов И. И. Бойко, А. П. Долговой, В. Г. Харитоновой о том, что «под понятием “использование” нередко понимается употребление языка на низком, если не на примитивном, уровне» [2: 116], знание двух-трех обиходных фраз, безусловно, не говорит о достаточном уровне владения этническим языком.

Наши многолетние исследования показывают, что почти половина (46% в 2017 г. и 43% в 2021 г.) респондентов указывают на то, что не владеют калмыцким языком. По этой причине язык этнического происхождения значительно реже, чем русский, используется калмыцкой молодежью в повседневном бытовом общении. Причины этого молодежь усматривает в собственном не владении калмыцким языком, а также в том, что окружающие калмыки не владеют этническим языком (на это указали 22% респондентов в 2017 г. и 14% в 2021 г.). Сравнение итогов двух опросов показало, что стабильно количество тех, кто испытывает стеснение при общении на калмыцком языке. Таковых оказалось 5% среди респондентов-калмыков. Постоянной оказалась доля тех, у кого отсутствуют коммуникативные барьеры. Об этом заявила треть опрошенной молодежи и в 2017, и в 2021 г. В первом случае она в большинстве своем представлена учащимися, чьи родители прибыли из республик Северного Кавказа (Дагестана). Во втором случае треть составляют студенты из среднеазиатских республик, обучающиеся в Калмыцком госуниверситете, которые свободно общаются с окружающими на родном языке.

Исследование позволяет определить соотношение гражданской и этнической идентичности. Л. М. Дробижева с коллегами определяют гражданскую идентичность как «самоотождествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране – образ “мы”, чувство общности, солидарности, ответственность за дела в стране» [4: 12]. Сравнение результатов двух исследований свидетельствует о снижении гражданской идентичности среди молодежи. Так, 77% респондентов в 2017 г. и 62% респондентов в 2021 г. хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их как граждан России. На наш взгляд, одна из причин этого уменьшения связана с тем, что во втором опросе участвовали студенты из других государств. 18% и 22% респондентов соответственно желали, чтобы их воспринимали как представителей отдельной национальности, 19% и 17% – как представителей региона. Суммируя результаты этнической, тесно связанной с региональной идентичностью, можно констатировать, что у молодежи в большей степени сформирована гражданская идентичность.

Установки молодежи на языковое и этнокультурное образование (по итогам опроса 2017 г.). Система образования Калмыкии выполняет важную функцию формирования общероссийской гражданской идентичности, включающей в себя осмысление поликультурности России на основании погружения учащегося в среду этнической культуры [3: 180]. Данные анализируемого исследования показывают, что подавляющее большинство (92% школьников и студентов) изучают в образовательных учреждениях русский и иностранный (преимущественно английский) языки. Опрошенные студенты и школьники имеют установку на изучение иностранного языка: только 8,5% опрошенных считают, что иностранный язык им не нужен, тогда как 34% выбрали бы углубленное изучение иностранного, а 6% – даже обучение на иностранном языке. Более трети, 35% опрошенных, ограничиваются вариантом его стандартного изучения.

Анализ ответов на вопрос по поводу изучения национального языка свидетельствует о том, что потребность в изучении национального языка в республике актуальна: только 16% опрошенных школьников и студентов считают, что национальный язык им не нужен, тогда как 39% выбрали бы стандартное, 24% – углубленное, 14% – общее знакомство с

национальным языком. Обучение на этническом языке тоже выбрало небольшое количество учащихся – только 3%. Полученные результаты показывают, что молодежь в большей степени ориентирована на изучение иностранного языка, чем на изучение языка этнического происхождения.

Рассмотрим, каков у молодежи интерес к образовательным предметам этнокультурной направленности. В шестерку наиболее интересных предметов этнокультурной направленности входят: история родного края (55%), национальные традиции (52%), история народа/история народов региона (49%), национальная кухня (43%), национальные танцы (38%), национальная литература, народный эпос, народные сказания (32%). Малая доля – 5% от всей выборочной совокупности, отметила, что никакие темы о культуре народов России им не интересны. Эти же ребята считают, что знания этнокультурной направленности также не нужны (5%). Противоположного мнения придерживается подавляющее большинство. Пятая часть его полагает, что эти знания нужны для ознакомления (20%), для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни (29%), для сохранения традиций (61%). Треть опрошенных отмечает, что предметы этнокультурной направленности нужны, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу (33%), эти знания нужны всем, кто любит родной край (33%), такие знания нужны всем гражданам России (21%). Вышеприведенные итоги свидетельствуют, что у молодежи сформированы мотивы приобщения к этнокультурным знаниям, которые связаны с сохранением традиций (61%) и этнической идентичности (33%).

Обучающиеся определили наиболее популярные виды труда и профессии, которые нуждаются в знаниях о народной культуре. Среди них: туристические услуги (53%), образование и воспитание (40%), создание художественных изделий (38%), народные промыслы, производство игрушек (38%), концертная деятельность (36%), производство продуктов питания и блюд (35%). Лишь небольшая доля опрошенных (6%) считает, что знания о народной культуре для их профессии не нужны.

Анализируемые нами материалы исследования свидетельствуют об имеющихся различиях в формировании этнокультурных потребностей у молодежи. С ростом этнического самосознания знания истории, материального и духовного наследия калмыков становятся более востребованными и актуализированными в молодежной среде.

Этноязыковые потребности студентов (по итогам опроса 2021 г.). Любая этническая общность стремится к самоутверждению, реализации своих нравственных, этнокультурных потребностей, которые могут быть учтены и реализованы или могут быть проигнорированы. Необходимость в воспроизводстве и развитии этнических и социальных качеств конкретного народа, его представителей вызывает этнические потребности [7: 104].

Республика Калмыкия относится к национально-территориальным регионам современной России, которые имеют не только свои особенности этнического состава населения и этнодемографического развития, но и специфику статистического учета самой этнической группы и языкового поведения. В ходе Всероссийской переписи 2021 г. можно было указать более одной своей национальности и более одного родного языка. 52% анкетируемых отметили, что нейтрально относятся к такой новации, 28% – положительно, 14% затруднились с ответом. В этом отношении разделяем мнение академика В. А. Тишкова о том, что для определения реальной языковой ситуации необходимы коррективы категории «родной язык». Академик предлагает расширить само понятие, не спрашивать: «Ваш родной язык?», а «Ваш первый выученный язык, знание которого сохраняется?» или «Ваш родной (материнский, (лучше «родительский») первый язык)?» [8: 24].

Подавляющая часть опрошенных (83%) назвала один язык в качестве родного. 71% опрошенных считает родным калмыцкий язык, он указан первым родным в 64% случаев, т.е. 12% опрошенных калмыков не считают калмыцкий язык своим первым родным языком. 40% опрошенных указали его вторым родным. 34% считают родным русский язык.

Его указывают первым родным 26% опрошенных, вторым родным 48% респондентов. 16% анкетируемых указали, что имеют два родных языка.

В российских школах преподают русский язык, иностранные языки и в некоторых школах также национальные (нерусские) языки. В случае, если бы респонденты в настоящее время учились в школе, то 55% студентов выбрали бы для себя вариант «русский, иностранный, национальный языки». 28% респондентов отметили вариант «русский и иностранный языки», в числе этой группы находятся молодые калмыки, которые способны отказаться от обучения калмыцкому языку. После принятия поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» в нем содержится следующее положение: «…Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся…» (ст.14, а.6 в ред. Федерального закона от 03.08.2018 № 317) [9]. В последнее время некоторые родители-калмыки, обеспокоенные успешной сдачей ЕГЭ, напряженной подготовкой к ним, стремятся облегчить учебную жизнь своих детей, делают выбор не в пользу этнического языка калмыков. Наверняка, есть статистика этого явления. Таким нежелательным образом формируется безответственное отношение к родному языку, когда носители этнических языков его забывают, вытесняют его из своей коммуникативной среды. Если в этот процесс не вмешаться, то все больше детей с позволения родителей будут отказываться учить свой язык этнического происхождения.

Рассмотренная в данной статье проблема наличия/отсутствия этнокультурных потребностей у молодежи является в национальных российских регионах важной и весьма острой, т.к. от того, как будут решаться вопросы этнокультурного образования молодого поколения, во многом зависит будущее российских этносов.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1998. 271 с.
2. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Языковые и этнокультурные запросы населения Чувашской Республики по результатам социологических опросов // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М: ИЭА РАН, 2021. 520 с. С. 90–105.
3. *Денисова Г.С., Денисова А.В., Намруева Л.В.* Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности? // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 2. С. 176–180.
4. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
5. *Намруева Л.В.* Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 4. С. 76–80.
6. *Намруева Л.В.* Современная молодежь и состояние калмыцкого языка (по итогам социологического анализа 2000-х гг.) // Российский академический журнал. 2014. Т. 27. № 1. С. 109–113.
7. *Намруева Л.В.* Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // Гунаев Е.А. Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 104–119.
8. *Тишков В.А.* Языковое многообразие как проявление культурной сложности современных наций // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М: ИЭА РАН, 2021. 520 с. С. 18–34.
9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 03.08.2018.

Языковая ситуация в Украине после принятия Закона о государственном языке 2019 г.

И.А. Снежкова

Язык является объединяющим фактором в процессе развития любого общества. Долгие годы Россия и Украина были единым организмом, находясь в составе Древней Руси, Российской империи, Советского Союза. С обретением Украиной независимости и с построением собственного государства роль украинского языка стала выступать на первый план, часто в ущерб межнациональным отношениям внутри страны. Русский язык всегда был на этой территории языком межнационального общения, поскольку на нем говорило большинство населения, но при этом в СССР украинский язык никогда не ущемлялся и имел равные права с другими. Однако в настоящее время, особенно с принятием в 2019 г. Закона о государственном (украинском) языке, ситуация радикально изменилась...

Известный русский филолог и лингвист А.А. Шахматов (1864–1920), основоположник исторического изучения русского языка, считал, что восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) произошли от «общедревнерусского» (этот процесс продолжался вплоть до XIV в.), который своими корнями уходит в праславянский язык, существовавший в территории Восточной Европы почти до VIII в. [2]. Региональные языковые различия связаны с проживанием восточнославянских племен на удаленном друг от друга расстоянии. На особенности трех восточнославянских языков также повлияли многочисленные военные вторжения и захваты земель. Так, нашествие монголо-татар на Киевскую Русь в XIII–XIV вв., безусловно, добавило тюркизмов в древнерусский язык и соответственно в три его ветви.

Период древнерусского языка, или общедревнерусского, как называл его А.А. Шахматов, связан с обретением в IX в. письменности благодаря созданию славянской азбуки великими просветителями, святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием.

Как и другие восточнославянские языки, украинский сформировался на основе диалектных наречий древнерусского языка с собственной фонетической, морфологической и синтаксической системой. С XIV в. начинает складываться литературный украинский язык, этот историко-лингвистический процесс ученые обычно делят на два периода: период староукраинского (XIV – середина XVIII в.) и современного украинского языка (со второй половины XVIII в.).

Создателем первого литературного произведения на украинском языке был И.П. Котляревский, выпустивший в 1798 г. в подражание античным произведениям поэму-бурлеск «Энеида», на основе украинской речи и фольклора. Большую роль в формировании родного литературного языка сыграли известные украинские поэты и писатели: Тарас Шевченко, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский, Иван Франко и многие другие.

В Российской империи первоначально украинский язык называли малорусским наречием или малороссийским языком, отрицая его самобытность. Кроме того, в разное время и в разных регионах употреблялись также следующие названия: *проста мова*; *козача мова*; *русинська мова*; *руська мова, карпаторуська мова* (в Австро-Венгрии и в Польше). Название «украинский язык» («*українська мова*») закрепилось только в начале XX в.

Непродолжительный период существования Украинской народной республики 1918–1919 гг. также способствовал росту этнического самосознания населения и усилению роли украинского языка.

Большевики, пришедшие к власти, декларировали принципы равенства и свободного развития всех национальных меньшинств России. После XII съезда ВКП(б) в 1920–1930 гг. началась замена русского языка украинский в администрации и в культуре Украины. Были созданы Институт украинского научного языка, Украинская академия наук. Были

изданы «Русско-украинский словарь» в 3-х томах (под ред. А. Крымского), многочисленные учебники по украинскому языку. Однако с приходом к власти И. Сталина начался период русификации под предлогом борьбы с «буржуазным национализмом». В дальнейшем в СССР вновь вернулись к активной политике по поддержке и развитию национальных языков. Украинский язык получил официальный статус в Украинской ССР, его стали преподавать в учебных заведениях, вести на нем документацию. Тем не менее в Советском Союзе доминировал русский язык: не имея статуса государственного языка, он реально был языком межнационального общения.

В 1991 г. Украина стала независимым государством, украинский язык получил статус государственного языка, но, по международному законодательству, в случае если 10% населения какого-либо региона говорит на другом языке, были допустимы региональные языки (в частности, русский, венгерский и др.). Такая ситуация сложилась на Юго-Востоке Украины, в Крыму и Закарпатье. По закону в регионах разрешалась работа на русском языке органов государственной власти, местных органов самоуправления, учебных заведений, судопроизводства и др. Первоначально в Украине эта норма поддерживалась.

Переломным моментом в языковой политике Украины стали события на Майдане в 2014 г. После прихода к власти оппозиции правительство Украины проголосовало за отмену закона «Об основах государственной языковой политики», который действовал с августа 2012 г. и согласно которому русскому языку и языкам нацменьшинств предоставлялся статус региональных в тех местах, где эти языки были родными для 10% населения. Вопрос о русском языке стал одной из главных причин массовых протестов на Донбассе весной 2014 г., которые затем переросли в вооруженный конфликт. Представители ДНР и ЛНР выступали за право жителей региона говорить на родном для них русском языке. Жители Крыма, выбравшие воссоединение с Россией, навсегда решили для себя языковой вопрос.

Россия учла интересы многонационального населения Крыма, среди которого есть носители не только русского языка, но и украинского, и крымско-татарского языков. Эти три языка стали в республике государственными [1].

В дальнейшем в Украине продолжилось снижение влияния русского языка. В 2019 г. П. Порошенко в конце своего пребывания у власти сумел провести закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». По сути, в нем максимально урезалась роль русского языка и языков национальных меньшинств.

По этому закону:

1. Государственным и официальным языком на Украине является только украинский язык. Игнорирование закона приравнивается к надругательству над государственными символами: за непочтительное отношение к языку налагается штраф.

2. Украинским языком должны владеть все без исключения представители центральных органов исполнительной власти Украины, народные депутаты, судьи, прокуроры, адвокаты, нотариусы, медработники, учителя.

3. В государственных детских садах, в школах и вузах преподавание должно вестись только на украинском языке. Однако в вузах допускается проведение лекций на одном из языков ЕС, т.е. на европейских языках преподавать можно, а на русском – нельзя.

Все русскоязычные школы в Украине с 1 сентября 2020 г. были переведены на преподавание на украинском языке. В регионах, где проживают национальные меньшинства, допускается преподавание родного языка только в начальной школе до 5-го класса. В школах начали действовать разные подходы к изучению украинского и родных языков. Первый касался крымских татар, не проживающих в своей языковой среде и не имеющих государства. Так, им было разрешено обучение детей на родном языке с 1-го по 11-й (12-й) класс наряду с изучением украинского языка.

Второй подход касался школ с обучением на языке национальных меньшинств, которые относятся к языкам Евросоюза. На родном языке, наряду с изучением государственного, дети могут учиться в начальной школе. С 5-го класса не менее 20% предметов в году должно отводиться преподаванию на украинском языке, но в старшей школе не менее 60% предметов в этих заведениях должно преподаваться на государственном языке.

Третий подход, самый дискриминационный, касался остальных национальных общин в Украине, прежде всего русскоязычных. Для этой категории преподавание в начальной школе может вестись на их языке вместе с изучением украинского, а с 5-го класса не менее 80% предметов будут читаться на государственном языке. В реальности в школе детям было нельзя употреблять русский язык даже на переменах.

4. Средства массовой информации должны перейти полностью на украинский язык. Суммарная продолжительность иноязычных телерадиопрограмм для общенациональных вещателей не может превышать 10%, для региональных и местных – 20% времени суточного вещания.

5. Закон поддержал использование украинского языка в сфере коммерции, услуг, медицины и фармацевтики.

6. Вводится новая должность – языковой омбудсмен, который должен следить за исполнением требований языкового законодательства по защите государственного языка и штрафовать в случае нарушения положений закона.

Подобные нововведения повлекли за собой нарушения со стороны ретивых языковых надзирателей, которые отказывались обслуживать людей, говорящих на русском, в магазинах, парикмахерских, в медучреждениях и других общественных местах.

Новый языковой закон, принятый на Украине, не соответствует европейскому законодательству, что подтвердила Венецианская комиссия, занимающаяся вопросами языковой политики в Европе. Языковые нацменьшинства, число которых достигает 10% населения, имеют право на образование, вещание СМИ, Интернет, здравоохранение на региональном языке. В связи с тем, что русский и другие региональные языки активно дискриминируются, возникает ситуация, когда Украина вместо привлечения жителей регионов, еще больше отталкивает их. Хочется надеяться, что со временем крайности сгладятся и реальные языковые потребности людей лягут в основу языковой политики страны.

Литература

Старченко Р.А. Языковые и этнополитические ориентации крымчан в 2013 и 2014 годы // Этническая и этнологическая карта Крыма / под ред. В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 78–85.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. стереотип. М.: URSS, 2021. 232 с. (Сер.: Лингвистическое наследие XX века).

Психологические истоки посредничества в урегулировании вооруженных конфликтов (на примере грузино-осетинского конфликта)

Д.Д. Бекоева

Вооруженный конфликт традиционно понимается как противоборство политических, этнических или экономических противоречий и применение военной силы между двумя сторонами конфликта.

В современной международной практике сформировалась целая система контрольных мер, применяемых для регулирования конфликтов. Первоначальная постановка проблемы контроля над конфликтом предполагала, по сути, отождествление контроля с управлением конфликта, относя к кругу задач стратегии контроля всю совокупность мер, направленных на прекращение конфликта, т.е. исчерпание самого предмета спора [4]. С другой стороны, исследователи, воспитанные на общей теории конфликта, предлагают более дифференцированный подход к проблеме, ограничивая проблематику контроля над конфликтом «контролем над насилием в конфликте». В этом смысле *контроль над конфликтом* – новая психологическая стратегия, направленная на предотвращение, ограничение, прекращение и исключение самой возможности насильственных действий, которая призвана обеспечить условия, необходимые для урегулирования или разрешения конфликта [5]. Суть ее в том, что каждая из моделей конфликтного поведения может быть эффективной лишь в определенном социокультурном контексте. Контроль над конфликтом, понимается как контроль над манифестируемым насилием и является составной частью стратегий *урегулирования* и *разрешения конфликта,* т.е. осуществляется в контексте либо статусной, либо ролевой моделей конфликта. Модель же вооруженного конфликта ориентирована на насилие, и позволяет лишь констатировать несоблюдение сторонами конфликта тех ограничений, которые предусмотрены международным правом. Вооруженные конфликты имеют свою динамику, в которой можно выделить определенные циклы. Поэтому особенно важны здесь посреднические усилия.

Требования к деятельности посредников сформулированы в документах ООН нормами международного права, которые регулируют каждую конкретную ситуацию, в первую очередь, положениями международных и региональных конвенций, нормами международного гуманитарного права, прав человека, прав беженцев и международного уголовного права.

Выбор компетентного посредника, обладающего необходимым опытом, навыками, знаниями и пониманием культурных особенностей применительно к конкретной конфликтной ситуации, очень важен. Посредник должен быть человеком твердых моральных принципов, и его суждения должны восприниматься как объективные, беспристрастные и заслуживающие доверия сторон конфликта. Посредник должен обладать достаточным авторитетом, и его кандидатура должна быть приемлемой для всех сторон конфликта. Некоторые споры требуют особо деликатного поведения посредника, он должен быть коммуникабельным, уметь выслушивать обе стороны конфликта, систематизировать и классифицировать намерения сторон, учитывать психологические, исторические и политические аргументы каждой из сторон, а также длительность конфликтных отношений в прошлом, вежливо и точно доносить до сторон конфликта правила поведения для получения согласия сторон на оказание посреднических услуг. В документах, подготовленных в ООН, подчеркнуты принципы посреднической деятельности, среди которых два являются наиболее важными. «Беспристрастность является краеугольным камнем посредничества – если посреднический процесс расценивается как предвзятый, это может воспрепятствовать реальному прогрессу в урегулировании конфликта», подчеркивается в руководстве,

и, что важно, отношение к сторонам должно быть справедливым и сбалансированным, быть транспарентным в отношениях со сторонами в конфликте [2].

Второй важный принцип – инклюзивность, под которой понимается «насколько полно и каким образом позиции и потребности сторон в конфликте и других вовлеченных сторон представлены и учитываются в процессе и в результатах посреднических усилий». В соответствии с принципом инклюзивности с большей долей вероятности будут определяться и устраняться первопричины конфликта и будет обеспечиваться учет потребностей затронутых слоев населения. Кроме того, инклюзивность повышает легитимность и национальную ответственность за мирное соглашение и создает механизмы для учета всех аспектов в процессе урегулирования конфликта.

Принципы посреднической деятельности соотносятся с требованиями психологической теории деятельности. Деятельностный подход в психологии требует анализа нескольких составляющих конфликта – конфликтного поведения сторон, в рамках которого необходимо рассмотреть конфликтные намерения и конфликтные действия, динамику конфликта, основные циклы конфликта. Чтобы раскрыть каждую из этих болевых точек можно использовать разработанную модель логико-конструктивных построений ситуаций взаимодействия и поведения сторон, намерений и действий сторон во временной перспективе. Это позволяет исследовать как систему представлений, так и мобилизационные ресурсы сторон непредвзято. Модель позволяет шаг за шагом раскрыть и дифференцировать изменение поведения сторон с точки зрения ценности и интересов, являющихся предметом и объектом обладания каждой из сторон конфликта по индикаторам протяженности, направленности и знаку действий каждой из сторон конфликта. С точки зрения протяженности конфликта, интересов и системы внутригосударственных и межгосударственных отношений и взаимодействий сторон можно представить события в определенной хронологической последовательности.

Грузино-осетинский конфликт как внутренний государственный конфликт в территориальном пространстве СССР по своей психологической структуре проявлялся в нескольких самостоятельных конфликтных взаимодействиях, одно из которых рассматривается в качестве базисного, а другое – как сопутствующее ему взаимодействие.

Базовый конфликт. Базовым в грузино-осетинском конфликте является вопрос о разрушении территориальной целостности СССР и выходе Грузии из его состава, конфликт по вопросу о независимости Грузии и противостоящими ей властями СССР и Юго-Осетинской области. Характерно, что в момент противостояния (1989) грузинская сторона «стояла» под грузинскими флагами досоветского периода, демонстрируя этнические ценности как приоритетные. Осетинская сторона сохраняла приверженность к государственной символике – флаг и символы СССР, – подчеркивая значимость общегосударственных ценностей в самосознании тем более, что грузинские символы для осетинской стороны психологически были связаны с социальной памятью о грузинской агрессии против осетин и геноцидом осетин 1921 г. (грузино-осетинский конфликт). Аналогичной была картина в грузино-абхазском конфликте.

Сопутствующие конфликты у взаимодействующих сторон.

Сопутствующее конфликтное взаимодействие возникает между одной из непосредственных сторон базисного конфликта и третьей стороной, либо по вопросу о причинах базисного конфликта (атрибутивный конфликт), либо по вопросу о путях выхода из базисного конфликта (конфликт средств).

Непосредственными сторонами конфликта являлись Южная Осетия, с одной стороны, Грузия, – с другой, при фактической поддержке последней властными структурами СССР. В качестве третьей стороны выступало ОБСЕ.

Цивилизационная среда оппозиционных групп в соответствии с такими параметрами модели, как государственный и социокультурный статус свидетельствует о приверженности осетинской общности к системе ценностей, связанной с государственной символикой СССР, в то время как грузинская сторона декларировала и утверждала приоритет этнических ценностей как единственно достойных ее государственного статута. Обе стороны с точки зрения социокультурного статуса привержены традиционному укладу жизни, хотя в ценностных ориентациях молодежи сильны ценности постиндустриального общества.

По *источнику происхождения*, специфике и роли общественной организации, социально-культурный статус осетинской стороны может быть определен с точки зрения этносоциальной природы как этногенная группа, обладающая качеством недобровольных групп, также как и грузинская сторона. Вместе с тем, надо отметить, что в период 1988–1989 гг. противоборствующие стороны были неравнозначны. С одной стороны, правительство Грузии и руководство ЮОАО, которое полностью поддерживало деструктивные действия Грузии, не осознавая угрозы распада СССР. Правительство Грузии и руководство Южной Осетии на начальных этапах поддерживали предоставление широких полномочий, предоставленных В.В. Бакатиным – министром внутренних дел СССР, правоохранительным органам Грузии по контролю над всей территорией ГССР. После принятия М.С. Горбачевым программы децентрализации страны и предоставления все больших полномочий союзным республикам, первые постановления в союзных республиках, в том числе в Грузии, касались ограничения русского языка как языка делопроизводства на их территориях, что вызвало рост противоречий с автономными образованиями.

С другой стороны, население Южной Осетии и его активная часть – студенты, служащие предприятий и колхозники, – протестовали против распространения Программы грузинского языка на территории Южной Осетии, где государственным языком признавался только русский. На акциях протеста люди выступали против массовой замены кадров в правоохранительных структурах по этническому признаку и предоставления работы в этих органах власти исключительно грузинам. Стороны занимали разное положение в иерархической структуре власти, имели разныей социально-политическией опыт и экономические возможности влияния. Взявший на себя роль лидера, преподаватель Юго-Осетинского университета А.Р. Чочиев так охарактеризовал положение осетинской стороны: «Мы в этой игре не были ни судьями, ни нападающими, мы стояли в своих воротах и нам били все – такие установила правила мировая политика и ее реализаторы политическая элита СССР, России и союзных республик» [3].

Если рассматривать противоборствующие стороны как группы с точки зрения *добровольности* и *недобровольности*, то можно признать их недобровольными, т.к. регулятором их действий в этот период были центральные власти СССР.

В условиях навязанного разгосударствления сознания, предоставление стороне с приоритетами этнического самосознания, стремящейся поднять статут этнической административной единицы в структуре СССР до независимого государства, получить право распоряжаться бесконтрольно на территории, привело к изменению нормативной культуры общения в регионе. Это проявилось в агрессивном поведении грузин, в навязчивом обращении к оскорбительным ярлыкам, желании сконцентрировать весь спектр ненормативных проявлений в общении с людьми разных национальностей. В этот период в средствах массовой информации не только республиканских, но и союзных, нормой стала ненормативная лексика люмпенизированной среды, которая при этом претендовала на литературную норму.

Появилось множество публикаций с откровенно оскорбительным отношением к истории своей страны, к советскому обществу, а в республиканской прессе – к представителям

негрузинской национальности. Республиканская власть вслед за союзной элитой фактически передала средства массовой информации своей агрессивной оппозиции. Оппозиция, в свою очередь, устроила публичное бичевание власти, подвергнув серьезным испытаниям психику и здоровье людей. Появилась специфическая убийственная форма общения и взаимодействия социальных институтов государства по каналам массовой информации на фоне предоставления власти республикам и чрезмерной актуализации этнических ценностей. В советском обществе средства общения выполняли микрополитическую роль внедрения социальных норм, контролируя нормы допустимого. Гласность смела все барьеры, и информация, мнения и эмоции обрушились на людей, делая целью фактическое общение. Общение не ставило своей задачей поиск эффективных путей достижения цели, ориентируя, скорее, на раздор. Потребность в результатах общения оказывалась неудовлетворенной. Социальный диалог, как справедливо отмечает Е.И. Головаха, имеет свои этапы развития: обмен мнениями – принятие решения – достижение результата. Однако диалога по существу не было [1]. На организованных митингах под влиянием этих микрополитических мероприятий оппозиции общество демонстрировало единомыслие, лимит доверия к власти как источнику социальной справедливости был исчерпан. Все более очевидным становилось отсутствие социальных ценностей, общая низкая культура общения. В социальном общении собеседник должен учитывать мнение, точку зрения, позицию, общий уровень подготовки другого. В данном случае, напротив, не только не принималась во внимание точка зрения другого, а просто игнорировалась. Искусственно создавалась социальная напряженность. С помощью новых для общности средств создания шумовых эффектов наиболее активной частью – народными фронтами в республиках организовывались митинги, демонстрации, петиции для создания впечатления об истинном влиянии на общество.

Таким образом, последовательное рассмотрение конфликта на основе психологической теории деятельности и логико-конструктивных построений с учетом исторической длительности конфликтных отношений дает возможность понять систему коммуникаций в конфликте и полностью оправдать миротворческую операцию России по принуждению Грузии к миру и последующее признание независимости двух республик, для народов которых появилась возможность жить в мире.

Литература

1. *Головаха Е.И.* Трансформирующееся общество. Киев, 1997.
2. Руководство ООН по вопросам эффективности посреднической деятельности. 2012. URL: https://peacemaker.un.org/
3. *Чочиев А*. Уроки игры на бойне. М., 1994.
4. *Bloomfield L.P., Leiss A.C.* Controlling Small Wars: A strategy for the 1970 s. N.Y., 1963.
5. *Boulding K.E.* Conflict and Defense: a General Theory. N.Y., 1969.

Историческая память о включении Кабарды в состав Российской империи (межэтнический аспект)

П.В. Фадеев

Введение

Прошлое, через семью, систему образования, СМИ и другие институты общества, играет важную роль в формировании идентичностей человека (государственно-гражданской, этнической, локальной и др.). Оно всегда связано с нашим настоящим и будущим. Однако люди разных национальностей и социальных слоев порой по-разному оценивают исторические события (такие как войны, завоевания, депортации и др.). С научной и с бытовой точки зрения, важно разделять историю и историческую память – две стороны «одной медали». «История – это не память. История и память – это две формы обращения с прошлым, дополняющие друг друга, оказывающие друг на друга влияние. Нам нужна память, чтобы вдохнуть жизнь в массу исторических знаний, и нам нужна история для того, чтобы критически проверить конструкции памяти, которые всегда подвержены политической конъюнктуре и продиктованы потребностями настоящего» [6].

Северный Кавказ, частью которого является Кабардино-Балкарская Республика, с точки зрения исторической памяти, представляет собой интересный регион, изучавшийся разными учеными. И.С. Савин, говоря об исторической памяти молодежи данного региона, выделил в качестве вызовов для российской идентичности: «широкое распространение альтернативных сетевых источников ангажированной исторической информации, сохранение тем, закрытых или нежелательных для публичного обсуждения, неселективное административное воздействие на людей, активных в подобных дискуссиях» [8: 7–8]. А углубление в исследования, затрагивающие непосредственно историческую память народов КБР, позволило выделить С.И. Аккиеву [2; 3], В.Х. Кажарова [9], А.Х. Борова [4: 202–210], Дж. Я. Рахаева [15: 228–230], А.Х. Абазова [1: 216–221], Д.Н. Прасолова [14: 221–223], Э.А. Шеуджен [17] и других исследователей. «Особо следует отметить исследование В.Х. Кажарова по историческому сознанию кабардинцев второй половины XX – начала XXI в., в котором автор, анализируя историографию адыгов советского и новейшего периодов, подчеркивает проблему смещения научного компонента исторического сознания на периферию общественной памяти и маргинализации сообщества профессиональных историков» [19: 146–150].

В данной статье исследуются тонкости исторической памяти в Кабардино-Балкарской Республике, затрагивающей один конкретный исторический эпизод – присоединение Кабарды к Российской империи. Это событие стало безусловно знаковым для судеб кабардинского, балкарского и других народов, населяющих территорию современной КБР. Оно достаточно удалено во времени, но от пожилых родственников, по рассказам, передающимся из уст в уста в семьях, о нем еще сохранились некоторые воспоминания. Территория Кабарды была присоединена к Российской империи в 1825 г. «силой», и даже после окончательного вхождения часть кабардинцев продолжала военное сопротивление. Военно-полицейские условия, созданные в Кабарде, порядки «стеснительные и невыносимые», Кавказская война, предшествовавшая вхождению, забрали жизни огромного количества кабардинцев, а большую часть ослабленных и оставшихся в живых скосила эпидемия чумы в 1820-х годах. После присоединения многие кабардинцы ушли в Западную Черкесию и Дагестан, чтобы продолжить там участие в Кавказской войне. Впоследствии же большинство из них уже не вернулось на родину, а отправилось в Османскую империю во время массового черкесского мухаджирства. В рамках нашего исследования, посвя-

щенного исторической памяти, мы совместили количественный опрос[16] и данные, полученные в ходе глубинных интервью и фокус-групп, проведенных в Кабардино-Балкарии в 2021 г. среди разных социально-профессиональных групп (студентов, преподавателей, журналистов, бизнесменов и т.д.). Но перед тем как перейти непосредственно к результатам, представим небольшую историческую справку.

Краткий исторический экскурс

До образования современной республики, «на ее территории были расположены две исторические области – Кабарда и Балкария. Кабарда состояла из двух княжеств: Большая Кабарда и Малая Кабарда, и занимала равнинную и предгорную часть современной республики, а также горную и высокогорную зону в верховьях реки Малки и ее притоков. Балкария, которая была разделена на пять горских обществ, занимала в основном горные и высокогорные районы современной республики. Территория Кабарды была присоединена к Российской империи в 1825 г. В 1921 г. Кабарда и Балкария вместе с другими историческими областями Центрального Кавказа вступили в состав Горской АССР. 1 сентября 1921 года Кабардинский округ вышел из состава Горской автономной республики, а затем 16 января 1922 года за ним последовала и Балкария. Кабардино-Балкарская автономная область была образована в 1922 г., в 1936 г. преобразована в АССР. В 1944 г., в связи с выселением балкарцев, была переименована в Кабардинскую АССР, с 1957 г. – снова Кабардино-Балкарская АССР. С 1992 г. – Кабардино-Балкарская Республика» [7].

На современном этапе – это субъект, расположенный в южной части России, на Северном Кавказе. Кабардино-Балкария «относится к так называемым искусственным двунациональным государственным образованиям, в которых титульные народы – кабардинцы и балкарцы – не находятся в этнолингвистическом родстве» [2]. «Численность населения Кабардино-Балкарии, по данным Росстата, составляет 868350 человек (2020 г.). В республике живут представители более 100 национальностей, при этом в процентном соотношении более 57% населения – кабардинцы, порядка 22,5% – русские, около 13% – балкарцы, тогда как на долю остальных национальностей приходится менее 1–1,5%» [7]. Доли проживающих национальностей в составе населения на протяжении XX в. существенно менялись. «В конце 80-х годов в среде кабардинцев и балкарцев заметным явлением стала политизация этничности, произошел подъем национального самосознания, усилилось их вовлечение в этнополитические процессы. В свою очередь это отразилось и на русском населении, инкорпорация которого в этнополитический процесс носила ответный характер. В начале 90-х годов сформировались и национальные движения этих народов, сыгравшие важную роль в политических процессах, протекавших в Кабардино-Балкарии и в Северо-Кавказском регионе» [2].

Основные результаты

Индикатором исследования являлся вопрос: «Как, по Вашему мнению, сказалось на судьбе Вашего народа включение Кабарды в состав Российской империи в 1825 году?». Возможно было выбрать один из пяти вариантов ответа: «Положительно сказалось», «Никак не сказалось», «Отрицательно сказалось», «Не интересовался этим событием /не знаю о таком событии», «Затрудняюсь ответить».

---

[16] Опрос проводился Отделом этносоциологии ФНИСЦ РАН в Кабардино-Балкарской Республике в сентябре 2021 г. в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» Программы научных исследований РАН, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Выборка репрезентативная по основным социально-демографическим характеристикам населения КБР (полу, возрасту и национальной принадлежности), n=713.

Наш опрос показал, что чуть больше половины жителей Кабардино-Балкарии (54%) считают, что включение Кабарды в состав Российской империи в 1825 г. положительно сказалось на судьбе их народа (табл. 1). Это во многом связано с тем, что люди судят об этих событиях с точки зрения современного положения республики в составе России. Далекая война находится на периферии исторической памяти населения региона, а на более важном месте находится текущая жизнь в составе РФ, российское гражданство и идентичность.

Самая позитивная оценка присоединения Кабарды к России среди всех этнических общностей республики присуща кабардинцам (61%). Слова молодых кабардинцев говорят об их спокойном отношение к тем историческим событиям:

- *«Кавказская война – пройденное явление, виноватые найдены. Скорее, это уже пройденный этап. Виноватыми признаны Российская империя, царская политика, политика, которая проводилась царизмом на Кавказе. Не происходит переноса на современных русских или современное государство. В какой-то период какие-то попытки были. В данный момент это уже не актуально. Перенос ответственности... бесперспективность такого пути очевидна»* (мужчина, Нальчик)*;*
- *«Я, как представитель кабардинской национальности, очень, если просмотреть историю взаимоотношений Кабарды и России, там на самом деле все проходило очень в духе дружелюбия да, вначале. Может быть, вы знаете, Иван Грозный был женат на княжне кабардинской. Вот этот факт, который я узнала еще в школе, я очень… как-то вот меня это воодушевило. И очень мне как-то это придало какой-то даже, я бы сказала, патриотический подъем, потому что вот осознание того, что княжна твоего родного как бы места, она была женой аж русского царя. Ты понимаешь, что Россия она вот такая большая, но ты ее часть, такая, тогда как когда-то очень далекая Кабарда и вот эта средневековая Москва, они смогли соединиться. Вот также на меня это в свое время большое впечатление произвело, и вот все равно вот эти связи, которые еще тогда, в XVI в., зародились и продолжаются сейчас, вот этот путь, наверное, мы идем бок о бок. И вот это ощущение "нас" дает мне понять, что нас многое объединяет»* (кабардинка, учитель).

Второй жене Ивана Грозного Марии Темрюковне поставлен памятник в центре Нальчика с надписью на постаменте «Навеки с Россией».

В историческом плане столь высокий показатель принятия кабардинцами включения Кабарды в состав Российской империи объясняется, помимо перечисленного выше, отсутствием акцента на истории своего народа того периода, перенесением акцентов на другие этапы совместно прожитой истории и идущим отсюда чувством единения с историей современной России и СССР. Также позитивно оценивают присоединение Кабарды русские, живущие в КБР – 59%. Для русских данный шаг является расширением империи в те годы, которое означало присоединение новых территорий.

Стоит отметить, что у небольшой части населения КБР (9% по выборке в целом) есть представление, что Российская империя того времени формировались не только за счет добровольного вхождения в состав, но и за счет завоеваний. Отрицательно к вхождению Кабарды в состав России отнеслись 10–11% кабардинцев/балкарцев и 1% русских. Один из студентов на фокус-группе заявил: *«В истории всегда у каждого народа существует тот момент, когда они входят в состав России. И я знаю, что ни один народ России, кроме русского, не вошел в состав России мирно. Северный Кавказ и те же татары. Татары считают уже завоевание Казани геноцидом, потому что там стрельцы… учитывая глобализацию, она же двигается и в сторону национального, то есть со своей историей, и нередко пробуждается национальное самосознание, и такие болевые точки формируют свою позицию к России, которая никогда не скажет, что она совершила какое-то преступление в Казани»* (студент, фокус-группа 1). Как мы полагаем, это мнение отражает представления об исторической памяти самых этноцентрически настроенных жителей Кабардино-Балкарии.

Таблица 1

Факторы, влияющие на представления жителей КБР о роли включения Кабарды в состав Российской империи для судьбы своего народа (по данным опроса ФНИСЦ РАН, 2021 г.), % от опрошенных

Социальные группы	Как, по Вашему мнению, сказалось на судьбе Вашего народа включение Кабарды в состав Российской империи в 1825 году				
	Положительно сказалось	Никак не сказалось	Отрицательно сказалось	Не интересовался этим событием/ не знаю о таком событии	Затруднились ответить
В целом по выборке	53,7	10,8	8,6	14,5	12,5
Национальность					
Кабардинец, кабардинка	60,8	4,7	10,0	12,0	12,5
Балкарец, балкарка	27,0	27,9	10,8	19,8	14,4
Русский, русская	58,5	11,3	1,4	17,6	11,2
Другая национальность	43,1	19,0	12,1	13,8	12,0
Российская идентичность					
Сильная	58,4	10,0	6,9	14,1	10,6
Присутствует	50,0	12,0	10,4	15,6	12,0
Отсутствует	44,1	10,3	10,3	13,2	22,1
Возраст					
до 30 лет	52,8	16,6	4,9	12,3	13,4
31–50 лет	52,5	8,7	9,4	18,1	11,3
51 год и старше	55,4	9,5	9,8	12,3	13,0
Образование					
Неполное среднее + общее среднее	44,1	7,4	11,7	18,1	18,7
Среднее специальное + среднее профессиональное	56,9	12,0	6,7	14,8	9,6
Высшее + н/ высшее	57,3	12,0	7,9	12,0	10,8
Материальное положение					
Хорошее + скорее хорошее	53,4	13,1	5,6	15,7	12,3
Удовлетворительное	57,0	7,8	9,7	14,0	11,5
Очень плохое + скорее плохое	46,6	14,4	12,7	11,9	14,4
Тип поселения					
Город, ПГТ	56,3	10,4	7,9	13,0	12,4
Сельский населенный пункт	46,9	11,7	10,2	18,4	12,8

Самый низкий показатель позитивной оценки включения Кабарды в состав Российской империи среди этнических групп – у балкарцев (27%), одновременно среди них выше доля тех, кто считает, что это событие никак не сказалось на судьбе их народа. Это можно объяснить тем, что вхождение балкарского народа в состав Российской империи произошло позднее, по их инициативе. В 1827 г. балкарцами было подано прошение о российском подданстве. В этом были заинтересованы сами балкарцы для укрепления связей с внешним миром, т.к. к тому моменту они были «зажаты» Российской империей с двух сторон (с одной стороны – новоприсоединенной Кабардой, с другой стороны – Грузией). По мнению историка Б. Кучмезова, «присоединение Балкарии к России стало важным моментом для развития всего Центрального Кавказа. В это время предгорная полоса и горы

были фактически анклавом между уже давно присоединенной к России Кабардой и Грузией. Балкарские таубии (в переводе с балкарского – горские князья) не раз, еще в XVIII в. стремились к присоединению к России (в 1775, 1786, 1799 г. были движения в этом направлении), видя, что Российская империя укрепляется на Юге, на Северном Кавказе, где у нее появились свои экономические и политические интересы» [5].

Помимо этничности, на современном этапе на установки жителей влияют и другие факторы, такие как актуализация российской идентичности, возраст, образование, материальное положение и тип населенного пункта. Оценивая влияние выраженности государственно-гражданской идентичности, стоит отметить, что жители КБР с актуализированной российской идентичностью чаще дают положительную оценку присоединению Кабардино-Балкарии (58% против 44–50%), при этом люди, не чувствующие себя россиянами, чаще затруднялись в ответе на этот вопрос (22% против 10–12% у людей с российской идентичностью). У жителей КБР всех возрастов преобладает позитивное восприятие вхождения Кабарды в состав Российской империи. Однако, в сравнении с остальными возрастными группами, люди в возрасте от 31 до 50 лет в меньшей степени помнят об этом событии (18%), а младшее поколение придает ему меньшее значение в историческом контексте (17%). Кроме того, именно среди молодежи чаще встречался выраженный этнический национализм: «*Жители КБР чувствуют отношение к себе как к нации второго сорта. Кабардинцам нужно, во-первых, это прекращение разделения на адыгейцев и черкесов и образование единой черкесской нации, то есть кабардинцам нужен национализм этнический, во-вторых, кабардинцам нужно, чтобы их признали хотя бы пострадавшими в ходе русско-кавказской войны, и, в-третьих, кабардинцам нужно, чтобы их считали не второсортным каким-то народом, а тем, который имеет право трудиться, имеет все права*» (студент, фокус-группа 1). При этом мы не исключаем существования этнического национализма и в других возрастных группах, в отличие от молодежи, менее готовых делиться воспринимаемыми радикально оценками с интервьюерами.

Также есть небольшое отличие в оценках людей с неполным средним/средним образованием по сравнению со средним специальным и высшим образованием. У менее образованных ниже доля положительно оценивающих присоединение к России и чуть выше доля отрицательно оценивающих. И у них же самые высокие показатели в позиции «затрудняюсь ответить». Скорее всего, данная тема чаще затрагивается на этапе обучения среднему специальному, профессиональному и высшему образованию и в беседах между людьми. Менее позитивно к присоединению Кабарды к Российской империи относятся люди с плохим материальным положением и жители сельских населенных пунктов.

Заключение

Наше исследование показало, что историческую память формируют не только и не столько события прошлого, произошедшие в те далекие годы, а современная конъюнктура. Каким бы ни было отношение черкесов XIX в. к Российской империи, воевавших с ней за независимость, их потомки являются гражданами федеративного государства и носителями российской идентичности. Безусловно, существуют «исторические травмы», оставившие глубокий след в исторической памяти народов, такие как Кавказская война, коллективизация, депортация и др. Эти события остаются в коллективной памяти народов. Но, как показал опрос, многое зависит от самого события. Присоединение Кабарды к Российской империи во многом сейчас находится на периферии интересов местного общества. Но если эта тема поднимается, то у населения республики преобладает позитивная оценка данного события (особенно у кабардинцев) и лишь каждый десятый представитель титульных этносов имеет негативное отношение. Безусловно, многие готовы поделиться историями из жизни семьи и народа того периода, некоторые до сих пор с горечью вспоминают те события. Но время неумолимо идет вперед и большинство жителей

КБР строят свою жизнь в настоящем и видят свое будущее в составе РФ, несмотря на прошлые исторические обиды.

Литература

1. *Абазов А.Х.* Историческая память кабардинцев в контексте историографии обычного права // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнография, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 216–221.
2. *Аккиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М.: РАН, 2002. 448 с. URL: https://www.dissercat.com/content/razvitie-etnopoliticheskoi-situatsii-v-kabardino-balkarskoi-respublike-postsovetskii-period (дата обращения: 23.11.2021).
3. *Аккиева С.И.* Разрешение конфликта: роль обычно-правовых норм (на примере народов Кавказа) // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. Тезисы докладов. М: Изд-во ИЭА РАН, 2001. С. 115.
4. *Боров А.Х., Пшемурзов В.Х.* Историческая память и этническая культура // Этническая культура и проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М.; Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 202–210.
5. В КБР отметили 192-летие вхождения Балкарии в состав Российской империи. ТАСС. URL: https://tass.ru/severnyy-kavkaz/5990812 (дата обращения: 23.11.2021).
6. *Грибан И.В.* Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. №1.
7. Информационный паспорт Кабардино-балкарской республики. URL: https://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/4845678 (дата обращения: 23.11.2021).
8. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2018. 508 с.
9. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. 84 с.
10. Канжальская битва, Кавказский Узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325640/ (дата обращения: 23.11.2021).
11. Конфликт из-за битвы: что произошло в Кабардино-Балкарии // BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/news-45588023. (дата обращения: 23.11.2021).
12. Положение балкарского народа в Кабардино-Балкарской Республике: источники проблем и пути их преодоления // Кавказский узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/111075/ (дата обращения: 23.11.2021).
13. *Прасолов Д.Н.* Земельный вопрос в исторической памяти кабардинцев и балкарцев в XIX и XX в. // Историческая память. Люди и эпохи. тезисы научной конференции, Москва, 25-27 ноября 2010 г. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 221–223.
14. *Рахаев Дж. Я.* Темрюк Идаров в культурной памяти кабардинцев (XVI–XX вв.) // Историческая память. Люди и эпохи: тезисы науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 228–230.
15. Триста лет раздора: что такое Канжальская битва и как она снова стала поводом для конфликта кабардинцев и балкарцев. URL: https://www.yuga.ru/articles/society/8566.html (дата обращения: 23.11.2021).
16. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
17. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 245 с.
18. *Шомахов З.Х.* Историческая память народов Кабардино-Балкарской республики в условиях постсоветских либеральных преобразований // Вестник Южного научного центра РАН. 2013. Т. 9. № 3. С. 146–150.

Межэтнические отношения в Воронежской области: испытание на прочность

В.В. Черникова

На протяжении последних лет в Воронежской области, как и в большинстве регионов России, наблюдалось снижение межнациональной напряженности, что показывали опросы общественного мнения.

Согласно исследованиям ВЦИОМ, в России в 2020 г. 81,1% россиян положительно оценивали межнациональные отношения [2].

Аналогичный высокий уровень удовлетворенности межнациональными отношениями фиксируется и различными исследованиями на уровне региона. Так, согласно исследованию, проведенному ИОМ «Квалитас» в 2019 г., большинство жителей Воронежской области считают, что отношения между людьми различных национальностей в местах своего проживания нормальные, бесконфликтные (71%). Более того, 16% горожан называют межнациональные отношения доброжелательными, способствующими общественному согласию [8]. Высокие показатели удовлетворенности межэтническими отношениями фиксируются и в других исследованиях.

Для анализа состояния межэтнических отношений в Воронежской области целесообразно использовать мониторинговые исследования, которые включают массовые опросы, экспертные опросы и интервью, а также контент-анализ средств массовой информации и социальных сетей. В рамках различных исследовательских проектов, в первую очередь мониторинговых исследований Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов и Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем Института этнологии и антропологии РАН, в Воронежской области проводилось изучение состояния межэтнических отношений. Кроме того, Институт Социально-политических исследований (ИСПИ) при Воронежском государственном университете выполнял ряд проектов, где рассматривались межэтнические процессы в регионе.

Проведенное ИСПИ ВГУ в 2020 г. исследование «Портрет Воронежской области» по заказу Курского госуниверситета, показало, что респонденты высоко оценивают уровень защищенности от притеснений по национальному признаку (74,7%), в то время как 6,3% считают, что не вполне защищены от возможных ущемлений по национальному признаку, что свидетельствует о спокойной обстановке в области межнациональных отношений. Аналогичный уровень защищенности (75,8%) отмечается от притеснений по религиозным убеждениям: здесь риски видят 7,1% респондентов. Такие данные также свидетельствуют об отсутствии напряженности в этой сфере (исследование проводилось в Воронежской области методом массового опроса, сентябрь – октябрь 2020 г. Всего опрошено 400 человек старше 18 лет).

Доброжелательные отношения между различными этническими группами фиксировались и мониторинговыми исследованиями, проводившимися в регионе по методологии Института этнологии и антропологии РАН.

На территории Воронежской области проживает 178 различных этнических групп при преобладании русских. В то же время динамика миграционных потоков последних лет свидетельствует о росте численности приезжего населения, в том числе увеличении числа различных этнических групп, ранее не типичных для региона, например, курдов или арабов.

В 2019 г. миграционный прирост в Воронежской области составил 9690 чел. Это один из самых высоких показателей в Центральном федеральном округе. Приток новых жителей, 64,3% которых были трудоспособного возраста, способствовал экономическому росту и компенсации естественной убыли населения.

Высокий миграционный приток населения требовал внимательного отношения и специальных программ, которые были бы ориентированы на сложившиеся тренды в сфере реализации государственной национальной политики.

Однако пандемия коронавируса внесла свои коррективы в реализацию программ и сработала фактором, прерывающим тренды. В 2020 г. резко сократились миграционные потоки, более того, отток мигрантов увеличился, что привело к ситуации, когда мигранты перестали компенсировать естественную убыль населения. Миграционный прирост населения составил в 2020 г. лишь 866 человек, что ниже показателей 2019 г. в 11,2 раза. Незначительный объем миграционного прироста практически не повлиял на демографическую ситуацию в регионе, заместив естественную убыль населения лишь на 4,5% [4]. Изменения коснулись не только рисков в сфере занятости, но и психологического состояния людей, когда трудовые мигранты потеряли возможность поездок в страны исхода, финансовой помощи близким.

Снижение миграционного потока привело к уменьшению числа представителей различных этнических групп в регионе, сократило контакты их с местным населением. Были негативные последствия для рынка труда, в том числе нехватка кадров в ряде отраслей – строительстве, сельском хозяйстве, дорожном строительстве и других. Это стало стимулом к восстановлению миграционных потоков в 2021 г. Так, за январь–декабрь 2021 г. миграционный прирост составил 10299 человек, 8389 человек – это международная миграция [3].

Возрастающие опасения, особенно в ряде интернет-изданий, что мигранты приведут к росту конфликтности, не подтвердились. Стоит согласиться с тем, что «в повседневной жизни большинство жителей страны причисляет себя в первую очередь к гражданам России, а не к каким-либо этническим группам. Люди живут семьями, а не “народами”» [9: 34].

В экспертных интервью отмечалось, что даже в небольших населенных пунктах, где наблюдается высокая доля некоренного населения, преобладают добрососедские отношения, которые формируются не на основании межэтнических различий, а по соседскому принципу, когда соседи вместе отмечают праздники, водят детей в школу, решают бытовые вопросы. Это не приводит к отрицанию этнической идентичности, культуры и традиций. В то же время, существенное увеличение доли нерусского населения замедляет адаптацию и усиливает риски возникновения конфликтов. Сокращение в 2020 г. притока новых людей в регион привело к переориентации контактов проживающих в Воронежской области этнических групп на более широкий круг людей, вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности.

Восстановление миграционного потока в новых постковидных условиях может повлечь новые риски сохранения устойчивости межэтнических отношений.

О росте межнациональных и религиозных конфликтов в 2021 г. заявил член СПЧ А. Брод в своем докладе, посвященном проявлениям агрессивной ксенофобии и радикального национализма в России в 2021 г. [1]. Обеспокоенность рисками роста преступлений экстремистского характера высказал С. Патрушев, отмечая, что число нападений, вандализма на почве межэтнической и конфессиональной нетерпимости равнялось 17 с января по август 2021 г., тогда как в 2020 г. – лишь 7.)

Общероссийские тренды характерны и для Воронежской области. В регионе наблюдается рост преступлений экстремистской направленности. Если в 2020 г. был зафиксирован рост преступлений экстремистского характера на 28,6% [2], то в 2021 г. – на 66,7%, что ставит регион на 32 место по России [8]. Число зарегистрированных преступлений террористической направленности также меняется. Пик пришелся на 2019 г. – 20, в 2020 г. – 17 (сокращение на 15%) и вновь рост в 2021 г. на 5,9% – 18 (26 место по России) [7]. Часть преступлений экстремистского и террористического характера остаются нерасследованными.

Динамика межэтнических отношений в регионе 2020 – начала 2022 гг. обусловлена особенностями геополитического положения и общей ситуацией в России.

Наиболее значимыми факторами влияния стали:

1. Пандемия COVID-19 и социально-экономические последствия ограничений.
2. Наличие российско-украинской границы и рост напряженности. Проведение спецоперации.
3. Рост международных конфликтов между государствами, выходцы из которых проживают в регионе.
4. Транзитное положение между югом и центром, в том числе Кавказом и Москвой.

Существенное влияние в 2020–2021 гг. оказала ситуация с COVID-19. При этом влияние пандемии было нелинейным, что отразилось и на динамике общественных настроений.

Проблемы консолидации общества и толерантности столкнулись с угрозой самоизоляции, нарушения нормальной жизни и рисков контактов. Первоначальный рост антимигрантских настроений в 2020 г. быстро сошел на нет, что фиксировалось исследованием, проведенным по методике Института этнологии и антропологии РАН в 2021 г. Экспертный опрос показал, что для Воронежской области серьезным вызовом стало изменение тренда на рост миграционного притока (опрошено 30 экспертов, представителей государственной власти, общественности и экспертного сообщества в октябре–ноябре 2021 г.). Пандемия привела к закрытию границ, ограничению миграционной подвижности населения, к сокращению предложений рабочей силы на рынке труда. В то же время выросли фобии по отношению к мигрантам. Эксперты (65,4%) отметили, что пандемия оказала негативное влияние на миграционную сферу, занятость и благосостояние граждан. Но ряд экспертов (5,6%) отметили положительное влияние (из-за малого притока иностранных граждан стало больше рабочих вакансий).

Пандемия оказала негативное влияние практически на все сферы жизни регионального социума. При этом наиболее сильное отрицательное влияние проявилось на уровне благосостояния граждан (90%), занятости и безработицы (80%), т.е. в социально-экономической сфере. Отсюда и рост отрицательного влияния факторов, вызванных пандемией, на отношение местных к мигрантам (23,3%) и миграционную активность самих жителей (40%).

Рост негативного отношения к мигрантам на начальном этапе был вызван опасениями распространения ими инфекции плюс конкуренции за рабочие места. Тем не менее 63,3% экспертов считают, что отношение местных жителей к мигрантам не изменилось, поскольку пандемия – это общая негативная ситуация, фокус проблем больше переместился на ситуацию, а не на людей, здесь находящихся. И сам миграционный поток волнообразен. 6,7% экспертов отметили, что отношение жителей к мигрантам даже улучшилось. Так, эксперты обозначили, что вначале был рост мигрантофобии, который сменился на сочувствие. А жители помогали мигрантам в этих сложных условиях.

Эксперты отмечали, что мигрантофобии рискуют трансформироваться в проявления ксенофобии, поскольку граждане могут путать трудовых мигрантов и представителей других этнических групп, которые проживают в России. Однако, по мнению экспертов, настороженность проявляется скорее в большей требовательности к культуре поведения, а не к желанию исключить людей из социума. Более того, реакция жителей региона на COVID-19 в 2020 г. показала готовность к солидарности и взаимопомощи.

Социум, столкнувшийся с угрозой (в том числе пандемией), может превратиться, по выражению В. Вахштайна, в «общество судьбы», т.е. сплоченное общество, где социальные связи помогут консолидировать усилия для борьбы с угрозой и пережить невзгоды. Это связано и с такими понятиями, как солидарность и коллективизм [1].

Ситуация с пандемией привела к сплочению различных этнических групп в 2020 г., что требовало консолидированного ответа и взаимной поддержки. Именно в 2020 г. мы

наблюдаем укрепление межнациональной солидарности, в том числе активную взаимопомощь от общественных структур, представляющих различные этнокультурные организации.

Историческая память, наличие символического капитала, в том числе в виде значимых фигур и событий, однозначно трактуемых жителями, совместных бед и достижений, наличия регионального языка, местных диалектизмов, которые благоприятно воспринимаются жителями – все это позволяет выстраивать социальные связи, формировать консолидированное сообщество. В некотором смысле к региональному сообществу можно применить теорию Ф. Барта, касающуюся устойчивости категориальных признаков этнических групп, когда их устойчивость обусловлена процессами исключения или включения членов в социум. Аналогично социальные факторы действуют в рамках сплоченных региональных социумов, обладающих устойчивой групповой идентичностью. Перед лицом общей угрозы происходило сплочение регионального сообщества без разделения по этническому признаку, что способствовало гармонизации межнациональных отношений и сохранению стабильности.

Однако затянувшаяся пандемия, сокращение числа социальных контактов, в том числе у трудовых мигрантов, искусственная капсулизация отдельных групп, усилила атомизацию общества, привела к снижению доверия, а внешние вызовы стабильности, когда необходимо дать ответ кто «свои», кто «чужие», усилили фрустрацию социума.

«Эпидемии сплачивают, пандемии – разобщают» [10]. Этот тезис Джереми Шапиро, специалиста по трансатлантическим отношениям и стратегическим вопросам, уже кажется очевидным. Локальные заражения и карантинные блокады городов «создают общее чувство миссии, дух окопного братства, ощущение, что невзгоды можно преодолеть вместе». Глобальные потрясения, напротив, «изолируют нас, заставляя бояться собственных соседей» [1].

Массовый опрос студентов воронежских вузов, проведенный в 2021 г по методике, разработанной в Институте этнологии и антропологии РАН, свидетельствовал о некотором росте общегражданской идентичности и сокращении региональной и национальной. Доля студентов с гражданской государственной идентичностью выросла в 2021 г., по сравнению с 2019 г., выросла с 73 до 75%, а с региональной идентичностью снизилась с 12% до 9,7%. Произошло и некоторое уменьшение относительной численности тех, для кого была значима этническая идентичность – 8,3% против 10% в 2021 г.

Данные опроса вызывают оптимизм, но в то же время, мы видим и меняющуюся реальность. В 2021 г. консолидация начала ослабевать, в обществе наметились расколы – между сторонниками и противниками вакцинации, между сторонниками QR-кодов и противниками, между теми, кто призывает к убийствам бездомных животных и их защитниками. Число разломов увеличивается. В Москве усилились антимигрантские настроения, что через федеральную повестку дня начало распространяться в регионы.

На состояние стабильности оказывали влияние международные и межнациональные конфликты в ряде стран, которые были отрефлексированы национальными общинами на местном уровне, что привело к необходимости поиска новых решений в управленческой сфере по предотвращению межнациональных конфликтов. Вмешательство государственных институтов и национальных лидеров на ранней стадии напряженности предотвратило конфликты между армянами и азербайджанцами (рефлексия Нагорного Карабаха), киргизами и таджиками (рефлексия столкновений между государствами).

Возврат к высокому уровню принимающей миграции влечет дополнительные риски:

1. Перенос международных конфликтов на российскую почву и локальный уровень.
2. Риски проникновения с трудовыми мигрантами экстремистов.
3. Последствия массовой инокультурной иммиграции и связанное с ней размывание национальной, государственной, культурной, политической идентичности, фрагментация

общества на множество отдельных социальных и этнических групп вплоть до угрозы столкновения между ними [10].

4. Экономические и социальные последствия, ухудшение социальной политики в отношении местного населения, вызванное существенным количеством беженцев и переселенцев из Донбасса.

Хотя демографическая ситуация и необходимость активного экономического развития показывают востребованность труда мигрантов, международная ситуация усиливает озабоченность безопасностью. Исследования, проводимые по методологии ИЭА РАН в 2019 г., показали высокую востребованность труда мигрантов на региональном рынке (86%), причем наиболее востребованы они в сфере благоустройства территории, торговли и общественного транспорта, что подтверждается и предложением вакантных мест. Именно эти сферы оказались под ударом в период самоизоляции. По исследованию 2019 г., Сети Этномониторинга зафиксировали, что самую высокую озабоченность и самый сильный отрицательный стереотип вызвали вопросы о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей, связанные с риском угрозы безопасности последних (33%) [5].

Опасения, связанные с безопасностью, по-новому прозвучали в 2022 г., когда регион стал принимать людей, эвакуированных из Донецкой и Луганской республик.

Хотя, как показывают проведенные в 2021 г. исследования, для Воронежской области не характерна ксенофобия, есть ряд факторов, которые могут вызывать негативное отношение, как к мигрантам, так и представителям различных этнических групп:

– конфликты в трудовой сфере между мигрантами различных национальностей;

– в связи с ограничениями московского рынка труда для мигрантов появление в регионе «национальных» такси с «московской моделью» поведения водителей;

– обострение отношений между Россией и Украиной, которое может сказаться на связях между проживающими в регионе русскими и украинцами;

– рост числа вынужденных переселенцев и вопросы социальной политики в период усиления санкций и ухудшения экономического положения;

– рост количества международных конфликтов и риски переноса их на региональную почву;

– риски проникновения в регион экстремистских организаций и криминальных структур;

– опасения распространения эпидемий и рост стремлений дистанцироваться;

– усиление конкуренции на рынке труда в целом.

Сохранение стабильности в условиях высокой напряженности общества – непростая задача. Для комплексного решения необходимо взаимодействие различных служб и направлений. Одним из способов снижения роли конфликтогенных факторов становится открытость в медиасфере, что позволяет лучше узнавать различные народы, вовремя заметить возникающие проблемы и противоречия; создание закрытых чатов для оперативных межгрупповых контактов.

В то же время, совместные переживания и совместная деятельность объединяет людей. Помощь мигрантам, совместно организуемая различными государственными, общественными структурами и диаспорами, позволяет формировать позитивные отношения между людьми без разделения на национальности.

Особую роль стоит отвести мониторингу межэтнической и религиозной напряженности, что позволит выявлять риски на ранней стадии и предложить пути по их минимизации.

В целом ситуация требует повышенного внимания к возникающим рискам, как в сфере безопасности, так и в сфере культурной адаптации приезжих к региональным условиям. И очень тонкой работы в медийном пространстве, поскольку в условиях общей напряженности и появления новых фобий, вызванных близостью государственной границы, важно предотвратить возникновение ксенофобии.

Литература

1. В России зафиксировали рост межнациональных и религиозных конфликтов // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20211025/konflikty-1756125644.html
2. *Вахштайн В.* Пандемия, страх, солидарность // Россия в Глобальной политике. 2020. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-strah-solidarnost/
3. *Емельяненко В*. Доля единства // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/02/18/vciom-bolee-80-rossiian-vysoko-ocenivaiut-mezhnacionalnye-otnosheniia.html
4. Миграционные потоки. 2021 г. URL: https://voronezhstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграционные%20потоки%20за%20январь-%20декабрь%202021%20г.pdf
5. Миграционные процессы в Воронежской области в 2020 году // URL: https:// voronezhstat.gks.ru/news/document/117926#
6. *Пантин В.И.* Вызовы глобальной безопасности В XXI в.: межэтнические и межцивилизационные конфликты // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2015. № 1-2. С. 111.
7. Патрушев назвал риски притока трудовых мигрантов // РБК: URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/617955989a794715fba43995
8. Портал правовой информации / Генпрокуратура РФ. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total
9. Свежий вопрос / ИОМ Квалитас. 2019. Ноябрь URL: http://www.qualitas.ru/ru/ publications/vopros/2019/November/svezhiy-vopros_578.html
10. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. Москва: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
11. *Шапиро Дж.* Трансатлантические отношения и коронавирус // Россия в глобальной политике. 23.03.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/

РАЗДЕЛ III

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ, ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ. ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП В РОССИИ

Образ и символы Татарстана в дискурсе региональных экспертов

Г.И. Макарова

Изменение характера регионализма в нашей стране, когда усилия элит субъектов Российской Федерации[1] постепенно сместились с политического позиционирования и продвижения территорий в сторону конструирования их узнаваемых образов-брендов, сделало актуальным изучение тех символов и смыслов, вокруг которых формируются эти бренды.

Данная статья призвана раскрыть специфику видения различными группами элит Татарстана образа этого региона (прежде всего, этнокультурного). Она основывается на интервью с местными экспертами, в качестве которых выступили представители региональной власти и чиновники, работники образования и культуры республики, организаторы досуговых пространств и фольклорных фестивалей, создатели частных проектов, связанных с туризмом и ресторанным бизнесом, производством сувениров и одежды с использованием этнических элементов, журналисты ведущих масс-медиа Татарстана, а также национальные и городские активисты[2].

В ходе интервью мы интересовались мнением экспертов по поводу репрезентации республики на официальном уровне в 1990-е и в 2000-е годы, а также принятых в РТ официальных брендов[3]. Однако в данной статье мы сконцентрируем внимание на представлениях самих интервьюируемых об этнокультурной специфике региона и его символах, а также на проявляющихся через эти представления интенциях различных групп элит республики.

Образ Татарстана в нарративах элит

Анализ рассуждений об образе Татарстана обнаружил разнообразие его трактовок. Выделим некоторые значимые коды.

Это прежде всего найденная еще в предыдущие десятилетия формула *территории межнационального и межконфессионального согласия, взаимовлияния традиций и культур*. Она подчеркнуто воспроизводится сегодня работниками региональных министерств и ведомств:

---

[1] Под элитами в данном случае мы будем, вслед за Л.М. Дробижевой, понимать «те слои и группы, которые в силу статуса в официальных институтах принимают стратегические решения или в силу своего авторитета непосредственно влияют на принятие этих решений» [2: 3].

[2] 30 полуформализованных интервью были проведены в 2016 г. (РФФИ, № 16-03-00071, рук. Г.И. Макарова). В 2018–2019 гг. они были дополнены 5 проведенными автором консультациями, направленными на уточнение ряда моментов, в связи с новыми аспектами выстраивания образа региона.

[3] См. об этом подробнее [3: 2].

«Это у нас…приоритет. <…> Я сама лично здесь вот тоже бьюсь, <…> когда мы запускаем какие-то такие фестивали, связанные с татарами. <…> Мы все время пытаемся сбалансировать» (№ 3, чиновник); «*Татарстан, конечно, он как раз перекресток всех культур»* (№ 21, чиновник). Лидеры национально-культурных обществ акцентировали вклад представляемых ими организаций в поддержание многообразия: *«…прививаем, пропагандируем, что, значит, у нас в Татарстане все народы… одинаково имеют право на сохранение языка и культуры, традиций своих народов»* (№ 13, представитель НКО).

Представители символьной элиты «подтягивали» аргументы из своей профессиональной сферы. *«В период Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского Ханства это был регион, где сосуществовали разные народы. <…>* – размышляет эксперт-историк: – *И вот это сочетание находит отражение во многих элементах – это проникновение культур и традиций в материальную культуру, это и процессы мусульманизации и христианизации…»* (№ 16, работник науки). В свою очередь, интервьюируемые, включенные в проекты в области инновационных технологий и творческих индустрий, подчеркивали важность кода дружбы народов для устойчивого экономического развития территории: *«Народы как Поволжья, так и народы мира, в том числе… стран СНГ… здесь добрососедски живут совершенно нормально и получают пользу от того, что они находятся именно здесь…* (Это – *Г.М.*) *обеспечивает… дает основу для надежных экономических отношений»* (№ 20, менеджер в сфере инноваций).

Развивая *идею собственно взаимодействия мусульманства и православия, русской и татарской культур,* региональные чиновники чаще склонны были трактовать ситуацию с точки зрения общества как целого: *«В Татарстане уживаются и мусульмане, и православные… и нет никаких, не знаю, проблем, нет никаких скандалов, нет никаких трений…»* (№ 17, чиновник). Работающие в сфере культуры подчеркивали значение проектов, выражающих идею символически: *«Однозначно, что проект возрождения Болгар и Свияжска, он вызывает очень большой интерес и на российском уровне, и на международном»* (№ 27, работник культуры). В то же время многие эксперты приводили здесь примеры из повседневной, часто личной жизни: «*…это скрещение как бы культур в нашей семье. Но это абсолютно для меня гармонично. Это всегда взаимное уважение и уважение всех традиций обеих как бы культур»* (№ 21, чиновник, представитель городских сообществ).

В тесной связи с обозначенным отдельными участниками исследования нарративом взаимодействия культур выстраивался и нарратив Татарстана *как территории мирного ислама, центра исламской культуры в стране*. Выделяющие данный код подчеркивали специфику ислама в Поволжье, его национальные и территориальные особенности, наделяли такими характеристиками, как «дружелюбный» и «толерантный», называя его «евроислам»: *«В чем вклад татарского народа в мировую культуру? По всем экспертным оценкам получился джадидизм* (реформированный ислам XIX–XX вв. – *Г.М.*)*»* (№ 14, работник культуры). Все это, по мнению ряда интервьюируемых, позволяет республике выступать в качестве площадки для обсуждения проблем современного мусульманства в стране и в мире, для налаживания отношений России с исламским миром.

Идея Татарстана как *центра татарской культуры и точки притяжения всех татар* продвигается в последние годы, прежде всего, активистами татарских общественных организаций. Их представители из числа молодежи аргументировали подобную позицию тем, что это единственное место в мире, где может поддерживаться культура данной этнической группы: *«Образ в первую очередь должен быть татарский, естественно. То есть, везде это должно позиционироваться на государственном уровне, что мы вот татарская республика. <…> Мне кажется, это более выигрышно в плане туризма, в плане государственной политики. <…> И мы* (руководители татарского молодежного движения – *Г.М.*) *себе избрали как бы путь развития городской татарской культуры, мы часто говорим – молодежной городской культуры»* (№ 29, представитель НКО).

Обозначенный код использовали и работники некоторых СМИ, стремящиеся представить республику как место памяти и сохранения идентичности татар, глобального распространения татарской культуры: *«Мы объединяем всех татар, которые живут на планете Земля»* (№ 24, журналист). Наконец, подобный модус репрезентации региона был свойствен тем, кто осуществляет свои частные («татарские») проекты в области туризма, дизайна, общественного питания.

Нужно отметить, что характеристика республики как *развитого экономически и инвестиционно привлекательного региона России,* не имеющая на первый взгляд отношения к ее этнокультурному образу, также связывалась в дискурсе элит с социокультурной спецификой территории и выводилась из регионального культурного наследия. *«Люди воспринимают себя через ремесло, через оттачивание навыка, стремление быть лучшим по какой-то оценочной шкале. Отсюда эта работоспособность, это постоянное стремление докрутить»* (№ 4; работник креативных индустрий, чиновник). Динамизм развития Татарстана и относительно высокие темпы модернизации отдельные эксперты объясняли издавна свойственным жителям территории родом занятий: *«Поскольку это… торговые люди, торговый город… в Татарстане и в Казани все происходит примерно в той же скорости, что и в Москве, то есть быстро»* (№ 28, работник культуры, представитель городских сообществ).

И в довершение отметим, что многие эксперты определяли образ Татарстана через ту роль, которую он играет для страны. Одни из них – главным образом, вышедшие на политическую арену республики еще в 1990-е гг. – продолжали (во всяком случае, на момент проведения интервью) трактовать его как *регион, с которым связано развитие российского федерализма*. Они напоминали, что именно Республике Татарстан удалось установить особые договорные отношения с центром и разработать собственную модель этнокультурной политики. Соответственно, даты этих событий артикулировались ими как основные: *«Когда мы обсуждали Проект <…> Декларации о государственном суверенитете в 90-м году… одним из самых основных для нас… был вопрос статуса республики. <…> Но вдруг… проблема всплыла по выравниванию языка. <…> Одним из первых законов тогдашнего парламента Верховного совета был… Закон о языках народов Республики Татарстан* (1992 г. – *Г.М.*)» (№ 2, чиновник).

Другие интервьюируемые связывали данную роль республики в стране с древней историей края, определяя Татарстан как *территорию исторических корней российской государственности, уникального развития православия и русской культуры.* Данный нарратив использует ставшую популярной в последние годы идею преемственности российского государства от Золотой орды (при этом земли, относящиеся сегодня к Татарстану, трактуются как значимая в прошлом ее составляющая): *«Повторяю, правопреемник Золотой Орды – это Россия»* (№ 25, журналист). Ряд экспертов – прежде всего занятые в «русских проектах» – выдвигали код республики как *места особого*, отличного от наблюдающегося в других регионах страны, *развития русской и православной культуры* (в соседстве и взаимодействии с мусульманской и татарской), а также *«уникального синкретизма русско-татарской культуры»* (№ 30, чиновник). В связи с этим выделялась знаковая роль воссоздания Собора Казанской иконы Божьей Матери, значимость восстановления других соборов Казани, Свияжска и *«уездных городов»* – Елабуги и Чистополя. Подчеркивалась также специфика местного русского фольклора: «*Последние несколько лет мы активно занимаемся изучением и сохранением… даже этническими аранжировками песен Казанской губернии, потому что они отличаются. Они отличаются тем, что из-за близости там с татарской музыкальной культурой, они совершенно другие»* (№ 28, работник культуры, представитель городских сообществ).

Таким образом, в ходе исследования была обнаружена *множественность* видения элитами республики ее образа. На первый взгляд, такого рода видение может показаться неустоявшимся, эклектичным. Но при анализе применяемых экспертами характеристик становится очевидным объединяющий характер *дискурса Татарстана как особого, уникального региона России*. Кроме того, сама выявленная *дискретность образа, складывающегося из многого и разного,* соответствует специфике культуры данной территории, определяемой рядом исследователей как *синкретическая*. Расположение на пересечении Востока и Запада, Европы и Азии, вхождение поочередно в состав золотоордынской, а затем российской империй породили культуру адаптивную и подвижную, которая быстро перерабатывает «чужое», делая «своим» [1: 177], и за счет этого постоянно обновляется.

Символы республики в трактовке региональных экспертов

Рассмотрим далее, в какой мере представления о регионе проявились в выделяемых экспертами его символах. Их можно классифицировать следующим образом[4].

1. Историко-культурные места Татарстана и его столицы – Казанский кремль (с башней Сююмбике, мечетью Кул-Шариф и Благовещенским собором), Старо-Татарская слобода, Богоявленский собор с его колокольней и Собор Казанской иконы Божьей Матери, Болгары и Свияжск, Биляр, достопримечательности Елабуги, Чистополя, Тетюш. Все они в совокупности могут трактоваться как выражение формулы паритета в республике татарской и русской культур, ислама и православия (*«Кремль… – визитная карточка города. На самом деле ярко отражена вот эта культура, история Казани, история слияния, в том числе и религий… − мусульманства и православия»* (№ 18, менеджер в сфере инноваций); *«культурный код Казани − это именно церковь и мечеть рядом»* (№ 14, работник культуры, представитель городских сообществ).

2. Связанные с официальной символикой Республики Татарстан – герб и изображенный на нем Ак Барс, флаг (зелено-бело-красный триколор), гимн республики, изображенный на гербе Казани Зилант, а также политические лидеры недавнего прошлого и настоящего – М.Ш. Шаймиев и Р.Н. Минниханов – и двуязычие. В определенной мере данные символы можно считать отражением идеи субъектности региона в составе РФ *(«Триколор не обязательно в формате флага, а вот триколор, вот он должен быть. <…> Это ни татарский, ни русский, это вот Триколор Татарстана. Здесь никто не будет против, это никого не обидит… Сразу ассоциация с Татарстаном»* (№ 5, работник креативных индустрий).

3. Связанные с традиционной татарской культурой символы – курай, моң (характерная для татар манера пения), пентатоника, татарский орнамент (в частности, тюльпан), костюм (в первую очередь тюбетейка, а также калфак) и танец, Сабантуй и Шурале, *«дома в татарской деревне»* (№ 5, работник креативных индустрий), блюда национальной кухни – треугольник, чак-чак, кыстыбый (назывались и современные предприятия общественного питания, специализирующиеся на их изготовлении – *Бахетле* и т.д.). К ним добавлялись отдельные исламские символы (полумесяц и др.). Все это – знаки, связанные с кодом Татарстана как центра татарской, а также исламской культуры в России (*«…либо тюльпан, либо наш орнамент, который тоже цветочный… Ну, еще что? Полумесяц очень хороший знак, но связанный все-таки с религией… Хотя мне очень нравится… полумесяц, в нем очень много энергии и силы»* (№ 6, разработчик креативных индустрий).

[4] Данная классификация относительна, поскольку многие символы можно отнести сразу к нескольким группам.

4) Деятели татарской истории и культуры – поэты Кул Гали, Мухаммадьяр, Г. Тукай, М. Джалиль, Р. Минуллин, правители Казанского ханства (в том числе царица Сююмбике), религиозный деятель Кул Шариф, просветитель и богослов Ш. Марджани, ученый-богослов М. Бигиев, композитор С. Сайдашев, и др. – также могут презентовать названный выше код республики (*«Кул Шариф, поэт Мухаммадьяр, правители Казани, та же Сююмбике – это образы, которые известны большинству»* (№ 16, работник науки).

5. Представители русской, советской и российской истории, науки, культуры, чья деятельность связана с данной территорией – Е. Пугачев, Н. Лобачевский, Н. Ильминский, И. Шишкин, Ф. Шаляпин, М. Цветаева, Б. Пастернак, В. Ленин, Е. Завойский и др. Их имена, отмеченные в качестве символов, представляют регион как часть страны, общероссийского историко-культурного пространства, а также как место сохранения и развития русской культуры (*«Для меня как бы вот персонаж, который, так сказать, с Татарстаном* (связан – *Г.М.*) – *Ильминский… Ленин, конечно… Это же тоже, в общем-то, здесь же все рождалось, как это ни странно может показаться»* (№ 15, работник культуры).

6. Проходящие в республике этнические и культурные фестивали и праздники – Сабантуй (в данном случае в качестве общереспубликанского мероприятия), фестиваль «Крутушка» и фестивали современных творческих индустрий, ансамбль «Оберег», Спасская ярмарка. Они представляют регион как полиэтничный и многокультурный (*«У Татарстана почему-то имидж региона, который умеет работать с этнокультурой – через «Оберег», «Крутушку» и так далее. «Крутушка», в общем-то, самостоятельный бренд этнического фестиваля, сделанного правильно»* (№ 28, работник культуры, представитель городских сообществ).

7. Казанский университет, а также чалма, свиток, книга и некоторые другие коды территории как давнего и современного центра образования и студенческой жизни (*«Для меня это свиток, письменность. Свиток как символ образованности и культуры»* (№ 10, работник образования); *«Университет – это вот тоже культурный код Казани, и один из первых, третий в России, да»* (№ 14, работник культуры, представитель городских сообществ); *«…именно появление Казанского Университета сильно изменило и сегодня меняет образ Казани. Ведь это город… молодежи, у нас очень много студентов»* (№ 16, работник науки).

8. Современные объекты Татарстана и его столицы (стадион Казань-арена, студгородок Деревня Универсиады, новый терминал аэропорта), *«современный мегаполис»* – Казань с развитой инфраструктурой и достаточным *«количеством комфортных гостиниц»* (№ 18, менеджер в сфере инноваций), Иннополис, *«высокоиндустриальный технологический район»* Закамье (№ 18, менеджер в сфере инноваций) – призваны продвигать регион как передовой, инвестиционно привлекательный центр инновационного развития. Нужно, однако, заметить, что их называли лишь единицы экспертов. Другие, даже выделявшие обозначенный код репрезентации, переходя к вопросу о символах, чаще начинали перечислять объекты, связанные с иными идеями и смыслами. Это может быть обусловлено тем, что на период проведения интервью новые объекты еще не успели стать знаковыми для города и республики, недостаточно «раскручены», либо пока не выполняют возложенные на них функции в полной мере.

Анализ данных, полученных в ходе интервью, а также более поздних консультаций со специалистами позволил выделить *новые тренды в репрезентации образа Татарстана*. Первый из них связан с *вовлечением в процесс регионального брендирования* и шире – в новые экономические и социокультурные проекты – помимо *столицы республики, других ее городов и районов, в которых выделяются свои символы, знаковые места, события*: *«С учетом специфики каждого района пишется, вот, на чем как раз эти культурные коды* (района выстраивать – *Г.М.*), *на чем сделать… пиар. <…> Сейчас нас даже многие главы администраций к себе приглашают – давайте разработаем. Вот мы ездили там, в*

Кукморский район, в Тетюшский район, в Елабугу, в Чистополь, в Менделеевск» (№ 14, работник культуры, представитель городских сообществ). И еще цитата: *«Чистополь, Елабуга, Тетюши… Там есть профессиональные энтузиасты, которые работают. <…> Они начали развивать туризм. В Елабуге огромная Спасская ярмарка проходит в августе месяце, куда до ста тысяч людей приезжают»* (№ 17, чиновник).

Об актуальности данного направления, призванного преобразовать социокультурную среду малых и средних городов и поселков республики, способствовать созданию в них новых рабочих мест и, соответственно, формированию локальных лояльностей, сказывающихся в том числе на выборе населением, особенно молодежью, места жительства, свидетельствуют публичные встречи и обсуждения последних лет[5]. В частности, этой теме было посвящено проходившее 25 октября 2018 г. мероприятие «Жизненные стратегии татарстанской молодежи: где жить и работать?», в котором приняли участие (представители Министерства по делам молодежи и Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан), HR-специалисты, психологи, урбанисты, руководители ряда новаторских проектов Татарстана. О том, что молодежь уезжает из средних и малых городов, поскольку те *«испытывают кризис идентичности»*, и в них нет сложившейся локальной культуры, размышляла и одна из консультантов (2018).

Особо артикулируется в настоящий период и необходимость *социокультурного преобразования сел Татарстана*. Уже в ходе проведения интервью 2016 г. один из экспертов отмечал: *«Сейчас ведь в райцентрах все по-другому. Вот я в 2001 г. в Казань приехал. На улицах Казани цветы не росли. Вот в райцентрах сейчас тоже появились, это ведь мы воспитываем, ну, мы должны воспитывать, мне кажется, культурного человека. Культурный человек он во всех вопросах, мне кажется, дипломат…»* (№ 13, представитель НКО). «*Вопрос про систему сельского образования, сельского здравоохранения. Что в этом важно?* – размышляет другая интервьюируемая. – *Люди сумели заткнуть дыры совсем чудовищные, которые были. И сейчас начинают… задавать вопросы и пытаться придумывать новые, отвечающие вызовам времени, модели управления»* (№ 4, работник креативных индустрий, чиновник).

Все отмеченное касается также *периферийных зон городов Татарстана*. На примере Казанской агломерации выделим направления включения пригородов в процессы брендирования и регионального социокультурного развития:

1) строительство городов-спутников, представляющих регион как центр современных технологий – инновационного наукограда Иннополис и делового квартала «СМАРТ сити» (в первом начали функционировать университет, ИТ-лицей и другие учреждения, во втором – Международный центр выставок и конференций Казань-экспо и др.);

2) задействование в туристических маршрутах Казани, связанных с культурным наследием объектов, расположенных в Казанской агломерации – Острова-града Свияжск, Раифского Богородицкого монастыря, комплекса «Иске-Казан» и других, а также за ее пределами – музейных комплексов, посвященных жизни и творчеству Г. Тукая и т.д.;

3) организация и проведение в окрестностях Казани этнических фестивалей и праздников – «Каравон», «Крутушка», «Сабантуй» и др.;

4) включение входящих в состав Казанской агломерации татарских, русских и кряшенских сельских населенных пунктов в маршруты этнического и сельского туризма (с. Атабаево, с. Ташкирмень, с. Никольское, дер. Ямашурма и др.);

5) развитие рекреационного туризма в пригородах столицы республики – горнолыжный комплекс «Казань», велопоходы в с. Каймары и на Голубые озера и т.д.

---

[5] См.: На ток-шоу в КФУ рассмотрели вопросы миграции татарстанской молодежи // Медиапортал КФУ. 25.10.2018. URL: https://media.kpfu.ru/news/na-tok-shou-v-kfu-rassmotreli-voprosy-migracii-tatarstanskoy-molodezhi (дата обращения: 02.09.2019).

Проведенные интервью и консультации позволили также обозначить следующие возможные социокультурные последствия вовлечения пригородных зон в обозначенные процессы:

1. Влияние на сохранение аутентичности распложенных в пригородах объектов культурного наследия. С одной стороны, закрепление их в виде республиканских проектов способствует своевременному проведению реставрационных работ. С другой – превращение памятников культуры в туристические комплексы неизбежно влечет за собой трансформацию геокультурного ландшафта таких мест.

2. Некоторая унификация локальной культуры в результате развития этнического туризма. Эксперты и консультанты признавали, что из множества разнообразных культурных элементов при этом отбираются единичные и они лишаются характерного для них контекста бытования.

3. Среди позитивных аспектов включения прилегающих к Казани территорий в региональные проекты отмечался рост в них рабочих мест, совершенствование инфраструктуры и постепенное формирование новой культурно-досуговой среды, что может препятствовать «вымыванию» из региона молодого активного населения.

4. Строительство центров современных технологий, в свою очередь, способствует привлечению в республику новых перспективных кадров.

5. Отдельными экспертами акцент делался на тех возможностях, которые приобретают при этом жители городского центра, для которых формирование в зоне доступности новых мест рекреации, занятий спортом – насущная необходимость.

6. Респондентами и консультантами приводились также примеры стимулирующего влияния подобного рода стратегий на инициативы местных жителей по сохранению природной среды, истории и культуры мест своего проживания.

Литература

1. *Донина Л.Н.* Истоки мотивов и принципов орнаментации в татарском декоративно-прикладном искусстве: на примере чеканки и резьбы // Искусство резьбы по дереву в тюркском мире: история и современность. Материалы Междунар. симпозиума / под ред. Р.Р. Султановой. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017. С. 177–185.
2. *Дробижева Л.М.* От составителя // Говорит элита республик Российской Федерации: сто десять интервью Леокадии Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 3–9.
3. *Макарова Г.И.* Этнокультурный образ Татарстана и его продвижение в региональном брендинге: стратегии и оценки элит // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 128−145.

Социокультурные императивы русских Татарстана в XXI веке (по материалам этносоциологических исследований)

В.Е. Козлов

Русское население ТАССР, ставшее объектом систематического этнографического изучения со второй половины 40-х до середины 60-х годов XX в. – исследовалось почти исключительно в рамках историко-этнографического подхода [6]. Предметом научного интереса являлась, в первую очередь, материальная культура поволжских великороссов, составлявшая, согласно доминировавшим методологическим принципам исторического материализма, основу для формирования данной историко-этнографической группы [2: 16–17]. В 1967–1968 гг. в республике было осуществлено первое в Советском Союзе комплексное этносоциологическое исследование, организованное этносоциологами Института этнографии АН СССР, цель которого заключалась в том, «чтобы, соотнеся этническое и социальное, показать своеобразие этнических процессов в разных социальных средах и социальных ситуациях» [1: 3].

Поставленные авторами исследования задачи включали в том числе – изучение изменения национальных интересов и их связь с социальными [1: 4]. Под национальными интересами руководитель исследовательской группы Ю.В. Арутюнян понимал стремление к «сохранению своей нации, культуры, языка, государственности» [1: 4]. Таким образом, фактически впервые в советской этнографии был переосмыслен ключевой методологический постулат, рассматривающий культуры народов СССР как «этнические по форме и социалистические по содержанию» и закрепленный в Третьей Программе КПСС 1961 г. положением о решающем значении развития социалистического содержания культур народов СССР, которому партия должна содействовать путем их дальнейшего взаимообогащения, сближения, укрепления интернациональной основы, тем самым формируя основу будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества [9: 3].

Преодоление догматизма, доминировавшего в советской этнографии того периода, стало не единственным серьезным достижением участников этносоциологического исследования в ТАССР. По итогам аналитической обработки полученных материалов были расширены понятийные рамки описания этнического, введены в научный дискурс понятия, ранее практически не использовавшиеся советскими гуманитариями. К таковым, например, относится понятие «национальные установки», к которым Л.М. Дробижева причисляла и «отношение к различным национальным ценностям, в том числе элементам собственной и иной культуры» [4: 25]. Стоит отметить, что русские в данном проекте выступали как часть более широкого объекта исследования – многонационального населения ТАССР. Тем не менее полученные данные, обобщенные в итоговой монографии, позволили сформировать представление о культурных ценностях современных русских как одной из двух основных этнических групп республики [10]. Тем самым было задано новое направление в изучении этнических общностей, ориентированное на исследование и анализ актуальных социокультурных потребностей.

Этнографы Казанского университета с 1970-х годов расширили круг научных интересов в изучении русского населения края, включив в него вопросы социальной культуры и межэтнического взаимодействия, в частности межэтнической брачности. В то же время изучение современности вплоть до начала 1990-х годов не являлось значимым направлением в работах представителей «казанской этнографической школы». В постсоветский период произошла значительная ротация научно-исследовательской проблематики, обу-

словленная кардинальными изменениями политической и социально-экономической ситуации в стране. Проблема межэтнических отношений стала одной из центральных в первое постсоветское десятилетие.

При общем снижении интенсивности научных изысканий на территории Республики Татарстан было реализовано несколько крупных этносоциологических исследований, охвативших широкий спектр актуальных проблем, включая этническую и религиозную идентичность, социальную и культурную дистанцию в этнических группах, восприятие федерализма в субъектах Российской Федерации и др. [5]. Вместе с тем русские Татарстана как самостоятельный объект изучения фактически исчезли из фокуса научного интереса даже в традиционном для местных ученых этнографическом дискурсе. Редкие работы, посвященные русскому населению, появлявшиеся в 2000-х годах, были исключением и носили либо реферативный характер [3], либо анализировались отдельные аспекты, касающиеся, например, культурной политики в регионе [8]. Подобная тенденция сохраняется и до настоящего времени [11], что актуализирует проблему систематического и всестороннего изучения русского населения республики, особенно в свете закрепления в 2020 г. в Конституции Российской Федерации за русскими статуса «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [7: 23].

С 2013 г. этнологами Казанского университета начали проводиться комплексные исследования состояния межэтнических отношений в Республике Татарстан, а с 2015 года – изучение продолжилось уже совместно с сотрудниками Центра исследования межнациональных отношений Института социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. В рамках данного проекта изучается круг актуальных вопросов, касающихся этнической, религиозной и гражданской идентичности, языкового поведения и социокультурных предпочтений жителей республики, восприятия ими общего состояния межэтнических отношений в Татарстане, а также отношения к мигрантам. Выборочная совокупность для массового опроса ежегодно составляла 2000 респондентов и формировалась на основе сведений Всероссийской переписи населения 2010 г. Таким образом, при составлении базы данных доля респондентов, отнесших себя к русским, колебалась в пределах 39,7–42% от общего числа опрошенных, а в абсолютных показателях от 793 до 860 человек, что позволяет говорить о достаточно высокой репрезентативности полученных данных при анализе ответов в группе русских.

Кроме того, в ходе исследований проводились глубинные интервью с представителями различных этнических групп, проживающих в республике, включая и русских. Предваряя дальнейшее описание, поясним, что под социокультурными императивами автор понимает широко трактуемый круг актуализированных аспектов повседневности, имеющих этническое измерение, в том числе таких как восприятие близости с представителями своей национальности, степень удовлетворенности потребностей в использовании родного языка, проблематизация респондентами культурных потребностей в контексте межэтнических отношений. Оговоримся, что в основу анализа положены результаты последнего исследования, проводившегося в 2021 г., но поскольку описываемое явление носит динамический характер, использовались данные предыдущих аналогичных исследований, при условии тождества формулировок вопросов, что требуется для корректного сопоставления результатов. Также для более точного понимания степени выраженности той или иной позиции у русских респондентов мы использовали группу татар в качестве референтной.

Итак, одной из тем исследования выступала проблема оценки уровня этнической солидарности, оцениваемая посредством утвердительных или отрицательных ответов на предложенные вопросы (табл. 1)

Таблица 1

Оценка уровня этнической солидарности русскими Татарстана, %

Год опроса	Как Вы считаете, в наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности?		
	да	нет	затрудняюсь ответить
2020	53,9	31,7	14,4
2021	52,7	34,3	13,0

Как видно из представленных результатов, примерно половина русских республики стабильно подтверждает, что человеку важно ощущать себя частью своей национальности. Для сравнения: у татар этот показатель составлял в 2020 и 2021 г. 68,3 и 65,9% соответственно. Можно заметить, что у русских этот показатель заметно ниже и, по всей видимости, отражает в целом более низкую потребность в этнической идентификации, чем у представителей титульной этнической группы.

Эта тенденция сохраняется и в ответах на вопрос об интенсивности персональной актуализации этнической идентификации, в частности, доля тех, кто *часто* ощущает близость с представителями своей национальности в группе русских составила чуть более 40%, что почти на 15 процентных пункта ниже, чем в группе татар (табл. 2).

Таблица 2

Интенсивность актуализации этнической идентификации у русских и татар Татарстана, %

Национальность	Насколько часто Вы ощущаете общность, близость с людьми Вашей национальности?			
	часто	иногда	никогда	затрудняюсь ответить
Русские	41,7	40,7	11,2	6,4
Татары	56,5	35,0	5,3	3,2

Каузальным императивом этнического самосознания, способным влиять на его общий уровень, являются те элементы этнической культуры, которые рассматриваются большинством членов группы в качестве примордиальных, т.е. онтологически важных для ее существования и, как правило, одним из таковых выступает язык. В ходе исследования рассматривались и вопросы, связанные с восприятием респондентами доступности реализации потребности в использовании родного языка. Поскольку категория «родной язык» имеет различные интерпретации как в научном, так и бытовом употреблении, то ее использование для проведения сравнения применительно к референтной группе татар в данном случае может иметь незначительный коррелирующий показатель в отличие от группы русских, в которой понятия «родной язык» и «русский» практически тождественны (табл. 3).

Для сравнения можно указать, что в 2019 г. использовалась аналогичная формулировка вопроса и доли респондентов русской национальности, в целом удовлетворенных использованием родного языка в различных сферах культуры и образования, находились на тех же уровнях, колеблясь в пределах ошибки выборки. В группе татар по данному вопросу, согласно данным 2021 г., заметны отличия среди тех, кто отметил, что его потребности в использовании родного языка в различных сегментах культуры не удовлетворены. В среднем эта доля составила разницу с аналогичной в группе русских в три и более раза. Наибольшая разница была в категории «использование родного языка в школьном образовании» – 27% против 5,9% в группе русских и высшем образовании – 33% и 4,9% в группе русских соответственно.

Таблица 3

Степень удовлетворенности потребности в использовании родного языка у русских Татарстана, %

Насколько удовлетворены или не удовлетворены Ваши потребности в использовании Вашего родного языка?	Опросы					
	на радио	на ТВ	в прессе	в сфере культуры	в школьном образовании	в высшем образовании
В целом удовлетворены	92,9	83,2	91,6	94,1	88,8	90,0
В целом не удовлетворены	4,6	5,2	6,2	4,3	5,9	4,9
Затруднились ответить	2,5	11,6	2,2	1,6	5,3	5,1

То есть абсолютное большинство русских республики, особенно в сравнении с респондентами татарами, не испытывает сложностей с удовлетворением своих культурных потребностей посредством использования родного языка. Это подтверждается и ответами на вопрос о тех аспектах в сфере межнациональных отношений, которые волнуют респондентов в настоящее время. При ответе можно было выбрать до трех вариантов, поэтому итоговый подсчет производился от общего числа всех данных респондентами ответов (табл. 4).

Как видно, проблемы сохранения родного языка и недостаточной поддержки культуры своего народа заметно уступают у русских в актуальности проблеме культурной дистанции с мигрантами и вопросам дискриминирующего межэтнического взаимодействия, в том числе с участием СМИ. При сравнении результатов, полученных по этому вопросу в группе татар, заметны расхождения как раз в вопросах, касающихся языка и поддержки культуры. Так, отметили проблему сохранения родного языка в качестве актуальной для себя 32,8% респондентов татар, а недостаточную поддержку культуры своего народа – 10%. Если в последнем случае разница между позициями русских и татар не столь существенна, то в оценках ситуации с сохранением родного языка разница достигает 25 процентных пункта и свидетельствует о высокой актуализации языковой темы для представителей титульной этнической группы. В то же время, согласно результатам ответов респондентов в группе русских, степень актуальности проблемы сохранения родного языка в 2020 г. была чуть выше, но в пределах погрешности выборки – 8,3%, а проблема «недостаточности поддержки культуры своего народа» находилась на том же уровне, составляя 6% от общего числа данных ответов.

Таблица 4

Проблемы в сфере межнациональных отношений, волнующие русских Татарстана, %

Что на сегодняшний день в сфере межнациональных отношений беспокоит Вас больше всего?	Полученные результаты
Проблема сохранения родного языка	7,7
Большое количество инокультурных мигрантов	22,9
Влияние национальности при устройстве на работу	11,1
Ущемления, оскорбления по национальному признаку	15,2
Недостаточная поддержка культуры моего народа	6,2
Искажение характера межнациональных отношений в республике в СМИ	15,1

Подводя общий итог представленным выше результатам, можно сделать вывод о том, что вопросы социокультурной атрибуции, оставаясь значимым элементом персональной

этнической самоидентификации, в настоящее время у русского населения республики актуализированы в меньшей степени, чем факторы межэтнического взаимодействия как с титульной этнической группой, так и обобщенной группой «мигранты».

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР) // Советская этнография. 1968. № 4. С. 3–14.
2. *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 592 с.
3. *Гараева Л.А.* Традиционная русская культура в полиэтничном Татарстане. Казань, 2001. 28 с.
4. *Дробижева Л.М.* Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии) // Советская этнография. 1974. № 4. С. 15–26.
5. *Дробижева Л.М.* Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России. М., 1998. 385 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. 480 с.
6. *Козлов В.Е.* Методологические проблемы репрезентации территориальных групп современного русского населения // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 4. С. 31–42.
7. Конституция РФ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. М., 2020. 96 с.
8. *Лучшева Л.В.* Влияние культурной политики на этносоциальные процессы русской части населения Республики Татарстан: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2006. 23 с.
9. Советская этнография накануне XXII съезда КПСС // Советская этнография. 1961. № 4. С. 3–8.
10. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. 331 с.
11. Традиционная культура русских Республики Татарстан: материалы и исследования: кол. моногр. / отв. ред. А.В. Черных. СПб., 2021. 552 с.; *Крот Н.С.* Демографическое поведение русского населения Республики Татарстан: традиции и современность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2021. 25 с.

Социальная защита, здоровье и репродуктивное поведение женщин-мигранток в Татарстане

Т.А. Титова, Е.В. Фролова

Социальная проблема здоровья мигрантов с каждым годом привлекает к себе все большее внимание. Несмотря на то, что приток мигрантов в Россию неуклонно растет, такие важнейшие аспекты, как социальная защита, здоровье и репродуктивное поведение этой группы населения остаются проблемными.

Актуальность данного вопроса очевидна. Остроту проблеме добавляет и процесс феминизации миграционных потоков. Вкупе с недостатком информации он обусловливает актуальность отдельного изучения социальных проблем женщин-мигранток.

В ходе данного исследования были проанализированы глубинные интервью с мигрантками, проживающими на территории Татарстана, с целью определения уровня их социальной защищенности, здоровья и репродуктивного поведения. В исследовании приняли участие женщины азербайджанской, киргизской, таджикской и узбекской национальностей.

Важнейшим социальным правом мигрантов является доступ к образованию. Система мер социальной защиты РФ гарантирует мигрантам возможность получения образования различного уровня. Прием в дошкольные заведения детей мигрантов осуществляется на одинаковой основе с детьми – гражданами РФ при предоставлении справки о временной или постоянной регистрации родителей. Согласно результатам исследования, более половины женщин-мигранток не осведомлены о своих правах в данной сфере. Так, потребность в услугах детского сада высказывает большинство респонденток, имеющих детей дошкольного возраста, а фактически пользуется данными услугами только пятая часть опрошенных. Такая ситуация связана с тем, что плохо информированные о своих правах мигрантки по различным причинам не оформляют своих детей в детский сад. В частности, некоторые респондентки полагают, что услугами детского сада они могут воспользоваться только после получения гражданства РФ: *«Нелегко, конечно, но что поделаешь? В садик детей отдать не могу, так как нет пока российского гражданства»* (26 лет, узбечка, трое детей); «*В детский сад я не слышала, чтобы наши отправляли, только в школу вроде»* (20 лет, узбечка).

Только четверть опрошенных женщин можно считать достаточно ориентированными в вопросе устройства ребенка в детский сад. Данная группа мигранток осведомлена о перечне необходимых документов и об условиях постановки ребенка в очередь на место в детском саду: *«Два года назад сюда приехала, в очередь поставила. Сейчас приехала – уже очередь моя пришла. В саду устроила. <…> Сыну три годика. Про очередь все знала. Я затем сюда и приезжала»* (28 лет, таджичка, один ребенок).

Право на школьное образование в РФ имеют все дети школьного возраста, находящиеся на территории страны. Согласно анализу интервью, все мигрантки информированы о том, что их правовой статус не влияет на доступ ребенка к получению школьного образования. О такой возможности женщины узнают не в силу своей юридической подкованности, а на основе опыта других женщин-мигранток.

В целом мигрантки в Татарстане не испытывают сложностей с поступлением детей в школьные учреждения. Даже языковой барьер не становится причиной отказа при приеме детей в школу: *«Как дети в школу поступали? Их просто взяли учиться в национальной группе и на класс ниже взяли тут. Моя мама татарка, а отец узбек, муж был таджиком, дети выросли более-менее в русской среде»* (40 лет, таджичка, трое детей).

Несмотря на то, что большинство мигранток не встретились с проблемами в процессе приема детей в школу, отдельные женщины все же отметили определенные трудности в этом вопросе. По мнению некоторых респонденток, оформление детей в школу сопровождается существенными финансовыми расходами. Под финансовыми расходами женщины

подразумевали траты на оформление необходимого пакета документов, часто даже более внушительного, чем того требует закон. Скорее всего мигрантки встречались с требованиями школьной администрации, которая часто запрашивает документы о регистрации ребенка и родителей, что по закону не является обязательным. Правовая безграмотность мигранток не позволяет им в полной мере сориентироваться в данном вопросе: *«Со школой проблемы есть, потому что документов туда много надо и денег очень много надо. И детей оформлять, и себя, ну вот ладно я одна, и мне легче. А если сейчас мама с братишкой приедут, то это будет намного сложнее. С документами очень много проблем, туда очень много денег нужно»* (20 лет, узбечка).

Правовая система РФ дает возможность мигрантам получать среднее специальное и высшее образование в российских учебных заведениях. Анализ интервью свидетельствует о том, что абсолютное большинство опрошенных считает перспективным получение высшего образования именно в России: *«Мой сын всегда хотел в России учиться. Почему – не знаю. Но мои, так сказать моя родня, тоже вся в России учились. У меня брат самый старший учился в Ленинграде, остался и там живет. Потом следующий учился и в Иваново живет. Братишка вот в Костроме. Знакомых тоже много»* (48 лет, киргизка).

По замечаниям отдельных респонденток, популярность российского образования среди мигрантов стремительно растет: *«У меня два высших образования. Я ведь не просто так училась, я была отличницей, активисткой. Хотя раньше вообще редко можно было увидеть ребят других национальностей или мигрантов. Это сейчас они есть, особенно на юрфаке»* (31 год, азербайджанка).

Стремление мигрантов к получению высшего образования в России объясняется желанием получить высокооплачиваемое место работы. По мнению респонденток, только российское образование может гарантировать последующее успешное трудоустройство.

Систему образования в России большинство опрошенных оценивает положительно. Респондентки отмечают, что не испытывали затруднений при подаче документов в российские вузы и проходили вступительные испытания на общих основаниях: *«Когда брат поступил, я посмотрела на то, чем он занимается, мне понравилось это все, как он рисует, мне стало интересно, меня записали тоже в художку, начала ходить. Потом подготовительные курсы, и я тоже поступила на архитектора без проблем. Теперь у меня последний год, пишу диплом»* (21 год, азербайджанка)*; «Я документы в КФУ подала, хотя это была программа для русских или татар, ну еще, конечно, на оценки смотрели, на знание русского языка. И меня взяли»* (24 года, таджичка).

Мигрантки из стран Средней Азии также замечают, что система образования в России выгодно отличается от системы образования на их родине: *«В Узбекистане так: знакомства, знакомства, денег не даешь – никто никуда не возьмет, уважения не будет, ничего не будет. Здесь такого не видела я»* (35 лет, узбечка); *«Я вот почему сюда приехала поступать: у нас, чтобы поступить в обычный вуз, родители должны заплатить 3–4 тысячи долларов. Просто чтобы какой-то преподаватель мне типа помог, а потом я еще училась на платном и платила за все зачеты и экзамены. Там открытая коррупция, нет такого, как в России, что кто-то учится своим умом»* (20 лет, узбечка).

Примерно четверть опрошенных испытывали какие-либо трудности в процессе реализации права на высшее образование. В частности, неоднократно отмечался факт предвзятого отношения со стороны организационных структур высших учебных заведений в Татарстане: *«Иностранный деканат – они не любят таджиков, не понимаю, почему. Я вот даже была активисткой, но толку от этого. При первой же проблеме они от меня отвернулись. И даже в этом году в аспирантуру я не поступила из-за иностранного деканата. Столько плакала, они так относились ужасно. Вообще иностранным студентам*

здесь тяжело. Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан – вот этих не любят. Моей подруге, таджичке, в иностранном деканате прямо сказали: "Вот зачем вы, таджики, приезжаете, все равно не доучиваетесь, и отчисляют вас"» (24 года, таджичка).

Отдельные респондентки к числу проблем отнесли сложности с оформлением документов при поступлении в вуз: *«Хочу получить образование в медицинской сфере. Пока не готовлюсь. Пока нет гражданства. У нас еще с аттестатом проблемы. У нас не принимают аттестат из Узбекистана. Надо сначала все документы сделать, потом уже учиться»* (20 лет, узбечка).

Другим важнейшим социально-правовым аспектом в жизни мигрантов является их доступ к здравоохранению. Т.к. большинство опрошенных женщин относятся к категории временно пребывающих мигрантов, система социальной защиты РФ предоставляет им весьма ограниченные права в области здравоохранения, в их числе *право на бесплатное получение первой помощи, право на бесплатную скорую медицинскую помощь, право на медицинскую помощь* в рамках обязательного медицинского страхования [2].

Анализ собранных материалов позволяет сделать вывод о крайне низкой вовлеченности женщин-мигранток в систему медицинского страхования. В частности, медицинский полис имеют только четверть опрошенных женщин. Это, как правило, мигрантки, получившие гражданство РФ, и женщины с формальным трудовым статусом. Большинство мигранток, имеющих полис, пользуются услугами здравоохранения в полной мере: *«В больницу хожу. У меня есть полис, все документы в порядке»* (25 лет, таджичка).

Около четверти опрошенных женщин, несмотря на то, что имеют полис медицинского страхования, предпочитают обращаться в платные клиники. Их нежелание посещать бесплатные больницы и поликлиники связано с прецедентами грубого и бестактного обращения как со стороны врачей, так и со стороны посетителей медицинских учреждений. Респонденты отмечают: *«У меня с документами все в порядке, но я обращаюсь в платные клиники, там хорошо обслуживают»* (18 лет, киргизка)*; «У меня в принципе нет проблем, у меня полис есть. Если уж только тяжело заболею, то обращаюсь. Потому что бывают люди, которые плохо относятся. Бывают хорошо относятся. Разные бывают»* (20 лет, таджичка); *«Полис есть. Но хожу в платную. Врачи платно везде хорошо относятся. Бесплатно они грубые, быдло, можно сказать, они какие-то. Орут постоянно, в поликлинику местную даже не хочется ходить. А вот когда денежку заплатишь, они как бы мягкие такие. Вежливые»* (21 год, узбечка).

Согласно закону, получение медицинского полиса обязательного страхования мигрантами осуществляется на платной основе. В большинстве случаев отсутствие полиса у опрошенных мигранток объясняется нехваткой средств на его оформление: *«А сделать медицинский полис, это же очень дорого обойдется»* (21 год, узбечка); *«Надо полис открыть. У меня полиса нет, денег нет»* (36 лет, узбечка).

Некоторые респонденты заявили, что не имеют желания оформлять полис, потому что отношение к мигрантам в бесплатных клиниках часто бывает небрежным или оскорбительным: *«Ну, полис. Это в государственной значит. Ну, в государственной ведь очередь очень большой. И потом я не люблю так, сидеть-сидеть, люди всякие разные бывают»* (40 лет, таджичка).

Отдельные респонденты рассказали о том, что в бесплатных поликлиниках Татарстана их принимали без полиса медицинского страхования, но при предоставлении справки о временной регистрации: *«Например, я живу в другом месте, регистрация в другом месте. Если вы... Например, Шоссейная, первый дом – если у меня регистрация здесь есть, рядом есть больница – бесплатно они меня принимают, потому что у меня регистрация здесь, хоть и без полиса. Можно лечиться, оно-мано, анализ-понализ, не плотишь – можно. А если у меня здесь регистрация нет, другой место, они не принимают, обязательно деньги надо, клиника сходить надо. Поэтому я сходила один раз, они меня принимали, анализ-манализ, все-все-*

все делали бесплатно» (36 лет, узбечка). Стоит отметить, что наличие медицинского полиса в отдельных случаях определяет право на скорую медицинскую помощь. При отсутствии угрозы жизни человека врач скорой помощи вправе отказать в обслуживании без полиса. Некоторые мигранты столкнулись с этим на практике: *«Клинику подсказала врач. Мы вызывали скорую, а они сказали – в платную больницу»* (40 лет, киргизка); *«У девочки было одной что-то срочное, она из Таджикистана приехала, гастрит или аппендицит. Ну, короче, скорую вызвали, ее забрали. Сказали, а ты не наша, и нет полиса, ничего нет. Мы не можем и не имеем права ничего делать, и она уехала на родину. То есть не приняли ее, отказали, пришлось ей уехать на родину и учебу бросить»* (21 год, узбечка).

Отдельные мигрантки отмечали, что, несмотря на закон, врачи скорой помощи в некоторых случаях принимали их и при отсутствии полиса: *«Так скорая постоянно приезжает. У нас девочка одна постоянно болела из Узбекистана. Постоянно у нее была температура. Вызывали, и ночью приезжали, и помогали, наизусть знали наш адрес»* (21 год, узбечка); *«Сколько раз мы вызывали врача, всегда приезжали и помогали. Даже когда полиса не было у девочек, они оказывали медицинскую помощь»* (20 лет, таджичка).

Т.к. около половины опрошенных мигранток не имеют необходимых документов, они вынуждены обращаться в платные клиники. Данный вид лечения является для них довольно тяжелым в финансовом отношении: *«Я после третьего ребенка обратилась к женскому врачу, но прием стоит 500 рублей, и лекарств выписала на тысячу рублей. Одним словом, болеть здесь невыгодно»* (26 лет, таджичка); *«Ой, это я не считаю, если я это считаю, с ума сойду. Не считаю. На лечение не считаю вообще, лечусь. Вот недавно 4 тысячи тратила я и на зубы около 7 тысяч тратила. Не считаю»* (40 лет, таджичка); *«Один раз сходила в больницу, еще хочу сходить, чуть-чуть заработаю вот. Потому что две тысячи пятьсот надо платить. Минимально»* (36 лет, таджичка); *«Я один раз заболела. Пришлось обращаться к врачу. Потратила много денег, потому что я ходила в платную больницу»* (21 год, узбечка).

Согласно анализу интервью, выбор платной клиники осуществляется мигрантками не случайным образом, а, как правило, по совету знакомых. Чаще всего женщины посещают больницы, рекомендованные им мигрантами своей национальности: *«“Здоровый семья” хожу всегда. Этот знаю, и вот. Слышала. Узбеки много же здесь. Сказали, можно сходить, вот так, сходи – принимает. Сходить – если денег будет, спокойно принимают они»* (36 лет, узбечка).

Практика обращения в клиники по совету знакомых у мигранток объясняется желанием получить медицинскую помощь без сложностей с документами. По их мнению, из-за отсутствия регистрации и полиса некоторые клинки могут потребовать слишком большие суммы за свои услуги. Также для женщин весьма важным является само отношение врачей к пациентам-мигрантам. Опыт других мигрантов является для них гарантией того, что они не подвергнутся неуважительному или небрежному обращению в данной конкретной клинике:

«Искала больницу через знакомых. У меня знакомая вот через дорогу на рынке работает, через она я нашла. Боюсь, поэтому через знакомых, за зубы я боюсь ужасно. Люди разные бывают» (45 лет, таджичка).

Стоит отметить, что обращение как в платные, так и в государственные медицинские учреждения женщин-мигранток осуществляется только в крайних случаях. Даже при наличии доступа к бесплатным услугам здравоохранения наиболее распространенным способом лечения среди исследуемой группы является самолечение. Мигрантки предпочитают пользоваться народными рецептами: *«А если болела мама или папа, сами лечили травами, сами делали. От бабушкиного рецепта, как говорится. С ними лечили меня, а так не болела»* (18 лет, киргизка); *«Если уж заболею, не бегу к врачам, сама, бывает, лечусь своими методами»* (20 лет, таджичка).

Нередко мигрантки прибегают к лечению лекарственными препаратами, приобретая их в аптеке без консультации врача, по совету знакомых: *«Например, насморк будет, грипп – сами определяем, покупаем в аптеке, лекарств же много»* (40 лет, узбечка)*; «Болела когда, не могла найти таблетку одну. Тут она: дочка, что случилось? Я сказала: грипп, я еще беременная. Она три-четыре разных таблетка принесла, трава принесла, помогала она мне – просто знакомый, клиентка»* (36 лет, узбечка).

Социальная проблема здоровья женщин-мигранток усугубляется тем, что распространяется и на их детей. Согласно исследованию, наличие детей редко мотивирует женщин разобраться со своим правовым статусом и изучить права ребенка в области здравоохранения. Нередки случаи, когда необходимое медицинское обслуживание дети мигрантов получают только в стране исхода: *«Прививки детям делаем, когда на родине бываем. Здесь такой возможности нет, все очень дорого»* (26 лет, узбечка).

В целом общий уровень здоровья детей мигрантов значительно выше, чем у их родителей. Это объясняется тем, что дети проходят все плановые медицинские обследования в период обучения в школе.

Медицинская помощь беременным женщинам – это еще одна важнейшая проблема в сфере здравоохранения, доступного для мигрантов. Они не имеют права на бесплатное ведение беременности, а потому единственной альтернативой является обращение в платные клиники. Напряженный рабочий график и отсутствие необходимых средств делают регулярные обследования во время беременности недоступными для большинства мигранток:

«Я сейчас разговаривала с врачом, они сказали, девушка, ты должна 45 тысяч дать. Вот в этой клинике, в "Здоровой семье" сказали. Один раз в месяц, два раза – осмотр бесплатно. Потом рожать – тоже бесплатно все делаем, сказали. А где у меня вот эти 40 тысяч? Я должна 2 с половиной месяца работать» (36 лет, узбечка).

Результаты интервью свидетельствуют о том, что чаще всего мигрантки в РТ не проходят обследований во время беременности, работают до последних сроков и рожают в бесплатных больницах после вызова скорой помощи. Рассказывает работодатель об уйгурке из Узбекистана: *«Я Гулю как на работу принял, просил предупредить, когда она уйдет перед родами. Ну, думал, месяца за два. И тут она как-то звонит: "Игорь, рожаю. Предупреждаю, я рожаю". Я говорю: "В смысле, рожаешь?" Она: "Ну все, уже рожаю. Скоро, скоро, сейчас. Я скорую вызвала, вот уже приехала". И она прямо, ее с магазина… И мне говорит: "Игорь, я вот рожу, через три-четыре дня я уже могу выйти на работу"»* (27 лет, русский).

Но не только страх потерять работу побуждает мигранток рожать в России. Некоторым респонденткам привлекательным представляется бесплатное обслуживание рожениц с иностранным гражданством (при вызове скорой помощи) и хорошие, сравнительно со странами СНГ, условия: *«Она двоих рожала здесь в роддоме. Бесплатно. Гражданства еще нету. Она в роддоме рожала, я не знаю, сколько платила, не спрашивала. Но вроде бесплатно – она три дня лежит, выписывается, а через три дня потом уже платно становится. Она через три дня выписалась. Условия хорошие были»* (40 лет, узбечка).

Отсутствие сведений о здоровье матери и какой-либо информации о ходе беременности делает пребывание рожениц в общих палатах бесплатных больниц потенциально опасным для других женщин. Очевидно, что беременным женщинам-мигранткам требуется возможность прикрепления к женской консультации по месту жительства с правом бесплатного ведения беременности.

Согласно материалам интервью, только четверть опрошенных мигранток уезжали или планируют уехать рожать на родину. К этому их, как правило, побуждает отсутствие рядом друзей и родственников, которые бы могли помочь в первые дни после родов, а также нежелание сожителей по съемной квартире проживать в соседстве с грудным ребенком:

«Если я здесь рожаю, если у меня знакомый никого нет, меня кормить надо, чо-нибудь купить надо. Вдруг чо случилось, бог знает. У меня кровь первый отрицательный. Редко бывает. Тоже когда рожает человек, очень тяжеловато бывает. Поэтому я хочу в Узбекистан, чуть-чуть денег заработаю. Я должна в феврале, наверно, рожать. В январе точно заработаю, потом домой уезжаю» (36 лет, узбечка).

В большинстве своем опрошенные мигрантки оценивают свое здоровье как хорошее. По заявлениям респонденток, серьезными заболеваниями во время пребывания на территории РТ им болеть не приходилось. Под серьезными заболеваниями женщины подразумевают болезни, влекущие за собой полную или продолжительную немощность и, как следствие, невозможность заниматься трудовой деятельностью. Заболевания, которые не причиняют ощутимого ущерба рабочему процессу, опрошенными воспринимаются как легкие и незначительные. К таким болезням мигрантки чаще всего относят простуду, грипп, болезни мочеполовой системы, зубные болезни, заболевания желудочно-кишечного тракта. Причем только часть респонденток говорит о медицински подтвержденных диагнозах. Больше половины опрошенных определяют симптоматику и категорию болезни самостоятельно: *«Четыре года назад у меня тут болячка был, прямо здесь. В Узбекистане. Зеленкой помазал – все нормально. Как здесь холодно стало – все опять. Простуда такая, что ли?!»* (25 лет, узбечка).

Неформальный трудовой статус не позволяет мигранткам уделять должное внимание своему здоровью. Страх потерять работу и отсутствие права на получение больничного побуждают женщин выходить на рабочее место во время болезни. Одна из опрошенных рассказала в интервью, что, серьезно заболев, она занималась не лечением, а срочным поиском замены на свое рабочее место. Собственное здоровье заботило ее куда меньше риска потерять работу: *«Шесть суток умирала тут, температура 38–40 была! Никого нет, желающих заработать 600 рублей, никого не могла найти, даже не могла встать. Такой грипп сильный. А нашла девушку, сразу менты поймали. У нее штраф будет, я должна платить»* (36 лет, узбечка).

Основываясь на материалах интервью, можно с уверенностью сказать, что большинство мигранток постоянно подвергает риску свое здоровье. В существенной степени этому способствует низкий уровень условий труда. Многие женщины работают в неотапливаемых рыночных комплексах, часто не имеют возможности уйти на обед: *«На обед… Если пробка – обеда нет, если ничего нет – обед есть»* (40 лет, киргизка).

В маленьких торговых ларьках, где также нередко трудятся мигрантки, не предусмотрен даже туалет: *«В туалет невозможно. Вот спросите хозяина: “У вас девушки куда идут в туалет?”, спросите. Он не думает. Вот думаете, они приехали, работают, работать надо много, а там очень плохо дела. Надо мучиться, мучиться»* (40 лет, киргизка).

Такие условия труда не только наносят вред здоровью мигранток, но и провоцируют с их стороны антисанитарное поведение, чреватое последствиями: *«Туалет как? Ведро есть. В такой павильон туалет не сделаешь, горшок делаем. По большому – домой когда схожу, когда жду»* (36 лет, узбечка).

Особое внимание стоит уделить тому факту, что, несмотря на отсутствие регулярного медицинского обследования, множество женщин-мигранток работает в сфере общественного питания – в кафе и в продуктовых магазинах. Такая ситуация делает проблему отсутствия регламентированной системы медицинского осмотра и доступного для мигрантов здравоохранения потенциально опасной для множества людей.

В большей степени влияют на здоровье мигрантов и жилищные условия. Большинство мигранток отметили тот факт, что испытывали трудности в процессе поиска жилья: *«Некоторые приехали – они очень тяжело здесь найти работа нормальный, квартира тяжело найти. Основное – квартира, проблема будет, кто если приедет, самый главный проблема»* (36 лет, узбечка).

Снять понравившуюся комнату или квартиру у женщин не получалось по причине того, что собственники жилья в большинстве своем предвзято относятся к выходцам из стран ближнего зарубежья: *«Есть такое, я считаю, что есть. Все равно. Когда квартиру я ищу. Где бы ни спрашивали про национальность. Вот меня всегда принимают либо за татарку, либо за дагестанку, еще что-то. Но если спрашивают, и я скажу, что я таджичка, уже относятся плохо, даже видно»* (21 год, таджичка).

Отсутствие возможности снять понравившееся по всем показателям жилье вынуждает мигранток соглашаться на худшие условия в отношении качества и цены за проживание.

Опрошенные неоднократно отмечали, что арендодатели отказывают в предоставлении съемщикам документов для оформления временной регистрации: *«Где хочу я жить – все, хозяйка не разрешает домой регистрация делать. Разные люди, я это понимаю. Когда приехала – регистрация, где работала, делала, второй год не получается. Поэтому регистрация другой район, я живу другой улица, вот так получается»* (35 лет, узбечка).

Отсутствие возможности получить регистрацию осложняет процесс сбора необходимых документов для доступа к услугам образования и здравоохранения.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что женщины-мигрантки предпочитают снимать жилье вместе с другими мигрантами – представителями своей национальности. Как правило, из соображений экономии мигранты селятся в квартире большими группами: в одной комнате может проживать до 5 человек: *«У нас как: они снимают квартиру задорого, могут по 5–6 человек жить. В одной комнате это нереально тяжело»* (20 лет, узбечка).

Данный факт значительно усугубляет проблему здоровья мигранток, т.к. подобные условия проживания способствуют распространению различного рода заболеваний.

В перенаселенных квартирах в отдельных случаях проживают беременные женщины и женщины с грудными детьми. Несоблюдение всеми жильцами необходимых санитарных норм создает риск возникновения серьезных нарушений здоровья матери и новорожденного ребенка.

Исследование показало, что только четверть опрошенных женщин проживают на территории Татарстана в хороших жилищных условиях. К этой группе относятся мигрантки, проживающие на территории России более 10 лет, и мигрантки, получившие гражданство Российской Федерации.

Особым аспектом для рассмотрения является репродуктивное поведение женщин-мигранток. На репродуктивное поведение мигранток в значительной степени влияют национальные традиции. Для представителей стран СНГ характерны большие, по меркам России, семьи: *«У меня трое детей. Дочка, два сына, дочку замуж выдала, внучка у меня – два годика. Муж, семья у нас небольшая. Ну, для нас небольшая, для России большая. У вас тут тоже татары многодетные»* (40 лет, киргизка); *«У меня один только сын, это один ребенок в Узбекистане – мало, понимаешь»* (35 лет, узбечка).

Большинство опрошенных родились в семье или имеют собственную семью, в которой как минимум трое детей: *«Детей нормально. Пятеро. Четверо пока здесь, уже гражданство есть. А у одного нету, надо оформлять, тоже хочу его сюда привезти, там дом надо продать»* (55 лет, узбечка); *«У сына дети, пятеро детей. Трое оттуда, когда приехали, а здесь потом два родились еще»* (40 лет, таджичка).

Согласно материалам интервью, ориентированность на создание многодетной семьи определяется не только национальными традициями, но и финансовым положением семьи. Так, мигрантки, которые родили детей во время проживания на территории России, отмечали, что следование национальным традициям в плане рождения детей было бы невозможным, не имей они стабильного материального положения. Около половины опрошенных женщин заявили, что, несмотря на традиционные нормы, не будут рожать большое количество детей при отсутствии финансовой стабильности.

Влияние национальных традиций в системе репродуктивного поведения мигранток стало причиной того, что большинство женщин репродуктивного возраста в недостаточной степени знакомо с культурой контрацепции. Женщины, покинувшие Родину будучи замужем, заявляют, что не нуждаются в контрацепции, т.к. не планируют вступать в половые отношения с кем-либо кроме супруга. Мигрантки, проживающие вместе с мужьями, часто не предохраняются по их воле. При этом ни отсутствие комфортных условий проживания, ни ограниченный правовой статус супругов не становятся поводом для осуществления практики контрацепции.

Женщины, прибывающие в Россию незамужними, стараются внимательнее относиться к контрацепции, однако их осведомленность в данном вопросе также является недостаточной. Хуже всего о практиках контрацепции информированы женщины, не имеющие образования, приехавшие в Россию из небольших поселков и сел.

Традиционная ориентированность на создание многодетной семьи, плохая ориентированность в вопросах контрацепции в совокупности с религиозными убеждениями делают незапланированную беременность распространенным явлением среди мигранток. Распространенность практики абортов среди мигранток объясняется рядом причин. Во-первых, женщины не имеют стабильного финансового положения. В большинстве случаев мигранты, приехавшие в Россию на заработки, обеспечивают не только себя, но и оставшихся на родине членов семьи. Страх потерять возможность отсылать деньги семье и в полной мере обеспечивать себя и будущего ребенка толкает мигранток на аборт.

Во-вторых, мигрантки, как правило, не имеют собственного жилья и проживают совместно с другими мигрантами. Появление в квартире грудного ребенка негативно воспринимается соседями по комнате и практически во всех случаях означает выселение женщины. Отсутствие возможности решить жилищный вопрос становится одной из причин абортов у мигранток.

В-третьих, женщины боятся потерять работу в связи с беременностью и рождением ребенка. Большая часть беременных мигранток работает до последнего дня беременности и рожает по вызову скорой помощи из страха лишиться рабочего места. Однако не все работодатели лояльно относятся к беременности сотрудниц. Учитывая неформальный трудовой статус мигранток, беременность чревата увольнением и последующими трудностями с поиском нового места работы.

В-четвертых, мигранток пугает отсутствие доступа к здравоохранению. Женщины понимают, что их правовой статус не позволяет им на бюджетной основе проходить плановые обследования во время беременности. Страх родить больного ребенка, ввиду отсутствия средств на регулярные обследования, побуждает мигранток сделать аборт.

В-пятых, мигрантки часто не имеют рядом близких родственников. Во время пребывания в больнице и в процессе ухода за ребенком в первые дни его жизни молодой матери требуется серьезная помощь, которую при отсутствии близких ей никто оказать не может. Отсутствие у некоторых мигранток возможности уехать на родину и родить ребенка там заставляет их решиться на прерывание беременности.

В-шестых, часть женщин-мигранток плохо осведомлена о том, какой правовой статус получит их ребенок, родившись на территории России. Мигрантки опасаются, что их ребенок будет бесправным как в стране въезда, так и в стране исхода.

Совокупность вышеупомянутых факторов объясняет и распространенную среди мигранток практику отказа от ребенка в роддоме. Материалы интервью свидетельствуют о том, что решиться на этот шаг женщин также побуждает давление со стороны родственников: *«Мама сказала вчера: “Диля, рожай в России, кто-нибудь, кому надо, отдай ребенка и приходи”. Я как могу своего ребенка отдавать???»* (35 лет, узбечка).

Несмотря на практику отказов и абортов среди мигранток, около четверти опрошенных женщин родили детей, проживая на территории России. Чаще всего это женщины, получившие гражданство РФ. Более половины респонденток строят планы по рождению детей на ближайшие три года, причем половина из них, осознавая всю совокупность сложностей, готовы родить ребенка именно в Татарстане. Четкие планы по рождению детей чаще имеют женщины, которые настроены на то, чтобы остаться в РФ на постоянное место жительства, чем те, которые приезжают в Россию на кратковременные заработки [1].

Планирование детей у мигранток связано также с их семейным положением. Большинство респонденток не настроено заводить детей вне брака. Это связано прежде всего с традиционными национальными установками женщин и возможной вероятностью остаться одинокой матерью. Находясь в браке, женщины охотнее планируют появление детей. Наличие супруга представляется для них гарантией финансовой стабильности.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что процесс реализации мигрантками своих социальных прав сопряжен с рядом проблем. Мигрантки плохо осведомлены о своем правовом статусе, не имеют четкого представления о доступных им на бесплатной основе услугах здравоохранения, возможностях доступного образования и системе социальных льгот.

Особого внимания заслуживает тот факт, что женщины-мигранты в Татарстане слабо вовлечены в систему медицинского страхования и вместе с тем не имеют средств на полноценное платное медицинское обеспечение. Вынужденное самолечение при самостоятельной постановке диагноза делают практически невозможным отслеживание и контроль состояния здоровья мигрантов в РТ и в РФ в целом. Проблема становится еще более острой, если учесть, что диагностика таких серьезных заболеваний, как ВИЧ и туберкулез, у временно пребывающих мигрантов является фактически невозможной.

Важнейшим социальным аспектом является репродуктивное поведение мигранток, проживающих на территории России. Миграция в значительной степени меняет установки женщин на деторождение, что в отдельных случаях чревато негативными последствиями. Так, практика отказа от детей в роддоме становится тенденцией среди женщин-мигранток. Очевидно, что данная проблема нуждается в качественном исследовании, поиске и применении путей решения. Со стороны государства необходимо создание условий, позволяющих мигранткам решить проблемы, побуждающие их отказаться от ребенка.

Литература

1. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.
2. *Кузнецова И., Мухарямова Л.* Трудовые мигранты в системе социальных услуг: формальные и неформальные стратегии. URL: http://jsps.hse.ru/data/2014/03/30/ 1317318420/ JISP_12_1_Kuznecova_Muchar'amova.pdf

Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане)

Ф.Г. Сафин, Д.А. Камалетдинов

В этносоциологических анкетах постсоветского периода, наряду с этнокультурными, часто ставились вопросы, связанные с социально-экономическим положением населения. Одним из первых этносоциологических исследований комплексного характера в Республике Башкортостан было исследование в рамках проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз»[6], проведенное в апреле 1993 г. под руководством М.Н. Губогло [6]. Используемая выборка, разработанная И.А. Субботиной, была многоступенчатой, стратифицированной, представительной для всего населения республики [5].

Оценивая социально-экономическое положение республики в начале 1990-х годов, одна треть русских респондентов (33,3%), примерно столько же татар (37,5%) и каждый второй из пяти опрошенных башкир (41,6%) отметили произошедшие за первые годы перестройки перемены как в лучшую, так и в худшую сторону. Если изменения в худшую сторону назвали 23% русских и 19,4% татар, то среди башкир подобного мнения придерживался лишь каждый двенадцатый опрошенный[7]. Как видно, наиболее высокая доля указавших на негативные перемены, оказалась среди русских, что в немалой мере объясняется тем, что в начале 1990-х годов была закрыта значительная часть промышленных предприятий. Составляющие более половины рабочих и инженерно-технических работников Башкирии русские в одночасье стали безработными. Поскольку из всего русского населения республики более 80% проживало в городах, его представители практически не имели продовольственной поддержки со стороны сельских родственников, в отличие от татар и башкир с более высокой долей сельчан.

Четверть респондентов, независимо от этнической принадлежности, не увидела вообще никаких существенных изменений за прошедшее время.

Хотя маркер «перемены к лучшему» у респондентов, независимо от национальности, составлял весьма скромную долю, но все же среди башкир (8,8%) он был в 2,7 раза выше, чем у русских (3,3%) и в два раза выше, чем у татар (4,6%).

---

[6] Данный проект был осуществлен ИАЭ РАН под руководством М.Н. Губогло совместно с тремя американскими университетами. Впоследствии по этому проекту были проведены опросы в Татарстане, а также в Казахстане, Грузии, Молдове, Эстонии и в ряде других бывших республик Советского Союза.

[7] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз», разработанному профессорами Сьюзен Лейманн (Колумбийский университет), Джерри Хафф (Университет Дьюка), Дэвид Лейтин, (Чикагский университет) и М.Н. Губогло (ИЭА РАН). Опрос был проведен в апреле 1993 г. по квотной стратифицированной выборке в 7 городах республики (Уфе, Салавате, Нефтекамске, Белорецке, Туймазы, Баймаке, Сибае), опрошено 817 башкир, 779 татар и 814 русских. Руководители исследования по Башкортостану – М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев.

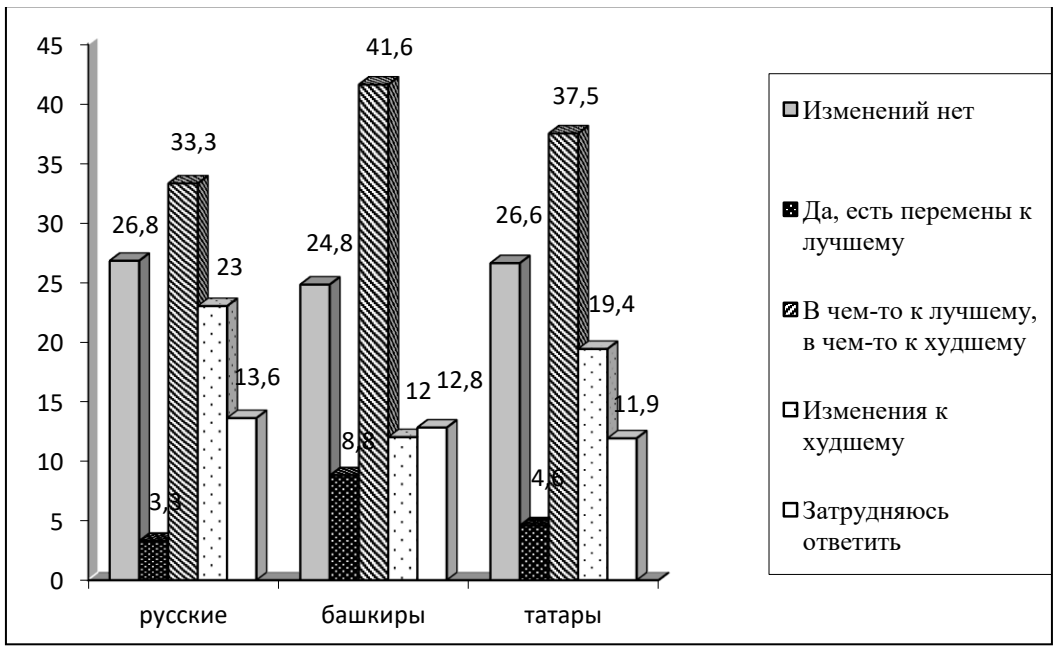


Рис. 1. *Произошли ли изменения в республике после принятия Декларации о государственном суверенитете? Источник: по материалам ЭСО (1993, апрель)*

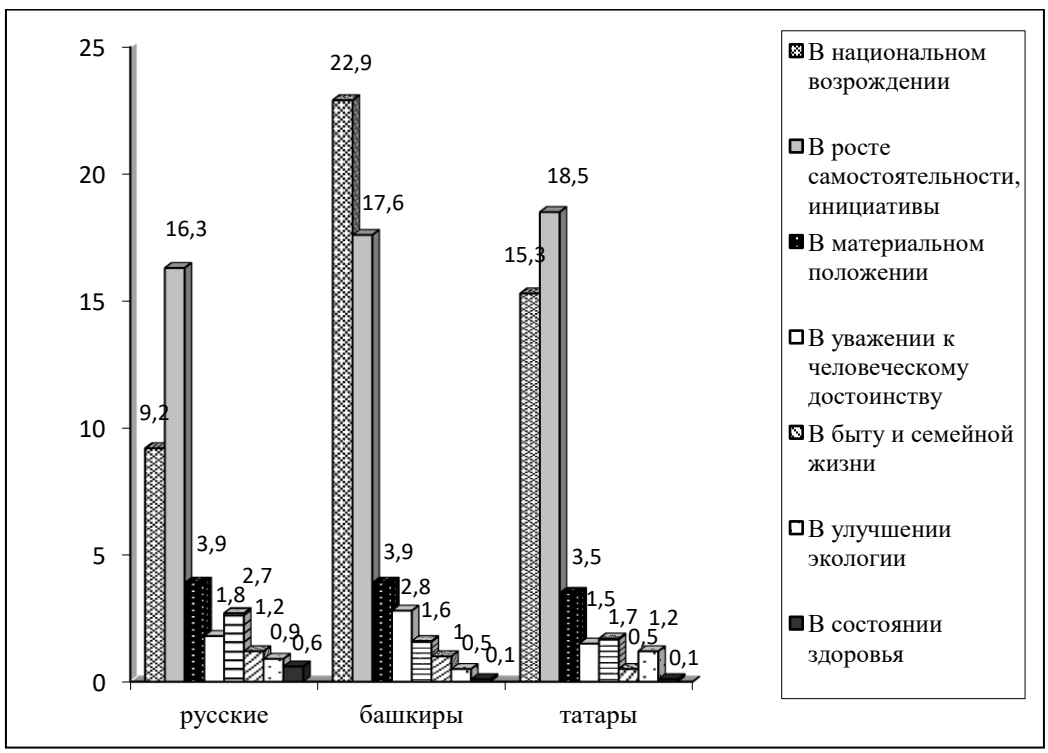


Рис. 2. *В чем заключались перемены в лучшую сторону? (%). Источник: по материалам ЭСО (1993, апрель*

При ответе на вопрос, в чем заключались перемены к лучшему, на первое место по числу выборов у башкир вышел ответ «национальное возрождение» (22,9%). Подобное мнение разделили лишь 9,2% русских и 15,3% татар, у которых первое место занял маркер «рост самостоятельности и инициативы», соответственно – 16,3 и 18,5% выборов. А такие показатели, как «материальное положение», «уважение к человеческому достоинству», были отмечены лишь очень небольшим числом респондентов – от 1,5 до 3,9% по национальностям. В то же время именно эти факторы оказались чаще всего названными при перечислении «перемен к худшему».

Так, каждый пятый респондент, независимо от национальности, упомянул «ухудшение материального положения». На втором месте по числу выборов с некоторыми вариациями оказался показатель роста преступности.

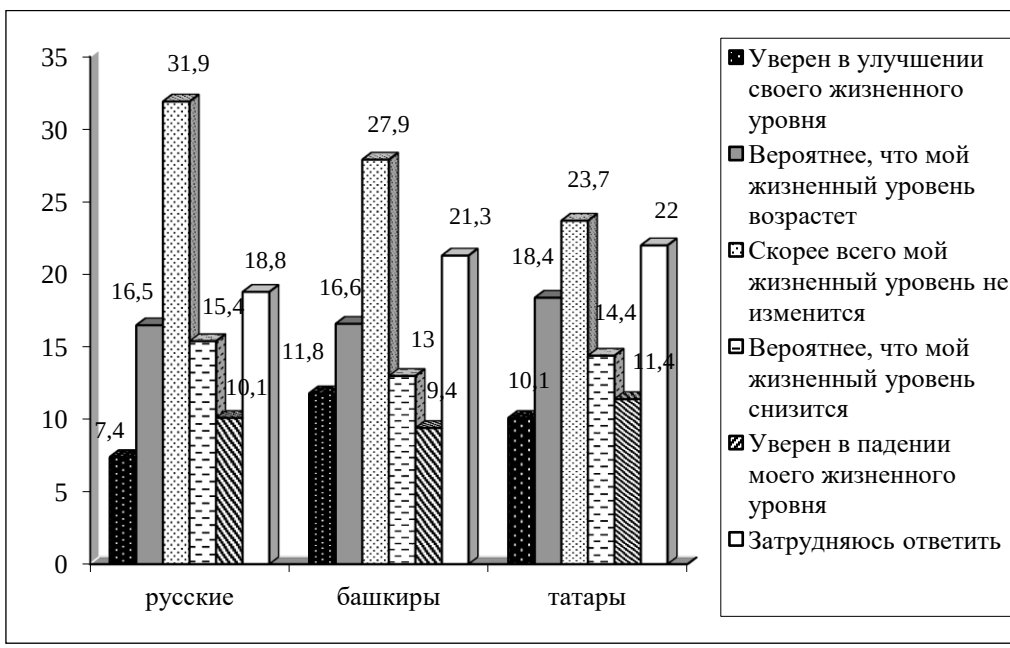


Рис. 3. *В чем заключались перемены в худшую сторону? (%).*
Источник: по материалам ЭСО (1993, апрель).

Проведенный в мае 1996 г. под руководством М.Н. Губогло экспертный опрос по исследовательскому проекту «Урегулирование и предотвращение межнациональных конфликтов в изменяющемся российском обществе»[8] показал, что за прошедшие три года после выборов президента республики, экономическая ситуации в регионе существенно ухудшилась. Если немногим менее одной трети респондентов отмечали некоторое улучшение экономической ситуации в Башкортостане, то об ухудшении говорили более 40% опрошенных. Среди экспертов башкирской и «иных» национальностей ухудшение экономической ситуации в республике отметили около половины. Таким образом, значительная часть населения республики в середине 1990-х годов ощутила издержки переходного периода к рыночной экономике [1: 105].

[8] Экспертный опрос по исследовательскому проекту «Урегулирование и предотвращение межнациональных конфликтов в изменяющемся российском обществе» был проведен в мае 1996 г. Авторы проекта М.Н. Губогло, Т.И. Губогло, Ф.Г. Сафин. Было опрошено 326 экспертов.

Экспертный опрос также показал, что русские почти в два раза чаще (35,8%), чем представители титульного этноса (18,5%), отмечали, что покупка продуктов питания, как одного из самых необходимых условий для жизнеобеспечения, в рассматриваемый период стала намного затруднительней [1: 101].

Массовый опрос 1996 г. подтвердил оценки экспертного сообщества. Как выяснилось в ходе опроса, лишь около четверти татар, башкир и русских были уверены, что их жизненный уровень в условиях рыночной экономики особо не пострадал.

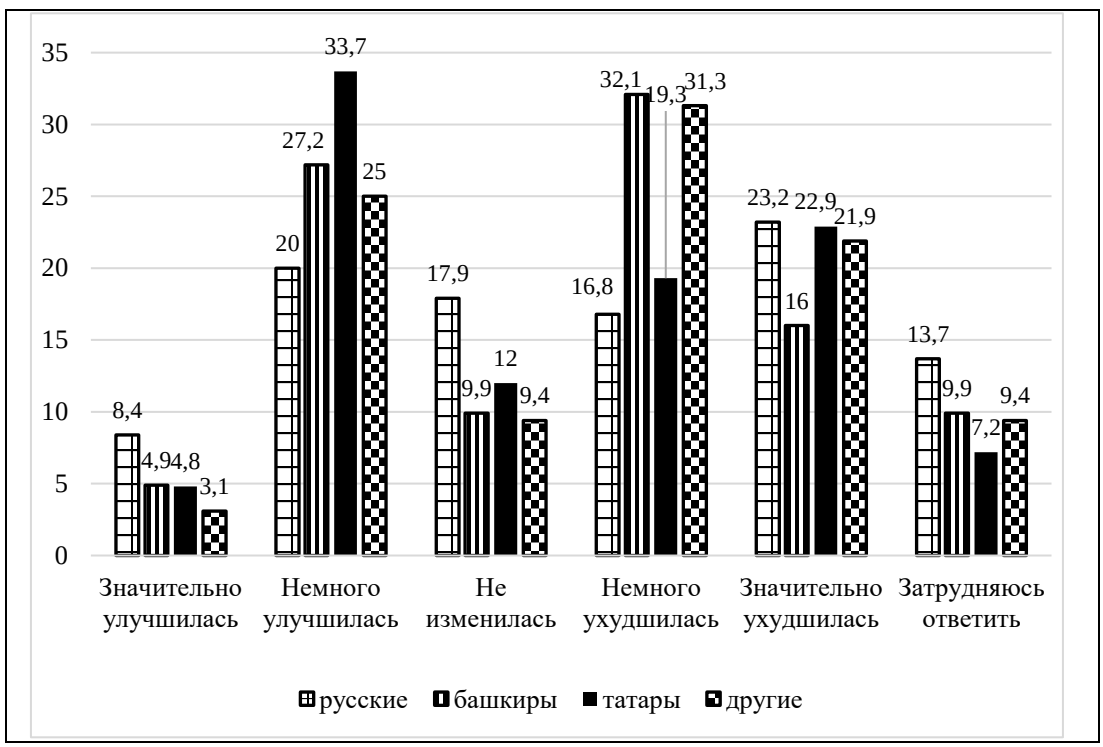


Рис. 4. *Оценка изменений экономической ситуации в республике в последние 2 года. Источник: по материалам ЭСО (1996, май)*

О повышении же его говорил лишь каждый десятый башкир и татарин и еще меньше русских (7,4%). А о возможности такого повышения в будущем говорили менее 16% опрошенных. Почти такая же доля респондентов (14%) допустила вероятность снижения своего жизненного уровня.

По мере укрепления экономики республики, выхода ряда промышленных предприятий из кризиса (в том числе таких гигантов, как Уфимское производственное моторостроительное объединение, Гидравлика и др.) финансовое и экономическое положение населения, уровень его благосостояния, в том числе и у русских, стали повышаться.

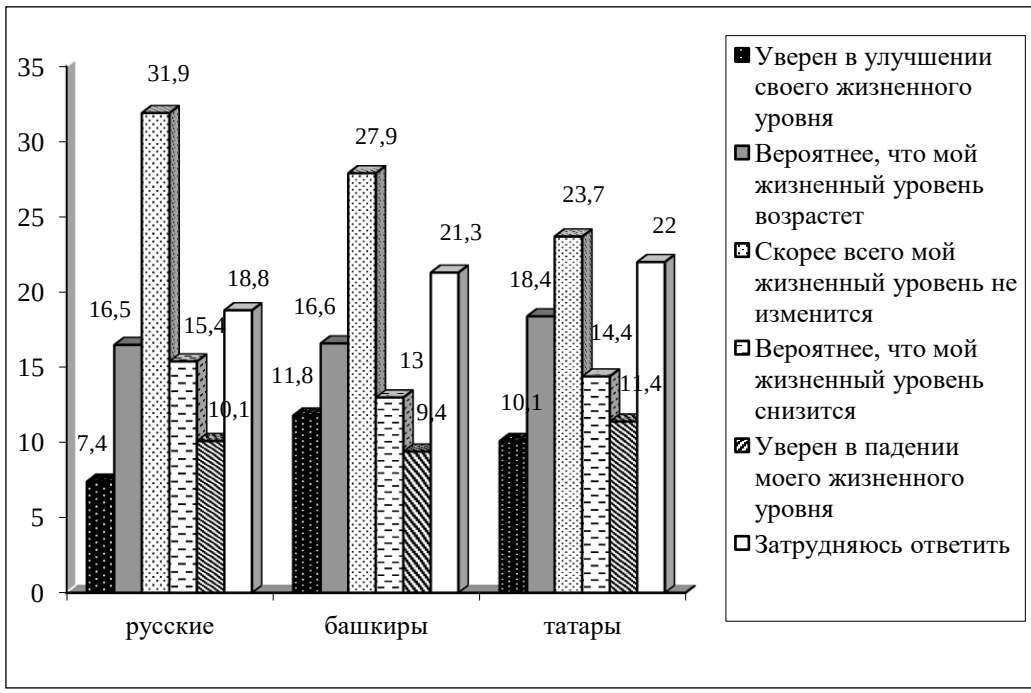


Рис. 5. *Ожидание результатов рыночной экономики через 2–3 года. Источник: по материалам ЭСО (1993, апрель)*

Проведенный спустя 20 лет этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность, толерантность»[9] показал, что более половины опрошенных башкир (57,2%) и татар (55,1%), а также около половины русских (48,1%) отметили улучшение экономического и финансового положения своих семей за последние 10–15 лет. Как видно, среди русских доля оптимистов оказалась заметно ниже, чем среди представителей других этнических групп, в особенности титульного этноса.

Русским несколько чаще (25,2%), чем башкирам (21,3%) и татарам (22,0%), казалось, что никаких изменений не произошло. Если среди башкир всего лишь 5,5% заявили о некотором ухудшении финансового и экономического положения своей семьи за последние 10–15 лет, то среди русских – 11,6%, т.е. вдвое больше. В то же время среди башкир в два раза выше (9,0%), чем среди респондентов русской национальности (4,3%), оказалась доля людей, отметивших существенное снижение уровня своего финансово-экономического благосостояния.

[9] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» был проведен в январе 2014 г. Авторы проекта – Ф.Г. Сафин, А.И. Халиулина. Руководитель – А.И. Халиулина. Выборка исследования составила 1000 чел., в т.ч. 361 русский, 295 башкир, 254 татарина и 90 человек др. национальностей. Опрос проводился в 11 городах, в т.ч. в Белорецке, Бирске, Давлеканове, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамске, Стерлитамаке, Октябрьском, Туймазы, Уфе, Учалы, а также в сельских районах: Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском, Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском.

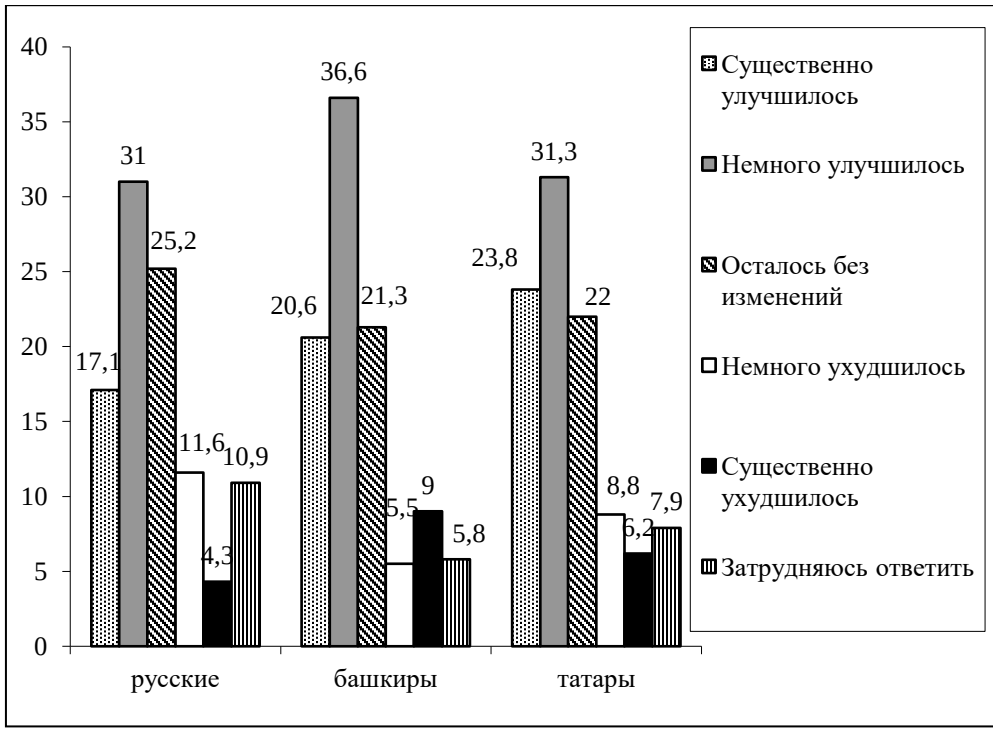


Рис. 6. *Как изменилось экономическое и финансовое положение Вашей семьи за последние 10–15 лет? (%).*
Источник: по материалам ЭСО (2014, январь)

Несмотря на прошедшие 20 лет, многие жители Башкортостана и в 2014 г. сомневались в положительном влиянии рыночной экономики на свою жизнь. По данным исследования 2014 г. 13,6% русских, 16,8% башкир и 14,6% татар с той или иной долей вероятности опасались, что их жизненный уровень в условиях рыночной экономики снизится. По мнению четверти респондентов, особых изменений в уровне жизни их семей не произойдет. Тем не менее немалая часть все же надеялась на некоторые позитивные перемены. В ходе этносоциологического опроса выяснилось, что более одной трети респондентов русской национальности (35,6%), почти столько же башкирской (37,4%) и татарской (41,9%) были в той или иной степени уверены, что их жизненный уровень станет повышаться. Четверть респондентов-затруднились ответить на этот вопрос.

Обращает на себя внимание тот факт, что ответы русских выглядели наиболее пессимистично [1: 116].

Таким образом, результаты этносоциологических опросов дают основание утверждать, что, несмотря на некоторые трудности материального порядка, значительная часть населения республики смотрит в будущее с оптимизмом и положительным настроем.

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие», проведенный в ноябре 2018 г. [9] показал, что теперь уже почти одна треть башкир, более четверти татар и каждый пятый русский отметили существенное улучшение своего экономического и финансового положения. Одна треть респондентов также видела некоторое его улучшение.

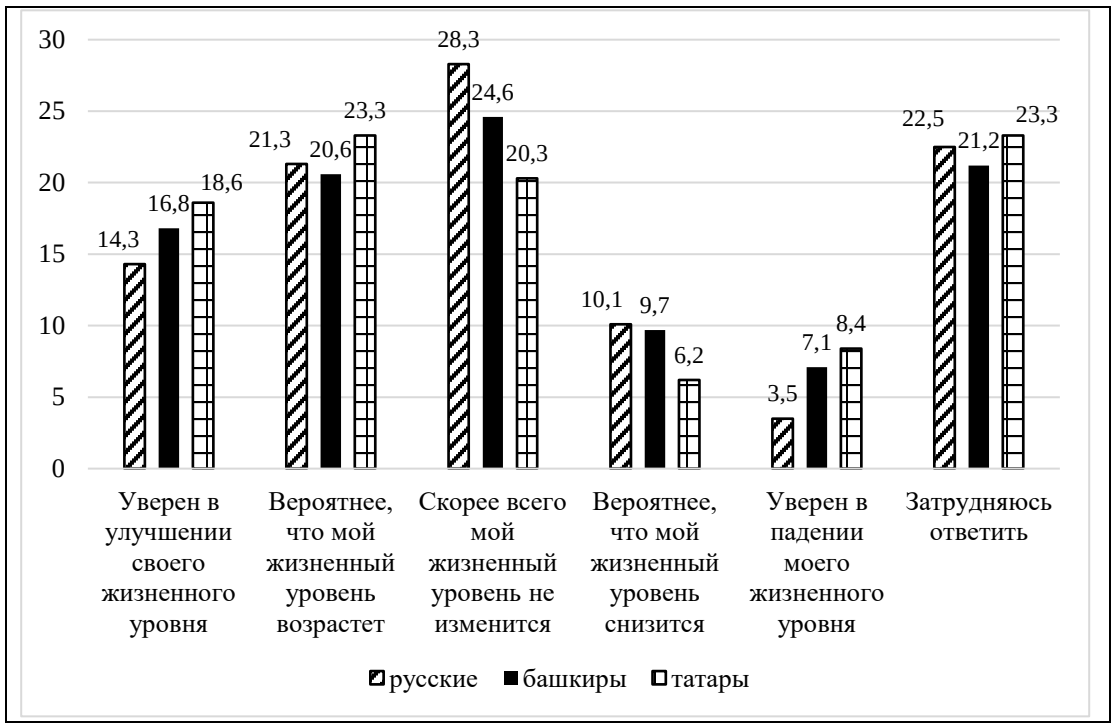


Рис. 7. *Как Вы думаете, что лично Вам принесет рыночная экономика? (%).*
Источник: по материалам ЭСО (2014, январь)

Несмотря на ухудшение экономической ситуации в стране после крымских событий 2014 г., этносоциологический опрос населения показал ощутимые перемены в лучшую сторону в настроении людей. Вместе с тем каждый пятый русский (19%) признал факт некоторого ухудшения своего финансового и экономического положения, у башкир и татар этот показатель был ниже (соответственно 11,8 и 13,5 %).

Данное положение подтверждается материалами аналогичных исследований других авторов [1].

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» [4], проведенный в начале 2000-х годов под руководством Л.М. Дробижевой, показал, что наиболее пессимистично свое финансовое положение оценили русские, также самой высокой была доля респондентов русской национальности, отнесшей себя к самому бедному социальному слою. Более одной трети (35,2%) русских, проживающих в городах, и чуть меньше из сельской местности (30%) поставили себя на самую низкую ступень бедности [4: 314–315]. Доля русских, отнесших себя к самому низкому уровню материальной обеспеченности в городах (35,2%), вдвое превышала соответствующий показатель у башкир-горожан (17,9%) [4: 314–315].

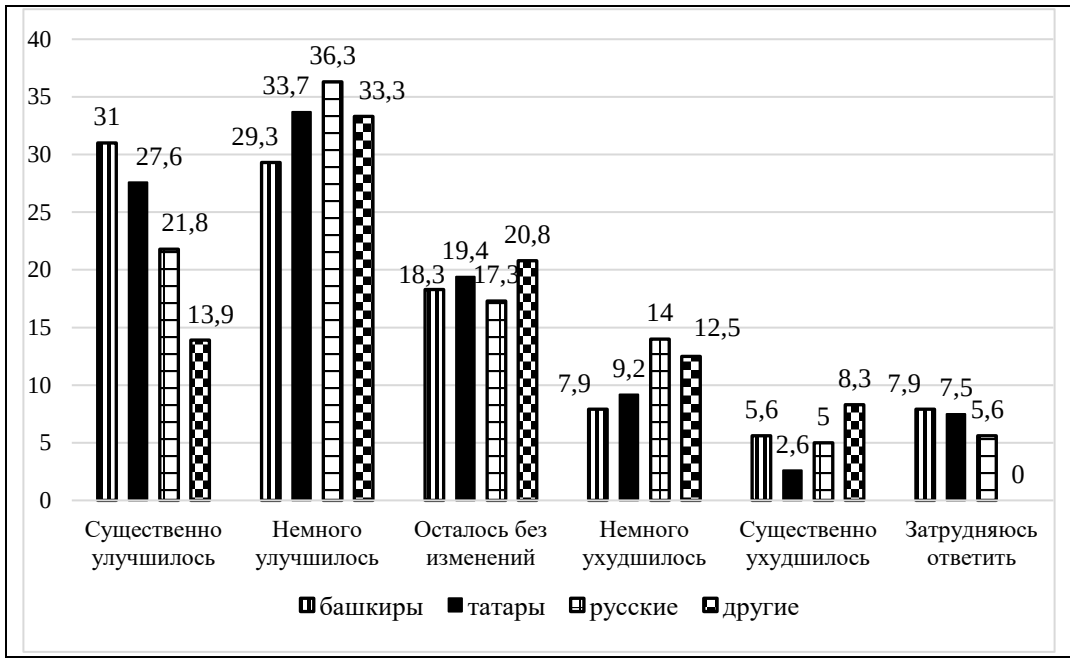


Рис. 8. *Как изменилось экономическое и финансовое положение Вашей семьи за последние 10–15 лет? (%). Источник: по материалам ЭСО (2018, ноябрь)*

Рост экономического и финансового потенциала республики в 2018 г. позитивно повлиял на общее материальное благосостояние населения. Как показали данные опроса[10], это с уверенностью подтвердили более 60,3% респондентов башкирской, 61,3% татарской, 58,1% русской и немногим менее половины других национальностей (47,2%). Если о значительном улучшении благосостояния своей семьи говорили около одной трети татар и башкир, то среди русских – всего лишь каждый пятый (21,8%). Несмотря на определенные сдвиги в улучшении материального положения, почти каждый пятый опрошенный, независимо от национальности, оставался недовольным собственным уровнем жизни. А среди русских и представителей других национальностей каждый пятый с досадой констатировал существенное ухудшение своего материального положения.

Видимо, это связано с неодинаковой возможностью и способностью разных этнических групп адаптироваться к условиям рыночной экономики, что особенно рельефно видно на примере опрошенных респондентов иных национальностей. Например, немногим менее половины (44,4%) представителей иных этнических групп отметило, что преодолели трудности переходного периода и адаптировались к условиям рыночной экономики, тогда как в своей адаптации признались 35,2% татар, 31% башкир и всего лишь четверть русских. При этом доля изъявивших желание адаптироваться составляла 29,1% среди русских, 28,6% среди башкир, 25,5% среди татар и 19,4 % – среди респондентов других национальностей.

[10] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (2018, ноябрь). Опрошено 573 респондента, в т.ч.: русских – 179, башкир – 126, татар – 196, др. национальностей – 72 человека. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина. Руководитель – к.и.н. А.И. Халиулина.

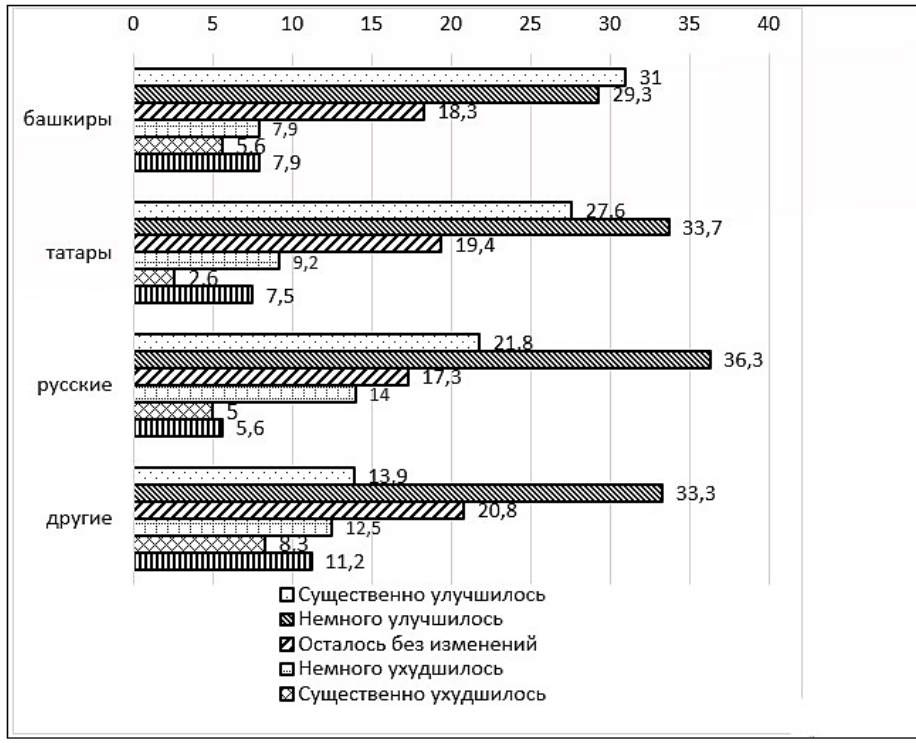


Рис. 9. *Как изменилось материальное благосостояние Вашей семьи за последние 10–15 лет? (%). Источник: по материалам ЭСО (2018, ноябрь)*

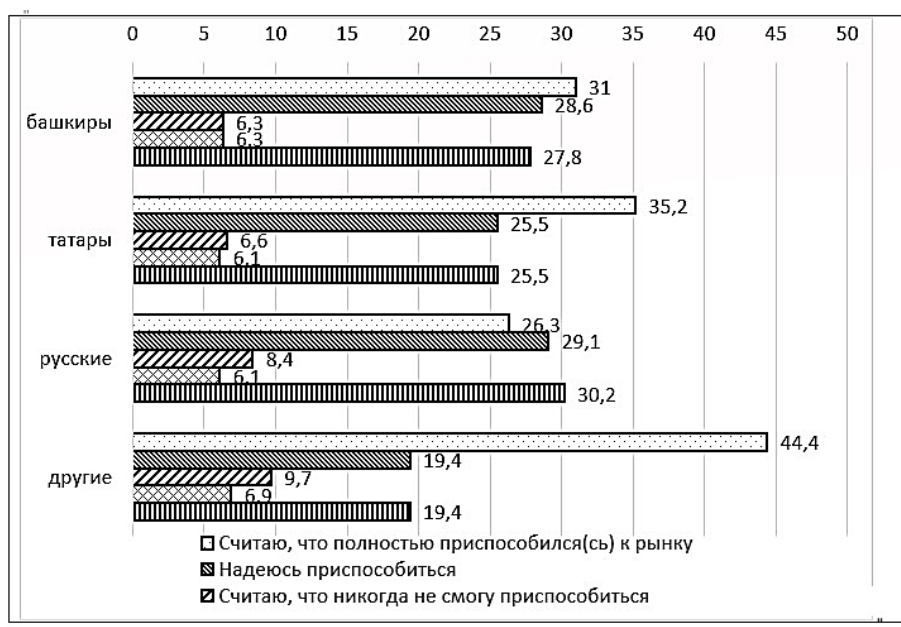


Рис. 10. *Удалось ли вам пройти переходный период без трудностей и интегрироваться в рыночные реалии? (%). Источник: по материалам ЭСО (2018, ноябрь)*

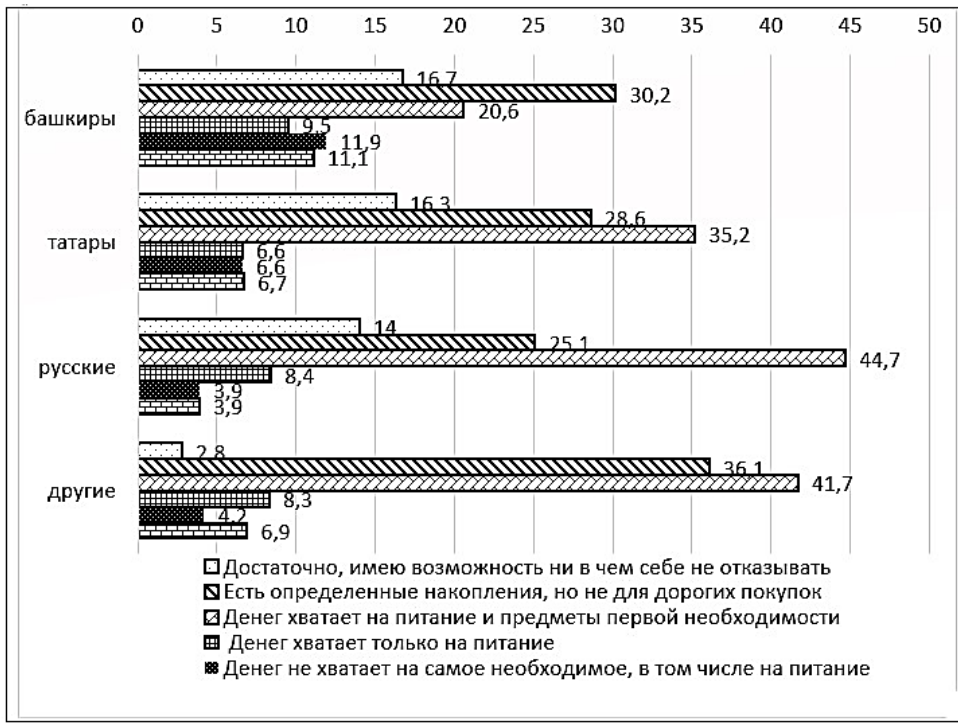


Рис. 11. *Достаточно ли получаемых вами средств для поддержания необходимого жизненного уровня? (%). Источник: по материалам ЭСО (2018, ноябрь)*

В то же время лишь очень незначительная часть респондентов (6,5%), как выяснилось в ходе этносоциологического исследования, пожаловалась на то, что не смогла пройти переходный период без трудностей и интегрироваться в рыночные реалии, а 7,6% сожалели, что никогда не смогут приспособиться к рыночной экономике. Однако, как показали результаты опроса, от 19,4% до почти одной трети респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Наибольшая доля таковых была выявлена среди русского (30,2%) населения республики, которые в то же время чаще других проявляли желание (29,1%) приспособиться к рыночной экономике. Видимо, определенные трудности не позволили значительной части населения найти себя в предпринимательстве, в частном бизнесе или же в других сферах рыночной системы хозяйствования.

Несмотря на кризисные явления после крымских событий, население Республики Башкортостан, по данным этносоциологического опроса, чувствует себя достаточно уверенно. Почти половина опрошенных лиц башкирской и татарской национальностей (44,4%), а также примерно третья часть русских и представителей других этнических групп отметили, что будущее в целом воспринимается ими в оптимистичном ключе. Каждый третий опрошенный, независимо от этнической принадлежности, также оценил свои перспективы как стабильные, но особых надежд и иллюзий не испытывал [3: 137].

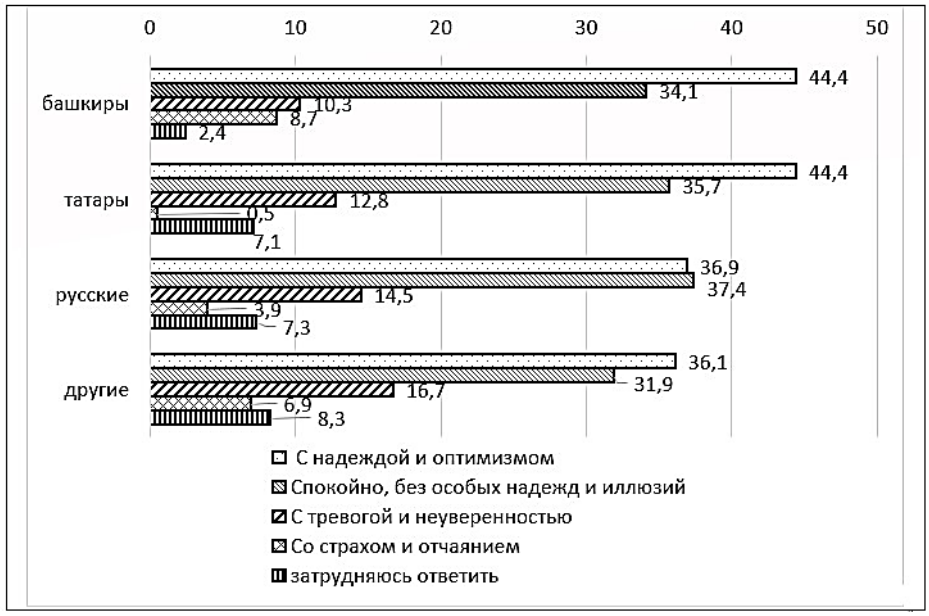


Рис. 12. *С какими чувствами вы смотрите в будущее? [9] % вообще не указаны. Источник: по материалам ЭСО (2018, ноябрь)*

Показательно, что среди башкир и татар численность ориентированных на будущее с надеждой и оптимизмом достигала почти половины, тогда как среди русских данный показатель был равен чуть более одной трети, а среди представителей иных национальностей и того меньше. Удельный вес смотрящих в будущее с тревогой и неуверенностью среди иных национальностей (16,7%) и русских (14,5%) превышал показатели у башкир (10,3%) и татар (12,8%). В то же время, несмотря на довольно оптимистичные настроения немалой части татар и башкир, именно среди последних оказался самым высоким процент людей, прогнозирующих свое будущее особенно пессимистично, смотрящих в него со страхом и отчаянием (8,7%). Такие настроения были вдвое выше, чем у русских (3,9%) и особенно у татар (0,5%). Иными словами, наблюдается тенденция более заметного социального расслоения среди титульного населения.

Литература

1. *Алексеенко С.С., Абрамова С.Р., Сафин Ф.Г.* Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа: Первая типография, 2018. 118 с.
2. *Губогло М.Н.* Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. Т. 1. Истоки. М., 1996. 376 с.
3. *Ишемгулов М.Н., Камалетдинов Д.А., Сафин Ф.Г.* Социальное настроение и адаптация этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2021. № 4 (53). С. 133–140.
4. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
5. *Субботина И.А.* Выборка в этносоциологическом исследовании в Республике Башкортостан по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» // Язык и национализм в постсоветских республиках: по материалам международного симпозиума. 5–6 марта 1994 г. Чикаго. М., 1994. С. 183–187.

Мнение жителей малых городов Центральной России о современной жизни (некоторые результаты опросов 2018, 2019 и 2021 г.)[11]

Н.А. Дубова

Проблемы современных малых городов России уже многие годы привлекают внимание исследователей. Среди обсуждаемых вопросов можно назвать следующие: роль малых городов в системе расселения страны, малые города как хранители истории, исторических памятников, исторической памяти, традиционной культуры народов, а также многое другое. Появляется все большее число работ, нацеленных на малые города именно Центральной России, где подавляющую часть населения составляют русские. В 2017 г. Центром антропоэкологии ИЭА РАН были начаты исследования подобных городов, направленные на комплексный анализ статистических, социологических, этнографических, экологических данных [6]. В этом же издании описаны критерии выбора городов, где должно было проводиться обследование.

Основной задачей проекта является получение объективной характеристики населения малого города по следующим блокам параметров: сведения из истории города; состояние природной и социальной среды, в которой находится город; его современная инфраструктура; социально-демографические изменения в населении малого города, произошедшие в постсоветский период; источники средств существования представителей разных социально-демографических, образовательных и имущественных слоев населения; традиционные и инновационные виды деятельности и способы получения дохода; степень сохранности или трансформации и дифференциации этнокультурных традиций; сохранение или возрождение традиционных производственно-трудовых навыков, самобытных производств, основанных на использовании местных ресурсов, природной среды и др.; уровень удовлетворенности людей социально-экономическими аспектами своей жизни, городской средой в целом; общая характеристика здоровья населения; представления населения о перспективах развития города и другие показатели.

С целью получения этих сведений разработана специальная анкета, включающая несколько блоков вопросов. Она была использована при проведении массовых опросов населения старше 16 лет (квотные по возрасту и полу выборки по 300 человек). Выбраны города, находящиеся к западу и востоку от Московской городской агломерации, численностью не более 20 тыс. человек с преимущественно русским населением.

Первыми были изучены г. Белёв в Тульской и г. Старица Тверской области. Часть результатов была опубликована [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. В 2020–2021 гг. работы были продолжены в городах Данилов и Пошехонье Ярославской области. В табл. 1 представлены краткие сведения об изученных городах, которые, безусловно, будут расширены при подробной публикации собранных материалов. Ввод в базу данных опроса и статистическая их обработка была проведена по городам Белёв и Старица И.А. Субботиной, Л.В. Остапенко и Р.А. Старченко, а по двум другим поселениям – О.А. Зыкиной, Д.С. Сабининой и А.Н. Ямсковым. Здесь мы остановимся только на очень небольшой группе вопросов, которая характеризует в самом общем виде степень удовлетворенности жителей отдельными аспектами своей жизни.

[11] Работы проводятся в соответствии с Госзаданием ИЭА РАН.

Таблица 1

Общая характеристика изученных городов

Сведения о городах	г. Белёв	г. Старица	г. Данилов	г. Пошехонье
Первое упоминание в истории	1147 г.	1297 г.	XV в. как село	1680 г. как село
Численность населения (2021), тыс. человек	12,5	7,2	14,4	5,6
Расстояние от г. Москвы, км	293	217	351	387,7
Расстояние от областного центра по трассе, км	119	77	154,6	136
Наличие железнодорожной станции	существовала до 2016 года	в 12 км	в городе	ближайшая в г. Рыбинске (71 км)

Ответы на вопрос об оценке своего современного материального положения в разных городах распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Оценка нынешнего материального положения, %

Ответы респондентов	г. Белёв	г. Старица	г. Данилов	г. Пошехонье
У нас имеется возможность ни в чем себе не отказывать	5,4	13,9	6	3
У нас есть возможность приобретать многое, но слишком дорогие приобретения нам недоступны	39,7	46,3	28	24
В основном денег хватает на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости	43,4	27,2	48	48
Денег хватает только на питание	7,1	4,8	8	14
Денег не хватает на самое необходимое, даже на питание	2,7	3,1	6	6
Затруднились ответить	1,7	4,7	4	5

Только в Старице доля тех, кто может ни в чем себе не отказывать и имеют возможность приобрести многое, но не слишком дорогое, составляла более 60%. Число таковых в г. Белёве, хоть и меньше, но все же значительно. Среди белёвцев превалируют те, кому денег хватает на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости. В обоих малых городах Ярославской области, где проводились исследования, также много именно таких жителей, но, что их значительно отличает от туляков и тверичан, это то, что среди ярославцев в два раза выше доля тех, кому денег хватает только на питание или даже не хватает на самое необходимое.

Согласованными с таким распределением ответов выглядят и данные об удовлетворенности своим материальным положением (табл. 3). В трех городах из четырех наибольшая доля опрошенных полностью или скорее не удовлетворена своим материальным положением. Только среди старичан 57,5% в той или иной мере удовлетворены таковым. Наибольшее число пошехонцев скорее не удовлетворены, но доли полностью не удовлетворенных и скорее удовлетворенных фактически одинаковы. На этот вопрос затруднилась ответить небольшая часть опрошенных в каждом городе (от 4% в Данилове до 6,7% в Старице). Но доля таких жителей наименьшая в Данилове.

Таблица 3

Удовлетворенность материальным положением, %

Ответы респондентов	г. Белёв	г. Старица	г. Данилов	г. Пошехонье
Полностью удовлетворен	10	17,8	15	2
Скорее удовлетворен	27	39,7	33	24
Скорее не удовлетворен	41	26,6	27	46
Полностью не удовлетворен	17	9,1	21	23
Затруднились ответить	5	6,8	4	5

Показательны полученные результаты оценки жителями изученных городов условий окружающей среды, работы медицинских, образовательных учреждений, предприятий торговли в городе, деятельности администраций и полиции (табл. 4). В большей степени всех опрошенных удовлетворяет работа предприятий торговли и качество окружающей среды. Окружающая среда вызывает некоторую озабоченность в городах Белёве и Данилове. Но и в этих поселениях более 60% опрошенных говорят, что в этом отношении все благополучно. Несколько реже удовлетворяет работа образовательных учреждений. Только в Белёве заметно больше проблем в этой сфере. По-разному оценивают деятельность администрации и полиции жители разных городов. Так, около половины опрошенных жителей г. Данилова довольны работой администрации, и более 60% – полиции. Практически столько же жителей Старицы и Пошехонья оценивают работу полиции положительно, в отличие от Белёва, где процент таковых ниже. А вот доля тех, кто доволен усилиями администраций в Пошехонье и в Белёве, невысока.

Таблица 4

Доля жителей, полностью или скорее удовлетворенных теми или иными аспектами городской жизни, %

Аспекты жизни	г. Белёв	г. Старица	г. Данилов	г. Пошехонье
Качество окружающей среды	64,8	81,6	64	83
Работа медицинских учреждений	17,3	48,8	34	30
Работа образовательных учреждений	57,5	65,9	77	66
Работа предприятий торговли	75,9	70,9	82	83
Работа администрации	27	37,6	46	28
Работа полиции	39,7	46,2	64	49

Но самые большие проблемы жители всех городов видят в обеспеченности медицинскими услугами. Если в Старице ими довольны около половины опрошенных, то в Белёве – всего 17%, а в двух других городах – около трети. Среди проблем медицинского обеспечения отмечается и нехватка медицинских учреждений, и врачей (особенно специалистов), и медицинского оборудования (табл. 5).

Особо подчеркивается отсутствие во всех обследованных малых городах родильных

домов, которые были закрыты. В процессе опросов жители городов нередко рассказывали, что в результате того, что рожениц и тяжело больных приходилось везти во многих случаях по бездорожью, за несколько десятков километров, все заканчивалось трагически. Приведенные результаты свидетельствуют о явных недоработках в тех мероприятиях, которые проводились по оптимизации системы здравоохранения во многих регионах.

Таблица 5

Мнения респондентов о недостатках системы здравоохранения их городов, %

Ответы респондентов	г. Белёв	г. Старица	г. Данилов	г. Пошехонье
1. Не хватает медицинских учреждений	49	37	32	43
2. Не хватает врачей	29	53	52	71
3. Не хватает медицинского оборудования	39	28	49	64
4. Другое	5	7	7	3
5. Затруднились ответить	11	25	11	12

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

В данном кратком предварительном сообщении приведена лишь небольшая часть полученных результатов. Безусловно, требуется более подробное описание и углубленный анализ ответов на все вопросы, рассмотрение того, как представители разных возрастных групп оценивают те или иные ситуации. Но даже этот беглый очерк позволяет говорить о том, что наблюдается определенная связь между численностью населения города, его удаленностью от основных железнодорожных и автомобильных трасс и числом проблем, которые ощущают на себе его жители. Как показал опыт «укрупнения» сельских населенных пунктов, имевший место на разных территориях СССР, кроме упрощения снабжения небольших поселений, он принес одновременно ряд проблем, связанных с опустением значительных пространств. Это, как представляется, вряд ли можно признать дальновидным решением, особенно в историческом центре России.

Литература

1. *Григулевич Н.И.* Малые города провинциальной России – хранители традиционной русской культуры // По пути времени… 2015–2016. Вып. 6 / ред. А.Г. Кубарев, С.В. Мокрова, А.П. Коршунов. Тверь: СФК-офис, 2017. С. 150–166.
2. *Григулевич Н.И.* Естественное движение населения в российских регионах (конец XX – начало XXI века) // Историческая демография. 2017. № 2 (20). С. 48–53.
3. *Григулевич Н.И.* Экологические вызовы в малых городах России: первые результаты комплексных полевых исследований // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы III Всерос. научно-практическая конференция, посвященная 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Казань, 6–7 сент. 2018 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 482–485.
4. *Григулевич Н.И.* Свято-Преображенский монастырь в городе Белеве: история и современность // Колпинские чтения по краеведению и туризму. Материалы Первой Всерос. научно-практической конференции, 10–11 апр. 2018 г. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 311–318.
5. *Григулевич Н.И.* Детство военное: воспоминания старожилов малых городов срединной России // Вклад регионов России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.:

актуальные проблемы в контексте национальной безопасности / отв. ред. А.В. Псянчин, Р.Н. Сулейманова: материалы Всерос. научно-практическая конференция с междунар. участием. г. Уфа, 22 окт. 2020 г. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020. С. 43–49.

6. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице / Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко [и др.] // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2018. Вып. 267. 111 с.
7. *Остапенко Л.В., Субботина И.А*. Провинциальный русский город в начале XXI века: М.: Старый сад, 2019.
8. *Сабинина Д.С.* Образ места в представлениях жителей малого российского города Старица Тверской области // Вестник антропологии. 2022. Вып. 2 (в печати).
9. *Ямсков А.Н*. Региональное и локальное самосознание жителей малых городов Центральной России (по итогам анкетирования старшеклассников Белёва и Старицы) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: материалы VIII Междунар. Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 нояб. 2017 г. / сост.: И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. Елабуга: Елабуж. ин-т КФУ, 2017. С. 270–273. URL: http://doi.org/10.5281/zenodo.2650271
10. *Ямсков А.Н*. Отражение культурно-исторических связей с соседними районами в пространственной идентичности старшеклассников Белёва и Старицы // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференция с междунар. участием; г. Рязань, 21–22 нояб. 2018 г. / отв. ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 73–79.
11. *Ямсков А.Н*. Кто мы? Белёвцы или туляки, старичане или тверичане? Локальный и региональный уровни пространственной идентичности старшеклассников в малых городах Тульской и Тверской областей // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI Междунар. научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. Брянск: Изд-во. БГИТУ, 2019. С. 130–137.

Жизненные ценности, тревоги и страхи жителей русской провинции

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

Жизненные ценности. Как известно, жизненные ценности, жизненные ориентации – это не просто одно из важнейших проявлений массового сознания. Это тот ключевой компонент, по состоянию и динамическому вектору которого можно с большой долей вероятности судить о качественных характеристиках сознания людей. Ценности людей, их представления о том, что наиболее важно в их жизни, что может дать ощущение счастья и благополучия, а что, напротив, является второстепенным, необязательным, находятся в определенной взаимосвязи с этнической идентичностью. Вот почему в наших многолетних этносоциологических исследованиях анализ состояния и развития базовых ценностей представителей различных этнических общностей под воздействием происходящих трансформационных процессов занимал и занимает одно из важных мест.

Традиционная ценностно-нормативная система любого народа, несмотря на ее обычную стабильность, устойчивость, испытывает в настоящее время мощное давление разнонаправленных факторов, обусловленных глобализационными процессами. В свою очередь, распространенные в разных этнических группах ценности, их сходство и различие, находят свое отражение в процессах адаптации этносов к новой реальности, влияют на интеграционные процессы в обществе. Переживаемый российским обществом социально-экономический и духовный кризис, сильнейшее обнищание населения привели к тому, что адаптивные процессы затронули и мировоззренческую систему человека, нравственную основу личности, изменилась структура общественных жизненных интересов.

В данной статье, написанной на основе материалов этносоциологического исследования, проведенного в 2018 г. в двух малых российских городах – Белёве Тульской области и Старице Тверской, делается попытка рассмотреть вопросы, связанные с жизненными ценностями, тревогами и опасениями жителей русского провинциального города в современный период. Выборка исследования составила по 300 человек в каждом городе.

Этносоциологические исследования первой половины 1990-х годов, проведенные в ряде российских регионов под руководством Л.М. Дробижевой, а также этносоциологические исследования Ю.В. Арутюняна и авторов данной статьи в другой стране постсоветского пространства – Молдавии (1993, 1996 г.) показали, что из-за возникшей остроты материальных проблем, крушения многих прежних идеалов и стандартов жизни в иерархии ценностных ориентаций и в российском, и (немного позднее) в молдавском обществе проявились качественные сдвиги. Такая ценность, как «семья», связанная с комфортностью микромира человека, все еще лидировала в списке жизненных ценностей, хотя материальный достаток уже переместился на второе место в их иерархии, потеснив другие устойчивые и традиционные ценности [16: 295; 2: 143]. Казалось, что массовое сознание населения стран постсоветского пространства сдвинулось и начало принимать формы, характерные для западного общества массового потребления.

Материалы этносоциологического исследования, проведенного авторами среди русских в Москве в 2006 г., также показали изменения в структуре жизненных ценностей столичного населения. Жизнь москвичей в эти годы проходила в условиях постоянной психологической напряженности – теракты, криминальные разборки, развал финансовых и строительных пирамид, коррумпированность чиновников и представителей правоохранительных органов. Ко всему добавились сложности, связанные с захлестнувшими российскую столицу потоками миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья, межэтнические конфликты и пр. Понятно, что в таких условиях у людей усиливается ощущение тревоги, раздражения, появляется желание убежать от действительности, «спрятаться» в

тесном семейном кругу. В структуре жизненных ценностей москвичей в те годы с заметным отрывом от других лидировали три условия: «жить спокойно, без волнений и забот», «иметь хорошую семью» и «жить обеспеченно, в достатке». Социально-культурные, трудовые аспекты, в отличие от советских времен, имели в этот период гораздо меньшую значимость. О невозможности полноценной счастливой жизни без интересной работы, уважения людей и такой демократической ценности, как свобода выбора, говорили лишь 13–17% опрошенных. Крайне мало москвичей считало необходимым для счастья обладание властью, положением в обществе. И даже ценность высшего образования в качестве компонента счастливой жизни котировалась весьма низко [10: 140–141].

Произошедшие в конце XX – начале XXI в. изменения в структуре жизненных ценностей населения, с приоритетом материального достатка, выпячиванием материальных условий жизни на первое место на ценностной шкале, как нам представлялось, носили ситуативный характер, обусловленный резкими социально-экономическими трансформациями, повлекшими за собой массовое обнищание населения постсоветских стран. Стремительное падение уровня жизни людей выдвинуло на первый план для значительной части населения этих государств проблему простого физического выживания, отодвинув духовно-нравственные ценности «за кулисы». В таких условиях наиболее востребованной ценностью являются деньги. Именно в этот период зародилась тенденция нарастания прагматизации массового сознания людей. Произошедшие качественные сдвиги в ценностных ориентациях явились своеобразной адаптацией населения к новым условиям жизни: не имея возможности изменить мир вокруг себя, люди пытались изменить самих себя и свои представления о ценностях этого современного мира.

Но анализ ценностных предпочтений, как бы «опрокинутых в будущее», не связанных с материальной ситуацией сегодняшнего дня, соотнесенных с будущим детей, в которых каждый человек видит продолжение самого себя, то, что можно назвать «расширенной идентичностью» [14: 126], показало иное. Эти ценностные ориентации были более близки традиционной структуре ценностей советского общества, когда безусловными приоритетами у всех этнорегиональных групп населения являлись семья, работа и уважение людей, а богатство, материальный достаток занимали лишь четвертую ступень на шкале жизненных ценностей.

Таким образом, к концу первого десятилетия XXI в. в целом восстановилась картина, характерная для периода начала реформ. Базовые ценности населения продемонстрировали довольно устойчивый характер. Исключение составили ценности, связанные с ролью материального фактора, которые приобрели новый вес и стали одним из основных критериев «хорошей жизни» [12: 284].

Какие же жизненные ценности превалируют в сегодняшнем российском социуме? Совершенно очевидно, что российское общество сегодня очень дифференцировано, и иерархия жизненных ценностей имеет свои территориальные, этнические, возрастные и прочие детерминанты.

Этносоциологические исследования, проведенные нами в 2018 г. среди русского населения двух малых российских городов – Белёва и Старицы – дали возможность показать современную структуру жизненных ценностей их жителей, подтвердить или опровергнуть сложившиеся закономерности ее трансформации.

Материалы опроса показали, что семья, по-прежнему, остается на лидирующих у всех возрастных групп русских респондентов – от молодежи 16–29 лет до лиц пожилого возраста (50 и старше). За нее, как главное условие «хорошей жизни» высказалось свыше 2/3 опрошенных (68%) (табл. 1).

Таблица 1

Жизненные ценности русской провинции, %

Варианты ответов	Русское население малых городов			
	16–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Все население
Свобода, независимость	39	29	28	32
Карьера, социальный рост	28	17	7	17
Семья, любовь, дети	69	71	64	68
Интересная работа, занятие любимым делом	46	40	32	40
Материальное благополучие	43	46	34	41
Богатство. Неограниченные материальные возможности	7	3	5	5
Власть, влияние на других людей	5	2	1	2
Здоровье свое и близких	56	54	57	55
Спокойная жизнь без волнений и забот	19	26	20	22
Чистая совесть	22	28	32	27
Авторитет, уважение окружающих	9	11	7	9
Известность, слава	4	1	–	2
Затруднились ответить	5	1	2	3

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Второе место на шкале жизненных ценностей у русского населения всех возрастов устойчиво занимает «здоровье свое и близких» (55%), довольно существенно уступая семье. Третье место в иерархии условий счастливой жизни получило материальное благополучие (41%). Здесь необходимо отметить, что в последующей иерархии компонентов хорошей жизни возрастной фактор начинает играть свою роль: у молодежной группы опрошенных (16–29 лет) материальное благополучие заняло лишь 4 место, совсем немного «пропустив вперед» интересную работу, что совершенно понятно. Молодые люди зачастую не обременены собственными семьями, детьми, которых надо кормить. Они заняты поисками интересного дела, любимого занятия, которому собираются посвятить свою жизнь, при этом не забывая, что интересное дело должно, кроме прочего, давать материальные средства, «обеспечивать» молодому человеку возможность полноценной жизни. Для всех остальных возрастных групп опрошенного населения ценность интересной работы уступает (правда, совсем немного) материальному благополучию, занимая 4 место в иерархии жизненных ценностей.

Возрастной фактор детерминирует дальнейший выбор жизненных ценностей русских. Так, молодежи более важны такие ценности как «свобода, независимость», «карьера и социальный рост» (5, 6 места на шкале жизненных ценностей). Людям более зрелого возраста, помимо независимости, важна и такая нравственная категория как «чистая совесть», получившая 28–32% выборов (табл. 2).

Таблица 2

Жизненные ценности русской провинции, ранги

Варианты ответов	Русское население малых городов			
	16–29 лет	30–49 лет	50 и старше	Все население
Свобода, независимость	5	5	6	5
Карьера, социальный рост	6	8	8-9	8
Семья, любовь, дети	1	1	1	1
Интересная работа, занятие любимым делом	3	4	4-5	4
Материальное благополучие	4	3	3	3
Богатство, неограниченные материальные возможности	10	10	10	10
Власть, влияние на других людей	11	11	11	11
Здоровье свое и близких	2	2	2	2
Спокойная жизнь без волнений и забот	8	7	7	7
Чистая совесть	7	6	4–5	6
Авторитет, уважение окружающих	9	9	8-9	9
Известность, слава	12	12	12	12

Менталитету русского человека было свойственно стремление жить «по правде», «по совести», которая ценилась выше всяких законов. В толковом словаре Владимира Даля одно из определений совести звучит так: «внутреннее сознание добра и зла», «прирожденная правда, в различной степени развития» [4]. Понятие «совесть» в традиционном сознании русских затрагивало, главным образом, ситуации, связанные с нравственным выбором, ответственностью, а при неправильном выборе – с душевными мучениями. Обыденные представления о совести во многом определяли поведение и регулировали отношения между людьми. Особенностью российского менталитета всегда являлось признание основополагающей роли нравственности и совести в жизнедеятельности людей. Современные исследователи феномена «совесть» стремятся выявить, что в российском менталитете в понимании совести осталось неизменным, а что претерпело изменения. В этой связи актуальной является задача изучения этих явлений в молодежной среде, что поможет в прогнозировании основных тенденций в изменении нравственных ориентиров современного общества.

О неблагополучии в нравственной сфере говорят сейчас многие ученые. В частности, по результатам исследований Л.Ш. Мустафиной, проведенных в 2010–2011. г., представления современной молодежи о совести могут быть тесно связаны с падением нравственной культуры человека и его направленностью на эгоистическое поведение, не учитывающее интересы других людей [9].

Результаты наших исследований 2018 г. в двух малых российских городах показывают, что для русской молодежи от 16 до 30 лет такое понятие, как «чистая совесть» менее значимо, чем для людей более зрелого возраста, и занимает лишь 7-е место в иерархии жизненных ценностей русской провинциальной молодежи, в то время как у лиц в возрасте 30–49 лет эта нравственная категория получила 6 место на иерархической лестнице, а у людей старше 50 лет она делит 4–5 место с такой ценностью, как работа.

Проведенные этносоциологические исследования русского населения в провинциальных городах и российской столице дали возможность показать сходство и различия в иерархии жизненных ценностей русской молодежи крупнейшего российского мегаполиса и российской глубинки. Материалы, представленные в табл. 3, отчетливо демонстрируют, насколько близки жизненные позиции, ценности русской столичной и провинциальной молодежи.

Семья, занимает 1-е место по шкале жизненных ценностей молодежи и в провинции, и в столице. Однако если у столичной молодежи в выборах ответа над ценностью здоровья превалирует интересная работа (2 и 3-е место соответственно), то у русской провинциальной молодежи эти два показателя меняются местами. При дальнейшем рассмотрении шкал жизненных ценностей молодежи столицы и провинциальных городов мы не находим никаких принципиальных различий: и у тех, и у других 4-е место в иерархии жизненных ценностей отводится материальному благополучию, 5-е – свободе, независимости, 6-е – карьере, социальному росту, и лишь 7-е – такой нравственной категории, как «чистая совесть». Крайне мало выборов получили у русской молодежи в качестве условий счастливой жизни «богатство, неограниченные материальные возможности» (7–9%), «обладание властью, влиянием на других людей» (5–6%), «известность, слава» (4–6%). Правда, и такая жизненная ценность, как «авторитет, уважение окружающих», занимавшая в советское время устойчивое 3-е место, на шкале жизненных ценностей современной русской молодежи и в столичном мегаполисе, и в провинциальном городе стоит лишь на 9-м месте (табл. 3).

Таблица 3

Жизненные ценности русской молодежи (16–29 лет), %, ранги

Варианты ответов	Провинция, %	Столица, %	Провинция, ранги	Столица, ранги
Свобода, независимость	39	50	5	5
Карьера, социальный рост	28	38	6	6
Семья, любовь, дети	69	65	1	1
Интересная работа, занятие любимым делом	46	62	3	2
Материальное благополучие	43	53	4	4
Богатство, неограниченные материальные возможности	7	9	10	10
Власть, влияние на других людей	5	6	11	11
Здоровье свое и близких	56	61	2	3
Спокойная жизнь без волнений и забот	19	26	8	8
Чистая совесть	22	31	7	7
Авторитет, уважение окружающих	9	18	9	9
Известность, слава	4	6	12	12

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Материалы авторских этносоциологических исследований в Москве в 2006 и 2018 г. дали возможность показать изменения структуры жизненных ценностей молодежных групп русского столичного населения в динамике. В ответах на вопрос о тех основных условиях, которые были особенно необходимы молодым людям для достижения «хорошей,

счастливой жизни», в 2006 г. лидировали две позиции: хорошая семья (41%) и материальный достаток (34%) [10: 142]. Интересная работа (25%) немногим уступала такому показателю, как «свобода» (29%), заняв лишь 4-е место на шкале жизненных ценностей.

В 2018 г. мы наблюдаем дальнейшее снижение значимости материального фактора для столичной молодежи и возрастание роли интересной работы в иерархии жизненных ценностей молодых людей поколения «Z», для которых особенно важно, чтобы работа была интересной и доставляла удовольствие, способствовала их самореализации, жизненному успеху [11: 55].

Некоторые исследователи полагают, что «системы ценностей у новых русских, у нового среднего класса и у простых людей, не дотягивающих до прожиточного минимума, примерно одинаковы» [3: 41–55]. Допуская правильность этого общего утверждения для системы базовых ценностей людей, нам хотелось бы обратить внимание на существенные различия в иерархии жизненных ценностей у различных социальных групп общества. Хотя мы допускаем ограниченность полученных нами данных, тем не менее они указывают на существенную дифференциацию иерархии жизненных ценностей русских, в зависимости от уровня их доходов (табл. 4).

Материалы, представленные в табл. 5, показывают, что чем выше уровень доходов населения, тем более высоко ценится свобода, независимость, возможность быть «самому себе хозяином», которой богатые, высокообеспеченные люди отдают приоритет: она занимает лидирующие позиции на шкале их жизненных ценностей, оставляя позади такие ценности, как семья, здоровье, работа, а тем более материальный достаток. Но и для группы «бедняков» из русской провинции, едва сводящих концы с концами, свобода и независимость, эти «смысложизненные» ценности, не становятся фикцией, они входят в пятерку наиболее важных жизненных ценностей людей, нравственных категорий, составляющих ядро ментального поля русского человека.

Таблица 4

Жизненные ценности русской провинции в зависимости от уровня дохода, %

Варианты ответов	**Русское население малых городов**		
	Низкий уровень дохода	**Средний уровень дохода**	**Высокий уровень дохода**
Свобода, независимость	25	31	58
Карьера, социальный рост	12	17	19
Семья, любовь, дети	56	72	51
Интересная работа, занятие любимым делом	35	41	35
Материальное благополучие	48	43	23
Богатство, неограниченные материальные возможности	6	4	7
Власть, влияние на других людей	6	2	5
Здоровье свое и близких	62	59	39
Спокойная жизнь без волнений и забот	6	23	30
Чистая совесть	15	29	33
Авторитет, уважение окружающих	23	9	7
Известность, слава	4	1	4

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Таблица 5

Жизненные ценности русской провинции в зависимости от уровня дохода, ранги

Варианты ответов	Низкий уровень дохода	Средний уровень дохода	Высокий уровень дохода
Свобода, независимость	5	5	1
Карьера, социальный рост	8	8	8
Семья, любовь, дети	2	1	2
Интересная работа, занятие любимым делом	4	4	4
Материальное благополучие	3	3	7
Богатство, неограниченные материальные возможности	9-10-11	10	9-10
Власть, влияние на других людей	9-10-11	11	11
Здоровье свое и близких	1	2	3
Спокойная жизнь без волнений и забот	9-10-11	7	6
Чистая совесть	7	6	5
Авторитет, уважение окружающих	6	9	9-10
Известность, слава	12	12	12

Вероятно, именно этнический фактор играет здесь свою существенную роль, когда такие особенности ценностной шкалы, выносящие свободу, независимость на приоритетные места, являются выражением национальной культуры. Не случайно, многие писатели, философы, психологи и в прошлом, и в настоящее время отмечают существенные отличия русского человека от западного, называя русских «народом с анархическими наклонностями» [7]. «Русские вольны, а потому нет им предела, меры, закона». Эту внутреннюю свободу духа отметил И. Ильин, подчеркивая, что она не уживается ни с каким рабским сознанием [6]. Н. Бердяев «внутреннюю свободу» русского народа сравнивал с «внутренней несвободой» западных народов, их порабощенности внешним. «В русском народе, – писал философ, – поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами» [1].

«Если в Западной культуре свобода человека воспринимается через ее социальное содержание, то в русской культурной традиции свобода, в первую очередь, является выражением духовного начала» [5]. Многие ученые отмечают, что «одним из важных компонентов русского архетипа является любовь к свободе и высшему ее выражению – внутренней свободе, свобода духа» [15: 15]. «России присуща нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Нравственная свобода – дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный…» [8].

Владимир Личутин, известный русский писатель, на вопрос корреспондента: «В чем же отличие русского от западного человека?», сказал: «Русский человек – дитя пространства, человек свободы и воли. Западному жильцу хватает лишь свободы, он отвык жить в своем кругу, европейцу достаточно, чтобы взгляд его доставал до костела и замка, в этом видя устойчивость и безопасность. Да, европеец пытался проникнуть в другие миры, но как завоеватель, с душою немирной, властной и жестокой; и был изгнан, как чужак, стиравший с земли малые племена. Европеец слабо понимает живот свой, лег под Гитлера, почти не оказав сопротивления. Жертвенный русский освободил Европу от гнета, и она сейчас, самодовольная и сытая, надменно смеется над нами, не понимая куцей душою своей, что рыгочет над собою, податливой, вялой и практически превратившейся в песчаную пирамиду. Для русских воля выше и желанней свободы; и сейчас под давлением ино-

племенников и чужаков мы теряем волю, и потому тоскуем. В поисках воли кидались тысячи русских мужиков в Сибирь, чтобы сыскать там Беловодье, чтобы устроить жизнь без насилия... От желания безграничной воли воспитались в русских долготерпение, умение обходиться самым необходимым, нестяжательство, созерцательность, дружинность... Из желания воли всевечный конфликт государства и народа... Для русских распрощаться с волей, это отрезать душу, превратить ее в шагреневую кожу. Из чувства воли возник конфликт "демократов" и русских, ибо демократам ("западникам") это желание воли неведомо. Им хватает "кухонной свободы", когда не покушаются на их дом и капиталы. И все... Отсюда разница устремлений и разное чувство Родины. Поклонившийся Западу, невольно теряет оттенки души, он укорачивает, обрезает ее под западный характер, не сознавая вполне, что если он русский, то даже при полной слиянности взглядов на жизнь, внутри его будет постоянно жить бунт...» (Цит. по: [1]).

Возвращаясь к материалам нашего исследования, хотелось бы отметить, что столь же четкая прямая зависимость наблюдается между уровнем дохода и ценностью такой нравственной категории, как «чистая совесть». Обратная зависимость прослеживается между уровнем дохода группы и значимостью для нее таких категорий, как «материальное благополучие», «спокойная жизнь, без волнений и забот», «здоровье» и «уважение окружающих». В то же время безусловными ценностями, не зависящими от уровня материального достатка человека, признаются «семья» и «работа». Если говорить о пяти наиболее значимых жизненных ценностях для «бедняков», то ими следует признать (в порядке значимости для группы) здоровье, семью, материальное благополучие, интересную работу и свободу. У людей со средним уровнем достатка эта пятерка ценностей будет выглядеть несколько иначе: семья, здоровье, материальное благополучие, работа и свобода. У богатых русских эти пять условий счастливой жизни составят свобода, семья, здоровье, интересная работа и чистая совесть.

Таблица 6

Мнения респондентов о том, кем бы они хотели видеть своих детей, %, ранги

Варианты ответов	**Русское население обоих городов**	
	%	**ранги**
Людьми с высшим образованием	56	1
Людьми, занимающими высокие посты	14	9
Людьми, имеющими интересную работу	49	3
Русскими	20	6
Людьми, знающими русский язык и культуру	17	7-8
Богатыми, состоятельными людьми	22	5
Людьми, имеющими хорошую семью	53	2
Людьми с чистой совестью	35	4
Людьми, пользующимися авторитетом	17	7-8
Людьми, исповедующими мою религию	8	10
Другой вариант	2	
Затруднились ответить	4	

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Интересен в этой связи анализ ценностных предпочтений русской провинции, как бы «опрокинутых в будущее», свободных от материальных проблем сегодняшнего дня, соотнесенных с будущим детей, что делает их реальные жизненные приоритеты более объемными, очевидными. Первенство здесь занимает «высшее образование», ценность которого признают свыше половины опрошенных (56% выборов). Второе и третье места на иерар-

хической лестнице, лишь немногим уступая высшему образованию, занимают такие традиционные ценности, как семья и работа (53 и 49% выборов). Четвертое место жители малых русских городов отдали такой нравственной категории, как «чистая совесть» (35%), поместив материальный достаток лишь на 5 место (22% выборов) (табл. 6). Стоит особо отметить, что в выборе первых четырех важных жизненных ценностей (высшее образование, семья, работа и чистая совесть) не наблюдалось никакой возрастной дифференциации: опрошенные жители русской провинции всех возрастов были единодушны в своем выборе (табл. 7).

Акцентированность на «свои» национальность, язык и культуру не занимает первых мест в ряду тех социальных характеристик, которые показались русским жителям малых городов наиболее предпочтительными, привлекательными для своих детей. Тем не менее каждый пятый опрошенный хотел бы видеть своих детей носителями русской идентичности, а каждый шестой отмечал важность знания детьми русского языка и культуры (табл. 7). В выборе этих этнически окрашенных жизненных ценностей возрастной фактор играл свою роль: чем моложе были респонденты, тем менее значимыми были выборы «этнических» ценностей.

Таблица 7

Мнения респондентов о том, кем бы они хотели видеть своих детей, ранги

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	16–29 лет	30–49 лет	50 и старше
Людьми с высшим образованием	1	1	1
Людьми, занимающими высокие посты	7	9	9
Людьми, имеющими интересную работу	3	3	3
Русскими	5-6	6-7-8	5
Людьми, знающими русский язык и культуру	8	6-7-8	6
Богатыми, состоятельными людьми	5-6	5	7-8
Людьми, имеющими хорошую семью	2	2	2
Людьми с чистой совестью	4	4	4
Людьми, пользующимися авторитетом	9	6-7-8	7-8
Людьми, исповедующими мою религию	10	10	10

Интересно в этой связи сравнение мнений русской молодежи провинции и столичного города. Материалы авторских этносоциологических исследований 2018 г. в Москве и малых городах России (Белёве и Старице) показывают, что для молодежи провинции, живущей в моноэтнической, русской среде малого города, значимость этнической идентичности существенно выше, нежели для молодежи Москвы, привыкшей к жизни в условиях многонациональности (23 и 12% выборов соответственно). Столичной молодежи гораздо важнее этнической идентичности как таковой оказалось знание детьми русского языка и культуры, в качестве необходимых атрибутов будущей комфортной и успешной жизни в многонациональной столице России (табл. 8).

Сравнение жизненных ценностей, «опрокинутых в будущее», молодежи русской провинции и русской молодежи Москвы дало возможность показать их сходство и различия. Если в первую тройку жизненных ценностей будущего у респондентов из провинции входят высшее образование, семья и работа, то столичная молодежь более нацелена на образование, карьеру и работу. Лидирующие места в жизненных предпочтениях молодежи Москвы занимают «высшее образование» и «высокий пост» (100% выборов), т.е. конкретные и, как видим, очень важные для молодежи средства и конечные цели попадания в «социальный лифт» – образование и карьера. Несомненно, важна и «интересная работа» (57%). «Хорошей семье» отводится четвертое место: ее выбрали в качестве необходимого

условия счастливой жизни для своих детей 50% опрошенных молодых москвичей (табл. 8). Следующей по значимости была такая ценность, как «чистая совесть», в выборе которой практически нет значимых различий между русской провинциальной и столичной молодежью (41 и 37% выборов соответственно). Такая нравственная категория, как «чистая совесть», заняв 5-е место в иерархии жизненных ценностей для детей у русской столичной молодежи, опередила ценность материального фактора (6-е место). Это свидетельствует о том, что в ситуации, когда снята острота материальных проблем (что характерно для Москвы с ее высоким уровнем жизни, широкими возможностями трудовой занятости молодежи), такие нравственные категории, как «чистая совесть» вновь могут стать важнейшими жизненными ценностями русских людей.

Таблица 8

Мнения респондентов о том, кем бы они хотели видеть своих детей, %, ранги

Варианты ответов	Русская молодежь 16–29 лет			
	Провинция, %	Столица, %	Провинция, ранги	Столица, ранги
Людьми с высшим образованием	79	100	1	1-2
Людьми, занимающими высокие посты	19	100	7	1-2
Людьми, имеющими интересную работу	46	57	3	3
Русскими	23	12	5-6	9
Людьми, знающими русский язык и культуру	17	18	8	7
Богатыми, состоятельными людьми	23	28	5-6	6
Людьми, имеющими хорошую семью	47	50	2	4
Людьми с чистой совестью	41	37	4	5
Людьми, пользующимися авторитетом	15	13	9	8
Людьми, исповедующими мою религию	7	4	10	10

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Тревоги и опасения. В течение многих лет российская провинция олицетворяла собой покой и тишину, место, где человек мог расслабиться, отдохнуть от проблем, избавиться от стресса и нервных перегрузок, почувствовать себя в безопасности и т.п. Однако ситуация изменилась. После начала радикального реформирования в стране в селах и малых городах появилось столько сложных и трудно решаемых проблем в самых различных сферах жизни, что это не могло не сказаться на местной духовно-нравственной атмосфере. В сложившихся условиях у людей стало усиливаться чувство неуверенности в будущем, в возможностях сохранения достигнутого, в шансах улучшить свою жизнь и жизнь своих детей. Видимую лепту вносят и средства массовой информации, Интернет с его социальными сетями, проникшими и в российскую глубинку и извергающими на жителей поток негативных, пугающих сведений о взрывах, пожарах, крушениях самолетов, террористических актах, нашествиях неизлечимых болезней, коррумпированных чиновниках и «оборотнях» в погонах, матерях, убивающих своих детей и т.п. Вполне естественно, что в таких условиях у людей усиливается чувство тревоги, раздражения.

Материалы нашего исследования зафиксировали довольно высокий уровень тревожности у населения изучаемых малых городов. В целом «картина страхов» жителей Белёва и Старицы выглядела для мирного времени довольно мрачно (табл. 9). Лишь 15% белёвцев и всего 6% старичан жили без постоянного ожидания грозящих опасностей, грядущих жизненных невзгод и несчастий. Как видно, подобными страхами была заражена и местная молодежь. Лишь примерно каждым десятым из 16–29-летних не владели какие-либо

опасения и страхи. Этот показатель был примерно такой же, как у людей от 50 лет и старше. Наибольшую же храбрость проявляли мужчины 30–49 лет. «Бесстрашных» встречалось больше среди людей со средним образованием, а также среди зажиточных горожан. Однако во всех выделенных социально-демографических группах доля тех, кто не испытывал каких-либо опасений, была в несколько раз ниже доли людей с более тревожным состоянием. Особенно высокая доля не чувствующих себя в полной безопасности отмечалась среди женщин, людей с низким уровнем образования и невысоким доходом, что, видимо, не требует особых комментариев.

Таблица 9

Опасения и страхи жителей Белева и Старицы, %

Варианты ответов	Белёв				Старица			
	В среднем	16–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	В среднем	16–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Потеря близких	57	61	56	55	53	49	57	52
Война	52	45	50	60	51	43	56	55
Беззаконие	25	24	27	23	28	18	29	37
Бедность, нищета	22	24	26	16	28	23	36	24
Старость, беспомощность	25	20	24	32	22	16	23	26
Экологические катастрофы	15	12	17	12	19	19	21	12
Преступность	8	6	7	11	20	20	21	18
Особых страхов не испытывают	15	12	20	13	6	8	4	7
Затруднились ответить	5	8	4	3	5	9	2	3

Итог по столбцу не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос

Структура «страхов» белёвцев и старичан во многом коррелировала со структурой их жизненных ценностей и также менялась во времени, свидетельствуя о сохраняющемся значении для людей интересов семьи и ближайшего окружения. На первом месте по числу выборов аспектов жизни, вызывающих наибольшие опасения, как в целом по городам, так и в большинстве выделенных социально-демографических групп стоял вариант: «потеря близких», второе место занимала «война». Очевидно, страх войны уже укоренился в генах большинства россиян. Даже отдаленные от войны как минимум целым поколением современные юноши и девушки (свыше 40%) опасались этой угрозы. А среди представителей старшей возрастной группы (50 лет и старше) «война» поднималась на первое место в иерархии «страхов».

Для женщин одинаково тревожащим была и «потеря близких», и «война» (64–67%), а мужчины ближе к сердцу воспринимали потерю близких, как безвозвратную утрату. Война же для мужской части населения (видимо, пока она не настала) воспринималась спокойнее. Боязнь потерять близких была несколько шире распространена среди людей высокообразованных и обеспеченных, а страх наступления войны был больше свойственен респондентам со средним и средним специальным образованием (среди которых было немало женщин старшего возраста) и средним уровнем достатка.

Показательно, что страх наступления новой войны сохраняется у большинства россиян, о чем свидетельствуют материалы многих социологических опросов последних лет.

Например, по данным нашего московского исследования, в 2018 г. войны опасались 51% столичных студентов, 55% работающей молодежи и 67% школьников [11: 91].

На фоне этих действительно страшных, роковых событий прочие жизненные неурядицы представлялись жителям малых городов менее серьезными. Их называли реже. Однако, к сожалению, «визитной карточкой» нашего времени стал рост фобий, связанных с социально-экономическими и политическими вопросами, угрозами гражданским правам и свободам человека, его собственности, материальному достатку. Так, серьезными страхами для многих выступали «беззаконие» и «бедность». В прошлых исследованиях в числе относительных лидеров стоял ответ: «болезни, старость, беспомощность». В наши дни он был распространен преимущественно среди людей пожилого возраста. В то же время произвола властей боялись в Белёве и молодые, и люди среднего и пожилого возрастов (23–27% выборов). В Старице эти показатели оказались еще выше, особенно у 30–49-летних – 27–34%. О «беззаконии» чаще говорили люди, имеющие высшее образование, с высокой или средней степенью материальной обеспеченности.

Тот факт, что в стране, население которой всегда отличалось особыми отношениями с законодательством и нередко предпочитало жить не по законам, а по заповедям, «совести» и «справедливости», вопрос соблюдения законности встал на повестку дня, говорит о серьезных проблемах во взаимодействии государства в лице его всесильных чиновников, судей, полиции и остального народа. Материалы нашего исследования во многом идентичны данным других социологических опросов российского населения. В статье «Власть – страшная как война» политический обозреватель газеты «Московский комсомолец» Д. Попов, основываясь на итогах опроса социологов «Левада-центра», пишет: «Вот этой самой войны мы боимся так же, как произвола властей. И страх этот нарастает. По сравнению с 2014 г., он по показателю «испытываю постоянный страх» вырос вдвое – до 33%. То есть каждый третий человек в стране боится, что «власти сделают что-то нехорошее» [13]. Согласно опросу московской молодежи, беззакония боялось около трети опрошенных, причем особенно много среди студентов (33%) [11: 44].

В нынешних условиях актуализировался и вопрос бедности. Показательно, что, помимо самих бедных, о страхе оказаться в нищете говорило и немало представителей более зажиточных слоев, а также людей молодого и среднего возраста (свыше четверти), которые не были уверены в том, что в наши дни смогут своим трудом и знаниями заработать себе и своим близким на достойную жизнь и спокойную старость. Возможной бедности опасались и люди образованные, с дипломами вузов и техникумов – от 22–25% в Белёве до 31–33% в Старице. Даже у горожан, достигших более или менее высокого уровня достатка, страх все потерять и остаться «на мели» оказался достаточно распространенным, одолевая каждого четвертого-пятого. Среди московской молодежи более трети респондентов боялись бедности и нищеты [11: 91].

Как видно, провинциальных жителей в основном волновали те же сложные и глобальные проблемы, что и прочее население страны. Однако некоторые вопросы, злободневные для крупных городов, для них были не столь актуальны, в частности, преступность и экологические катастрофы. Ухудшением экологической ситуации были обеспокоены в большей степени жители Старицы, в том числе молодежь, люди среднего возраста, а также представители высокообразованных и материально обеспеченных групп. Для населения Старицы более остро стоял и вопрос преступности. Опасались за сохранность своего имущества и жизни в Старице вдвое больше людей, чем в Белёве. В числе страшащихся криминала сравнительно часто встречались представители зажиточных слоев (что вполне понятно), люди с высшим образованием, среднего возраста. Интересно, что в Белёве даже в составе респондентов с высоким уровнем достатка подавляющее большинство (свыше 90%) относилось к

преступности без особых опасений. В составе белёвской молодежи доля тех, кого тревожила преступность, составляла всего 6%, в то время как среди старицкой – 20%.

Можно предположить, что в Белёве не только успешнее действовала полиция, но и выглядел иным состав местного населения, в котором было меньше приезжих, а больше «своих». В городе с более сильным влиянием традиционной культуры заметнее проявлялась сила общественного мнения, эффективнее действовала система общественного контроля. Сохраняющиеся остатки традиционного жизненного уклада препятствовали развитию преступности. Интересно, что в Москве местная молодежь также болезненно реагировала на преступность, как в Старице, здесь опасались ее роста более 20%.

В целом можно сказать, что состояние психологической тревожности в наши дни стало свойственным большинству жителей изучаемых малых городов, что можно, скорее всего, распространить и на всю российскую провинцию. У немалой части людей отсутствует чувство защищенности, убежденности в благополучном течении своей жизни, слаба уверенность в собственных силах и возможностях. И хотя основные страхи у большей части населения касались внутрисемейной жизни (потеря близких) или таких глобальных катастроф, как война, в каждом отдельном городе возможны какие-то шаги для оптимизации местных условий жизни, в том числе снижения преступности, улучшения экологии и т.п.

Литература

1. *Андреев А.* Русский человек (особенности менталитета) URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/And_RuChel.php
2. *Арутюнян Ю.В.* Молдова: столичные жители. М.: ИЭА РАН,1994.
3. *Бызов Л.Г.* Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 41–55.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка URL: https://dal.slovaronline.com/38577-SOVEST
5. *Джерелиевская И. К.* Человек в социокультурной реальности. М., 2005.
6. *Ильин И.* О русской идее. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ Philos/Ilin/russid.php
7. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
8. *Мандельштам О.Э.* Сочинения в двух томах: т. 2. М., 1990.
9. *Мустафина Л.Ш.* Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2012.
10. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом. М.: Издательство РУДН, 2007. 353 с.
11. *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2018.
12. *Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л.* Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя. М.: ИЭА РАН, 2012.
13. *Попов Д.* Власть – страшная как война // Московский комсомолец. 30.10.2019. № 242.
14. Россия – новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс. М., 2004.
15. *Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006.
16. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998.

«Группы смерти» и моральная паника

Д.В. Громов

Д.В. Громов

В 2016–2017 гг. в российском обществе бурно обсуждалась информация о существовании в Интернете «групп смерти», подталкивающих подростков к самоубийствам. Впоследствии выяснилось, что масштабы бедствия завышены – не удалось доказать ни одного случая доведения до самоубийства, официальная статистика показала общее снижение количества суицидов и практически полную мотивированность подростковых самоубийств объективными причинами, не связанными с «группами смерти». Всплеск общественной тревожности выстраивался согласно сценарию моральной паники, неоднократно описанному социологами и социальными антропологами.

* * *

Моральная паника (moral panic) представляет собой социальный процесс, в общих чертах сводящийся к следующим этапам: 1) некая социальная группа, социальное явление или индивиды определяются как «народные дьяволы», несущие угрозу социальным нормам и безопасности общества; формируется образ этой угрозы, как правило, сводящийся к простым и понятным символам; 2) к осмыслению данной угрозы подключаются «моральные предприниматели» – институции, социальные группы и индивиды, заинтересованные в поддержании и защите социальных норм; 3) формируется общественное беспокойство, значительно завышающее степень реальной угрозы; 4) действия «моральных предпринимателей» и обеспокоенного общества часто приводят к социальным изменениям; в частности, к принятию репрессивных законов, направленных на «народных дьяволов».

Основополагающим трудом, раскрывающим данное понятие, стала книга Стенли Коэна «Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров», изданная в 1972 г. [7] и рассматривающая информационные процессы вокруг нескольких конфликтов молодежи, произошедших в 1964–1966 гг. в курортных прибрежных городах Англии. В последующие десятилетия теме моральных паник была посвящена обширная научная литература [12; 15; 11; 5; 1 и мн. др.]. Опасности, связанные с детьми, подростками и молодежью, занимают заметное место в ряду общественных фобий [10: 20–49; 8]; по подсчетам О. Михайловой, им посвящено 16,8% всех статей о моральных паниках, причем это самая крупная тематическая группа из всех [5: 368].

Моральная паника, как это и следует из ее названия, имеет дело, прежде всего, с нарушением *морально-нравственных устоев общества*; угрозой чему-либо, считающемуся священным или фундаментальным для общества [15: 8]. *«Народные дьяволы»* (folk devils) являются центральными образами моральной паники – это группы или социальные институции, которые воспринимаются обществом как источник угрозы. «Народный дьявол –

это “подходящий враг”, агент, ответственный за угрожающее или вредное поведение или состояние. Для акторов, попавших в русло моральной паники, народные дьяволы олицетворяют зло» [11: 27]. Например, «концепция “народных дьяволов” может быть применима к различным стигматизированным группам, включая, в частности, наркоманов, модников и рокеров, грабителей, детских нянь, цыган, сатанистов, геймеров, гомосексуалистов, несовершеннолетних правонарушителей, беженцев, рейверов, уличные банды, социальных работников, соискателей льгот, матерей-одиночек и даже мануальных терапевтов» [9: 643].

Среди *«моральных предпринимателей»* (moral entrepreneur) [6: 147–163], заинтересованных в развитии панических настроений, выделяется пять сегментов общества: медиа; агенты формального общественного контроля или правоохранительные органы; законодатели и политики; группы действий; публика [7: 47–200; 11: 23–27].

Моральная паника может *оказывать формирующее воздействие* на сами группы, представленные как «народные дьяволы»; иначе говоря, информационный резонанс может пропагандировать негативные явления, подталкивая к их воспроизводству. Так, в книге С. Коэна показано, что моральная паника влияет не только на общество, но и на молодых людей, которые эту панику вызвали.

* * *

В России мощной и многофакторной моральной паникой стали события, связанные с **«группами смерти»** – некими виртуальными сообществами, участие в которых якобы приводит подростков к самоубийствам.

Суицид – одна из тем, присутствовавших в свободном пространстве Интернета с момента его возникновения; здесь существовали интернет-площадки, на которых пользователи обсуждали вопросы, связанные с самоубийством. Политический интерес к этой теме прослеживается с начала 2016 г., когда депутат Госдумы Е.Б. Мизулина при поддержке Лиги безопасности Интернета [44] подготовила запросы в МВД и Генеральную прокуратуру с просьбой разобраться с деятельностью в социальных сетях групп, пропагандирующих суицид [33]. Толчком к моральной панике стала опубликованная 16 мая 2016 года в «Новой газете» статья Г.Ш. Мурсалиевой «Группы смерти (18+)» [42]. В ней рассказывалось, что существует «огромное сообщество многочисленных групп в социальной сети “ВКонтакте”, как закрытых, так и открытых, подталкивающих детей к суициду». Администраторы этих групп проводят психологическую обработку подростков, манипулируют ими с помощью мрачной музыки, фотографий и видеосюжетов, посвященных смерти и самоубийству. Те, кто проявлял интерес к теме, получали «номер смерти», после чего начинался отсчет в 50 дней. Каждый день администратором давалось задание (вырезать ножом на руке определенное слово; тыкать руку иголкой; стоять на краю крыши, на мосту, на вершине строительного крана и др.). На подростка оказывалось суггестивное воздействие; например, на связь с администратором нужно было выходить ежедневно ранним утром, в 4:20. На пятидесятый день давалось указание совершить самоубийство[12]. Автор статьи называла вопиюще большое количество погибших: «Мы насчитали 130 (!) суицидов детей, случившихся в России с ноября 2015-го по апрель 2016 года, – почти все они были членами одних и тех же групп в интернете». Впоследствии «Новая газета» опубликовала еще несколько статей Мурсалиевой о «группах смерти» [39; 40; 41]. Данные статьи послужили стартом для мощнейшего информационного резонанса. Описание этого резонанса в подробностях содержится в работе исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» (РАНХиГС), проводившей включенное наблюдение в интернет-сообществах, посвященных суициду, с мая 2016 по февраль 2017 года [2].

[12] Строго говоря, в первой публикации был обрисован только общий контур явления, многие перечисленные элементы описания (например, ежедневное выполнение заданий, название игры «Синий кит») появились в более поздних публикациях различных СМИ, см. [2: 6–9].

Если коротко, моральная паника, охватившая Россию и русскоязычное пространство сопредельных стран, включала несколько волн, пик активности пришелся на февраль–март 2017 года.

Распространение моральной паники происходило на разных уровнях. На низовом уровне, например, тема широко обсуждалась среди работников образования и родителей [26: 17–18]. Во многих школах проводились родительские собрания и классные часы, посвященные противодействию «группам смерти», высокой была активность в родительских чатах, выпускались брошюры для родителей и учителей. Конечно, к явлениям низового уровня нужно отнести и массовую распространенность «страшной» информации среди детей и подростков. Согласно исследованиям социологической службы «Платформа», 36% респондентов считали, что одной из причин подростковых суицидов являются «группы в социальных сетях, Интернет», причем 3% назвали эту причину в качестве единственной [3: 16]. На среднем уровне активность проявляли правоохранительные органы, местные администрации, СМИ. Редкие СМИ не откликнулись на происходящее; только в феврале–марте 2017 года по этой теме было опубликовано 15,5 тысяч текстов [2: 7]. Многочисленные всплески тревожных слухов возникали на уровне регионов[13]. Процессы моральной паники захватили и верхние уровни власти: в данном параграфе упомянуто несколько высокопоставленных чиновников, высказавших алармистские мнения об опасности пропаганды суицидов через Интернет, в том числе, подытоживая общее мнение, выступил и Президент РФ [46]. Высказывания на высшем уровне легитимировали тему; авторитет лидеров государства подтвердил опасность, исходящую от «групп смерти».

Реакция элит на ситуацию проявилась, помимо прочего, в принятии новых законов. С начала 2015 г. обсуждение темы подросткового суицида сопровождалось высказываниями о необходимость расширить правовую базу, позволяющую применять репрессивные меры к «группам смерти». До этого в Уголовном кодексе РФ существовала статья 110: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего»; данное деяние «наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок». Эта короткая статья не всегда была применима к кураторам «групп смерти», поскольку не рассматривала случаев, когда склонение к суициду не ведет к попыткам суицида [40]. Разработкой поправок к законодательству занималась группа депутатов Госдумы во главе с вице-спикером Ириной Яровой [45]. В июне 2017 г. были внесены изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ [20], а также в некоторые другие законы [19]. В Уголовном кодексе РФ была значительно расширена ст. 110 («Доведение до самоубийства»), добавлены ст. 110.1 («Склонение к совершению самоубийства, в том числе в отношении несовершеннолетних и через Интернет»), 110.2 («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, в том числе через интернет») и 151.2 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»). Максимальное наказание предполагает теперь лишение свободы на срок до шести лет.

Как уже говорилось выше, то или иное явление может рассматриваться как моральная паника в том случае, если наблюдается явное несоответствие незначительной реальной

[13] Например, в марте 2007 г. «жители регионов от Кубани до Якутии получили в мессенджерах и по СМС тревожный текст со ссылкой на полицию о подготовке самоубийства пяти тысяч школьников, организованного некоей группой “Кит”» [22].

угрозы и мощного панического резонанса, который она производит. В случае «групп смерти» мощность резонанса очевидна, но реальная угроза не поддерживается фактами.

Прежде всего, нужно отметить, что «группы смерти», если бы они были массовыми и активными, должны были оставить большое количество цифровых следов в виртуальном пространстве. И эти следы было кому найти. Мощный информационный резонанс вокруг «групп смерти» привел к тому, что большое количество сил и средств было направлено на борьбу с ними. Работали правоохранительные и административные органы как федерального уровня, так и местные (см., напр. [59]); о серьезности намерений государственных структур говорит участие ФСБ [23] и обсуждение проблемы на уровне Совета безопасности РФ [25]. К предотвращению суицидов подключилось большое количество добровольцев, которые, работая под прикрытием, выявляли «группы смерти» и их администраторов, оказывали психологическую поддержку потенциальным самоубийцам [40; 41]. Добровольцы активно поставляли информацию заинтересованным службам; так, в конце 2016 г. сообщалось, что «с 2012 года на горячую линию Роскомнадзора поступило более 43 тыс. обращений по поводу пропаганды самоубийств» [48]. Работа велась при содействии руководства социальных сетей, обеспечивающих доступ к своей информации [48]. Осуществлялась разработка специального программного обеспечения для выявления подготовки суицидов. Централизованно выявлялись опасные интернет-ресурсы: глава Роскомнадзора А.А. Жаров сообщал, что с января по май 2017 г. было заблокировано 9 тыс. групп, пропагандирующих суицид [49]; глава МВД РФ В.А. Колокольцев в июне 2017 г. отчитался о внесении в реестр запрещенной информации 16 тыс. групп [26]. Оперативная работа началась своевременно и послужила неожиданностью для многих участников интернет-сообществ, связанных с суицидами. Так, А.В. Брейдо, руководитель одного из отделов Первого управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления СК РФ по Санкт-Петербургу, впоследствии рассказывал: «Когда мы только приступили к делу (…) прекрасно видели, что никто ничего не боится» [40]. Роскомнадзор сообщил о начале работы над проблемой незамедлительно, в день выхода статьи в «Новой газете» [60].

При всей мощи задействованных сил результат был значительно меньше ожидаемого. В первых сообщениях о следствии, связанном с «группами смерти», говорилось о 15 завершенных и 5 незавершенных суицидах [28]. Было выявлено несколько кураторов, в десяти регионах России были проведены обыски, однако по делу оказался задержан всего один человек – Филипп Будейкин [35; 50][14]; при оглашении приговора в суде он был обвинен всего в двух не доведенных до конца суицидах [21]. Впоследствии было вынесено еще пять приговоров. По всем шести уголовным делам кураторов «групп смерти», включая Будейкина, было выявлено всего девять пострадавших, три из которых совершили незавершенные суициды, а еще шестеро склонялись кураторами к суициду, который по разным причинам не был совершен[15]. Ни одного завершенного суицида подсудимым инкри-

[14] Примечательно, что личность и деятельность Будейкина журналистами описывается по-разному. Примером алармистского описания является очередная статья Мурсалиевой [40]. В противоположность ей С. Хазов-Кассиа (Радио Свобода), ознакомившись с материалами уголовного дела, указывает на «проблемные» места работы следствия, рисует менее зловещий образ преступника [57].

[15] Приговор 5 сентября 2018 г., один незавершенный суицид (девушка закончила жизнь самоубийством впоследствии, после курса реабилитации), ст. 110 и 163 УК [53]. В июле 2018 г. осуждены двое, курировавшие созданные ими «группы смерти» в сентябре–октябре 2017 г.; один предотвращенный суицид, еще один подросток отказался от выполнения заданий на

минировано не было; данный факт Брейдо объяснил тем, что, якобы, все пятнадцать детей-самоубийц «по команде администратора перед смертью удалили переписки в “ВК”. Задание было дано – и выполнено стопроцентно» [40]. Осталась неподтвержденной и информация о 130 суицидах, о которых говорилось в статье «Новой газеты», давшей начало общественному интересу к «группам смерти», ни автор статьи, ни ее информанты так и не опубликовали этого списка, нет и данных о том, что со списком работали правоохранительные органы.

Официальная статистика суицидов и оценки «моральных предпринимателей» очень сильно расходятся. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [18], рост общественной тревожности в 2016 г. происходил на фоне фактически стабильной ситуации: в целом в Российской Федерации происходило поступательное снижение количества подростковых суицидов. Напротив, Следственный комитет РФ заявлял, что в 2015 г. произошло 685 [29], в 2016 – 720 самоубийств несовершеннолетних [51], т.е. рост составил 5%; детский омбудсмен А.Ю. Кузнецова сообщала о росте за тот же период почти на 60% [58], последняя цифра многократно повторялась различными СМИ, оказывая влияние на изменение уровня тревожности в обществе.

Итог обсуждению «групп смерти» поставили исследования МВД, в которых было установлено, что «основные причины самоубийств – неразделенная любовь или конфликты в семье (по 30%) и лишь 1% самоубийств связан с влиянием закрытых групп на сайтах» [38]. Проблемный «один процент» (около семи человек, если исходить из количества подростковых суицидов за 2016 г., озвученного ранее Следственным комитетом [51]) – это несовершеннолетние самоубийцы, которые, видимо, состояли в подозрительных интернет-сообществах, влияние этих сообществ тоже не доказано; по крайней мере, при всем повышенном внимании государства к данной теме, сообщений о расследовании завершенных самоубийств, спровоцированных «группами смерти», нет[16]. Таким образом, при всем общественном резонансе дела оно оказалось не подтверждено убедительными фактами.

Информационный резонанс вокруг «групп смерти» оказывал формирующее воздействие на поведение подростков и детей. Исследовательница МАФ РАНХиГС, проводившая включенное наблюдение в интернет-сообществах, посвященных суициду, отмечала, что с мая 2016 по февраль 2017 года они значительно изменились под влиянием информации, транслируемой через СМИ. В мае 2016 г. «группы смерти» были похожи на другие интернет-площадки, объединяющие детей и подростков; «помимо основной тематики групп, они активно обсуждали школьные проблемы, обменивались анекдотами, мемами, видеороликами юмористического или порнографического характера, а также т.н. “шок-

начальном этапе; ст. 110.1 и 110.2 УК РФ [52]. Май 2019 г., один осужденный за действия 2017 г., одно незавершенное самоубийство, ст. 110.1 и 110.2 УК РФ. [36]. Май 2019 г., один осужденный, два не совершенных суицида, ст. 110.2 и 111 [30]. Сентябрь 2020 г., осуждены двое, действовавшие в октябре–декабре 2016 г.; один не совершенный суицид; ст. 105 УК РФ [37].

[16] Есть и другие исследования, показывающие незначительность влияния Интернета на подростковые суициды. Так, по итогам проекта «Саморазрушающее поведение подростков: причины и профилактика», проводимого СПбГУ совместно со Следственным комитетом Российской Федерации (СК РФ) в 2018 г., «во всех исследованных случаях [подростковых суицидов] присутствовал психологический компонент – буллинг, конфликт в семье или школе, прием психоактивных веществ, нарушение самооценки, потеря концепции будущего, но не было выявлено ни одного случая самоубийства под влиянием “кураторов” или администраторов “групп смерти” в социальных сетях» [55].

контентом”» [2: 5]. Интерес к играм, связанным с суицидом, был необязательным, «эксплицитных правил, по сути, не было: действия участников сводились к ожиданию наступления присвоенной даты и определенному порядку общения в группе, администраторы же никаких новых заданий не давали. Вся игра заключалась в попытках разгадать, в чем заключается игра» [2: 6]. Впоследствии, после блокировки «групп смерти» Роскомнадзором и интенсивного обсуждения в медийной сфере подобные «сообщества игры» практически исчезли, в феврале–марте 2017 года «вся коммуникация происходит между куратором и конкретным игроком (“одиночная игра”). Сама игра атомизируется, распадается на множество чатов-диалогов: происходит переход от коллективного ожидания игры к своего рода игре в “мафию”, где каждый играет сам за себя, пытаясь при этом угадать, какую роль играет партнер. Одним из следствий атомизации оказывается то, что “куратор” больше не привязан к конкретной группе и может, с точки зрения участников, входить в контакт в любом месте – даже офлайн» [2: 8]. Изменялись и другие параметры. Так, только в конце января 2017 г. «в пабликах ВКонтакте (VK) и в СМИ появляются первые сообщения о том, что игра состоит именно из пятидесяти заданий, которые играющий выполняет, отчитываясь по их итогам фотографиями» [2: 7]. То есть, «игра, инвариант которой многократно описан СМИ, окончательно кристаллизуется только в феврале–марте [2017 года] – на пике моральной паники» [2: 10].

* * *

Рассмотрим подробнее информационные процессы, связанные с «группами смерти» как моральную панику.

1. *Моральная повестка*. В основе моральной паники лежит общественное представление об опасности Интернета. Это пространство, в котором живут дети, подростки, молодежь. Увлеченность нового поколения виртуальным пространством очевидна, и она подтверждается личным опытом каждого человека, склонного к «моральному предпринимательству» – каждый лично знает, видит на улице, встречает в метро детей и подростков, углубленных в дисплей компьютера, планшета, телефона, делающих какие-то манипуляции с гаджетами, переносящих свою сферу общения в социальные сети Интернета. Дети и подростки осваивают контент, не близкий даже двадцатилетним. В этой ситуации очевидно, что в пространстве недоступного взрослым виртуального пространства дети и подростки попадают под постороннее влияние, и это влияние оказывают некие взрослые и опытные манипуляторы. В основе моральной паники, связанной с «группами смерти», лежит также страх за детей и подростков, которых взрослые кураторы подвергают смертельной опасности.

Страх перед «группами смерти» легко резонировал с другими фобиями, существующими в российском обществе; например, со страхом иностранного вмешательства в российскую политику и напряженностью в отношениях с Украиной, возникшей в 2014 г. Так, еще в начале 2016 г. начала высказываться точка зрения, что «группы смерти» являются «элементом пропагандистской работы», и управляются из-за рубежа, «западные пропагандистские машины начинают использовать смерть в своих пропагандистских целях» [33]; в качестве заинтересованной силы, через стимулирование суицидов ведущей диверсионную работу, назывались зарубежные спецслужбы и недружественная Украина [56]. Мнение о «группах смерти» как централизованной диверсии извне высказывались и на высоком уровне; так, 2 марта 2017 года председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин предположил, что деятельность «групп смерти» это с высокой степенью вероятности «информационная атака на нашу страну» [24].

2. «*Народные дьяволы*». В моральной панике, связанной с «группами смерти», источником опасности и нарушения морального порядка становятся кураторы, с помощью ма-

нипуляции подталкивающие свои жертвы к самоубийству; сами же жертвы (дети и подростки) как источник опасности не рассматриваются, они именно жертвы. Кураторы воспринимаются как большей частью взрослые люди, сознательно оказывающие воздействие на детей. Подчеркивается уязвимость для манипуляций детей и подростков, оказывающихся в зоне внимания: публикации о «группах смерти» описывают их слабую психику, ранимость, проблемы социализации, а в крайнем состоянии – психическое нездоровье (см., напр.: [41]).

Создание невидимой опасности «групп смерти» включает, помимо прочего, демонизацию кураторов, подталкивавших к суицидам: так, высказывалось мнение, что «за всем этим стоят профессиональные психиатры» [32]; «над проектом “Синий кит” работают специалисты по подростковой психологии и они знают, как заманить детей в “увлекательное путешествие”» [56]; «ставшая в последнее время популярной среди подростков “игра смерти” “Синий кит” является бихевиористической военной разработкой, основанной на контроле поведения» [34].

3. *Моральные предприниматели*. На данный момент в обществе сложился определенный набор «моральных предпринимателей», заботящихся о поддержании морального порядка. Это средства массовой информации и медиа; правоохранительные органы; система образования; судебная система; разнообразные группы активистов; политики и чиновники различных уровней (например, была задействована система Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка). О «группах смерти» как реально существующем и опасном явлении неоднократно высказался президент РФ [47; 54], подтвердив своим авторитетом реальность опасности, которую несут «народные дьяволы»; причем в последний раз – 3 и 4 марта 2021 г. он говорил о «группах смерти» в контексте других явлений, в первую очередь, участия подростков в акциях протеста против задержания А.А. Навального. Действия столь мощной коалиции «моральных предпринимателей» привели к принятию законодательных решений: благодаря резонансу вокруг «групп смерти» в июне 2017 г. были внесены изменения в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы РФ, в некоторые другие законы.

4. *Информационное пространство*. Обсуждение проблем, связанных с «группами смерти», происходило в разных информационных пространствах – от высших эшелонов власти до скамеек у подъездов. Но нужно отметить, что важнейшим аспектом моральной паники стал Интернет как пространство, опасное с точки зрения «моральных предпринимателей». Наблюдалось крайне слабое знание «моральными предпринимателями» реалий Интернета: судя по многим высказываниям и действиям, большинство из них не знакомо с содержанием интернет-сообществ и сайтов, якобы несущих опасность, не представляют себе специфики общения в Интернете.

5. *Формирующее воздействие на «народных дьяволов»*. Деятельность «моральных предпринимателей» оказала мощное формирующее воздействие на объект осмысления. Именно благодаря широкому обсуждению в СМИ и системе образования «группы смерти» получили развитие, в их ряды стали приходить участники, в том числе выполняющие роль кураторов [2: 8–9, 17].

Надо добавить, что в случае «групп смерти» со всей очевидностью наблюдалась игровая составляющая моральной паники. Происходящее предоставило детям и подросткам прекрасные возможности для увлекательных игр. Неизвестно, дошел ли кто-то из участников «групп смерти» до завершения игры (напомним, что ни одного доказанного случая суицида по итогам игры нет), но несомненно, что тысячи пользователей пощекотали себе нервы, забив в поисковике пугающие названия групп, разместив на своих страницах хэштеги с согласием на игру, вступив в переписку с мнимыми или реальными кураторами;

да и само выполнение заданий «кураторов» очень напоминает компьютерный квест и носит явно игровой характер: «На руке лезвием вырезать f5 <…> Проснуться в 4.20 и смотреть страшные видео <…> Задание с шифром, как квест <…> Залезть на мост <…> В 4:20 пойти на рельсы» [31]. Многие справедливо отмечали, что деятельность «групп смерти» тесно встроена в игровые практики, существующие в современном виртуальном пространстве и за его пределами, в частности, очевидно сходство с играми в альтернативной реальности (Alternate Reality Games, или ARG) [2: 3] – игры, разыгрывающие определенные сценарии частично в виртуальном плане, частично в реальности [4].

Моральная паника имела продолжение, наблюдались дополнительные вспышки интереса к теме. Так, незадолго до 3 марта 2021 года в родительских чатах начала активно распространяться информация, что в сети TikTok на этот день назначены массовые самоубийства подростков; родители «стали звонить во все колокола, и их очень быстро услышали. Прошло буквально пара дней, и отозвались чиновники, политики и следователи. Реакция власти объяснима – это уже было. Родители уже хоронили детей, которые после общения в виртуальном пространстве уходили из жизни, не понимая, что творят. Но тогда, пять лет назад, взрослые не сразу оценили степень опасности» [43]. Автор процитированной статьи совершенно справедливо указывает на то, что общественная реакция на новую информацию о TikTok-е основана на опыте обсуждения «групп смерти»; в октябре 2021 г. похожий всплеск тревожности наблюдался в связи с южнокорейским сериалом «Игра в кальмара».

* * *

Концепции моральной паники неоднократно подвергались критике [13; 14]. В частности, Питер Уоддингтон отмечал, что любая социальная проблема естественным образом влечет за собой общественный резонанс, и речь идет не о моральных паниках, а об адекватной реакции на социальные угрозы [16]. В ответ на эту критику Гуд и Бен-Иегуда сформулировали пять признаков, отличающих именно моральные паники от других проявлений общественной тревожности: 1) значительное преувеличение масштаба проблемы, являющейся источником тревожности; объявление явно завышенных количественных показателей; 2) отсутствие реальных фактов, подтверждающих наличие проблемы; 3) повышенная концентрация фольклорных нарративов (стереотипных слухов, городских легенд), описывающих происходящее; 4) повышенное внимание к проблеме в ущерб аналогичным, не менее важным проблемам; 5) колебание общественного интереса к проблеме без соответствующего изменения ее объективной значимости; обычно речь идет о резком всплеске и последующем не менее выраженном спаде интереса к новости [11: 44–46].

Все эти признаки в той или иной степени присутствуют в случае «групп смерти».

1. Моральная паника вокруг суицидов происходит на фоне стабильной ситуации и даже некоторого снижения количества подростковых суицидов; при этом «моральными предпринимателями» называются вопиюще большие (до 60%) цифры роста, взятые из неизвестных источников.

2. Моральная паника не сопровождается реальными расследованными делами о самоубийствах: несмотря на большую активность правоохранительных органов и волонтеров, не удалось доказать ни одного случая доведения до самоубийства; алармистская информация не получает подтверждения.

3. В рассказах о «группах смерти» сильна фольклорная составляющая [2: 4, 8, 20–21 и др.].

4. При относительной стабилизации деструктивных процессов в молодежной среде в Российской Федерации все-таки сохраняют актуальность многие социальные проблемы. Однако далеко не все они вызывают медийный интерес, например, почти не обсуждается

проблема СПИДа, хотя с 2005 по 2018 г. количество выявленных носителей выросло почти в три раза и составило около 0,6% населения [17: 43; 27]; мало внимания уделяется проблемам наркомании и подростковых суицидов вне темы «групп смерти» [17: 47].

5. Статистически интерес к теме «групп смерти» изменяется в зависимости от новостной актуальности, а затем идет на спад [2: 18–19]; появляются рецидивы (тема моральных паник привязывается к новым событиям), но они не так значительны по мощи.

Моральные паники в обществе вспыхивают регулярно и повсеместно; они актуальны для всего мира, и распознаваний моральных паник в информационных процессах – актуальная задача исследований в данном направлении.

Литература

1. *Громов Д.В.* АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
2. «Группы смерти»: от игры к моральной панике / А. Архипова, М. Волкова, А. Кирзюк, Е. Малая, Д. Радченко, Е. Югай. М.: РАНХиГС, 2017.
3. Интернет и общество. Реальные и социально сконструированные угрозы. «Группы смерти» в социальных сетях как модель резонансной общественной реакции // Платформа. Центр социального проектирования. URL: http://pltf.ru/wp-content/uploads/2017/04/ Платформа_ Презентация_Интернет_18.04-1.pdf
4. *Малыгина Л.Е.* Геймификация телевизионного промодискурса: проблема манипуляции массовым сознанием аудитории // Национальный психологический журнал. 2019. № 1(33). С. 122–132.
5. *Михайлова О.* Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. P. 351–375.
6. *Becker H.S.* Outsiders: Studies in the sociology of deviance. New York: Free Press, 1963.
7. *Cohen S.* Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers. L., N.Y.: Routledge, 2011. 282 p.
8. *Critcher Ch.* Moral Panics Analysis: Past, Present and Future // Sociology Compass. 2008. № 2 (1). P. 1–18.
9. *Flinders M., Wood M.* From Folk Devils to Folk Heroes: Rethinking the Theory of Moral Panics // Deviant Behavior. Vol. 36. 2015. Is. 8. P. 640–656.
10. *Glassner B.* The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. Basic Books, 1999.
11. *Goode E., Ben-Yehuda N.* Moral panics: The Social Construction of Deviance / 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
12. *Hall S., Critcher Ch., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.* Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order. London: Macmillan, 1978.
13. Revisiting moral panics / Ed. by V.E. Cree, G. Clapton, M. Smith. Policy Press, 2015.
14. *Thompson B., Williams A.* The Myth of Moral Panic. Sex, Snuff, and Satan. Routledge, 2015.
15. *Thompson K.* Moral panics. London and New York, 1998.
16. *Waddington P.A.J.* Mugging as a Moral Panic: A Question of Proportion // British Journal of Sociology. 1986. № 37 (June). P. 245–59.

Нормативные документы и статистические материалы

17. Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М.: 2019.
18. Смертность от самоубийств (3.4.2.) // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/58547
19. Федеральный закон от 07.06.2017 N 109-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” и статью 15–1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201706070031?index=0&rangeSize=1
20. Федеральный закон от 07.06.2017 N 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/

Публикации СМИ

21. Администратора «группы смерти» Филиппа Лиса приговорили к трем годам и четырем месяцам колонии-поселения // NEWSru.com. 18.07.2017. URL: https:// www.newsru. com/ russia /18jul2017/lis.html
22. *Алябьева Е.* Как противостоять подростковым суицидам? Инструкция для родителей // Republic. 14.03.2017. URL: https://republic.ru/posts/80540
23. Арестованному администратору «группы смерти» предъявили обвинение // Interfax. 22.11. 2016. URL: https://www.interfax.ru/russia/538110
24. Бастрыкин пообещал разобраться с «сайтами смерти» // Российская газета. 2.03.2017. URL: https://rg.ru/2017/03/02/bastrykin-poobeshchal-razobratsia-s-sajtami-smerti.html
25. *Бастрыкин:* Для предотвращения суицидов в школах нужны психологи-диагносты // Российская газета. 27.04.2017. URL: https://rg.ru/2017/04/27/bastrykin-dlia-predotvrashcheniia-suicidov-v-shkolah-nuzhny-psihologi-diagnosty.html
26. В МВД отчитались о блокировке в Интернете более 16 тысяч «групп смерти» // NEWSru. com. 26.06.2017. URL: https://www.newsru.com/russia/26jun2017/death.html
27. В России уже более миллиона ВИЧ-инфицированных – рекорд за всю историю наблюдений // NEWSru.com. 4.08.2017. URL: https://www.newsru.com/r ussia/04aug2017/ aids.html
28. В Санкт-Петербурге предъявлено обвинение администратору одной из «групп смерти» в социальных сетях, от деятельности которой пострадало не менее 20 подростков // Следственный комитет Российской Федерации. 22.11.2016. URL: https://sledcom.ru/news/ item/1082368
29. В Следственном комитете России состоялось совещание по вопросам предупреждения самоубийств несовершеннолетних // Следственный Комитет Российской Федерации. 10.08.2016. URL: https://sledcom.ru/news/item/1059863
30. В Челябинске суд в апелляции изменил приговор куратору «группы смерти» // Коммерсантъ. 27.05.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4357736
31. Возвращение «синего кита» // Известия. 14.02.2017.
32. Выйти из «группы смерти» // Коммерсантъ. 22.03.2017.
33. Генпрокуратура и МВД проверят сообщества самоубийц в соцсетях // Известия. 15.01.2016.
34. *Канцанс Ю.* Эксперт: «Синий кит» – военная технология контроля за поведением // Baltnews. 18.03.2017. URL: https://lv.baltnews.com/news/20170318/1019261410.html
35. Кто такой Филипп Лис и какое отношение он имеет к синим китам из «ВКонтакте». Репортаж «Медузы» // Meduza. 3.03.2017.
36. Куратора группы смерти приговорили к 6 годам в Подмосковье // Московский комсомолец. 17.05.2019.
37. Кураторов «группы смерти» осудили за покушение на убийство школьницы // Следственный комитет Российской Федерации. 30.09.2020. URL: https:// sledcom.ru/ news/ item/ 150 4092/?type=main
38. МВД: школьники убивают себя из-за неразделенной любви, и лишь 1% – из-за «синих китов» // NEWSru.com. 30.03.2017. URL: https://www.newsru.com/ russia/ 30mar2017/ shkolniki.html
39. *Мурсалиева Г.* «Группы смерти» – год спустя // Новая газета. 2017. № 69. 30.06.2017.
40. *Мурсалиева Г.* Биомусор // Новая газета. 12.12.2016.
41. *Мурсалиева Г.* Выживший (18+) // Новая газета. 15.05.2019.
42. *Мурсалиева Г.* Группы смерти (18+) // Новая газета. 2016. № 51. 16.05.2016.
43. Нервный TikTok. Следственный комитет проверяет соцсети, где детей склоняют к роковым

поступкам // Российская газета. 3.03.2021.
44. О лиге // Лига безопасного Интернета. URL: http://ligainternet.ru/liga/about.php
45. Правительство поддержало законопроект Яровой об уголовной ответственности за создание «групп смерти» // NEWSru.com. 7.03.2017. URL: https:// www.newsru.com/russia/ 07mar2017/ deti_duma.html
46. Путин поддержал ужесточение наказания за склонение детей к суициду // NEWSru.com. 9.03.2017. URL: https://www.newsru.com/russia/09mar2017/putinza.html
47. Путин сравнил с убийцами организаторов «групп смерти» // Российская газета. 15.08. 2017.
48. Роскомнадзор обучит модераторов «ВКонтакте» выявлять группы смерти // Известия. 27.12.2016.
49. Роскомнадзор с начала года заблокировал более девяти тысяч «групп смерти» // NEWSru.com. 2.06.2017. URL: https://www.newsru.com/russia/02jun2017/groups.html
50. СК задержал администратора одной из «групп смерти» во «ВКонтакте» // ТАСС. 15.11. 2016.
51. Склоняются к тюрьме // Российская газета. 7.03.2017.
52. Смертельная ловушка // Доверие. Народная общественно-политическая газета. 4.07.2018.
53. Суд вынес приговор москвичу, игравшему в «Синего кита» со школьницей из Челябинска // Interfax.ru. 5.09.2018. URL: https://www.interfax.ru/russia/627968
54. «Ублюдок, букашка, раздавить не жалко»: Путин высказался о блогерах, которые убеждают детей совершать необдуманные поступки // NEWSru.com. 4.03.2021. URL: https:// www.newsru.com/russia/04Mar2021/putininet.html
55. Ученые СПбГУ: ни одного случая суицида детей под влиянием администраторов «групп смерти» не выявлено // Санкт-Петербургский государственный университет. 30.11.2018. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/uchenye-spbgu-ni-odnogo-sluchaya-suicida-detey-pod-vliyaniem-administratorov
56. *Филатов А*. Возвращение «синего кита» // Известия. 14.02.2017.
57. *Хазов-Кассиа С*. «Че, малыши, когда суицидимся?» За что Филипп Лис сел в тюрьму // Радио Свобода. 15.06.2019.
58. Число детских суицидов в России в 2016 году выросло почти на 60% // ИнтерФакс. 20.03. 2017. URL: https://www.interfax.ru/russia/554375
59. Школы усилят борьбу с «Синим китом»: в группах смерти состоят 5000 амурчан // Амурская правда. 10.03.2017.
60. Interfax: Роскомнадзор проверит данные о подготовке в соцсетях подростков к самоубийству // Роскомнадзор. 16.05.2016.

О некоторых социальных и политических позициях студентов г. Петрозаводска (по материалам социологического исследования октября 2020 г.)[17]

В.Н. Бирин

Цель исследования – определить социальные страхи, предубеждения и общие социальные и политические позиции молодежи, а также возможные риски, связанные с распространением негативных явлений среди молодежи, ее неудовлетворенностью своим положением.

Краткая характеристика объекта исследования и выборочной совокупности

Изучение социальных позиций, политических предпочтений и культурных ориентаций в молодежной среде проводилось посредством анализа тех мнений и ориентаций, которые сформировались и проявляются у студенческой молодежи г. Петрозаводска.

В Карелии молодежь в возрасте до 30 лет на сегодняшний день составляет около пятой части населения. Основная ее часть, как и всего населения республики (46%), сосредоточена в г. Петрозаводске [7]. Здесь расположены все вузы и большая часть средних профессиональных учебных заведений.

В период с 23 сентября по 23 октября 2020 года был проведен опрос среди студентов 2-х–4-х курсов трех вузов Карелии. Среди них: Карельский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Карельский филиал РАНХиГС) (программы подготовки – «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция») – 95 человек; Институт истории, политических и социальных наук ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (ПетрГУ) – 69 человек; Северный институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Петрозаводске (юридический факультет) – 18 человек. Всего – 182 студента. Опрос был организован при поддержке руководителей данных вузов, которые участвовали в нем в качестве экспертов (по отдельной анкете).

В условиях пандемии, из-за ограничений, связанных с коронавирусом, при проведении опроса был использован гугл-формат. До студентов были доведены цели и сроки исследования, а также указан адрес в Интернете, куда следует заходить для заполнения анкет. Ответы направлялись с индивидуальных (личных) устройств (ноутбуки, айфоны и т.п.) в общий банк данных. В подавляющем большинстве (три четверти) респондентами были русские парни и девушки, постоянно проживающие в Карелии.

Из затронутых в социологическом исследовании аспектов [1: 122–160] в данной статье будут рассмотрены только три:

1. Социальные опасения и жизненные перспективы студенческой молодежи.
2. Отношение к органам власти.
3. Оценка состояния толерантности.

---

[17] Социологическое исследование 2020 г. является частью научно-исследовательского проекта Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ (по согласованию с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации), посвященного изучению этнополитических и этнокультурных позиций молодежи в республиках с финно-угорским населением (Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртия). Общее руководство проведением исследования осуществлялось зав. сектором этнографии ИЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН, д.и.н. Ю.П. Шабаевым. Исследование в Петрозаводске проведено доцентом кафедры государственного и регионального управления Карельского филиала РАНХиГС, к.и.н. В.Н. Бириным – региональным руководителем.

За последние два десятилетия молодое поколение рождается, живет и действует в условиях социальной нестабильности. Сейчас более половины выпускников не могут найти работу по специальности, что негативно влияет на профессиональное становление человека и определение его жизненного пути.

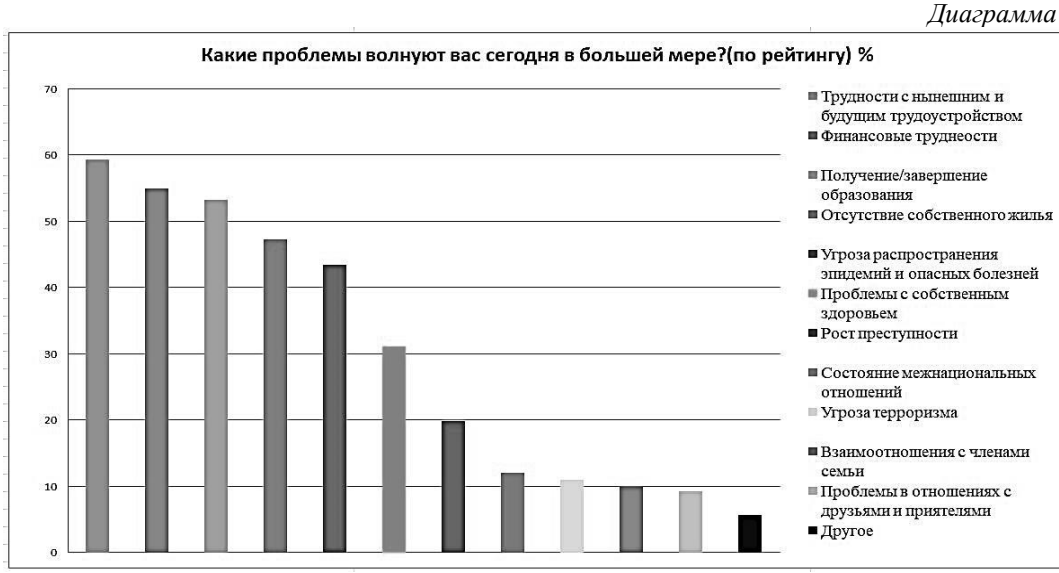
Выборочную совокупность представляют студенты в возрасте от 19 до 22 лет. Именно в этот период человек усваивает основные жизненные ценности, нормы поведения в обществе и стремится адаптироваться к существующим условиям. Одной из важнейших задач этого периода является выбор будущей профессии. Эта группа молодежи не вовлечена в постоянную трудовую деятельность, но многие из них имеют временную работу и различные виды подработок.

1. Социальные опасения и жизненные перспективы студенческой молодежи

Главными проблемами, которые в наибольшей степени волнуют сегодня студенческую молодежь Петрозаводска, являются «трудности с нынешним и будущим трудоустройством» (59%), «недостаток денежных средств (финансовые трудности)» (55%) и «получение (завершение) образования» (53%), а также «отсутствие собственного жилья» (47%) (см. диагр.1).

Проблемы естественны и понятны. Несмотря на то, что большинство молодых людей получают материальную помощь от родителей, денег все равно не хватает. С недостатком финансовых средств тесно коррелируют трудности с нынешним и будущим трудоустройством, поскольку многие из студентов стремятся подработать, но дефицит рабочих мест далеко не всем из них позволяет это сделать. Трудности с нынешним трудоустройством проецируются на будущее и вызывают серьезные опасения.

Диаграмма 1



Следующим социальным страхом проявилась «угроза распространения эпидемий и опасных болезней (коронавируса и других новых заболеваний)» (43%) и коррелируемые с ней «проблемы с собственным здоровьем» (31%). Понятно, что она обусловлена пандемией и всем, что с ней связано (режим обучения, работы, передвижения, обязательное ношение масок в общественных местах, повышенная смертность от ковида и т.п.),

а также нагнетанием темы опасности вируса средствами массовой информации. Не последнюю роль в этом играет и отмечаемый многими исследователями факт снижения здоровья современной молодежи, по сравнению с предыдущими поколениями.

Далее разместились опасения, связанные с «ростом преступности» (20%), «угрозой терроризма» (11%) и «состоянием межнациональных отношений» (12%). Каких-либо конфликтов на национальной почве в республике в последние 14 лет не происходило (Кондопогу 2006 года из них никто не помнит – маленькие были). По-видимому, тревога навеяна публикациями в СМИ и Интернете. А вот убийство двух молодых девушек, совершенное в сентябре 2018 г. в г. Петрозаводске, имело заметный резонанс и вызвало серьезные опасения и сильную тревогу у женской части наших респондентов. Вышеназванные проблемы для Карелии далеко не первого порядка, но все же угроза их проявления не исключается.

В конце предложенного перечня проблем оказались вопросы взаимоотношений с членами семьи, друзьями и приятелями (9%). Проявление юношеского максимализма в отношениях с родителями и сверстниками, конечно, никуда не ушло, но вопросы психологии межличностных отношений постепенно уступают место вопросам социально-экономического характера.

Не менее важно и то, с какой долей оптимизма студенческая молодежь оценивает свое будущее. Показательно, что уверенно смотрят в будущее только 14% студентов, почти половина (49%) выражают надежду на лучшее, а четверть (25%) испытывают тревогу и неуверенность.

То, что половина молодежи надеется на лучшее будущее, можно, вероятно, считать позитивным фактом, но, во-первых, это лишь половина и это не абсолютная уверенность в своем будущем, а во-вторых, взгляды второй половины далеко не столь оптимистичны. Сложная социально-экономическая ситуация, социальное окружение и образ жизни питает сдержанный оптимизм молодых людей. Число тех студентов, которые с тревогой смотрят в будущее почти вдвое больше тех, кто испытывает уверенность. Показатели свидетельствуют о том, что в студенческой молодежной среде г. Петрозаводска уверенность в будущем не слишком велика.

Сдержанный оптимизм зримо проявляется в общей оценке положения дел в республике. Мнения по этому вопросу разделились у респондентов примерно поровну. Меньшая их часть (33%) считает, что не все так плохо, что имеющиеся проблемы будут решены, вторая, большая часть (42%), полагает, что, несмотря на видимые сдвиги к лучшему, решение проблем потребует определенного времени. Романтика уступает место жесткому реализму, который, скорее всего, будет сопровождать молодого человека всю оставшуюся жизнь.

2. Отношение к органам власти

Социологи уже давно зафиксировали низкий уровень доверия населения (особенно в условиях кризисов) к институтам власти, и ситуация в этом отношении мало меняется.

Согласно статистическим данным ежегодного аналитического доклада «Edelman Trust Barometer 2021» американской компании Edelman, граждане России занимают одно из последних мест в мире по уровню доверия большинству государственных институтов. Индекс доверия россиян своей государственной власти за 2020 г. составил всего 34% [10]. Наименьший уровень доверия проявляется к таким государственным институтам, как суды, прокуратура, местные органы власти, полиция и правительство РФ. Согласно данным Левада-Центра, процент доверия указанным институтам в августе 2020 г. составил от 31% до 38%. Наибольшее недоверие россияне выражают судебной системе (индекс доверия составил 31% соответственно) [5].

Согласно результатам исследования общественного мнения в 2019 г., 72% участников опроса не видели совпадения интересов власти и общества: 30% респондентов считали,

что интересы не совпадают совсем, а 42% полагали, что они «скорее не совпадают». Больше половины (53%) придерживались мнения, что власти живут за счет населения и их мало волнует, как живет народ [8].

По данным еще одного исследования, проведенного в январе 2020 г., 59% граждан уверены, что люди, избранные в органы власти, не учитывают в своей работе интересы народа, руководство страны живет своими интересами (25%). Только 14% респондентов считали, что интересы простых людей и органов власти совпадают [9].

В условиях кризиса, когда обостряются многие социальные проблемы, тревожность россиян нарастает [3]. Молодежь идет по стопам старшего поколения, однако она более чувствительна к обстоятельствам и чаще выражает свое отношение к сложившейся ситуации повышением количества негативных оценок.

Общая социально-экономическая ситуация в Карелии (невысокий уровень жизни, неблагоприятное состояние рынка труда и социальной сферы, особенно на севере республики (что вызывает стабильный ежегодный отток населения, в первую очередь, молодежи, из региона) не могла не сказаться на отношении молодых людей к различным государственным институтам. В целом степень доверия к ним у студенческой молодежи невелика. В частности, обращает на себя внимание невысокая степень доверия студентов Президенту Российской Федерации В.В. Путину. Ему в той или иной мере доверяют 31% респондентов, не доверяют – 49%. При этом «полностью не доверяющих президенту» в 3,5 раза больше, чем «полностью доверяющих» (табл. 1).

Таблица 1

Степень доверия респондентов к институтам власти, %

В какой мере Вы доверяете следующим государственным институтам?	**Полностью доверяю**	**Скорее доверяю**	**Скорее не доверяю**	**Полностью не доверяю**	**Затруднились ответить**
Президенту России	4,9	26,4	30,8	18,1	19,8
Правительству России	2,7	20,3	35,2	17,6	24,2
Главе республики	7,7	42,9	22,0	6,0	21,4
Органам местного самоуправления	4,4	36,3	30,2	8,2	20,9
Государственной Думе РФ	3,3	18,1	33,5	21,4	24,7
Полиции, органам внутренних дел	6,6	40,7	23,6	13,7	15,4
Российской армии	15,4	40,2	15,9	12,6	15,9
Судебной системе	7,7	35,7	26,4	14,3	15,9

Это обстоятельство заставило автора углубиться в данный вопрос. Среди студентов КФ РАНХиГС была сформирована фокусная группа (32 человека) и проведено дополнительное собеседование, в ходе которого студентами были высказаны причины, повлиявшие на степень их доверия к тем или иным институтам власти. Так, на уровне доверия президенту сказались такие моменты, как невыполнение данных ранее обещаний (в частности, касающихся повышения пенсионного возраста), непротиводействие коррупции, тесное сотрудничество и взаимодействие с Русской православной церковью, «сильная лю-

бовь к силовикам», препятствия в освещении реальных событий социально-экономической, культурной и общественной жизни страны, негативное отношение к оппозиции и гонения на ее лидеров (в частности, предполагаемое отравление А. Навального). Кроме того, молодым людям не нравится, что президент 20 лет во власти (они родились и выросли при нем) и снова, якобы, собирается пойти на выборы, которые, с их точки зрения, не всегда проводятся честно.

Молодежи свойственен радикализм, она острее чувствует несправедливость и ложь. Все это формирует негативное отношение не только к власти, но и к стране в целом и способствует росту эмиграционных настроений. Тема доверия президенту страны, органам государственной власти и местного самоуправления нуждается в углубленном изучении.

Степень доверия молодых петрозаводчан главе Республики Карелия заметно выше: полностью доверяют ему 8% респондентов, скорее доверяют – 43%, не доверяют (в разной степени) – 28%, что в сложившейся ситуации является неплохим показателем.

Нынешний глава республики А.О. Парфенчиков родился и долгое время жил и работал в Карелии. По сравнению со своими предшественниками, он не выглядит более авторитетной личностью, т.к. пока еще не проявил себя как успешный руководитель. Однако его личные качества, желание и стремление переломить неблагоприятную ситуацию и определенная доля популизма сказались на степени доверия к нему молодежи.

Молодежь оценила усилия главы республики по улучшению жизни населения, отметила наметившиеся подвижки по изменению социально-экономической ситуации республики в лучшую сторону. Молодежи импонирует его харизма и социальная активность, в частности, то, что в условиях пандемии он продолжает общаться с населением, ведет страничку «ВКонтакте». К недостаткам были отнесены не всегда продуманные шаги и действия при принятии оперативных решений (сначала закрыл традиционную осеннюю сельскохозяйственную ярмарку, потом открыл; сначала отменил движение транспорта, затем его пустил и т.п.). В этом же ряду находятся и некоторые его высказывания в социальных сетях, которые молодежь сочла неудачными.

Уровень доверия главе республики, хотя и не очень высокий, но стабильный. Общая социально-экономическая ситуация в Карелии продолжает оставаться сложной, и прогнозы о ее улучшении неутешительные. Это обстоятельство обязательно скажется на уровне доверия местным властям, который, как показывает пример предшественников, обычно снижается.

Замечено, что с приходом энергичных и открытых к диалогу руководителей, возрастает степень доверия ко всем государственным институтам, и, наоборот, негативная оценка первых лиц распространяется на все институты государственной власти и местного самоуправления.

Уровень доверия правительству Российской Федерации и Государственной Думе запредельно низкий: полностью или скорее доверяют правительству всего 23%, в той или иной мере не доверяют 53%; полностью или скорее доверяют Думе 21%, полностью и скорее не доверяют – 54%. Молодежь выражает сомнение в том, что правительство и Дума действуют в интересах страны и народа. По мнению респондентов, они лоббируют интересы элиты («кучки прикормленных богатеев»), не забывая и о себе. Кроме того, у молодых людей возникают вопросы по поводу профессиональной квалификации отдельных депутатов, которые предлагают, по их мнению, «бредовые» законы.

Молодежи было предложено высказать степень доверия еще нескольким государственным и общественным институтам. Органам местного самоуправления в той или иной мере доверяют 41%, в той или иной мере не доверяют – 38% респондентов; судебной системе – соответственно 43% и 41%; полиции, органам внутренних дел – 47% и 37%. Как

видим, позитивные оценки превалируют над негативными, но в целом уровень доверия к названным органам власти нельзя назвать высоким.

Наибольшее доверие у молодежи вызывает российская армия, которой доверяют 56%, а не доверяют 29%. Число положительных ответов вдвое превосходит число отрицательных. На вопрос автора: «Почему такое предпочтение отдано российской армии?», молодые собеседники ответили: «У них – оружие». Имеется в виду разработка новых видов вооружения, прошедших успешное испытание, в том числе в Сирии, где ограниченный контингент российских войск действовал достаточно успешно. Престиж российской армии в мире вырос, что и отразилось в положительных ответах студентов.

В целом, как видно, создается парадоксальная ситуация: будущие госслужащие не доверяют институтам государственной власти, будущие юристы не доверяют судебной системе и правоохранительным органам (т.е. тем структурам, в которых в перспективе они будут работать), и все вместе – руководителям страны и республики.

Это обстоятельство должно насторожить преподавательский состав и руководство вузов. Полагаю, преподаватели в рамках своих предметов должны более объективно освещать работу органов государственной власти и местного самоуправления, больше и подробнее говорить о нюансах работы госслужащих и муниципальных служащих, руководителей страны и республики.

Студенты, в силу возраста, многих вещей просто не знают и часто руководствуются во многом тенденциозной и негативной информацией, которую они черпают в основном из Интернета и которой большей частью доверяют, особенно блогерам. И хотя сайты блогеров-радикалов им мало интересны, все же определенную экстремистскую информацию они из этих источников черпают. Пока эта информация находится у них в пассиве, однако при острых социальных ситуациях она может подтолкнуть молодежь к участию в протестных действиях.

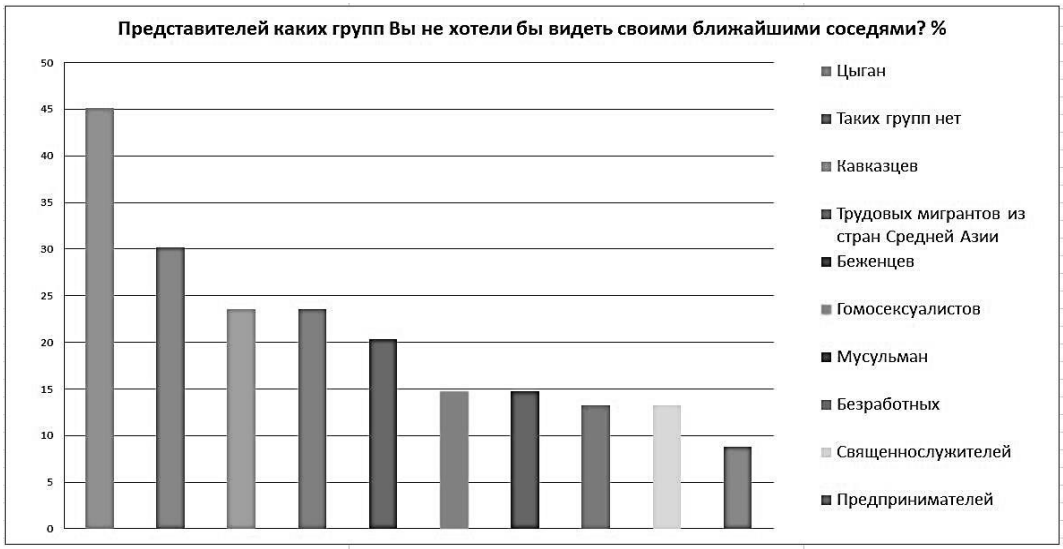
Основная часть молодежи морально не готова выходить на митинги, демонстрации и предпринимать другие решительные действия с целью давления на власть. В то же время имеется группа молодежи, готовая принять участие в различных акциях протеста, при этом часть молодых людей не исключает возможности своего участия в экстремистских действиях. Организовать акции протеста сама молодежь все же не готова, но присоединится к другим – вполне, причем это могут быть организации и люди, которых молодые люди даже не знают.

Доля негативных ответов в оценке органов государственной власти у студентов вышеназванных вузов Петрозаводска, по мнению автора, все же высоковата, что требует повышения внимания к качеству подготовки будущих государственных и муниципальных служащих. Полученные результаты должны быть приняты во внимание и учтены в ходе проведения учебного процесса в плане усиления внимания к вопросам деятельности органов государственной власти, профилактики экстремизма и воспитания установок толерантного сознания.

3. Оценка состояния толерантности

Важной частью этнополитических воззрений молодежи является их оценка межэтнических отношений, а также уровня толерантности, в основе которой часто лежит уважительное отношение к людям другой национальности, вероисповедания, культуры, языка и т.п. [4]. Одним из индикаторов толерантности/нетолерантности служит наличие групп населения (социальных, национальных, религиозных и т.д.), к которым респондент испытывает настороженное или негативное отношение. В нашем случае это определялось на основе выбора предполагаемого ближайшего соседа (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2



На вопрос: «Представителей каких социальных, религиозных и национальных групп населения вы не хотели бы видеть своими ближайшими соседями?», студенческая молодежь дружно ответила «цыган». Этот ответ занимает первое место с достаточно высокой рейтинговой оценкой – 45%. Идентичная картина во всех остальных четырех республиках с финно-угорским населением: **Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии** [6: 160–356], что несколько неожиданно, поскольку в результатах проведенного всего лишь год назад (в 2019 г.) при поддержке Министерства образования Республики Карелия (в рамках проекта «Сила Северо-Запада» – победителя конкурса грантов Главы Республики Карелия) комплексного социологического исследования «Молодежь Карелии: оценка современного положения, духовно-нравственного состояния и гражданской идентичности, социально-экономической и политической активности» в рейтинге антипатий к представителям определенных национальностей цыгане не были упомянуты. (Аналитический отчет по данному комплексному социологическому исследованию автору любезно предоставило Министерство образования Республики Карелия).

На заданный студентам фокусной группы вопрос: «Почему вы не хотите видеть их своими соседями?», молодые люди выдали весь набор страхов, мифов, домыслов и сплетен, бытующих об этом народе, который они почерпнули из рассказов своих родителей, родственников и знакомых, а также из СМИ, в основном из программ, идущих по федеральным каналам телевидения.

Студенты данной фокусной группы (4-й курс ГИМУ КФ РАНХиГС) прослушали прочитанный автором курс лекций по предмету «Межэтнические, межконфессиональные отношения и профилактика экстремизма», в рамках которого ими была сделана интересная презентация о цыганах. Как после этого понимать их негативную оценку, данную цыганам? Студенты намекнули автору, что не они (32 чел.) отвечали подобным образом на этот вопрос. Значит, остальные 150 респондентов – студенты трех вузов, среди которых много будущих политологов и юристов, которые не изучают основы этнологии и национальной политики (в учебной программе отсутствует подобный предмет) с предубеждением относятся к одному из народов России, часть которого, хотя и небольшая, (немногим более 1 тыс. человек), проживает в Карелии, главным образом в Петрозаводске.

Данный факт свидетельствует о том, что предмет «Этнополитология» и близкие к нему курсы, очевидно, необходимо внедрять в образовательные программы всех российских вузов и, особенно, в национальных республиках.

На втором месте оказалась позиция «таких групп нет» с рейтингом 30%. При этом респонденты поясняли свой выбор тем, что «все люди равны, можно общаться со всеми, главное, чтобы вели себя не агрессивно».

Проводимые в республике социологические исследования [2: 94–102] фиксируют стабильное поступательное снижение настороженности и негативного отношения к кавказцам (в первую очередь, к чеченцам) и мусульманам. В нашем опросе кавказцы вместе с трудовыми мигрантами из Средней Азии занимают третью позицию (24%) в числе нежелательных соседей с заметным отрывом от первых двух мест. Немногим от них отстали беженцы (20%), лиц с этим статусом, получившим его в основном в начале 1990-х, в Карелии осталось очень мало.

Обращают на себя внимание достаточно низке показатели предубежденности к мусульманам. Настороженное отношение к мусульманам, фиксируемое социологическими исследованиями начала 2000-х годов, постепенно становится слабее. Гомосексуалисты, безработные, священнослужители, лица творческих профессий и предприниматели не вызывают негативного отношение к себе у большинства молодых людей, также как и буддисты, христиане, евреи.

В целом, студенческая молодежь Карелии демонстрирует позитивный настрой и достаточно толерантное отношение к представителям названных социальных, этнических и религиозных групп, стремление жить с их представителями в мире и согласии.

Заключение

Общая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Карелии, оценивается молодыми людьми неоднозначно. Она разделила их на оптимистов и пессимистов. Оптимисты надеются на лучшее и хотят связать свою жизнь с республикой. Пессимисты полагают, что изменений к лучшему придется ждать долго, и собираются покинуть Карелию. В целом молодежь проявляет сдержанный оптимизм и выражает надежду на лучшее, хотя уверенность в будущем не слишком велика.

В наибольшей степени молодежь волнуют финансовые трудности и получение образования, а также возможные проблемы при трудоустройстве. У молодежи вызывает беспокойство состояние собственного здоровья, на которое может повлиять распространение эпидемий, таких как пандемия коронавируса. Опасения, связанные с «ростом преступности», «угрозой терроризма» и «состоянием межнациональных отношений», не сильно волнуют респондентов, но все же угроза их проявления ими не исключается.

Молодежь продемонстрировала заметное недоверие к органам государственной власти и местного самоуправления, а также к различным государственным институтам. Она сомневается в том, что данные институты действуют в интересах страны и народа, а не лоббируют собственные интересы.

В целом молодежь Карелии демонстрирует позитивный настрой и достаточно толерантное отношение к представителям различных социальных, этнических и религиозных групп, стремление жить с их представителями в мире и согласии. Однако среди молодых людей сохраняется пусть небольшая, но устойчивая группа приверженцев радикальных взглядов и идей, считающих, что для достижения своих целей в ходе проведения протестных акций экстремистские действия допустимы.

Литература

1. *Бирин В.Н*. Случай Карелии. Молодежь Республики Карелия в политическом пространстве региона // Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. М.: РГГУ, 2021. С. 122–160.
2. *Бирин В.Н.* Этносоциологические исследования на службе национальной политики в Республике Карелия // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 94–102.
3. ВЦИОМ выявил рост тревоги у россиян из-за экономического кризиса. URL: https://www.rbc.ru/socie ty/22/04/2020/5ea02d1c9a794704b82df2aa (дата обращения: 05.10.2021).
4. Декларация принципов терпимости. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 1.02.2021).
5. Доверие к основным социальным институтам. Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2020/ 09/21/doverie-institutam (дата обращения: 01.09.2021).
6. Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. М.: РГГУ, 2021. С. 160–356.
7. Население города Петрозаводска. URL: https://kalendargoda.com/naselenie-petrozavodska-2022-chislennost-goroda-oficialnaya-skolko-chelovek-zhivet-1-yanvarya (дата обращения: 3.03.22).
8. Общественное мнение – 2019. Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/02/ OM-2019.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
9. Общественное мнение – 2020. Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2021/02/ OM-2020.pdf (дата обращения: 03.10.2021).
10. Global Report Edelman Trust Barometer 2021. Edelman. 2021. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/202103/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

Этнополитические проблемы России и Беларуси глазами молодежи (по материалам этносоциологического исследования студенческой молодежи двух стран в 2018–2020 гг.)

И.А. Снежкова

Перед тем как перейти к статье, хочется несколько слов сказать о Михаиле Николаевиче Губогло, под руководством которого я работала в течение многих лет. У него было много достоинств: он обладал широким кругозором, огромной научной эрудицией, большой трудоспособностью, несмотря на возраст; юмором, доброжелательностью; его исследованиям был присущ глубокий научный подход. Хотелось бы отметить и такую черту, важную для специалиста-этнолога, как стремление к миротворчеству. Он прекрасно владел механизмами «мягкой силы», но не в разрушительном, а в созидательном ключе, хотя нередко излагал политически острые материалы. Часто названия его трудов удивляли миротворческой лексикой и выраженным наличием позитива. Вот некоторые примеры из названий его работ: «алгоритмы человечности», «интенции миросозидания», «ресурсы миросохранения», «грамматика гостеприимства» и др. Позитивный настрой Михаила Николаевича влиял и на его коллег, которым хотелось в своих работах также использовать больше добрых слов, пытаться акцентировать внимание на положительных сторонах изучаемых процессов и явлений, к чему стремится и автор данной статьи.

В основу работы легли материалы исследования представлений российской и белорусской молодежи о своих странах и друг о друге. В свете последних внешнеполитических событий мы видим, насколько важно изучать причины трансформации взглядов россиян и белорусов, близких восточнославянских народов, чтобы найти ответы на вызовы, с которыми столкнулись наши страны.

В статье также поднимается вопрос о дальнейшем политическом сближении двух государств на платформе укрепления Союзного государства, что особенно важно в текущий политический период.

Наше исследование проводилось в 2018–2020 гг. (до лета 2020 г.) в Москве и Минске. Всего было опрошено 1000 человек. В Москве опрашивались студенты Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Института журналистики и литературного творчества, Российского государственного гуманитарного университета, Института социальной инженерии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ). В Минске исследование проводилось среди студентов Белорусского государственного университета.

Основным методом исследования и в России, и в Беларуси был социологический опрос. Помимо него, для изучения этнической идентичности применялся модифицированный тест М. Куна и Т. Макпартленда – «Кто я»? Этническая толерантность/интолерантность исследовалась с помощью методики Д. Катца и К. Брели – анализа направленности положительных/отрицательных этнических авто- и гетеростереотипов. При характеристике образа стран использовался ассоциативный метод. Также применялся рисуночный тест на тему «Народ и власть», чтобы проследить, как молодежь воспринимает руководство своих стран: позитивно, негативно, насколько близка власть к народу.

Этническая идентичность в представлениях российской и белорусской молодежи

Этническая идентичность – это ядро этнического самосознания. При спокойных межнациональных отношениях или в моноэтничной среде этническая идентичность в сознании людей чаще всего не актуализирована, однако в переломные исторические периоды или в случае межэтнических конфликтов она может стать весьма значимой. Известно, что наиболее оптимальна та этническая идентичность, которая позитивна по отношению к се-

бе и другим этническим группам. Отклонения от нормы могут происходить по типу гиперэтничности (этнонационализм) и этнической индифферентности (этнонигилизм) [3: 106–107]. С помощью вопроса «Кто я?» мы изучали, как часто встречаются среди студенческой молодежи те или иные типы идентичности, в том числе этническая («я русский», «я белорус»). Результаты опроса молодежи двух стран показали доминирование над этническими объективных общечеловеческих характеристик, связанных с социальным статусом, семейными ролями, полом, возрастом, родом занятий, т.е. с группами, к которым нельзя не принадлежать, живя в обществе. Этническая принадлежность и у россиян, и у белорусов встречалась не часто (соответственно в 18% и в 20% случаев) и занимала в иерархии идентичностей одно из последних мест.

Нам важно было узнать, какие чувства вызывает этническая принадлежность у русских и белорусов.

Таблица 1

Чувства, связанные с этнической принадлежностью (%)

Чувства, вызываемые принадлежностью к своему народу	Российские студенты	Белорусские студенты
Позитивные: гордость, спокойная уверенность	84	83
Никаких чувств	12	7
Негативные: обида, униженность	4	4
Другое	–	6

Мы видим, что в целом у молодежи двух народов преобладает положительная этническая идентичность.

Автостереотипы и гетеростереотипы российской и белорусской молодежи

Резкое преобладание положительных автостереотипов «мы» и отрицательных гетеростереотипов «они» говорит о конфликтности или соперничестве между этносами. Наоборот, преобладание негативного оценочного компонента служит показателем нарушения позитивной идентичности членов группы и размытого чувства «мы». Самый оптимальный вариант, свидетельствующий об устойчивости этнической идентичности – это совпадение автостереотипов и гетеростереотипов [4: 242–250].

Исследование этнических стереотипов российских и белорусских студентов о себе и о представителях другого народа показало наличие спокойных межэтнических отношений. Автостереотипы россиян и белорусов отличались преимущественно позитивностью, гетеростереотипы также носили в основном позитивный характер с небольшой долей критичности, как и положено при характеристике «другого». В ходе исследования были выявлены наиболее повторяющиеся стереотипы россиян и белорусов (табл. 2).

Таблица 2

Авто- и гетеростереотипы российских и белорусских студентов

Автостереотипы: русские о себе	Автостереотипы: белорусы о себе	Гетеростереотипы: русские о белорусах	Гетеростереотипы: белорусы о русских
Сильные	Спокойные	Добрые	Активные
Смелые	Мирные	Честные	Смелые
Добрые	Дружелюбные	Гостеприимные	Гордые
Работящие	Добрые	Открытые	Честные
Честные	Гостеприимные	Терпеливые	Добрые
Щедрые	Скрытные	Хозяйственные	Искренние
Строгие	Терпеливые	Чистоплотные	Имперские
Суровые	Простые	Патриотичные	Агрессивные

В процессе изучения стереотипов задавался уточняющий вопрос «Какие русским и белорусам нравятся и не нравятся собственные качества характера и народа-соседа?». Ниже представлены основные ответы, данные молодыми людьми двух стран.

Русским в себе нравится: смелость, готовность помогать, сплоченность, патриотизм, правдивость; *русским в себе не нравится*: безответственность, лень, равнодушие, самоуверенность, пьянство.

Русским в белорусах нравится: открытость, доброта, честность, скромность, гостеприимство; *русским в белорусах не нравится:* безынициативность, лень, изоляционизм, пьянство, страх.

Белорусам в себе нравится: дружелюбие, гостеприимство, доброта, миролюбие, патриотичность; *белорусам в себе не нравится*: терпеливость, излишняя скромность, покорность, пьянство, лень.

Белорусам в русских нравится: отстаивание своего мнения, смелость, упорство, воля, широкая душа; *белорусам в русских не нравится*: наглость (или более мягко самоуверенность), навязывание своего мнения, гордость агрессивность, нестабильность.

Нам было интересно узнать, какие народы русские и белорусы считают наиболее близкими себе. Русские на первое место поставили белорусов, украинцев и в целом славян.

Белорусы на первое место поставили русских и украинцев, далее поляков и литовцев, т.к. на определенных исторических этапах они находились в составе Речи Посполитой и Литовского княжества.

Образ России и Беларуси (природные, культурные, исторические, политические и экономические характеристики)

Для выявления содержательного наполнения образа страны нами был использован метод свободных ассоциаций: респонденты должны были вписать в бланк анкеты ассоциации, связанные с Россией и Беларусью. Исследование показало, что большинство респондентов выделяют следующие природно-географические, культурные, исторические, политические и экономические характеристики.

Российские студенты о России

1) Природные характеристики: березы, тайга, Байкал, Сибирь, медведь.

2) Культурные характеристики: Кремль, Золотое кольцо, промыслы (гжель, хохлома), писатели, художники.

3) Исторические характеристики: победа над Наполеоном, Романовы (династия), победа в Великой Отечественной войне, СССР, Российская Федерация, освоение космоса.

4) Политические характеристики: флаг, гимн, Путин, независимая политика государства.

5) Экономические характеристики: нефть, газ, космическая отрасль, сельское хозяйство, нестабильность.

Российские студенты о Беларуси

1) Природные характеристики: Беловежская Пуща, реки и озера, поля, зубры, картошка.

2) Культурные характеристики: «Славянский базар» (песенный фестиваль), «Песняры», Якуб Колас, Янка Купала, «Би 2» (рок-группа).

3) Исторические характеристики: Великая Отечественная война, партизаны, Брестская крепость, патриотизм.

4) Политические характеристики: Лукашенко, батька, авторитаризм, порядок, относительное согласие.

5) Экономические характеристики: сельское хозяйство, колхозы, фермы, БелАЗ, МАЗ (грузовая техника).

Белорусские студенты о Беларуси

1) Природные характеристики: Беловежская пуща, леса, реки, аисты, зубры.

2) Культурные характеристики: замки, ремесла, Якуб Колас, Франциск Скорина, художники.

3) Исторические характеристики: Киевская Русь, белорусы в составе Литовского княжества и Речи Посполитой, Российская империя, СССР, Великая Отечественная война, независимое государство.

4) Политические характеристики: независимость, батька, Лукашенко, порядок.

5) Экономические характеристики: развитое сельское хозяйство, фермы, БелАЗ, МАЗ, инфляция.

Белорусские студенты о России

1) Природные характеристики: березы, медведи, тайга, природное разнообразие.

2) Культурные характеристики: Кремль, Пушкин, Лермонтов, писатели, художники.

3) Исторические характеристики: Российская империя, СССР, Великая Отечественная война, Российская Федерация, Союзное государство.

4) Политические характеристики: сильное вооружение, Путин, самостоятельная политика, активный субъект на мировой арене.

5) Экономические характеристики: нефть, газ, нестабильность.

Представления российской и белорусской молодежи о патриотизме

В настоящее время патриотические установки носят достаточно выраженный характер в обеих странах. На вопрос «Что такое патриотизм?» и российские, и белорусские студенты отвечали, что это прежде всего «любовь к своей стране», «гордость за нее», «вера в государство». Однако расширенный вариант ответа на этот вопрос показал, что представление о патриотизме у российских и белорусских студентов имеет различное наполнение.

Так, чувство патриотизма для россиян складывается из успехов страны на международной арене, независимой политики, успехов в области спорта и культуры. При этом российские студенты особо отмечают, что их патриотизм однозначно опирается на такой фундамент, как «активная политика страны на международной арене и укрепление суверенитета России в современном мире». Практически все российские студенты гордятся победой СССР в Великой Отечественной войне и однозначно соотносят этот исторический факт с гордостью за Россию.

Белорусские студенты отвечают, что гордость за страну они ощущают «в связи с ее мирной и взвешенной политикой по отношению к соседним странам; согласием между народом и властью, порядком внутри страны».

На вопрос «Выросло ли чувство патриотизма в стране?» и российские и белорусские студенты в 2018 г. отвечали положительно, что, как мы полагаем, может быть не в последнюю очередь связано для России с мобилизационным моментом, возникшим на фоне усиления международных санкций в отношении России, а для Беларуси – в связи с многовекторной политикой, проводимой государством.

Был также задан вопрос «Чем Россия и Беларусь могли бы гордиться перед другими странами и за что им бывает неловко?». В России преобладали следующие ответы: «гордимся многовековой историей, армией, природой, независимой политикой, спортивными успехами». В Беларуси «гордятся трудолюбивым народом, мирной, бесконфликтной политикой государства, успехами в спорте, богатой культурой и природой». России неловко перед другими странами «за социальное неравенство, бедность населения при богатых недрах, за высокие потребительские цены, ухудшение образования и здравоохранения, пенсионную реформу». Белорусам неловко перед другими странами «за невысокий уровень жизни, несменяемое правительство, слабое самосознание народа, безработицу, недостаточную свободу слова».

В последнее время много говорят и пишут об аполитичности современной молодежи, однако реакция российской и белорусской молодежи на исполнение гимна собственной страны была преимущественно положительной.

Таблица 3

Какие чувства Вы испытываете, когда слышите гимн своей страны? (%)

	Россияне	**Белорусы**
Гордость	68	65
Немного волнуюсь	22	20
Никаких чувств	10	15

В этом же ключе был задан вопрос «Готова ли молодежь России и Беларуси терпеть неудобства, если это послужит на благо страны?». Среди ответивших на этот вопрос в России, примерно половина ответила «да» (52%), «нет» – 48%. В Беларуси ответили «да» 46% и «нет» 54%.

«Ощущает ли молодежь двух стран возможность повлиять на судьбу своей страны?» На этот вопрос примерно половина как российских, так и белорусских студентов ответили положительно, 30% – «не вполне», отрицательный ответ дали 20% респондентов.

Изображение респондентами власти и народа в России и Беларуси

Помимо социологического опроса нами был проведен рисуночный тест, который часто используют в политической психологии при изучении темы «Взаимодействие народа и власти» [6: 151–180]. В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображается респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией), где на рисунках находится народ (рядом, в центре, внизу, сбоку), какие сюжеты и символы используются для изображения народа и власти. Я провожу рисуночные тесты уже на протяжении 10 лет и вижу, как они меняются, в зависимости от внутриполитических трансформаций. Исследование, проведенное в 2018–2020 гг. среди российских и белорусских студентов, показало в целом наличие согласия между народом и властью в каждой из стран, несмотря на внутренние трудности тех лет. В России власть нередко изображалась в антропоморфных образах животных – традиционного для страны медведя, а также льва, волка, но что характерно, рядом помещались их детеныши (народ), которых животное защищало. На рисунках власти часто отводилось центральное место, а народ изображался вокруг. Наряду с нейтральными картинками имели место довольно сентиментальные образы власти – ее рисовали в образе солнца, цветка, сердца, что явилось определенной неожиданностью. На заданную тему было довольно много рисунков, изображающих безмятежную природу, гуляющих по городу или катающихся в парке на велосипедах людей, что свидетельствовало о спокойном взаимодействии народа и властных структур. Безусловно, присутствовали рисунки (15%) с негативным изображением власти. Были изображения полицейских, разгоняющих протестующих на митингах. Также встречались рисунки, символизирующие неравенство при распределении доходов между чиновниками и народом. Например, изображение куриной ноги, мякоть которой достается властям, а косточка – народу. Присутствовали на рисунках машины с деньгами, которые отправляются чиновникам, а зарабатывает их народ. Также использовались компьютерные символы, например: власть и народ изображались в виде лайков и улыбающихся смайликов 80%, примерно 20% приходилось на дизлайки.

Образ Беларуси в рисуночном тесте россиян и белорусов также выглядел достаточно позитивно. Как правило, власть изображалась в виде крупной человеческой фигуры, внешне похожей на А. Лукашенко, на фоне окружающего его народа. При этом подразумевалась забота власти о людях. Распространенный образ Беларуси – совместный сбор

урожая властями и народом. Нередкими были изображения условных представителей власти, заботившихся о строительстве фабрик и заводов. Иногда власть изображалась в виде кулака или полицейских, готовых навести порядок. Также как и в российских сюжетах, было немало изображений власти и народа на фоне природы, что является признаком довольно позитивного взаимодействия между ними. Изображение народа и власти, также сопровождалось компьютерными символами – лайками и дизлайками, смайликами с преобладанием позитивного начала.

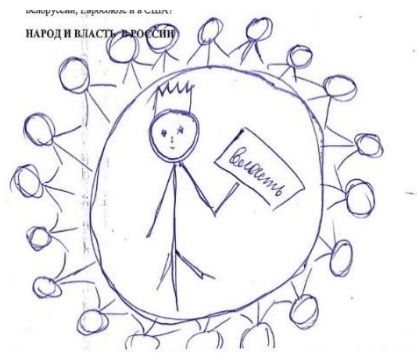


Рис. 1. Изображение власти и народа России российской молодежью

Рис 2. Изображение власти и народа России белорусской молодежью

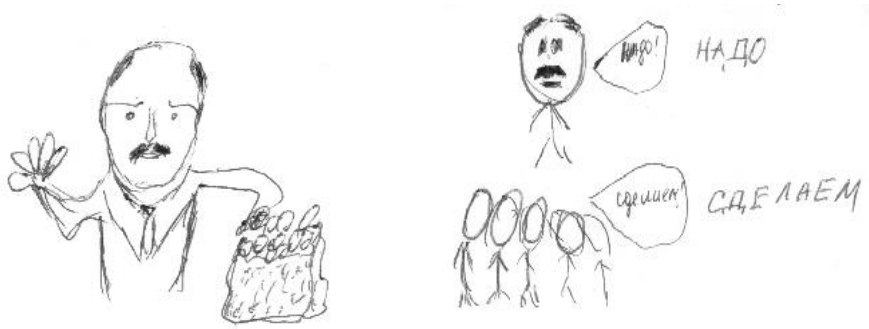


Рис 3. Изображение власти и народа Беларуси белорусской молодежью

Рис. 4. Изображение власти и народа Беларуси российской молодежью

Таблица 4

Представления русской и белорусской молодежи о наиболее целесообразной для России и Беларуси форме государственности (%)

Государственное устройство	Русские о России	Белорусы о Беларуси
Независимое государство	70	73
Союзное государство	25	14
(в составе) Евросоюза	5	13

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что молодежь двух стран предпочитает быть гражданами собственного независимого государства. Союзное государство занимает в этом ряду второе место. В составе Евросоюза (в период проведения опроса) готовы были видеть свои страны 13% белорусов и 5% россиян.

Нам было интересно узнать, как оценивают российская и белорусская молодежь отношения друг с другом, Европейским союзом и США. Российская молодежь (65%) и белорусская (74%) считают отношения двух стран на межгосударственном уровне как дружественные. Большинство российской (62%) и белорусской молодежи (72%) характеризовало отношения своих стран с Евросоюзом как нейтральные. Отношения с США значительная часть российских (78%) и белорусских (65%) респондентов расценивала как недружественные.

Влияние СМИ на представления россиян и белорусов о своих странах

Источники формирования образов России и Беларуси у местной молодежи – это прежде всего средства массовой информации. Молодые люди черпают информацию, в

первую очередь, через Интернет и социальные сети, в меньшей мере – через телевидение, еще реже – через газеты и журналы.

В западных СМИ развернута настоящая информационная война, прежде всего против России. Практически все спорные и нераскрытые прецеденты на мировой арене в период проведения опроса приписывались «агрессивной России» – «аннексия» Крыма, военные действия на Донбассе, гибель малазийского самолета М-17, дело Скрипалей и т.д. Беларусь западные СМИ в целом описывали как страну, находящуюся под управлением «президента-диктатора, не допускающего свободу слова и тесно сотрудничающую с “агрессивной” Россией». Несмотря на обвинения коллективного Запада, Россия и Беларусь в собственном медийном пространстве рассматривались позитивно. Лейтмотив основных публикаций – «Россия – большая страна, способная защитить в военном отношении и поддержать экономически Беларусь», «Беларусь – надежный политический и экономический партнер России». Безусловно, в СМИ поднимались и некоторые спорные вопросы – торг руководства двух стран из-за цены на энергоносители, провоз санкционных продуктов в Россию через границу Беларуси и др. Однако спорные вопросы решались, а новости друг о друге отличались в основном спокойным позитивом и доброжелательностью.

* * *

5 ноября 2021 г. были утверждены 28 программ по интеграции двух стран в экономической и социальной областях в общее государственное пространство. В политической области предполагается дальнейшее формирование единого Парламента, Высшего государственного совета, Союза министров, выработка единой государственной символики. В области макроэкономических задач планируется интеграция платежных систем; формирование объединенного рынка газа, рынков нефти и нефтепродуктов, объединенного рынка электрической энергии, развитие атомной энергетики, единой промышленной политики, а также сближение в сфере торговли, туризма, культуры и образования и др.

Важную роль в укреплении Союзного государства играет военная доктрина, направленная на обеспечение безопасности двух стран. В документе сказано, что государства-участники рассматривают любые действия с применением военной силы, направленные против любого из государств-участников, как посягательство на Союзное государство в целом и будут предпринимать соответствующие ответные меры с использованием всех сил и средств, находящихся в их распоряжении.

Наше исследование было ограничено временными рамками – с 2018 г. до лета 2020 г. Стремительные изменения в жизни наших стран, вызванные событиями последних двух лет, безусловно, повлияли на мировоззрение россиян и белорусов, прежде всего молодежи. Поэтому так важно проследить эту трансформацию, сравнить результаты нашего опроса с сегодняшними взглядами молодых людей, на плечи которых ляжет ответственность за будущее своих стран. Хочется надеяться, этносоциологические исследования в этом направлении будут продолжены.

Литература

1. *Снежкова И.А.* Отображение гибридной войны в электронных ресурсах России и Украины // Вестник антропологии. 2016. № 4. С. 174–186.
2. *Снежкова И.А.* Россия, Белоруссия, Евросоюз, США в представлениях российских студентов: на пути к поискам взаимопонимания // Вестник антропологии. 2017. №4. С. 87–98.
3. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 389 с.
4. *Стефаненко Т.Г.* Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 242–250.
5. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: учебник. М.: Аспект пресс, 2007.

Уважение старших у адыгов: взгляд студенческой молодежи

М.Ю. Донежук

М.Ю. Донежук

Произошедшие за последние тридцать лет изменения в экономической и социальной жизни населения Республики Адыгея значительно изменили общую этнокультурную картину региона. Многие традиционные институты, оказавшись в совершенно новых условиях, заметно трансформировались. Такой важный элемент адыгской этики, как уважение к старшим, также оказался под давлением изменившихся обстоятельств. Тем не менее он продолжает оставаться частью повседневной жизни адыгов, и даже при общении молодых людей сходного возраста вопрос «Кто старше?» остается весьма значимым.

Принцип уважения старшего по возрасту человека культивируется в обществе, в семьях, на мероприятиях и в социальных сетях. В качестве примера может выступать запись в одном из адыгских сообществ в сети ВКонтакте (VK), где рассказывается про появление уважения к старшим у адыгов: «Адыги с глубоким почтением относились к старости, но и их не миновало в глубокой древности явление геронтофобии, то есть враждебных чувств по отношению к старым людям, свойственных многим древним народам. Практически все народы прошли через эту горькую стадию...». Заканчивается текст словами: «С тех древнейших времен, – гласит притча, – старики у адыгов окружены почетом и глубоким уважением, а жестокий обычай, связанный с Горой Старости, печально известный в те времена, был отменен» [7]. Более того, тема уважения к старшим остается в повседневном общении. Даже в контактах между представителями старшего и младшего поколения постоянно присутствует дистанция, очерчиваемая использованием слов-маркеров – «старший» и «младший» – по отношению к собеседнику. В случае если младший по возрасту позволяет себе некоторую вольность, старший всегда может заметить: «Нахьыжи, нахьыкIи уиIэжьыба?» («У тебя не осталось понимания, кто старше, кто младше?»).

Суть правила уважения старших у адыгов отражает народная пословица «Кто не уважает старшего, тот сам в старости не получит уважения» или ее вариация «Родителям воздай свой почет – твой сын его тебе вернет». Это нерушимый принцип, определяющий поведение человека в обществе старших, предостерегающий от нечаянных оплошностей. С самого малого возраста разграничение статуса «старшего» и «младшего» производилось особенно явно и подчеркнуто. Так, в присутствии старшего запрещалось сидеть, даже если младшему это предлагалось неоднократно» [2: 216]. При общении феодалов с крестьянами или вассалами считалось предосудительным неуважительно вести себя по отношению к старшему по возрасту человеку, даже если он из более низкого социального слоя.

Несоблюдение этой установки вело к утрате уважения со стороны окружающих, что, в свою очередь, могло способствовать закрытию целого спектра возможностей, например, признания семьи и рода. В рамках системы с развитой взаимопомощью подобная ситуация привела бы к изолированию семьи. Примечательно, что ребенок, росший в аульской среде, воспитывался не только внутри семьи, но и всем аульским сообществом. Его представители могли сделать замечание, выговор, пожаловаться родителям [8: 165], что было достаточно неприятным, т.к. из-за неуместного поведения младшего члена семьи стыдиться приходилось старшим.

Несмотря на актуальность, данная тема чаще всего исследуется лишь с позиций педагогики и этнографии. Как часть семейного быта она рассматривается в работах Б.Х. Бгажнокова, Я.С. Смирновой, Э.Л. Коджесау. Например, в монографии М.А. Меретукова «Семья и брак у адыгских народов» [5] подробно описываются процессы трансформации адыгской семьи, при этом затрагивается и вопрос уважения к старшим. В конце своей книги автор показывает, что отношения между поколениями, между родителями и детьми значительно изменились и стали заметно свободнее. Но в связи с тематикой исследования он не делает акцент именно на уважении к старшим. Этнографические данные также только вскользь упоминают об этой теме.

В настоящей статье используются материалы опросов, проведенных в Адыгее в 2020 и 2021 г. Первое исследование проведено летом в городах Майкоп и Адыгейск, а также населенных пунктах Теучежского района. Опрошено 100 адыгов – 53 мужчины и 47 женщин. В рамках второго исследования было опрошено 320 студентов-адыгов, обучающихся в вузах г. Майкопа.

Пилотный опрос, проведенный в 2020 г. в Адыгее, показал, что 32% респондентов посчитали наиболее важной традицией, которую необходимо сохранять и прививать молодежи, является именно уважение к старшим. Более того, 96% опрошенных отметили, что уважение к старшим должно быть обязательным. В качестве примеров проявления уважения можно выделить следующие ответы: уступать место; приветствовать вставанием; оказывать помощь; выполнять поручения старших. В то же время 86% респондентов заметили, что потеря уважения к старшему тоже может иметь место, 12% ответили отрицательно. Среди главных причин, из-за которых старший мог бы потерять уважение, были названы обман и лицемерие, неуважительное отношение к другим людям, а также алкоголизм.

Результаты опроса 2021 г. показывают картину менее однозначную: более трети респондентов считают, что старший может потерять уважение окружающих к себе. Чуть меньше опрошенных затруднились ответить на этот вопрос, и столько же заметили, что это невозможно (табл.1). О том, что пожилой человек может потерять уважение к себе, чаще говорили горожане, в то время как сельская молодежь реже выбирала такой ответ, настаивая на противоположном. Также, как и в 2020 г., респонденты в качестве причин, по которым старший может потерять уважение к себе, указывали обман и лицемерие, неуважительное отношение к людям вообще, алкоголизм, а также называли такие варианты: «Если ведет себя неподобающе своему возрасту», «Показывает плохой пример молодым», «Некорректное поведение среди молодых».

Один из респондентов заметил, что сам во время похорон одного из родственников наблюдал неуважительное отношение молодых людей к знакомым, вдвое старше. С его слов, это проявлялось в неуместных, зачастую пошлых шутках, оскорблениях и нежелании младших выполнять поручения. Как оказалось, причиной этому было побратимство старших с младшими (они вели себя примерно также, как и младшие, при этом не ограничивая круг допустимых тем), а также то, что могли позволить себе пить вместе с младшими. Впрочем, подобное было замечено и мной на одной из свадеб в Адыгее.

К столу жениха зачастую подсаживались мужчины намного старше, чем он сам. В связи с этим, возникало частое отсутствие взаимопонимания между поколениями. Перебивание тостов, перекрикивание, замечания. Заметно, что статус старшего достаточно легко теряется только самим фактом «опускания» старшего до уровня молодежи. Выпивая среди молодых, шутя и говоря на те же темы, «старший» ставит себя в положение младшего, чем вызывает соответствующее отношение со стороны молодежи. Тем не менее, поскольку в голове «старшего» остается установка, что он все же старший и к нему должны относиться соответствующим образом, то подобная ситуация может спровоцировать конфликт [6].

Приведенные примеры отчетливо показывают, как именно действует система потери уважения к людям пожилого возраста в реальной жизни.

Таблица 1

Отношение респондентов к возможности потери уважения к старшим (%)

№	Варианты ответа	В целом по массиву	Пол		Место рождения	
			Мужчины	Женщины	Город	Село
1	Такая возможность есть	38	38	37	40	33
2	Такой возможности нет	30	32	29	28	35
3	Другой ответ	0	1	0	1	0
4	Затруднились ответить	32	29	34	31	32
5	Итого	100	100	100	100	100

Также, как и при первом опросе, доля тех, кто считает, что геронтократический институт – это наиболее важная составляющая адыгской этики, оказалась наибольшей – чуть менее половины респондентов. Среди женщин доля выбравших данный вариант оказалась на 20 процентных пунктов выше, чем среди мужчин. Вопрос был открытым, и опрошенные сами могли указать ответы, которые были объединены в группы (табл.2).

Таблица 2

Наиболее важные элементы традиционной этики адыгов (%)

№	Варианты ответа	В целом по массиву	Пол		Место рождения	
			Мужчины	Женщины	Город	Село
1	Уважение к старшим	47	37	57	48	47
2	Адыгэ хабзэ (Адыгская этика)	11	9	14	6	14
3	Уважение друг к другу	9	11	7	13	7
4	Воспитание молодежи	7	4	9	8	6
5	Уважение к женщине	3	3	4	3	4
6	Сохранение адыгейского языка	5	5	4	5	3
7	Все элементы	3	4	3	2	4
8	Традиционная одежда	3	4	1	6	0
9	Гостеприимство	1	1	1	3	0
10	Религиозность	3	4	1	2	1
11	Другое	8	18	0	4	14
12	Итого	100	100	100	100	100

Из приведенных данных видно, что адыгское общество, во всяком случае, студенты-адыги, очень неоднородны в своем отношении к институту уважения старших. Беспрекословное подчинение и почитание старшего, как обязательный атрибут поведенческой культуры, трансформировались в желательную установку. Последовавшая за революцией 1917 г. ломка «старых устоев» и создание новых экономических отношений, частью которых являлась коллективизация, окончательно уничтожили натуральные методы хозяйствования. Государственное регулирование, государственная монополия на землю и законодательные акты во многом уравняли положение членов семей и в целом аульчан. Постепенная урбанизация второй половины XX в. и стремительный скачок 1990-х годов, практически удвоивший число городских адыгов, напрямую сказались на институте уважения старших [2: 218–219]. Н.Ш. Козлова называет одной из причин перемен в семейной жизни и культуре адыгов изменение традиционных приемов воспитания и передачу воспитательных функций из семейного круга в детские сады и школы, где дети получают стандартизированное воспитание [4: 104]. Особенно это значимо в условиях, когда родители и старшее поколение находятся на работе, а дети большую часть времени проводят

в образовательных учреждениях. Как говорилось ранее, институт семьи вследствие урбанизации, размытия сельского, знакомого окружения большим количеством совершенно чужих людей уже не в состоянии в полной мере обеспечить сохранение традиций и этнокультурных ориентаций самого широкого плана. В 1987 г. М.А. Меретуков дал следующую характеристику произошедшим трансформациям в адыгском обществе: «Равным образом изменились отношения между старшим и младшим поколением семьи. Подросшие дети ведут себя с родителями и другими старшими родственниками несравненно более свободно и непринужденно. Это также понятно: исчезла частнособственническая основа родительской власти, некогда делавшая детей полностью зависимыми от главы семьи» [5: 360]. Д.А. Калашаова и А.А. Безрукова, рассуждая о причинах изменений поведенческих ориентаций у адыгейской молодежи, значительно позднее приходят к таким же выводам: «Появляется все больше эгалитарных семей, наблюдается демократизация семейных отношений, где супруги и другие члены семьи одинаково принимают участие в решении проблем семейной жизни» [3: 105]. Как пишут Б.П. Беретать и Л.В. Гудакова, из-за невысокого уровня доходов молодых семей приходится работать обоим супругам. Это приводит к ситуации, где и муж и жена не могут уделить достаточное внимание детям [1: 133]. Таким образом, молодежь остается в условиях, когда она предоставлена сама себе, т.е. не может получить опыт и установки от родителей и других старших родственников.

Совместно с изменениями, происходящими в самом институте уважения старших, меняется и отношение к нему. Несмотря на заметные перемены в оценках этого института и их неоднозначность, потребность в нем сохраняется. Более того, его практики продолжают применяться в адыгском обществе. Среди последних – разделение окружения на категории старшинства, запрос на отношение к себе как старшему, покровительство со стороны старших и использование соответствующей маркирующей лексики.

Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка модели научного мониторинга общественных запросов на языковое и этнокультурное образование» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Литература

1. *Беретарь Б.П., Гудакова Л.В*. Молодая семья в современной России на примере Республики Адыгея // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 131–134.
2. *Донежук М.Ю.* Уважение старших у адыгов: возникновение и трансформация традиции // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 210–223.
3. *Калашаова Д.А, Безрукова А.А*. Социокультурные трансформации в современной адыгской семье // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 104–108.
4. *Козлова Н.Ш.* Механизм формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения в адыгейской семье // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № S. С. 103–105.
5. *Меретуков М.А*. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского кн. изд-ва, 1987. 368 с.
6. ПМА №2. Полевой дневник. Адыгея, апрель-май 2021 г.
7. Притча о старости. Группа «Адыги – Новости, история, культура и традиции» в сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/adygiru?w=wall-2033613_17249 (дата обращения: 21.03.2022).
8. *Смирнова Я.С*. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1968. Т. 8: Этнография. С. 109–179.

Институт взаимопомощи балкарцев: от традиции к современности

С.И. Аккиева

Институт взаимопомощи, как и институт гостеприимства, был присущ всем народам мира. Известный российский этнолог М.Н. Губогло в своих работах писал, что гостеприимство, взаимопомощь базируются на доверии и имеют морально-этическую норму для большинства членов общества [3]. А российский философ, идеолог анархо-коммунизма П.А. Кропоткин считал, что не конкуренция, а взаимопомощь являются важнейшим фактором эволюции [4]. Институт взаимопомощи – один из характерных признаков традиционного общества, имеющий экономическую основу, но со временем переросший в морально-этическую норму, на страже которой стоит авторитет общественного мнения. Он существует в той или иной форме или под тем или иным названием у всех народов, в частности широко распространен и на Кавказе, где до настоящего времени не утратил своего значения.

Формы взаимной поддержки исследователи подразделяют на трудовую (производственную), материальную и моральную [5: 127]. У балкарцев существовали следующие виды помощи: коллективная и безвозмездная со стороны членов сельской общины помощь, оказываемая единовременно при работах, требующих значительных затрат рабочей силы (*изеу*); единовременная или постоянная помощь вдовам, сиротам, немощным семьям и пострадавшим от стихийных бедствий или других невзгод (*болушлукъ*); объединение нескольких хозяев для ведения совместных работ (*къош*). Под последним видом подразумевается супряга, или такая форма экономического сотрудничества, когда вследствие недостатка или отсутствия рабочего скота, инвентаря или земли группа родственников или соседей в ходе работы объединяют свои ресурсы и рабочую силу, впоследствии плоды совместного труда делятся поровну или в соответствии с внесенным паем.

Сферы применения взаимопомощи: 1) производственно-хозяйственная (строительство дома, обработка земли и сбор урожая); 2) семейно-бытовая (рождение ребенка, свадьба, похороны, проводы в армию, прием гостя и пр.); 3) общественные работы, иногда облекаемые в форму взаимопомощи *изеу* (коллективный труд на благо сельского общества при прокладке дорог, мостов, водопроводов, строительстве мельниц, мечетей и т.д.).

До недавнего прошлого самым распространенным видом взаимопомощи у балкарцев оставался *изеу*, который использовался при постройке дома, других хозяйственных построек. Прежде чем собрать *изеу*, хозяин, которому требовалась помощь, подготавливал необходимый материал, продукты для угощения людей, которых созывал на *изеу*. *Изеу* собирался при строительстве дорог, мостов, очистке от камней сенокосных участков. Такие формы *изеу* организовывали руководитель или же наиболее уважаемые члены общины, а продукты для угощения давали все члены общины и по завершении работ проводили совместную трапезу. В некоторых формах *изеу* принимали участие мужчины, в некоторых – женщины (обработка шерсти и др.), но были и совместные (строительство дома, сенокос). Заготовка кормов была одной из наиболее трудоемких работ в прошлом, и в ней посильное участие принимал каждый член общины: мужчины косили, а в сборе сена участвовали женщины и подростки обоих полов. Начало сенокоса и его завершение у балкарцев отмечались как большие всенародные празднества, сопровождавшиеся жертвоприношениями, обильным угощением, скачками, национальной стрельбой, песнями, танцами и играми. «…Община обыкновенно празднует или перед началом работ и известных экономических начинаний, или после окончания их…» [10: 206].

Обычай взаимопомощи не потерял своей значимости и в советский период, но претерпел определенную модернизацию. Институт взаимопомощи был положен в основу созда-

ния в национальном регионе принципов государственного социального обеспечения. Система добровольной социальной помощи послужила началом деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Комитеты, возглавляемые представителями духовенства, получили контроль над закятом (налог с дохода мусульман, отчисляемый в пользу бедных) и впоследствии стали связующим звеном между сельской общиной и органами власти, способствуя усилению влияния советов в крестьянской среде [6: 103–104].

Советская администрация пыталась в создавшихся условиях возродить не только супряжные формы взаимопомощи, но и развить благотворительность, т.е. безвозмездную помощь неимущим в земледельческих и скотоводческих работах, которую, по мнению советских чиновников, следовало расширять по нескольким направлениям: во-первых, это организация общественных запашек инвалидам, вдовам, сиротам и малоимущим крестьянам; во-вторых, оказание срочной помощи пострадавшим от стихийных бедствий; в-третьих, создание общественного фонда и организация общественных запашек и, наконец, организация трудовой помощи беднякам путем субботников и воскресников во время посева, уборки урожая, при строительстве каких-либо объектов [2: 100].

Местные органы власти использовали традиции взаимопомощи при решении новых задач социалистического строительства и переустройства общества. Так, в 1920-е годы, по указанию председателя Балкарского облисполкома А. Гемуева, институт *изеу* широко использовался для строительства дорог в Баксанском, Чегемском и Черекском ущельях. Уже с лета 1924 г. был объявлен *уллу изеу* (большой *изеу*), который проводился практически ежедневно, и все работы выполнялись бесплатно. В этих *изеу* принимало участие все трудоспособное население балкарских сел. Добровольный институт в 1920-е годы стал обязанностью, навязываемой властью, и вызывал недовольство населения, но открытого противостояния не было. Дорожные работы шли круглый год с 1924 по 1930 г., за исключением августа, сентября и первой половины октября, т.е. периода сенокоса. В общей сложности по Баксанскому ущелью было построено дорог протяженностью 104 км и по Чегемскому – 75 км, выходящих на равнинную часть и государственную трассу Нальчик – Пятигорск. В общей смете затрат на строительство дорог в Эльбрусском и Чегемском ущельях бесплатный труд составил 60% [1: 118]. В строительство дорог были вовлечены и женщины. Народ по-своему оценил новые реалии и сочинил песню, в которой иронизировал над полученными женщинами правами и их участием в общественной жизни: «*Совет власть тиширулагъа эркинлик бергенди тауда жолланы къазагъа*» («Советская власть наградила женщин свободой, и они могут теперь строить в горах дороги»).

Изеу нередко проводился совместно женщинами и мужчинами в основном в период сенокоса. Мужчины косили, а при сборе сена им помогали женщины. Складирование сена лежало преимущественно на плечах мужчин. На уборку сена мужчины и женщины шли как на праздник в красивой одежде, хотя это был тяжелый физический труд.

В строительстве дома (возведение стен) участие принимали только мужчины, а при возведении крыши привлекались и женщины – носили землю, а землю утрамбовывали мужчины. Для обмазки стен на *изеу* приглашали женщин, а на стрижку овец – только мужчин. Женщин привлекали к работам, связанным с обработкой шерсти (теребить и чесать шерсть для изготовления войлока – *кийиза*). Прежде чем позвать людей на *изеу* хозяин тщательно готовился к этому мероприятию: советовался с родственниками, как лучше организовать труд, обеспечивал фронт работ, учитывал организационный момент. Хозяин обходил каждого человека, которого он приглашал на *изеу* и говорил: «Юй ишлеймеда, изеуге чакърама, бир кел маржа тамбла» («Строю дом и приглашаю на *изеу*, приходи, пожалуйста, завтра»). *Изеу* проходил весело, с шутками и прибаутками, люди трудились с энтузиазмом. Хозяин заранее должен был подготовить продукты и дважды

энтузиазмом. Хозяин заранее должен был подготовить продукты и дважды накормить людей: в обед и после окончания работы. Для мужчин обязательно готовили мясное кушанье. Если не было свежего мяса, то готовили из вяленого, варили *боза*, пекли пироги и хлеб. Для женщин готовили суп, *хичины* (пироги), *бёрек* (пирожки).

В годы депортации в Казахстане и Киргизии на *изеу* к балкарцам, которые строили дом, приходили помочь казахи, киргизы и узбеки. У них есть схожий обычай (*асар* – у казахов, *ашар* – у киргизов, *хашар* – у узбеков). После отмены указов о депортации и возвращения на Кавказ, по рассказам информантов, балкарцы смогли построить дома исключительно благодаря обычаю *изеу*. В первый год после возвращения люди совместно строили землянки и дома из подручных средств, чтобы была хоть какая-то крыша над головой. Многие дома, в которых ранее жили балкарцы, были разрушены и разобраны на стройматериалы, в некоторых селах в дома депортированных балкарцев были заселены другие люди, которым тоже некуда было перебираться, во многие села в горной местности не разрешали селиться – власти республики считали, что восстановление этих сел экономически нецелесообразно. Был разработан план подселения балкарцев малыми группами (по 5–10 семей) в села в равнинной части республики, дома же в восстанавливаемых селах строились по типовым проектам. В 1959–1966 гг. в республике был строительный бум: с ранней весны до поздней осени продолжалось строительство («построят дом одному и сразу начинают строить другому»). Люди, разбирающиеся в строительном деле, владеющие тем или иным строительным навыком, практически не знали отдыха, их приглашали на *изеу* в первую очередь [11].

С конца 1990-х годов *изеу* при строительстве дома практически не проводится, т.к. этот процесс стал требовать применения техники, сложных инженерных расчетов, строительной квалификации и разнообразия строительных материалов. Родные и близкие теперь помогают деньгами или же строительными материалами (кирпич, блоки, цемент и пр.).

В прошлом взаимопомощь оказывали при стрижке овец, когда мыли и теребили шерсть, пряли и даже когда вязали из нее изделия. В 1970–1980-е годы, когда вязаные шерстяные изделия балкарских мастериц хорошо продавались, нередко семьи, где было несколько девушек, помогали в обработке шерсти пожилым соседкам или родственницам безвозмездно.

Активная помощь оказывалась и оказывается при проведении семейно-бытовых обрядов. При рождении ребенка родные и соседи дарят одежду ребенку (ранее это была нательная рубашка – *итлик келек*, «щенячья рубашка»). У татар первую рубашку ребенка также называют «щенячьей рубашкой» – *кечек кулмеге*, в некоторых же татарских деревнях первая рубашка называется *киндик кулмеге* («рубашка пуповины») [8: 109].

Помощь оказывается и при проведении поминальных обрядов – продуктами и деньгами. В последние годы Духовное управление мусульман КБР (ДУМ КБР) выступает за прекращение поминальных обрядов с раздачей продуктов, которые практикуются у балкарцев и кабардинцев. Этим недовольны люди старшего поколения, но ДУМ КБР продолжает свою работу, и молодое поколение мусульман поддерживает и продвигает «новую» обрядность, а потому во многих семьях похоронные обряды проводят без поминальных угощений и раздачи пищи. Распространилась практика проведения похоронных молений в мечети (ранее оно проводилось в доме покойного). Родственники покойного дают имаму мечети определенную сумму денег (обычно 5 тыс. руб. или при желании – сколько могут), чтобы он распорядился как положено (направил на нужды мечети или раздал нуждающимся).

Взаимопомощь практикуется и при проведении свадебных торжеств при выходе девушки замуж или женитьбе парня. На свадьбу до 2000-х годов приглашались не только родственники, но практически все жители села. Свадьба проводилась в домах жениха и невесты, проходила несколько дней и становилась праздником не только семьи, но и всего

села. Приглашенные на свадьбу приходили с подарками, ценность которых определялась уровнем родства с родителями невесты или жениха. Жениху дарились деньги или скот в качестве платы *кие негер ахча* («деньги от дружки жениха»). На свадьбе назначался ответственный за всю свадебную церемонию (*кие негер тамата*), назначались также ухаживающие за гостями (*шапа*), которые готовили еду и угощали гостей, следили, чтобы каждый пришедший ушел со свадьбы накормленным и напоенным. Обязательным атрибутом свадьбы были флаги (*той байрак, юй байракъ къоз берк*). В прошлом флаг свадебного поезда (*той байрак*) был флагом рода жениха: на флаге помещались тавро родов жениха и невесты, первое помещалось над вторым [9: 44]. Со второй половины XIX в. *той байрак* постепенно трансформировался в *киеу негер байрак*, а в роли семейного флага стал использоваться ковер. *Къоз байракъ* («ореховую шапку») делали из плотного войлока или бархата и прикрепляли к палке. На шапку нашивали орехи, конфеты, ленты, монеты, платочки.

Свадебные флаги по прибытии в дом невесты сдавались доверенному лицу, который возвращал их перед увозом невесты. В доме невесты иногда допускался обмен флагами. С 2000-х годов свадьбы стали проводить в ресторанах и кафе, сельские свадьбы с неограниченным числом гостей и многие свадебные ритуалы ушли в прошлое. Число гостей на свадьбах регламентировано, стороны жениха и невесты договариваются, какое количество гостей будет с каждой стороны, но мест заказывают на десяток-другой больше, чтобы кто-то из гостей не остался без места. Свадебное мероприятие семьи парня и девушки проводят совместно. Материальная помощь со стороны гостей оказывается деньгами: их кладут в конверт и подписывают, чтобы было понятно кто делает подарок; конверты передают кому-либо из родных брачующихся или же специально назначенному для сбора денег человеку (*киеу негер ахачаны жыйгъан*, «ответственному за сбор денег от друзей жениха»). Традиция дарить скот ушла в прошлое. В редких случаях это может сделать кто-то из близких родственников.

Материальную помощь балкарцы оказывали и оказывают людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (вдовам, сиротам, пострадавшим от стихийных бедствий, одиноким членам общества). Помощь в этих случаях считалась благородным делом (*сууап иш*). Она была постоянная или разовая. В первом случае члены общины раз в неделю или месяц несли в такую семью еду, дрова, оказывали помощь в период полевых работ. Разовая помощь оказывалась при стихийных бедствиях: каждый член общины помогал в случае, если сгорел дом, стихия унесла скот и т.д., с таким расчетом, чтобы пострадавшая семья в короткий срок могла выстроить дом или купить скот и т.д. В 1960–1970-е годы семье, которая лишилась коровы, соседи и родственники выражали соболезнование: «*Башыгъыз орнуна болсун*» («Да будет эта потеря вместо человека»), т.е. чтобы не было людских потерь. Соседи такую семью по мере возможности снабжали молоком по очереди. Если же животное поломало ногу и т.п., и ее вынуждены были прирезать, то соседи и родственники раскупали мясо (даже если они в нем в тот момент не нуждались), чтобы помочь хозяину купить другое животное. Такая форма помощи называлась *суап*, и она практикуется до настоящего времени.

Одиноким пожилым людям балкарцы также оказывают помощь, особенно это было широко распространено в прошлом (когда не было пенсий или они были катастрофически малы). Так, в 1950–1970-е годы было много одиноких людей, чьи близкие умерли в годы войны и депортации. По рассказам информантов, такие люди были практически в каждом селе, и им старались помочь в хозяйственных работах, а если одинокий человек становился немощным и не мог вести хозяйство, то его брали в семью родственники, если таковые были, или соседи.

Моральная помощь в балкарском обществе распространена очень широко. Она оказывается при проведении похорон (в течение трех дней в семью, в которой горе, приходят

люди и выражают соболезнование, спрашивают в чем нужна помощь), при болезни кого-то из знакомых, родных и соседей (обязательно проведают, принесут продукты или дадут деньги на лекарство), потере имущества, работы, разводах и т.д. Человеку, оказавшемуся в сложных жизненных ситуациях, стараются помочь, подбодрить, поддержать, чтобы он не остался один на один с бедой.

В настоящее время институт взаимопомощи используют различные общественные объединения: политические партии, национально-культурные центры и религиозные объединения. Большинство мечетей в республике построены на деньги, собранные жителями сел, а также выходцами из этих сел, не потерявшими с ними связи. В последнее десятилетие балкарцы стали строить памятники односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (такие памятники сооружают и в не восстановленных после возвращения селах. Эти села власти республики в свое время посчитали бесперспективными в экономическом плане, а жителям запретили туда возвращаться).

Балкарцы всегда особое внимание уделяли защите окружающей среды: держали в чистоте территорию вокруг родников и ручьев, очищали поймы рек от мусора – в реку, озеро или ручей нельзя было бросать мусор. Провинившийся человек подвергался наказанию и осмеянию в обществе, отчего несли моральный урон не только он сам, но и его родные. Домашний мусор сжигали, в балкарских селах не было свалок мусора. В последние годы под влиянием государственной политики и деятельности сельских имамов в селах появились энтузиасты, которые занимаются очисткой поймы рек и мест отдыха от мусора, который оставляют отдыхающие, очищают родники и источники, облагораживают их, бетонируют территорию родника, чтобы легче было чистить от веток, камней и т.д. Такие дела рассматриваются как благие и богоугодные (*суап ишле*), которые совершаются во благо общества, людей, их должен исполнить каждый порядочный человек.

Говоря об институте взаимопомощи, нельзя не упомянуть о сборе денег для больных детей. Балкарцы оказывают адресную помощь таким детям. В 2020 г. мать Магомеда Тюбеева, которому был поставлен диагноз спинально-мышечная атрофия, объявила сбор денег в Интернете «help tubeev_magomed» (необходимо было собрать около 2,13 млн долл. на лекарство Zolgensma, укол которого до исполнения ребенку 1,5 года дает шанс на излечение). В декабре жители балкарского селения Нижний Чегем запустили эстафету «Делай добро» и собрали около полумиллиона рублей, эстафету подхватили жители других балкарских сел республики. Жители селения Бабугент собрали 1,5 млн рублей, жители с. Хасанья – 2 млн. К сбору подключились жители других сел, а также волонтеры, которые с прозрачными пластиковыми бутылками делали подворный обход в селах и в городах. В январе к сбору средств подключились карачаевцы и жители других национальностей в КЧР. В обеих республиках магазины, заправки, кафе перечислили выручку за день, были пожертвования в размере 100 руб. и 100 тыс. руб., жертвовали машины, скот, женщины – свои драгоценности, дети – сбережения из копилок. Большую работу провели имамы мечетей, которые лично призывали людей к благотворительности. Волонтеры в специальных жилетах с фотографиями Магомеда Тюбеева стояли на дорогах КБР и КЧР, чтобы у автомобилистов была возможность участвовать в акции. К сбору денег подключились волонтеры из Ставропольского края, Дагестана. 22 января 2021 г. мать ребенка объявила о закрытии сбора денег – на лечение ребенка было собрано 211 млн руб. Семья Тюбеевых остаток средств, более 30 млн руб., передала в фонд помощи мальчику с таким же диагнозом из кабардинского села Карагач Адаму Нагоеву [7]. Сбор для него проходил в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ингушетии. Болезнь Магомеда Тюбеева и Адама Нагоева объединила народы Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, народы Северного Кавказа, всей России.

Идея совместного коллективного труда, взаимопомощи и помощи вопреки социокультурной трансформации общества оказалась устойчивой в северокавказском обществе в целом, в том числе и в балкарском. Несмотря на изменение форм, содержательных и функциональных характеристик, институт взаимопомощи остается значимым компонентом соционормативной культуры балкарского народа, как одна из базовых ценностей, как функциональный институт общественной системы, включающий формы реального взаимодействия социума на уровне семейно-родственных групп, соседских отношений, сельских обществ, а также в региональных (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан) сообществах.

Литература

1. *Аккиева С.И.* Ако Гемуев. Жизнь и деятельность. Народный трибун эпохи классовой борьбы. Нальчик: Принт Центр, 2014. 291 с.
2. *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: ИЭА РАН, 1995. 128 с.
3. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М.: Языки славянских культур, 2013. 752 с.; *Он же.* Антропология доверия: Этносоциологические и этнополитические очерки. М.: Языки славянских культур, 2016. 544 с.
4. *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 256 с.
5. *Мусаева М.К.* Взаимопомощь и ее формы у хваршин // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX-начале XX в.: сб. ст. / Даг. фил. АН СССР; Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1987. С. 127–130.
6. *Соблирова З.Х., Хоконов М.А., Журтова А.А.* Этнографический анализ социокультурного содержания института взаимопомощи кабардинцев и балкарцев // Кавказология. 2019. №4. С. 92–111. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4-92-111.
7. *Сокорева Е.* «Два месяца на спасение»: на Кавказе собрали гору денег для умирающего мальчика. URL: https://www.stav.kp.ru/daily/27239/4367746/ (дата обращения: 10.04.2022).
8. Татары / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2-е изд., доп., перераб. М.: Наука, 2017. 852 с.
9. *Шаманов И.М.* Свадебные обряды карачаевцев // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое / отв. ред. Я.С. Смирнова и др.; Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. Черкесск, 1988. С. 25–84.
10. *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX в. Архивные материалы и научные исследования: в 2-х т. / сост. П.А. Кузьминов. Т. 1. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 200–228.
11. Полевые тетради автора (2000 г.). Информаторы Мокаев А. (1927) – с. Кашхатау, Кубадиев Т. (1928) – с. Хасанья, Бачиев Т. (1926) – с. Белая речка, Геккиев А. (1937) – с. Жанхотеко.

Конфессионально-языковые группы в Поволжье и Приуралье (по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года)

А.Д. Коростелев

Этническая карта Волго-Уральского региона давно хорошо изучена. При этом не раз справедливо отмечалось, что существует немало групп населения, чья конфессиональная принадлежность не совпадает с той, которая характерна для большинства представителей данного народа. В тех случаях, когда такие группы проживают компактно в какой-либо местности или в отдельных селениях, важно уточнить картину их расселения. Источниками могут служить результаты работы отдельных экспедиций, сведения, содержащиеся в некоторых списках населенных мест и на этнографических картах.

По-видимому, небесполезными могли бы оказаться и результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в частности, сведения о конфессионально-языковом составе населения по уездам и городам Поволжья и Приуралья. Эта первая в истории России всеобщая перепись была проведена путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату 28 января (9 февраля) 1897 г. Наиболее полные результаты переписи занимают 89 томов (119 книг), каждый из которых содержит данные по какой-либо одной губернии.

Одна из особенностей данной переписи состояла в том, что переписной лист, в частности, включал вопрос о вероисповедании, и в этом отношении ее данные остаются уникальными. Другая особенность переписи населения 1897 г. заключалась в том, что при ее проведении этнический состав населения выяснялся с помощью вопроса не о национальности (или народности) человека, а о его родном языке, в отличие от более поздних переписей уже советского периода, когда опросные листы включали вопросы как о национальности (в переписи 1926 г. – народности) опрашиваемого, так и о его родном языке. По мнению же организаторов переписи 1897 г., народность человека более объективно определялась именно с помощью вопроса о родном языке.

Благодаря этим особенностям, с одной стороны, возник совершенно уникальный источник, но, с другой стороны, возможности сопоставления ее данных с результатами других переписей населения стали и остаются проблематичными. Таким образом, при анализе материалов этой переписи мы, строго говоря, имеем дело не с национальностями или этническими группами, а с языковыми группами[18]. Сочетания же таких групп с определенными ответами на вопрос о вероисповедании позволяют использовать понятие *конфессионально-языковые группы*. Это дает возможность оценить, насколько верны «стандартные» представления о том, в какой степени этничность или в данном случае язык сопряжены с принадлежностью к тому или иному религиозному сообществу[19].

Сказанное не означает, что рассматриваемый источник не лишен определенных недостатков. Так, редактор Центрального статистического комитета С.К. Патканов, разрабатывавший материал по национальному составу населения на основании данных о родном языке, отмечал, что определение «родной язык» не всеми одинаково понимается, и что в

---

[18] В силу этого обстоятельства не представляется возможным выделить те этнические сообщества, которые в языковом отношении не отличаются от соседних. Так, например, для региона, о котором идет речь в настоящей статье, источник не позволяет выделить бесермян, поскольку они говорят на диалекте удмуртского языка.

[19] Необходимо отметить, что в итогах переписи по тем языкам, которые отмечены в качестве родных для сравнительно небольших по численности групп населения на данной территории, распределение по вероисповеданиям представлено не во всех случаях.

условиях России (и не только России) языковой признак неадекватен в качестве определителя национальности, причем «поправить» данные с помощью других вопросов не всегда представляется возможным. Определению национальности по языку Патканов противопоставлял «память о той национальности», к которой люди раньше принадлежали, и «действительную национальность», причем из текста неясно, до какой степени эти два понятия он рассматривал как взаимозаменяемые.

Кроме того, С.К. Патканов пришел к следующим заключениям:

1) для выяснения более точной численности некоторых национальностей должны быть сделаны поправки;

2) классификация языков недостаточно разработана (Дагестан);

3) люди могут не знать официального названия своего языка и называть его по своей религии, по названиям своих селений, по сословию или давать неточные, неправильные или обобщающие названия;

4) не учитывались процессы перехода некоторых групп населения на языки других народов – «более многочисленных или более сильных культурою» (в частности, обрусение и отатаривание), а также отмечалось, что «часть башкир изъясняется на татарском языке»;

5) в случаях, когда невозможно точно распределить ответы по разным языкам или наречиям, статистики вводили обобщающие категории (например, «грузинский язык» для всех картвельских этнографических групп или «тюркский язык без распределения по наречиям» для различных этнических групп некоторых местностей Средней Азии);

6) для «сибирских инородцев» данные о родном языке в большинстве случаев представилось возможным заменить показаниями о национальности, приведенными в графе о сословиях;

7) определенные проблемы создают неточностью записей сами переписчики [2: 1–2].

О коренных методологических недостатках, проявившихся при проведении и разработке материалов переписи 1897 г., писал А.И. Гозулов, который считал принципиально неверным определение национального состава при помощи распределения ответов на вопрос о родном языке, а также установку на фиксацию грамотности на других языках, кроме русского, только в том случае, когда человек неграмотен на русском языке[20].

Кроме того, необходимо помнить, что со времени этой переписи прошло более сотни лет. За это время в разных регионах изменялись и национальная самоидентификация людей, относившихся к различным этническим группам, и их самоопределение в отношении родного языка, и характер их расселения. Претерпевало многократные перемены административно-территориальное деление (например, нынешняя Свердловская область была выделена из состава бывшей Пермской губернии, земли Самарской губернии располагались исключительно на левом, восточном берегу Волги, а Саратовской и Симбирской – на правом, западном, тогда как в настоящее время территории всех республик и областей Среднего и Нижнего Поволжья находятся на обоих берегах Волги, и др.), не говоря уже о том, что возникали и исчезали союзные и автономные республики, автономные области, национальные (позже – автономные) округа.

В настоящей статье в самом первом приближении описывается расселение конфессионально-языковых групп в губерниях Поволжья и Приуралья по данным переписи 1897 г. Рассматривалась территория, включающая 12 губерний: Астраханскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Пензенскую, Пермскую, Самарскую,

[20] О других недостатках этой переписи см.: [1: 199–203].

Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую, Уфимскую. Результаты переписи по этим губерниям показаны в соответствующих 12 томах в общей сложности по 109 уездам (без городов), по 122 городам, а также еще по двум административным единицам в составе Астраханской губернии – Калмыцкой степи, Внутренней Киргизской Орде и административном центре Орды – Ханской ставке (ныне село Хан-Ордасы на западе Казахстана).

В качестве источника использовались сведения, содержащиеся в таблицах XII «Распределение населения по вероисповеданиям», XIII «Распределение населения по родному языку» и XIV «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку» соответствующих томов [3: 40–59; 4: 84–121; 5: 98–135; 6: 64–85; 7: 54–71; 8: 96–129; 9: 92–121; 10: 56–77; 11: 76–97; 12: 60–75; 13: 88–109; 14: 38–57]. При этом в таблицах приведено распределение населения по вероисповеданиям по каждому уезду и каждому городу для наиболее многочисленных языковых общностей на территории данной административной единицы раздельно по мужчинам и женщинам. Последнее обстоятельство позволяет различить те уезды или города, для которых численность мужчин и женщин представляла собой величины приблизительно одного порядка, от тех, где, скажем, были зафиксированы только мужчины или их численность многократно превосходила численность женщин, что могло быть свидетельством, например, того факта, что мужчины на данной территории пребывали временно, скажем, на каких-либо сезонных работах.

Это связано с тем фактом, что «поскольку переписи 1897 г. не удалось достаточно точно зафиксировать постоянное население, постольку она вынуждена была стать на точку включения в разработку всего наличного населения» [1: 200].

В публикации итогов переписи отражены следующие вероисповедания[21]:

1) православные и единоверцы;
2) старообрядцы и уклоняющиеся от православия;
3) армяно-григориане;
4) армяно-католики;
5) римско-католики;
6) лютеране;
7) реформаты;
8) баптисты;
9) меннониты;
10) англикане;
11) лица остальных христианских исповеданий;
12) караимы;
13) иудеи;
14) магометане;
15) буддисты и ламаиты;
16) лица прочих нехристианских исповеданий.

В губерниях региона были зафиксированы в качестве родных многие языки народов России и других стран. При этом в ряде случаев подход к идентификации языков и их

[21] Армяно-григориане в большинстве случаев отмечены как армяно-грегориане. Меннониты везде обозначены как менониты. Численность лютеран, реформатов, баптистов, меннонитов и англикан в 9 томах из 12 представлена отдельно для каждой конфессии по губернии в целом, по сельскому и городскому населению губернии, но по конкретным уездам и городам объединена в общую категорию «протестанты разных исповеданий». В остальных 3 томах (по Вятской, Казанской и Пензенской губерниям) численность названных пяти конфессий дана также отдельно и по конкретным уездам и городам.

названия отличались от современных. Так, восточнославянские языки представлены вместе в составе категории **«русские языки»**, но затем по отдельности показана численность лиц, для которых родными были собственно **русский** (в источнике **«великорусский»**), **украинский** (в источнике **«малорусский»**) и **белорусский** языки (табл.1). Для татар и башкир в качестве родного языка кроме **татарского** и **башкирского** показаны также **«тептярский»** и **«мещерякский»** языки, что в действительности отражало не столько лингвистическую, сколько прежнюю сословную идентификацию данных групп населения. **«Киргизским»** в терминологии того времени обозначали язык, который сейчас называют **казахским**. Термины **«вотяцкий»** и **«черемисский»** относятся к тем языкам, которые в наше время известны как **удмуртский** и **марийский**.

Таблица 1

Распределение лиц с родными русским, украинским и белорусским языками и доля городского населения среди них в 12 губерниях Поволжья и Приуралья (по переписи населения 1897 г.)

Губерния	Родной язык					
	Русский		Украинский		Белорусский	
	Численность (человек)	Доля горожан (%)	Численность (человек)	Доля горожан (%)	Численность (человек)	Доля горожан (%)
Самарская	1 775 839	8,16	119 301	0,69	418	24,88
Астраханская	409 306	24,97	133 115	2,26	774	9,43
Саратовская	1 846 436	15,28	149 291	1,86	1371	57,48
Симбирская	1 038 493	9,67	1271	34,30	1455	4,67
Пензенская	1 220 080	11,20	1031	22,41	160	36,88
Тамбовская	2 562 677	8,57	5884	24,46	2406	6,69
Нижегородская	1 476 391	9,29	253	71,54	995	18,69
Казанская	832 475	17,13	789	91,76	76	69,74
Вятская	2 347 169	3,91	95	41,05	87	8,05
Пермская	2 705 327	6,28	2028	6,85	266	13,53
Уфимская	834 135	10,81	4996	1,78	505	14,06
Оренбургская	1 126 040	10,11	41 541	5,09	2247	4,01
По 12 губерниям	18 174 368	9,52	459 595	2,61	10 760	15,76

В целом в рассматриваемых 12 губерниях перепись зафиксировала 18 174 368 человек с родным **русским** языком. При этом их процент в общей численности населения был различным как на разных территориях, так и у горожан и сельских жителей (табл. 2). Отметим, что процент лиц с родным русским языком по каждой губернии в целом в городах был выше, чем в сельской местности. Данные таблицы позволяют в этом отношении выделить три группы губерний. В 8 из 12 губерний доля лиц с родным русским языком в сельской местности была различной – от 60 до 100%, но это практически не влияло на их долю в городах, где она составляла от 90 до 100%. В качестве второй группы можно выделить Астраханскую (57,1% по селу и 77,1% по городу) и Оренбургскую (69,9% по селу и 74,6% по городу) губернии. Наконец, третью группу представляли также две губернии – Казанская, где лиц с родным русским языком было 34,8% среди жителей сельской местности и 76,8% в городах, и Уфимскую (35,6% в селениях и 84,0% среди горожан).

Таблица 2

Общее распределение населения и распределение лиц с родным русским языком в 12 губерниях Поволжья и Приуралья (по переписи населения 1897 г.)

Губерния		Численность населения		Процент лиц с родным русским языком
		общая	с родным русским языком	
Тамбовская	село	2 457 766	2 343 152	**95,3**
	город	226 264	219 525	97,0
Нижегородская	село	1 441 743	1 339 220	**92,9**
	город	143 031	137 171	95,9
Пермская	село	2 814 963	2 535 507	**90,1**
	город	179 339	169 820	94,7
Пензенская	село	1 330 636	1 083 480	**81,4**
	город	139 838	136 600	97,7
Вятская	село	2 935 189	2 255 376	**76,8**
	город	95 642	91 793	96,0
Саратовская	село	2 096 280	1 564 305	**74,5**
	город	309 549	282 131	91,1
Оренбургская	село	1 447 544	1 012 242	**69,9**
	город	152 601	113 798	74,6
Симбирская	село	1 419 799	938 041	**66,1**
	город	108 049	100 452	93,0
Самарская	село	2 592 494	1 630 984	**62,9**
	город	158 842	144 855	91,2
Астраханская	село	527 671	301 163	**57,1**
	город	132 502	102 216	77,1
	степь	343 369	5927	1,7
Уфимская	село	2 089 339	744 001	**35,6**
	город	107 303	90 134	84,0
Казанская	село	1 985 077	689 908	**34,8**
	город	185 588	142 567	76,8

Что касается вероисповедания, то по лицам с родным русским языком доля православных среди сельского населения составила в целом по 12 губерниям 95,47% (максимальная – 99,36% в Тамбовской губернии, минимальная – 91,58% в Пермской); среди городского населения доля православных в целом по 12 губерниям составляла 96,79% (максимальная – 99,57% в Пензенской губернии, минимальная – 93,04% в Саратовской).

Доля старообрядцев и «отклоняющихся» в целом по 12 губерниям среди сельского населения составила 4,49% (максимальная – 8,40% в Пермской губернии, минимальная – 0,60% в Тамбовской), среди горожан в целом по 12 губерниям – 2,95% (максимальная – 6,65% в Саратовской губернии, минимальная – 0,15% в Пензенской).

Доля же тех, кто относился ко всем остальным вероисповеданиям, в сумме не достигала и одного процента.

Общая численность лиц с родным **украинским** языком в 12 губерниях в целом составляла 459 595 человек. Больше всего их было зафиксировано в Саратовской губернии. Кроме того, значительное их число проживало в Астраханской и Самарской губерниях. В сумме на эти три губернии приходилось 87,40% тех, у кого в данном регионе в качестве

родного языка был отмечен «малорусский». Кроме того, еще 9,04% приходилось на Оренбургскую губернию. Заметим, что все четыре губернии расположены в южной части региона. Таким образом, из общего числа лиц с родным украинским языком в остальных восьми губерниях было переписано всего 3,56%. Меньше всего их было зафиксировано в Вятской, Нижегородской и Казанской губерниях, где у них намного выше доля горожан, которая в целом по региону составляла 2,61%, но существенно различалась в разных губерниях. По-видимому, характер расселения украинцев в регионе в известной степени был связан с природными факторами, с традициями ведения сельского хозяйства.

В отношении религии необходимо отметить, что доля православных в 11 губерниях из 12 превышала 99% и только в Нижегородской губернии она составляла 96,05%, но, учитывая, что в данной губернии зафиксировано лишь небольшое число лиц с родным «малорусским», этому не следует придавать большое значение (на остальные 3,95% приходилось всего 10 человек – 4 старообрядца и 6 католиков).

Белорусский язык был отмечен в качестве родного в рассматриваемом регионе у 10 760 человек, причем доля городских жителей среди них составила 15,76%, то есть больше, чем у лиц с родным русским и родным украинским языками. Наиболее значительное число лиц с родным белорусским языком было зафиксировано в Тамбовской и Оренбургской губерниях, наименьшее – в Вятской и Казанской. В целом их расселение носило более пестрый характер, чем расселение лиц с родным «малорусским» языком. Маломальски заметное их число было отмечено в разных уездах и городах различных губерний, и выделить в этом отношении один связный ареал не представляется возможным.

В отношении религии можно отметить, что первыми по численности, как и у других восточных славян, были православные (в целом по региону 97,34%), однако вторыми почти во всех губерниях значились католики, хотя в абсолютном выражении их число было небольшим. В целом по 12 губерниям их доля среди лиц с родным белорусским языком составляла 1,67%, максимальной она была в Казанской губернии – 17,11% (13 из 76 человек), минимальной в Симбирской – 0,27%. Доля старообрядцев в данном случае превышала долю католиков лишь в Астраханской губернии.

Численность лиц с родными татарским, башкирским, «тептярским» и «мещерякским» языками представлена в табл. 3. В девяти губерниях среди них более всего было зафиксировано лиц с родным татарским языком, но в Уфимской, Оренбургской и Пермской губерниях их заметно опережают те, у кого в качестве родного языка отмечен башкирский. Значимое число лиц с родным «тептярским» языком было отмечено в Самарской, Уфимской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях. «Мещерякский» язык зарегистрирован в качестве родного в основном в Пермской, Уфимской, Самарской и Оренбургской губерниях.

Таблица 3

Распределение лиц с родными татарским, башкирским, тептярским и мещерякским языками в 12 губерниях Поволжья и Приуралья (по переписи населения 1897 г.)

Губернии	Лица с родными языками								Итого	
	татарским		башкирским		тептярским		мещерякским			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Уфимская	184 817	16,1	899 910	78,6	39 955	3,5	20 957	1,8	1 145 639	100,0
Казанская	675 419	100,0	38	0,0	–	–	–	–	675 457	100,0
Оренбургская	92 926	25,2	254 561	68,9	16 877	4,6	4898	1,3	369 262	100,0
Самарская	165 191	59,7	57 242	20,7	47 684	17,2	6580	2,4	276 697	100,0
Пермская	46 711	29,5	85 395	53,9	5295	3,3	21 163	13,3	158 564	100,0
Вятская	125 514	85,3	13 909	9,4	7788	5,3	–	–	147 211	100,0

Губернии	Лица с родными языками								Итого	
	татарским		башкирским		тептярским		мещерякским			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Симбирская	133 977	100,0	20	0,0	4	0,0	5	0,0	134 006	100,0
Саратовская	94 693	98,7	1262	1,3	1	0,0	7	0,0	95 963	100,0
Пензенская	58 530	100,0	23	0,0	1	0,0	–	–	58 554	100,0
Астраханская	52 799	100,0	10	0,0	–	–	–	–	52 809	100,0
Нижегородская	41 339	100,0	–	–	–	–	–	–	41 339	100,0
Тамбовская	16 976	99,9	17	0,1	2	0,0	1	0,0	16 996	100,0

Среди лиц с родным **татарским** языком абсолютно преобладали мусульмане, но второе место занимали православные, прежде всего в Казанской, Уфимской, Вятской, Оренбургской, а также Самарской губерниях. С учетом конкретных уездов, где это имело место, можно сделать вывод, что территория, где было зафиксировано заметное число православных с родным татарским языком, находится в современной Республике Татарстан или граничит с ней (за исключением двух уездов Оренбургской губернии в Зауралье). В Казанской губернии, более всего в Мамадышском уезде, проживала и большая часть так называемых язычников, то есть тех, кто придерживался традиционных верований и был включен в итогах переписи в категорию «лица прочих нехристианских исповеданий».

Лица с родным **башкирским** языком, по данным переписи 1897 г., в значительном количестве проживали во всех уездах Уфимской и Оренбургской губерний, в некоторых уездах на юго-западе и юго-востоке Пермской, на северо-востоке Самарской и на юго-востоке Вятской губернии. Особо следует выделить башкир Саратовской губернии, проживавших почти поголовно в Петровском уезде, к западу от Волги, вдали от основной территории расселения этого народа. Интересно, что в томе «Списков населенных мест Российской Империи», относящемся к данной губернии, эта этнотерриториальная группа не зафиксирована [16: XXXVII–XLIII].

По религии подавляющее большинство лиц с родным башкирским языком – мусульмане. Больше всего православных башкир жило в Уфимской губернии (1,5% от общего числа башкир губернии), в основном на севере. В Красноуфимском уезде на юго-западе Пермской губернии примерно треть лиц с родным башкирским языком были православными. Там же зафиксировано небольшое число башкир-старообрядцев. Среди башкир были отмечены и «язычники» – в основном на западе Уфимской губернии.

Более всего лиц с родным **«тептярским»** языком зафиксировано в Уфимской губернии, в ряде уездов Самарской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерний. Из них мусульмане составляли более 99% во всех губерниях, кроме Уфимской, где их насчитывалось 97,5%, а остальные были православными, а также в небольшом числе «язычниками»[22].

Лица с родным **«мещерякским»** языком отмечены в основном в двух уездах Пермской губернии, в Уфимской губернии, на юге Самарской губернии и двух уездах Оренбургской. Во всех случаях более 99% их составляли мусульмане, за исключением Уфимского уезда Уфимской губернии, где среди них оказалось 6,4% православных, причем все они были мужчины[23].

Больше половины тех, у кого в качестве родного был отмечен **чувашский** язык, проживали в Казанской губернии, в первую очередь на западе ее – на тех землях, которые

[22] В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года «тептярский» язык был отнесен к категории «языки не обозначенные и обозначенные неточно» [15].

[23] При проведении Всесоюзной переписи населения 1926 года лица, которые на вопрос о родном языке дали ответ «мещеряцкий», были включены в число лиц с родным татарским языком [15].

вошли в состав современной Чувашской Республики, а также на юго-востоке этой губернии – в Закамье. Чувашский язык как родной отмечен также у заметного числа лиц на севере Симбирской губернии (часть этой территории сейчас также относится к Чувашии), на северо-востоке Самарской, на западе и юге Уфимской, на севере Саратовской губернии и в некоторых местностях Оренбургской. По религии повсеместно преобладали православные, но заметное число «язычников» было зафиксировано на юго-востоке Казанской губернии, на северо-востоке Самарской и в Мензелинском уезде Уфимской губернии. (Следует отметить, что, во-первых, эти территории граничат между собой, а во-вторых, в настоящее время в основном относятся к Республике Татарстан.) Среди лиц с родным чувашским языком перепись зафиксировала также некоторое число мусульман (больше всего на западе Уфимской губернии) и старообрядцев (на севере Саратовской губернии).

Лица с родным **«черемисским» (марийским)** языком, согласно данным переписи, зафиксированы в основном в двух ареалах: западном (на северо-западе Казанской губернии, на соседней территории на северо-востоке Нижегородской губернии, а также в двух уездах на юго-западе Вятской) и восточном (на севере Уфимской губернии и в одном уезде на юге Пермской). Кроме того, в качестве промежуточного ареала можно выделить три уезда на юго-востоке Вятской губернии, где численность их невелика. По религии в западном ареале подавляющее большинство лиц с «черемисским» языком отмечены как православные, в восточном – как «язычники», в промежуточном заметную часть составляли и те, и другие.

«Вотяцкий» (удмуртский) язык был отмечен в качестве родного в Вятской губернии – в основном в четырех уездах на юго-востоке, то есть на территории, значительная часть которой в настоящее время находится в составе Удмуртской Республики, а также в Уфимской губернии – прежде всего на севере ее, на северо-востоке Казанской, в Пермской и на северо-востоке Самарской губернии. При этом разные территориальные группы заметно различались по вероисповеданию. В Вятской губернии абсолютно преобладали православные, в Уфимской и Пермской – «язычники». Что касается северо-востока Казанской и северо-востока Самарской губернии, то там при численном преобладании православных отмечено заметное число «язычников» (в первом случае около четверти, во втором – около 1/8). На первый взгляд эта ситуация напоминает ту, которая имела место у носителей марийского языка, однако разница состоит в том, что в предыдущем случае промежуточная ситуация (значимая доля представителей обоих вероисповеданий) характерна для групп, занимающих срединное положение в территориальном отношении, тогда как группы носителей удмуртского языка, у которых была заметной доля и православных, и «язычников» проживали на периферии этнической территории удмуртов. Кроме того, среди лиц с родным «вотяцким» языком в Уфимской и Пермской губерниях зафиксировано небольшое число мусульман.

Лица с **мордовским** языком отмечены в том или ином количестве во всех 12 губерниях. По религии среди них везде абсолютно преобладают православные (более 95%). На втором месте по численности, как и у лиц с родным русским языком, значатся старообрядцы. Возникает законный вопрос: существует ли корреляция доли старообрядцев у мордвы и у русских. Расчет показал, что в большинстве случаев такая корреляция не прослеживается. Исключения составляют данные по Самарской, Саратовской и Симбирской губерниям (только по городскому населению), а также по Уфимской и Оренбургской губерниям (и по сельскому, и по городскому населению).

Подавляющее большинство лиц с родным **калмыцким** языком зафиксировано в Астраханской губернии, причем 8/9 калмыков этой губернии проживали в Калмыцкой степи – особой административной единице в составе этой губернии. Кроме того, лица с калмыцким языком отмечены в Оренбургской губернии и на юге Саратовской губернии, где она граничит с Астраханской. По религии подавляющее большинство калмыков в Калмыцкой степи были буддистами, православные составляли менее одного процента. На остальной

территории Астраханской губернии среди калмыков также преобладали буддисты, но имелись также «язычники» (по-видимому, последователи каких-то традиционных верований), мусульмане и православные. На юге Саратовской губернии религиозная ситуация у калмыков была приблизительно такой же, что и в Астраханской губернии. В отличие от этого практически все калмыки Оренбургской губернии были православными.

На всех отмеченных выше языках говорят народы, которые являются титульными в современных республиках, расположенных в Поволжье и Приуралье. Однако на территории губерний, о которых речь шла выше, перепись 1897 г. зафиксировала также и другие конфессионально-языковые группы населения, которые не были коренными жителями региона, но о которых в небольшой статье необходимо упомянуть хотя бы вкратце. Среди наиболее заметных из них те, для которых перепись отметила в качестве родных немецкий, польский и еврейский языки.

Лица с родным **немецким** языком были зафиксированы во всех 12 рассматриваемых губерниях. Максимальное число их отмечено в Самарской губернии (224 336 человек), минимальное – в Вятской (281 человек). Большинство немецкого населения в регионе проживало в Самарской и Саратовской губерниях на тех землях, на которых в 1923 г. была образована АССР Немцев Поволжья, просуществовавшая до 1941 г. В пяти губерниях (Астраханской, Оренбургской, Самарской, Саратовской и Уфимской) сельское население с родным немецким языком численно преобладало над городским, в остальных семи – наоборот.

По религии среди них преобладали протестанты (75,5% в Самарской губернии, более 80% в каждой из остальных 11 губерний). В семи губерниях (в тех же пяти, где сельское население с родным немецким языком преобладало над городским, а также в Казанской и Пензенской губерниях) второе место по численности занимали католики (от 4,8% в Казанской губернии до 24,4% в Самарской), а третье – православные (от 0,1% в Самарской губернии до 4,9% в Пензенской). В остальных пяти губерниях вторыми среди лиц с родным немецким языком были православные (от 6,2% в Тамбовской губернии до 12,4% в Нижегородской), а католики – третьими (от 1,9% в Симбирской губернии до 7,4% в Пермской).

Среди самих протестантов во всех рассматриваемых губерниях абсолютно преобладали лютеране. Можно также выделить заметное число реформатов (в основном в Саратовской и Самарской губерниях), меннонитов (более всего их проживало в Самарской и Оренбургской, а также в Уфимской губерниях), а также отметить баптистов (большей частью в Саратовской губернии).

Лица с родным **польским** языком отмечены во всех 12 губерниях (наибольшее их число зафиксировано в Саратовской губернии – 2596 человек, наименьшее в Вятской – 668 человек). При этом в каждой губернии в городах их было больше, чем в сельской местности. По религии большинство из них составляли католики (среди сельского населения от 81,5% в Астраханской губернии до 96,8% в Уфимской, среди городского – от 78,6% в Пензенской губернии до 97,6% в Уфимской). Православных среди лиц с родным польским языком насчитывалось среди сельского населения от 2,5% в Уфимской губернии до 17,1% в Астраханской, среди городского – от 1,2% в Уфимской губернии до 20,2% в Пензенской.

Распределение лиц с родным **еврейским** языком (по-видимому, имелся в виду идиш) имеет смысл рассматривать в сочетании с распределением последователей иудаизма. Число первых составляло от 445 человек в Симбирской губернии до 2527 человек в Саратовской. Что же касается религии, то максимальное число иудеев было зафиксировано в Саратовской губернии (2953 человек), минимальное – в Пензенской (536 человек). Во всех губерниях горожан было отмечено заметно больше, чем сельских жителей. Кроме того, возможно выделить три категории лиц: 1) иудеев с родным еврейским языком; 2) иудеев, для которых в качестве родных были отмечены другие языки (чаще всего русский) и 3) лиц других вероисповеданий с родным еврейским языком. Объединив эти три категории,

можно определить процент лиц, относившихся к каждой из них в составе данной объединенной группы. Прежде всего, несколько особое положение занимали те, кто проживал в Самарской губернии (59,5% из них относились к первой категории, 37,8% – ко второй, 2,7% – к третьей) и в Симбирской губернии (первая категория – 70,1%, вторая – 27,3%, третья – 2,6%). В остальных 10 губерниях к первой категории относились от 80,6% в Астраханской губернии до 97,1% в Вятской, ко второй – от 1,3% в Вятской губернии до 19,0% в Астраханской, к третьей – от 0,4% в Астраханской губернии до 3,3% в Казанской.

Таким образом, доля лиц с родным еврейским языком, исповедовавших другие религии (не иудаизм), была весьма невелика, тогда как основное различие между иудеями, проживавшими в разных губерниях, состояло в том, насколько значительна была среди них доля тех лиц, для которых в качестве родного был отмечен еврейский язык или какой-либо другой (чаще всего русский).

Можно также отметить тенденцию (не повсеместную), состоявшую в том, что доля иудеев с родным русским языком среди сельского населения была больше, чем в городах. Это имело место в Астраханской, Самарской, Тамбовской, Оренбургской, Симбирской губерниях, в меньшей степени в Саратовской и Нижегородской. Названная тенденция практически не проявилась в северных и восточных губерниях региона – в Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской губерниях, а также в Пензенской.

Выше при рассмотрении группы с родным немецким языком в ее составе были упомянуты баптисты. Однако далеко не все баптисты были германоязычными. В Саратовской губернии в качестве родного языка баптистов отмечен исключительно немецкий. Подавляющее большинство их германоязычны также в Оренбургской и Астраханской губерниях. В то же время в Самарской губернии лица с немецким родным языком составили немногим менее четверти от числа баптистов, тогда как примерно для троих из каждых четырех баптистов в этой губернии родным языком был русский. Кроме того, русский язык был родным почти для 100% баптистов в Тамбовской, более чем для половины их в Уфимской и для всех баптистов в Пермской губернии. Третья языковая категория, которая часто фиксировалась у них в итогах переписи, – «литовско-латышские языки», причем в Симбирской губернии те, у кого она отмечена, составили около 94% среди баптистов, в Уфимской – около 22%. Однако более конкретное указание на латышский язык дано лишь по Уфимской губернии, тогда как по другим губерниям, включая Симбирскую, возможно лишь предполагать, что речь идет именно о латышском языке. В Вятской и Нижегородской губерниях баптисты не зафиксированы.

Другую конфессиональную группу, которая включает в себя носителей разных языков, согласно итогам переписи, представляли собой караимы. Необходимо отметить, что в литературе в отношении этой группы находят место, по существу, два подхода. Согласно одному из них, караимы – это последователи религиозного течения, исторически связанного с иудаизмом, но отличающегося от ортодоксального иудаизма и даже противопоставляющего себя ему. В соответствии с данной точкой зрения при подготовке и проведении переписи 1897 г. караимы фиксировались как отдельное вероисповедание. В советский период и позже они рассматривались статистикой как этническая группа, тюркоязычная народность [17: 210–211], что, в частности, нашло отражение в подготовке следующих переписей населения и публикации их итогов.

Среди рассматриваемых здесь губерний Поволжья и Приуралья в 1897 г. Максимальной оказалась численность караимов в Астраханской губернии – 404 человека (58,6% от общего числа 690 караимов в 12 губерниях). Наиболее высокой доля лиц с родным русским языком среди караимов была в Самарской (100% в целом по губернии), Астраханской (соответственно 99,3%), Вятской (91,7%), Пермской (84,1%), Саратовской (83,3%) и Тамбовской (73,1%) губерниях. Доля лиц с родными татарским и другими тюркскими языками была наиболее значимой в Симбирской (61,1%) и Нижегородской (86,4%) губерниях. Промежуточное положение занимали Пензенская (57,7% русскоязычных и 42,3%

тюркоязычных), Оренбургская (соответственно 56,7% и 33,3%), Казанская (52,2% и 47,8%) и Уфимская (45,5% русскоязычных и 27,3% тюркоязычных) губернии.

Таким образом, среди караимов происходил процесс языковой русификации, который в разных губерниях находился на различных стадиях[24].

* * *

Организация, проведение, обработка данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и последующая публикация ее итогов при всех трудностях объективного и субъективного порядка явились важнейшим этапом в развитии отечественной статистики. В результате был создан уникальный источник, который отразил одновременно конфессиональный и языковой состав населения и их соотношение. «Стандартные» представления о том, последователями какой религии являются представителями того или иного народа, уступили место объективному знанию, выраженному количественно. В отличие от этнографических карт, которые к тому времени уже вошли в научный оборот и которые, как правило, отражают ситуации, относящиеся к сельскому населению, здесь приведены данные и по конфессиональному и языковому составу населения всех городов каждой губернии. Особую ценность представляют также сведения по тем землям, которые занимают периферийное положение по отношению к основным этническим территориям коренных народов Поволжья и Приуралья и которые поэтому не вошли в состав республик, где эти народы являются титульными.

Сочетание данных о языке и о вероисповедании может привести к интересным выводам, что было показано выше, в отношении территорий расселения носителей марийского и удмуртского языков, в отношении расселения протестантов различных деноминаций, в отношении численности последователей иудейской религии и тех, для кого родным языком был еврейский.

Ценность представляют также сведения о гендерных пропорциях лиц, относящихся к различным конфессионально-языковым группам на тех или иных территориях, которые заслуживают более подробного анализа.

В то же время рассматриваемый источник – итоги переписи 1897 г. – имел и ряд недостатков. Прежде всего, такая категория, как «родной язык», во-первых, не имела достаточно строгого определения, а во-вторых, была не вполне адекватной заменой категории «национальность». О ряде не вполне удачных решений, как вызванных определенными методологическими установками, так и недостаточным опытом в осуществлении подобных проектов, сказано выше. Во многих случаях распределение населения по вероисповеданиям представлено лишь в целом для тех или иных языковых групп, но не показано для отдельных языков.

Результаты переписи 1897 г. представляют собой столь богатый материал, что его, безусловно, невозможно охватить в небольшой статье, но целый ряд сюжетов, который был здесь затронут лишь вскользь, несомненно, заслуживает более подробного рассмотрения. Так, было бы полезно, насколько это окажется возможным, сопоставление данных переписи со сведениями, содержащимися в различных Списках населенных мест и одновременный анализ этих двух источников. Отдельного изучения требует вопрос о степени точности собранных в ходе переписи данных о вероисповедании, в частности из-за того, что существует мнение, согласно которому сектанты частично могли быть переписаны как православные[25].

Литература

1. *Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран (Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М.: РИУ ЦУНХУ Госплана СССР; В/У «Союзоргучет», 1936.

[24] При проведении Всесоюзной переписи населения 1926 года лица, которые на вопрос о родном языке дали ответ «караимский», были включены в число лиц с родным татарским языком [15].

[25] См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Российской_империи (1897).

2. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. II. СПб., 1905.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] II: Астраханская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1904.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] X: Вятская губерния. СПб., 1904.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XIV: Казанская губерния. СПб., 1904.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXV: Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1904.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1904.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXX: Пензенская губерния. СПб., 1903.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXXI: Пермская губерния. СПб., 1904.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXXVI: Самарская губерния. СПб., 1904.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXXVIII: Саратовская губерния. СПб., 1904.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XXXIX: Симбирская губерния. СПб., 1904.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XLII: Тамбовская губерния. СПб., 1904.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / под ред. Н.А. Тройницкаго. [Т.] XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1904.
15. Приложение IV. Словарь языков для разработки материалов переписи населения 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII: Союз Советских Социалистических Республик. Отдел I. М.: ЦСУ СССР, 1929. С. 110–111.
16. Списки населенных мест Российской Империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. [Т.] XXXVIII: Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862.
17. *Токарев С.А.* Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с., 4 л карт.

Елабужские кряшены: трансформация обрядово-праздничной традиции в XX веке

И.В. Севастьянов

И.В. Севастьянов. Экспедиция к кряшенам. 2021 г.

Существенным моментом в истории изучения обрядово-праздничной культуры кряшен, как этноконфессионального сообщества, можно считать то, что она обычно рассматривалась этнографами как часть соответствующей культуры татарско-мусульманского большинства Урало-Поволжья. Во многом это было обусловлено тем, что в советской этнографической науке было принято считать кряшен частью («субэтносом») казанских татар, прежде всего, благодаря их диалектно-языковому единству. Подобная тенденция преобладает и в постсоветской историографии исследований кряшенской традиционной культуры. По этой причине данная тематика до последнего времени рассматривалась лишь в контексте обобщающих работ по обрядово-праздничным традициям поволжских татар [9]. Исключение в этом отношении – локально-этнографическая группа молькеевских кряшен, чей календарный круг праздников и соответствующей обрядности анализируется в посвященной им коллективной монографии [3].

Между тем календарно-обрядовая система, характерная для кряшен, представляет собой особый этнографический комплекс, существенно отличающийся от того, что мы можем видеть у татарско-мусульманских этнических групп Урало-Поволжья. Об этом, в частности, писали отдельные специалисты, указывая на то, что в этом отношении кряшены больше сближаются с христианскими, по преимуществу, народами региона: чувашами, удмуртами, марийцами [8]. В целом этот тезис следует признать верным и потому придерживаться его в настоящей статье. Обусловлен данный факт, прежде всего, конфессиональной близостью перечисленных народов, отсутствием влияния исламских шариатских норм на жизненный уклад кряшен, несмотря на их татароязычность и во многом близкие с казанскими татарами исторические корни.

В настоящей статье предпринята попытка заполнить некоторые из указанных выше лакун в изучении духовной культуры кряшенского населения Волго-Камья. В фокусе нашего внимания – календарно-праздничная традиция кряшен елабужской группы. Их предки, судя по всему, относились к числу «старокрещеных татар» (т.е. принявших православие еще на рубеже XVI–XVII вв.), что объединяет эту группу с подавляющим большинством кряшен. При этом здесь имеется своя локальная культурная и историческая специфика, с присущими ей уникальными чертами.

Характерно, что ареал традиционного расселения елабужских кряшен (Елабужский, Менделеевский районы Республики Татарстан и Граховский район Удмуртской Республики) представляет собой территорию татарско-удмуртского этнического и административного пограничья. В традиционной материальной культуре этой локальной группы прослеживаются отдельные элементы, сближающие елабужских кряшен с южными удмуртами, их непосредственными соседями. Этот факт заставлял отдельных специалистов-этнографов еще в XIX в. предполагать наличие угро-финского, а именно удмуртского, субстрата в истории формирования местных «крещенцев» [5: 53] и даже видеть в них отатарившихся удмуртов [1]. О физическо-антропологическом сходстве кряшен рассматриваемой группы с соседним удмуртским и, отчасти, русским населением говорится в монографии Т.А. Трофимовой [7]. Отдельными исследователями-энтузиастами высказывались довольно эксцентричные версии о происхождении местного «крещено-татарского» населения от летописной *мери* (народ финно-угорского происхождения), якобы еще в Средние века мигрировавшей в здешние завятские леса из мест своего исконного проживания в верхневолжском бассейне [3].

Наиболее заметной этнографической особенностью, отличающей кряшен елабужской группы от других групп данного этноконфессионального сообщества, можно считать некоторые детали традиционного женского костюма. Так, например, головной убор «сюрэке» здесь отличался от тех, что был в ходу у кряшенок Заказанья или Восточного Закамья. Были определенные отличия и в декоре верхней одежды. Между тем следует заметить, что вышеупомянутые особенности костюма елабужских кряшен отнюдь не идентичны удмуртским, а скорее носят собственный оригинальный характер.

Говоря о тесном соседстве елабужских кряшен и удмуртов, следует указать и на определенный языковой аспект взаимодействия упомянутых народов. По словам жителей кряшенских селений Елабужского и Менделеевского районов, в их среде знание удмуртского языка совсем не распространено. «Вот они, удмурты и марийцы, наш язык часто знают, а мы на их не говорим», – так они характеризуют эту ситуацию [11]. Это отличает местную ситуацию от той, которую можно наблюдать в кряшенских населенных пунктах Кайбицкого района Республики Татарстан (пограничье Татарстана и Чувашии), где имеет место знание чувашского языка местным населением, исторически и культурно очень близким к чувашам-*анатри*.

При всей вышеперечисленной специфике елабужская группа кряшен еще ни разу, насколько мне известно, не становилась предметом комплексного исследования, включающего изучение ее этнической истории и традиционной культуры. Можно предположить, что такого рода исследование было бы актуально не только для осмысления истории кряшен как таковых, но и в целом татароязычного населения Волго-Камья, как этнолингвистической общности. Настоящая работа по исследованию одной из сторон культурного наследия елабужских кряшен призвана хотя бы частично способствовать выполнению этой задачи.

Статья основана прежде всего на оригинальных полевых материалах автора, собранных методом интервью в 2016 и в 2021 г. на территории Елабужского (села Большой Шурняк, Верхний Шурняк, Черкасово, город Елабуга), Менделеевского (село Старое Гришкино) районов Республики Татарстан и в Граховском (деревня Порым, село Тыловай) районе Удмуртской Республики.

Современными специалистами по обрядово-праздничной культуре народов Урало-Поволжья справедливо указывается на то, что в этнографической литературе нередко приходится сталкиваться с явной схематизацией и упрощением реального многообразия этнических традиций. Так, например, нередко тот или иной, во многом искусственно реконструируемый обряд выдается за общенародный, бытовавший якобы у всех татар, чувашей

марийцев и др. [10: 209]. Указывается на то, что многие известные в научной литературе обряды являлись локальной особенностью народной культуры и отличались большой вариативностью в своем конкретном проявлении [10: 209]. Особенно ярко это проявляется в случае, когда речь идет об обрядово-праздничной культуре татароязычного сообщества Урало-Поволжья, отличающегося конфессиональной неоднородностью (фактор наличия как татар-мусульман, так и кряшен).

Так, одни из самых известных татарских календарных праздников – это джиен (*жиен*) и сабантуй, считающиеся общими для всех этнолокальных групп, говорящих на казанско-татарском диалекте. Предполагается, что джиен был одной из наиболее исконных, оригинальных форм народного общественного праздника у предков современных татар [6: 540]. В этом отношении елабужские кряшены не являлись исключением. Названный праздник, по словам моих респондентов пожилого возраста, был известен у них под названием «*ар жиен*» и проводился он в летнее время. Сами респонденты из числа кряшен в нескольких случаях интерпретировали это название как «удмуртский *жиен*» («*ар*» – обычное название удмуртов на татарском языке), при этом указывая на территориальную близость местных кряшен к удмуртам.

Характерно, что уже в начале XX в. это народное празднество сливается с «престольными праздниками», принятыми в той или иной сельской округе. Так, например, в селе Старое Утяганово престольным праздником был Петров день (кряшенский *Питрау*), в других селах этот праздник, в соответствии с церковным календарем, приходился на другие дни. Так в селе Старое Гришкино таковым являлась Троица. На этот день, по воспоминаниям старожилов, приходились свои развлечения. Так, приезжавшим в село гостям могли завалить каким-нибудь древесным хламом дорогу, «да так что не сразу поймешь, как объехать» [11].

Этот процесс объединения народной традиции отмечать «*ар жиен*» с церковным каноническим правилом, судя по всему, явился следствием постепенного укоренения православия в жизненном укладе сельских общин кряшен Казанского края на рубеже XIX–XX вв. Произошло это в результате активной миссионерской деятельности Братства свт. Гурия Казанского и лично Н.И. Ильминского, способствовавших вовлечению народов этого региона, в том числе и «крещеных татар», в орбиту влияния Православной церкви.

По воспоминаниям местных старожилов, престольные праздники в то время (до революции и начала коллективизации) проходили здесь по привычному образцу старого *жиена*, когда в означенный день приезжали в гости родственники из других сел, устраивались общие гуляния с песнями, танцами, игровыми соревнованиями, где знакомилась молодежь. Под протяжное многоголосное пение ходили «шеренгами» по улицам села, а вечером, кто помоложе, собирались у костров, которые зажигали на околице села, и сидели возле них почти всю ночь [12].

В целом, сам принцип, время и место проведения престольных праздников у кряшен елабужской группы очень напоминает проведение джиенов у казанских татар по так называемым джиенным округам. Аналогичны в целом и сами особенности проведения этого дня – с играми, развлечениями, определенными ритуалами. Обозначения этих округов всегда происходили от названий тех или иных сел или местностей, в которых и проводились джиены [9: 70–71]. Ту же систему мы наблюдаем при проведении престольных праздников у кряшен, когда то или иное село становилось центром проведения народных гуляний в зависимости от даты, на которую приходился, скажем, *Питрау*, Троица и т.п. При этом в общих чертах они повторяли прежний, привычный для елабужских кряшен, *ар жиен*.

Во время коллективизации, с начала 1930-х годов, традиция празднования престольных праздников в селах елабужских кряшен, согласно рассказам респондентов пожилого

возраста, вообще была прервана. Сами они объясняли это резким ужесточением государственной политики на селе, связанной с форсированной коллективизацией и невиданным прежде усилением контроля над всей общественной жизнью [12].

«В то время если и собирались праздновать *Питрау*, то только у себя дома, по-тихому, между своими, а так, на улице – вообще уже не собирались, ничего не праздновали», – так описывали эту ситуацию респонденты пожилого возраста, отчасти заставшие те времена [12]. Возрождаться этот праздник стал только после смерти Сталина в 1953 г. Но официально он теперь назывался Сабантуем на «общетатарский» манер. Это было связано с возобладавшей еще до войны политикой «объединения» кряшен с «новой» татарской «социалистической» нацией и курсом на вычеркивание религии из жизни общества (соответственно, и религиозных отличий между различными этническими сообществами). Естественным следствием этой политики была культурная унификация, когда культурная специфика кряшен, обусловленная их конфессиональным отличием, намеренно стиралась. Так, мне неоднократно приходилось слышать от своих респондентов суждение о том, что первостепенную роль в вышеупомянутой «культурной унификации» сыграла общая татарская школа, в которой образование строилось по одному стандарту на всей территории ТАССР. Тот же подход применялся и по отношению к культуре народов Татарстана, призванной быть «национальной по форме, социалистической по содержанию». Характерно, что в позднесоветское и постсоветское время Сабантуй стал проводиться даже в некоторых марийских селениях Республики Татарстан. Пример – находящееся в Елабужском районе село Марийский Куклюк, где Сабантуй успел к настоящему времени стать привычным местным праздником [13].

В кряшенских селениях рассматриваемого ареала в послевоенное (точнее даже «послесталинское») время Сабантуй праздновался в целом по образцу прежнего *ар жиена* (в православном варианте – престольный праздник). Сохранялись хороводы с протяжными песнями и кряшенскими танцами. Вспоминавшие об этом респонденты указывали на то, что кряшенский танец отличался от татарского и, скорее, был похож на удмуртский: мелкая дробь ногами «без вскидывания ног, как это у татар бывает» [12]. При этом стали появляться новые игры и состязания, характерные именно для татарского Сабантуя: скачки, разбивание кувшина с завязанными глазами и т.п. Впрочем, отмечали, что борьба *курэшь* «вроде бы была у кряшен всегда». Главное отличие от татарского Сабантуя респонденты видели в том, что «если у татар после игр и состязаний все расходились по домам, то у кряшен после этого все только начиналось: шли с песнями по деревне, собирались у родственников, ночью жгли костры» [12]. Добавляли, что в послевоенное время молодежь уже не надевала традиционных кряшенских костюмов на гуляния, «ходили уже как русские».

Между тем в позднесоветское время вместе с размыванием традиционного деревенского уклада, миграцией из сельской местности в города все большего количества людей молодого и среднего возраста начинают уходить в прошлое старые кряшенские праздники с присущими им характерными чертами. Они все больше уходят в область воспоминаний, еще сохраняющихся в памяти людей пожилого возраста.

В постсоветское время *Питрау* (Петров день), бывший прежде главным образом престольным праздником, возрождается уже на новой основе и становится, по сути, общенародной (для кряшен Татарстана и сопредельных регионов) праздничной датой. Не буду останавливаться здесь подробно на том, как произошло это «изобретение традиции», поскольку об этом можно прочесть в статье автора, специально посвященной этой теме [4]. Можно сказать, что данный праздник приобрел общереспубликанский масштаб, а особенно широко празднуется 12 июля в с. Зюри Мамадышского района. В эти культурные процессы интегрировались и елабужские кряшены, чьи представители принимают участие в различных мероприятиях, проводимых Общественной организацией кряшен Татарстана.

Впрочем, Сабантуй как праздник продолжает сохранять свою актуальность и для городских кряшен. Так, в Елабуге Сабантуй отмечается регулярно, и в нем принимают участие многие представители местного кряшенского сообщества. Можно сказать, что кряшенский *Питрау* в своем современном варианте продолжает сосуществовать с Сабантуем, ставшим уже в советское время «общетатарским» праздником. Оба этих праздника к настоящему времени стали частью культуры кряшен как этнического сообщества.

В заключение можно сделать вывод, что трансформация обрядово-праздничной культуры елабужских кряшен в основном определялась теми изменениями, которые происходили в «крещено-татарском» этноконфессиональном сообществе в период окончания Нового, затем Новейшего времени. Трансформация народного исконного праздника *ар жиен* в престольный праздник (им мог быть *Питрау* или же Троица, в зависимости от конкретного села) знаменовала собой усвоение кряшенами православной религиозной традиции в конце XIX в. Этому способствовала успешная деятельность христианских миссионеров под руководством Н.И. Ильминского. В советское время, когда был взят курс на атеизацию страны, а религия изгонялась из актуальной общественной повестки, проводилась политика по интеграции кряшен в общее с татарами этнокультурное пространство. Эти процессы отразились и на том, какие «народные» торжества стали укореняться в среде кряшен. Теперь на эту роль в селениях елабужских кряшен официально ставится Сабантуй как «общенациональный» татарский «праздника плуга». В постсоветское время *Питрау* усилиями «этнических» общественных организаций становится, по сути, главным праздником кряшен Татарстана. Такого рода факты были обусловлены активизацией движения за этническое самоопределение кряшен, начавшего проявлять себя с 1990-х годов и развивающегося вплоть до настоящего времени. Это движение захватило в свою орбиту в том числе и представителей кряшен елабужской группы, воспринявших указанные «этнические» традиции в изменившимся виде.

Литература

1. *Воробьев Н.И.* Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья. // Итоговая научная сессия КИЯЛИ АН СССР за 1963 г. (Краткое содержание докладов). Казань, 1964.
2. *Глухов-Ногайбек М.* Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993.
3. Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX в. / сост. Н.Ю. Альмеева. Казань, 1993.
4. *Севастьянов И.В.* Петров день у кряшен Татарстана: традиции и инновации // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящего. Сб. ст. к юбилею Н.А. Дубовой. М.: Старый сад, 2020.
5. *Смирнов Н.И.* Вотяки. Казань, 1890.
6. Татары. 2-е изд., доп., перераб. М.: Наука, 2017.
7. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л.: АН СССР, 1949. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. XII).
8. *Уразманова Р. К.* Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 78–104.
9. *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2001.
10. *Уразманова Р.К.* Обряд сорэн у народов Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX – начало XX века) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29. М.: Наука, 2003. С. 208–220.
11. ПМА, 2016 (село Старое Гришкино, Менделеевский р-н, Республика Татарстан).
12. ПМА, 2021 (г. Елабуга, Елабужский р-н, Республика Татарстан).
13. ПМА, 2016 (село Марийский Куклюк, Елабужский р-н, Республика Татарстан).

РАЗДЕЛ IV

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

АРМЕНИЯ

Ю.В. Арутюнян и становление этносоциологии в Армении

М.В. Галстян, Т.З. Закарян, Л.М. Варданян

Юрий Вартанович Арутюнян стоял у истоков армянской этносоциологии. В начале 1970-х годов по его инициативе был начат общесоюзный проект «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР». Армения довольно быстро включилась в новое направление исследований современного общества и стала второй (после Молдавии) союзной республикой, приступившей к реализации этого проекта.

В 1976 г. в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР (ныне НАН РА), в отделе этнографии была создана группа этносоциологии, на базе которой в 1981 г. был образован отдел этносоциологии. Его работу на протяжении многих лет (вплоть до 1995 г.) возглавляла одна из старейшин армянской этнографии, доктор исторических наук Эмма Тиграновна Карапетян. С самого начала и на протяжении последующих десятилетий ученые нашего отдела трудились в тесном контакте и под общим руководством Ю.В. Арутюняна.

Первым исследованием стало крупномасштабное обследование населения Еревана в конце 1970-х годов. Разработанная Арутюняном общесоюзная программа нуждалась в корректировке на местах с учетом специфики каждой из республик. С этой целью Юрий Вартанович в 1976 г. приехал в Ереван, чтобы в процессе совместной работы подготовить ее армянский вариант с учетом местной действительности. Несмотря на то, что все сотрудники отдела, будучи этнографами, уже имели за плечами достаточный опыт полевой и научно-исследовательской работы, опыт Юрия Вартановича, непосредственное общение и беседы с ним помогли нам быстрее усвоить специфику и тонкости этносоциологического инструментария. По существу, необходимо было освоить новый аспект исследований, сочетающий традиционные этнографические приемы с методикой количественного анализа социологических опросов. В результате совместной работы и нередко довольно бурных обсуждений с Ю.В. Арутюняном при участии А. Овсепяна и Р. Карапетяна был составлен опросный лист для населения Еревана, включающий 156 вопросов, параллельно на армянском и русском языках. Тогда же совместно с Юрием Вартановичем была определена репрезентативность выборки; выборочная совокупность составила 2000 человек, выделенных по избирательным спискам во всех районах города с соблюдением необходимого интервала в 100 человек.

Результатом этой сложной и трудоемкой работы стала коллективная монография «Население Еревана. Этносоциологические исследования» под редакцией Ю.В. Арутюняна и Э.Т. Карапетян, посвященная всестороннему этносоциологическому изучению Еревана, где на репрезентативном материале отражены социально-экономические про-

цессы в различных сферах жизнедеятельности столицы Армении, обладавшей своей собственной мононациональной спецификой на фоне всех остальных столиц бывшего СССР [18]. В монографии подробно представлены разделы: «Ереван – новый центр социально-культурного развития армянского народа» и «Формирование населения Еревана» (Рубен Карапетян), «Духовная культура и средства массовой информации» (Мане Акопян), «Этнические особенности семьи» (Эмма Карапетян), «Современное состояние свадебной обрядности» (Лилия Варданян), «Некоторые черты национальной психологии» (Рубен Оганджанян), «Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности» (Армен Овсепян). При опросе жителей и подготовке монографии активную роль сыграли также сотрудники отдела Тамара Закарян и Шушан Ширакян.

Юрий Вартанович высоко оценил работу авторского коллектива. В своем «Предисловии» он отметил, что работа выполнена этнографами-профессионалами, «сумевшими в то же время обогатить этнографические приемы анализа, используя социологические методы и материалы… В книге хорошо сочетаются черты традиционных этнографических и массовых социологических исследований. В ней ничего не потеряно от этнографии и многое дополнено от социологии» [18: 6–7]. Монография явилась нашим первым обращением к этносоциологическому методу исследования, но благодаря участию и поддержке Юрия Вартановича, этот опыт не стал пресловутым «первым блином, который комом», а был реализован на самом высоком уровне. Несмотря на прошедшие десятилетия, эта работа вплоть до настоящего времени служит для нас настольной книгой.

В последующие годы все отдельские исследования также проводились при активном участии, поддержке и плодотворном сотрудничестве с Юрием Вартановичем. Он неоднократно приезжал в Ереван, общались мы с ним и в Москве, а также на различных конференциях и других мероприятиях.

Начиная с 1980-х годов этносоциологические исследования в Армении организовывались регулярно, со средним интервалом в 10 лет, причем при каждом новом обследовании учитывались особенности и специфика текущего момента, что нашло свое отражение при составлении опросных листов. Это касалось как изучения населения республики в советские 1980-е годы, так и в постсоветский период 1990-х годов, после распада СССР, и в переходный период, а затем в условиях независимой Армении вплоть до настоящего времени. Для полноты охвата материала мы стремились сочетать социологические и этнографические методы исследования.

В 1980 г. при активном участии Ю.В. Арутюняна под руководством Э.Т. Карапетян была создана группа сотрудников отдела, объектом исследования которой стали пять основных марзов (областей) республики с учетом их историко-этнографической специфики – Айрарат, Ширак, Лори, Гехаркуник, Сюник. В 12 городах и 30 селах указанных регионов было опрошено 4000 городских и сельских жителей. В результате этого крупномасштабного проекта был собран огромный банк данных о населении Армении, который лег в основу дальнейших исследований и помог при организации повторных опросов.

Повторные опросы диктовались необходимостью изучения республики в условиях новых социально-политических реалий. После распада СССР и провозглашения независимости Армении со всей остротой встал вопрос всестороннего анализа этнических факторов, определяющих пути и тенденции дальнейшего развития страны. Для Армении болезненный переходный период к установлению новых социально-экономических рыночных отношений имел свою специфику и последствия. Он еще более осложнился последствиями разрушительного Спитакского землетрясения 1988 г., экономической блокадой и энергетическим кризисом, затронув все сферы экономической, социальной и культурной жизни армянского общества.

Эта работа в 1992 г. была начата с Еревана. Особая значимость данного исследования заключалась в том, что, если при первом опросе 1976 г. Ереван был столицей одной из союзных республик СССР, то через полтора десятилетия, при повторном опросе 1992 г. после провозглашения независимости Ереван стал столицей нового государственного образования – Республики Армения. Новое исследование требовало соответствующего подхода и решения новых задач.

В 1993–1994 гг. для повторных опросов городского населения республики были организованы экспедиции в Гюмри, Камо, Иджеван и Капан. Было опрошено 1624 человека, из них 792 – в Ереване.

Для села в тот период особенно актуальной была проблема приватизации, поскольку Армения первой среди бывших союзных республик осуществила земельную реформу. Приватизация земли, а затем и новое административное деление республики выдвинули ряд жизненно важных проблем, научное осмысление и обоснование которых было призвано выявить тенденции их развития и найти наиболее эффективные пути решения. Именно с этих позиций в 1998 г. был проведен этносоциологический опрос сельского населения по теме «Приватизация и этносоциальные процессы в сельских регионах Армении (проблемы и перспективы развития сельского населения)». Материалы исследования позволили вскрыть весь комплекс социальных и этнокультурных последствий приватизации не только для села, но и для армянского общества в целом [9].

С начала 2000-х годов отдел этносоциологии приступил к повторному (после 1980 г.) исследованию пяти выделенных марзов Армении. Исследование было начато с Тавуша (северо-восток Армении; центр – Иджеван). Этот масштабный проект, осуществленный во время двух полевых сезонов 2007–2008 гг., предполагал охватить максимально широкий круг источников и методов исследования, чтобы, следуя уже цитированному меткому определению Ю.В. Арутюняна, в нем «ничего не было потеряно от этнографии и многое дополнено от социологии» [18: 7].

Был обновлен опросный лист и составлены тематические этнографические анкеты. Работа проводилась в Иджеване, в тех же четырех селах, что и в предыдущем исследовании 1980 г. Репрезентативная выборка составила 387 человек для городского населения Тавуша и 365 человек – для сельского. Помимо опроса на местах велась запись полевого этнографического материала, фото- и видеосъемка, широко применялся метод включенного наблюдения, проводились углубленные собеседования и интервью с экспертами и в фокус-группах и пр.[1] Результаты полевой работы были доложены участниками экспедиции уже в следующем, 2009 г. на республиканской сессии «Тавуш. Материальное и культурное наследие», в которой приняли участие археологи, этнографы, фольклористы, занимающиеся изучением данного историко-этнографического региона [21]. Итогом крупномасштабного комплексного исследования стала коллективная монография «Тавуш. Социально-культурные процессы (Традиции и современность)», в которой обобщены результаты сопоставимого анализа двух панельных исследований Тавуша в 1980 и 2007–2008 гг. (с привлечением данных опроса в Иджеване 1993 г.) [22]. Исследования позволили проследить динамику социально-культурных процессов в марзе на протяжении нескольких десятилетий – от советского периода (1980-е годы) до наших дней. Авторы, исследуя этнодемографические процессы (Гамлет Саркисян), проблемы трудовой миграции (Мигран

[1] В работу были вовлечены многочисленные организации Тавуша: представители органов областной, городской и сельской администрации, статистического и архивного управлений, работники городского ЗАГСа, свадебных салонов, ритуальной службы, городского и сельских домов культуры и библиотек, служители церкви Иджевана и др. Для уточнения ряда сведений и пополнения фотоматериалов в 2011 и 2012 г. были организованы дополнительные выезды в Тавуш.

Галстян), семьи и семейных отношений (Тамара Закарян), семейной обрядности (Лилия Варданян), праздничной культуры и религиозного поведения (Самвел Мкртчян), художественной культуры (Рубен Оганджанян), сумели выявить основные тенденции их развития и показать, что в наши дни социально-культурные процессы в Тавуше, сохраняя традиционную основу, подверглись определенным трансформациям, приспособившись к требованиям современного общества. Монография богато иллюстрирована большим количеством (более 120**)** полевых и архивных рисунков и фотографий, представляющих самостоятельный ценный источник, снабжена картографическими материалами. Презентация книги состоялась в Иджеванском филиале Ереванского госуниверситета и вызвала широкий общественный резонанс.

По тому же принципу повторного изучения городских и сельских поселений были обследованы остальные регионы. В составе экспедиций и в индивидуальных поездках сотрудниками отдела в 2009–2010 гг. и 2015 г. в Сюнике, в 2013 г. в Лори, в 2014 г. в Котайке был собран значительный материал, который в сопоставимом анализе с предыдущими результатами 1980 г. и 1990-х годов лег в основу исследований, вскрывающих основные этносоциальные процессы в Армении. Полученный материал был представлен в целом ряде секторальных публикаций и докладов на республиканских и международных научных форумах [3].

Важным проектом явилось изучение армянской семьи в условиях современного трансформирующегося общества. С этой целью в 2016–2017 гг. в Ереване и в 6 городах и 20 сельских поселениях выделенных марзов Армении был проведен опрос (всего 384 семьи) с привлечением статистического и полевого материала, правовых документов, законодательных актов и пр. Результаты сравнительных исследований 1980 г. и 2016–2017 гг., в двух различных хронологических периодах советского и постсоветского общества, позволили выявить социально-культурные процессы, происходящие в армянской семье и проследить ряд существенных изменений в процессе ее развития на современном этапе. Были исследованы структура семьи, брак и семейная обрядность, система семейных ценностей, влияние трудовой миграции на изменения модели семейных отношений, этнокультурные особенности семей сирийских армян в Армении [12].

По предложению Юрия Вартановича и при его активной поддержке, мы приняли участие в международном проекте по изучению этноса в собственной и инонациональной среде, который был выдвинут на повестку дня в 1986–1989 гг. в ходе работы советско-американских симпозиумов с участием Ю.В. Арутюняна (в том числе в Дилижане в 1987 г.). Совместный проект нашего отдела и московских коллег предусматривал одновременное этносоциологическое обследование в Ереване и Москве для получения сопоставимых данных и изучения проблем сохранения идентичности армян, проживающих в своей среде в столице Армении и в инонациональной среде российской столицы. Для работы над проектом Юрий Вартанович в 1999 г. приехал в Ереван. При разработке опросного листа нередко возникали спорные моменты, поскольку по ряду вопросов, в особенности касающихся семейной и праздничной обрядности и религиозного поведения, наши этнографические интересы пересекались с его социологическим подходом. Опрос жителей Еревана (721 человек) был проведен силами сотрудников отдела. Материалы этого опроса Ю.В. Арутюнян использовал в своих последующих исследованиях [4]. Проект получил дальнейшее развитие в работах вновь созданного в нашем институте в 2011 г. отдела изучения диаспор, однако тогда, в начале 2000-х годов, мы первыми в республике осуществили его реализацию на армянском материале.

Еще одним важным шагом в данном направлении исследований стал наш совместный проект с белорусскими коллегами по изучению белорусской диаспоры в Армении и ар-

мянской диаспоры в Белоруссии. В 2019–2020 гг. было проведено всестороннее комплексное этносоциологическое исследование, целью которого стало выявление в широком историческом контексте проблем сохранения идентичности, языка, развития межэтнических отношений, толерантности, межкультурных взаимосвязей и других важных аспектов жизни этих национальных меньшинств в двух разных общественно-политических, социально-экономических и культурных средах, а также поиск новых направлений более эффективного использования их потенциала [5].

Юрий Вартанович сыграл важную роль в подготовке кадров для становления этносоциологии в Армении. В середине 1970-х – первой половине 1980-х годов десять молодых сотрудников нашего Института получили специальную подготовку в ИЭ АН СССР. Большая часть из них прошла обучение в аспирантуре сектора Кавказа, а трое – Тамара Закарян, Рубен Карапетян и Рубен Оганджанян – стажировку в секторе конкретно-социологических исследований. Пройдя арутюняновскую школу, они получили основательную подготовку, освоили методику и методологию этносоциологических изысканий, что определило дальнейшее направление их исследований. Под руководством Юрия Вартановича Р. Карапетян и Р. Оганджанян подготовили и защитили кандидатские диссертации. В 2015 г. Р. Карапетян защитил докторскую диссертацию по теме «Миграция и этносоциальные процессы в городах Армении», его оппонентом был член-корреспондент РАН, иностранный член НАН РА Ю.В. Арутюнян.

Подготовке кадров уделялось большое внимание и в самой Армении. В отделе этносоциологии нашего института, пройдя аспирантскую подготовку под руководством д-ра ист. наук Э.Т. Карапетян, защитили кандидатские диссертации М. Галстян (1990 г.) и С. Мкртчян (1997 г.). Оппонентом работы М. Галстяна также выступил Ю.В. Арутюнян. Со временем (2011 и 2016 г.) оба стали докторами наук. В 2005 г. докторскую диссертацию защитила Л.М. Варданян. Все они стали не только самостоятельными учеными, но и руководителями нового поколения сотрудников и аспирантов, пополнивших ряды армянских «птенцов гнезда Арутюнянова». Темы их диссертаций связаны как с актуальными проблемами современного армянского общества, так и сохранностью традиций.

В деле подготовки кадров важное место занимает преподавательская деятельность ряда наших коллег (М. Галстян, С. Мкртчян, Р. Оганджанян) в ЕрГУ и других вузах республики.

Юрий Вартанович сыграл заметную роль в организационном оформлении диаспоральных исследований в Армении. Именно по его настоятельной рекомендации в Институте археологии и этнографии НАН РА в 2013 г. был создан отдел (в 2011–2013 гг. – группа) изучения диаспор, что являлось давно назревшей потребностью времени. Новый отдел возглавил Р. Карапетян, один из учеников Ю.В. Арутюняна, прошедший под его руководством путь от стажера-исследователя до доктора исторических наук.

Вклад Ю.В. Арутюняна в армянскую науку хорошо знали и ценили в республике. Неслучайно в 2008 г. он был избран иностранным членом НАН РА, что составляет предмет нашей особой гордости.

С самого начала образования отдела большинство сотрудников уже имели собственные исследовательские предпочтения. С годами, расширяя и углубляя свои работы, они достигли немалых успехов, стали авторами монографий и многочисленных статей. Р. Карапетян длительное время занимался социологией города [15]. В сфере профессиональных интересов М. Галстяна лежит актуальная тема трудовой миграции и ее последствий, причем не только для армян [10], но и национальных меньшинств республики [11]. В поле зрения Р. Оганджаняна находятся проблемы профессиональной и духовной культуры [19]. Одной из ключевых задач с самого начала является изучение традиционной армян-

ской семьи в ее современных трансформациях, начатое еще Э.Т. Карапетян. Памяти заслуженного ученого в 2001 г. наш отдел посвятил научную сессию по данной проблематике [20]. Сейчас это направление исследований успешно осуществляет Т. Закарян [13, 14]. Л.М. Варданян на протяжении многих лет успешно сочетала изучение современной семейной обрядности [7, 8] и истории этнографической науки в Армении [6]. Важное место занимает исследование традиционной праздничной культуры армян, а также религии и религиозного поведения, чему посвящены работы С. Мкртчяна [16]. В последние годы успешно разрабатывается новая для отдела тематика социокультурной адаптации сирийских армян в Армении [1].

За долгие годы своего существования отдел этносоциологии принимал активное участие во многих республиканских, российских и международных проектах и научных форумах. Заметным явлением стало участие сотрудников отдела в составе большого авторского коллектива нашего института в подготовке к выпуску тома «Армяне» в издаваемой ИАЭ РАН серии «Народы и культуры» [2]. Отделом опубликованы 22 книги и более 200 статей в республиканских и зарубежных научных изданиях. Сейчас в Армении работает уже третье поколение «птенцов гнезда Арутюнянова», которые всегда с благодарностью вспоминают, что у истоков армянской этносоциологии стоял яркий неординарный ученый и человек, наш соотечественник, незабвенный Юрий Вартанович Арутюнян.

Литература

1. *Акопян Г.Л.* Роль трудоустройства при адаптации сирийских армян в Армении (социологическое исследование) // Диаспоры. 2015. № 1–2. С. 170–182.
2. Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисян. М.: Наука, 2012. 648 с. (Сер.: Народы и культуры).
3. Традиционное и современное в армянской культуре. Сб. материалов науч. сессии, посвященной 50-летию Ин-та археологии и этнографии НАН РА / отв. ред. Л. Абрамян, А. Тадевосян. Ереван: Гитутюн, 2010. 596 с.: ил. (Армянская народная культура. XV). (На арм. яз.)
4. *Арутюнян Ю.В.* Об армянской диаспоре в России: Этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара. Ереван: Гитутюн, 2011. 151 с.
5. Белорусская диаспора в Армении и армянская диаспора в Беларуси: Этническая идентичность и межкультурные взаимоотношения в современных условиях / отв. ред. М.В. Галстян, А.В. Гурко. Ереван: Изд-во ИАЭ НАН РА, 2021. 200 с.
6. *Варданян Л.М.* Степан Лисициан и истоки армянской этнографии. Ереван: Гитутюн, 2005. 424 с.
7. *Варданян Л.М.* Оформление брака у армян в условиях современного общества // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сб. кратких содержаний докладов международной научной конференции / ред. Г. Гамбашидзе., О. Джапаридзе и др. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 325–327.
8. *Варданян Л.М.* Брак и свадьба //Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисян. М.: Наука, 2012. С. 327–342. (Сер.: Народы и культуры).
9. *Габриелян М.Р.* Современное крестьянство Республики Армения (этнографическое исследование). Ереван, 2001. 80 с. (На арм.яз.)
10. *Галстян М.В.* Межгосударственная миграция населения Республики Армения (по материалам этносоциологического исследования). Ереван, 1998. 61 с. (На арм. яз.)
11. *Галстян М.В.* Миграция национальных меньшинств Республики Армения (этносоциологическое исследование). Ереван: Гитутюн, 2015. 208 с. (На арм. яз.)
12. *Галстян М.В., Оганджанян Р.С., Закарян Т З., Акопян Г.Л.* Современная армянская семья в трансформирующемся обществе / отв. ред. Л.М. Варданян. Ереван: Гитутюн, 2017. 328 с. (На арм.яз.)

13. *Закарян Т.З.* Формы традиционной помощи и взаимопомощи у армян в новых социальных условиях независимой Армении (по материалам этносоциологического исследования) // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции / отв. ред. Л. Абрамян, Р. Бадалян. Ереван, 2003. С. 298–301.
14. *Закарян Т.З.* Семья и брак //Современная армянская семья в трансформирующемся обществе / отв. ред. Л.М. Варданян. Ереван: Гитутюн, 2017. С. 9–90. (На арм. яз.)
15. *Карапетян Р.С.* Формирование населения городов Армении: Этносоциологическое исследование. Ереван: Гитутюн, 2015. 412 с.
16. *Мкртчян С.С.* Праздники. Армянские народные обряды, обычаи, поверья. (Традиции и современность). Ереван: Гаспринт, 2010. 192 с. (На арм.яз.)
17. *Мкртчян С.С.* Обрядово-праздничная культура армян. Ереван: Гитутюн, 2016. 400 с. (На арм. яз.)
18. Население Еревана: Этносоциологические исследования / отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Э.Т. Карапетян. Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1986. 250 с.
19. *Оганджанян Р.С.* О некоторых тенденциях изменения этнических ценностей профессиональной культуры среди населения Армении // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред., сост. Л.В. Остапенко, И.М. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 314–318.
20. Проблемы исследования семьи. Материалы республиканской научной сессии, посвященной памяти Э.Т. Карапетян / отв. ред. Л.М. Варданян, Д.С. Вардумян. Ереван: Гитутюн, 2011. 116 с. (На арм. яз.)
21. Тавуш. Материальное и культурное наследие. Материалы республиканской научной сессии, посвященной 50-летию Ин-та археологии и этнографии НАН РА / отв. ред. А. Калантарян, Г. Саркисян. Ереван: Гитутюн, 2009. 290 с. (На арм.яз.)
22. Тавуш. Социально-культурные процессы. (Традиции и современность) / отв. ред. С.А. Варданян, Л.М. Варданян. Ереван: Гитутюн, 2014. 360 с.: ил. (На арм.яз.)

Новая армянская диаспора: опыт и перспективы исследования

Р.С. Карапетян

Основным этапом формирования новой армянской диаспоры стал период распада СССР и возникновения на постсоветском пространстве новых независимых государств. В 1990-х – 2000-х годах вследствие активного оттока армян из зон традиционного расселения (республик Средней Азии, Закавказья, стран Ближнего и Среднего Востока) армянские общины некоторых постсоветских стран, прежде всего РФ, и стран дальнего зарубежья стали интенсивно пополняться новыми группами этноса [1: 73–110]. Ретроспективный анализ роста и развития новой армянской диаспоры этого периода представляет особый интерес как при осмыслении закономерностей процессов, происходивших на постсоветском пространстве, так и при определении перспектив.

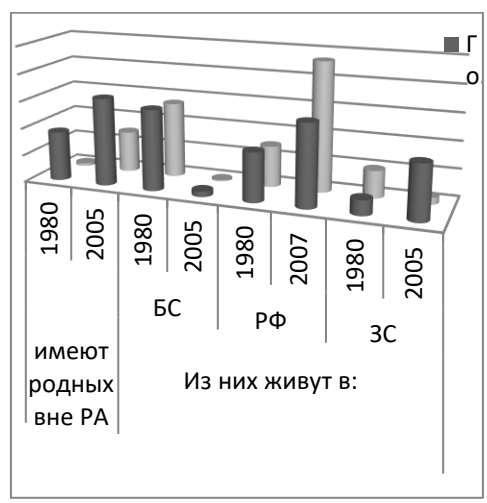
Сложность анализа процессов миграции и формирования новых очагов расселения армян, как и характера их проживания на новом месте и интеграции с окружением, требует постоянного поиска все новых источников информации. В этом плане представляется многообещающим обращение к мало задействованному в научных исследованиях информационному ресурсу, которым располагают жители Армении, связанные узами родства с эмигрантами [2: 9–12].

При оценке достоверности и адекватности информации из этого источника надо учитывать, что в эмиграционном процессе могут быть задействованы целые семейства, которые как бы «вымываются» из общества целиком. Вследствие подобного рода миграций в структуре населения республики могут невосполняемо исчезать целые пласты – семьи, социальные и демографические группы и соответственно могут возникать затруднения в проведении исторических реконструкций на основе сведений, почерпнутых у населения. Однако нам представляется, что сильные традиции кровнородственных отношений и наличие развлетвленной сети кровнородственных групп в Армении позволят получить информацию об эмигрантах (членах новых диаспор) через их родственников, оставшихся в Армении. При этом следует отметить, что фактор близкого родства эмигранта и жителя Армении не играет здесь существенной роли – эмигрант оставляет свой «след» в памяти как близких, так и дальних родственников. Кроме этого обмен информацией по межродственным каналам предоставляет сведения и о сегодняшнем положении эмигрантов в странах пребывания. Поэтому заданный во время стандартизированного интервью вопрос «Кто из Ваших родственников живет вне Армении?» приобретает особый смысл. В число родственников, согласно нашим исследованиям [3: 5–14], респонденты включали свой как ближний, так и дальний круг. Это дает возможность проанализировать произошедшие в недавнем прошлом процессы формирования диаспоры на основе информации, полученной в ходе этносоциологического исследования в Армении дальних или близких родственников эмигрантов. Информация, поступающая от респондентов о их родственниках, проживающих вне Армении, помимо прочих данных, содержит и сведения о времени пребывания, степени родства и социальных достижениях последних в другой стране. Она позволяет также оценить реальные масштабы новой диаспоры не только в хронологических рамках проведенных исследований, охвативших последние тридцать лет, но и ретроспективно-возвращаясь еще на одно десятилетие ранее.

По данным двух этносоциологических исследований – 1980 г. и 2005–2007 гг., число живущих вне республики близких и дальних родственников жителей Армении за тридцать лет выросло – у горожан в два, у сельчан в четыре раза. Изменился за этот период и

состав стран в общей структуре расселения этноса. В два раза возросло представительство армян в РФ и в дальнем зарубежье. Причем в РФ, если у горожан эти пропорции увеличились в два раза, то у сельчан – в три раза. Пятикратное увеличение доли родственников-эмигрантов у горожан Армении отмечается и в западных странах (Европа и Северная Америка). На этом фоне резко снизился данный показатель в постсоветских странах. Вполне вероятно, что в составе новых армянских общин и в РФ, и в США, и в Европе присутствуют выходцы из Армении, Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии, стран Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Подобная мозаика источников формирования новых общин требует системного подхода в осмыслении путей развития диаспор с учетом экономических, социальных и духовных составляющих.

В контексте вышесказанного представляют особый интерес данные о кровной близости эмигрантов с жителями Армении: наличие среди уехавших а) родных по нисходящей линии – родителей и детей; б) родных по боковой линии – братьев и сестер; в) дальних родственников – дядей, тетей, племянников с отцовской и материнской сторон [4: 23]. Подобный подход к типологии родства в данном исследовании обусловлен несколькими причинами.

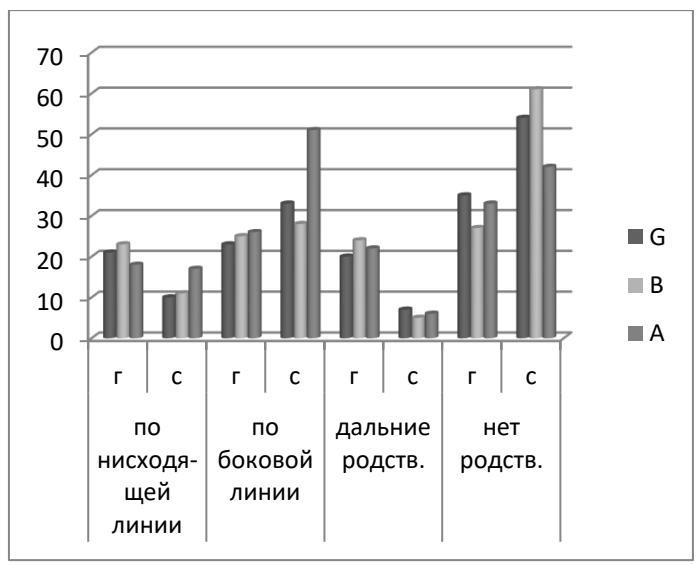


(БС – постсоветские страны, РФ – Российская Федерация, ЗС – страны дальнего зарубежья).

Рис. 1. *Наличие у жителей РА родственников, живущих вне Армении, и их распределение по странам (по материалам исследований 1980 и 2005 г.)*

Первая из них продиктована необходимостью фиксации уровня пространственного разделения кровных родственников (включая членов семьи), которая предоставляет возможность получить дополнительную информацию, позволяющую судить о характере миграционных процессов среди жителей Армении в перспективе. Так, становится очевидным, что потребность в воссоединении разделенных семей реально может отразиться на последующих миграциях и соответственно на интенсивности пополнения диаспор новыми членами или, наоборот, на реэмиграцию. Вторая причина связана с кровной близостью, которая сама по себе является показателем активной коммуникации между родственниками, разделенными государственными границами, и признаком интенсивности информационного обмена, взаимопомощи, взаимовлияния между ними. Третья причина заключена в необходимости выявления факторов, определяющих трансформацию в результате миграции кровнородственных отношений, определения первичных и вторичных по значимости факторов. В их число следует включить пространственную близость между

членами кровнородственных групп, культурные отличия новой среды для эмигрантов, силу родственных чувств респондентов и их зарубежных родственников, их представления о границах ближнего и дальнего круга родственников. Отметим, что сельские жители, в отличие от горожан, менее подвержены процессу сепарации семьи: так, доля родственников-эмигрантов у сельчан в полтора-два раза меньше, чем у горожан. Кроме того, по сравнению с горожанами, у сельских жителей среди эмигрантов доля родных ближнего круга (родителей и детей) ниже в полтора раза, а дальних родственников – в пять раз. В целом среди зарубежных родственников наибольшие показатели оказались у лиц, состоящих в родстве с жителями Армении по боковой линии. Очевидно преобладание горожан над сельчанами: у них в пять раз больше дальних родственников, проживающих вне Армении, в полтора раза – родных по боковой линии (братьев и сестер), в несколько раз – родителей.



(A – специалисты и руководители; B – служащие; G – работники физического труда; г – город, с – село).

Рис. 2. *Степень родства эмигрантов с живущими в Армении родственниками, принадлежащими к отдельным социально-профессиональным группам (%)*

По диаграмме (рис. 2) можно судить о наличии родственников-эмигрантов разной степени близости у трех социально-профессиональных групп жителей городов и сел Армении. Причем социальные различия при представлении выделенных типов родственников более заметны в среде сельского населения, чем городского. Кроме того, в отдельных социальных группах соотношение родственников-эмигрантов разной степени близости существенно варьируется. У горожан в группе работников преимущественно физического труда и служащих доля родных по нисходящей линии в два, дальних родственников – в три раза выше, чем у сельчан той же группы.

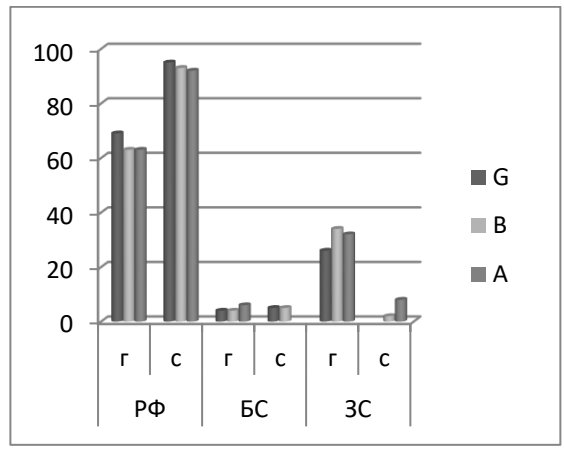


Рис. 3. *Доля родственников-эмигрантов (по странам эмиграции) у представителей отдельных социально-профессиональных групп жителей городов и сел Армении (%)*

Различия между городскими и сельскими жителями Армении отражаются и в том, какие страны выбрали для эмиграции их родственники (рис. 3). На общем фоне превалирования России в качестве места переселения (60–90% всех родственников) явно заметен разрыв между городскими и сельскими жителями Армении. Так, если у первых доля родственников в РФ, как стране пребывания, составляет 60–67%, то у сельчан – 90–95%. Причем особой разницы между социально-профессиональными группами не отмечается, только у группы работников физического труда в обеих категориях жителей республики она несколько выше. Также близки показатели города и села по доле детей, живущих в других странах.

Следующим показателем кровнородственных связей жителей Армении с эмигрантами является структура родства. По результатам исследования отчетливо прослеживается ее связь с типом поселения (город, село) жителей республики. Так, если у горожан все выделенные степени кровного родства с эмигрантами представлены равномерно (в пределах 27–35%), то у сельчан, наоборот, преобладают родственники по боковой линии (более двух третей), четверть составили дальние родственники, и только оставшуюся малую часть – родные по нисходящей линии. В других постсоветских странах доля родственников по боковой линии снизилась до половины у горожан и вообще отсутствовала у сельчан. Несколько иначе распределены родственники горожан и сельчан в западных странах (ЗС). У первых 40% составляют дальние родственники, остальные 60% – близкая родня. У сельских жителей подавляющее большинство – родные по боковой линии.

Доля родственников, живущих в странах дальнего зарубежья, зависит как от типа поселения (город, село), так и от социального положения жителей самой республики: у горожан их, в целом. в пять-шесть раз больше, чем у сельчан, к тому же влияние социальных различий больше выражено среди сельчан, чем среди горожан.

Таким образом, по данным этносоциологических исследований, проведенных в Армении, выявилось, что наибольшее число дальних родственников-эмигрантов оказалось в дальнем зарубежье, наименьшее – в РФ и странах постсоветского пространства (БС). Больше всего родных по боковой линии, а также детей у жителей Армении было зафиксировано в странах БС и РФ. Причем в прямой пропорции со временем пребывания оказалась степень родства эмигранта с жителями Армении: чем короче период пребывания в другой стране, тем ближе степень родства, что представляется вполне естественным.

По продолжительности пребывания родственников вне Армении, например, уехавших в последний период эмиграции, после 2000 г. (рис. 4), горожане и сельчане имеют равные

пропорции, причем они составляют по числу уехавших насовсем в 2003–2005 гг. примерно 5%. Резкие изменения наблюдались в 1995–2000 гг., когда у сельчан доля эмигрантов возросла в 7–8 раз, а у горожан – всего в два раза. На тот период, по всей видимости, приходится пик миграционной активности сельского населения республики.

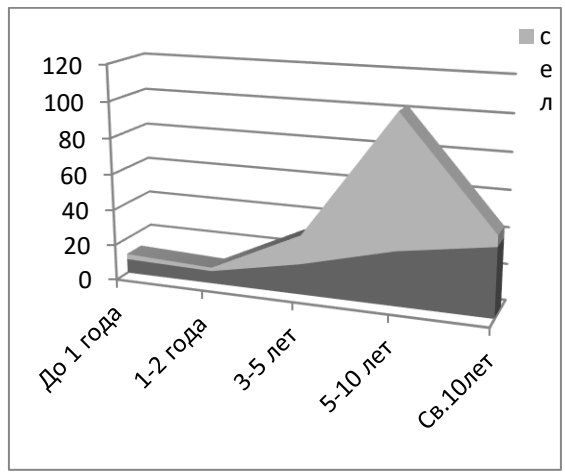


Рис. 4. *Продолжительность пребывания вне Армении родственников городского и сельского населения РА*

Интенсивность эмиграции в целом была весьма низкой в период 1980–1995 гг. Вместе с тем наиболее активными в передвижениях выступали горожане – более четверти всего миграционного потока, а менее мобильными оказались сельчане – 12–15%. Таким образом, если у сельчан динамика миграционной активности характеризуется резкими перепадами (плавный рост в начале сменяется скачком в два, затем в пять-шесть раз, а в конце снижается в пять раз), то у горожан таких «перепадов» не отмечено. Это определило хронологическую структуру миграций, которая оказалась весьма различной по странам пребывания. Так, наиболее «старой» выглядит миграционная структура армян в постсоветских республиках, в которых подавляющим большинством являются лица, эмигрировавшие десять и более лет назад, т.е. их миграционная активность приходилась на период до 1995 г., а четверть миграций – на период 1995–2000 гг. По этому показателю ближе к странам БС оказались США и Канада, где две трети миграций приходятся на период до 2000 г., а самые «молодые» структуры армянского переселения характерны для России и стран Европы.

Социально-профессиональный состав эмигрантов, который был зафиксирован на основе информации опрошенных жителей Армении, позволил проследить ход «освоения» мигрантами нового социального пространства в зависимости от страны и времени пребывания, а также исходных социальных позиций до эмиграции. Если время и условия (страна) адаптации рассматривались в конкретном пространстве и в конкретном времени, то первоначальные социальные позиции фиксировались по косвенным признакам – социальным параметрам родственников, находящихся в Армении. По данным исследования, зависимость между вышеуказанными показателями и социально-профессиональной структурой армянской эмиграции отражает связь продолжительности пребывания мигранта с последними данными о его социальном положении в новой среде: с течением времени закономерно меняются признаки социальной (трудовой) адаптации. Так, в социальном составе мигрантов, переехавших в последние пять лет, поровну распределились

работники физического труда и служащие без специальной квалификации. Среди проживших в стране от пяти до десяти лет наблюдается отток из сферы неквалифицированного умственного труда (служащих) в сферу преимущественно физического труда и в группу специалистов. У тех, кто находится в стране свыше десяти лет, произошел переток из всех групп в группу служащих и специалистов – 75 и 25% соответственно. Причем усложнение социального состава в большей степени произошло в России и меньше всего – в странах Европы, США и Канаде. Если в РФ менее половины эмигрантов занимались физическим трудом, а остальная часть – квалифицированным и неквалифицированным умственным трудом, то в западных странах подавляющая часть оказалась в группе работников преимущественно неквалифицированного физического труда.

Выяснилось также, что чем выше социальные параметры жителей Армении, тем выше показатели социальных достижений их родственников, живущих в других странах. Материалы этносоциологических исследований показали, что наиболее благоприятной средой для социально-культурной адаптации эмигрантов оказалась РФ, а в странах дальнего зарубежья проблемы социального вживания в новую среду выглядели особенно сложными. Если в РФ заметны признаки социального продвижения или соответствия с их прежними позициями, то в странах дальнего зарубежья четко прослеживается тенденция снижения социальных позиций, указывающая на трудности адаптации.

Представленные материалы этносоциологических исследований в Армении призваны помочь в осмыслении современных процессов, происходящих в мире, в том числе на постсоветском пространстве. Они демонстрируют широкие возможности использования информации, полученной путем стандартизированного интервью, для изучения проблем (в частности, последствий этнических миграций), аналитическая ресурсная база которых скудна, а во многих случаях вовсе недоступна для исследователей. Такой подход существенно расширяет горизонты поиска информационного ресурса, позволяющего проводить как ретроспективный, так и современный ситуативный анализ процессов и их последствий.

Статья подготовлена в рамках государственной целевой программы «Основные направления сравнительного исследования армян в своей и инонациональной среде: проблемы и перспективы исследования» НК МОНКС РА.

Литература

1. *Карапетян Р.С.* Формирование населения городов Армении: Этносоциологическое исследование. Ереван: Гитутюн, 2015. 412 с.
2. *Он же.* Миграция и новая армянская диаспора. Ереван: Гитутюн, 2013. 212 с. (На арм. яз.)
3. *Он же.* Миграция в городах Армении: Этносоциологическое исследование. Ереван: Гитутюн, 2013. 288 с.
4. *Карапетян Э.Т.* Армянская семейная община. Ереван: АН Арм. ССР, 1958. 143 с.

Вопросы изучения этносоциальных процессов в армянской диаспоре

Л.А. Танаджян

Первоочередной задачей изучения современной армянской диаспоры является всесторонний анализ содержания и перспектив происходящих в ней этносоциальных процессов. И, прежде чем перейти к вопросам изучения армянской диаспоры, стоит обратиться к определению диаспоры и к целому ряду типологических вопросов, связанных с этим определением. В современной научной литературе обсуждается несколько важнейших направлений изучения диаспоры, основанных в значительной мере на проблеме социальных изменений в этнической группе, живущей в инонациональном окружении. При исследовательском поиске можно выделить следующие направления:

- проявления идентичности и ее реконструкция;
- процессы самоорганизации и структурные изменения;
- территориальные перемещения и интеграция;
- культурные, социально-демографические и другие характеристики, динамика их изменений.

Указанные направления позволяют рассматривать диаспору в динамике ее изменений с помощью качественных и количественных показателей. В исходных методологических подходах изучения диаспор в большей мере акцентируется историко-сравнительный метод. Так, видные сторонники этого подхода У. Сафран и Х. Тололян на примере, так называемых, классических (еврейской, армянской, греческой, ирландской и др.) диаспор дают типологию на основе факторов, связанных с их образованием (исход, геноцид, насильственное переселение и т.д.). К характеристикам классической диаспоры они относят следующие:

- единая территория исхода;
- коллективная память о стране исхода/родине;
- этническое самовосприятие в принимающей среде;
- желание возвращения на родину;
- наличие разносторонних связей со страной исхода;
- высокий уровень групповой сплоченности.

Рассмотрим группу причин, обусловливающих формирование классической диаспоры, по степени соответствия вышеизложенным критериям, с помощью которых можно определить типовую модель ее развития. Так, например, коллективная историческая память в армянской и еврейской диаспорах рассматривается как краеугольная [11: 89], и с помощью изучения ее признаков можно спрогнозировать направления дальнейшего развития, действия структур, сформированных в каждой отдельной общине.

В 80-х годах прошлого столетия данный метод оказался малоэффективным, так как не позволял комплексно исследовать явление диаспоры в изменяющихся условиях, обусловленных интенсификацией миграционных процессов, быстрым ростом диаспор. В сфере изучения последних существенную роль сыграл опыт классификации диаспор по типу их образования – «мобилизированные» (классические) и «пролетарские», «старые» и «новые» диаспоры [14: 393–408]. Здесь исследователи шли по пути конкретизации схожих признаков диаспоральных групп. Эти признаки можно определять по четырем основным критериям, которые носят структурный, функциональный характер – торговые, религиозные, политические, культурные и расовые [15: 39–40]. Представляется, что этот подход приближается к структурному анализу происходящих в диаспоре изменений.

В типологическом анализе диаспор многими исследователями отмечается важность определения принципа по месту исхода и причине зарождения. Обобщая аналогичные

подходы в диаспорологии, Р. Коуэн выделяет такие типы диаспор, которые сформировались в ходе разных исторических периодов: жертвы-диаспоры, трудовые, имперские, торговые, культурные или гибридные диаспоры. К жертвам-диаспорам причисляются еврейская, армянская, африканская, ирландская и палестинская диаспоры. Имперскими считаются древнегреческая, британская и русская; к числу трудовых диаспор относятся индийская, китайская, японская, турецкая, итальянская и др.; торговыми считаются ливанская, современная индийская и ряд других [6: 10]. В этом перечне первичными типологическими признаками прежде всего являются причины возникновения или принадлежность к какой-нибудь группе.

При широком подходе к диаспоризации и раскрытию происходящих в диаспоре процессов можно выделить следующие типологические принципы: наличие «собственного государства», исторический опыт диаспоры (молодые или старые диаспоры), степень диаспоризации, этап развития (возрождающаяся или умирающая диаспора), география расселения (уровень дисперсности). Согласно этому подходу, исследуется такой важный аспект, как конкретный тип диаспоры, в основе которого лежат все те сюжеты и ситуации, которые могут быть причиной зарождения той или иной диаспоры. Использование данного метода позволяет более системно исследовать диаспору как организованную, обновляемую и пополняемую группу, включая ее этнические и социальные характеристики. Такие исследовательские подходы позволяют выйти за рамки определения диаспор и их характерных признаков и наблюдать происходящие изменения в широком этническом и социальном контексте.

Современные западные исследователи придерживаются институционального и структурно-функционального методов изучения диаспор, в основе которых лежит анализ диаспоральной структуры и этносоциальных процессов, происходящих внутри. Особое внимание при таком подходе сосредоточено на различиях культурных, религиозных проявлений в жизнедеятельности этнической группы в инонациональном окружении [17: 21-28]. В этой связи характерно замечание Дж. Даиндена о необходимости сфокусироваться на двух, можно сказать, противоположных направлениях исследования – мобильности и локализации, а также их взаимосвязанности [16].

Начиная с 1990-х годов российские исследования диаспор в основном опирались на методологические подходы теории этноса, примордиализма, где диаспора воспринимается как исключительно этническое явление. В последнем десятилетии в российской литературе особенно часто встречаются исследования, где диаспорами называют любые этнические группы, проживающие на территории РФ.

В современных подходах к изучению диаспоры на основе опыта уже проведенных исследований выделяются два комплексных определения диаспоры. Первое основывается на том, что диаспора – это сугубо этносоциальное явление (для нас данное определение наиболее приемлемо), а второе фокусирует внимание на политическом подходе, подчеркивая этнополитический характер диаспоры [10]. Последнее позволяет объяснять процесс формирования диаспоры военно-политическими конфликтами, неизбежно приводящими к миграции больших масс людей: появлению беженцев, вынужденных мигрантов, этнических групп на оккупированных территориях и т.д.

Принимая во внимание тот факт, что армянская диаспора, как объект изучения, играет важную роль в системе теоретических подходов и рассматривается почти во всех исследованиях по диаспорологии, обратимся к ней.

По данной теме имеется довольно обширная и содержательная научная литература. Тот факт, что армянская диаспора (наряду с еврейской, греческой и ирландской) многочисленными исследователями характеризуется как классическая, является показателем ее значения как в историческом плане, так и в опыте практической деятельности. Несмотря на наличие большой армянской диаспоры, богатого научного наследия о проживающих в иноэтнической среде разных группах армян, эта тема продолжает оставаться актуальной.

Армянская диаспора, как одна из классических диаспор [18: 3], постоянно находилась и находится в фокусе исследовательского интереса многих западных, российских, американских и других ученых. Сфера исследования армянской диаспоры также обширна. Она включает исследования по истории формирования и современному состоянию армян диаспоры. Разные исследователи обращались к истории образования армянской диаспоры, причинам формирования и особенностям ее развития в разных странах. В контексте социальных процессов исследования армянской диаспоры можно условно разделить на несколько основных направлений.

- История диаспоры (анализ объективных и субъективных причин формирования армянских общин и процесса диаспоризации) [4: 68-71; 8: 50-66].
- Исследования процессов адаптации, конструирования идентичности и трансформаций армянских общин в разных странах [13: 528-537; 19: 35-46; 1: 43-56].
- Исследования общинных организаций, в том числе в культурной и образовательной сферах, а также возникших в процессе самоорганизации [7: 207].
- Демографические изменения, происходящие в общинах и вне, эмиграция, количественные изменения [3: 164].
- Исследования, посвященные экономическому, социальному, профессиональному потенциалу, исследования социальных сетей и социального капитала, взаимоотношений в общине [2: 151; 9: 211].
- Политическая ситуация, участие во внутриполитических событиях, в том числе лоббистская деятельность в диаспоре.
- Отдельной сферой исследований являются взаимоотношения: Армения – диаспора, Родина – диаспора, в рамках которых рассматривается участие разных общин диаспоры во внешней и внутренней политике Армении, в инвестиционных проектах и т.д.

В исследованиях современной армянской диаспоры важную роль играют оценка и изучение ее потенциала (А. Симаворян и В. Овян). Здесь диаспора рассматривается как очевидный и важный человеческий, экономический, политический (как средство лоббистской деятельности) и иной ресурс, с помощью которого определяется ее статус в современном мире [12].

Сегодня разные общины армян диаспоры количественно растут, умножается число ее членов. Так, по данным национальных переписей населения, армянские общины РФ насчитывают около 1 млн 130 тыс. человек (по экспертным оценкам – 2 млн), США – в пределах 1,2 млн, Франции – в пределах 450 тыс., Грузии – в пределах 248 тыс. (по экспертным оценкам – 350 тыс.), Украины – в пределах 130 тыс. Ирана, Ливана, Аргентины, Канады – в пределах 80 тыс. человек в каждой из трех стран [5: 246]. Об изменениях в численности армян свидетельствуют исследования, которые показывают динамику численности армян Ближнего и Среднего Востока и западных, наиболее населенных армянами стран (Турция, Иран, Ливан, Сирия, США, Франция), по сравнению с началом 1960-х годов [20].

Учитывая имеющиеся статистические данные, можно предположить, что межгосударственные миграции во многом определяют ход и направления современных этносоциальных процессов среди армян диаспоры.

Выделяются два крупных вида переселения армянского населения – этнокомпактное и этнодисперсное, что формирует изначальное условие сложения особенных процессов, направлений их развития. Констатация специфики условий среды дает основание для разработок программ исследований изменений или трансформаций характеристик состояния каждой группы в конкретной среде, обусловленных наличием духовных, культурных, политических центров, этнорелигиозной среды, исторических событий и т.д.

В контексте интенсивных пространственных сдвигов в расселении армянского этноса более чем важно изучение ситуации в различных общинах диаспоры с наблюдением изменений культурных, социально-демографических и экономических особенностей.

Статья подготовлена в рамках государственной целевой программы «Основные направления сравнительного исследования армян в своей и инонациональной среде: проблемы и перспективы исследования» НК МОНКС РА.

Литература

1. *Абраамян Л.* Четыре парадигмы национальной идентичности // Вопросы идентичности. Ежегодник. Ереван: изд. А. Степанян, 2002. С. 43–56. (На арм. яз.)
2. *Арутюнян Ю.* Об армянской диаспоре в России: этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара. Ереван, 2011. 151 с.
3. *Ганаланян Т.* Внутренние перемещения диаспоры в 1950–1980 гг. Ереван, 2016. 164 с.
4. *Галстян А.* Истоки и проблемы формирования армянской диаспоры в США (1630–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 4 (36). С. 68–71.
5. *Гаспарян С.* Общины армян. Диаспоры сегодня. Очерк культурной жизни. Ереван, 1962. 246 с. (На арм. яз.)
6. *Джангозян* С. Об определении понятия «диаспора» // Вестник Ереванского университета. Международные отношения. Политология. 2018. [Вып.] 137-6. С. 10.
7. *Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван, 2009. 207 с.
8. *Егиазарян А.* Образование национальных сред сосуществования в армянской «классической» и «новой» диаспоре (на примере армянских общин Ливана и России) // История и культура. Арменоведческий журнал. 2017. № 1. С. 50–66. (На арм. яз.)
9. *Карапетян Р.* Миграция и новая армянская диаспора. Ереван: Гитутюн, 2013. 212 с. (На арм. яз.)
10. *Кондратьева Т.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/etnos/diaspory_v_sovremennom_mire_ evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm
11. *Марутян А.* Роль памяти в структуре национальной идентичности. Ереван, 2006. 89 с. (На арм. яз.)
12. *Овян В.* Трансформация армянской диаспоры. Проблемы и возможности. URL: http://noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=7131 (На арм. яз.)
13. *Саакян В.* Переосмысление дискуссии Армения – Диаспора. Язык(и), культура(ы), отношения // Антология армянской социологической мысли / сост. А. Мкртчян, Х. Вермишян. Ереван, 2018. С. 528–537. (На арм. яз.)
14. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. Issue 2. P. 393–408.
15. *Bruneu M.* Diasporas, Transnational Spaces and Communities // Diaspora and Transnationalism: Concept, Theories and Methods / ed. R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam University Press, 2010. P. 39–40. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctt46mz31.5.
16. *Dahinden J.* The Dynamics of Migrants' Transnational Formations: Between Mobility and Locality // Diaspora and Transnationalism: Concept, Theories and Methods / ed. R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam University Press, 2010. P. 51–72. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctt46mz31.6.
17. *Faist T.* Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? // Diaspora and Transnationalism: Concept, Theories and Methods / ed. R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam University Press, 2010. P. 21–28. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctt46mz31.4.
18. *Tölölyan Kh.* Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: Journal of Transnational Studies. 1996. Vol. 5. No 1. P. 3.
19. *Tololyan Kh.* Armenian Diaspora // Entry in Encyclopedia of Diasporas. NY, 2004. Vol. 1. P. 35–46.
20. *Tchilingirian H.* What is "Armenian" in Armenian Identity? // EVN Report. 2018. URL: https://www.evnreport.com/raw-unfiltered/what-is-armenian-in-armenian-identity.

Роль этнической сети в эмиграции из постсоветской Армении в Россию

М.В. Галстян, Г.Л. Акопян

Постоянная эмиграция населения из постсоветской Армении в Россию по своим социально-экономическим, этнодемографическим и этнокультурным последствиям является одной из важнейших проблем республики. Анализ официальных статистических данных и оценки экспертов свидетельствуют, что в течение тридцати лет (1991–2019 гг.), после распада СССР и обретения Арменией статуса независимого государства, внешнее миграционное отрицательное сальдо населения республики составило примерно от 1 млн 600 тыс. до 1 млн 700 тыс.человек, или около 40% населения страны.

Приблизительно для 80% армянских мигрантов наиболее предпочтительной страной продолжает оставаться Российская Федерация [4, 6].

В многочисленных исследованиях отечественных и западных ученых выявлены как главные неблагоприятные экономические и политические причины миграции (безработица, низкий уровень доходов, бедность, войны и пр.), так и привлекательные факторы в странах въезда (высокий уровень доходов, безопасность, возможность доступа на рынок труда и пр.), которые и определяют ее направленность при принятии мигрантами решения о выезде [12]. Для выявления, прогнозирования и регулирования закономерностей и механизмов миграционных процессов из Армении учеными различных научных направлений проведены многочисленные исследования и аналитические обзоры. Однако при рассмотрении экономических причин внешней миграции и ее социально-демографических последствий для республики не было уделено должного внимания роли этнической социальной сети в формировании миграционных потоков из Армении. Между тем существование этнических социальных сетей способствует и ускоряет территориальное перемещение населения. Они определяются как «сети доверия миграции» и социальные взаимоотношения, которые основаны на содействии, доверии и обмене материальными ресурсами между местами происхождения и проживания мигрантов. Предоставление ресурсов членам одной и той же этнической, религиозной, территориальной группы в целях облегчения миграционного процесса А. Портес квалифицировал как «связанную солидарность» [15].

В вопросе эмиграции населения из республики, по нашему мнению, экономические причины являются необходимым, но не достаточным условием, в этой связи этническая социальная сеть рассматривается как один из важных факторов, оказывающих воздействие на территориальные перемещения в Российскую Федерацию. В частности, роль этнической социальной сети анализируется с точки зрения расширения миграционных потоков, их направлений, уменьшения рисков, адаптации мигрантов в иной этнической среде с учетом транснациональных процессов. В работе были использованы методы Ю.В. Арутюняна в изучении армянской общины Москвы и Краснодара, в частности, проживающих там двух достаточно отличающихся групп армян – старожилов и новоприбывших, их адаптации, сфер занятости, культурной раздвоенности, национального самосознания и других особенностей [1: 36]. Для интерпретации понятия «сеть» мы основывались на широко распространенных в западных миграционных теориях работах Д. Массея. Он определяет сеть как совокупность межличностных отношений, которая формируется на основании родственных, дружеских связей, а также общего социального происхождения между тремя группами людей: оставшимися в стране выбытия, самими мигрантами и обосновавшимися на новом месте [14: 449].

Под понятием этничности мы имеем в виду этническую принадлежность мигрантов, которая, по мнению А. Смита [16: 32], обеспечивает внутреннюю коммуникацию и объединение членов общины в иной этнической среде, очерчивая границы между «своими» и «чужими». Л. Дробижева определила это понятие как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений [3: 49].

В нашем случае важность роли этнической социальной сети рассматривается с точки зрения «социального капитала», который П. Бурдьё определил как фактический или предполагаемый ресурс, связаный со стабильными или слабо институциональными отношениями, основанными на принципах знакомства [11]. С их помощью в принимающей стране мигранты строят новые отношения и вступают в формальные или неформальные институциональные структуры. Мы разделяем также подходы С. Рзаевой к этнической социальной сети как важному механизму миграционных процессов в принимающих обществах и в адаптации мигрантов [7].

По результатам нашего исследования, среди армян, выехавших на постоянное жительство в РФ, распределение по основным социологическим параметрам следующее: 46,3% составляют женщины, 53,7% – мужчины. Из них 76,0% – люди активного репродуктивного возраста 18–50 лет; 79,1% выехавших состоят в браке; 33,4% имеют высшее образование[2].

Среди причин переезда из Армении 41,0% участников опроса указали отсутствие работы, 23,4% – необходимость заработка средств для обеспечения удовлетворительного жизненного уровня, 12,6% – возможность получения работы за рубежом. Это означает, что для подавляющего большинства экономический фактор продолжает оставаться определяющим во внешней миграции из республики. Другие причины, по мнению респондентов, носят социально-психологический характер, в их числе были указаны проблемы, связанные с отсутствием перспективы вступления в брак, воссоединением семьи, получением образования, развитием своей страны/населенного пункта, нестабильной морально-психологической атмосферой и политической ситуацией в стране, обеспечением благополучной жизни за рубежом и пр. Они формируют у личности миграционное поведение, реализация которого требует совершения определенных действий. Исследование показало, что в этой ситуации этническая социальная сеть становится важным средством организации миграционных направлений, воздействуя на темпы внешнего территориального перемещения населения Армении.

При ответе на вопрос: «Каковы основные причины выбора Вами данной страны?» в первоочередности выбора Российской Федерации 39,1% опрошенных руководствовались фактом проживания там родственников (29,3% – членов семей, близких родственников), 9,8% – друзей и знакомых. Остальные ответы связаны с существующими в РФ благоприятными условиями, такими как наличие широкого рынка труда (21,3%), отсутствие визо-

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке МОНКС РА в рамках научного проекта № 20TTSH-040. Опросы осуществлялись в 2021 г., в 586 семьях 20 городов, 37 сельских населенных пунктов всех марзов (областей) Армении, г. Еревана, из которых эмигрировали и остались на постоянное жительство за рубежом 1259 их членов (639 семей). В общем удельном весе семьи, из которых выехали в РФ, составили 61%, а в общем удельном весе всех мигрантов выехавшие в РФ составили 64,9%.

вого режима (10,8%) и языкового барьера (8,6%), прежний опыт работы или служба в армии в этой стране (6,8%), вступление в брак (6,6%), сходство вероисповедания и прочие факторы. Таким образом, сеть во многом предопределяет вопрос выбора страны въезда.

Согласно результатам исследования, наличие этнической сети в РФ воздействует на принятие решений об эмиграции, и каждый такой случай впоследствии способствует постепенному расширению этого процесса и, по принципу цепной миграции, вовлечению в него новых семей и индивидов. В этом контексте 66,2% участников опроса указали, что серьезное влияние на принятие ими решения оказал факт проживания в РФ родственников/друзей. Лица, принимающие решение о миграции, имеют возможность выбора не одного, а нескольких направлений. Благодаря социальным сетям определенная часть мигрантов первоначально обустраивается на жительство в том или ином городе или селе РФ, однако при их неудовлетворенности условиями сеть также содействовала и в перемене места жительства.

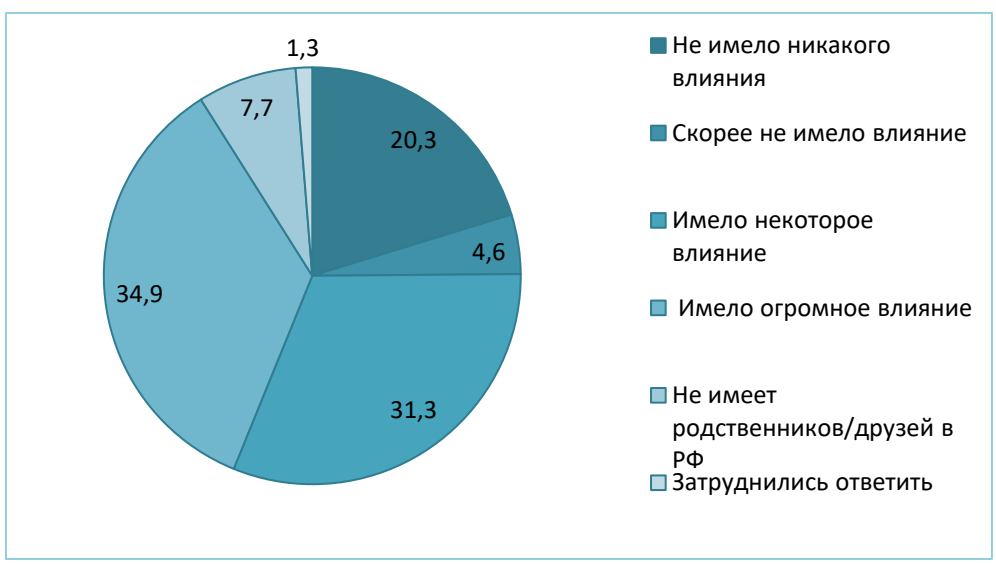


Рис. 1. *Влияние социальной сети на принятие решений о выезде (%)*

Этническая социальная сеть выполняет также функцию содействия и поддержки и**,** как отмечает Д. Массей, связи между устроившимися на жительство за рубежом мигрантами и находящимися на родине их родственниками, друзьями, соседями; эта связь сохраняется, имея в основе определенные морально-этические нормы [14: 449]. Одной из них является оказание содействия для выезда в РФ и формирование через сети новых отношений за рубежом, создание возможностей для доступа в формальные и неформальные институциональные структуры. На наш вопрос: «Могли бы Вы самостоятельно выехать на жительство в РФ, если бы находящиеся там родственники/друзья не оказали Вам содействие?» 39,5% опрошенных дали отрицательный ответ.

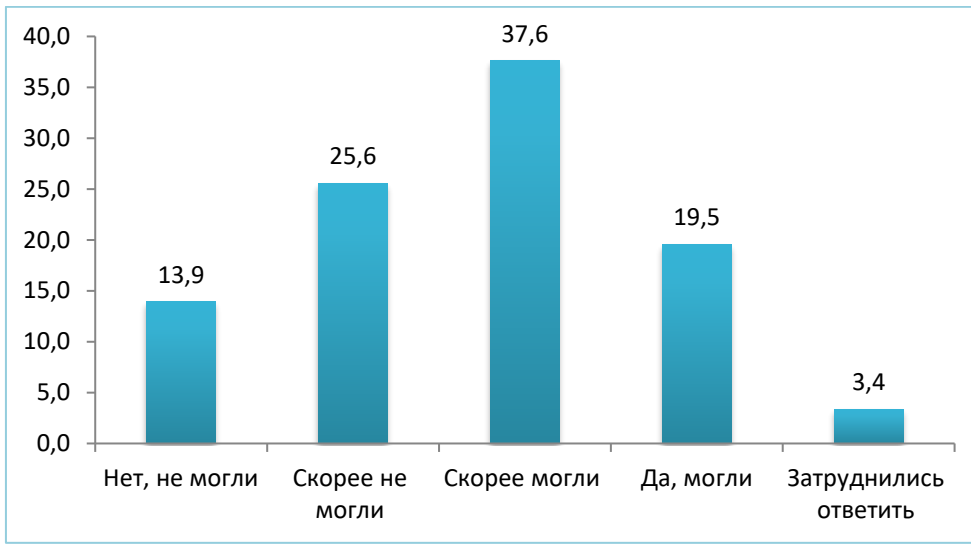


Рис. 2. *Мнения о возможности самостоятельного выезда на проживание в Россию (%)*

О широте состава этнической сети армян свидетельствуют ответы на вопрос: «В какой связи состоят с Вами содействующие Вам лица?» (рис. 3).

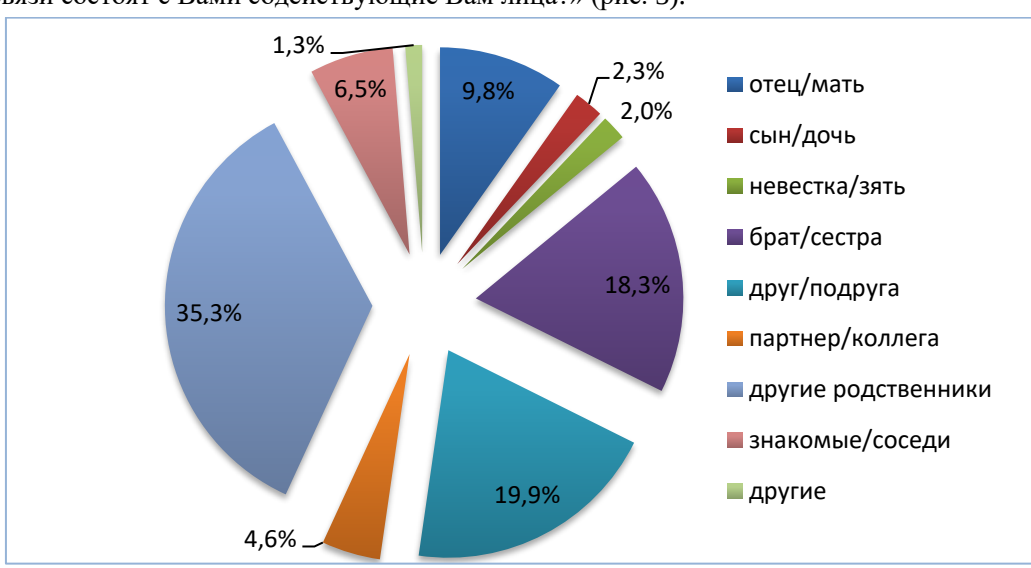


Рис. 3. *Состав этнической сети армян в РФ (%)*

Из этих данных видно, что в подавляющем большинстве основной опорой в социальной сети для армян является круг их ближайших и дальних родственников, обосновавшихся в РФ (65,7%), которые на местах обеспечивают «крепкие» социальные связи. У остальной части опрошенных подобные «крепкие» связи отсутствовали (либо они не сочли целообразным их использовать), и необходимые ресурсы им предоставили друзья, партнеры, соседи, знакомые. Это характеризуется как «слабые» социальные связи, причем проблема их прочности нередко оспаривается [13]. По мнению М. Амброзини, даже слабые социальные связи в целом более важны, чем образовательный статус мигранта [10].

Согласно результатам исследования, этническая сеть, действующая в местах въезда мигрантов в РФ, в значительной степени облегчает решение вопросов их трудоустройства, жилищно-бытовых и прочих жизненно важных проблем, а также адаптации в иноэтнической среде. В этом аспекте известная поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» наилучшим образом характеризует роль и значение этнической социальной сети у армян.

Первое поколение мигрантов сумело создать на местах широкую сеть социальных связей, которые становятся для новоприбывших важным человеческим ресурсом, посредством которого они получают «разрешение» для доступа в различные структуры. Затем эти связи, как важный социальный капитал, мигранты преобразуют для укрепления собственного положения в обществе [8: 87]. В процентном соотношении и по времени переезда 39,5% этих оказывающих поддержку/содействие лиц обосновались на жительство в РФ в 1992–2000 гг.; 21,9% – в 2001–2011 гг.; 7,5% – в 2012–2020 гг., 19,0% – в 1971–1991 гг.; а 2,3% – в 1940–1970 гг. Если сформировавшаяся в советский период армянская социальная сеть в процентном соотношении играла незначительную роль в содействии своим соотечественникам, то наиболее активно территориальному перемещению из Армении способствовали мигранты, обосновавшиеся в РФ в постсоветские годы.

Сеть способствует не только снижению расходов и сокращению рисков при перемещении мигрантов из Армении, но и преодолению ими многочисленных проблем, возникающих в РФ. На вопрос: «По каким вопросам Вы получили содействие Ваших родственников?», 49,2% участников опроса отметили, что в РФ с их помощью нашли работу, 39,5% – жилье, 33,1% получили содействие в установлении новых контактов и знакомств, 30,3% некоторое время проживали у родственников, 24,4% – помощь с оформлением необходимых документов, материальное содействие, 13,8% – содействие в вопросе организации переезда и прочее (рис. 4).

Рис. 4. *Виды помощи мигрантам со стороны принимающих (%)*

Этническая социальная сеть содействовала также адаптации мигрантов в усвоении норм и ценностей принимающего общества и новой для них социально-культурной практики. Одновременно мигранты продолжают сохранять свою национальную культуру и обычаи, которые в иной этнической среде считаются важной основой постоянного функционирования этнической социальной сети.

На вопрос: «Какие взаимоотношения складываются у Вас после переезда в Российскую Федерацию с проживающими там родственниками» только 4,2% ответили, что не общаются с ними. 60,5% мигрантов общаются постоянно, 23,5% встречаются только в праздничные дни на семейных мероприятиях, а 7,2% общаются формально.

Основываясь на результатах исследования и принимая за основу подходы Ф. Барта [2: 17–18], отметим, что социальная сеть содействует в РФ созданию и сохранению этнических границ. В новой среде она становится одним из важных условий организации общественной жизни мигрантов, формирования поведенческих и культурных различий с другими этническими группами.

В отличие от традиционной диаспоры армян-старожилов, которые полностью интегрировались в российское общество, процессу адаптации новых мигрантов из постсоветской Армении свойственны некоторые особенности. Сформировавшаяся в России современная армянская диаспора имеет ограниченные контакты с традиционной, между ними существуют определенные социальные границы. Современная диаспора вплотную не связана и с новой территорией. Отметим, что 92,8% обосновавшихся на жительство в России мигрантов почти каждый день по видеосвязи общаются с находящимися в Армении родственниками, 65,4% хотя бы раз в два-три года посещают родственников в Армении, а 49,7% выезжали в Армению на семейно-родственные мероприятия (свадьба, похороны, дни рождения и пр.). Это означает, что они не полностью усваивают культуру принимающего общества, а формируют гибридную культуру, вбирающую культуру как своего, так и принимающего общества. Для них в большей мере характерно понятие «трансмигранты», так как, проживая в принимающем обществе, они привязаны к своей стране и малой родине. Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» [5: 133–134].

Картирование миграционных потоков из Армении в различные регионы РФ свидетельствует, что, благодаря социальным сетям, каждый марз (область) Армении и даже отдельное поселение марза имеют свои направления миграции. При этом стратегия миграционных групп в каждом из них также может различаться. Благодаря этническим сетям для каждого региона Армении на протяжении длительного времени сложились свои, ставшие традиционными российские регионы-доноры. Так, например, из Ширакского марза, где темпы эмиграции были велики, 36,7% выехали в Московскую и Ярославскую области Центрального федерального округа РФ, 18,9% – в Краснодарский край, Волгоградскую, Астраханскую и Ростовскую области Южного федерального округа РФ, 14,4% – в Ульяновскую, Самарскую и Саратовскую области Приволжского федерального округа РФ и т.д. Мигранты сформировали в указанных регионах свои новые армянские общины, в основном состоящие из родственников, друзей, односельчан, компактно проживаюших в сельских районах. Эти общины на территории РФ не однородны по своему составу и нередко формируются по принципу субэтнических групп (ширакцы, лорийцы, мартунийцы и др.). Внутри общины они формируют свои земляческие сети, влияющие на распределение экономических ресурсов и сферу бизнеса. Так, например, тавушцы, объединившись с родственниками, друзьями, соотечественниками, занимают свою нишу в армянских этнических сетях, сформировавшихся в Москве и Московской области [9: 10].

Подводя итоги, отметим, что создавшиеся в республике неблагоприятные политические, социально-экономические и этнопсихологические условия стали решающим фактором внешней миграции из Армении. Наличие в РФ широкой этнической сети армян в значительной степени является побудительным фактором для их перемещения в Россию. Сеть стимулирует людей на принятие решения о миграции и содействует увеличению числа новых миграционных потоков. Она сокращает расходы на переезд, уменьшает

риски и давление на новых мигрантов в местах въезда, способствует реализации миграционных ожиданий. Она содействует интеграции новых мигрантов в иной этнической среде и обеспечивает контроль за их поведенческими нормами. Благодаря ей новые мигранты формируют в иной этнической среде новую транскультурную территорию, сохраняя свои национальные культурные ценности и одновременно приобщаясь к культурным ценностям принимающего общества. Вследствие институционализации и расширения социальных сетей государство (Армения) почти не имеет возможности воздействия на внешние миграционные потоки, организуемые посредством сети, так как она находится за пределами контроля государства.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Об армянской диаспоре в России: Этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара. Ереван: Гитутюн, 2011. 151 с.
2. *Барт Ф.* Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сб. статей / ред. Ф. Барт; пер. с англ. И. Пильщиков. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–49.
3. *Дробижева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
4. *Еганян Г.* Миграционная ситуация и стратегии управления перемещениями населения в Республике Армения // Вестник Ереванского университета. Экономика. 2020. № 3 (33). С. 52–66. (На арм. яз.)
5. *Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / ред. Т. Бараулина, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.
6. Миграционный сборник Армении, 2021 / Статистический комитет Республики Армения. URL: https://armstat.am/am/?nid=82&id=2446 (На арм. яз.)
7. *Рзаева С.В.* Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: О понятии и устройстве // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 395. С. 60–66.
8. *Садовская Е.Ю.* Социология миграций и современные западные теории международной миграции // Социальная политика и социология. 2004. № 1. С. 83–88.
9. *Фирцов Е., Кривышина В.* К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской обл.) // Диаспоры. 2004. № 1. С. 6–45.
10. *Ambrosini M.* Why irregular migrants arrive and remain: the role of intermediaries // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. No. 43 (11). P. 1813–1830.
11. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1985. P. 241–258.
12. *Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
13. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. Vol. 1. 1983. P. 201–233.
14. *Messey D., et al.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
15. *Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
16. *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. 312 p.

Проблемы сохранения армянской идентичности среди армян Стамбула

С.А. Маркосян

На протяжении многих десятилетий язык, религия, культура и семья были важнейшими составляющими национального самосознания и основой сохранения армянской идентичности в диаспоре. Однако в последнее время ситуация меняется. На эту тенденцию воздействует ряд факторов, таких как уменьшение количества учеников, посещающих армянские школы, низкий уровень владения языком, рост смешанных браков, упадок культурного фона. Чтобы противостоять этим вызовам, возникает необходимость в новых подходах и применении эффективных механизмов и мер по сохранению идентичности с учетом специфики конкретного сообщества.

Идентичность, как коллективное проявление самосознания нации, играет ключевую роль в сохранении национального образа. Подчеркивая важность сохранения идентичности диаспоры, Шеффер считает, что это сложное, многоуровневое явление, которое порождает различные интерпретации. Сложность идентичности связана с социально-психологической природой последней, так как в ее основе лежит формирование этнического самосознания и самосознания диаспоры. Шеффер отмечает, что сохранение идентичности является приоритетом для дальнейшего развития диаспоры [7: 47]. В любой среде диаспора должна найти грани совместимости с окружением. В данном случае приоритетом должно быть сохранение идентичности в условиях интеграции и избежание опасности окончательной ассимиляции.

Анализ, представленный в статье, основан на результатах полевого исследования, проведенного научными сотрудниками Отдела исследований диаспоры ИАЭ НАН РА в Стамбуле в 2017 г., и изучения соответствующей научной литературы. Целью работы является выявление проблем сохранения армянской идентичности в армянской общине Стамбула, тесно связанных с особенностями национальной системы образования. В качестве исследовательской задачи предпринята попытка оценить перспективы сохранения и развития идентичности, динамику изменений в сфере образования, факторы, препятствующие владению и использованию армянского языка, и юридические официальные барьеры, воспринимаемые как дискриминационные.

Во время полевых исследований применялись следующие методы:

– экспертное интервью с представителями общественных структур с целью получения исчерпывающей информации о ситуации в общине;

– анализ документов, в том числе официальных, и других доступных источников, который позволил более детально изучить историю армян Стамбула и текущую ситуацию;

– наблюдения;

– историко-сравнительный анализ.

Исторический обзор

Защита национальных меньшинств в Турции, сохранение их идентичности и наследия закреплены в Лозаннском договоре (24 июля 1923 г.): Статьи 37–45 Раздела III относятся к защите немусульманских меньшинств и определяют их права и степень свободы [5: 110–111]. Обращаясь к правовой стороне термина «национальное меньшинство» в Турции, стоит упомянуть его определение специальным докладчиком Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Комиссии по правам человека ООН Ф. Капоторти: «Это “небольшая” недоминантная группа, члены которой являются гражданами данного государства, обладают этническими, религиозными или языковыми характеристиками, которые отличают их от общего населения, и выражают, хотя и косвенно, чувство солидарности, с целью сохранения своей культуры, своих традиций, своей религии или своего языка» [4:

38]. Однако, согласно положениям Лозаннского договора, армяне считались в Турции не этническим меньшинством, а религиозным, то есть немусульманским меньшинством. Примечательно, что Комитет по мониторингу прав меньшинств Турецкой ассоциации прав человека описывает ситуацию следующим образом: «Несмотря на формальное признание некоторых прав, таких как право на религиозную деятельность, защиту собственности, принадлежащей армянским фондам, и предоставление образования на их родном языке, община стала свидетелем ограничений этих прав, в той или иной степени параллельно с изменением политической атмосферы» [6: 23].

Обращаясь к положениям Лозаннского договора, следует отметить, что, согласно Статье 39, использование языков национальных меньшинств разрешено параллельно с турецким, который считается официальным языком: «Не вводить никаких ограничений и запретов, так чтобы любой турецкий гражданин мог использовать любой язык» [2: 77]. А право иметь армянские школы в Турции закреплено в Статьях 40–41. Статья 40 Договора предоставила религиозным меньшинствам Турции право создавать, управлять и контролировать свои собственные благотворительные, религиозные и социальные учреждения, школы, образовательные и другие учебные заведения, с правом свободно использовать свой родной язык и свободно исповедовать свою религию [5: 110]. Согласно Статье 41, в городах и регионах, где локализовано много немусульман, правительство обязалось предпринять необходимые шаги для облегчения преподавания на родном языке в начальных школах. Это положение, однако, не мешало преподаванию турецкого языка в этих школах. Эта же статья гарантировала финансовую поддержку государства немусульманским гражданам в их религиозной, образовательной или благотворительной деятельности [5: 110].

Статьи о меньшинствах включали как негативные, так и позитивные права и степени свободы, которые защищали их от любой дискриминации на основе языка или религии. Тем не менее, несмотря на эти положения, отношение турецкой политической элиты к немусульманским меньшинствам так или иначе было направлено на их тюркизацию.

Проблемы системы образования в армянских школах Стамбула

Чтобы лучше понять причины ослабления армянской общины в Стамбуле и потери компонентов идентичности, мы более подробно рассмотрим образовательные и языковые проблемы в армянской общине Стамбула.

Структура армянских школ в Стамбуле соответствует изменениям, происходящим в турецкой системе образования. Обучение в школах трехуровневое: детский сад – один-два года, начальная и средняя школа – восемь лет, лицей – три года [1: 11].

В настоящее время образовательные проблемы армянской общины Стамбула являются частью образовательных проблем всех национальных меньшинств Турции, в этой связи обращают на себя внимание некоторые факты в Отчете по борьбе с дискриминацией в Турции и поддержки прав меньшинств, подготовленном при поддержке Европейского Союза в 2009 г. [3: 40]. Из данных Отчета очевидно сокращение числа учеников и школ национальных меньшинств, которое в большей степени связано с проводимой государством политикой, с ограничениями и, следовательно, тенденциями к ассимиляции. Это подтверждает, что отношение к национальным меньшинствам, в частности, к армянам, особо рассматривается в контексте внешней политики Турции.

Сделав краткую историческую ссылку на статистику, отметим, что в 1930–1931 гг. в Турции было 117 школ для национальных меньшинств, а к 1995–1996 гг. их число сократилось до 34. В первый год основания Турецкой Республики, в 1923 г., в Стамбуле было 47 армянских школ, в 1972/73 учеб. г. их количество уменьшилось до 32 (7366 учеников), в 1999/2000 учеб. г. – до 18 (3786 учеников), а в 2009/10 учеб. г. – до 16 (3029 учеников) [3: 41].

Следует отметить тот факт, что сокращение количества армянских школ в Турции связано и с уменьшением количества учеников, чему есть несколько причин. В результате

государственной политики появилось много проблем и барьеров. Так, 3 марта 1924 г. в Турции был принят закон об «идентификации образования», который требовал от всех учебных заведений страны вести образовательную деятельность в рамках секуляризма (лаицизма). Этот закон вызвал серьезные трудности для «полсоармян» (так называют армян Стамбула) и армянских учебных заведений, так как там преимущественно преподавало армянское духовенство. Согласно требованиям нового закона, они были лишены этого права. Кроме того, учителя армянских школ были вынуждены сдавать квалификационные экзамены в назначенных государственных комиссиях, иметь соответствующие сертификаты и только после этого получать право преподавания в армянских школах [3: 42].

Уменьшение количества учащихся также является серьезной проблемой: если несколько лет назад большинство родителей-армян отправляли своих детей в армянские школы, где они учились на армянском языке, то теперь реальность иная. Многие предпочитают отдавать детей в английские, немецкие и турецкие школы, мотивируя это тем, что качество образования там высокое и значительно облегчает в дальнейшем вопрос поступления в вузы. Кроме того, знание турецкого языка является ключевым элементом интеграции в общество. «Люди мотивируют это тем, что уровень образования в наших школах низкий, поэтому они и отправляют своих детей в другие школы. Однако ситуация на самом деле не такова... Просто, если их ребенок будет получать образование на армянском языке, у него потом возникнут трудности с поступлением в университет…»[3]. Это обстоятельство способствует тому, что молодые люди принудительно отрываются от своих армянских корней, языка и становятся тюркоязычными.

Уменьшение количества учащихся также тесно связано и с эмиграцией стамбульских армян («полсоармян»). Представители общины отмечают, что в связи с неблагоприятной обстановкой в стране, уже с 1860-х годов армяне начали эмигрировать, некоторые под предлогом поиска работы, некоторые в надежде найти убежище: «Эта тенденция существует, и каждые 10 лет из-за частых военных переворотов в Турции, армяне, опасаясь, выбирают путь эмиграции»[4].

Обобщая вышеизложенное, можно зафиксировать следующее: чем сильнее в стране укрепляется тоталитарный режим, тем заметнее увеличивается объем эмиграции. Плодотворной почвой также является деятельность различных движений против национальных меньшинств и ухудшающаяся морально-психологическая атмосфера.

Следующей проблемой армянских школ является нехватка и невысокое качество учебников на армянском языке. В Турции запрещается обучение по учебникам, изданным за рубежом. Учебники, пересылаемые Аппаратом по делам диаспоры при Правительстве РА, носят рекомендательный характер.

Хотя армянские школы в Стамбуле финансируются общиной (что приводит к тому, что порой финансовые проблемы в общине негативно сказываются на деятельности учебных заведений), печально, что обучение повсеместно проводится по программам Министерства образования Турции. В результате, армянские школы в Турции сегодня ничем не отличаются от турецких как по учебной программе, так и по методике преподавания.

Еще одна важная проблема – уровень подготовки школьных учителей. Распространение турецкого языка, возрастающее день ото дня, тоже влияет на школы, армянский язык в них постепенно начинает отступать: количество еженедельных часов обучения армянскому языку неуклонно сокращается с 1972 г. К этому добавляется тот факт, что в общине существует значительная нехватка учителей. Многие армяне отказываются от профессии

[3] Респондент №1. Экспертный опрос. 2017, Стамбул. Архив ОИД ИАЭ НАН РА [8].
[4] Респондент №3. Там же.

учителя, поскольку: а) подготовленные учителя обязаны жить среди турок и вдали от армянской общины; б) кандидаты в преподаватели должны получить официальное разрешение перед назначением в то или иное образовательное учреждение. И эта процедура может длиться около года [6: 27].

К нежелательным последствиям приводит и то, что заместителями директоров армянских школ являются этнические турки. Кроме всего прочего, они следят за всей школьной корреспонденцией и имеют право приостановить образовательную деятельность в любое время, когда посчитают нужным. Для назначения директора-армянина турецкий школьный совет должен «проверить» его до того, как он вступит в должность. Эта ратификация часто откладывается, а иногда и вовсе отклоняется [6: 26]. Таким образом, условия назначения в армянских школах директоров, заместителей директоров и учителей не подлежат изменению [1: 12].

Положение армянского языка также является одной из актуальных проблем армянской общины Стамбула. Армянская речь здесь слышится все реже. Это связано с разными обстоятельствами, однако основная роль принадлежит проводимой государством политике. Повсеместное вынужденное использование турецкого языка в общественных местах, иногда и дома, также способствует упадку армянской речи. «Язык является фундаментом и одним из важнейших элементов идентичности армян, однако сегодня только 10% армянских семей могут спокойно общаться на армянском»[5]. А в некоторых церквях общины проповедь принудительно должна читаться на турецком языке, чтобы быть понятной и для тюркоязычного населения.

Не менее важна и следующая проблема: если ребенок изначально поступает в турецкую школу, в дальнейшем он не может быть переведен в армянскую школу. Дети, рожденные от браков, где родители являются представителями двух этносов, сталкиваются с особыми проблемами, поскольку инспекторы Министерства образования Турции учитывают только турецкое происхождение ребенка, в соответствии с мусульманскими правовыми традициями. Если умирает родитель-армянин, ребенок больше не может считаться наполовину армянином и не имеет права вообще посещать какие-либо армянские образовательные и культурные учреждения [6: 26].

Анализируя и резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что армянские школы, находящиеся под жесткими юридическими и административными ограничениями в Турции, в течение многих лет, тем не менее, являются важнейшими институтами сохранения армянской идентичности.

Заключение

В настоящее время армянская община Стамбула сталкивается с рядом серьезных вызовов и проблем, которые ставят под угрозу существование общины и сохранение армянской идентичности. Особенно тревожен вопрос о статусе армянских школ, уменьшении количества учеников, посещающих школы, проблема владения языком, уменьшение культурного фона и увеличение объема эмиграции.

Должна быть оценена и укреплена роль национальных структур в вопросах усиления и сохранения армянской идентичности и развития общественной жизни, хотя община и сталкивается с многочисленными юридическими барьерами, устанавливаемыми государством.

Полученные результаты исследований указывают на важность выявления проблем сохранения армянской идентичности армян Турции при сопоставлении социально-экономической и культурной жизни общины с текущими реалиями.

---

[5] Респондент №7. Экспертный опрос. 2017, Стамбул. Архив ОИД ИАЭ НАН РА [8].

Литература

1. Գույումճեան Ս., Ակնարկ մը՝ ստանպուլահայ վարժարաններու իրականութեան, Ստանպուլ, հ.1., 2010:
2. Թուրքիայի Հանրապետության պատմություն: Բուհական դասագիրք /Հեղ. խումբ՝ Ռ. Սաֆրաստյան, Ռ. Մելքոնյան, Ա. Դումանյան և ուրիշ./: ԵՊՀ հրատ., ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, 2014:
3. Մելքոնյան Ռ., Ակնարկ Ստամբուլի հայ համայնքի պատմության (1920-ականներից մինչև մեր օրերը), Երևան, 2010:
4. Քոչարյան Վ. Ազգային փոքրամասնությունների միջազգային-իրավական պաշտպանության որոշ խնդիրներ, Բանբեր Երևանի համալսարանի, Երևան, 1995, թիվ 1(85), էջ 38:
5. *Bayar Y*. In Pursuit of Homogeneity: the Lausanne Conference, Minorities and the Turkish Nation // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 1. P. 108–125.
6. *Hofmann T*. Armenians in Turkey Today: A Critical Assessment of the Situation of the Armenian Minority in the Turkish Republic. Brussels: Forum of Armenian Associations of Europe, 2002. 46 p.
7. *Sheffer G*. The Diaspora Phenomenon in the 21st Century: Ideational, Organizational and Behavioral Challenges, Opportunity Structures in Diaspora Relations: Comparisons in Contemporary Multi-level Politics of Diaspora and Transnational Identity. Reno (NV): Center for Basque Studies, University of Nevada, 2007.
8. Փորձագիտական հարցազրույց, ՀԱԻ Սփյուռքի հետազոտությունների բաժնի ԴԱՆ, Ստամբուլ, 2017թ.:

Языковое поведение армян в диаспоре (по материалам этносоциологического исследования армянских общин Тегерана и Бейрута)

К.Г. Налбандян

Находясь в иноэтническом окружении, представители диаспор стоят перед выбором – сохранить этническую культуру родины, либо отождествить себя с культурой страны проживания. В современных реалиях на личностный выбор, помимо различных субъективных факторов, оказывают влияние и глобализационные процессы, получившие в последнее время широкое распространение. Однако, несмотря на тенденции мирового развития и на адаптативную необходимость сокращения культурной дистанции в принимающем обществе, в диаспорах в той или иной степени наблюдается стремление к сохранению и упрочению своей культурной основы. По словам Г. Шеффера, «хотя на протяжении истории и были случаи, когда диаспоры создавались и существовали, четко не выработав и не проявив свою национальную идентичность, в то же время этот элемент должен присутствовать для того, чтобы подобные общности смогли развиваться и процветать» [5: 49].

Ядром национальной идентичности является культура, представляющая мощный духовный ресурс нации. Успешность действий по сохранению своей культуры в диаспоре зависит в основном от способности ее общин к самоорганизации, обеспечивающей сохранение этнической идентификации, под которой «понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует» [1: 45]. Наиболее распространенной функцией диаспоры является активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры своего народа, в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании культурных связей со своей исторической Родиной. В связи с этим особое место занимает вопрос сохранения родного языка [4: 38].

Перечисленные особенности характерны для описания культурной жизни армянского зарубежья. На протяжении всей истории армянской диаспоры наряду с общей исторической памятью краеугольным камнем и консолидируюшим фактором для армян являлись армянский язык и национальная культура. Однако, как говорилось выше, мировые глобализационные тенденции оказывают свое воздействие и чреваты этнической трансформацией. В этом контексте родной язык первым подвержен аккультурационным процессам. Неслучайно, что в последние десятилетия лингвисты отмечают усугубившееся явление языковой регрессии (language attrition) – постепенной утраты родного языка на фоне смены языковой среды.

Для эмигранта, перенимающего в целях интеграции нормы поведения и культуру принимающего общества, родной этнический язык теряет свою актуальность и значимость и постепенно может быть вытеснен из употребления. Хотя сохранение родного языка не всегда является определяющим признаком диаспоры, тем не менее его постепенная утрата свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов [4: 39). Поэтому исследование особенностей языкового поведения и его связи с различными личностными факторами представляется важным при изучении динамики развития диаспоры.

Исходя из вышесказанного, представляется актуальным исследование современного языкового поведения членов двух общин армянской диаспоры – тегеранской и бейрутской – на основе материала экспедиций 2013–2015 гг., проведенных сотрудниками Отдела исследований диаспоры Института археологии и этнографии АН РА. Выбор данных об-

щин определился несколькими, объедняющими их факторами: исключительной важностью этих общин для армян со времен их создания, их большой численностью, одинаковым компактным типом расселения, общим для них фактором пребывания в иноконфессиональных странах – Иране и Ливане, а также – лояльным отношением к ним властей в странах пребывания.

Говоря об исключительной важности исследуемых общин для армян, представляется уместным дать краткую историческую справку об этих общинах.

Современная ливано-армянская община была сформирована в основном после гамидской резни, во время Геноцида армян и в последующие годы, с 1915 по 1939, когда тысячи беженцев искали убежище в районах Бейрута Бурдж-Хамуд и Хачн и таких населенных пунктах Ливана, как Джюнье, Захле, Джибейле, Триполи и др. В тот же период (около ливано-сирийской границы) армяне основали армянский город Айнчар (Муса-Даг) в долине Бекаа, который до сих пор населен армянами.

Армянская община Ливана традиционно занимает ведущее место среди армянских общин региона. Поселившись в Ливане, наши соотечественники, пережившие Геноцид, благодаря своему усердию и настойчивости за очень короткое время создали цветущую армянскую общину с развитой инфраструктурой, вырастив и воспитав новые поколения армяноязычных патриотов. Благодаря братскому отношению ливанского народа и лояльности местных властей армяне общины не только смогли сохранить свою богатую национальную культуру и ценности, но и, будучи полноправными гражданами страны, внесли значительный вклад в развитие и процветание Ливана в политической, социально-экономической и культурной сферах. До сих пор Ливан является единственной страной на Ближнем Востоке, законодательная власть которой приняла две резолюции, осуждающие Геноцид армян. В настоящее время в Ливане проживает около 100–120 тыс. армян [2].

Армянские колонии появились в Иране с начала XI в. Беспрецедентной по численности и последствиям была массовая депортация, организованная шахом Аббасом I (1587–1629 гг.), в результате чего в столице страны Исфахане и прилегающих провинциях было расселено около 150–200 тыс. человек. В настоящее время в Иране проживает 60–80 тыс. армян. Армянская община Ирана является крупнейшей из национальных меньшинств страны. Армяне в Иране в основном проживают в городах Тегеран, Исфахан и прилегающих районах. В настоящее время в Иране насчитывается около 30 армянских школ (мужских, женских, общих, начальных, средних) и детских садов. С 1995 г. кафедры арменоведения действуют на факультетах литературы университетов Тегерана и Исфахана [3].

Останавливаясь на компактном типе расселения исследуемых общин, отметим, что оно является одним из основных факторов успешного функционирования родного языка. Логично предположить, что компактно расселенные общины имеют больше возможностей сохранения своего этноязыкового своеобразия, нежели дисперсно расселенные этнические группы, более подверженные растворению в социальной среде стран пребывания.

Основной целью исследования стало осмысление сложившегося современного языкового поведения в двух указанных общинах армянской диаспоры. С учетом того, что понятие «диаспора» неразделимо с этнокультурной спецификой, основой которой является родной язык, представилась интересной исследовательская задача определить коммуникационный потенциал армянского языка, в зависимости от личностных факторов членов обеих общин, провести параллели или выявить различия.

В исследовании как наиболее эффективные использовались следующие методы: анкетирование, статистический и качественный анализы корреляционных зависимостей язы-

кового поведения от различных факторов. Предполагается, что комплексное использование указанных методик позволит пролить свет на некоторые особенности языкового поведения представителей общин Тегерана и Бейрута и поможет составить представление о степени использования родного языка в обиходе и сделать соответствующие выводы о сохранности этноязыковых традиций.

На базе имеющегося материала представилась возможность определить языковой приоритет в домашнем общении в зависимости от пола. Согласно данным по тегеранской общине, родной язык является разговорным почти в равном соотношении у обоих полов (97,1% мужчин и 97,6% женщин), доля употребляющих персидский язык незначительна – на нем говорит всего 8% опрошенных.

В бейрутской общине процент мужчин, разговаривающих на родном языке дома, составил 92,6%, а женщин – 96,7%, арабский язык употребляет 3,7% мужчин, а все опрошенные женщины предпочитают говорить дома на родном языке. Обобщая, отметим, что практически в обеих общинах в домашнем обиходе отсутствует двуязычие. Этот факт свидетельствует об этнической самоидентификации, которая является основополагающей в развитии общин диаспоры.

Имеющиеся данные по респондентам, рожденным с 1937 по 1970 г., в обеих общинах не выявили закономерностей в употреблении родного языка в зависимости от возраста. Респонденты всех возрастных категорий в подавляющем большинстве предпочитают использовать в обиходе родной язык, что подтверждает преемственность культурных традиций и их успешную передачу из поколения в поколение.

В ходе исследования представилось возможным определить языковые предпочтения в зависимости от образования респондентов. При анализе влияния образования на употребление родного языка были получены следующие результаты: если в тегеранской общине не наблюдается взаимосвязи образования с языком, используемым в домашнем обиходе, – на нем в основном говорят опрошенные с любым уровнем образования (97,4%), в бейрутской общине всего 83,3% респондентов с начальным образованием употребляют в обиходе родной язык. Процент респондентов со средним образованием, использующих в обиходе армянский язык, составил 92,6%, а употребляющих английский – 7,4%. 94,8% респондентов с высшим образованием предпочитают армянскую речь в обиходе. Процент говорящих на родном языке и на арабском совпал (по 50%) при обследовании членов общины, получивших послевузовское образование. Сравнивая показатели двух общин, отметим, что хотя в обеих общинах в целом, вне зависимости от образования, сохраняются этноязыковые традиции, в тегеранской общине процент употребляющих родной язык выше, чем в бейрутской, причем в последней наблюдается относительная тенденция потери родного языка у респондентов, имеющих высокий уровень образования.

В ходе исследования была также поставлена задача проследить, есть ли взаимосвязь между посещаемостью детьми респондентов определенных типов школ и употреблением ими дома родного языка (табл. 1, 2). Обращаясь к данным табл. 1 и 2, заметим, что в тегеранской общине, вне зависимости от типа посещаемой детьми школы, в домашнем обиходе наблюдается почти 100-процентное употребление армянской речи, а в случае бейрутской общины – дети, посещающие государственную ливанскую школу, предпочитают разговаривать дома в равной степени на армянском (50%) и на арабском (50%) языках. Всего 10% из учащихся частных ливанских школ предпочитают в качестве разговорного языка английский. Полученные в бейрутской общине результаты свидетельствуют о важной роли армянских национальных школ в деле сохранения родного языка.

Таблица 1

Взаимосвязь типа школы и разговорного домашнего языка (Тегеран)

Тип школы	Разговорный домашний язык			
	Другой язык	Армянский	Персидский	Всего
Армянская частная	0%	98,7%	1,3%	100,0%
Иранская частная	0%	100,0%	0%	100,0%
Государственная	0%	100,0%	0%	100,0%
Государственная армянская	0%	100,0%	0%	100,0%

Таблица 2

Взаимосвязь типа школы и разговорного домашнего языка (Бейрут)

Тип школы	Разговорный домашний язык				
	Другой язык	Армянский	Арабский	Английский	Всего
Армянская частная	1,4%	98,6%	0%	0%	100,0%
Частная ливанская	0%	90,0%	0%	10%	100,0%
Государственная	0%	50,0%	50,0%	0%	100,0%

Предполагая, что частота посещений родины может по прибытии обратно в страну проживания оказать влияние на язык общения в семьях, авторы исследования обратили внимание на респондентов, посещавших родину в определенных временных отрезках и не посещавших вообще (табл. 3, 4). Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют, что в тегеранской общине среди не посещавших родину 8,3% респондентов предпочитают разговаривать дома на персидском, среди посещавших Армению раз в два-три года 2,6% предпочитают говорить на другом языке, в то время как регулярно посещающие разговаривают в быту исключительно на армянском языке. Безусловно, относительная численность респондентов, редко посещавших Армению и употребляющих язык страны пребывания, малы, но и они говорят о положительном воздействии посещений родины на употребление по прибытии домой родной речи.

Таблица 3

Взаимосвязь частоты посещения Армении и разговорного домашнего языка (Тегеран)

Частота посещений Армении	Разговорный домашний язык			
	Другой язык	Армянский	Персидский	Всего
2–3 раза в год	0%	100,0%	0%	100,0%
Ежегодно	0%	100,0%	0%	100,0%
1 раз в 2–3 года	2,6%	97,4%	0%	100,0%
Не посещал/а	0%	91,7%	8,3%	100,0%

Таблица 4

Взаимосвязь частоты посещения Армении и разговорного домашнего языка (Бейрут)

Частота посещений Армении	Разговорный домашний язык				
	Другой язык	Армянский	Арабский	Английский	Всего
2–3 раза в год	0%	85,7%	14,3%	0%	100,0%
Ежегодно	8,3%	91,7%	0%	0%	100,0%
1 раз в 2–3 года	3,7%	94,4%	1,9%	0%	100,0%
Не посещал/а	0%	98,5%	1,5%	0%	100,0%

По бейрутской общине выявились следующие результаты: 14,3% посещающих Армению два-три раза в год говорят дома на арабском, 94,4% из числа посещающих Армению раз в два-три года предпочитают родную речь. В целом по двум общинам отмечается бóльшая популярность родного языка.

Вышесказанное косвенно подтверждает и выводы о взаимосвязи употребления родного языка и времени проживания в стране. По данным тегеранской общины выявилось, что переехавшие позже склонны использовать в обиходе родной язык (100%), процент родившихся в Иране и использовавших родной язык был немного меньше и составил 96,9%.

Из родившихся в Ливане на армянском говорят 92,8%, на арабском – 8% и 0,8% – на других языках; из числа переехавших в Бейрут все опрошенные респонденты (100%) предпочитают общаться дома на родном языке. Полученные данные можно трактовать как свидетельство положительного влияния регулярных посещений родины на сохранение языка.

Учитывая, что посещение церкви, слушание проповедей на родном языке, общение во время участия в церковных церемониях и праздниках способствуют сохранению родного языка, представляется интересным проследить, есть ли разница в использовании армянского языка в зависимости от принадлежности респондентов к Армянской апостольской или Католической церквям, как наиболее популярным в среде тегеранской и бейрутской общин.

Таблица 5

Взаимосвязь принадлежности к церкви с разговорным языком (Тегеран и Бейрут)

Принадлежность к церкви (Бейрут)	Разговорный язык				
	Другой язык	Армянский	Арабский	Английский	Всего
Армянская Апостольская	0%	99,0%	0%	1,0%	100,0%
Католическая	0%	99,0%	0%	1,0%	100,0%
Принадлежность к церкви (Тегеран)	Другой язык	Армянский	Персидский	Английский	Всего
Армянская Апостольская	0%	91,9%	8,1%	0%	100,0%
Католическая	0%	90,0%	10,0%	0%	100,0%

Исследование показало, что приверженность к разным христианским конфессиям не является определяющим фактором в выборе разговорной речи – 99,0% причисляющих себя к католической церкви в бейрутской общине разговаривают дома на армянском языке; причисляющие себя к Армянской Апостольской церкви все говорят на родном языке (100%).

По данным тегеранской общины, 91,1% причисляющих себя к Армянской Апостольской церкви предпочитают в качестве домашнего языка армянский язык. Сказанное лишний раз подтверждает благополучие в этносохранном плане исследуемых общин в контексте сохранения своего языка вне зависимости от факторов, которые могут быть актуальными для других общин диаспоры.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что процессу ассимиляции в армянской диаспоре может противодействовать способность сохранения национального облика, проявляющегося как в соблюдении традиций, общей исторической памяти и т.д., так и в сохранении родного языка как основного транслятора этнической культуры. Сегодня приоритетным в ряду стоящих перед армянами диаспоры вызовов остается императив сохранения армянской идентичности, поэтому исследования основных ретрансляционных механизмов важны и своевременны.

В заключение отметим, что результаты исследования языкового поведения в зависимости от различных субъективных факторов, таких как пол, возраст, образование, частота посещений родины и т.д., в двух общинах армянской диаспоры не выявили характерные для нынешнего времени глобализационные тенденции, проявляющиеся в регрессии родного языка. Согласно исследованию, сегодня, как и на всем протяжении существования общин, динамично используемый родной язык в тегеранской и бейрутской общинах служит основным ретранслятором национальной культуры, обеспечивая преемственность духовных ценностей армян, и способствует сохранению этнического самосознания. Хотя исследованные в работе взаимосвязи наглядно указали на устойчивость языковой традиции, уместно отметить, что выбранные нами индикаторы лишь частично пролили свет на языковое поведение в данных армянских общинах. Имеется много других параметров, приемлемых как для исследования отдельных общин, так и диаспоры в целом. Поэтому, мы склоняемся к мысли, что дальнейшие исследования в этом направлении помогут выявить полную картину сохранности языка в армянской диаспоре и спрогнозировать тенденции ее этносоциального развития.

Литература

1. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Общины армянской диаспоры. Ливан. Официальный сайт Главного уполномоченного по делам диаспоры при Правительстве РА. URL: http://diaspora.gov.am /ru/pages/ 2/ lebanon
3. Общины армянской диаспоры. Иран. Официальный сайт Главного уполномоченного по делам диаспоры при Правительстве РА. URL: http://diaspora.gov.am/ru/pages/44/iran
4. *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.
5. *Sheffer G.* Diaspora Politics at Home Abroad. Cambridge University Press, 2003.

Особенности изучения этнорелигиозной идентичности (обзор теоретических, идеологических и эмпирических подходов)

Н.Р. Хачатурян

Понятие «идентичность» сегодня широко используется в этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии, социологии, востоковедении, религиоведении и во многих междисциплинарных исследованиях. В самом обобщенном понимании оно означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо человеческой общности, позволяющее ему определить свое место в реальном социокультурном пространстве. А необходимость в идентичности вызвана потребностью человека в упорядоченности своей жизнедеятельности в определенном сообществе людей [11].

В условиях современных глобализационных процессов и интенсивных межэтнических контактов, которые предполагают, что те или иные особенности и уникальные социальные и культурные явления могут быть унифицированы либо утеряны, обнаруживается, что среди разнообразных групп наиболее стабильными и устойчивыми являются именно этнические и религиозные группы. Несмотря на тенденции к стандартизации, уникальное этническое (национальное) и религиозное самосознание никуда не исчезает [1: 337; 11; 5: 116]. Более того, за последнее время тезисы о неизбежности секуляризации и упадке религии меняют свои векторы: все чаще применительно к миру, обществу, эпохе используется термин «постсекулярный», что отражает возвращение религии в пространство современного общества [7: 9].

По мере урбанизации современного общества и появляющегося вследствие этого отчуждения личности [16: 408, 414, 423] формируется общий фон нестабильности окружающего мира, в результате чего усиливается стремление к поиску и обретению комфортной социальной и культурной микросреды. Последняя обычно маркируется социальными, демографическими, культурными и другими признаками, объединяющими личность с «себе подобными». В среде «себе подобных» наиболее устойчивыми могут быть объединения на основе ощущения кровной близости, общего происхождения, общей памяти, представлений, ценностей и функций [12: 390–392]. Очевидно, что этим требованиям отвечают и объединения на основе этнических и религиозных чувств, как в отдельности, так и во взаимосвязанных конструкциях.

В результате современные тенденции модернизации и унификации не только не устраняют этнические узы и идентичность [5: 116], но и в определенной степени стимулируют возникновение сильных этноцентристских сил в совокупности со стремительно развивающимся транснациональным и трансобщинным опытом [1: 352]. А при неразрывной взаимосвязи этнического и религиозного компонентов, данную взаимозависимость можно зафиксировать и в религиозном пространстве.

Основные понятия и подходы

Статья посвящена анализу специфики взаимодействия этнической и религиозной идентичностей, в результате которого формируется определенная этнорелигиозная идентичность. Соотношение религиозной и этнической идентичностей играет ключевую роль в понимании мировоззрения и мироощущения определенного этноса.

В соответствии с современными формулировками этническую идентичность можно охарактеризовать как часть общей социальной идентичности личности, которая относится к осмыслению, принятию и отнесению своей принадлежности к определенной этнической группе [13]. В том же контексте религиозной идентичностью можно считать форму группового и индивидуального самосознания, построенную на осмыслении принадлежности к

определенной конфессии, формирующей представления посредством соответствующих религиозных воззрений. Благодаря свойственной религии функции социальной регуляции, она в одном случае заменяет, в другом – наслаивается на ощущение этнической идентичности, с разной степенью интенсивности способствуя ее закреплению у многих поколений [6: 263–266]. С этой точки зрения этнорелигиозную идентичность можно рассматривать как одну из форм этнической идентичности [14: 137], пропитанную определенным религиозным мировоззрением и определенной духовностью.

Каждое этническое сообщество в конкретный промежуток времени создает ценностную систему, иерархию и тип собственной духовной жизни. В каком виде оно в итоге будет представлено, зависит от множества факторов воздействия (политического/геополитического, культурного, демографического, географического/климатического, этнорелигиозного окружения и т.д.). Таким образом, исследования по изучению этнорелигиозной идентичности должны быть направлены на выявление базирующихся на религиозном факторе механизмов самосохранения этнических сообществ как в определенные исторические периоды, так и на протяжении всей истории данного этноса.

Анализ некоторых теоретических подходов

Сегодня в рамках социологической, философской и религиоведческой теорий можно наблюдать определенные векторы по отношению к феномену этнорелигиозного. С точки зрения как теоретического, так и эмпирического изучения, исследуемое явление нужно рассматривать не только в рамках сущего, т.е. как и в каком виде оно присутствует и проявляется в обществе, но и в модусе должного – какова должна быть его динамика, исходя из определенных взаимосвязей, взаимозависимостей и т.д. [3: 18].

Так как каждая культурная система (часть которой и составляет этнорелигиозная идентичность) складывается из многих отличительных и уникальных именно для данной системы черт, очевидно, что содержание любой из этих систем и соотношения внутри них достаточно разнообразны [10].

В целом, как в этнокультурной жизни общества и этноса [8: 174–176], так и в укреплении социальной и этнической солидарности [4: 63], религиозному фактору всегда отводилась особая роль. При этом отмечалось, что степень религиозного неразрывно связана со степенью этнокультурной гомогенности [2: 173]. Уже с середины XX в. вводится в оборот термин «этническая религия» [2: 278], на которой и базируются исследования по этнорелигиозной идентичности.

Для анализа данного явления необходимо располагать «достаточным количеством его проявлений» [18: 10–11]. Здесь можно применить концепцию категоризации Дюркгейма, согласно которой такие явления, как *инициация, религиозные верования, обряды, Церковь* и др. считаются неотъемлемой частью религиозного [8: 216–226] и соответственно могут являться «фактами» проявления этнорелигиозного. Особую ценность имеют «факты», проявляющиеся «в чистом виде» и теснее связанные со своим «источником» [18: 10]. Выявленные факты, несомненно, проникают в религиозное и соответственно этнорелигиозное сознание и поведение носителей данной религии и этничности, а их проявления присутствуют в жизнедеятельности представителей изучаемой общности.

С теоретической и идеологической точек зрения для полноценного раскрытия религиозного фактора его следует воспринимать в его подлинном существе и подходить к вопросу «с религиозным же мерилом». В противном случае из поля зрения исследователя ускользает именно то, что и составляет уникальное и ни к чему не сводимое свойство религиозного — его священный характер [18: 7]. При попытке же полного раскрытия феномена этнического следовало бы отталкиваться от общей культуры, так как культура и жиз-

недеятельность этносов находятся в прямой зависимости. Однако по большей части культура – есть продукт функционирования религии. И общество (или этнос), потерявшее религию, рано или поздно теряет и культуру [7: 3–7].

Итак, исследования этнорелигиозной идентичности значимы с точки зрения понимания (этно)культурных (и/или этнорелигиозных) механизмов самосохранения данного этноса, его современного состояния, перспектив развития в условиях своего либо иноэтнического и/или инорелигиозного (иноконфессионального) окружения.

Методологические подходы в исследовании

Цель статьи также заключается в развитии теоретической основы для изучения этнорелигиозной идентичности. Эта категория постоянно становится предметом многих междисциплинарных исследований, но глубинные основы этого весьма сложного явления, тем не менее, остаются не до конца изученными.

При исследовании динамики развития этнорелигиозной идентичности представителей определенного этнического сообщества предполагается не только изучение ее современного состояния, воздействующих факторов и явлений, перспектив развития, но и историко-сравнительный анализ. Сочетание современных и исторических пластов изучаемого явления дает возможность выявлять определенные закономерности, анализ которых может быть использован при выработке научных концепций и положений, формулировании теоретических и эмпирических подходов.

Долгосрочной стратегией подобного рода исследований может стать выявление механизмов воспроизводства духовных ценностей, «этнодуховной» жизни, типичной для данной этничности в контексте ее поддержания и усиления. В дальнейшем исследования могут помочь сформировать понятие о действующих этнокультурных процессах среди представителей данного этноса, уровнях их взаимосвязи, взаимозависимости и перспективах развития как в своей, так и в иноэтничной среде.

На основе материалов сравнительных этносоциологических исследований можно фиксировать особенности религиозного сознания и поведения, присущие именно данной этничности. При эмпирических исследованиях этих процессов приоритетными задачами могут стать:

– определение уровня воздействия религиозного фактора на состояние этничности, этнической консолидации и ее развития;

– поиск факторов, воздействующих или провоцирующих изменения этнорелигиозной идентичности;

– раскрытие механизмов осмысления собственной этнорелигиозной идентичности;

– выявление роли национальной церкви в становлении и развитии данной этничности;

– обнаружение воспроизводимых, «оживающих» и «угасающих» духовно-культурных ценностей, лежащих в основе данной этнорелигиозной идентичности;

– установление степени восприятия социальной реальности сквозь призму этнических и религиозных категорий, присущих данному этносу;

– определение проблем мультиидентичности и др.

Для получения более всеобъемлющей информации при исследованиях важны показатели сегментированности этнорелигиозных сообществ по следующим критериям: характеру расселения (компактность-дисперсность), уровню самоорганизации (политической, социальной, культурной, экономической и т.д.), этносоциальному окружению, демографическому состоянию (половозрастной и семейной структуре, миграционной динамике и т.п.), происхождению, конфессии и т.д. [9: 14–15]. Подобные исследования призваны рас-

крыть проблемы эмпирического изучения соотношения религиозного и этнического самосознания для выявления базирующихся на религиозном факторе механизмов самосохранения этнических сообществ.

Результаты и выводы

1. При сопоставлении и анализе приведенных выше подходов в изучении феномена этнорелигиозной идентичности на первый план выходит особая роль сравнительно-исторического анализа. Это обусловлено сложностью как этнического, так и религиозного содержания исследуемого явления, связанного с воздействием текущего временного интервала, что требует его рассмотрения в разрезе длительной исторической перспективы. Иначе говоря, исследования различных проявлений этнорелигиозной идентичности следует проводить через призму исторической динамики, от прошлого к сегодняшнему дню и, возможно, к прогнозированию ее будущих трансформаций.

2. Нередко, в силу особых исторических обстоятельств, между этнической и религиозной составляющей идентичности происходит глубокое взаимопроникновение, вплоть до того, что на некотором уровне они становятся просто неразделимы. В этом случае именно религия ассоциируется с этнической культурой, национальным культурным наследием, с патриотизмом и национализмом. В итоге национальная церковь и национальная религия становятся носителем исторического и культурного наследия данного этноса [1: 346].

3. Как показывает опыт, в условиях потери государственности и при опасности ассимиляции этничность способна возводить культурный барьер в сознании ее представителей, в котором локализуются религиозная традиция, язык, история, определенная территория и т.д. И как только этот барьер рушится, происходит ассимиляция [15: 15].

При создании подобного культурно-идеологического барьера, призванного защищать от разного типа ассимиляций, происходит дальнейшее формирование особого вида этнорелигиозной идентичности данного этноса как в своей, так и в иноэтничной/религиозной среде. При переходе же в иные конфессии и/или этнические группы может иметь место постепенное угасание базовых показателей этнорелигиозной идентичности представителей данного этноса [17: 151]. В итоге одной из основных целей исследований этнорелигиозной идентичности становится выявление именно базовых маркеров и показателей данного феномена, которые в дальнейшем могут учитываться и при решении вопросов этнорелигиозной (религиозной) реконверсии.

4. Следует также учитывать, что при наличии некоторых исторических, культурных и религиозных особенностей этнос способен формировать особый, присущий только ему тип этнорелигиозной идентичности, важную роль в которой играет высокий культурный фон. Однако, если в силу сложившихся исторических обстоятельств, подобный фон отсутствует или проявлен слабо, в рамках исследуемой общности формируется иной вид идентичности, где важную нишу занимает территория расселения и/или сравнительно недавно сформированное государственное образование. Этнические и религиозные компоненты данного вида групповой идентичности формируются после, в процессе становления своего рода государственной (территориальной) идентичности, государственного (территориального) национализма. В первую очередь возникает особая внутритерриториальная солидарность, далее формируется особая внутритерриториальная религиозность, затем обнаруживается характерная значимость этих факторов в социально-политических, социально-культурных и социально-экономических процессах, которые в результате направляются в общее русло социальной консолидации.

5. Применение эмпирических исследований по изучению этнорелигиозного сознания и поведения путем фиксации мнений и оценок среди носителей определенной этнорели-

гиозной идентичности, в свою очередь, позволяет устанавливать закономерности в динамике этнорелигиозных процессов. Полученные материалы конкретных исследований и их аналитические выкладки могут считаться опытом системного мониторинга за общественными процессами этнорелигиозного характера, которые, будучи сложнокомпонентными, требуют пристального и глубокого подхода, так как динамика этих процессов соприкасается с религией – важнейшей для жизнедеятельности и воспроизводства этноса сферой.

6. При анализе особенностей этнорелигиозной идентичности этноса важно ее восприятие как неотъемлемой части духовного и культурного слоев общества, определяющих сферу понятий и ценностей, относящихся к фундаментальным аспектам человеческого бытия и существования этноса. Эти пласты традиционно формируются в обществе в качестве самостоятельного социального института, находящегося в тесной связи с другими инфраструктурами.

В результате эмпирических исследований, мы сталкиваемся с понятиями религиозности и духовности, которые выражаются в принятии определенных религиозных представлений, самоидентификации и выборе модели поведения на индивидуальном и групповом уровнях. Исходя из этого можно выдвинуть гипотезу о наличии нескольких видов религиозности, в зависимости от факторов, воздействующих на нее, от ситуации ее проявлений, от окружения, сложившихся исторических реалий и, что важно, от того, как она воспринимается обществом и индивидом, и к какой системе ее относят. Конечно, для выяснения всей сложной палитры этого чувства требуется применение дополнительных методик и дальнейших исследований.

Таким образом, исследования, направленные на выявление особенностей этнорелигиозной идентичности, имеют важное значение, с точки зрения осмысления роли религии в жизнедеятельности этноса. Глубина исследуемого феномена обязывает нас продолжать его изучение, в рамках которого органично должны быть представлены теоретические разработки целей и методов исследований, на основе которых в дальнейшем будут получены систематизированные знания, нацеленные на проективный уровень регулирования этнокультурных процессов и этносоциальных отношений.

Статья подготовлена в рамках государственной целевой программы «Основные направления сравнительного исследования армян в своей и инонациональной среде: проблемы и перспективы исследования» НК МОНКС РА.

Литература

1. *Агаджанян А.* Этнос, нация и религия: научные парадигмы и реальность Южного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 331–356.
2. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. М., 2016. 416 с.
3. *Антонов К.М.* Как возможна религия? // Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли: в 2 ч. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2020. Ч. 1. 976 с.
4. *Гофман А.Б.* Эмиль Дюркгейм в России. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 100 с.
5. *Джангозян С.* К вопросу проявления этнической идентичности в диаспоре (теоретические подходы) // Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты). Республиканская научная конференция (5 ноября 2013 г.) Ереван: Российско-Армянский (славянский) ун-т, 2014. С. 115–125 с.
6. *Дзанхотова А.А.* Этноконфессиональная идентичность // Молодой ученый. 2010. № 4 (15), С. 263–266.
7. *Добренько В.И.* Христианская и православная социология // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 18: Политология и социология. 2012. № 2. С. 3–24.

8. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни /пер. с англ. и общ.ред. А.Н Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с. (История философии в памятниках).
9. *Карапетян Р.С.* Армяне в своей и инонациональной среде: проблемы и перспективы исследования // Этносоциологические исследования Армении и диаспоры. 2014. Т. 7. С. 12–20.
10. *Леви-Стросс К.* Структурализм и экология. 1977. URL: http://filosof.historic.ru/ books/item/ f00/s00/z0000684/index.shtml (дата обращения: 23.06.2020).
11. *Ляушева С.А., Нагой А.А.* Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1.
12. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / пер. с англ. Ю. Асеева. М., 1994. С. 379–448.
13. *Попова В.В., Верещагина М.В.* Понятие религиозной и этнической идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. Вып. 6 (37). С. 55–56.
14. *Рыжова С.В.* Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
15. *Саркисян О.Л.* Осмысление некоторых аспектов понятий «национальная идентичность» и «глобализация» // Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты). Республиканская научная конференция (5 ноября 2013 г.) Ереван: Российско-Армянский (славянский) ун-т, 2014. С. 53–63.
16. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды. М., 1995. 624 с.
17. *Хачатурян Н.Р.* К вопросу о теоретических проблемах изучения этнорелигиозной идентичности армян // Caucaso-Caspica. 2020. Т. 5. С. 147–153.
18. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ. М., 1999. 488с.
19. *Янакова Е.* Религиозный аспект социальной адаптации иммигрантов в современном мире // Конференция «Ломоносов 2016». Секция «Социология семьи и демографии». Москва, 2016. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/ data/8531/ uid107576_ report.pdf (дата обращения: 14.07.2020).

Некоторые проблемы использования шкалы социальной дистанции при изучении межэтнических отношений

Р.С. Оганджанян

С древнейших времен по сей день одной из острых проблем, стоящей перед человечеством, остаются межнациональные отношения. Эта болезненная тема стала предметом изучения многих научных дисциплин, в том числе этносоциологии. Исследования такого рода порой сталкиваются с более сложными и тонкими вопросами, чем анализ институциональных отношений. Многие человеческие отношения бывают латентными, они формируются под влиянием огромного числа факторов, и перед исследователями возникают новые задачи по выявлению причин формирования того или иного характера межэтнических отношений. Кроме того, следует учитывать тот факт, что в постоянно меняющемся мире появляются новые факторы, влияющие на межэтнические отношения. Поэтому для этносоциологов является необходимым усовершенствование методики исследования.

Одним из распространенных методов изучения межнациональных отношений в социологии и социальной психологии является шкала социальной дистанции Э. Богардуса, составленная в начале 1920-х годов. В основе шкалы лежит идея о том, что человеческие отношения имеют определенную дистанцию, которая отражается в установках людей по отношению к конкретным сферам социального общения. В шкале Богардуса выделено семь сфер межэтнического общения. Выясняются вопросы о том, хотел бы человек видеть представителя иной национальности: 1) в качестве брачного партнера или родственника; 2) близкого друга; 3) соседа по дому; 4) коллеги по работе; 5) гражданина своей страны; 6) гостя (туриста) в стране. Заканчивается шкала вариантом ответа о полном нежелании видеть человека иной национальности в своей стране. Шкала составлена по принципу убывания уровня толерантности, она широко применяется до сих пор. Доступных источников по изучению социальной дистанции на основе шкалы Богардуса имеется огромное количество. Исследования проводились даже в условиях современной пандемии COVID-19. В одном из них измерялось по шкале Богардуса отношение респондентов к четырем национальностям (венграм, итальянцам, монголам и китайцам) в Великобритании и Польше. Исследования показали, что предрассудки и тревога чувствительны к текущей эпидемиологической ситуации и что вспышка COVID-19 может привести к серьезным социальным последствиям и усилению психологического дистанцирования от стран, наиболее пострадавших от пандемии [8].

Целью данной статьи является представление данных, полученных в ходе этносоциологических исследований по некоторым проблемам формирования межэтнических установок, которые могут быть полезными для составления необходимых методик.

В 1970-х годах в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР была разработана общесоюзная исследовательская программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР». Одной из задач являлось изучение межэтнических отношений. В опросном листе были размещены два вопроса шкалы Богардуса – отношение к межнациональным бракам и к работе в многонациональном коллективе. По этой программе с некоторыми адаптациями к местным условиям в разных республиках СССР, в том числе Армении, были проведены исследования.

Согласно логике кумулятивной шкалы социальной дистанции подразумевалось, что если человек положительно относится к межнациональным бракам, то такое же отношение будет и к работе в межнациональном коллективе. Однако по первым же материалам исследований Л.М. Дробижевой и А.А. Сусоколова были выявлены некоторые отклонения от шкалы. Часть опрошенных положительно относилась к межнациональным бракам,

а к работе в многонациональном коллективе – отрицательно. Анализируя материалы исследований, проведенных в Татарской АССР, Л.М. Дробижева выяснила роль ряда факторов, таких как социально-профессиональная принадлежность, образование, возраст и др., в формировании установок на межэтнические контакты. И что очень важно, был сделан вывод о том, что обе установки чаще являются следствием конкретной ситуации [5: 299]. По материалам исследований в Эстонии было отмечено, что на установки к работе в многонациональном коллективе влияют взаимоотношения с руководством, удовлетворенность заработком и режимом работы [6: 101]. Ю.В. Арутюнян считал, что установки по отношению к работе в многонациональном коллективе формируются на основе психологического механизма перенесения [1]. Он выяснил также, что на межэтнические установки мигрантов влияет фактор продолжительности проживания на новом месте жительства [4: 147]. А.А. Сусоколов, анализируя явление перенесения, отмечал, что такое перенесение не зависит даже от действительного наличия какой-либо сложной ситуации на производстве [7: 78).

В Армянской ССР в 1980–1983 гг. также проводились исследования по данной программе. Выборка по республике была репрезентативной. Были выбраны городские и сельские поселения. В целом шкала работала без проблем. Только в поселке городского типа Калинино (бывшая Воронцовка, ныне Ташир), где население было многонациональным, был выявлен факт отклонения двух установок: 8,1% опрошенных положительно относились к межнациональным бракам, а к работе в многонациональном коллективе – отрицательно [3: 43). Интересно, что по исследованиям в Кишиневе, такой вариант ответов составлял 8,0%.

По данным массового опроса было установлено, что такие варианты ответов были характерны для русских женщин. Так как в анкете не были поставлены вопросы для выяснения причин того или иного ответа, мы решили выяснить причины путем интервью. Калинино был поселком городского типа. Население имело подсобные хозяйства, огороды, разводили скот и кур. Не была развита городская инфраструктура. Практически там преобладал сельский образ жизни. В Калинино был завод эмалированной посуды, где работали в основном женщины разных национальностей. Завод перешел на хозрасчет, т.е. рабочие получали зарплату по конечному выпуску продукции. Мы провели интервью с русскими рабочими завода, поскольку именно в их ответах было обнаружено отклонение от шкалы. Получилась вот такая картина: «С армянскими женщинами работать трудно. Во время работы приходят соседи или родственники по разным причинам (куры или скот полезли в чужой огород или пропали… возникли проблемы дома… спеши домой). Они оставляют работу и идут по своим делам». Трудовая дисциплина в силу сельского образа жизни часто не соблюдалась, что, в свою очередь, влияло на зарплату русских женщин. Что же вышло в итоге? В этом случае также основным фактором явилось недовольство зарплатой, однако оно сформировалось не через психологический механизм перенесения, а в результате конкретных социальных и этнобытовых факторов. А это в корне изменяет сущность установки.

Даже сам Богардус с целью выяснения причин и каналов формирования установок, помимо опросов, проводил интервью с респондентами. Вот что он пишет: «Таблица III дает интересные результаты, но не объясняет причин ни одной из высказанных антипатических установок. Чтобы разобраться в объяснениях и причинах, каждого из 248 человек попросили выбрать расу, к которой он испытывает наибольшую антипатию, и подробно описать обстоятельства, насколько он мог вспомнить, при которых эта неприязнь зародилась и развилась. Требовалось не его мнение, а его опыт, прямой и косвенный. Было предложено, чтобы они были записаны как можно полнее и свободнее и с особым вниманием

ко всем важным деталям, которые имели место. Эти данные из личного опыта оказались такими же интересными, как формальные данные – бесцветными...» [9: 218–219].

Можно сделать вывод, что установка формируется под влиянием разных, связанных между собой факторов, и при использовании разных шкал следует выявлять конкретные причины их формирования.

Существуют также некоторые проблемы, связанные с установками по отношению к межэтническим бракам. В этносоциологических исследованиях обычно задается вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, что кто-либо из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступят в брак с человеком другой национальности?». Однако в вариантах ответов не конкретизируются субъекты браков, хотя общеизвестно, что многие восточные этносы, в особенности этносы исламского мира, в целом не одобряя межэтнические браки, иногда допускают возможность брать в жены представительниц другой национальности и даже религии. В Армении в 2016–2017 гг. проводились этносоциологические исследования, целью которых было выяснение отношения респондентов относительно субъектов межнациональных браков с учетом полового признака. В опросный лист были включены два варианта вопроса: 1) Как бы Вы отнеслись к браку женщины с человеком другой национальности? и 2) Как бы Вы отнеслись к браку мужчины с женщиной другой национальности? Полученные материалы показали, что 5% опрошенных более негативно относятся к межнациональным бракам женщин своей национальности, чем к бракам мужчин [2: 213–216]. Поэтому целесообразно при организации массовых этносоциологических исследований учитывать особенности брачно-семейных традиций исследуемых этносов.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопросы философии. 1969. № 12. С. 37–45.
2. *Галстян М., Оганджанян Р., Закарян Т., Акопян Г.* Современная армянская семья в трансформирующемся обществе. Ереван: Гитутюн, 2017. (На арм. яз.)
3. *Оганджанян Р.С.* К вопросу о методике этносоциологического изучения межличностных национальных отношений // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1984. № 10. (На арм. яз.)
4. Российские армяне: Этносоциологическое исследование. Ереван: Гитутюн, 2016.
5. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М.: Наука, 1973. 331 с.
6. Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин: Периодика, 1979.
7. *Сусоколов А.А.* Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты // Советская этнография. 1973. № 5. С. 73–78.
8. Can Information about Pandemics Increase Negative Attitudes toward Foreign Groups? A Case of COVID-19 Outbreak. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/12/12/4912/htm
9. *Bogardus E.S.* Social Distance and Its Origins // Journal of Applied Sociology. 1925. No. 9. P. 216-226.

Беларусь

Этнокультурный компонент в глобальной нестабильности XXI века

А.Н. Данилов

Тридцать лет назад распался Советский Союз, представлявший собой не только политическое и экономическое объединение союзных республик, но и уникальное этнокультурное многообразие. Это многообразие не было чем-то искусственным, оно показало свою жизнеспособность. Несмотря на драматические и подчас трагические процессы за эти три десятилетия, наследие советского этнокультурного многообразия сохраняется. Путь Беларуси к государственному суверенитету выглядит исторически ожидаемым и в чем-то неожиданным. В одночасье для государств, образовавшихся после распада СССР, проблемы национальной идентичности и выстраивания собственной государственности обрели особую актуальность. Ранее, находясь в рамках единого Союза, вопросы самоопределения наций рассматривались в контексте существующей идеологии, и проблема национальной идентичности как таковая не стояла. Распад Советского Союза не был карой Божьей. Его породили человеческий эгоизм, авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров. Платой за эти ошибки, попрание всякой морали, манию величия отдельных персонажей стало не только горе, страдания тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, но и утрата веры в будущее.

После распада СССР по постсоветскому пространству прокатилась «лихорадка этнократизма». Первое, что стремилась немедленно осуществить местная власть суверенных государств, вновь образованных на основе прежних союзных республик, – это «любой ценой вытеснить из страны всех представителей иноязычных этносов, особенно из органов администрации, образования, идеологии и духовной жизни, вооруженных сил и силовых ведомств и заменить их автохтонами, не считаясь даже с уровнем компетентности последних. В большинстве стран был сразу же принят новый закон о языке, в котором государственным языком признавался только язык титульного этноса (нации), несмотря даже на то, что во многих областях – здравоохранении, науке, многих производственных технологиях, высшем образовании, IT и др. – этот язык не имел в то время достаточной лингвистической базы» [14: 49]. Республика Беларусь, как и другие республики бывшего Союза, пережила шок перемен, прежде чем осознала свой суверенитет и приступила к полноценному созданию собственного национального государства.

Проходившие процессы системной трансформации сопровождались политическим, экономическим и социокультурным кризисом, который потребовал национально-государственного самоопределения. Возникли вопросы формирования ответственной власти, способной самостоятельно вести внутреннюю и внешнюю политику. В условиях суверенного государства следовало быстро определиться с наполнением конкретным содержанием национального суверенитета, определиться с Основным Законом – Конституцией Республики Беларусь, разобраться с «белыми пятнами» белорусской истории, определиться, кто такие белорусы, что есть «белорусскость», в чем суть белорусской национальной идеи, белорусской идентичности. И вообще, как жить дальше, с кем дружить, какой модели развития придерживаться.

Социальная и культурная сложность современного общества, потребность в адаптации к жизни в условиях глобальной нестабильности, подвижность смыслов и ценностей, вокруг которых выстраиваются воображаемые границы, стимулировали «поиски коалиций, помогающих людям воспринимать мир и жить в условиях разнообразия культур и человеческих связей» [4: 7]. Каждая страна, и Республика Беларусь здесь не исключение, характеризуется своеобразием национально-культурного ядра типичных свойств менталитета, стилей и стереотипов поведения ее народа, специфическим способом сохранения и

передачи культурных традиций, сопряженных с непрестанным обновлением своего культурного достояния. Именно социокультурные процессы связывают воедино различные поколения и открывают перспективу движения страны к лучшему будущему.

К тому же современная цивилизация вступила в стадию нестабильности и неустойчивости. Жизнь ускорила ритм, количество непрогнозируемых событий увеличивается, кризисы становятся глобальными, а их последствия выражаются в трансформациях культурного кода (любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности связаны с изменениями культуры и требуют переосмысления глубинных жизненных смыслов человеческого бытия). Идеи, рожденные в ходе этого процесса, «…задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [10: 8]. Все большее число ученых принимают тезис о том, что в культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализируют проблему наличия культурного кода и необходимости его расшифровки, изучения механизма работы, особенностей функционирования. Культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия. Хотя проблема существования культурного кода как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений, по сей день остается не до конца проясненной. Понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили должного внимания в отечественной философии и социальном знании.

Оригинальную концепцию культуры предложил В.С. Стёпин, рассматривающий ее как совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, выполняющих в обществе роль, аналогичную той, какую в жизни биологических организмов играют генетические коды. Такого рода культурными кодами являются мировоззренческие универсалии (категории культуры), которые задают системную и историческую целостность определенным (охватываемым ими) аспектам деятельности, поведения и общения. Содержание культурного кода составляют идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, фреймы, паттерны, психологические реакции и др. Культурные коды как знаково-символическая форма обработки информации выполняют функции сжатия и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия содержания сигналов, транскрибирования и интерпретации [11: 725–726].

Культура, с широким набором мировоззренческих универсалий, охватывающих все аспекты деятельности, поведения и общения жизни человека, предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. «Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты), – подчеркивал В.С. Стёпин в беседе с И.Т. Касавиным, – должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» [11: 725–726]. Причем в мировоззренческих универсалиях В.С. Стёпин видел своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. «Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование» [11: 726].

Почему именно в культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества? Здесь следует уточнить наши представления о культуре. До периода научно-технической революции культура была второстепенной, малодинамичной сферой

человеческой деятельности, олицетворяя стабильность уклада и образа жизни как отдельного человека, так и целых поколений. В таких условиях включение в культуру новых ценностей было процессом продолжительным и не случайным. Только после длительного историко-социального отбора новые ценности становились внутрикультурными. Это, собственно, и определяло изначальный консервативный характер культуры и ее носителей. Носителями культуры считались прежде всего представители гуманитарной интеллигенции, что было связано, с одной стороны, с «…длительным характером отбора культурных ценностей, а с другой – с тем, что наука всегда носила более прагматический характер, изменения в ней происходили быстрее и большая часть ее ценностей не успевали закрепляться как общекультурные. <…> В культурном смысле этот консерватизм оправдан, так как позволяет сохранить общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменить систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти “культурную обработку”. Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [8: 89–90]. Культура, в свою очередь, динамичная система, «…сам принцип динамичности как характеристика резкого убыстрения процессов изменения внутри культуры обнаруживается лишь в наше время» [8: 90]. «В рамках глобальной культуры существует опасность внешнего расширения диалога, но не на основе обогащения культур… Это будет общение ради общения – без насыщения смыслами» [8: 94].

Культура все же не застывшая система, хотя и достаточна консервативная. Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны… Наступает ответственный момент «критики и отбрасывания некоторых “старых” ценностей». Здесь есть большая опасность – уйти от традиции и возвести в новый культурный статус ценности «псевдокультурные» или «внекультурные», тем самым открыть путь для разрушения основ культуры. И если учесть, что процесс замены зачастую происходит без должной адаптации к традиционной знаковой системе ценностей, то кризис неизбежен. Итак, разрушаются старые ценности, сжимаются временные рамки. «Сжатие временных рамок изменений не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционным ценностям. В результате нарушается синхронизация культуры, новообразования в ней появляются очень быстро, люди не успевают адаптироваться, им некогда впитывать новые ценности, соотнося их с предшествующими» [8: 97–98]. При этом «…из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [13: 321].

В такой ситуации важно «…осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [11: 737]. Выход из этой ситуации В.А. Лекторский видит в сохранении национальных культур. В частности, он пишет, что «…противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [7: 619–621].

В условиях столь динамичных изменений, глобальных вызовов найти возможность защитить традиционные культурные ценности – значит защитить национальные интересы своей страны. Национальная идентичность прививается и закрепляется в культурном коде гражданина страны, которой он хочет гордиться и принимает как свою единственную Родину. Постсоветский мир прошел этот сложный путь больших испытаний, связанный с укоренением новой государственности, осознанием населением собственного суверенитета, выстраиванием национальной идентичности. Конечно, «для подтверждения нацио-

нальной идентичности своими гражданами страна должна прежде всего успешно развиваться, быть привлекательной, адаптироваться к существующим мировым и политическим реалиям, стремиться видеть глобальные вызовы и давать на них свой ответ» [3: 218]. Сегодня культурные основы людей укрепляет надежда на то, какой бы в будущем они хотели видеть свою страну. Людей ведут в будущее «…идеалы, связанные с мечтой о справедливом обществе, с обеспечением стабильности, с надеждой на возвращение… к национальным традициям» [12: 179].

Е.М. Бабосов считает, что культурный код представляет собой «отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных культурных архетипов, образов и ценностей, характеризующих идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки народа. Именно культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения. <…> Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысложизненных предпочтений и ожиданий индивидов, и их социальных групп в свойственных данному народу культурно-цивилизационных границах» [1: 111].

А.А. Лазаревич и И.Я. Левяш отмечают, что сложилось несколько концепций белорусской национальной идентичности, они развивались в рамках двух основополагающих подходов. «*Первый* подход был основан на историко-культурных традициях и ценностях, к которым апеллировали представители белорусской культурной элиты. Суть этого подхода заключалась в признании важнейшего значения национального самосознания, строящегося на знании своих корней, этнокультурных традиций, исторического, в первую очередь, досоветского, прошлого как инструментов радикальной реконструкции настоящего. Исключительная роль отводилась белорусскому языку. Языковой “маркер”, по существу, выступал основным принципом разделения населения на белорусов и небелорусов, что стало скорее, разделительным, но не консолидирующим фактором белорусской нации. *Второй* подход основывался на главных задачах формирующейся государственной идеологии, стремящейся совместить существовавшие ранее социалистические идеалы с новыми культурными обстоятельствами. Такой подход разделялся в основном представителями русскоговорящей интеллигенции, людьми старшего поколения, поддерживался структурами власти, заинтересованными в сохранении политической и социально-экономической стабильности» [5: 30–31]. В принципе, на начало 1990-х годов это был какой-то компромисс между советским прошлым, привычкой к стабильной жизни и новыми вызовами времени, сопряженными с перманентной нестабильностью и рисками, неопределенностью будущего.

Чаще всего при исследовании национальных проблем критериями «белорусскости» выступают: территория (родился и живу в Республике Беларусь), этнос (родители – белорусы) и гражданство (гражданин Республики Беларусь). По этим критериям 87–90 % жителей страны считают себя белорусами. Следует отметить, что в ситуации нестабильности, кризиса возрастает роль религиозного фактора. Республика Беларусь сформировалась как поликонфессиональная страна: на ее территории действует 26 зарегистрированных конфессий, 5 из которых (Православная, Католическая, Евангелическо-лютеранская церкви, иудаизм и ислам) законодательно определены как традиционные и культуроформирующие традиции белорусского народа. Данные социологических исследований фиксируют умеренный уровень религиозности в стране: в среднем в период 2000–2010-х годов к религиозным себя устойчиво относили порядка 60–70 % населения Беларуси. В том числе к православным причисляли себя около 85–86 %, к католикам – около 12 %, в оставшийся объем (порядка 2 %) включались те, кто относил себя к иным действующим в Беларуси конфессиям [15].

Укоренение белорусской государственности характеризуется тем, что «европейская» составляющая белорусской идентичности усиливается в сравнении с ее «советской» частью.

Республика Беларусь как раз находится в пограничной зоне между двух конкурирующих между собой цивилизационных моделей развития – западной и российской. От каждой из них Беларусь получила некоторые черты, которые вместе образовали своеобразное культурно-историческое единство, одновременно похожее и не похожее на эти цивилизации. Культурная среда, в которой формируются новые поколения граждан, зачастую наполняется некими артефактами, которые далеки от реальных смыслов человеческого существования, они искажают историческую правду. В ней бывает, что все искажено до неузнаваемости – и традиции, ценности, смыслы. Здесь человеческие отношения строятся на выгоде, семья на расчете, подвергаются очернительству герои и высмеиваются высоконравственные поступки…

Молодежь постсоветского пространства формируется в новых социально-политических, экономических и духовных условиях, поэтому становление национального и гражданского самосознания молодежи происходит довольно противоречиво и неоднозначно. Это во многом связано как с определенным лишением молодежи «исторической памяти», наличием «белых пятен» в истории постсоветских стран, так и с противоречивостью становления новой государственности. Процесс становления гражданской идентичности молодого поколения включает в себя «совокупность социальных ролей и норм поведения, характер которых обусловлен его представлениями о взаимоотношениях с государством. Это и ожидания, и эквивалентные им обязательства личности. Первичный уровень взаимоотношения личности и государства – ее идентичность системообразующей модели государства. Если эта модель устойчивая, “прозрачная” и в представлениях личности соответствует принципам социальной справедливости, то имеет место баланс индивидуальных и общественных интересов, стимулирующих прогресс общества и устойчивость (перспективность) качества и образа жизни индивида» [2: 67]. Очень важно найти этот баланс и в отношении национальной идентичности. Ибо отсутствие устойчивого мировоззрения, ясного образа модели государства в массовом сознании молодежи ведет к конфликтности ее социального поведения, напряжению во взаимоотношениях с социальными институтами. Вот почему так важно для молодежи четкое представление о том образе государства, которое мы строим. На сегодняшний день четкие представления о том, что мы строим, какой модели будущего придерживаемся, по которым был бы достигнут общественный консенсус, чаще всего отсутствуют или являются слишком расплывчатыми.

Условия, в которых решаются проблемы национальной идентичности молодежи Беларуси, постоянно меняются, и этнокультурное многообразие, которое присутствует в Беларуси, ведет к поиску компромиссов. В этой связи можно выделись несколько тенденций.

1. И.В. Лашук отмечает, что «если экономическая и политическая сферы общественной жизни поддаются целенаправленному управленческому воздействию и законодательному регулированию, то трансформации в сфере цивилизации и культуры в значительной степени носят самоорганизующийся характер» [6: 3–4]. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с решением проблем этнокультурного развития и национальной идентичности граждан Беларуси, и особенно среди поколений, входящих во взрослую жизнь после провозглашения суверенитета Беларуси.

2. Качественные изменения, происходящие в трансформирующемся белорусском обществе, влияют на социальную структуру Беларуси. Хотя при этом белорусское общество в значительной степени остается традиционным.

3. В традиционном обществе религия и семья, вместе с этнокультурной компонентой, играют очень важную роль.

4. Молодежная культура не является гомогенной, так как в ней присутствуют различные ценностно-идентификационные системы.

* * *

В заключение следует отметить, что в последнее время мир столкнулся с глобальной нестабильностью, адаптация к которой стала мотивом для перехода к новой модели цивилизационного развития. В этой модели ключевым моментом становится сохранение всего

культурного многообразия мира через реальный, взаимно равный диалог культур, с учетом этнокультурного многообразия и национальных особенностей народов. На наш взгляд, современный мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а, наоборот, за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан. Если будет сохраняться многообразие мира и наладится реальный диалог культур. Признание же за образец устройства жизни и модели развития сильнейшего – это как бы капитуляция, сдача своих национальных интересов, и в этой связи – самоличное перекодирование своих культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего. Гегемонию одной страны или группы развитых западных стран исторический опыт как раз отвергает, так как этот опыт уже доказал свою неспособность адекватно реагировать на современные вызовы, справедливо решать мировые проблемы. Да и три десятилетия постсоветского мира показывают, что ни одна из вновь образовавшихся стран на обломках былого социалистического сообщества не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готова делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Прав А.В. Смирнов, когда утверждает, что «…претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <…> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <…> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура “застывает” как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный» [9: 204].

Литература

1. *Бабосов Е.М.* Культурный код нации – системообразующее ядро белорусской культуры // Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода : социологическое измерение. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 111–120.
2. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
3. *Данилов А.Н.* Культура как геном цивилизационного развития // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 215–222.
4. *Дробижева Л.М.* Ученые записки ФНИСЦ РАН / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 3: Потенциал межэтнического согласия как ресурс консолидации российского общества. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.
5. *Лазаревич А.А.* Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Левяш; науч. ред. И.Я. Левяш. Минск: Беларуская навука, 2014.
6. *Лашук И.В.* Социокультурный анализ современного белорусского общества / Институт социологии НАН РБ. Минск: Беларуская навука, 2019.
7. *Лекторский В.А.* Человек и культура. СПб.: СПбГУП, 2018.
8. *Миронов В.В.* Современные трансформации в культуре. СПб.: СПбГУП, 2011.
9. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М.: ООО «Сандра»; Изд. дом ЯСК, 2019.
10. *Стёпин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М.: Ин-т философии РАН, 1996.
11. *Стёпин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018.
12. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
13. *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019.
14. *Шавель С.А.* Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов // Журнал Белорусского гос. ун-та. Социология. 2019. № 4. С. 48–61.
15. *Шкурова Е.В.* Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества. Минск : БГУ, 2019.

Об ипостасях понятия «родной язык» у гагаузов Беларуси (опыт этносоциологического исследования)

Е.Н. Квилинкова

1. О значении понятия «родной язык» у гагаузов в контексте терминологии, используемой в научном дискурсе

Понятие «родной язык» как в повседневном обиходе, так и в научной литературе традиционно связывается с языком собственного народа, языком матери или первым освоенным ребенком языком. По мнению социолингвистов, для термина *родной язык* характерна эмоционально-образная окраска, и он может быть не связан с его прямым значением. Авторы учебника «Социолингвистика», В.И. Беликов и Л.П. Крысин, предлагают заменить термин *родной язык* на *этнический язык*, понимая под ним родной язык, «специфичный для данного этноса» и усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте [2: 12]. Они обращают внимание на то, что «первый усвоенный язык» чаще всего называют родным языком, но по факту он не всегда является таковым: «…основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский» [2: 12).

Для обозначения понятия «родной язык» некоторые исследователи предлагают использовать термин *природный язык* (индивида, этноса), так как «для индивида природным языком может быть не обязательно (“родной”, “материнский”) язык родителей, а совершенно другой, которым он сумел овладеть функционально с ранних лет или позже» [11: 294]. Данное понятие представляется довольно туманным, несмотря на то что оно, с одной стороны, «не несет в себе явной образности, публицистичности», а с другой, «не привязано к национальной (этнической) принадлежности» [11: 294].

Целью данной статьи является изучение проявлений и сущностей понятия «родной язык» у гагаузов Беларуси. Отметим, что данная группа является одной из совершенно не изученных в гагаузоведении. Несмотря на малочисленность, она демонстрирует свою стратегию адаптации, что представляет научный интерес. В ходе проведенных в 2021 г. полевых исследований нами было опрошено путем углубленного интервью 42 респондента-гагауза, включая членов их семей, из которых 7 человек являются представителями второго поколения гагаузов Беларуси. Мы задавали вопросы, позволяющие установить уровень языковой компетенции (в какой мере они владеют родным и другими языками), речевого поведения (язык общения дома между родителями и детьми, с друзьями и знакомыми, на работе; на каком языке разговаривают, читают и слушают передачи; язык приоритетного использования); отношение к языку как народному достоянию (язык как культурная ценность для собственного и последующих поколений гагаузов); эмоционально-образное восприятие родного и русского языков и др.

Понятие «родной язык» имеет у гагаузов несколько ипостасей, иначе говоря, проявлений и сущностей. Оно может обозначать как этнический/национальный язык, то есть гагаузский, так и русский. Близость восприятия респондентами русского языка и употребление по отношению к нему таких определений, как «родной язык», «второй родной язык» и «язык межнационального общения», во многом зависит от того, в каком возрасте и как они им овладели, насколько свободно на нем общаются и в какой языковой среде живут.

Гагаузы – билингвы. Их национально-русский билингвизм можно квалифицировать как социокультурный. Он сформировался в результате сложившихся на территории Бессарабии (входившей в Российскую империю), а затем Молдавии (входившей в СССР) ис-

торических и региональных условий. Русский язык выступает у гагаузов в качестве социокультурного маркера и играет важную роль при их самоидентификации. Через этот язык, который является неотъемлемой частью их культурно-цивилизационной идентичности, они приобщаются к ценностям русской и мировой культуры, к знаниям по истории христианства и православной обрядности [6]. Русский язык и Россия в сознании гагаузов – это ментально близкая страна и пространство [7: 53–69].

На территории Гагаузской автономии функционируют три официальных языка – молдавский, гагаузский и русский. Переписка с органами власти и организациями осуществляется на молдавском и русском языках, а гагаузский преподается в учебных заведениях в качестве отдельного предмета. Он довольно стабильно удерживает за собой сферу семьи, а также выполняет функцию языка бытового общения между представителями этносообщества. Очевидно, что нет оснований говорить о равноправном билингвизме и уж тем более трилингвизме в автономии. Основным функциональным языком в ней является русский, на котором осуществляется обучение в школах и других учебных заведениях автономии. Попытки сужения сферы использования русского языка в Гагаузии, которые перманентно предпринимает правительство Молдовы, вызывают у гагаузов бурную реакцию и приводят к усилению межэтнической напряженности. И это вполне понятно, так как «98% детсадов, школ, колледжей и институтов региона предоставляют образование на русском языке» [3].

Молдавским (румынским) языком, являющимся государственным в Республике Молдова, подавляющее большинство гагаузов не владеет. Уровень знания этого языка у значительной части гагаузской молодежи, изучавшей его в школе как предмет, не позволяют использовать его в качестве языка для коммуникации.

Несмотря на то, что у большинства гагаузов русский является вторым языком по времени усвоения после родного и языком образовательной системы, обозначать его просто как «второй язык» не вполне корректно. Тот факт, что гагаузы обучались и обучаются в школах и вузах на русском языке, читают книги и газеты, смотрят на нем фильмы, говорит о том, что он является доминирующим практически во всех областях жизнедеятельности, кроме семейной сферы. Хотя в последнее время в молодых гагаузских семьях общение между родителями и детьми все чаще происходит на русском языке.

Уровень компетентности гагаузов в обоих языках – «родном» и «втором родном» – различается, что зависит от ряда факторов: возраста человека, семьи (мононациональная или этнически смешанная), места его проживания (городская или сельская местность) и т.д. В данном вопросе ученые обращают внимание на важность таких критериев, как возраст овладения языками, сфера их использования и социальный статус, владение устной и/или письменной речью и др.

Следует отметить, что для некоторой части гагаузов русский является первым, а не «вторым родным языком» как по времени и порядку его усвоения (в живом общении), так и по роли, которую он играет в их жизни. Функциональность одного или другого языка определяется жизненными обстоятельствами и социокультурным окружением. От этого во многом и зависит степень его близости и эмоционального восприятия носителем этничности. Здесь вопрос в немалой степени заключается в значимости для человека этнической идентичности, а вместе с ней и этнического языка. Понятия «родной язык», «функционально первичный язык» и «приоритетный/доминирующий язык» могут не совпадать, учитывая не только сложившуюся на постсоветском пространстве ситуацию, но и современные миграционные процессы.

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что понятие «родной язык» представители этнических групп все чаще связывают с языком своего народа, независимо от того, на каком языке они впервые научились разговаривать. Ученые утверждают, что

двух родных языков быть не может, как не может быть двух матерей. В.Г. Костомаров считает, что «как у одного человека не может быть двух родных матерей, так не бывает в норме у человека и двух материнских языков». Однако ученый допускает возможность того, что «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [8: 294].

На наш взгляд, для обозначения данных различий у гагаузов, отражающих эмоциональное восприятие ими этих языков, более подходящим будет сравнение «не мать и мачеха», а «мать и бабушка». При таком сравнении все становится на свои места: оба языка человек в равной степени воспринимает как родные, только степень родства иная – разная степень удаленности. И на практике также оказывается, что бабушки с внуками традиционно разговаривают на гагаузском языке, а родители все чаще общаются со своими детьми на русском.

Мы согласны с тем, что не бывает полновесного билингвизма/амбилингвизма с равным уровнем владения двумя языками [12:17; 11: 294], но это не причина для того, чтобы человек не считал оба языка одинаково родными для себя.

Таким образом, ипостаси русского языка у гагаузов можно представить следующими определениями: «родной язык», «второй родной язык» и «язык межнационального общения». Усвоенный в детстве язык многие из них воспринимают как второй родной. Чтобы не было путаницы мы под термином *родной язык* будем иметь в виду «этнический язык» (то есть гагаузский), а по отношению к русскому языку будем использовать понятие «второй родной язык», которое чаще всего употреблялось респондентами при опросе и наиболее полно отражает его реальный статус в гагаузской среде и в сознании гагаузов.

2. Восприятие понятия «родной язык» гагаузами Беларуси, переселившимися в советский период

В восприятии гагаузами Беларуси (переселившимися в советский и постсовесткий периоды) родного и русского языков имеются некоторые различия. Они связаны с особенностями формирования их билингвизма, а также с функциональной значимостью и сферой использования этих языков. Практически все опрошенные нами респонденты, переселившиеся в Беларусь в 70-е – 80-е годы XX в., выросли в гагаузских моноэтничных семьях. Гагаузский язык у них родной, а русский был усвоен ими в школе. С самого детства он стал для многих из них приоритетным, особенно для тех, кто жил в полиэтничных населенных пунктах. Там сложилась классическая диглоссия – когда и в школе, и на улице общение с детьми и между ними происходило на русском, а дома с родителями и родными использовался гагаузский язык.

Подавляющее большинство гагаузов, переехавших в Беларусь в советский период, состоят в браке с представителем другой национальности – обычно белорусской [7], то есть они создали межнациональные семьи. Основная часть респондентов сохраняет гагаузский разговорный язык, используя его как принятую форму общения с родственниками на родине.

«*Когда я приезжал к родителям домой, то мы разговаривали только на гагаузском*» (Кысса И.С.). «*Муж в совершенстве владел гагаузским языком. Между собой они* (родные. – *Е.К.*) *общались только на гагаузском. Как только он переступал порог родительского дома, то говорил на гагаузском. Это было для него свято*» (Колца А.Б.) [10].

Для гагаузов Беларуси родной язык выступает в качестве символа этнической идентичности, но основным средством коммуникации является русский язык, поскольку они большую часть своей жизни живут в другой языковой среде и брачный партнер у них также иной национальной принадлежности. Соответственно, русский – это язык общения как с коллегами и друзьями, так и в семье.

«*Родной язык – гагаузский, на нем мы общаемся с родителями и родственниками. А русский – это язык общения со всеми другими*» (Кочанжи П.Н.) [10].

У многих переселенцев сохраняется внутренняя потребность в общении на гагаузском языке, которую они при первой же возможности пытаются реализовать с носителями языка. Родной язык для них – это одна из связующих с родиной нитей, являющихся своего рода эмоциональной подпиткой.

«*Муж на гагаузском языке говорит очень редко, только с сестрами по телефону. Он это делает специально, так как ему приятно говорить на родном языке. На нем он разговаривает тогда, когда кто-то из гагаузов приезжает к нам в гости*» (Кысса Н.Л.). «*Когда мы приезжали в родное село мужа, то он с односельчанами разговаривал на гагаузском языке*» (Аврамова А.М.). «*Отец, когда разговаривал с родственниками по телефону, всегда использовал гагаузский язык. Он его очень хорошо знал. У него много родственников. Он часто общался с ними в вайбере… С нами, с детьми он разговаривал на русском. Мы гагаузский слышали тогда, когда бывали на родине отца, а это было не часто*» (Аврамов В.В.) [10].

Однако у части респондентов гагаузский язык, ранее использовавшийся как средство коммуникации в семье родителей, с утратой функциональной значимости стал забываться и полностью был заменен русским языком. Постепенно он стал использоваться и при общении с родственниками и представителями своей национальности, так как на нем было удобнее думать, формулировать мысли и говорить.

«*Для меня родной язык – гагаузский, но в Гагаузии я прожил 19 лет. А сейчас мне 64 года и все это время я жил в Беларуси. Тут на гагаузском не с кем разговаривать, только с родственниками по вайберу, тогда на нем немного можно поговорить. У меня в Конгазе живут два брата и сестра, и они тоже уже предпочитают говорить со мной на русском. На гагаузском языке я разговариваю только со старшим братом. … У меня сохраняется гагаузская разговорная речь. Не хочу сказать, что я забыл гагаузский язык. Не забыл. Но на нем нужно постоянно разговаривать. Когда я еду домой, то мне нужно два дня, чтобы заново войти в колею. Но в том-то и беда, что все мои родственники в Конгазе уже разговаривают на русском языке. Русский – это язык межнационального общения. В данный момент он стал для меня вторым родным языком, а для Беларуси я бы сказал, что это второй родной язык, так как у нас два государственных языка – белорусский и русский*» (Франгу Г.Г.) [10].

Несмотря на происходящие в среде гагаузских переселенцев процессы, они по-прежнему сохраняют за гагаузским языком статус родного языка, так как он воспринимается как неотъемлемая составляющая этнической идентичности, а русский, выполняющий коммуникативную функцию и выступающий как социокультурный маркер, квалифицируется многими из них как «универсальный язык общения».

«*Родной язык у меня – гагаузский, а русский – это язык общения. С братьями и родственниками я общаюсь на гагаузском языке. На русском можно общаться со всеми, и я его не променяю ни на какой другой. Он и там, в Гагаузии, универсальный*» (Булгараш Ф.М.). «*Для меня родной язык – гагаузский, а русский – это язык общения. С родителями и братом я всегда разговаривал на гагаузском, а теперь мы с братом общаемся на русском. Уже столько времени прошло, и у меня получается какой-то ломаный язык. Не всегда получается изложить на нем мысль. Не с кем разговаривать. Если там немного пожить, то все вернется. Разве можно свой язык забыть! Конечно, нет*» (Кара Г.Ф.) [10].

Одной из проблем для представителей этнической группы, проживающей за пределами своего этнического ядра, является опасность искажения родного (этнического) языка или даже частичная утрата речи, которая в науке называется *аттрицией*. Это происходит в результате воздействия на родной язык второго/доминирующего языка [1], которое у

отдельных людей может усиливаться из-за отсутствия практики общения на родном языке. Данный процесс в большей или меньшей степени наблюдается у гагаузов Беларуси независимо от времени их переселения. Он проявляется в том, что разговаривать на родном языке и использовать нужную лексику им становится все сложнее. Происходит своего рода смена языка, при котором один язык вытесняется другим.

«*Когда отец по пять лет не бывал на родине, и я его просил поговорить на гагаузском, то он затруднялся. А когда там побудет буквально 3–4 дня, то он уже практически свободно на нем разговаривал, и мне было приятно на него смотреть. Когда он долго там не бывал, то говорил, что язык забывается, забываются некоторые слова*» (Колца Р.Ф.). «*Я и сейчас говорю по-гагаузски. Но как-то раз моя родственница с Чадыр-Лунги сказала мне: "Ваня, сян гагаузча лафедерсин насы чыфыт" ("Ваня, ты разговариваешь на гагаузском как еврей"). Теперь я начал смущаться разговаривать на гагаузском. Биз гагаузча лафедярдик хер керет. Бян гагаузчии унутмадым. Беним батюм яшер Нижний Новгород, о прост лефедер – унутту (Но мы всегда на гагаузском разговаривали. Я гагаузский не забыл. Мой брат, который живет в Нижнем Новгороде, он плохо, хуже меня разговаривает на гагаузском языке). И он старше меня*» (Кысса И.С.) [10].

Считается, что родной язык относится к тем вещам, которые никогда не забываются. Очевидно, что полностью его забыть нельзя, но чем дольше человек живет за пределами своей родины и в отрыве от людей той же этнической принадлежности, тем больше может «пострадать» его родной язык. Но, как показывают результаты проведенного нами опроса, эти процессы даже у членов одной и той же семьи могут протекать по-разному. Так, кто-то из родных братьев или сестер продолжает хорошо говорить на гагаузском языке, а кто-то подзабыл и с трудом на нем разговаривает. При этом все они со своими семьями живут за пределами своей родины в иноэтничном окружении. Казалось бы, что на поколение гагаузов старшего возраста русский язык должен был оказать меньшее влияние. Но, по мнению одного из гагаузов Беларуси – доктора биологических наук Ивана Степановича Кысса, «*…все дело в генетической предрасположенности, по-другому не объяснить. Здесь все зависит от склонностей человека*» (Кысса И.С.) [10].

Очевидно, что здесь дело не в происхождении и не в образовании. Есть образованные гагаузы, выходцы из сельской среды, которые также забывают свой язык. Иван Степанович привел такой пример с одним из гагаузов Беларуси, который был какое-то время его заместителем. Родом он из гагаузского с. Копчак, но с большим трудом мог говорить на родном языке: «*Нам нужно было пару раз поговорить по секрету, потому что телефоны прослушиваются, и он еле-еле смог выразить свою мысль. Я тогда так удивился и спросил у него: "А чего Вы так плохо знаете гагаузский?" На что он ответил: "Так я же ни с кем не общаюсь!"*» (Кысса И.С.) [10].

И все же основная часть респондентов идентифицирует русский язык не просто как важный социокультурный маркер и средство коммуникации, позволяющее им свободно общаться с другими, но и как второй родной язык.

«*Мы в семье родителей разговаривали на гагаузском языке. Он для меня родной, но я уже стал понемногу его забывать. Русский язык – это второй родной, и я на нем общаюсь*» (Чебанов Н.А.). «*У меня с мужем родной язык – гагаузский, но при переписи, мы, наверное, пишем, что родной язык – русский. … Русский язык нам преподавали в школе. Ну, он у нас как второй родной язык, как и Белоруссия – вторая родина*» (Маринова Е.П.) [10].

О роли русского языка в своей жизни высказываются и те гагаузы, которые окончили в Беларуси вуз и в настоящее время живут в Гагаузии: «*Мой родной язык – гагаузский. Мы в своей семье разговариваем по-русски, так как моя супруга – белоруска. <…> Я считаю, что для меня русский язык практически наравне с гагаузским, тоже родной язык. Я ходил*

в русскую школу, на русском языке окончил вуз, делопроизводство всегда было на русском. И сам я отношусь к русскому миру» (Дювенжи П.И.) [10].

Данные проведенного нами опроса показывают, что из-за отсутствия этнической языковой среды многие гагаузы, переселившиеся в Беларусь в советский период, в той или иной степени утратили оперативные навыки повседневного общения на родном языке. Однако, оказываясь в соответствующей языковой среде, они довольно быстро (1–2 дня) адаптируются к языку и включаются в процесс общения. Но в том то и вопрос, что на родине они бывают все реже, так как родителей уже нет в живых, а в последние годы из-за коронавируса реальные контакты с родственниками практически прекратились. Происходит в некотором роде отрыв от языка своего народа.

3. Отношение к понятию «родной язык» у гагаузов, переселившихся в Беларусь в постсоветский период, в связи с его функциональной значимостью

У гагаузов, переселившихся в Беларусь в постсоветский период, особенно у тех, которые живут анклавами (Гомельская и Брестская области [7]), родной язык сохраняет свою функциональную значимость – является средством общения в повседневной жизни. Будучи билингвами, они легко переходят (переключаются) с одного языка на другой, в зависимости от ситуации общения или адресата (дети, внуки). Родной язык употребляется ими в семье между супругами, а также при общении с проживающими по соседству представителями собственной этнической группы (при встречах, на праздниках). В иноэтничном окружении родной язык нередко выполняет функцию своего рода секретного языка. Тем не менее респонденты, живущие в Беларуси более 20 лет, также говорят о том, что они наблюдают у себя постепенную утрату гагаузской лексики, так как основным языком общения является русский, а контактов с родиной и соотечественниками все меньше.

«*Мой родной язык – гагаузский. И русский тоже мой язык, я в русской школе училась. Он легкий, удобный, на нем хорошо общаться со всеми. Русский язык тоже для меня родной. Я уже на гагаузском забываю многие слова и использую некоторые слова на русском. С братом, который живет поблизости, разговариваем и на гагаузском, и на русском, в зависимости от того, кто находится рядом с нами. Если те, кто рядом, не знают гагаузского языка, то тогда разговариваем на русском. … Здесь живут и мой родной брат, и невестка (жена брата), и наша мама, а также живет еще отец Василий с семьей и другие гагаузы*» (Каменщикова А.И.). «*Дома с женой разговариваем только на гагаузском языке, а с ребенком – на русском, так как она гагаузского не понимает. Когда мы встречаемся с гагаузами* (которые живут поблизости. – *Е.К.*), *то разговариваем только на гагаузском языке*» (Перчемли Н.Н.) [10].

Ввиду особенностей приобретения респондентами языковых навыков, для них вопрос о русском языке нередко вызывал определенные трудности. Это связано с тем, что и гагаузский, и русский многие из них усвоили в процессе живого общения, и потому оба они воспринимаются ими как родные. Даже у тех, кто овладел русским языком в школе или с самого детства, чьи навыки можно определить как выученный язык, он характеризуется как ментально «близкий язык» или «второй родной».

«*Мы в семье общаемся на русском языке, а если дома только вдвоем с женой, то на гагаузском. … Когда мы встречаемся с друзьями-гагаузами из другой деревни, то все разговариваем на гагаузском языке. У меня родной язык – гагаузский. Русский для меня тоже близкий язык, можно сказать, что он мой второй родной язык. Мы ходили в русскоязычную школу. Моя родная сестра была учителем русского языка*» (Петку В.М.). «*В семье родителей мы говорили только на гагаузском языке. Русский язык для меня тоже родной, так как я его учу не только со школы, а даже с садика. В языках для меня разницы нет*» (Терзи М.И.) [10].

Из результатов проведенного нами опроса следует, что в процессе жизни русский стал у респондентов, проживающих за пределами родины, основным/доминирующим и даже единственно функциональным языком. На этом языке они читают, пишут, слушают передачи, а многие из них на нем думают и общаются в своих семьях.

«*У меня оба родителя гагаузы, и мы в семье всегда разговаривали на гагаузском языке – это мой родной язык. Русский язык для меня является вторым родным языком, так как мы на нем учились в школе. Мне даже говорят, что у меня практически нет акцента. Это благодаря тому, что я в церкви читала и пела на церковнославянском языке. Я быстро научилась хорошо говорить по-русски. На гагаузском языке у меня книг нет… Мне трудно читать на гагаузском языке на латинице, так как в школе до 8-го класса мы учили его на кириллице. А потом алфавит поменялся*» (Трандафилова М.Д.). «*У меня родной язык – гагаузский. Я вырос и первое слово сказал на гагаузском языке. А русский язык – это школа, я ходил в русскую школу. Гагаузский язык мы в школе не изучали, но на нем разговаривали дома. Русский язык – он тоже как родной. Сложно сказать… На нем мне легче разговаривать, на нем я привык проповедовать, читать, общаться с людьми, а в чисто гагаузском языке уже путаюсь. Я общаюсь на гагаузском, но у меня в разговоре проскальзывают какие-то русские слова*» (Грек В.В.) [10].

Как можно судить по городским гагаузам (35–40 лет), переселившимся в белорусскую столицу около 10–15 лет назад, они в основном владеют гагаузским языком и тоже считают его родным.

«*Гагаузский для меня – это мой родной язык. … Русский – тоже мой родной язык. Здесь* (в Беларуси. – *Е.К.*) *на нем все разговаривают. Мое детство было связано и с гагаузским, и с русским языком. С отцом и матерью больше разговаривал на русском языке, а с бабушкой и дедушкой – на гагаузском языке. От них я его хорошо знаю. Ну, а в школе все было на русском языке. Всю литературу – стихи, классику читал на русском. И думаю я тоже на русском языке*» (Камбур А.П.) [10].

Несмотря на то, что основная часть респондентов этого периода свободно владеет русским языком, немалая их часть принципиально и осознанно говорила о том, что для них русский – это «язык общения с другими», язык коммуникации.

«*Родной язык для меня – это гагаузский, а русский – это средство общения*» (Перчемли Н.Г.). «*У меня и мать, и отец – гагаузы. Гагаузский – это для меня родной язык. На гагаузском языке мы разговаривали только с бабушкой. Даже мой младший брат только наполовину знает гагаузский, а некоторых слов вообще не знает. А русский – это язык общения с людьми. Там* (на юге Молдовы. – *Е.К.*) *много русскоязычных. Даже молдаване, которые там живут, они – русскоязычные*» (Иванчоглу В.В.) [10].

Из всех опрошенных лишь один респондент, проживающий с семьей в Гомельской области, назвал русский язык «неродным», несмотря на то что хорошо владеет им.

«*Мы в семье общаемся на гагаузском языке. У меня и у мужа родной язык – гагаузский. Мы общаемся друг с другом только на гагаузском языке (по-русски с ним вообще не разговариваем). А русский – это второй язык, чтобы общаться с другими людьми, но он неродной…*» (Чавдарь Т.А.) [10].

Менее близкое восприятие русского языка в большей степени характерно для респондентов-женщин. Это зачастую связано со временем и способом его усвоения, с проживанием в сельской местности, с доминированием в родительской семье и в местном обществе гагаузского языка (диглоссией). Несмотря на то, что в процессе жизни социальные статусы языков существенно поменялись и русский стал основным языком коммуникации, тем не менее, они продолжают думать на гагаузском языке, так как на русском им сложнее формулировать свои мысли, им требуется больше времени на обдумывание ответа на вопрос и т.д.

Для речи основной части гагаузов, особенно тех, кто менее двух десятков лет проживает за пределами Гагаузии, характерна определенная интерференция. Она является результатом взаимодействия двух языковых систем и проявляется в акценте, которого они стесняются, в отклонении от норм речеобразования, в некотором смешении грамматических и фонетических правил и т.п. Этим, соответственно, во многом объясняется более отчужденное восприятие частью респондентов русского языка.

«*Одно дело общаться с родителями на своем языке, другое дело на русском языке с чужими. Сейчас наши дети разговаривают на русском, а мы в своем родном селе говорили только на гагаузском. У меня и сейчас есть акцент* (при общении на русском. – *Е.К.*), *так как дома мы разговариваем на своем языке. С мужем разговариваем только по-нашему, а с детьми – на русском…*» (Дерели Т.Я.) [10].

Гагаузы узнают друг друга прежде всего «*по акценту и по внешности*» (Маринова Е.П.) [10], а также по характерным для них фамилиям.

4. Гагаузский как «родной язык» в связи с данными переписи и этносоциологического опроса

Если судить по данным переписи Республики Беларусь за 2009 г.[6], то из общего числа зафиксированных в республике гагаузов – 204, 82 человека (то есть менее половины) в качестве родного языка указали язык своей национальности – гагаузский, а 99 человек – русский язык [9]. При этом в доме на языке своей национальности разговаривали всего 3 гагауза, в то время как на русском – 196. Однако эти цифры скорее отражают характер их семей (смешанные браки), приоритет использования ими русского языка в данном пространстве и восприятие ими русского как одного из родных для себя языков. Основным параметром для их детей при самоидентификации в рамках данной этнической группы является не знание родного языка, а, судя по всему, национальность родителей.

Материалы, полученные нами в ходе проведенного этносоциологического опроса, свидетельствуют о том, что в данном вопросе требуется корректировка. Во-первых, признание гагаузами Беларуси русского языка в качестве родного вовсе не значит, что гагаузский язык они не считают родным или не владеют им. Во-вторых, в результаты переписей не вошли данные по гагаузам, переселившимся в Беларусь в постсоветский период, основная часть которых сохраняет молдавское гражданство (они составили большую часть опрошенных нами респондентов). В-третьих, гагаузы-мигранты как советского, так и постсоветского периодов в качестве первого родного языка указали именно гагаузский язык. Что касается русского языка, то одна часть респондентов назвала его либо «родным языком», либо «вторым родным языком», а другая – «языком общения».

Таким образом, все опрошенные нами респонденты, относящиеся к первому поколению гагаузов Беларуси, идентифицируют гагаузский язык как родной и владеют им. При этом лишь у незначительной их части гагаузский язык продолжает сохранять свою коммуникативную функцию в полной мере (средство общения в семье и с друзьями). Часть респондентов, у которых смешанный брак, используют гагаузский язык в основном при общении с родственниками, живущими на родине (по вайберу), да и то делают это все реже. Функциональным у них является русский язык, на котором многие из них думают и говорят.

В заключение отметим, что за пределами Родины родной язык выступает для гагаузов в качестве важного этнического маркера для определения «свой – чужой». У второго поколения гагаузов Беларуси ввиду отсутствия этнической и языковой среды имеет место

[6] По результатам переписи Республики Беларусь 2019 г. гагаузы не вошли в топ-20 национальностей, живущих на территории Беларуси, что свидетельствует о существенном сокращении их официальной численности.

почти полная утрата гагаузского языка. Для них в качестве родного языка выступает русский, а в вопросе изучения детьми других языков родители отдают приоритет иностранным языкам (английскому, немецкому).

Литература

1. Аттриция // Языковые контакты: краткий словарь [Электронный ресурс]. URL: // https://language_contacts.academic.ru/41/Аттриция (дата доступа: 05.11.2021).
2. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 315 с.
3. Глава Гагаузии заявила, что статус русского языка в автономии не изменится. 25.06.2018. URL: https://news.rambler.ru/education/40171799/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата доступа: 05.11.2021).
4. *Квилинкова Е.Н.* О социокультурной интеграции гагаузов в белорусское пространство // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Гомель, 14 кастр. 2021 г. / А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. С. 111–117.
5. *Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах. Минск: Беларуская навука, 2021. 454 с. (Сер.: Мир глазами этнолога / науч. ред. А.В. Гурко).
6. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.
7. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузская идентичность: культурно-цивилизационный выбор или стратегия самосохранения? // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 53–69.
8. *Костомаров В.Г.* Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 9–15.
9. Население по национальности и родному языку. Перепись населения Республики Беларусь на 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/ upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf (дата доступа: 05.01.2021).
10. ПМА – полевые материалы автора (Е. Н. Квилинковой) за 2021 г.
11. *Синячкина Н.Л.* Русский как второй язык, как второй родной и как иностранный: к вопросу о терминах // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. № 5. С. 292–296.
12. *Шахнарович А.М.* Онтогенез речи и формирование языковой способности человека // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185–220.

Генерирование межэтнического доверия и социальных добродетелей: опыт советской национальной политики в Казахстане (1920–1930-е годы)

С.Ш. Казиев, Е.Н. Бурдина

Введение

Настоящая статья посвящена начальному периоду реализации новой национальной политики в Советском Казахстане. Очевидно, что главной целью большевиков было завоевание доверия национальных окраин. Цель определяла соответствующие методы и инструментарий национальной политики. В нашем случае анализ национальной политики Советского государства в Казахстане в 1920-е годы предполагает неоднозначность самого понятия «доверие» и наличие конкурирующих проектов генерирования доверия и борьбы с недоверием. Основное внимание уделяется истории советской национальной политики, рассматриваемой не только в контексте нациестроительства и регулирования межэтнических отношений. Ликвидация правового и фактического неравенства советских народов в 1920-е годы потребовала реализации комплекса мер в сфере образования, культуры и здравоохранения, что явилось залогом успеха политики советизации и завоевания доверия национальных окраин бывшей Российской империи. Для того чтобы обеспечить успех борьбы за доверие, потребовалось принуждение к пониманию друг друга конкурирующими этническими коллективами.

Генерирование доверия в «недоверяющих» обществах предполагает особую роль государства и элиты. Само доверие рассматривается как «продукт» определенных социальных отношений. В этой связи в статье уделено внимание роли Советского государства в формировании межэтнического доверия и культурным традициям добродетельности казахского и русского сообществ, как важнейшим факторам, влиявшим на генерирование уверенности людей в надежности своих иноэтнических партнеров.

Анализ стратегических замыслов и практики реализации советской национальной политики и роли в них борьбы за доверие позволяет согласиться с М.Н. Губогло, обратившим внимание на решение X съезда РКП(б), указавшее на проблему завоевания доверия трудящихся разных наций как важной составляющей части национальной политики [4: 7–8]. История формирования межэтнического доверия и уверенности людей в политических институтах – важная часть социально–культурной истории советского общества.

Интернационалистский проект и проблемы генерирования межэтнического доверия и социальных добродетелей в Советском Казахстане

Установление Советской власти на национальных окраинах поставило большевиков перед проблемой завоевания доверия в традиционно не доверяющих «расколотых» обществах. Ситуация в казахских степях усугублялась последствиями переселенческой политики царизма, спровоцировавшей многочисленные межэтнические конфликты и вызвавшей глубокое недоверие казахского населения к официальной власти. Для защиты прав нацменьшинств и проводилась политика нациестроительства.

Легитимация национальной государственности потребовала четкого определения границ, что сразу же стало источником конфликтов между региональными властями. Союзное руководство вынужденно вмешивалось в урегулирование территориальных споров, как это имело место при создании казахской автономии летом-осенью 1920 г. Члены Кирревкома и областного бюро РКП(б) с помощью деятелей алашевского движения сумели собрать материал об этническом составе и социальных настроениях в районах проживания казахского населения и выработать рекомендации по будущей территории автономии.

Их наработки были отражены в поданной в июне 1920 г. докладной записке Наркомнацу «О киргизских территориях». В этом документе предлагалось при определении границ будущей автономии учитывать следующие обстоятельства: «…а) край, кроме киргизов (казахов. – *Авт.*), составляющих большинство населения, населен еще многочисленными представителями русских крестьян и рабочих и б) что край не имеет внутри своих экономических промышленных и культурных центров, без которых не сможет вести нормальное существование и правильно развиваться» [8: 185]. Авторы записки указывали на то, что крупные города края – Астрахань, Уральск, Оренбург, Кустанай, Омск, Семипалатинск и Ташкент находятся на окраинах или не входят в состав края, но экономически связаны со степными районами. Так как эти периферийные оседло-земледельческие районы использовались кочевым населением, то Кирревком рекомендовал включить спорные территории и окраинные центры в состав будущей автономии [8: 185–186].

Несомненно, в основу записки легли наработки алашевских деятелей, пытавшихся еще до союза с большевиками определить территориальные границы казахской автономии и проведших скрупулезный сбор и историко–статистический и этнографический анализ, на основе которого доказывалась историческая принадлежность той или иной территории казахскому населению [17: 37]. Однако главными модераторами национально-территориального оформления Центральной Азии были Ленин и Сталин, определившие границы национальных республик. Среди местных большевистских вождей в Центральной Азии существовали иные мнения. Секретарь Киробкома РКП(б) А. Коростелев предлагал в июне 1923 г. вывести из состава тогдашнего Казахстана Букеевскую Орду, Оренбург и сибирские области [24: 219–220]. Аналогичные предложения поступали от сталинского заместителя в Наркомнаце И. Бройдо, полагавшего в июне 1924 г., что необходимо создание Среднеазиатской Федерации с включением Кир. АССР. И. Бройдо считал казахское единство мифическим, выступая за территориальное расчленение тогдашнего Казахстана, с изъятиями Оренбургской, Уральской и сибирских областей, передачей Адаевского уезда Хорезму, за объединение Букеевской Орды с Калмыцкой областью [24: 218]. Сам Казахстан, точнее осколок огромной автономии, должен был войти в состав Среднеазиатской Федерации. Эти отвергнутые планы были реанимированы Н.С. Хрущевым на рубеже 1950–1960-х годов и привели к конфликту с частью казахского партаппарата.

Оформление территориально-административных границ края вызвало конфликт Кирревкома с сибирскими и уральскими большевиками, выступившими против передачи в состав автономии Гурьевского, Лбищенского и Уральского уездов Уральской области. Сибревком протестовал из-за изъятия Петропавловского, Омского и Кокчетавского уездов Акмолинской области и Кустанайского уезда Тургайской области, где в результате активной переселенческой политики начала XX в. сложилось преобладание русско-украинского населения над казахским. Сибирские большевики объясняли свою позицию желанием избежать конфликтов между русскими крестьянами, казаками и казахами за земельные угодья [6: 45]. Казахские большевики обвинили сибирских товарищей в игнорировании интересов трудового казахского населения. С. Мендешев на II съезде Советов КАССР (4–10 октября 1921 г.) упрекал сибирских большевиков в потакании русскому кулачеству и нежелании вести переговоры по Омскому, Петропавловскому и Кокчетавскому уездам Акмолинской области и Павлодарскому уезду Семипалатинской области [23: 42–43].

Каждая из сторон приводила свои аргументы. Представители Кирревкома говорили о восстановлении исторической справедливости в отношении коренного населения, сибирские большевики указывали на численное преобладание в этих уездах русских и украинских крестьян, умалчивая, что основной земельный фонд по-прежнему принадлежал казахскому населению. Например, в Омском уезде на 1 января 1909 г. из 4778 тыс. десятин общей площади 3194 тыс. десятин (66,9%) находилось в пользовании 44,8 тыс. местных

казахов, 826 тыс. десятин (17,3%) – в пользовании 17 тыс. сибирских казаков и 647 тыс. десятин (13,6%) – в пользовании 88 тыс. крестьян [10: 3–4]. В другом спорном уезде – Петропавловском – картина была приблизительно схожей. Из 7027 тыс. десятин общей площади уезда в пользовании 77 тыс. казахов находилось 4074 тыс. десятин (58%), в пользовании 44 тыс. сибирских казаков – 1103 тыс. десятин (15,7%) и у 85 тыс. крестьян – 725,8 тыс. десятин (10,3%) [10: 3–4].

По инициативе Ленина, было созвано и проведено 10 и 13 августа 1920 г. совещание по вопросу о границах Казахской автономии с участием руководителей приграничных Астраханской, Челябинской областей, Кирревкома, заместителей Наркома по делам национальностей и сибирских большевиков, получивших наказ «блюсти целостность Сибирской державы» [7: 295]. Ленин апеллировал к необходимости восстановления социальной справедливости в отношении казахского народа и призвал сибирских делегатов Соколова и Гамидова взглянуть на проблему: «Не с сибирской вышки… И даже не с Ивана Великого. А, может быть, с Гималаев? Разумеется, не с английскими окулярами» [7: 295–296].

История национально-государственного строительства в 1920-е годы показывает, что этот процесс был болезненным и сопровождался конфликтами между местными элитами, заставлявшими советское руководство добиваться компромиссов на местном уровне. Последующие события показали важность и чувствительность территориального вопроса для деятелей казахского национального движения и национал-коммунистов.

Опыт реализации программы ликвидации фактического и правового неравенства нацменьшинств показал необходимость внесения корректив в национальную политику, носившую больше декларативный характер. Принципиально новые подходы были объявлены на X съезде РКП(б). Сталин заявил о необходимости ликвидации фактического неравенства наций путем оказания хозяйственной, материальной и культурной помощи и спасения от вымирания казахов, башкир и «некоторых горских племен», обеспечив им необходимые земли за счет русских крестьян-кулаков [19: 189]. Крайний интернационалист Г. Сафаров, содокладчик Сталина по национальному вопросу, отмечал желательность реализации программы завоевания доверия «угнетенных наций» через защиту их прав и возвращение отчужденных царизмом земель, переданных русским крестьянам и казакам. По его мнению, «доверие киргизского батрака, работавшего 18 часов на русского кулака, который волен над жизнью и состоянием этого киргиза, доверие этого киргиза-бедняка никогда не завоевать, пока русскому кулаку будет предоставлена свобода грабежа… надо совершенно определенно сказать, что без восстановления трудовых прав на землю коренного трудового населения окраин, населения буквально вымирающего, ни о какой национальной политике на окраинах не может быть и речи» [19: 197].

Деятели Наркомнаца признавали, что в национальных регионах «земельный вопрос настолько переплетен с национальным вопросом, что разрешить первый без последнего, и наоборот, не представлялось возможным… В практике Наркомнаца, пожалуй, не было ни одного случая, чтобы параллельно с вопросом о выделении в автономную единицу той или иной национальности, во всем объеме не вставал чрезвычайно сложный и запутанный земельный вопрос, обыкновенно скрывавший в себе ряд насильственных захватов пришлого населения» [26: 22]. На первый план выдвигалась борьба с колонизаторством, предполагавшая серьезное ущемление прав русского населения. Русские и украинские крестьяне – переселенцы в период аграрной колонизации конца XIX – начала XX в. –находились в привилегированном положении в вопросах землепользования и привыкли полагаться на защиту и поддержку прежней имперской власти, считая полученные в ходе переселения земли своей собственностью.

На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель – «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз… энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [21: 279–284].

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г., казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 г., в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. Казахскому населению были возвращены земли десятиверстной полосы вдоль Иртыша, Урала и Пресногорьковской линии, земли, отмежеванные для размещения переселенцев, а также монастырские земли. Переселенцам оставлялись участки в размере трудового надела, пришлые земледельцы уравнивались в наделении землей с русскими крестьянами. С учетом территорий, входивших в Туркестанскую АССР, в период чрезвычайных аграрных мероприятий 1920–1921 гг. казахскому населению было возвращено несколько миллионов гектаров земли [6: 159].

Изучение первых лет реализации советской национальной политики позволяет говорить об отходе советского руководства от марксистских догм приоритета классовых основ и учете национального фактора в жизни общества. Создание национально-государственных образований было вынужденной и временной мерой, направленной на завоевание доверия нацменьшинств, впоследствии стало каноном национальной политики. Для казахского населения декларирование и введение равенства имело психологическое значение: из бесправного меньшинства казахи становились полноправными членами сообщества советских народов. Очевидно, что всех этих мер было недостаточно для интеграции общества, потребовались значительные усилия и время в сфере формирования новых нацкадров и культурного строительства. Переход к политике коренизации и культурного строительства был логическим продолжением курса на вовлечение нацменьшинств в создание нового общества. Необходимо было «сверху» внедрять новые добродетели интернационализма в расколотые сообщества.

Генерализация межэтнического доверия: коллизии коренизации и внутриполитической борьбы 1920–1930-х годов

В отношении политики коренизации существует традиция ее отождествления с «национализацией» или «этнизацией» управления в национальных республиках, т.е. с утверждением верховенства этнической нации в теории и практике советской национальной политики. Однако это односторонний подход, так как насаждение нацкадров или игнорирование классовых основ не было самоцелью советских вождей, скорее коренизация представляла инструмент интеграции национальных меньшинств в новое общество через завоевание доверия. Продвижение доверия могло быть обеспечено только в случае понимания людьми сущности и целей Советского государства и принуждения к установлению национального равноправия. В этой связи нельзя отрывать коренизацию от других направлений реализации широкой стратегии завоевания доверия населения национальных республик в сфере культуры, образования и медицины. Советский Союз был, в понимании большевистских вождей, одновременно государством антиимпериалистическим, федерацией суверенных государств, добровольным объединением советских наций, прообразом будущей негосударственной организации общества и моделью неэксплуататорских отношений между нациями.

В числе первых нормативных правовых актов Казахской Республики в области языкового законодательства стал декрет Совнаркома КАССР от 2 февраля 1921 г., в соответствие с которым в государственных учреждениях на всей территории КАССР (ст. 1) вводилось употребление казахского и русского языков «на равных правах» [2: 58]. В целом данный декрет устанавливал правовой статус казахского и русского языков как государственных языков Казахской АССР и определил приоритет русского языка в делопроизводстве центральных и губернских органов власти Республики. Такое положение русского языка, как одного из ведущих языков Казахстана, объективно и логично в силу статуса Республики как автономной, находящейся в составе РСФСР, а также необходимости нормального обеспечения работы бюрократического аппарата, связи между центром и республиканскими органами власти.

Знаковым событием в решении национально-государственного строительства и становлении языкового законодательства явилось решение X съезда РКП(б) 1921 г. Так, резолюция съезда, принятая на основе доклада Сталина, предусматривала следующее: «а) развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям…народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйствования, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело, и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [13: 559].

Практика реализации языкового законодательства выявила основные проблемы: острую нехватку национальных кадров, незнание русскоязычными работниками партийного и советского государственного аппарата казахского языка, трудности материального и технического характера (отсутствие типографий, казахского шрифта), массовую неграмотность населения и др. Действительность показала наличие слабой переводческой базы, что выразилось в неточности и неполноте перевода на казахский язык декрета от 2 февраля 1921 г. и других нормативно-правовых актов СНК, решений КазЦИКа. Именно поэтому, как отмечалось в Постановлении СНК КАССР № 2873 «О проведении в жизнь законодательных актов на киргизском языке» от 13 сентября 1922 г., «…центральные и губернские органы КССР, рассылая на места издаваемые ими законодательные и иные акты на русском языке, пока лишены возможности присоединить к ним переводы текста русского на киргизский (казахский) язык» [28]. В соответствии с данным постановлением СНК, во избежание неточностей перевода всем центральным и губернским органам Казахстана предписывалось принимать к руководству и применению только те нормативно-правовые акты в переводе на казахский язык, которые опубликованы Наркомюстом КАССР; предусматривался также контроль «за точным выполнением настоящего постановления» соответствующими наркоматами [28].

Правовой статус казахского и русского языков как государственных языков КАССР также закреплялся Постановлением Президиума ЦИК КАССР от 23 ноября 1922 г. «О порядке принятия законов одновременно на русском и киргизском языках». Постановление устанавливало рассмотрение и принятие всех нормативно-правовых актов одновременно на двух языках. Отраслевые наркоматы республики обязывались представлять в законодательные органы проекты декретов одновременно на двух государственных языках. С целью перевода и редактирования законодательных проектов, декретов и др., подготовки к изданию нормативно-правовых актов на казахском языке при КазЦИК создается специальная переводческая комиссия [1: 174]. Первые шаги по внедрению в делопроизводство казахского языка предваряли собственно политику коренизации.

Отсчет коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении официального делопроизводства на казахском языке. Включение во временные рамки коренизации более раннего периода национально-государственного строительства

и ликвидации остатков колониального наследия в 1920–1922 гг. представляется некорректным [12]. Согласно намеченному графику, с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля за проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения по отношению к новой власти, привлечения казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [20: 111].

На первом этапе местное руководство столкнулось с отсутствием в республике значительной прослойки европейски образованных и идеологически устойчивых кадров, с массовой неграмотностью казахского населения. В 1923 г. только 9% казахских детей были охвачены школьным обучением [20: 99–101].

Введение делопроизводства на казахском языке рассматривалось в неразрывной связи с коренизацией советского и партийного аппарата в Казахстане. План по коренизации был разработан казкомиссиями. Формирование национального государственного аппарата основывалось на процентной норме замещения казахскими кадрами должностных мест, занятых русскоязычными работниками, не владеющими казахским языком. Характеризуя данный принцип коренизации, А.П. Кучкин отмечал: «Коренизация не лишала прав пользоваться своим родным языком и пришлое, некоренное население Казахстана – русских, украинцев и других… Принцип коренизации не исключает возможности укомплектования советского и хозяйственного аппарата людьми другой, не коренной национальности, но они обязаны были владеть языком местной национальности, вести дело на родном языке коренной нации» [14: 312].

Коренизация первоначально проходила успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местном аппарате казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курьеров. Увольняемые с коренизированных должностей служащие с трудом находили новую работу и влачили нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата. Вторая сессия КазЦИК потребовала 100-процентной коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50-процентной коренизации в районах со смешанным населением [21: 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На 1 января 1925 г., по данным КазЦИК, наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28%), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и Наркомате юстиции (17,5%). Меньше всего были коренизированы Народный Комиссариат труда (7%), внутренних дел (6%), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4%), Уполнаркомвнутрторг (2,5%), Казстатуправление (1,5%) и Наркомат финансов (0%). На начало 1926 г. среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2%, губернских – 22,6% и уездных –

48,7%. Среди служащих, имеющих высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях – 16,4 и 5,4% соответственно; губернских – 16,2 и 4,4%. Значительно выше было представительство казахов среди служащих, имеющих низкий уровень квалификации – сторожей, уборщиц и кучеров. В краевых органах власти они занимали 25,8% штата служащих, в губернских – 11,8% и уездных – 35,7%. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совнаркоме на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 руководителей были русскими по национальности [3: 5).

Коренизация с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского аула. Было заявлено, что коренизация аппарата не покрывает всей проблемы национальной политики, а является только ее важной составной частью. 20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию, ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Ф.И. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК. Против перехода к функциональной коренизации выступили члены Бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [27]. С. Садвокасов заявил своим оппонентам: «Вы, наверное, думаете, что мы находимся в Краевом комитете, что мы руководим Крайкомом. Нет, это совершенно не так. Социальное положение Казахстана не лучшее, говоря иными словами, вся власть у русских. Нередко большинство вопросов, касающихся национальной политики, рассматривается и решается без нашего участия» [15: 27].

Главная причина решительной ревизии процентной коренизации заключалась в резком обострении межэтнических отношений в середине 1920-х годов. Новый курс на одновременную борьбу с казахским национализмом и русским шовинизмом привел к корректировке коренизации. Постановление КазЦИКа от 20 мая 1926 г. предусматривало возложение дальнейшего руководства по коренизации государственного аппарата на Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ). Казкомиссии при ЦИКе и губисполкомах ликвидировались [2: 254]. НК РКИ при участии руководителей различных государственных учреждений определил номенклатуру функций, подлежащих коренизации. По всему Казахстану таких функций насчитывалось 13 тысяч [14: 325]. С 27 мая 1926 г. начинается этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении в штате учреждений номенклатуры должностей, которые в обязательном порядке должны были занимать либо казахи, либо лица, свободно владеющие казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП(б), Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. План работы НК РКИ по коренизации госаппарата КАССР был одобрен на заседании Президиума ВЦИК 2 сентября 1926 г. [28].

Но и функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 г. в местном аппарате из 11 968 намеченных должностей коренизировано было только 2567 (23,2%), в краевом аппарате из 840 должностей коренизировано 195 (23,7%). Наименьшие успехи были достигнуты в Акмолинской области, где ощущалось сильное сопротивление русской части аппарата. С 1926 по 1927 г. здесь сократилось число губернских ответработников и партийных функционеров с 58 до 45 человек, при увеличении числа сторожей и кучеров из числа казахов. Общий процент коренизации к 1927 г. составлял по краевым учреждениям – 23,1%, по местному аппарату – 23,2% [14: 328]. Наиболее коренизированы на конец августа 1927 г. были два высших органа управления республики – КазЦИК и СНК: в Президиуме КазЦИКа было представлено 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак, 1 узбек. В числе членов пленумов КазЦИКа казахов насчитывалось 97, прочих – 53. В СНК КАССР

казахов насчитывалось 11, прочих – 5. Из руководителей 16 краевых хозяйственных организаций казахи составляли 8, остальные 8 – прочие. А.П. Кучкин, исследуя степень коренизации государственного аппарата Казахстана в 1927 г., пришел к заключению: фактический результат коренизации по краевым учреждениям составил 23,1%, по всем губерниям – 23,2% [14: 328]. Представленные результаты коренизации государственного аппарата и введения делопроизводства на казахском языке в течение ряда лет позволяют констатировать не только доминирование русского языка в делопроизводстве в КАССР и незначительную степень коренизации госаппарата, но и признать невозможность полного решения поставленных партией и правительством задач в области обеспечения гарантий равноправия языков в столь короткие сроки в силу различных объективных причин.

КАССР отличалась немногочисленной национальной интеллигенцией, которая, кстати, пошла на сотрудничество с Советской властью (Н. Нурмаков, С. Асфендиаров, и др.). Достаточно многочисленными, активными в управлении партийным госаппаратом в Казахстане были представители нетитульной нации (русские и украинцы). Доля титульного населения Казахстана на 1926 г. составляла 58,5%. Из нетитульного населения самыми многочисленными были русские и украинцы – 34,5%. Уровень грамотности среди русских составлял 36% на 1926 г. [16: 43]. Русские и украинцы доминировали в государственном и партийном аппарате, часть которого оказывала сопротивление политике коренизации и, в силу невладения казахским языком, а также шовинизма, переводу делопроизводства на казахский язык. В постановлении Акмолинского губернского исполнительного комитета 1927 г., в резолюции по докладу об очередных задачах советского строительства, четко зафиксировано «скрытое сопротивление или пассивное отношение» отдельных работников и учреждений в осуществлении коренизации аппарата [28].

В январе 1928 г. завершается второй этап коренизации. 17 января 1928 г. Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации – Наркомата РКИ – в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым коренизация была низведена с уровня общегосударственной политики до кадровой деятельности местного аппарата. Вплоть до 1932 г. краевое руководство, занятое оседанием и коллективизацией казахского кочевого хозяйства, не уделяла сколь-нибудь значительного внимания коренизации. Провалилась и функциональная коренизация. На начало 1928 г. коренизация центрального аппарата составляла 23%. В Уральской губернии из 1222 должностей коренизировано 334 (34%), в Актюбинской из 801 должностей коренизировано 180 (22,5%), в Акмолинской губернии из 1527 занято 519 (33,4%), в Семипалатинской из 2875 – 34 (13%), в Джетысуйской из 1632 функций – 367 (22,4%) и Сыр–Дарьинской из 1717 функций – 310 (18,6%) [1: 177]. По мнению А.П. Кучкина, недостаточными оказались усилия по подготовке необходимых специалистов. За период с 1926 по 1928 г. курсы подготовки бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей и секретарей закончили 1156 человек, в то время как необходимо было подготовить 12 тыс. специалистов [14: 333].

По нашему мнению, помимо сопротивления части аппарата из числа русскоязычного населения Казахстана (русских и украинцев) и других причин медленных темпов коренизации, следует обратить внимание на следующее. По сути, от партийных и советских работников Казахстана в целом, а также госаппарата смешанных по национальному составу волостей и губерний на практике требовалось владение двумя языками – казахским и русским. Партийный, советский работник, судья, бухгалтер, милиционер, бригадир, инженер или директор завода – должны были быть двуязычными. Таких сотрудников госаппарата было немного, и требовалось время, десятки лет, и система мер для их «выращивания».

Таким образом, в Казахстане имелся комплекс причин, объективно обусловливающих медленное внедрение в делопроизводство казахского языка и обслуживание населения государственными органами и учреждениями на казахском языке. Без сомнения, это ска-

залось на темпах реализации языкового законодательства в КАССР в целом. Соответственно, вопрос о действии казахского языка в государственных органах и учреждениях, обеспечении обслуживания титульной нации на казахском языке по-прежнему, оставался открытым.

Степень коренизации государственного аппарата КАССР и владения сотрудниками казахским языком на 1931 г. составила 29,5%, 1932 г. – 34,8%, в среднем около трети (32%) членов государственного управления краевого уровня могли обслуживать население на языке титульной нации. Весь краевой аппарат – на двух государственных языках Казахской автономной советской социалистической республики. Дальнейшее развитие языкового законодательства и его реализация проходили в условиях построения основ социализма (индустриализация, коллективизация, в Казахстане дополнительно – оседание кочевого этноса) и как части его – культурной революции.

Отзыв Ф.И. Голощекина в Москву в январе 1933 г. привел к восстановлению прежней политической практики первой половины 1920-х годов. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна, в январе 1933 г. Пленум Казкрайкома ВКП(б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «…Проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [18: 4].

Вновь было пересмотрено отношение краевого руководства к политике коренизации аппарата управления. К этому времени в результате частых чисток заметно снизилось представительство казахов и русских в партийно-государственных органах, особенно на местном уровне. С 1931 по 1933 г. представленность казахов в составе ответственных работников райкомов партии снизилась с 58 до 48%, русских – с 34 до 31%, при этом увеличилось представительство украинцев с 0,1 до 8,5%, «европейских национальностей» – с 2,4 до 6,5%, по графе «другие национальности» – с 5,5 до 6% [27]. Постановлением КазКрайкома ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. и Постановлением КазЦИКа и СНК КАССР от 17 мая 1933 г. вводились в обязательном порядке делопроизводство и переписка на казахском языке в шести правительственных органах Казахстана – КазЦИКе, Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-крестьянской инспекции, Наркомате земледелия, аппарате СНК КАССР. В других народных комиссариатах, краевых органах, хозяйственных учреждениях допускалось ведение переписки на двух языках – казахском и русском. Во всех районных организациях, в которых казахское население составляло не менее 40%, делопроизводство и переписка с центральными и областными организациями вводились на казахском языке. В остальных районах – на казахском и русском языках [28].

В директивном порядке были подвергнуты коренизации КазЦИК, СНК КАССР, Наркомат юстиции и Верховный суд КАССР. В аппарате этих ведомств доля казахских кадров возросла с 29,8% в 1932 г. до 37,2% в 1934 г. В 15 республиканских наркоматах численность казахских работников возросла с 227 человек (18,5%) до 330 человек (25,5%) [27].

На местах в начале 1930-х годов по-прежнему оставались сложности в обеспечении деятельности государственных органов власти на двух языках и особенно на казахском языке. Из протокола № 10/63 заседания Президиума Карагандинского облисполкома (г. Петропавловск) от 3 мая 1933 г. известно о «совершенно неудовлетворительной» организации изучения казахского языка в государственных учреждениях [28].

Соответствующие постановления появились на местах. Так, Постановлением Президиума Карагандинского исполнительного комитета от 3 мая 1933 г. четко очерчивался круг районов (п. 4) с обязательным делопроизводством на казахском языке, на казахском и русском языках и районы, исключающие введение делопроизводства на казахском языке (п. 2), ввиду этнического состава их населения. Постановление предписывало недопущение игнорирования обслуживания советами на родном языке русского и других этнических

групп населения в местах их компактного проживания (п. 5). Категорически запрещалась переписка на арабской графике всем учреждениям областей, районов, аулсоветам (п. 10).

Спектр мер, определяемых данным постановлением, достаточно широк. В частности, контролировалось обеспечение областным управлением связи, приема телеграмм, корреспонденции и переводов на казахском языке. В п. 6 предусматривался перечень районов, в которых районные отделения связи должны оказывать услуги населению на казахском и русском языках. Постановление обязывало широко развернуть курсы по изучению казахского языка (п. 8) работниками аппаратов из числа русских и представителей других этнических групп. С 15 мая 1933 г. все вывески, справочные таблицы, расписание на железнодорожных станциях обязательно должны быть на двух государственных языках. С 1 июня 1933 г. требовалось перевести на два языка работу справочных бюро на всех железнодорожных станциях (п. 7) [28].

Успехи в создании национальных кадров привели в 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. В 1936 г. казахи составляли 66,6% КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов – 64%, в составе руководящих работников исполкомов – 53%, председателей областных исполкомов – 55,5%. В составе райисполкомов казахи составляли 69%, председателей аулсоветов – 64,7% [9: 78]. Вырос контингент казахских коммунистов. На 1 января 1937 г. казахи составляли 46,8% партийной организации республики, русские – 32,9%, украинцы – 9,7%, узбеки – 1,6%, уйгуры – 1,1% [9: 81]. По внешней форме коренизация достигла своих целей, и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК.

Свертывание коренизации началось в апреле 1938 г. принятием в национальных республиках постановлений «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах» в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Мартовское Постановление союзных органов преследовало вполне практичные цели, оно не было направлено против нацкадров, т.е. не означало напрямую денационализацию партийно-государственного аппарата, так как объявлялось, что «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Существовали объективные причины усиления роли русского языка, связанные с требованиями научно-технического и военного развития страны в условиях усиления угрозы войны с нацистской Германией.

История генерирования доверия в советских республиках показывает значимость приближения государственного аппарата к запросам и нуждам населения. Коренизация способствовала созданию базовых предпосылок для налаживания межэтнического сотрудничества и снятию отчуждения коренного населения по отношению к новой власти, провозгласившей и реально воплощавшей в жизнь лозунги национального равноправия. Политика позитивной дискриминации порождала уверенность в людях относительно будущего своего народа. Однако коренизация не достигла бы своих целей, если бы советская власть ограничилась только формированием национальных кадров и советизацией окраин. Не менее важными были мероприятия в сфере образования, культуры и здравоохранения.

Заключение

С.В. Чешко в фундаментальной работе «Распад Советского Союза» обращал внимание на неоднозначность последствий советской национальной политики в период сталинизма, ее жесткую детерминированность внутриполитическими процессами в стране, давлением внешней среды и уровнем развития населения [25]. Именно усилия Советского государства способствовали «взращиванию» современной этнонациональной идентичности и нормативного этнонационализма в преимущественно крестьянской стране. Отношения

между советскими нациями основывались на поддерживаемой государством общей вере в коммунистическую идеологию и интернационализм.

Данный вывод вполне применим и к политике генерирования межэтнического доверия в Советском Казахстане в 1920–1930-е годы, где, несмотря на ужасающие последствия политики коллективизации и силового оседания казахского аула, большевистскому руководству удалось запустить процесс воспроизводства межэтнического доверия в сложносоставном обществе. Основу доверия составили как представления о справедливости и равенстве, генерируемые Советским государством, так и традиционные моральные ценности и социальные добродетели, сохранявшиеся в условиях тоталитарного режима. Бывшая узница Акмолинского лагеря «жен изменников родины» (АЛЖИР) Г. Платайс в 1990 г. рассказала историю о том, как дети и женщины соседнего аула Жанаша закидывали несчастных женщин камнями, вызывая одобрительный смех охраны. Вскоре узницы выяснили, что эти камешки были комками курта (соленого творога). Жители аула спасали жизни несчастных женщин, бросая или пряча под камнями лепешки, курт, кусочки вареного мяса. Аналогичными воспоминаниями делились потомки депортированных ахалцихских турок, рассказывавшие авторам, что выброшенные в степь семьи разобрали по домам местные жители. В этих историях мы видим широкую генерализацию и распространение традиций взаимопомощи и неоставления в беде нуждающихся, характерную для ментальности казахских кочевников, и распространение данной формы добродетельности на другие этнические коллективы.

Моральные ценности и добродетели поддерживают цельность и прочность межэтнического доверия. Уроки тех лет позволяют говорить, что для поддержания моральных основ межэтнического доверия необходима совместная кропотливая работа государства и самого общества. Национально-государственное строительство, землеустроительная кампания, политика коренизации, культурная модернизация сняли отчуждение казахского населения к советской власти и этническим «чужакам», а голод и репрессии актуализировали сострадание к попавшим в беду людям. Родовые формы солидарности и группового доверия были надолго оттеснены на периферию общественной жизни национальной консолидацией. Казахское население реально видело происходящее улучшение жизни и стремление власти к подлинному равенству. Вплоть до распада Советского Союза казахстанцы сохраняли лояльность стране и межэтническую толерантность.

Успешная генерализация межэтнического доверия требует моральной ответственности политической и интеллектуальной элит. Сталинское руководство страны при том, что оно разжигало классовую войну, все же принуждало общество к доверию и, оставаясь действительным поборником социальной справедливости и равноправия, избегало «языка ненависти» в отношении советских народов. В значительной степени это объясняет устойчивость советского режима вплоть до конца 1970-х годов. Межэтническое доверие и толерантность в целом были характерны для советского общества. Уроки 1920–1930-х годов убедительно говорят об особой роли государства в созидании и поддержании доверия и ответственности самого общества в сохранении общепризнанных норм добродетельности.

Литература

1. *Агдарбеков Т.А.* Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.). Алма-Ата, 1990.
2. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы. 1920–1937 гг. / сост. Х.Г. Айдарова, И.Н. Буханова, А.В. Бучнева и др. Алма-Ата, 1972.
3. Вторая сессия КирЦИК 4-го созыва. 16–19 июня 1923 г. Стенографический отчет. Оренбург, 1924.
4. *Губогло М.Н.* Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014.

5. *Дахшлейгер Г.Ф.* Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане (пролетарский интернационализм в действии) // Великий Октябрь в Казахстане: Сб. ст. Алма-Ата, 1977. С. 36–58.
6. *Дахшлейгер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965.
7. *Зиманов С.З.* В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970.
8. *Зиманов С.З., Даулетов С.О., Исмагулов М.Ш.* Казахский революционный комитет. Алматы, 1981.
9. *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1957.
10. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. II: Омский уезд. СПб., 1910.
11. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. III: Петропавловский уезд. СПб., 1910.
12. *Котов К.Ф.* Коренизация советского государственного аппарата Казахстана (1920–1936): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1951.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Ч. 1: 1898–1924. М., 1954.
14. *Кучкин А.П.* Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1962.
15. *Кыдыралина Ж.У.* Нация и история. Астана, 2009.
16. *Мышко Н.С.* Изменение образовательного уровня населения Казахстана в первое десятилетие Советской власти // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 39–48.
17. *Нурмагомбетова Р.К.* Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы: 1920–1990-е годы XX века. Алматы, 2003.
18. О коренизации (Сборник руководящих материалов) / сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. Алма-Ата, 1934.
19. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.
20. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кзыл-Орда, 1927.
21. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1962.
22. Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923.
23. Стенографический отчет II съезда Советов КАССР. Оренбург, 1924.
24. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1 / сост. Л.С. Гатагова, Л. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005.
25. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. М., 2000.
26. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг. М., 1924.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.
28. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Петропавловск.

Этносоциологическое измерение межнациональной брачности в Северном Казахстане (на примере браков казахов)

М.В. Могунова

В истории российской науки существует мнение, что «проблемы, связанные с исследованием межэтнической брачности, стали если не причиной появления отечественной этносоциологии, то органичной темой, вошедшей в самые первые этносоциологические проекты, осуществленные в СССР в 1960-е годы» [7: 268]. Развитие этносоциологии и феномен межнационального брака оказались тесно переплетены в исследованиях советских/российских ученых и связаны с именами Л.М. Дробижевой, Ю.В. Арутюняна, А.А. Сусоколова, М.Н. Губогло. Этносоциологическое исследование межнациональных браков открыло возможности изучать взаимодействие между этносами, связь между этническими и социальными процессами.

Спустя десятилетия проблема межнациональных браков продолжает интересовать ученых, обусловив многоаспектность современных исследований. Изучая межнациональные браки в современном обществе, российские ученые уделяют внимание в том числе бракам между русскими и казахами. В одних работах эти народы рассматриваются как представители коренного старожильческого населения России [6: 96–123], в других – позиционируются как местные жители и мигранты [3: 122–148], отдельные исследования описывают ситуацию с межнациональными браками в суверенном Казахстане [2: 71–88].

В настоящей статье предлагается обратить внимание на специфику межнациональных браков казахов Северного Казахстана на основе анализа материалов текущего учета населения. Источником исследования стали актовые книги, составленные на основе актовых записей о заключении брака ЗАГСа Департамента юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Автором были выбраны и проанализированы актовые записи о заключении брака между казахами и русскими из актовых книг 1996, 2006, 2016 г. Все таблицы составлены автором статьи на материалах актовых книг.

Браки в жизни казахов Северного Казахстана. У казахов брак предполагал прежде всего широкую гамму отношений между родами, представители которых, вступили в него. К моменту возведения Петропавловской крепости в 1752 г. земли в районе р. Ишим считались общей территорией атыгаев и кереев, сумевших вытеснить или инкорпорировать в свой состав ойратов и башкир. До середины XX в. брачными партнерами кереев выступали уаки, представители аргынских родов атыгай и караул брачевались между собой и чингизидами – торе. В последующем развитие этнонационального сознания разрушало межродовые «перегородки».

При выборе партнера по браку большей свободой обладали мужчины. Был распространен брак казаха и женщины из другого народа, что сохраняло принадлежность к казахскому роду, следование казахским традициям, родственные связи. Тем не менее в первой половине XIX в. из-за недостатка женщин на пограничных линиях был разрешен выкуп и обращение в православие казахских девочек с последующей выдачей замуж за казаков и отставных солдат. Г.Н. Потанин зафиксировал, что многие линейные сибирские казаки ведут свое происхождение от кочевых «инородцев», в станицах «много между казаками крещеных киргизов и даже киргизок, так что здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц, и можно услышать песню, представляющую смесь киргизского языка с русским» [5: 307]. Несмотря на положительный опыт межнациональных отношений, внутри казахских общин возникали опасения по поводу угрозы ассимиляции, и формировались практики исключения из родственных связей лиц, вступивших в брак с представителями европейских групп населения. Исключение составляли браки с близкородственными татарами. К середине XX в. данная тенденция продолжала сохраняться.

В XX в. вследствие выравнивания уровня социального развития, ускоренной урбанизации казахов, накопленного опыта межнациональных отношений менялось отношение казахов к межнациональным бракам. Свою роль сыграло и преобладание атеистической идеологии в советском обществе, снявшей остроту проблемы религиозных ограничений в браке в среде казахского населения.

В записанной со слов Н. Бибжан поговорке лучшей невесткой у казахов считается немка[‡‡]. Здесь сказывается удивительная пластичность ментальности немок, воспринимавших как должное необходимость сохранения семейных устоев казахской семьи. Немецкие жены владели казахским языком, проникались казахской культурой, часто формально переходя в ислам. Не возникало конфликтов по национальной принадлежности детей, получавших казахские имена [4: 96–97]. По данным О.Б. Наумовой, казахско-немецкие браки были в одном варианте: муж – казах, жена – немка [4: 94]. В Северном Казахстане в качестве брачных партнеров казахов преобладали русские, определяющее значение имела их численность в регионе и давние связи с казахским населением. А.Б. Калыш отмечает: «Казахи при вступлении в национально-смешанные браки отдают предпочтение русским, потом – татарам, а татары, в свою очередь, – казахам и русским» [1: 344].

В современном г. Петропавловске, одном из областных центров Северного Казахстана, наблюдается рост межнациональных браков казахов (табл. 1). В этом городе казахско-смешанные браки распространены больше, чем смешанно-казахские (первой указана национальность мужчины, второй – женщины). Материалы ЗАГСа позволяют предположить, что современные казахи (мужчины) чаще вступают в браки с неказашками, но дистанция между казахами и казашками в вопросах выбора второй половины нетитульной национальности постепенно сокращается (табл. 1).

Таблица 1

Межнациональные браки казахов, зарегистрированные органами ЗАГС г. Петропавловска (% от общего числа межнациональных браков)

Годы	**Межнациональные браки, зарегистрированные**	**Межнациональные браки казахов**	**из них браки с участием**	
			мужчин	женщин
1996 г.	278 (24%)	30 (10,7%)	18 (6,5%)	12 (4,31%)
2006 г.	358 (20,6%)	69 (19,2%)	44 (12,29%)	25 (6,98%)
2016 г.	437 (22%)	128 (29,2%)	75 (17,16%)	53 (12,12%)

При кажущемся внешнем разнообразии, круг брачных предпочтений казахских мужчин довольно традиционен (табл. 2). В него входят русские, украинки, немки и татарки. Безусловно, мужчины-казахи были вовлечены в формирование разных вариантов межнационального брака: казахско-польский, казахско-корейский, казахско-чеченский, казахско-белорусский и пр. (речь идет о представителях национальных групп, которые в регионе представляют меньшинство). Тем не менее казахские мужчины среди женщин- неказашек чаще выбирали русских, татарок, что во многом объясняется исторически сложившейся русско-казахско-смешанной этнической средой в городе. Казашки выходили замуж за русских, украинцев, немцев, татар, поляков, азербайджанцев, узбеков, белорусов, армян, корейцев, курдов, киргизов, мордвинов, осетин (табл. 2), из них спутниками жизни казашек чаще других становились русские мужчины.

[‡‡] Смысловой перевод с казахского всей поговорки звучит так: «Если возьмешь в жены немку, то будешь жить в изобилии. Если возьмешь женой казашку, станешь объектом ее постоянных шуток. Возьмешь жену-татарку, будешь слышать постоянные причитания. Возьмешь русскую жену, будешь постоянно ругаться». Поговорка была записана С.Ш. Казиевым в 2000 г. в г. Петропавловск (район Бензострой), Республика Казахстан.

Таблица 2

Предпочтения казахов г. Петропавловска в выборе брачного партнера

	Партнер по браку	**1996 г.**	**2006 г.**	**2016 г.**
Мужчины	русские женщины	11	33	49
	украинские женщины	-	2	6
	немецкие женщины	-	3	4
	татарские женщины	5	5	10
	другие	2 (белоруска, узбечка)	1 (кореянка)	6 (белоруска, чеченка, кореянка, молдованка, таджичка)
Итого	**казахско-смешанные браки**	**18**	**44**	**75**
Женщины	русские мужчины	4	19	29
	украинские мужчины	1	3	3
	немецкие мужчины	2	1	5
	татарские мужчины	2	1	7
	другие	3 (поляк, узбек, азербайджанец)	1 (белорус)	9 (азербайджанец, армянин, белорус, кореец, кыргыз, узбек, мордвин, осетин, курд)
Итого	**смешанно-казахские браки**	**12**	**25**	**53**

В рассматриваемые годы петропавловские казахи чаще выбирали супругов из числа русского населения. Рассмотрим особенности казахско-русских и русско-казахских браков в г. Петропавловске на материалах городского архива ЗАГС за 1996, 2006 и 2016 г. Очевиден рост казахско-русских и русско-казахских браков (табл. 3).

Таблица 3

Браки между казахами и русскими, зарегистрированные в г. Петропавловск

(% от общего числа межнациональных браков)

Межнациональные браки	**1996 г.**	**2006 г.**	**2016 г.**
Казахско-русские	11 (3,9%)	33 (9,2%)	49 (11,2%)
Русско-казахские	4 (1,4%)	19 (5,3%)	29 (6,6%)
Итого	**15 (5,3%)**	**52 (14,5%)**	**78 (17,8%)**

Возраст. В указанные годы казахи и русские заключали гражданский брак в разном возрасте[§§]. В русско-казахских парах «нижней» границей стал 18-летний возраст брачующихся, а «потолком» – 46–47 лет. В казахско-русских браках «нижняя» граница близка к показателям, выявленным в русско-казахских браках: 17 лет у женщин и 19 лет у мужчин. «Верхняя» граница в казахско-русских браках несколько выше – возрастной оказалась пара 61-летнего казаха и 57-летней русской женщины. Подобные условные рамки при заключении браков между казахами и русскими соответствуют периоду зрелости в жизни современного человека, который максимально подходит для создания семьи, рождения детей, самореализации и пр.

В целом, казахи и русские заключали браки, как правило, в зрелом возрасте, который приближается к 30-летнему рубежу, что подтверждает общемировую тенденцию увеличения среднего возраста вступления в брак (табл. 4). Незначительные колебания среднего возраста наблюдаются у русских женщин. В то же время казахские и русские женщины

[§§] Речь идет о браках между казахами и русскими всех очередностей. При работе с актовыми записями встречались данные о повторных браках среди казахов и русских. Однако в актовую запись сведения о расторжении брака вносятся только по факту, поэтому полной информацией об очередности зарегистрированных в указанные годы межнациональных браках казахов и русских автор не располагает.

по-прежнему при заключении брака были моложе мужчин. Средний возраст вступления в брак казахских мужчин оказался выше аналогичного показателя русских мужчин. Русские женщины, вступая в браки с казахами, были старше по возрасту казахских невест.

Таблица 4

Средний возраст вступления в брак казахов и русских (лет)

Брак		1996 г.	2006 г.	2016 г.
Русско-казахский	Мужчина-русский	23,75	26,05	28,62
	Женщина-казашка	22,50	24,89	26,86
Казахско-русский	Мужчина-казах	27,36	29,81	29,22
	Женщина-русская	26,18	25,39	27,24

Для всего периода исследования характерна ситуация, при которой мужчины старше женщин, что вполне типично для традиционной казахской и русской культур (табл. 5). В то же время доля межнациональных браков, в которых мужчина старше, заметно снижается в русско-казахских и незначительно растет в казахско-русских парах. Возрастной перевес в пользу русских и казахских мужчин составляет 1–5 лет. Для сравнения: в 2006 и 2016 г. были зарегистрированы действительно разновозрастные браки между казахами и русскими. В 2006 г. зарегистрирован брак, в котором русский мужчина был старше жены на 17 лет (ему – 35, ей – 18), в 2016 г. – на 14 лет (ему – 40, ей – 26). В том же 2006 г. был заключен брак между казахом и русской женщиной с разницей в 22 года в пользу первого, в других случаях имела место 10-, 11- и 14-летняя разница.

Таблица 5

Разница в возрасте в браках казахов и русских

(число браков)

Брак	Разница в возрасте	1996 г.	2006 г.	2016 г.
Русско-казахский	Мужчина-русский старше	3	11	18
	Женщина-казашка старше	-	7	6
	Возраст мужчины-русского и женщины-казашки совпадает	1	1	5
Итого		**4**	**19**	**29**
Казахско-русский	Мужчина-казах старше	7	24	32
	Женщина-русская старше	3	7	11
	Возраст мужчины-казаха и русской женщины совпадает	1	2	6
Итого		**11**	**33**	**49**

В рассматриваемые годы были также зафиксированы браки с возрастным перевесом в пользу женщины. Если в русско-казахских браках возрастное неравенство в пользу казахской женщины снижается, то в казахско-русских парах количество подобных браков растет. В 2006 г. в каждом третьем браке женщина-казашка была старше своего партнера на 1–6 лет. Ситуация у русских женщин с возрастной разницей похожая. По нашим наблюдениям, отношение к подобным бракам отличается нездоровым вниманием и отсутствием такта. В архивных записях встретилось еще несколько нетипичных, с точки зрения возрастного соотношения, браков. В 2006 г. казашка была старше супруга на 11 лет (ей – 36, ему – 25), в 2016 г. – на 15 лет (ей – 47, ему – 32). В 2016 г. русская женщина (45 лет) вступила в брак с мужчиной казахом (36 лет). Представляется, что это, скорее, единичные случаи, чем правило.

Русско-казахские и казахско-русские пары одного возраста широкого распространения не получили. Но и в этом случае доля русско-казахских однородных по возрасту браков снижается, а казахско-русских – растет.

Образование. Согласно материалам архива ЗАГС г. Петропавловска, казахи и русские, вступавшие в брак, имели разный уровень образования. Исключением можно считать только начальное образование, которое в анкете ЗАГСа не указал никто. Некоторые особенности, связанные с образованием казахов и русских, заключивших брак в рассматриваемые годы, отражены в табл. 6–7, из которых следует, что:

Таблица 6

Образование партнеров в казахско-русских браках
(число браков)

Образование	**Партнеры по браку**	**1996 г.**	**2006 г.**	**2016 г.**
Высшее	мужчина-казах	1	18	20
	русская женщина	1	9	14
Незаконченное высшее	мужчина-казах	2	1	2
	русская женщина	2	1	3
Среднее специальное	мужчина-казах	5	6	19
	русская женщина	5	13	21
Среднее общее	мужчина-казах	2	7	6
	русская женщина	2	8	9
Неполное среднее	мужчина-казах	1	1	2
	русская женщина	1	2	2
Начальное и ниже	мужчина-казах	-	-	-
	русская женщина	-	-	-
Итого		**11**	**33**	**49**

Таблица 7

Образование партнеров в русско-казахских браках (число браков)

Образование	**Партнеры по браку**	**1996 г.**	**2006 г.**	**2016 г.**
Высшее	русский мужчина	1	4	7
	женщина-казашка	-	4	12
Незаконченное высшее	русский мужчина	-	1	1
	женщина-казашка	-	2	-
Среднее специальное	русский мужчина	2	5	16
	женщина-казашка	2	8	11
Среднее общее	русский мужчина	1	8	5
	женщина-казашка	2	5	6
Неполное среднее	русский мужчина	-	1	-
	женщина-казашка	-	-	-
Начальное и ниже	русский мужчина	-	-	-
	женщина-казашка	-	-	-
Итого		**4**	**19**	**29**

1) значительно увеличилась доля женщин (казашек и русских) и казахских мужчин с высшим образованием, тогда как доля русских мужчин с дипломом вуза за 20 лет осталась практически неизменной;

2) среди казахских мужчин и русских женщин ощутимо снизилась доля лиц с незаконченным высшим образованием; заметные колебания доли лиц с незаконченным высшим образованием наблюдаются среди казашек;

3) доля среднего специального образования среди русских осталась неизменно высокой, среди казахов наблюдается обратная тенденция;

4) доля среднего общего образования падает среди русских мужчин, казахских мужчин и женщин; среди русских женщин аналогичный показатель практически не изменился;

5) о неполном среднем образовании речь идет только применительно к казахским мужчинам и русским мужчинам и женщинам; среди казахских мужчин и русских женщин доля обладателей школьного аттестата за 9 классов снизилась.

Браки между казахами и русскими также объединяют людей с разным и одинаковым образованием (табл. 8). В русско-казахских парах наблюдается стремительное снижение доли браков, в которых образование русского мужчины выше, заметно колебание и доли браков, в которых выше образование казашки, особенно в 2006 г. В казахско-русских браках обращает на себя внимание снижение доли браков, в которых образование русской женщины выше. Общей тенденцией для всех вариантов браков между казахами и русскими стал неуклонный рост доли однородных в плане образования пар. В целом, можно предположить, что среди современных горожан растет образовательный уровень, и образование выступает серьезным моментом при формировании общности взглядов, интересов супругов, столь важных для заключения брака.

Таблица 8

Соотношение уровня образования партнеров в браках казахов и русских

(число браков)

Брак	Соотношение уровня образования	1996 г.	2006 г.	2016 г.
Русско-казахский	Образование русского мужчины выше	2	3	6
	Образование женщины-казашки выше	1	7	8
	Образование русского мужчины и женщины-казашки совпадает	1	9	15
Итого		**4**	**19**	**29**
Казахско-русский	Образование мужчины-казаха выше	3	11	14
	Образование русской женщины выше	3	4	11
	Образование мужчины-казаха и русской женщины совпадает	5	18	24
Итого		**11**	**33**	**49**

Профессия. В постсоветское время казахи и русские г. Петропавловска были связаны с широким кругом профессий. В 1996 г. органы ЗАГС регистрируют русско-казахские браки, объединившие студента и продавщицу, охранника и первокурсницу, парапсихолога и временно не работающую, инспектора ГАИ и секретаря областного суда. В казахско-русских браках «нашли друг друга» слесарь на заводе и укладчица, животновод и заготовщица, монтер пути и временно не работающая. В документах ЗАГС профессиональная принадлежность некоторых русских женщин и казахов-мужчин записана (со слов самих людей) как «частный предприниматель», «временно не работающая», «студент». В целом, имели место как близкие по занятию брачные союзы, так и те, которые отличает профессиональное неравенство.

В 2006 г. среди казахских женщин из русско-казахских браков было немало работников сферы торговли, тружениц промышленных предприятий. Также каждая вторая казашка, вступая в брак в данном году с русским мужчиной, указала, что она безработная/находится на иждивении/временно не работает. Основная часть русских мужчин трудилась в качестве рабочих на промышленных предприятиях города. В казахско-русских браках женщины и мужчины чаще были задействованы в сфере торговли, услуг и коммуникаций. Значительное число казахских мужчин, как и русских, работало на промышленных предприятиях города. Каждая вторая русская женщина указала в графе «профессия» – безработная. В целом, в каждом третьем русско-казахском браке у супругов были близкие

профессии – государственные служащие, рабочие и работники социальной сферы. В каждом четвертом казахско-русском браке также имел место близкий профессиональный статус супругов, преимущественно в промышленной сфере, сфере услуг или отсутствие работы как таковой.

В 2016 г. в русско-казахских браках встречается немало безработных казашек, также часто упоминается о трудовой занятости женщин в качестве кассира, бухгалтера, рабочего, контролера, учителя, продавца или медицинской сестры. Среди русских мужчин преобладают менеджеры, безработные, рабочие предприятий. В каждом втором русско-казахском браке супруги имели общие профессиональные интересы, речь идет преимущественно о сфере услуг и безработных, в остальных браках – супруги с разными профессиями. В казахско-русских браках данного года представлены разные виды деятельности. При этом казахские мужчины чаще позиционировали себя как рабочие (каждый четвертый мужчина), а русские женщины – как работники сферы услуг (каждая четвертая женщина). Весьма заметной чертой является то, что каждый пятый мужчина и каждая четвертая женщина в казахско-русских браках были безработными.

Профессиональный статус, как показатель межнационального брака, пожалуй, один из самых субъективных. Этому способствует размытость и неопределенность многих профессиональных категорий, характеризующих занятость человека, особенно в 1996 и 2006 г. Появившись в годы перестройки, такие категории, как «частный предприниматель», «безработный» и пр., долгое время не имели четких контуров и охватывали порой взаимоисключающие понятия. Так, временно не работающий человек (по документам) мог на деле заниматься активной торговой деятельностью. Типичная ситуация характерна и для категории «рабочий». Определенные трудности в осмыслении данного аспекта межнациональных браков возникают и при попытках выяснить соотношение профессиональных статусов в браке.

В целом, *русско-казахские* браки на севере Казахстана характеризуются: 1) увеличением доли подобных браков в общей структуре межнациональных браков; 2) ростом среднего возраста партнеров; 3) русский мужчина старше супруги; 4) среди казашек, заключающих брак с русскими мужчинами, растет доля с высшим образованием; 5) увеличение числа браков с одинаковым образованием супругов; 6) профессиональная принадлежность супругов сближается. *Казахско-русские* браки отличают: 1) увеличение доли подобных браков в общей структуре межнациональных браков; 2) рост среднего возраста брачующихся казахов и русских женщин; 3) мужчина старше своей супруги; 4) среди брачных партнеров растет доля с высшим образованием; 5) увеличение числа браков с одинаковым образованием супругов; 6) близкий профессиональный статус супругов.

* * *

Настоящее исследование показало, что городские казахи севера Казахстана при заключении межнациональных браков отдают предпочтение русским. Увеличение подобных браков в конце XX – начале XXI в., на наш взгляд, обусловлено рядом причин.

Историческая причина. На протяжении всей истории г. Петропавловска в нем складывалась русско-казахская этническая среда, которая заложила и поддерживала устойчивые традиции длительного совместного проживания казахов и русских. Одним из проявлений совместного существования этносов стало формирование определенных стереотипов поведения в отношении друг друга, доверия между ними, важного обстоятельства для межнациональных браков.

Социальная причина. Со временем, особенно в советскую эпоху, казахи и русские сблизились и в уровне социального развития, которое в наши дни лишь закрепилось окончательно. Среди современных казахов и русских, проживающих в городской местности, наблюдается рост уровня высшего образования, среднего возраста вступления в брак, сближение профессионального статуса.

Культурная причина. При наличии разного культурного наследия, у казахов и русских развито понимание и уважение к национальным традициям друг друга, в том числе в сфере семьи и брака. В то же время казахи и русские оказались вовлечены в процессы вестернизации, охватившей современные общества, что нивелирует многие преграды при создании межнациональной семьи.

Как результат подобных процессов этносоциологи отмечают позитивное или нейтральное отношение городских казахов и русских северного региона страны к межнациональным бракам и их последствиям.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность Саттару Шарниязовичу Казиеву за помощь в генерировании научных идей и поддержку творческих начинаний.

Литература

1. *Калыш А.Б.* Семья и брак в современном Казахстане. Алматы: Арыс, 2013.
2. *Козлов В.А.* Казахстан и Эстония: оценка предпочтений при вступлении в межнациональные браки // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 71–88.
3. *Лурье С.В*. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. №. 10. С.122–148.
4. *Наумова О.Б*. Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.) // Советская этнография. 1987. № 6. С. 91–100.
5. *Потанин Г.Н*. Заметки о Сибирском казачьем войске // История Казахстана в русских источниках XVI– X вв. Алматы, 2006. С. 307.
6. *Сороко Е.Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. №. 4. С.96–123.
7. *Столярова Г.Р*. Этносоциологические исследования межэтнической брачности в Республике Татарстан // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Ю.В. Арутюняна / отв. ред. М.Н. Губогло; ИЭА РАН. М.: Наука, 2005. С. 268–280.

Источники

1. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 1996 г. / Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС.
2. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 2006 г. / Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС.
3. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 2016 г. / Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС.

Киргизия

Развитие этносоциологической науки в Кыргызстане

А.А. Асанканов

Научно-технический прогресс, усиление дифференциации и усложнение социальной структуры общества в Советском Союзе, как и по всему миру, потребовали от ученых-обществоведов, в том числе этнологов, перейти к более углубленному и конкретному исследованию современных этнических и социальных процессов. Стратификация во всех сферах общества, в том числе этнической, подтолкнула к появлению и формированию в середине 60-х годов XX в. в России (Москва) конкретно-социологических исследований. Появление при непосредственном руководстве Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой этнической социологии как научного направления в системе этнографической науки, в котором применялись математические методы исследования современных социальных и этнических процессов [4], способствовало развитию этносоциологической науки в самой России, а также во всех союзных республиках, в том числе и в Кыргызстане[9].

У истоков этносоциологической науки в Кыргызстане в начале 1980-х годов стояли выпускники аспирантуры и докторантуры Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – С. Каракеева и А. Асанканов. В небольшой брошюре 1981 г. С.И. Каракеевой на материалах конкретно-социологических исследований прослеживались изменения семейно-брачных отношений в кыргызской городской семье, особое внимание уделялось структуре семьи [21].

С середины 1980-х годов в Кыргызстане разворачиваются первые масштабные конкретно-социологические исследования в среде кыргызов по проекту «Социально-культурное развитие кыргызов». Задача исследования была сформулирована на базе адаптированной к местным условиям программы, составленной и разработанной сектором этносоциологии Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой. По тематике этого проекта были защищены докторская и несколько кандидатских диссертаций, опубликованы статьи и монографии – появилось и начало активную исследовательскую деятельность первое поколение этносоциологов Кыргызстана.

Первая крупная этносоциологическая работа, посвященная изучению социально-культурного развития кыргызов, принадлежит авторству А. Асанканова [5]. В этой монографии были проанализированы и изложены результаты исследования социально-культурного развития кыргызов сельской местности республики, в том числе их ориентации в сфере образования и культуры (литературы, кино, музыки и других форм и видов профессиональной культуры), а также в средствах массовой информации. В последней части исследования поднималась проблема роста этнического самосознания кыргызов со второй половины 1980-х годов, после объявления на Пленуме ЦК КПСС (апрель, 1985 г.) политики демократизации и открытости.

Впервые не только в этнологической науке Кыргызстана, но и всей общественно-гуманитарной науке республики с использованием этносоциологических исследований, материалов средств массовой информации и полевых этнологических источников А. Асанкановым была исследована проблема роста национального самосознания кыргызов во вто-

[9] В данной статье, а также в трех следующих сохранена авторская орфография.

рой половине 80-х – начале 90-х годов XX в. [8]. В выпущенной по результатам исследования монографии всесторонне и глубоко рассматривались поднимаемые различными общественно-политическими и гражданскими движениями проблемы в этнической сфере, экономические аспекты этносоциального развития, межэтнические отношения, языковые, религиозные процессы и многие другие актуальные вопросы социально-культурного развития республики.

В 1990-е и в начале 2000-х годов рядом молодых ученых были защищены диссертационные работы и опубликованы книги по этносоциологической тематике в рамках проекта «Социально-культурное развитие кыргызов» (рук. А. Асанканов). Так, научная общественность страны проявила большой интерес к исследовательской работе Г.Б. Исаевой, в которой на основе этносоциологических исследований, проведенных в г. Бишкек, были проанализированы формирование городского кыргызского населения, его социальная структура, развитие уровня образования, культурные и языковые ориентации [20]. Научная работа Г. Исаевой является первым фундаментальным этносоциологическим исследованием, в котором поднимаются актуальные вопросы, касающиеся кыргызов столичного региона и г. Бишкека: источники формирования городского населения, проблемы миграции и адаптации вчерашних сельских жителей в крупном городе, языковые проблемы в среде молодежи, выросшей в городской среде, социально-культурное развитие горожан и др.

Исследование А.Р. Джоошбековой было посвящено изучению основных тенденций социально-культурного развития кыргызского населения средних городов Кыргызстана, его культурных ориентаций, соотношению традиционного и инновационного в повседневной жизни [17]. По результатам ее исследования выявлено, что больше половины городов республики составляют средние города, в которых проживает более трети всего городского населения. На базе этносоциологических материалов пяти средних городов из разных регионов страны автор показала функции средних городов, социально-экономические источники формирования городского населения и развитие образования и духовной культуры населения этих городов.

В последней четверти XX в. очень активно шла как внешняя, так и внутренняя миграция в среде кыргызов, сначала на юге страны, позднее по всему Кыргызстану. А. Джоошбекова на основе этносоциологических исследований провела фундаментальное изучение миграционных ориентаций в среде кыргызов юга страны и пришла к выводу, что каждый второй житель этого региона Кыргызстана собирается покинуть место проживания и ориентируется на север страны или Российскую Федерацию, Казахстан, а также другие ближние и дальние страны [18]. Массовая безработица и обеднение населения страны, особенно в сельской местности, малых и средних городах, как результат радикальных реформ в социально-экономической сфере, сыграли основную роль в активизации миграционных процессов [19]. А. Джоошбековой были раскрыты факторы и механизмы, способствующие успешной адаптации кыргызов юга Кыргызстана, активному их включению в рыночные отношения.

В работе Б.К. Бектургановой сделана серьезная попытка проанализировать проблемы внутренней миграционной ориентации сельских кыргызов на современном этапе развития страны. По результатам своего исследования, она очертила перспективные планы этносоциального и этнодемографического развития народа Кыргызстана [13]. Ею также была предпринята успешная попытка определить масштабы и направления внутренней миграции сельских кыргызов, ее факторы и мотивы; дана социально-демографическая характеристика мигрантов; выявлены взаимосвязь уровня образования населения и его миграционных перемещений, изменения в образе жизни, быту сельчан; а также проанализирована миграционная политика государства, как средство регулирования перемещений населения [13: 6–7].

В научной работе Б.Дж. Кожомуратовой исследуются черты современных трансформационных процессов в постсоветском Кыргызстане, а также предпринята удачная попытка выявить особенности адаптации к ним кыргызов, в сравнении с русскими. Ею был проведен сравнительный анализ жизни кыргызов и русских Кыргызстана в трансформирующемся обществе [22]. Темой исследования стал адаптационный потенциал кыргызов в период трансформации общества, общественно-политические, этнокультурные, этнопсихологические, этнодемографические аспекты их адаптации к новым условиям.

Интересное этносоциологическое исследование было проведено А.Р. Бикбулатовой, чьей научной задачей стало выявление основных тенденций социально-культурного развития сельских кыргызских женщин, уровня их образования, показ механизмов распространения среди них профессиональной культуры, степени приобщения и освоения ими духовных богатств [14]. Ею была проанализирована трудовая занятость, трансформация положения кыргызских женщин, изменения в их образе жизни и быту.

В научных изысканиях Ш. Батырбаевой [12] и А. Кушубекова [23] на основе материалов переписей населения и других статистических данных анализируется динамика этнического состава и этносоциальной структуры республики в XX в. Определены основные тенденции в изменении демографической, социально-профессиональной, образовательной, этнической структуры полиэтнического населения Кыргызстана.

А. Абдикеримов в своей работе изучил отражение национальных и межэтнических проблем в документах гражданских движений и политических партий Кыргызстана во второй половины 1980-х (постперестроечное время) и в начале 1990-х годов (постсоветский период) [3]. Он глубоко проанализировал программы, цели и задачи, а также практическую деятельность каждой политической партии, неправительственных гражданских организаций, касающиеся национальных проблем в Кыргызстане. Автор также исследовал программы националистического характера и задачи отдельных политических партий и гражданских движений в Кыргызстане, уверенно доказал их несостоятельность как проявление интересов небольшой группы населения в системе социальной структуры страны [3].

С. Эралиев в своей работе анализирует формирование национальных рабочих кадров, их структуру по отраслям промышленности и строительства, культурную среду городов, духовные потребности рабочих, социальные, экономические условия удовлетворения этих потребностей [28]. Автор делает акцент на слабой подготовке высококвалифицированных рабочих-кыргызов в индустриальной сфере городов Кыргызстана, исследует социально-культурное развитие рабочих.

Научные работы М.Н. Губогло, стоявшего рядом с Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой у истоков этносоциологической науки в Российской Федерации, посвященные этноязыковым процессам в СССР, в том числе в союзных республиках, в особенности в России, Молдавии, среднеазиатских республиках, основанные на материалах этносоциологических исследований [16] сыграли большую роль в формировании отряда ученых-этносоциологов, которые изучали этноязыковые процессы в союзных республиках, в том числе в Кыргызстане, руководствуясь его методикой. В частности, Ж. Омурзакова провела интересное этносоциологическое исследование, посвященное этноязыковым процессам среди городских кыргызов г. Бишкек. В своих трудах она выявила причины незнания или слабого владения родным языком представителей городской кыргызской молодежи в условиях советской системы и в постсоветский период. В то же время она показала, как в последнее время активизируется процесс освоения государственного языка у молодежи [25]. В ее работе анализируются развитие двуязычия в городской среде, использование языков в семьях городских кыргызов, роль кыргызского и русского языков в их социально-культурном развитии [25: 5].

Кыргызская Республика – полиэтническая страна, в ней проживают и трудятся представители более 80 этнических групп. Поэтому этнологами, в том числе этносоциологами страны, уделяется большое внимание изучению проблем межэтнических отношений и положению этнических меньшинств Кыргызской Республики.

В частности, в исследовательской работе Л.Ю. Немешиной прослеживаются исторические этапы возникновения и развития русской этнической группы Кыргызстана, изменение ее численного состава, расселение по регионам, социально-профессиональный состав, трудовая занятость, образовательный уровень, а также участие представителей русского этноса в политической жизни государства [24]. Автор анализирует деятельность общественных организаций русских по сохранению своей этнической культуры, функционированию русского языка в обществе, а также участие представителей русского населения в общественно-политической жизни государства.

Е.П. Шульга провел этносоциологическое исследование среди украинцев Кыргызской Республики: проследил динамику численности, расселение украинской диаспоры в стране, развитие уровня образования, особенности этносоциальной структуры, семьи, культурную среду, языковую сферу украинцев, а также культурно-просветительскую деятельность украинского общества «Берегиня» в Кыргызской Республике [27].

На основе этносоциологических исследований и этнографических полевых материалов Г. Хамраева написала книгу об этнокультурном развитии уйгуров Кыргызстана, в том числе о формировании уйгурской общности, их расселении, социально-профессиональном росте, сохранении и развитии традиционной материальной и духовной культуры [26]. Автор в своей работе убедительно сумела показать причины сокращения уйгурского этноса в 30–50-е годы прошлого столетия.

На базе статистических, архивных и полевых материалов с элементами этносоциологических методов исследования А. Якши были проведены научные изыскания среди казахской диаспоры в Кыргызстане [29]. Автор в своей работе проанализировал формирование общности казахов в Кыргызстане, их социально-классовую структуру, духовную и семейную жизнь. Из-за близости языка, религии, образа жизни в прошлом и настоящем в среде казахов Кыргызстана идет интенсивный процесс создания смешанных семей с представителями кыргызского этноса, и в определенной части казахской диаспоры идет потеря своей идентичности, считает автор работы [29].

А. Бикбулатова провела добротное этносоциологическое исследование среди татар в Кыргызстане [15]. В ее научной работе раскрываются этапы формирования татарского этноса на территории Кыргызстана, его расселение по регионам страны, социальная структура, образовательный уровень, социально-профессиональный состав, трудовая занятость, семейная и духовная жизнь, в том числе религиозная.

В настоящее время Ш. Атаханов и И. Мирсаитов ведут исследования среди узбекского этнического сообщества Кыргызстана.

К сожалению, из-за нехватки этносоциологов в Кыргызстане не все этнические сообщества стали объектом этнологических, в том числе этносоциологических исследований.

За последнюю четверть века в Кыргызстане, в частности, в Ошской и Джалал-Абадской областях, в городе Ош (1990 и 2010 г.), произошли крупные межэтнические конфликты между отдельными представителями кыргызской и узбекской общин, с человеческими жертвами, разрушением жилых домов, государственных зданий. Представители общественно-гуманитарных наук Кыргызстана, в числе которых и этносоциологи страны, сделали ряд попыток исследовать причины и уроки этих межэтнических конфликтов. В частности, группа ученых под руководством А. Асанканова провела ряд этносоциологических и других исследований по выявлению причин конфликтов между кыргызами и уз-

беками [6–10, 30]. Сейчас готовится к изданию книга, посвященная межэтническому конфликту в мае-июне 2010 г. в городе Ош, в некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей [11].

Этносоциологи Кыргызстана принимают активное участие в разработке важных концепций, решений, указов, постановлений и других документов государственного уровня, касающихся духовной сферы общества. В частности, А. Асанканов был привлечен в качестве руководителя Рабочей группы к разработке важного государственного документа «О Концепции развития гражданской идентичности Кыргыз жараны в Кыргызской Республике», в котором основной задачей видится построение гражданского, а не этнического общества в стране [1]. Он же принял активное участие в подготовке Указа Президента Кыргызской Республики «О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности», где ставится государственная задача воспитания граждан через усвоение ими высоких моральных норм, традиций, традиционных семейных и общественных ценностей, здорового образа жизни, приобщение к системе общечеловеческих ценностей, отражающих богатство, своеобразие и единство культур народов Кыргызстана [2].

Таким образом, этносоциологическая наука в Кыргызстане, начавшая свое развитие в середине 80-х годов прошлого столетия, прошла большой путь и продолжает успешно двигаться вперед. Этносоциологи страны принимают активное участие в разработке актуальных социально-экономических, политических и других проблем Кыргызстана. В то же время следует отметить, что, как известно, этносоциологическое исследование является трудоемким научным процессом (процесс выборки, составление анкеты, ее типографское издание, создание программы, опрос, обработка его материалов на компьютере и многое др.) и требует коллективной работы подготовленных научных работников и, соответственно, определенных финансовых средств. Финансовые возможности научных учреждений, вузов страны и многие другие факторы в известной степени и определяют уровень развития и активности этносоциологических исследований в Кыргызской Республике. Развитие этносоциологической науки страны, проведение исследований сейчас в большей степени держатся на личном энтузиазме молодых ученых и на их собственных средствах, что, безусловно, сказывается на качестве изучения этносоциальных процессов в Кыргызстане.

Литература

1. О Концепции развития гражданской идентичности Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021–2026 годов. Указ Президента Кыргызской Республики от 13 ноября 2020 г. УП №39. URL: http://www.president.kg
2. О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности. Указ Президента Кыргызской Республики от 29 января 2021 г. УП №1. URL: http://www.president.kg
3. *Абдикеримов А.Ш.* Национальные проблемы в общественно-политических движениях Кыргызстана во второй половине 80-х и начале 90-х годов XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2010. (На кирг. яз.)
4. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А.* Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты исследования. М., 1984.
5. *Асанканов А.* Социально-культурное развитие современного киргизского сельского населения (опыт этносоциологического исследования). Фрунзе, 1989.
6. *Асанканов А.* Этнический конфликт в Ошской области летом 1990 г.: причины и уроки // Республика. 1992. 5, 9 июля.
7. *Асанканов А.* Межэтнический конфликт на юге Кыргызстана (1990г.) // Ренессанс или регресс. Бишкек, 1996.
8. *Асанканов А.* Кыргызы: рост национального самосознания. Бишкек, 1997.

9. *Асанканов А.* Факторы июньских событий // Июньские трагические события 2010 г.: причины и уроки. Бишкек, 2011.
10. *Асанканов А., Эркебаев А.Э.* Глубинные причины трагических событий в июне 2010 г. на юге Кыргызстана // Кыргызстан и Центральная Азия – пространство диалога: Укрепление межэтнических отношений в прошлом, настоящем и будущем: Сб. докладов и научных статей II конгресса этнологов и антропологов Кыргызстана, посв. 60-летнему юбилею д.и.н., проф., чл.-корр. НАН КР А. Асанканову. Бишкек, 4 апреля 2015 г.
11. *Асанканов А., Эркебаев А.* Трагические события в июне 2010 г. в г. Ош, некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей Кыргызской Республики. Рукопись.
12. *Батырбаева Ш.* Население Кыргызстана в 20–50-е годы XX века: историко-демографический анализ. Бишкек, 2003.
13. *Бектурганова Б.К.* Внутренняя миграционная ориентация сельских кыргызов во второй половине 90-х годов XX в. (по материалам этносоциологических исследований): автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2002.
14. *Бикбулатова А.Р.* Социально-культурный облик кыргызских сельских женщин в конце 80-х начале 90-х годов XX века (по материалам этносоциологического исследования): автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
15. *Бикбулатова А.Р.* Социально-культурное развитие татар Кыргызстана (по материалам этносоциологических исследований). Бишкек, 2020.
16. *Губогло М.Н.* Мобилизованный лингвицизм. М., 1994; *Он же.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.
17. *Джоошбекова А.Р.* Социально-культурное развитие кыргызов средних городов Кыргызстана (на материалах этносоциологических исследований). Бишкек, 2002.
18. *Джоошбекова А.Р.* Миграционные процессы в среде кыргызов (на материалах этносоциологических исследований юга Кыргызстана). Бишкек, 2012.
19. *Джоошбекова А.Р.* Миграционные процессы в среде кыргызов (на материалах этносоциологических исследований юга Кыргызстана): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2014.
20. *Исаева Г.Б.* Социально-культурное развитие кыргызского населения г. Бишкек в 80-х – начале 90-х годов: автореф. дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1996.
21. *Каракеева С.И.* Современная киргизская городская семья. Фрунзе, 1981.
22. *Кожомуратова Б. Дж.* Адаптация городских кыргызов к трансформирующемуся обществу (на материалах этносоциологического исследования). Бишкек, 2010.
23. *Кушубеков А.* Трансформация этнического состава населения Кыргызстана в конце XIX – XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2010.
24. *Немешина Л.Ю.* История формирования и развития этносоциальной структуры русских Кыргызстана: автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
25. *Омурзакова Ж.* Этноязыковые процессы в кыргызской городской среде (на материалах этносоциологических исследований): автореф. дис. …канд. ист. наук. Бишкек, 2015. (На кирг. яз.)
26. *Хамраева Г.* Этнокультурное развитие уйгуров Кыргызстана. Бишкек, 2001.
27. *Шульга Е.П.* Этносоциальная жизнь украинской диаспоры Кыргызстана: автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2005.
28. *Эралиев С.* Социально-культурное состояние городских рабочих за период с середины 1980-х до середины 1990-х годов (на основе этносоциологических материалов). Бишкек, 2018.
29. *Якши Абдуллах.* Социально-культурное развитие казахов Кыргызстана (1991–2010 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек. 2014.
30. *Asankanov A.* Ethnic conflict in the Osh region in summer 1990: reason and lessons // Ethnity and power in the contemporary world. Tokyo; New-York; Paris, 1996.

Этническая идентичность татар Кыргызстана (по материалам этносоциологических исследований)

А.Р. Бикбулатова

Татары начали переселяться на территорию современной Кыргызской Республики со второй половины XIX в. С этого времени их этническое самосознание развивалось вдали от основной массы татар, в другой этнокультурной среде, где они составляли этническое меньшинство. Как известно, в таких условиях подключаются внутренние, скрытые резервы для самосохранения этноса. В основном они направлены на сохранение и развитие этнического самосознания, которое является одним из главных условий продолжительности существования этнической группы в инонациональном окружении. Другим важнейшим фактором является сохранение и функционирование этнической культуры, определяющей своеобразие и статус данного народа в многонациональной среде.

Самоидентификация татар Кыргызстана отражает общемировые процессы и тенденции последнего времени: глобализация и национальное возрождение, модернизация и традиционализм, либерализация жизненных стандартов и усиление этнической традиции. Все эти тенденции, взаимодействуя и конкурируя на этнокультурном пространстве, влияют на формирование этнокультурных границ, а они, в свою очередь – на процессы этнической идентификации.

Проявлением вышеуказанных тенденций является рост потребности в групповой идентификации. Прослеживается усиление этнического самосознания, суверенизация национальных интересов – стремление очертить и оградить свои традиции, язык, культурные особенности не только в бытовой сфере, но и на общественно-политическом уровне [5: 156].

Процессу формирования этнической идентичности всегда предшествует поиск исторических, генетических, духовных корней народа, на которых строится в дальнейшем самоидентификация индивида. Поэтому для татар, живущих на территории Кыргызстана, обращение к исторической памяти является одним из первых и важных этапов, обусловливающих процесс формирования идентичности. Одна из задач наших исследований заключалась в выяснении сохранения исторической памяти у татар, живущих в Кыргызстане.

Историческая память существует в различных видах и на различных уровнях. Нашим респондентам был задан вопрос: «Если Вы живете в Кыргызстане не в первом поколении, то, когда переехали сюда Ваши предки?».

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос, когда переехали в Кыргызстан их предки

№ п/п	Ответы	%
1	Не знают	22,9
2	1900–1916 гг.	4,4
3	1900–1920 гг.	3,2
4	1920–1930 гг.	9
5	1931–1940 гг.	14
6	1941–1945 гг.	10
7	1946–1956 гг.	11
8	1957–1970 гг.	12,4
9	1971–1985 гг.	7
10	XVII в	1
11	XVIII в	0,3
12	XIX в	4,8

Как видно из табл. 1, 22% опрошенных не знают, когда переехали их предки в Кыргызстан. Около 6% уверены в том, что их предки поселились на этой земле еще до Октябрьской революции, начиная с XVII до конца XIX в., и столько же – в первые два десятилетия XX в. В ходе полевых исследований было установлено, что абсолютное большинство респондентов знают, из какой местности их предки, якобы, прибыли они не только из Татарстана, но и из других регионов России, где массово проживали татары.

Четверть опрошенных отметила, что их родители и прародители мигрировали на территорию Кыргызстана с 1920 по 1940 г. В годы Великой Отечественной войны прибыли предки 10% респондентов. В основном это были работники, эвакуированные вместе с промышленными предприятиями и научными учреждениями. Бурный поток миграции наблюдался в послевоенный период, с 1946 по 1970-е годы, когда прибыли родители около четверти опрошенных.

Среди респондентов 87% не знали причину переселения их предков на территорию Кыргызстана. Около 5% отметили, что переселение было связано с трудоустройством. 2,7% респондентов назвали основной причиной переселения процесс раскулачивания, проводимый советским государством, 3,5% – массовые репрессии.

Нами также была предпринята попытка выяснить род занятий переселенцев.

Таблица 2

Занятия переселенцев в Кыргызстан

№ п/п	Вид занятия	%
1	Торговец	14
2	мулла (служитель религии)	5,2
3	Учитель	17
4	Лекарь	1,6
5	Ремесленник	5,4
6	Земледелец	11
7	Рабочий	42,4
8	не знают	3,4
Итого		100

По данным проведенного опроса, большое число (42,4%) переселившихся на территорию Кыргызстана татар имели рабочие специальности. В послевоенные годы, когда не хватало квалифицированных рабочих, татары внесли большой вклад в становление промышленности страны. На втором месте по численности – учителя (17%). В основном это были переселенцы, прибывшие на данную территорию еще до Октябрьской революции, имевшие сравнительно высокое образование и занимавшиеся обучением местного населения в мектебах и медресе.

Татары по своей внутренней структуре подразделяются на различные субэтнические, территориальные, конфессиональные группы. Как показали исследования, большинство татар помнят, к какой группе они относятся, т.е. мы можем констатировать усиление не только этнической самоидентификации в последние годы, но и рост субэтнической и территориальной. Данная тенденция наблюдается и среди татар, живущих в Российской Федерации [4: 14, 517]. Хотя интеграционные этнические процессы доминируют и среди молодежи, значительная часть молодых людей не знает, к какой субэтнической группе они относятся.

По данным нашего исследования, 19% респондентов не знают, к какой группе они относятся, более 20% не соотносят себя с какой-либо группой, отвечая: «Мы – татары». В то же время 34% татар считают себя казанскими, 9% – уфимскими. Около 5% респондентов относят себя к татарам-мишарям. Касимовскими и волго-уральскими считают себя по

3% респондентов. Среди опрошенных было также 1,5% астраханских и столько же сибирских татар. Необходимо отметить, что в республике еще остаются потомки крымских татар (4,2%). Но в годы Великой Отечественной войны не было прямой депортации крымских татар на территорию Кыргызстана. Они прибывали в Кыргызстан из соседних республик – Узбекистана, Казахстана в 1960–1970-е годы, когда им разрешили менять место жительства.

Таким образом, несмотря на то, что татары имеют субэтнические, территориальные, конфессиональные различия, есть признаки, по которым они идентифицируют себя единым татарским этносом. Для выяснения внутреннего самоощущения принадлежности к этносу был задан вопрос: «Кем Вы себя ощущаете?».

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос, кем они себя ощущают (%)

Кем себя ощущают	город	село
Татарином, татаркой	74	71
Мусульманином	11	10
Русским	11	9
Кыргызом	3	7
Узбеком	1	3
Итого	100	100

Ответы на этот вопрос показали сложность этнической самоидентификации татар и существование в ней различных «исторических» пластов.

Известно, что в определенный исторический период, в связи с различными историческими событиями в жизни татар, они идентифицировали себя как мусульман. Об этом известный этнограф Д.М. Исхаков пишет следующее: «Есть все основания полагать, что политика властвующей элиты Российской империи в первой половине XVIII в. по обращению татар в православие подтолкнула их к внутренней консолидации, и в результате в империи возникло новое общественное явление – «мусульманская» нация [5: 88].

Как показали наши исследования, более 10% татар республики идентифицируют себя в качестве мусульман. Бытование подобного самоощущения у части татар послужило в руках ряда религиозных деятелей стимулом реанимировать данную самоидентификацию, появились призывы к консолидации татар под лозунгом «мы – мусульмане».

Нас заинтересовала категория лиц, ощущающих себя представителями иных этнических общностей – русскими, кыргызами и узбеками. Мы попросили респондентов объяснить причину этого. Подавляющее большинство среди лиц, ощущающих себя русскими, отметили, что выросли в окружении русской культуры, не владеют татарским языком. Многие ответили, что «ничто, кроме генетической связи, их не связывает с татарским этносом». В основном это были жители городов, где преобладающими этническими общностями являлись кыргызы и русские. Также необходимо отметить, что среди ощущающих себя русскими было немало молодежи, живущей на территории страны в третьем-четвертом поколении. Более 90% из них родились в смешанных браках татар с русскими.

При анализе ответов респондентов, ощущающих себя кыргызами, было обнаружено следующее. Во-первых, в основном это были жители сел республики. В сельской местности татары расселены дисперсно. Они живут в мононациональных населенных пунктах Таласской, Нарынской областей среди кыргызов, ими утрачены язык, традиции и обычаи татарского народа, но они частично сохранили татарскую идентичность («я – татарин»). Также при исследовании было выяснено, что в зависимости от ситуации, эти респонденты

говорили о себе: «Я – кыргыз». Таким образом, из вышесказанного следует, что в период трансформации этнического самосознания может происходить раздвоение идентичности, и этот процесс занимает нередко несколько десятков лет, а иногда и всю жизнь. Однако данное самоощущение не может длиться бесконечно. Уже следующее поколение однозначно выберет из этих двух идентичностей ту, которая больше соответствует комфортному состоянию души.

Респонденты, ощущающие себя кыргызами, в большинстве случаев живут в своих населенных пунктах в третьем-четвертом поколении. Многие из них выросли в смешанных семьях татар с кыргызами, при доминировании кыргызского окружения. Таким образом, в местах дисперсного расселения татар в сельской местности можно заметить процесс трансформации этнического самосознания, который проявляется в его двойственности с постепенным переходом в сторону кыргызской идентичности. В итоге, мы можем признать присутствие процесса ассимиляции татар кыргызским этносом.

Если татар, ощущающих себя кыргызами, было больше в северных районах республики, то ощущающих себя узбеками – в южных областях. Среди ощущающих себя узбеками более половины составляла молодежь в возрасте до 20 лет.

Для выяснения компонентов, составляющих самоидентификацию татар, задавался вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» (табл. 4).

Эти компоненты, или структурообразующие элементы этнической идентичности, одновременно являются факторами этнической идентификации, влияющими на ее формирование, содержание, развитие [4: 511].

Как видно из табл. 4, наибольшее число голосов респондентов было отдано такому фактору, как родной язык. Результаты этносоциологических опросов показали, что язык занимает первое место среди факторов, которые респонденты называют, когда относят себя к тому или иному народу. Поэтому, вполне естественно, что подъем этнического самосознания сопровождается повышенным интересом к проблемам национальной культуры и языка [3: 110].

Таблица 4

Факторы, объединяющие татар

№ п/п	Факторы	%*
1	Генеалогические корни	13
2	Внешний облик	4
3	Язык	24
4	Религия	7
5	Культура	19
6	Черты характера, психология	2,5
7	Все вышеуказанное	20
8	Ничего не роднит	4,6
9	Этническое самосознание	4
10	Исторические судьбы, прошлое	3

** Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос*

Языковое поведение татар республики находится в прямой зависимости от этнического состава населения того или иного региона, от компактности проживания татар, возраста, образования, урбанизированности, от длительности проживания на территории страны и т.д. На момент опроса 71% татар своим родным языком считали татарский,

28% – русский, 6% – кыргызский и около 3% из опрошенных родным языком назвали узбекский язык. Из числа татар, назвавших татарский язык родным, не все в полной мере владели этим языком, во многих случаях они выдавали желаемое за реальность.

Около половины представителей молодого поколения считают своим родным языком татарский. Представители старшего поколения отмечают возрастание интереса среди молодежи к родному татарскому языку. Необходимо признать, демократизация общества, начавшаяся в 1990-х годах, усилила чувство этнического самосознания, пробудила у народа интерес к духовным ценностям своего этноса, в том числе и к родному языку [5: 68]. Молодежь с большим интересом стала изучать историю своего народа, а также свой родной язык. Но все же среди молодежи более трети пользуются русским языком как родным. Это является последствием проводимой национальной политики Советского Союза, направленной на расширение функций русского языка, которая, на деле, привела к сужению развития других языков и все большему ограничению сфер их использования. Такая ориентация, пагубно сказавшаяся на судьбах языков многих народов бывшего СССР, отрицательно отразилась и на татарском языке [1: 68].

Следующая причина снижения количества говорящих на татарском языке – это психологический дискомфорт, испытываемый знающими татарский язык в русскоязычном окружении, этот фактор являлся препятствующим общению на татарском языке, признаком неодобрительного восприятия окружающими.

Заметное количество опрошенных респондентов родным языком назвали кыргызский язык. Они представляют в большей степени жителей сельской местности, где превалирует кыргызская этническая среда. Придание кыргызскому языку государственного статуса обеспечило ему более широкие перспективы, так как знание языка дает большие возможности для самореализации, карьерного роста, активной социализации человека, живущего в Кыргызстане. Ввиду доминирования кыргызского населения в сельской местности, там всегда превалировали школы с государственным языком обучения. В настоящее время отмечается следующая тенденция: большинство сельских татар своих детей отдают учиться в школы с кыргызским языком обучения. Объясняется это еще и близостью татарского и кыргызского языков, т.е. при необходимости в дальнейшем дети легко могут понять татарский язык. Но данный процесс способствует росту численности татар, признающих кыргызский родным языком. Таким образом, мы можем утверждать о наличии частичной потери родного татарского языка у сельских татар.

Вторым по значимости компонентом этнической идентификации является культура. Уровень ориентации на собственную этническую культуру – один из важнейших показателей этнокультурной и этнической устойчивости. Большинство татар страны соблюдают татарские обычаи и традиции: обязательным для татар при вступлении в брак считается проведение обряда «никах», при рождении ребенка имянаречение – «*исем кушу*» и т.д. Эти обряды соблюдаются повсеместно – и у представителей кыргызского, узбекского, казахского населения, что является причиной устойчивого сохранения данных обрядов у татар.

По данным проведенных исследований, можно констатировать, что в полиэтнической среде происходит унификация элементов культуры в виде обычаев и традиций, идущая повсеместно, в том числе и среди татар.

Нас также интересовал вопрос о влиянии этнической идентичности на ориентацию татар в области литературы. Произведения татарских писателей читали 16% респондентов-татар, около 20% читающей татарской публики проявляли интерес к классике. Около половины отдали предпочтение советской литературе, отождествляемой с русской. Необходимо отметить высокий интерес читателей к историческим романам, что подтвердили около четверти опрошенных. Данная картина свойственна и читателям других этносов [2: 71]. Исторические романы начали приобретать популярность со второй половины 1990-х

годов. Каждый этнос стал с интересом возвращаться к своим историческим корням, переосмысливать свою историю.

Религия как компонент этнического сознания была названа только 7% респондентов в городах и около 15% сельских жителей, хотя у татар, живущих в республике, наблюдается высокий уровень религиозного сознания. Из всех опрошенных верующие составляли 78%, неверующие – 10% и 12% – колеблющиеся между верой и отсутствием веры. Можно констатировать существенное увеличение количества верующих по республике в постсоветский период. Тем не менее столь резкое увеличение числа людей, признающих себя верующими, нельзя однозначно интерпретировать как стремительный подъем религиозности, как показатель глубоких изменений в мировоззрении современных татар. В значительной степени это реакция на изменение с середины 90-х годов XX в. государственной идеологии, когда жесткий идеологический контроль сменился ориентацией на демократические нормы, в том числе и в вопросах вероисповедания. Другим фактором, определившим изменение отношения к религии в массовом сознании, является специфика переходного периода, переживаемого обществом. В условиях социальной и экономической нестабильности, неуверенности в будущем, разочарованности в прежних идеалах, засилья массовой культуры люди пытаются найти в религии моральную опору и надежду на улучшение жизни, духовно-нравственное совершенствование.

Таким образом, как показали наши исследования, татары ощущают принадлежность к своему этносу прежде всего благодаря языку, второе место в качестве объединяющего компонента занимает культура, для некоторой части татар – это религия.

Сегодня в Кыргызстане, в период решения важной задачи современности – формирования правового государства и гражданского общества, жизненно важным является изучение гражданской идентичности иноэтнических групп, проживающих в стране, одной из которых являются татары. Для выявления гражданской идентичности татар республики был задан вопрос: «Представителем какой общности Вы себя считаете?».

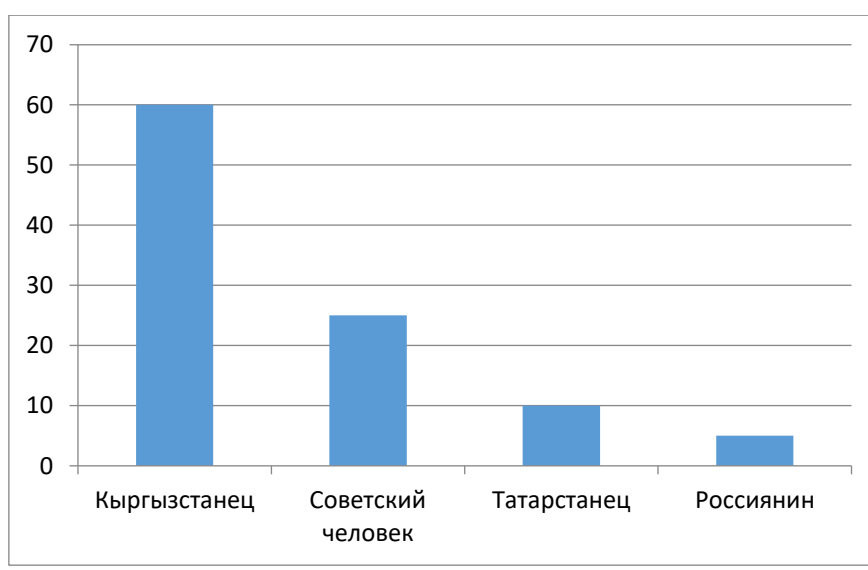


Диаграмма «Представителем, какой общности Вы себя считаете?»

Татары в своем большинстве (60%) чувствуют себя кыргызстанцами. Наряду с этим, четверть опрошенных продолжает идентифицировать себя с советскими людьми, в основном это представители старшего поколения. Они с ностальгией вспоминают советские

времена, гордятся мощью Советского Союза. Более 10% респондентов ассоциируют себя с татарстанцами и 5% – с россиянами. При рассмотрении данного вопроса в возрастном разрезе было выявлено, что около трети молодежи в возрасте от 16 до 20 лет (32%) чувствуют себя россиянами. В данном случае мы можем констатировать, что эта часть молодых татар Кыргызстана ориентирована на Россию и свое будущее связывает с этой страной.

Для изучения перспектив развития татарского этноса в Кыргызстане был задан вопрос: «Что главное для сохранения татарского народа?». Ответы распределились следующим образом: около 40% опрошенных считают, что необходимо сохранить татарский язык, столько же респондентов высказались за сохранение культуры, обычаев и традиций народа, около 10% респондентов решающую роль отводят религии – исламу. 5% опрошенных считают, что для сохранения татарского народа необходимо заключать мононациональные браки, и столько же уверены в важности сохранения особенностей этнической психологии.

Таким образом, подводя итоги исследования этнической идентичности татар Кыргызстана, мы можем констатировать следующее:

– хотя большинство респондентов (более 70%) идентифицируют себя в качестве татар, среди татар Кыргызстана присутствуют и те, кто относит себя к русским, кыргызам, узбекам;

– основными, значимыми компонентами идентичности для татар являются язык, культура, генеалогические корни, исламская религия;

– более половины татар по самоощущению считают себя кыргызстанцами, четверть – советскими людьми, около 10% – татарстанцами и около 5% ассоциируют себя с россиянами.

Литература

1. *Асанканов А*. Кыргызы: рост национального самосознания. Бишкек: Мурас, 1997. 228 с.
2. *Бикбулатова А.Р*. Кыргызская сельская женщина. Бишкек: Шам, 2005. 128 с.
3. *Сагитова Л.В*. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980-х – 1990-х годов (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань, 1998. 170 с.
4. Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
5. *Уразаев Ф.Я*. Механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа (конец XX – начало XXI в.). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. 228 с.

Этносоциологические исследования среди городских рабочих-кыргызов Кыргызстана (вторая половина 80-х – начало 90-х годов XX в.)

С.Н. Эралиев

В целях изучения экономических, социальных и культурных процессов, происходящих в среде разных социальных групп кыргызов в условиях обновления всех сфер общественной жизни, в 1991 г. по Программе «Социально-культурный рост кыргызов» (руководитель – академик НАН КР А.А. Асанканов) в селах и городах, расположенных в Чуйской, Иссык-Кульской, Нарынской, Ошской и Джалал-Абадской областях Кыргызстана были проведены этносоциологические исследования. В рамках данных исследований было опрошено свыше 700 рабочих кыргызской национальности, работающих на промышленных предприятиях городов Бишкек, Кант, Каракол, Ош, Жалал-Абад, Узген, Майли-Сай, Таш-Кумыр. По количеству населения (средние, большие и крупные), национальному составу, административно-территориальному расположению эти города в полной мере отражают современное урбанистическое состояние Кыргызстана. Рабочие выбраны по признакам – пол, возраст, образование, семейное положение. Материалы опроса были обработаны по специальной программе на ЭВМ. В качестве источников были привлечены также архивные и опубликованные документы государственных и официальных общественных организаций, статистические материалы, материалы печати и другие, собранные автором во время проведения исследования. В статье затрагиваются проблемы подготовки рабочих кадров из числа кыргызов для промышленности республики, их социальный и культурный уровень, национальное самосознание на момент проведения исследования.

На 1 июля 1987 г. по республике кыргызы составляли всего лишь 25% работающих в промышленности, 26% – в строительстве, 35% – на транспорте. А в ведущем промышленном центре – на предприятиях города Бишкек – рабочие-кыргызы составляли лишь около четверти всех рабочих [1]. Малочисленность рабочих-кыргызов в промышленности в 1980–1990-е годы была обусловлена объективными и субъективнымы причинами. До Октябрьской революции у кыргызов преобладало кочевое и полукочевое хозяйство. Хозяйственные навыки, выработанные столетиями, в свою очередь, оказывали влияние на выбор профессии [12].

Подготовка рабочих кадров должна была осуществляться как на самих промышленных предприятиях, так и в профессионально-технических училищах. Большинство руководителей предприятий, не желая тратить средства и время на обучение, практиковали приглашение уже подготовленных рабочих из регионов вне республики. А желающую работать на заводах и фабриках, особенно в тяжелой промышленности, молодежь кыргызской национальности направляли на малопривлекательные участки, не связанные с производством.

Количество профессионально-технических училищ в 1980 г превысило 120, в 1987 г. в них обучалась приблизительно одна треть всех будущих рабочих республики. Однако 80% из них готовили преимущественно кадры для сельского хозяйства, торговли и других не промышленных отраслей [11: 67]. В училищах Бишкека, где велась подготовка рабочих для передовых отраслей, кыргызы в 1980-х годах составляли в среднем всего лишь 15% [13: 397–398]. Было много недостатков и в самой системе профессионально-технического образования республики. Многие из учебных заведений не могли обеспечить высокое качество обучения, их материально-техническая база была слабой и не позволяла готовить рабочих, способных использовать достижения современных технологий. В годы застоя престиж таких учебных заведений начал падать. При отправке на обучение девушек и

юношей в другие союзные республики не учитывалась потребность республики в рабочих кадрах [11: 62–63].

Таким образом, основную массу рабочих-кыргызов, занятых в промышленности, составляли неквалифицированные и малоквалифицированные работники. 53,4% опрошенных рабочих были удовлетворены своей работой, а остальные совсем не удовлетворены или же удовлетворены частично. Причины этого – тяжесть работы, ее непрестижность и низкий уровень заработной платы, плохие условия труда на предприятиях. Например, на Кыргызской камвольно-суконной фабрике рабочие трудились в три смены и даже в выходные дни, в случае невыполнения плана. Отказавшихся работать сверхурочно выселяли из общежитий [10]. На заводе им. М.В. Фрунзе, производившего сельскохозяйственные машины, кыргызская молодежь трудилась в цехах с тяжелыми и вредными условиями труда [5].

Одним из основных факторов, оказавших значительное влияние на формирование рабочих кадров из кыргызского населения, уровень их социального оптимизма, выступал жилищный вопрос. Темпы роста жилищного строительства отставали от темпов роста городского населения. Только в г. Фрунзе число семей, стоящих в очереди за жильем, к 1 июля 1988 г. достигло 34 353 [22].

Рабочие-кыргызы в городах, как правило, вынуждены были снимать жилье у местных жителей разных национальностей. Но условия этого жилья в большинстве случаев оставляли желать лучшего. Общежития для рабочих также не всегда соответствовали необходимым требованиям. Некоторые предприятия вообще не имели общежитий. Встречались семьи, не получившие комнаты в общежитиях и живущие в подвалах общежитий без каких-либо коммунальных удобств. Они нигде не были зарегистрированы, не могли получать и отправлять письма по почте из-за отсутствия адреса, не могли устроить детей в детские сады. Руководители предприятий вместо того, чтобы проявлять заботу о них, относились к ним с пренебрежением.

При характеристике культурного уровня рабочих-кыргызов учитывался уровень их приобщения к основным элементам культурной среды общества в целом и города проживания, в частности.

К середине 1980-х годов в Кыргызстане издавалось 113 газет, 42 журнала. Из них 61 газета и 16 журналов издавались на кыргызском языке [18: 204]. Как видно из приводимых цифр, издания на кыргызском отставали от изданий на других языках, в первую очередь от русскоязычных. К 1985 г. Кыргызстан отстал от других союзных республик и по количеству издаваемых газет и журналов относительно численности населения [19: 226–228].

В начале 1990-х годов радиотрансляция велась 68,5 часов по двум программам кыргызского радио, 25 часов отводилось местным студиям. В тот же период во всех городах появилась возможность просмотра телепередач: от 2 до 4 программ [6].

В 1990 г. в городах Кыргызстана работало 9 театров, 33 музея, 253 киноустановки, 322 библиотеки, 163 клубных учреждения. Но имелись существенные различия между городами по количеству и качеству подобных учреждений. Самые лучшие культурные учреждения, отвечающие современным требованиям, находились в столице. Культурные учреждения в малых и средних городах обычно были небольшие. Очевидно, что в таких условиях удовлетворение культурных потребностей кыргызов оставалось на низком уровне.

Несмотря на улучшение книгоиздательской деятельности в республике, эта сфера также сильно отставала по уровню издания книг на душу населения. Например, на одного читателя приходилось по 10 книг, этот показатель был значительно ниже показателей в других республиках.

Во второй половине 1980-х годов, как и в других республиках страны, в Кыргызстане начали открываться видеозалы, создаваться видеотеки, но республика занимала одно из последних мест по их количеству [14].

В малых и средних городах основными центрами культуры были дома культуры, кинотеатры, клубные учреждения, парки отдыха. 44% опрошенных рабочих заявили, что деятельность домов культуры и клубов их особенно не привлекает, т.к. работа в данных учреждениях ведется слабо.

В издательствах Кыргызстана произведения кыргызских писателей и поэтов издавались малыми тиражами. Таким образом, духовные запросы рабочих-кыргызов, а также всех кыргызских читателей относительно чтения художественной литературы, удовлетворялись не полностью.

По количеству культурно-просветительных учреждений Кыргызстан занимал последнее место среди союзных республик. Тем не менее предпринимались попытки формирования новых, современных традиций среди трудовых коллективов промышленных предприятий. В домах культуры проводились посвящения молодежи в рабочую профессию, праздники по случаю получения первой зарплаты и др. [24: 3].

В годы перестройки выяснилось, что деятельность этих учреждений больше не отвечает требованиям времени, но обновление их деятельности шло медленно, не всегда и не везде они находили удачную форму работы, созвучную духу времени. Большинство рабочих начали отдаляться от домов культуры, клубов, библиотек. 44,5% опрошенных рабочих указали, что их не интересует ни одна из услуг, предоставляемых этими учреждениями. Они представляли интерес лишь для той части молодых людей, которых привлекали только развлечения.

Во второй половине 1980-х годов демократизация общества и гласность повысили интерес населения к средствам массовой информации. Выросла подписка на периодику [15]. Почти все городские рабочие-кыргызы читали газеты и журналы.

Наиболее интересующими рабочих радиопередачами были литературно-музыкальные и развлекательные (53,8%), информационные программы (31,3%) и спортивные передачи (14,2%). Почти все рабочие (98,4%) смотрели телевизор: большинство предпочитали художественные фильмы, информационные, музыкальные передачи.

Среди рабочих было много интересующихся местными телепередачами, в особенности передачами на кыргызском языке, но эта потребность не удовлетворялась на должном уровне. В частности, такие передачи велись только 6 часов в сутки, 3 часа из них составляли киноматериалы. Из трех часов, выделенных на другие передачи, 1,6 часов составляли передачи на кыргызском языке. 12,5 часов киноматериалов показывалось на русском языке, только 0,5 часов – на кыргызском [4]. Качество передач, предоставляемых на кыргызском языке, не удовлетворяло телезрителей и обоснованно подвергалось критике [23].

В Кыргызстане работали 52 централизованные библиотечные системы [7: 184]. Но только пять из 1417 библиотек располагались в специально спроектированных зданиях, площадь более чем половины из них не превышала 50 кв. метров, в 65% из них не было читальных залов [8: 5]. Книги на кыргызском составляли только 21% общего фонда [8: 14,17]. В 1992 г. книги на кыргызском языке, поступившие в библиотеки города Бишкек, составляли 0,2% [16]. Даже крупнейшие библиотеки отставали на полвека от европейских библиотек с точки зрения технического оборудования [20].

В городские книжные магазины книг на кыргызском языке поступало мало, за год при расчете на одного человека продавалось книг на 10,8 руб. В магазинах городов Ош, Узген и Джалал-Абад преобладали книги на узбекском языке [17]. 68% бумаги расходовалось на книги, издаваемые на русском, 31% – на книги на кыргызском языке, причем только 9% (из 31%) расходовалось на выпуск художественной литературы (включая словари) [9].

Почти все рабочие-кыргызы обращались к художественной литературе. 30,7% из них указали, что читают постоянно. Одна треть рабочих интересовалась историческими произведениями, этот жанр стоял на первом месте среди всех жанров, интересующих рабочих. Помимо литературы исторического содержания, рабочие охотно читали детективы и поэтические произведения. 10,6% работников интересовались героическим эпосом. Подавляющее большинство поэтов и писателей, пользующихся большим уважением среди рабочих-кыргызов, – кыргызские литераторы.

29,8% опрошенных рабочих раз в неделю смотрели кино в кинотеатрах, 32,6% – раз в месяц, 14,9% – раз в три месяца, 6,6% – раз в полгода, 4% – раз в год. Социологи, исследующие частоту посещений кинотеатров, считают кинозрителей, посещающих кинотеатр раз в неделю, активными зрителями, а посещающих раз в месяц оценивают как зрителей средней активности. Среди рабочих, смотрящих кино в кинотеатрах раз в неделю, было много молодых людей в возрасте 16–20 лет (57,9%). В старших возрастных категориях такая активность уменьшалась.

Среди всех опрошенных слоев населения рабочие-кыргызы занимали 2-е место по посещаемости кинотеатров раз в неделю, а среди посещающих раз в месяц – 3-е место. Большинство тех, кто ходил в кинотеатры раз в неделю, составляли жители городов Ош, Джалал-Абад, Узген, Таш-Кумыр, Майли-Сай. Это объясняется малым количеством культурных учреждений в этих городах.

36% рабочих заявили, что они хотели бы смотреть фильмы в кинотеатрах на кыргызском языке, но в городских кинотеатрах демонстрировались фильмы только на русском языке, т.е. эта потребность зрителей не была удовлетворена полностью. Фильмы на кыргызском языке, снятые на киностудии «Кыргызфильм», не всегда бывали в репертуарах городских кинотеатров, их можно было увидеть только по телевизору. Во всех городах поклонники фильмов, снятых на киностудии «Кыргызфильм», составляли большинство.

Более одной трети респондентов высказывали заинтересованность в кинокомедиях, около к четверти – в детективах и остросюжетных фильмах, 21,2% респондентов больше интересовали исторические фильмы. Как показало исследование, кинокомедиями и детективами больше интересовались подростки и молодые люди. Интересующихся индийскими и арабскими фильмами было много в городах Ош, Джалал-Абад, Таш-Кумыр.

Около половины опрошенных рабочих посещали драмтеатры: 6,5% – не реже одного раза в неделю, 16,3% – раз в месяц, 11% – раз в шесть месяцев, 15,6% – один раз в год. В Бишкеке рабочие, не посещающие театр, составляли 49%. Походы в театр среди рабочих г. Ош совершались значительно чаще, чем в других городах. В условиях административно-командной системы театр политизировался, к спектаклям предъявлялись особые критерии. Пьесы, отражающие реальную картину жизни, снимались с репертуара под предлогом идеологической и политической некорректности. Вместо них навязывались посредственные спектакли, далекие от современных проблем.

Отношение рабочих к классической музыке, уровень постижения ими произведений этого жанра в разных городах отличались неравномерностью. Исследование показало, что не интересующихся классической музыкой много среди рабочих городов Узген и Майли-Сай. Среди тех, чья заинтересованность выше, выделялись рабочие городов Бишкек и Кант. Наибольший интерес к опере и балету также проявили рабочие этих двух городов.

Примерно треть респондентов интересуются эстрадной музыкой, 29,4% – народными песнями. К творчеству акынов-импровизаторов проявляют интерес примерно 10% городского населения, из которых 13,1% – рабочие. Среди любителей этого народного жанра больше рабочих в возрасте старше 30 лет, чем среди молодежи. Людей старшего поколения данный вид творчества привлекает в 40% случаев. 17,2% опрошенных рабочих сообщили, что интересуются произведениями мелодистов – народных певцов и музыкантов.

Начиная с 1960-х годов вплоть до времени нашего исследования потребности в этом жанре удовлетворялись благодаря сочинению новых произведений, исполнению народной музыки на концертах.

Исследования показали, что почти треть (31,4%) рабочих ходили в музеи. Особенно в этом отношении выделялся г. Ош, а меньше всего посещающих музеи было в г. Кант. Почти две трети рабочих г. Ош придавали большое значение этому виду культурного отдыха – в 2-2,5 раза больше, чем в других городах. Наиболее популярными были музеи исторического профиля. Количество посетителей музеев выросло, по сравнению с 1985–1987 гг., но стало сокращаться начиная с 1988–1989 гг. [21]. Даже в прежние времена, когда посещаемость музеев была высокой, Кыргызстан занимал по этому показателю последние места среди других союзных республик, что было связано с целым рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, музеев в Кыргызстане было не много. Во-вторых, большинство лучших музеев республики расположены в столице страны. В-третьих, идеологическое направление, навязываемое музеям в советскую эпоху, не отвечало национальным интересам и устарело. В-четвертых, музейные экспозиции часто не отражали историю объективно, что было вызвано пробелами в исторической науке Кыргызстана. В-пятых, музейная структура в Кыргызстане была неразвита: недостаточная пропаганда музеев не способствовала росту их посещения. В-шестых, за исключением филиала Центрального музея В.И. Ленина и художественного музея им. Г. Айтиева, материально-техническая база почти всех музеев оставляла желать лучшего.

В настоящей статье затрагиваются также вопросы национального самосознания рабочих-кыргызов, влияние на него политических, социальных и культурных процессов, происходивших в годы перестройки. Этнографы и этносоциологи в национальном самосознании выделяют такие элементы, как национальная идентификация, автостереотипы, представления об общности исторического прошлого народа, о территориальной общности, отношение к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентации на них [2: 258].

Во время перестройки в средствах массовой информации периодически поднимались вопросы, касающиеся интересов коренных народов в политической, экономической, культурной сферах. В то время на разных уровнях оживленно обсуждались проблемы сужения сферы применения кыргызского языка в Кыргызстане, нехватка школ с кыргызским языком обучения, нехватка жилья у кыргызского населения, проживающего в городе, проблема регистрации, подготовки рабочих из числа кыргызов, разрушение экологии. Рабочие-кыргызы в городах тоже не остались в стороне. Они начали открыто говорить и публиковать в газетах и журналах статьи, в которых высказывалось недовольство отношением к кыргызским рабочим на предприятиях, неудовлетворенность условиями труда, жильем, плохими условиями жизни в рабочих общежитиях, а также требования к руководству начать действовать, чтобы исправить ситуацию. Альтернативые выборы в Верховный Совет СССР в 1989 г. оказали серьезное влияние на национальное самосознание кыргызов [3:8].

В тот период ориентация на свою этничность, этническую культуру стала провляться все более заметно. Большинство респондентов осознавали принадлежность к кыргызской нации, общность языка и исторической судьбы через народную музыку. 99% считали кыргызский язык своим родным языком. 74,8% рабочих сообщили, что хотят обучать своих детей на кыргызском языке, 79,5% поддерживали идею возвращения исторических названий городам и селам.

С гордостью назывались имена кыргызских писателей, артистов, оперных певцов и солистов балета. По мнению рабочих-кыргызов, лучшими фильмами были фильмы, снятые на киностудии «Кыргызфильм».

Почти все респонденты в быту придерживались народных традиций и обычаев, выражали положительное отношение к организации национальных игр и развлечений, к празднованию национальных праздников. Две трети респондентов использовали дома шырдак, войлочные ковры, одеяла ручной работы с национальным узором, сделанные вручную. 76,2% рабочих готовили национальные блюда каждый день или раз в неделю.

Можно сказать, что привычки, сформировавшиеся при кочевничестве, сохранялись от поколения к поколению. Это стало одной из основных причин медленного привыкания кыргызов к индустриальным специальностям. К тому же власти республики и руководители предприятий вместо того, чтобы готовить рабочих из местного населения, искать эффективные пути их адаптации к новым для них видам труда, завозили кавлифицированных рабочих из других республик. Кыргызская молодежь не стремилась в профессионально-технические училища, а те, кто в них обучался, не могли полностью освоить программы обучения, так как они велись на русском языке.

Культура городов Кыргызстана включала много современных элементов. Территориальное размещение культурных учреждений по городам было неодинаковым, зависело от их статуса. Лучшие культурные учреждения, отвечающие современным требованиям, находились в столице. Административно-командная система не давала творческой свободы культурно-просветительным учреждениям, которые, в свою очередь, не могли полноценно удовлетворять духовные потребности населения, в том числе рабочих.

Средства массовой информации, художественная литература, кинофильмы, драматические спектакли, эстрадная и народная музыка стали частью духовной жизни рабочих-кыргызов. Однако уровень приобщения к ним существенно варьировал как по городам, так и по социально-демографическим группам респондентов.

Принятие Закона о государственном языке, новые подходы в исследовании национальной истории, изменение географических названий, движение за независимость и т.д. стали факторами дальнейшего роста национального самосознания кыргызов.

Литература

1. *Айдаркулов М.* Абалың кандай жумушчу? // Фрунзе шамы. 1990. 10 мая.
2. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987. 303 с.
3. *Асанканов А.А.* Кыргызы: рост национального самосознания. Бишкек: Мурас, 1997. 222 с.
4. *Дүйшеев Т.* Көрүүчүгө жооп // Советтик Кыргызстан. 1988. 21 июня.
5. *Дүйшөбаев А.* Заводдо иштеген уятпы? // Жаштык жарчысы. 1991. 5 марта.
6. *Кадыров Т.Д.* История развития радиовещания и телевидения в Республике Кыргызстан (1928–1990): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек,1993. 21 с.
7. *Какеев А.Ч., Бактыгулов Дж.С., Осмонов О.Дж.* Культура Кыргызстана (1961–1995 гг.). Бишкек: Кырг. аграр. акад., 1996. 210 с.
8. *Карымшакова О.А.* Республикадагы биринчи китепкана // Кыргыз китепканасы. 1992. № 1. С. 17–18.
9. Китеп жана жаштар: тегерек столдун материалдары // Ленинчил жаш. 1989. 4 марта.
10. *Козубекова М.* Жумушчу неге нааразы? // Ленинчил жаш. 1988. 17 дек.
11. *Колосова Л.* Профтехобразование республики: проблемы, перспективы развития // Коммунист Кыргызстана 1990. № 2. С. 60–63.
12. НТР и национальные процессы / отв.ред. О.И. Шкаратан; Науч. совет по нац. проблемам при секции обществ. наук Президиума АН СССР; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 247 с.

13. Эмгек коллективинде патриоттук жана интернационалдык тарбия берүү: 1987-ж 4-5-дек. өткөн респ. илимий-практикалык конф. материалдары, Фрунзе шаары. Фрунзе: Кыргызстан,1988. 664 б.
14. Кыргыз Республикасынын Маданият министрлигинин 1991-ж. 20-декабрындагы коллегиясы жөнүндө маалыматтык билдирүү // Кыргыз китепканасы. 1992. № 1. С. 24–25.
15. *Локтева С.* Чтобы работать как часы // Вечерний Фрунзе. 1988. 29 дек.
16. *Маликов С.* Китеп менин акылым // Кыргыз Туусу. 1993. 20 апр.
17. *Медералиев Ж.* Өтпөйбү же жетпейби? // Кыргызстан маданияты. 1989. 23 нояб.
18. Народное хозяйство Киргизской ССР за годы Советской власти: стат. ежегодник. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. 184 с.
19. Печать в СССР в 1985 г.: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1986. 310 с.
20. *Сакина Н.* Во имя духовного обновления // Сов. Киргизия. 1990. 3 апр.
21. *Салымбаев Б.К.* Становление и развитие музейного дела в Кыргызстане (1920–1990 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 1992. 20 с.
22. Сквозь призму социологии // Вечерний Фрунзе. 1988. 16 сент.
23. *Токтоналиев К.* Күлбөгөн күлкүлөр, күйбөгөн күйдүргүлөр ... // Кыргызстан маданияты. 1988. 18 авг.
24. *Тулебердиева Д.* Работа культпросветучреждений Республики Кыргызстан по внедрению в быт праздников, обрядов, ритуалов // Кыргыз китепканасы. 1992. № 4. С. 3–4.

Роль билингвизма в выборе образования

Ж.К. Омурзакова

Современный мир ставит перед человеком целый ряд новых задач, связанных с выстраиванием диалога, налаживанием сотрудничества и взаимопонимания. Без сомнения, среди них находятся и вопросы, касающиеся выработки новых подходов в сфере образования, в области формирования языковой культуры. Образование – это процесс, который сопровождает нас в течение всей жизни, он необходим для адаптации индивида к природной и социокультурной среде, реализации и дальнейшего развития самых различных сфер человеческой деятельности.

Глобализация и интернационализация ставят перед национальными системами образования новые сложные задачи, например, развитие и формирование ценностей, сохранение традиций, обычаев и культуры различных народов, проживающих на территории Кыргызстана. И в процессе образования овладение вторым языком является сложной коммуникативной проблемой, т.к. язык должен стать активным ресурсом обучающегося. Отсюда вытекает необходимость при обучении второму языку иметь сильную мотивацию к речевой деятельности на неродном языке.

Надо отметить также, что одним из основных условий социально-экономического развития Кыргызской Республики является управление и регулирование этноязыковых процессов. Этноязыковое развитие, как часть государственного развития, не может проходить самостоятельно, обособленно, независимо от социально-экономического и политического развития Кыргызстана. Этноязыковые процессы, в свою очередь, являются социальной силой, воздействующей на социально-экономическое, политическое развитие страны. Поэтому повышенное внимание к изучению языковых проблем и многоплановых отношений, возникающих по поводу языка, становится органичной частью преобразований, переживаемых отечественными социально-гуманитарными науками, включая этносоциологию.

В этом контексте следует рассмотреть ряд определений понятия «двуязычие». Например, О.С. Ахманова определяет двуязычие как «одинаково совершенное владение двумя языками». Согласно точке зрения В.А. Аврорина, двуязычие предполагает примерно одинаково свободное владение двумя или более языками. При этом он признает, что степень совершенства редко бывает абсолютно одинаковой: «…во всяком случае, это должна быть не любая степень владения, начиная от самой примитивной, а именно степень совершенства владения языком» [1: 7].

Интересующие нас проблемы, связанные с возникновением и развитием билингвизма, исследованы в Молдове М.Н. Губогло [4: 149], Таджикистане – Р.И. Хашимовым [11: 169], Кыргызстане – А.А. Асанкановым [2: 219], в Элисте – А.Н. Биткеевой [3: 20], в Салехарде – С.И. Вальгамовой, в Москве – С.В. Дмитрюк [6: 281], в Алматы – Ш.О. Смагуловой, в Якутске – Р.И. Васильевой, в Самаре – О.Д. Наумовой [8: 278], в Майкопе – Т.Л. Пятаковой [9: 126–128], на Алтае – Н.Н. Тыдыковой [10: 151–155] и др.

Несмотря на то, что имеется достаточное количество работ, посвященных билингвизму, различные аспекты этноязыковых процессов в малых городах Кыргызстана были исследованы недостаточно. Поэтому проведение таких исследований в Кыргызстане имеет большую научную и практическую значимость.

С момента обретения Кыргызстаном независимости государственная языковая политика способствовала развитию этнической самобытности и сохранению национально-культурного, языкового многообразия страны. Такая языковая политика сыграла свою существенную роль в укреплении кыргызстанского единства и межнационального согласия.

Ее основополагающие принципы были провозглашены во многих основных законодательных актах. Экс-президент А. Атамбаев своим Указом от 10 апреля 2013 г. утвердил Концепцию «Укрепление народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике» [16]. 1 июля того же года им был подписан Указ «О мерах по развитию государственного языка и совершенствованию языковой политики в Кыргызской Республике». Указом Президента от 2 июня 2014 г. № 119 была утверждена Национальная программа развития государственного языка и языковой политики на 2014–2020 годы [18]. Принятие вышеуказанных документов на государственном уровне и обязательное их исполнение еще раз подтверждают актуальность изучения кыргызского языка и этноязыковых процессов в Кыргызстане.

В настоящее время в стране развито двуязычие как на базе русского, так и на базе государственного кыргызского языка. А многие представители этнических групп, проживающих на территории государства, выбирают в качестве средства общения, а это бывает нередко, и кыргызский, и русский языки, то есть становятся многоязычными. Национальное же двуязычие исходит из этнического (национального) принципа и представляет собой сосуществование двух или более различных языков у одного народа. При национальном типе двуязычия имеет место контактное, активное двуязычие.

Кыргызстан является уникальным по своему этническому составу и представляет собой широкую палитру различных этносов и культур. Здесь проживают представители более 100 наций, народностей, национальных и этнических групп.

Русский язык, согласно Конституции Кыргызской Республики, – официальный язык – «де-факто» утрачивает свои позиции. Причиной тому стали прежде всего интенсивные миграционные процессы в постсоветский период, повлекшие за собой уменьшение русскоязычного населения (по данным Нацстаткома КР, на 2015 г. численность русских составляла 6,2%, в 2017 – 5,8%, 2018 – 5,6%, 2019 – 5,4%, 2020 – 5,2% и в 2021 – 5,1%) [14].

Таблица 1

Население Кыргызстана (по национальностям, тыс. человек)

Национальность	2017	2018	2019	2020	2021
Все население	6 140 200	6 256 730	6 389 500	6 523 529	6 636 803
Кыргызы	4 492 667	4 587 430	4 695 646	4 804 369	4 896 182
Русские	356 637	352 960	348 935	344 950	341 351
Узбеки	898 363	918 262	940 628	964 379	985 358
Немцы	8340	8269	8201	8179	8132
Татары	27 341	27 200	26 992	26 732	26 507
Казахи	35 087	35 541	36 022	36 396	36 706
Таджики	53 848	54 976	56 219	57 612	58 913
Уйгуры	56 015	57 002	58 168	59 367	60 210
Дунгане	69 093	70 534	72 240	73 977	75 437

Как видно из табл. 1, доля кыргызов, на начало 2021 г. составила 73,7%, русских – 5,14%, узбеков – 14,8%, украинцев – 0,04%, уйгур – 0,9%, татар – 0,39%, немцев – 0,12%, других этносов – 2,09%. По сравнению с 2017 г., увеличилась численность кыргызов, узбеков, казахов, таджиков, уйгур, дунган, а русских, немцев и татар снизилась.

Таким образом, вопросы национальной политики и межэтнических отношений имеют для Кыргызской Республики огромное значение. А важным фактором межнациональных отношений, несомненно, являются языковые отношения. Поэтому особый интерес представляют проблемы двуязычия и многоязычия. В кыргызстанском обществе сложилась ситуация, когда в городских образовательных учреждениях преобладает русский язык, а

в сельских учреждениях функционирует только кыргызский язык. Русскоязычные школьники, получая образование на русском языке в городских школах, не знают кыргызского, сельские школьники не знают русского. Вопрос о введении многоязычного образования для русскоязычных учащихся, не владеющих кыргызским языком, сегодня активно обсуждается. В русскоязычный контингент попадают не только этнические русские, но и другие этнические славяне, а также этнические кыргызы и представители других национальных меньшинств (дунгане, корейцы, уйгуры и др.). В республике сегодня действует практически единственная модель по выбору языков обучения (за исключением нескольких гимназий, частных школ и кыргызско-турецких лицеев). В рамках этой модели при изучении предметов доминирует единственный язык (изучаемый как родной), остальные языки изучаются как вторые или иностранные языки. Учебные предметы преподаются на языке, который в этой модели рассматривается как «родной».

Данная практика сложилась во времена СССР, когда языковая политика была направлена на распространение модели «полного погружения»: ученик, поступающий в школу с определенным языком обучения, получал возможность освоения только этого языка на уровне «родного», остальные языки изучались им как вторые или иностранные. В Кыргызстане ситуация осложнена тем, что в советский период изучение кыргызского языка, даже как второго, было исключено из программ в школах с русским языком обучения. Такая модель ставит детей и родителей перед очень жестким выбором, так как у школьника имеется возможность освоить на уровне свободного владения только один язык.

Принцип, по которому в основе деления школ или классов лежит языковой критерий «одна школа – один язык обучения» или «один класс – один язык обучения», предопределяет моноязычность школ и моноязычность обучаемых. Опыт Кыргызстана в данном случае согласуется с примерами из мировой практики: единственный язык обучения ведет к доминированию этого языка в дальнейшей социальной и профессиональной практике. Именно опыт поколений тех людей, которые дома говорили на родном кыргызском языке, но образование получали в школах с русским языком обучения, показывает, что уровень владения кыргызским языком остается в лучшем случае на уровне бытового, а не профессионального использования. Внедрение второго и третьего языков как языков обучения – задача сложная.

Но модель многоязычного образования, построенная по такому принципу, заслуживает внимания, поскольку язык как средство обучения и язык как предмет изучения преследуют разные цели и имеют разные результаты. Изучение иностранных языков не всегда способствует формированию билингвальной личности [21: 142]. В последние годы международное сообщество пришло к необходимости продвижения подходов, которые позволяют внедрять более гибкую политику в сфере выбора языков образования, что существенно расширяет возможности людей во всех сферах жизнедеятельности. Сегодня в Кыргызстане Центром социальной интеграции при МОН КР апробируется проект по многоязычному образованию, в рамках которого в течение ряда лет в пилотных школах столицы внедряется модель многоязычного образования. С учетом международных стандартов и передовой практики предлагается учитывать и выполнять при планировании и реализации языкового обучения в многоязычном обществе следующие принципы: обучение на родном языке; двуязычное и/или многоязычное образование; язык как один из важнейших компонентов межкультурного образования. Сущность выполнения данных принципов состоит в следующем:

– обучение на родном языке имеет важное значение для начального обучения и обеспечения грамотности, его следует, по возможности, осуществлять до последней ступени образования;

– образование каждого учащегося должно начинаться на его родном языке;

– обучение второму языку, в дополнение к родному, необходимо начинать в раннем возрасте; изучение второго языка в качестве предмета, который «только после достаточного овладения этим языком учащимися» должен становиться средством обучения;

– получение дальнейшего образования на втором языке на основе использования второго языка в качестве одного из языков обучения означает использование двух (или более) языков для приобретения знаний (изучения учебных предметов) в течение всего курса обучения в школе, вплоть до университета;

– интенсивное и междисциплинарное изучение, по крайней мере, третьего (мирового) языка в средней школе, чтобы к окончанию школы учащийся мог работать на трех языках, что должно стать обычной нормой практических языковых компетенций в XXI в. [13].

Всего в Кыргызстане 56 пилотных школ. Обучение на втором языке (кыргызском) вводится практически во всех пилотных русскоязычных школах с начальных классов (с 1-го по 4-й классы), в некоторых пилотных школах с 5, 6-х классов, реже – с 8, 9-х классов. На первом этапе (2015/16 учеб. г., 1-я и 2-я четверти) вводились следующие предметы: «Музыка», «Физическая культура», «ИЗО» (рисование), «Трудовое обучение», «Родиноведение», «Этика», «Естествознание», «ОБЖ» («Основы безопасности жизни»). Как видим, в этом перечне преобладают дисциплины, в которых активно присутствует коммуникативная составляющая, благодаря чему учащиеся в непринужденном общении с учителем усваивают навыки элементарного разговорного общения на кыргызском языке.

В рамках проекта планируется ввести обучение на третьем языке (либо английском, либо китайском) следующих предметов: «Экономика», «Граждановедение», «Информатика». По предварительным итогам данного эксперимента, можно говорить о первых успехах. Например, заслуживает внимания опыт Новопавловской школы-лицея им. Ч. Айтматова, где на протяжении нескольких лет внедряется модель многоязычного обучения и где можно констатировать положительные результаты. На данный момент педагоги-предметники проходят языковую подготовку. Однако в целом пилотные школы пока не могут вводить обучение на третьем языке. Существует проблема системной подготовки педагогических кадров, прежде всего, предметников, владеющих английским языком на профессиональном уровне.

Апробируемая модель языкового обучения в русскоязычных школах г. Бишкека, при которой государственный кыргызский и родной русский языки используются в качестве языков обучения, наиболее предпочтительна. В таком формате обеспечивается усвоение государственного кыргызского языка на уровне, необходимом для социализации личности на всей территории страны, и использование русского языка как дополнительного и эффективного инструмента адаптации и продвижения в русскоязычном пространстве. Изучение же родного языка (узбекского, дунганского, уйгурского и др.) способствует сохранению национально-культурной идентичности личности и самобытности различных этносов. Кроме того, для доступа к информации и реального профессионального развития необходима возможность освоения одного из мировых языков (английского, китайского и др.). В системе среднего образования Кыргызстана роль мирового языка, позволяющего расширить доступ к глобальным источникам информации, сегодня достаточно значима, прежде всего, это касается русского языка, являющегося одним из шести официальных языков ООН.

Эффективность реализации новой национальной программы по языковой политике была обеспечена поддержкой государства, направленной на достижение основных целей проекта, – достижение полномасштабного функционирования государственного языка во всех сферах общественной жизни и выполнение им интегрирующей роли при сохранении языков этносов, проживающих в Кыргызстане, и создании условий для их изучения и развития.

Русский язык ослабляет свои позиции как язык межнационального общения, как язык официально-делового общения, как язык профессиональной коммуникации в государственных учреждениях, министерствах, отраслевых ведомствах. Коммуникативное и функциональное пространство русского языка сокращается из года в год. В сельских регионах республики русский язык быстро исчезает. Русскоязычных школ в регионах почти не осталось. Не отмечается в последние годы роста количества школ, ведущих обучение на русском языке в столице – Бишкеке. В большинстве городских школ функционируют лишь классы с русским языком обучения. И такого рода смешанных школ в городах становится все меньше.

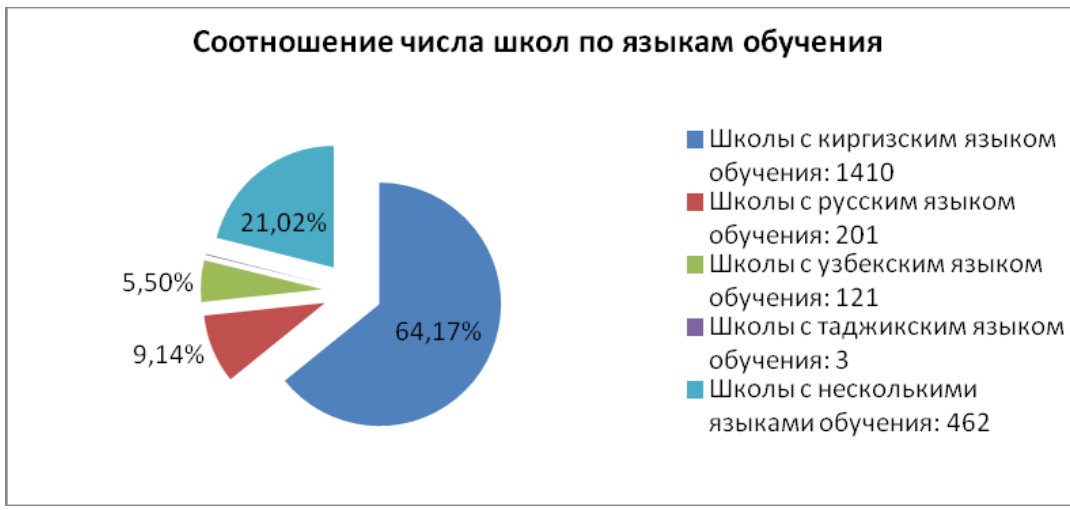
В стране функционирует 462 школы, которые Министерством образования отнесены к категории «школ с двумя и более языками обучения», что составляет почти четверть всех школ в стране, в которых языки обучения (кыргызский, русский, таджикский, узбекский) сочетаются в 7 комбинациях. За период с 1991 по 2011 г. число школ со смешанными языками обучения увеличилось более чем на треть (338 – в 1991 г., 346 – в 2014 г. и 462 – в 2011 г.), в их числе кыргызско-русские, кыргызско-узбекские, кыргызско-русско-узбекские [13].

Контингент учащихся школ с преподаванием предметов на русском языке насчитывает более 280 тыс. человек, что составляет 28% от общего числа учащихся республики. В школах с кыргызским языком обучения русский язык является обязательным предметом и изучается с 1-го по 11-й класс, предмет «Русская литература» начинается с 5-го класса.

В вузах сохраняется обучение на русском языке. Но одна из существенных проблем состоит в том, что абитуриенты приходят в вуз, не зная русского языка.

Не менее серьезная проблема связана с учителями русского языка. В школах республики работают около 7 тыс. учителей русского языка и литературы, большинство из которых составляют люди пожилого возраста. В республике осталось лишь два-три вуза, в которых действуют факультеты русской филологии, набирающие в год по 20–25 человек. Сокращение подготовки учителей русского языка и литературы в вузах республики привело к нехватке учителей, особенно в отдаленных сельских школах. Флагман российского образования республики – Кыргызско-Российский Славянский университет – не имеет факультета русской филологии: там набирают немногочисленную группу по специальности «Русский язык и литература» в рамках гуманитарного факультета. За последние годы ни в данном университете, ни в других вузах нет желающих продолжать обучение в аспирантуре по специальности «Русский язык», хотя именно учителей русского языка в регионах катастрофически не хватает. В последние годы наметилась тенденция к открытию образовательных учреждений другими странами (Турция, КНР, арабские страны, европейские страны и др.). Они открывают школы, лицеи, вузы, где предлагают обучение на своих языках за высокую плату, гарантируя качественное образование. При этом число желающих, несмотря на высокий конкурс, постоянно растет. Показательно, что турецкие менеджеры по образованию, учитывая спрос населения в стране на русский язык, открывают в последнее время школы с русским языком обучения. Помимо 201 школы с русским языком обучения, имеются классы с русским языком обучения в смешанных школах. Основное количество русскоязычных школ приходится на г. Бишкек и Чуйскую область.

В настоящий момент в Кыргызстане действуют 2197 школ (см. диаграмму) с 4 языками обучения: кыргызским, русским, узбекским и таджикским [13].



Большинство школ с кыргызским языком обучения находятся в сельских районах, в основном они малокомплектные. В столице всего 13 школ с кыргызским языком обучения, что составляет меньше 4% всех школ г. Бишкека. Максимальное количество таких школ сосредоточено в малых городах, которые являются наиболее густонаселенными.

Школы с русским языком обучения действуют во всех регионах республики, но наибольшее количество сосредоточено в г. Бишкек и в Чуйской области. Начиная с 2005 г. число учащихся, выбирающих классы с русским языком обучения, ежегодно увеличивается на 5–6 тыс. человек. Такие школы, особенно в сельской местности, как правило, переполнены. Данный факт напрямую связан с желанием учеников и их родителей, обусловленным прежде всего мотивами экономического характера (трудовая миграция). Этот процесс можно объяснить и тем, что, по результатам мониторинга, оценки учащихся в школах с русским языком обучения и уровень знаний школьников намного выше, чем в школах с другими языками обучения [21]. Кроме того, результаты общереспубликанского тестирования для зачисления в вузы выше у выпускников классов с русским языком обучения. При этом большинство выпускников предпочитает получать высшее образование на русском языке: в 2011 г. число поступивших в группы с русским языком обучения составило 165 357, с кыргызским – 58 575, с узбекским – 959 человек.

Этносоциологические исследования выявили следующие факторы, воздействующие на выбор русско- или кыргызскоязычной школы: 19,8% респондентов выбирают их с целью сохранения традиционной культуры, а 13,9% – по решению родителей. 22,0% респондентов отметили, что в школах с родным языком обучения сохраняется кыргызский менталитет, традиции, обычаи, язык; 27,1% – что дети не ходили в детский сад, поэтому не знают русского языка; 2,6% выбрали русскоязычную школу. 6,6% респондентов указали на то, что рядом с местом проживания нет подходящей школы. Ряд респондентов отметили, что в русских школах меньше собирают денег, чем в кыргызских (1,57%), а на то, что техническое оснащение в русских школах намного лучше, чем в кыргызских, указало 0,8%. 11,4% респондентов, выбравших школы со смешанным языком обучения, хотят, чтобы их дети обучались на двух языках. Таким образом, при выборе школы непосредственное влияние оказывают как объективные, так и ряд субъективных факторов.

Основные факторы проявления билингвизма напрямую связаны с выбором школы, влиянием окружающей среды, соседей, друзей, работы. Естественно, огромное влияние оказывает принятый в семье язык общения. Кроме того, также важна продолжительность

проживания в городе, к этому необходимо добавить образовательный и социально-профессиональный статус того или иного горожанина.

Обучение официальному государственному языку должно быть направлено не только на расширение коммуникационных возможностей учеников, обеспечение использования возможностей рыночной экономики, но и включение в русскую и мировую культуру. Таким образом, на выбор языка оказывает прямое воздействие место жительства, стаж проживания в городе, язык обучения в школе, среда общения и т.д.

Освоение второго языка у мужчин и женщин происходят одинаково [21]. В тоже время, исходя из направленности этноязыковых процессов, включая развитие двуязычия, можно сделать вывод о том, что освоение языка среди контактирующих этносов происходит не одинаково. Больше развито национально-русское двуязычие, а русско-национальное – в меньшей степени. Данный процесс наблюдается и в других постсоветских республиках.

Ситуация, при которой государственные языки вытеснялись более престижными языками этнических меньшинств, имела место во многих странах на соответствующей стадии политического и экономического развития (английский язык в Индии, французский язык в Северной Африке и т.д.). Языковые проблемы Кыргызстана не исчерпываются только проблемой русского языка. К ним можно добавить еще, по крайней мере, две проблемы: проблему узбекского языка и вопрос замены кириллического алфавита кыргызского языка.

Узбекский язык – третий язык в Кыргызстане по числу носителей. В 2011 г. процент этнических узбеков в общем населении Кыргызстана достиг 14,8%. Таким образом, узбеки стали второй по численности этнической группой после кыргызов, опередив русских, которые в 1999 г. составили 12,5%. Подавляющее большинство узбеков (95,7%) проживает на юге республики. В наиболее крупном по численности населения г. Ош узбеков столько же, сколько и кыргызов. На узбекском языке свободно говорят представители других этносов в трех южных областях республики: 11,2% в Баткенской области, по 5% в Ошской и Джалал-Абадской областях. Это прежде всего таджики, демонстрирующие высокую степень владения узбекским языком [14]. Кыргызов и русских, говорящих на узбекском языке, примерно поровну. Несмотря на высокий процент носителей узбекского языка, применение и функционирование узбекского языка не нашло отражения в законодательстве Кыргызской Республики. Более того, количество школ на узбекском языке за годы после провозглашения независимости заметно уменьшилось, не хватает учебников, отсутствует телевещание на узбекском языке.

В 1993 г. было объявлено о переводе кыргызского языка с кириллицы на латиницу. Однако до сих пор намерение не реализовано по причинам экономического и психологического характера. С одной стороны, введение нового алфавита требует больших финансовых затрат, а с другой стороны, это объясняется нежеланием взрослого населения переучиваться. Отказ от кириллицы стимулировался политическими причинами. Кириллица ассоциировалась с традициями советского времени, от которых надо было отказаться. В свою очередь, латиница отождествлялась с независимостью от России, а также выходом на мировую арену. В этом плане большое влияние оказывал пример Турции. Однако со временем влияние Турции заметно уменьшилось. Тем не менее в мероприятиях по реализации Программы развития государственного языка на 2000–2010 годы [19] была заложена «разработка программы обучения латинской графике применительно к кыргызскому языку» в школах, средних специальных и высших учебных заведениях Кыргызстана.

Результаты аналитического исследования показали следующее:

– изучение неродных (вторых) языков, по мнению около двух третей опрошенных, не соответствует современным требованиям и не позволяет к моменту окончания школы овладеть языками на должном уровне;

– запрос на знание второго языка в обществе очень высок: более 80% опрошенных родителей хотят, чтобы их дети владели русским языком, более 21% заинтересованы в овладении детьми кыргызским и 87% – английским языками;

– школы с несколькими языками обучения являются удобной площадкой для реализации различных моделей многоязычного образования;

– свыше 75% родителей в малых городах одобряют и считают модель многоязычного образования эффективной.

Проанализировав реализацию языковой политики, можно констатировать, что в позднесоветскую эпоху кыргызский язык был слабо развит в собственной стране, интеллигенция и элита предпочитали доносить высокие идеи на русском языке, а вопросы быта обсуждать на кыргызском. «Свалившаяся на голову» независимость дала толчок развитию кыргызского языка, сделав его одним из символов государственности и нациестроительства. Однако экономические и социальные трудности первых лет молодого государства не давали в полной мере реализовать языковую политику. Для того, чтобы заручиться поддержкой Москвы и русскоязычных меньшинств в Кыргызстане, власти страны придали официальный статус русскому языку.

Однако, если посмотреть на опыт соседей по региону и некоторых стран СНГ по внедрению государственного языка, то становится очевидно, что Кыргызстан даже немного отстал и поздно начал подобные реформы. Стоит признать, что при большом желании работать на государственной службе можно выучить кыргызский язык, как минимум порогового уровня. На сегодняшний день уже создана определенная материальная и техническая база для изучения языка, существуют разного рода образовательные курсы, разработана система тестирования на знание государственного языка, разрабатываются и издаются словари. В истории современного Кыргызстана уже были чиновники и депутаты из числа этнических меньшинств, которые свободно владели государственным языком, что вызывало симпатию и уважение у большей части населения.

Из всего вышесказанного следует вывод: степень развитости всех форм двуязычия обусловлена исторически сложившимися социально-политическими, экономическими и другими связями народов Кыргызстана, поэтому все этносы Кыргызстана основным средством межнационального общения избрали как государственный, так и русский языки. Однако очень хочется, чтобы каждый гражданин Кыргызстана, в соответствии с его гражданством и наличием патриотических чувств к своей Родине, имел потребность в овладении государственным языком в установленном объеме. Таким образом, двуязычие на основе свободного развития и функционирования всех без исключения национальных языков, представленных на территории многонационального Кыргызстана, с помощью правового обеспечения, социально-политических, экономических и других условий будет способствовать укреплению межнационального общения, согласия всех кыргызстанцев, а также развитию и обогащению народов Кыргызстана.

Этноязыковые процессы, отображающие взаимодействие людей и языков, на протяжении многих веков развивались под влиянием объективных и субъективных факторов. Для развития процессов билингвизма на каждом этапе исторического развития Кыргызстана важное место занимает не только проживание в условиях города или села представителей разных этносов, но и их социально-профессиональный уровень, а также уровень их взаимосвязи.

Основную роль в этноязыковом процессе сыграли контакты кыргызского народа с тюркоязычными и восточнославянскими этносами. В связи с усложнением этнического состава республики наблюдалось расширение процессов билингвизма. Учитывая развитие этнодемографических процессов, включая миграционные, Кыргызстан можно назвать страной многозычия, представляющей все объективные условия для развития языков.

В последнее десятилетие советской власти внутри союзных республик стало зримо проявляться недовольство уровнем развития и использования языков коренных этносов, которые стали следствием не только повышения этнического самосознания, но и роста националистических настроений. В связи с этим в период горбачевской перестройки начались процессы принятия законов о языке и программ по его развитию.

Как известно, к принятию законов о языке обращаются в основном в полиэтничных странах. Хорошо проработанные и воплощенные в жизнь законы о языке упорядочивают использование языка в различных сферах общения (образование, средства массовой информации, наука, книгоиздательство и др.), что, в свою очередь, оказывает влияние на обогащение лексики языка, развитие профессиональных знаний и в будущем – на соответствующие языковые процессы.

Установление советской власти, массовый приток русско-украинского населения, открытие школ с русским языком обучения, действенные меры по ликвидации безграмотности и оказанию помощи в подготовке квалифицированных специалистов, которые делились своими знаниями и опытом с местным населением, способствовали развитию двуязычия. Такой же характер носило внедрение билингвизма в высших учебных заведениях при подготовке педагогов, знающих русский и кыргызский языки. Значительную роль в освоении и внедрении родного языка сыграло не только общество, но и семья – микроячейка государства. Естественно, что использование билингвизма было распространено среди городских кыргызов.

Особая роль в распространении как родного, так и русского языка принадлежит средствам массовой информации, которые позволяют оперативно получать интересующие сведения о тех или иных вопросах социально-экономической, этнокультурной, политической ситуации в республике и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Отметим, что одна треть информации в республике публикуется на кыргызском языке, часть – на русском и узбекском языках. Тем не менее городские кыргызы отдают предпочтение русскоязычным изданиям, меньшая часть – носителям информации на двух языках. Данная тенденция не распространяется на тех горожан из числа кыргызов, которые имеют меньший стаж проживания в Бишкеке или тех, которые закончили школу, лицей, колледжи и вузы на родном языке. Необходимо особо отметить то обстоятельство, что городские кыргызы, как и другие контактирующие с ними этносы, через русский язык больше и глубже познают достижения мировой культуры и науки.

Формирование независимого суверенного государства, налаживание прямой связи с государствами мира, установление с ними дипломатических отношений: открытие посольств Кыргызстана в других странах, открытие посольств и представительств международных организаций в нашей стране и т.д., оказывает влияние на изменение отношения кыргызов к мировым языкам – английскому, французскому, немецкому, турецкому, китайскому, персидскому, японскому, арабскому и др. Поэтому интерес кыргызов к изучению европейских и восточных языков сильно возрос. В настоящее время увеличилось число школ с иностранным языком обучения. Это же характерно для высших учебных заведений, особенно факультетов востоковедения и иностранных языков, которые пользуются большой популярностью. Иначе говоря, кыргызстанцы нацелены на освоение кыргызского языка как родного, русского – как официального, английского или одного из восточных языков – как международного.

Полученные в результате этносоциологических исследований материалы по городским кыргызам показали, что у разных групп населения проявляются разные стремления и требования к освоению другого языка. Отмечены разные масштабы использования второго языка в той или иной сфере жизнедеятельности. Зафиксирована различная степень и формы распространения билингвизма в коммуникативной сфере, включая ее освоение не только разными социально-профессиональными, но и половозрастными группами горожан.

Литература

1. *Аврорин В.А.* Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. 242 с.
2. *Асанканов А.* Кыргызы: рост национального самосознания. Бишкек: Мурас, 1997. 224 с.
3. *Биткеева А.Н.* Проблема сознания. М., 1982.
4. *Губогло М.Н.* Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979.

5. *Дербишева З.К.* Билингвиальное и полилигвиальное образование в контексте языковой ситуации в Кыргызстане //Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 74–81.
6. *Дмитрюк С.В.* Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI в. М.: Моск. ин-т лингвистики, 2012. 298 с.
7. *Кудрявцева Е.Л.* Естественный билингвизм как образовательный и научный потенциал // Межкультурная коммуникация и русский язык: сб. научных трудов. Карлсруэ: Ун-т Баден-Вюртемберга; Общество Икарус, 2010. С. 142–146.
8. *Наумова-Кузьменко О.Д.* Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. М.: Педагогика, 1975. 284 с.
9. *Пятакова Т.Л.* Языковая ситуация в Республике Адыгея, региональная модель (методы, индикаторы) // Материалы науч. конф. «Этнические процессы накануне XXI века». Ставрополь, 1998. С. 126–128.
10. *Тыдыкова Н.Н.* О проблемах билингвизма в Республике Алтай //Звезда Алтая. 5 июня 2016 г.
11. *Хашимов Р.И.* Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Душанбе, 1986.
12. Языковая политика в образовании: запросы общества и перспективы многоязычного образования на юге Кыргызстана. Исследование Центра социальной интеграции при МОН КР. URL: http://soros.kg/wp-content/uploads/2012/02/policy_brief_center_social_ integration (дата обращения: 08.01.2016).
13. *Источники*
14. Краткие статистические данные по общеобразовательным школам Кыргызской Республики на начало 2010/11 учебного года / Министерство образования и науки КР. Бишкек, 2011.
15. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: http://www.stat.kg/ru/
16. О государственном языке Киргизской ССР: Закон КиргССР // Советская Киргизия. 1989. 29 сент.
17. О концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике. Указ Президента КР от 10 апр. 2013 г. УП № 74 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2013. № 17. С. 7.
18. О мерах по обучению государственных и муниципальных служащих государственному языку и переводу делопроизводства на государственный язык. Постановление Правительства КР от 5 марта 2013 г. № 114 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2013. № 13. С. 24–32.
19. О национальной программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2014–2020 годы. Указ Президента КР от 2 июня 2014 г. УП № 119 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2014. № 27. С. 4–13.
20. О программе развития государственного языка Кыргызской Республики на 2000–2010 годы. Указ Президента КР от 20 сент. 2000 г. УП № 268 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2000. № 19. С. 20–31.
21. Об официальном языке Кыргызской Республики. Закон Кыргызской Республики // Слово Кыргызстана. 2000. 30 мая.
22. Результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Общественное управление» в августе–декабре 2011 г. / Фонд «Сорос-Кыргызстан». Б.м., б.г.

Этнодемографическое развитие локальной татарской общины в южной Литве (вторая половина XX века)

Й.А. Мардоса

Й.А. Мардоса

Изучение демографических процессов в селах Литвы было начато в 1976 г. в рамках реализации разработанной Ю.В. Арутюняном программы [1: 3–19]. На начальном этапе, при подготовке опроса населения, использовались сведения из похозяйственных книг для определения ситуации по поселенческим группам, входившим в социально-профессиональную структуру сельского населения. В дальнейшем собранные материалы послужили источником при анализе данных опроса в моей диссертации, а также для написания нескольких научных статей. Кроме того, была получена возможность проследить динамику демографических процессов в селах Литвы [3; 4: 216–222; 5: 205–208; 20: 62–70; 21 и др.]. Накопленный опыт был использован в 2017 г. при изучении этнодемографического развития локальной татарской общины в южной Литве. Татарская община в поселке Райжяй относится к литовским татарам – этнической группе, которая сформировалась на территории Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) в конце XIV – начале XVI в. в основном из выходцев из Золотой Орды и Крыма. Достоверных источников о поселении татар на территории Литвы не существует, однако, несмотря на разные трактовки отдельных страниц истории поселения татар, 1397 год является условной датой появления первых постоянных татарских сел на территории современной Литвы [14: 21–22]. Концентрация татарских поселений образовалась вокруг Вильнюса и на территории современной Западной Беларуси. Однако западнее Вильнюса, на территории Алитусского района, со Средних веков находится поселок Райжяй, население которого образовало мусульманскую общину, а с первых десятилетий XX в. поселок именовался столицей литовских татар. В советский период в поселке действовала единственная не закрытая в Литве мечеть. Однако дальнейшая история жителей складывалась неблагополучно, и во второй половине XX в. началось переселение татар в города Литвы, а их место заняли литовцы. Поэтому к началу XXI в. татары составляли незначительную часть жителей поселка. Тенденции состояния общины определили актуальность и научный интерес исследования этнодемографического развития поселка Райжяй во второй половине XX в.

Интерес такого рода исследований связан и с тем фактом, что хотя литовские татары (татары ВКЛ) имеют многовековую историю, а научная разработка данной тематики ведется с XIX в., различные стороны изучения их проживания в отдельных местностях Литвы имеют лишь фрагментарный характер. Наиболее важный вклад в историографию

изучения истории литовских татар в первой половине XX в. внес своими трудами и особенно монографией Станислав Кричинский [14]. Кроме него, историей татар XIX в. в Литве занималась Тамара Байрашаускайте [2: 9; 10 и др.]. Отдельные стороны истории и жизни татар освещались в нескольких популярных изданиях [12]. Первый обобщающий материал о Райжяй и некоторых сторонах обрядовой жизни татарской общины представил в книге про Алитусский уезд краевед Пятрас Биржис в 30-е годы XX в. [11: 628–634]. В постсоветский период опубликовано несколько обзорных и научно-популярных статей, в которых повторены известные факты истории татар в Райжяй. Однако совершенно отсутствует исследование демографических процессов в татарской общине, которым и посвящена данная статья.

Для реализации поставленных задач были использованы различные источники. Во-первых, это похозяйственные книги поселка, находящиеся в архиве райцентра Алитус, анализ которых проводился в 2018–2019 гг. Похозяйственные книги в Литве начали заполнять в середине XX в. Качественные записи, касающиеся села Райжяй, имеются с начала 1960-х годов. Именно с этого времени, как увидим далее, начались и существенные демографические перемены в общине. Книги заполнялись до 1990 г.

Помимо похозяйственных книг, в статье используются материалы проведенного автором полевого исследования, а также некоторые литературные сведения.

Хронологические рамки статьи охватывают вторую половину XX в. Однако для более глубокого понимания перемен в татарской общине, необходимо проследить отдельные характеристики этноконфессиональной общины в более широкой исторической ретроспективе. Таким образом, выбранный для исследования *объект* – этноконфессиональная община в поселке Райжяй. *Цель* работы – изучение этнодемографического развития локальной татарской общины во второй половине XX в. Основными з*адачами* исследования являются характеристика исторических особенностей проживания татар в поселке, изучение динамики половозрастной структуры жителей поселка, определение связи перестройки поселенческой структуры с этническим составом населения Райжяй.

Татары в Райжяй. Первые упоминания татар в Райжяй относятся к первой половине XVII в., они содержатся в материалах проведенной в государстве генеральной ревизии. Наряду с другими поселениями татар на территории ВКЛ, упомянута местность Райжяй (Рейже) [9: 34]. Первые сведения о численности населения в Райжяй известны с 1631 г. Поселение Райжяй состояло из 44 домовладений и являлось одним из самых крупных поселений татар на территории современной Литвы [14: 34]. В 1556 г. впервые упомянуто о мечети в селе [14:160]. Более конкретные данные о демографическом состоянии имеются с конца XVIII в. Известно, что в 1795 г. в Райжяй проживало 156 татар – 84 взрослых и 72 ребенка [9: 258]. По исследованиям Т. Байрашаускайте, во второй половине XIX в. Райжяй входил в число древних татарских дворянских поселений, в которых татарам принадлежали мелкие и средние земельные участки [2: 55]. Образовавшейся общине были выделены земельные участки в определенном месте, что создавало довольно сложные условия для расширения поселка. Поэтому с течением времени в окрестностях Райжяй, в нескольких мелких селах с литовским населением поселились единичные татарские семьи. Часть татар образовала смешанные семьи с местным населением и постепенно ассимилировалась. В то же время Райжяй исторически сохранял этническую однородность. Во время Первой мировой войны многие татары переселились в города России, и часть их не вернулась обратно, однако, по данным переписи населения, в 1923 г. в Райжяй в 33 усадьбах проживало 187 татар. В том же году 20 жителей умерли, 45 родились, а 15 сыграли свадьбы [11: 11, 632; 15: 400]. Таким образом, популяция общины обновлялась, сохраняла стабильное количество усадеб и мусульманское население.

Особое значение для развития общины имел факт образования Литовского и Польского государств в 1918 г., а позднее (1920) Белорусской ССР: единый ареал литовских татар оказался разделенным на три части. Более того, в 1920 г. произошла оккупация Польшей Вильнюсского края, поэтому дальнейшее развитие райжяйских татар получило особую историю – как литовская община. В то же время татары Вильнюсского края проживали в польской среде и до настоящего времени используют польский или белорусский язык, который раньше был языком общения и в Райжяй. Детей в Райжяй с 1920-х годов начали обучать на литовском языке в местной школе. Поэтому не вполне права С. Червонная, утверждающая, что единые в ВКЛ татары в XX в., после создания независимых государств Литвы, Беларуси и Польши, говорят на языках этих государств [6: 31–32]. С другой стороны, несмотря на то, в каких государствах проживали татары, их объединяющим звеном и формирующим образ жизни фактором выступала мусульманская традиция. Поэтому в досоветское время Райжяй существовал как этноконфессиональная община.

Советский период. Начатая в 1940 г. советизация Литвы одинаково коснулась всех жителей республики. Определенные демографические последствия оставили военные и послевоенные годы. Некоторые татары эмигрировали, подверглись депортации. Были потеряны возможности заниматься традиционным ремеслом выделывания кожи и огородничеством. Хотя в 1951 г. в Райжяй была зарегистрирована мусульманская религиозная община, в последующие годы в жизни татар религиозный фактор не имел значительного влияния, тем более в общественной и культурной жизни поселка. Однако политика советского государства не была отрицательно нацелена на татар. Даже когда в 1949 г. на базе села был создан колхоз, его состав имел этнический характер. Позднее, после дальнейшего укрупнения колхоза и включения его в 1959 г. в Райжяйский совхоз, этнический фактор в составе коллектива совхоза уже не имел значения.

Сравнивая материалы переписи населения 1959 г. с данными досоветского периода о численности татар в Райжяй, заметных изменений не наблюдается. В целом можно говорить, что с XVII в. количество усадеб и жителей колебалось в диапазоне нескольких единиц и составляло в среднем 180 человек. Вполне очевидно, что активные демографические перемены начались в 70-е годы XX в. Данные табл. 1, составленной на основании похозяйственных книг поселка, отчетливо отражают период, когда негативные сдвиги в численности татарского населения начали разрушать столетиями существовавшую этнодемографическую структуру села.

Таблица 1

Динамика численности населения в 1961–1990 гг. по возрастным группам (чел.)

	Возрастные группыs								
Годы	**1–5 лет**	**6–10**	**11–20**	**21–30**	**31–40**	**41–50**	**51–60**	**61 и >**	**Всего**
1961	8	19	25	25	22	20	13	35	167
1971	4	13	26	7	14	22	13	22	121
1981	-	1	12	9	2	6	19	13	62
1990	2	-	-	2	2	2	6	24	38

Источник: Литовский центральный государственный архив. Алитусский филиал (ЛЦГА. АФ). Ф. 38. Оп. 2. Д. 345 (1961); ЛЦГА.АФ. Ф. 272. Оп. 2. Д. 75 (1971); ЛЦГА. АФ. Ф. 272. Оп. 2. Д. 164 (1981); ЛЦГА. АФ. Ф. 272. Оп. 2. Д. 214 (1990).

Согласно данным табл. 1, за неполные 30 лет количество татар в Райжяй сократилось больше, чем в четыре раза. По данным похозяйственных книг, в 1961 г. в поселке проживали 48 семей, в том числе 6 литовских, насчитывающих 20 человек, и 42 татарских с 167 жителями (73 мужчинами и 94 женщинами). Возрастные характеристики были позитивны

и не вызывали опасений для существования общины. В Райжяй проживало 52 лица в возрасте до 20 лет, чуть меньше половины жителей 21–60-летнего возраста были трудоспособны. Люди преклонного возраста составляли 21% от всего татарского населения, в 1990 г. лиц такого возраста было уже 63%. Интересно, что если из 132 жителей в возрасте до 60 лет было 57 мужчин и 75 женщин, то в более преклонном возрасте половые различия были незначительны – 16 мужчин и 19 женщин, и такая тенденция сохранилась за весь исследуемый период. Однако, по данным похозяйственных книг, в 1970-е годы в целом в селах Литвы женщин преклонного возраста было вдвое больше, чем мужчин [21: 20]. Положение интересное и трудно объяснимое.

В досоветское время Райжяй существовал как относительно замкнутое село. Родители или община в целом регулировали и внутреннюю этническую структуру населения. Как пишет райжяйский татарин М. Абунявичюс, в 1930-е годы вечеринки татар имели закрытый характер, и только иногда приглашались польские девушки из соседнего имения [7: 98]. В начале советских времен значительных сдвигов в численности семей не произошло. В 1961 г. в поселке проживали 42 татарские семьи, за десятилетие их количество сократилось до 39. Можно сказать, что в последующие годы естественное движение населения и миграция, особенно молодежи, стали основными факторами не только в динамике численности членов семьей, но и самих семей: к 1980 г. в Райжяй осталось только 25 семей, к концу советского периода – 21 семья. В дальнейшем сокращался в основном размер семьи, что в конечном итоге также вело к уменьшению численности татар. За 30 лет количество татарских семей уменьшилось в два раза, в 8 оставшихся хозяйствах проживало по одному человеку, в 10 – по двое. Только две семьи состояли из родителей с детьми, в том числе в одной из них были малолетние дети, количество которых в дальнейшем выросло до пяти. Однако четверо из них, став взрослыми, эмигрировали за рубеж.

Причиной резкого снижения количества татарского населения являются существенные изменения в уровне рождаемости татар. Исторически татарские семьи в Литве были многодетными, и дети до 10 лет составляли 30,1% татарского населения, тогда как в Польше – 24,3% [14: 110]. Снижение размера семьи уходит своими корнями в середину XX в. или в еще более ранний период. В 1961 г. дети до 10 лет в Райжяй составили 16,2% от всех татар. Хотя в 1981 г. количество людей пенсионного возраста снизилось, позднее наблюдался рост их численности за счет старения людей трудоспособного возраста. Такая тенденция сохранилась до 1990 г. Имеется список семей, составленный в 1990 г. местным краеведом, из которого становится очевидным, что при остававшемся без существенных изменений общем количестве татар, постоянно сокращалась численность лиц зрелого возраста [24]. По данным полевого исследования автора, из данного списка в 2020 г. осталось 10 человек, 22 человека умерли, а 12 татар прибыли на постоянное жительство или сезонное проживание из городов. Таким образом, в поселке проживают в настоящее время 22 человека, в основном преклонного возраста. Лишь одна национально-смешанная семья, живущая с вернувшимися из города в поселок родителями-пенсионерами, имеет ребенка школьного возраста.

Существенные изменения численности татарского населения постоянно компенсировались прибывающими в поселок литовцами. Работники были необходимы для центрального хозяйственного подразделения совхоза. В советское время село приобрело официальный статус вспомогательного совхозного поселка. Прибывающие в Райжяй новые жители приобретали усадьбы татар, а также поселялись в построенном в 1968 г. двухэтажном здании 8-квартирного жилого дома. Важно отметить, что количественные изменения в населении поселка соответствуют тенденциям в целом по Литве. В 1959 г. сельское население в Литве составляло 62,0%, а в 1989 г. – 32,3 %, т.е. снизилось на 29,7 п.п. В дальнейшем доля сельских жителей стабилизировалась, и число городских и сельских жителей

сокращалось одинаковыми темпами. В 2001 г., по данным переписи населения, сельские жители составили 33,1%, в 2011 г. – 33,3% всех жителей Литвы [16: 5]. Такими же примерно темпами (на 31,9 п.п), по данным переписей, в период 1959–1989 гг. сократилось население и в Райжяй [25: 12; 23]. В 1989 г. в Райжяй проживало 111 человек, в 2011 г. – 107 [23]. Хотя поселки с населением 101–200 человек являлись в Литве относительно стабильными, по сравнению с мелкими селами [4: 221], но они не способны были сохранить социально-культурные учреждения. Наличие таких учреждений и величина села, по данным этносоциологических исследований, были важными показателями для культурного развития жителей [22: 59]. Неслучайно, Райжяй был непривлекательным местом жительства, особенно для молодежи, как и все вспомогательные поселки [20: 64].

Полевые исследования советского времени показали, что из-за переселения в города молодежи, и особенно девушек, в селе возникали трудности с созданием семьи [19: 207], у татар же из-за отсутствия молодежи брачного возраста семьи с 1980-х годов не образовывались вовсе. Такое положение не случайно, так как с 1961 по 1990 г. количество татар в поселке, по данным похозяйственных книг, сократилось на 77,8%, т.е. темпы сокращения численности татар в Райжяй почти в два с половиной раза были выше, чем по селам Литвы в целом. Вследствие изменения этнического состава поселка в советское время в нем укрепились литовцы. Поэтому можно говорить, что слава Райжяй как «столицы литовских» татар – уже прошлый этап жизни общины. Хотя по праздникам действует мечеть, приезжает имам, но постоянно пополняется сельчанами местное мусульманское кладбище.

К вопросу об обстоятельствах возникновения перемен. В миграционных перемещениях жителей Райжяй прослеживаются определенные закономерности. Гипотетически можно предполагать, что, в первую очередь, татары включились в русло тех же тенденций, которые определили структурные изменения в сельской популяции в советское время в целом. В 1949 г. в Райжяй был образован колхоз, который в 1959 г., после объединения с другими, превращен в Райжяйский совхоз. Жители старшего поколения отмечают проблемы колхозного строя, которые стимулировали миграционный отток в основном семей татар. Некоторые жители продавали усадьбы и поселялись в городах. Другой причиной можно считать существенные перемены в системе образования. В досоветское время в Райжяй действовала начальная школа, в которой большинством учащихся были татарские дети. Поэтому сельское население ограничивалось образованием не выше начального, а часть из них была неграмотна. В советское время в поселке начальная школа сохранялась до 1980-х годов, однако уже не была национальной. Дети продолжали учебу в расположенной в нескольких километрах семилетней (восьмилетней) школе, а более способные учились в городке Бутримонис в средней школе. Татарским детям, как и в целом всем детям Литвы, открылись двери в другой мир, и они этим воспользовались. С начала 1970-х годов наметился миграционный поток в различные городские учебные заведения.

Внедрение техники в сельскохозяйственное производство с середины XX в. постепенно снижало потребность села в работниках неквалифицированного физического труда. Депутаты местного сельсовета отмечали проблемы с целевым направлением в ПТУ, дети татар не стремились стать трактористами или другими квалифицированными рабочими. Они поступали в сельскохозяйственные техникумы, однако после их окончания по направлению работали в других хозяйствах. Не случайно именно с 1961 г. стала меняться возрастная структура населения, росло количество людей старшего возраста. Конечно, аналогичные тенденции свойственны были и всему Алитусскому району, и литовскому селу в целом. В Райжяйском совхозе сложилась характерная для всей Литвы социально-профессиональная структура сельского населения [18: 125], в которую татары не включились. Только в начале существования колхоза татары работали руководителями подразделений, однако в 1970-е годы их начали замещать имеющие образование специалисты-ли-

товцы. Работающие в совхозе татары были заняты в основном мало- и неквалифицированным ручным трудом. Таким образом, татары в новой хозяйственной реальности отошли от сельской и включились в городскую социально-профессиональную структуру.

В ходе изучения демографических перемен Литвы, отмечена особенно важная роль советской индустриализации республики, которая привела к росту города Алитус, на территории которого находится Райжяй. Самым большим предприятием досоветского периода был основанный в 1929 г. завод промышленных изделий для сельского хозяйства. На заводе в 1940 г. трудилось 65 рабочих [17: 79–80]. В 1964 г. Алитус начал развиваться как региональный промышленный центр, и через 10 лет на нескольких предприятиях работало по 1000–2000 рабочих [13: 156]. Численность жителей города с 15,6 тыс. в 1964 г. увеличилась до 55,5 тыс. в 1979 г., а в 1989 г. достигла 73 тыс. человек, в 2001 г. – 71,4 тыс. [8: 156; 16]. У молодежи появилась возможность не только учиться и работать в крупных городах республики, но и на построенных предприятиях в райцентре, которой, судя по материалам похозяйственных книг, татары активно воспользовались.

Изучение похозяйственных книг и другого материала позволяет сделать некоторые обобщения и обратить внимание на другие обстоятельства возникновения перемен. Если тенденции развития Райжяй в целом соответствуют демографическим процессам второй половины XX в. в Литве, то татарская община поселка претерпела более существенные изменения. Гипотетически можно предполагать, что причины таких изменений кроются в самой общине. Несколько столетий сплоченная на религиозной основе локальная мусульманская община сохраняла относительно традиционный образ жизни. Татары, кроме выращивания зерновых культур, также занимались огородничеством и выделыванием кожи. Особенности хозяйствования отражались на самооценке татар, которая была выше, чем у литовцев. В процессе советизации была ограничена деятельность мечети, и религиозная основа общины ослабла. Традиционные ремесла также были запрещены, а начало в 1949 г. коллективизации нивелировало положение татар по сравнению с соседним населением. Вначале в колхозе, а в дальнейшем в совхозе татары заняли в основном место среди работников ручного труда. Предполагается, что исторически вольные татары психологически с трудом приняли свой новый статус и стали искать выход за пределами общины. Вначале это выражалось в переселении семьями, а с течением времени – в активной миграции молодежи за пределы Райжяй. Не последнюю роль сыграла идея социо-конфессиональной эмансипации, которая в глазах молодежи стала привлекательной. Существующая на религиозной основе замкнутая община, которая исторически была залогом выживания, в новейшие времена не соответствовала жизненным идеалам образованной молодежи. Этим процессам способствовало формирование в советское время открытого общества, и вектор миграционных преференций переместился в сторону города, в котором в процессе урбанизации создались благоприятные условия для учебы и жизни, а также свободного создания не обязательно этнически однородной семьи. Поэтому упразднение социальных и конфессиональных институтов татар освободило, в первую очередь, молодежь от традиционного образа жизни. Усилилась их миграционная мобильность, что, предположительно, дало толчок для быстрых демографических изменений в поселке. Таким образом, целый комплекс обстоятельств в русле общих тенденций развития общества советского периода определил специфичность этнодемографических процессов и судьбу Райжяйской татарской общины.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19.
2. *Байрашаускайте Т.* Татарское землевладение в Виленской губернии во второй половине XIX –начале XX в. // Tiurkų istorija ir kultūra Lietuvoje [История и культура тюрков в Литве]. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2014.

3. *Мардоса Й.А.* Современная духовная культура литовцев (по материалам этносоциологического изучения сельского населения Литовской ССР): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1981.
4. *Мардоса Й.* Структура сельских поселений Литвы: особенности советского и постсоветского периода // Этносоциология вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 216–222.
5. *Мардоса Й.А.* Этносоциологическое исследование духовной культуры села Литвы (Вопросы выборки) // Etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1975–1976 metais. Vilnius, 1977. P. 205–218.
6. *Червонная С.М.* Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс // Историческая этнология. 2017. Т. 2, №. 1. С. 28–63.
7. *Abunevičius M.* Pradžių pradžia. Alytus, 2019.
8. Alytus // Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. T. 1. Vilnius, 1976. P. 156.
9. *Bairašauskaitė T.* Lietuvos totoriai XIX amžiuje, Vilnius: Mintis, 1996.
10. *Bairašauskaitė T.* Lietuvos totorių istorija. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2021.
11. *Biržys A.* Lietuvos miestai ir miesteliai. I tomas. Alytaus apskritis. Dzūkų kraštas. Kaunas, 1931. P. 628–634.
12. *Jakubauskas A., Sitdykov G., Dumin S.* Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje [Литовские татары в истории и культуре]. Kaunas: Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga, 2012.
13. *Jurčikonytė A.* Sovietinė industrija ir poindustrinės atmintys: Alytaus namų statybos kombinatas // Lietuvos etnologija: Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. 2016. T. 16 (25). P. 155–175.
14. *Kričinskis S.* Lietuvos totoriai: istorijos ir etnografinės monografijos bandymas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 1993.
15. *Kviklys, B.* Mūsų Lietuva, T. I. Vilnius: Miontis, 1989.
16. Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. surašymo rezultatai. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas, 2012.
17. *Malaškevičiūtė B.* Žemės ūkio mašinų fabrikas „Ūkmaš“ // Kasdieniai nutikimai tarpukario Alytuje. Alytus: Alytaus kraštotyros muziejus, 2018. P. 79–80.
18. *Mardosa J.* Kai kurie kaimo gyventojų socialinės profesinės struktūros bruožai devintojo dešimtmečio pradžioje // Alytaus miesto ir apylinkių istorijos bruožai. Vilnius: Mokslas. 1989. P. 120–126.
19. *Mardosa J.* Kai kurie gyvenviečių sistemos ir etnodemografinių pokyčių kaime klausimai (1940–1990 m.) // Etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1988 ir 1989 metais: Vilnius: Lietuvos mokslų akademija Lietuvos istorijos institutas, 1990. P. 205–215.
20. *Mardosa J.* Lietuvos gyvenvietės ir kaimai 1996-2006 m.: demografinis tyrimas // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija, t. 72. 2008. P. 62–70.
21. *Mardosa J.* Socialistinio Lietuvos kaimo dvasinė kultūra. Vilnius: Mokslas, 1988.
22. *Mardosa J.* Socialinio ir kultūrinio gyvenimo priklausomybė nuo kaimo tipo// Lietuvos istorijos metraštis, 1981. Vilnius, 1982. P. 54–61.
23. Raižiai. URL: https://lt.wikipedia.org/wiki/Rai%C5%BEiai
24. *Vaitulevičienė B.* Raižių totoriai. 1991. URL: www.dainavoskrastas.lt/wp-content/uploads/2016/06/Vaitulevi%C4%8Dien%C4%97_Rai%C5%BEi%C5%B3-totoriai.pdf
25. Vilniaus apskrities kaimo gyvenamosios vietovės ir jų gyventojai. Vilnius: Statistikos centras, 2003.

Молдова

Летопись становления и современный вектор развития этносоциологии в Республике Молдова

С.Л. Нестерова

«Истинно, истинно говорю вам: брошенное в землю пшеничное зерно, прорастая, умирает, но из него вырастает колос…»
Ин. 12:24

Смысловой контекст евангельской притчи максимально широк в своей символической данности – главного закона мироздания, а именно – созидания… Зерно этнической социологии, брошенное в молдавскую землю московскими учеными в начале 70-годов XX в., впоследствии проросло полным колосом развивающихся на протяжении многих лет этносоциологических исследований. Росточки знаний – зерна, брошенные 55 лет назад «птенцами Арутюнянова гнезда» в плодородную молдавскую почву, постепенно прорастали своими корнями этносоциологических исследований, вырастали в серьезные научные проекты, монографии, научные статьи, доклады на симпозиумах, на региональных и международных конференциях.

Московская этносоциологическая школа, основанная на базе Института этнографии Академии наук СССР ее основоположниками Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, пришла в Молдову в начале 1970-х годов. И позднее, утопая в проблемах 1990-х, до настоящего времени она продолжала свою деятельность, несмотря на немалые трудности, вызванные перестроечным периодом и образованием новых независимых государств на базе бывших союзных республик.

Можно назвать немалое число научных публикаций, выполненных на материалах этносоциологических исследований в Республике Молдова, в том числе монографии Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной, С.Л. Нестеровой. Молдавские материалы привлекались московскими исследователями для осуществления ряда крупномасштабных проектов, например, таких как «Русские нового зарубежья» (руководитель С.С. Савоскул), «Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья» (руководитель И.А. Субботина), «Пути преодоления социально-экономического неравенства в процессе построения гражданского общества в Республике Молдова (этнорегиональный аспект)» (руководитель Л.В. Остапенко, совместно с Институтом национальных меньшинств Академии наук Республики Молдова); «Молодежь в системе межэтнического взаимодействия в полиэтничных средах (руководитель Л.В. Остапенко); «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики» (руководитель М.Н. Губогло) и др.

Большое значение имел 1-й российско-молдавский симпозиум «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященный 40-летию этносоциологических исследований в республике и проведенный в городе Комрат (АТО Гагаузия) в сентябре 2006 г. Симпозиум был итогом многолетних этносоциологических исследований московских и молдавских ученых за 40-летний период на территории Республики Молдова. Материалы симпозиума опубликованы в книге «Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы 1-го российско-молдавского симпозиума “Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период” / под общ. ред. М.Н. Губогло» и посвящены 40-летию этносоциологических исследований. В книге представлены доклады как московских, так и молдавских ученых.

Особый интерес проявляли исследователи к процессам в АТО Гагаузия (административно-территориальное образование на юге Молдовы). М. Губогло, И. Субботиной, Л. Остапенко, С. Савоскулу не раз приходилось выезжать в гагаузские населенные пункты в поисках респондентов разных возрастов, попавших в структуру многоступенчатой выборки, проводить высокопрофессиональные инструктажи с интервьюерами. Кроме стандартизированных анкет, использовались данные государственной статистики, исторические, архивные, демографические материалы, факты из местной прессы по данному региону и т.д.

При изучении становления и продвижения методов этнической социологии в Республике Молдова за последние 20 лет следует обратить внимание на документ, подписанный в 2005 г. Институтом этнологии и антропологии РАН и Президиумом Академии наук Республики Молдова о научном сотрудничестве. В рамках этого соглашения были начаты проекты «Пути преодоления социально-экономического неравенства в процессе построения гражданского общества в Республике Молдова (этнорегиональный аспект)» (руководитель Л.В. Остапенко, совместно с Институтом национальных меньшинств Академии наук Республики Молдова), «Созидательно-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства» (руководитель Н.А. Дубова) и др. Во всех этих научных проектах участвовали российские и молдавские исследователи Указанные проекты были важным вкладом в развитие российско-молдавского сотрудничества на новом историческом этапе в постсоветских условиях.

Молдавские этносоциологи проводили и самостоятельные исследования без участия московских коллег. Прежде всего хотелось бы рассказать о деятельности Ассоциации ученых «Соотечественники» в Республике Молдова (председатель правления канд. ист. наук С.Л. Нестерова) и входящего в ее состав независимого информационно-социологического центра «Диалог», которые периодически проводили этносоциологические исследования по актуальным проблемам среди населения республики – молдаван, русских, украинцев, гагаузов, болгар, представителей других национальных меньшинств.

Отметим два наиболее интересных и сложных исследования. Первое – это участие в работе по реализации в Республике Молдова «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Второе исследование проводилось в АТО Гагаузия в 2015 и в 2019 г. по случаю предвыборных кампаний по избранию башкана (главы) АТО Гагаузия.

Поколения второй половины XX в. претерпели в своей жизни сложные трансформации: природные катаклизмы, гражданские войны, революции, особенно после распада СССР, образование суверенных независимых государств. В результате часть наших соотечественников оказалась за пределами своей исторической родины – России, на территории бывших союзных республик. Некоторые из них сумели в какой-то мере адаптироваться к новым условиям, другие стремились вернуться «к своим родным очагам», на свою историческую родину, в Россию, к оставленным там родным и близким. С целью разрешения этой серьезной проблемы Президент России В.В. Путин подписал Указ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

В 2006 г. программа переселения в РФ стартовала в Республике Молдова. В первый год работы программы было предложено 9 регионов – субъектов РФ, разработавших и предоставивших программы для приема переселенцев. Постепенно их число увеличивалось. В Молдове реализацией программы занималось представительство Федеральной миграционной службы России в Кишиневе. В течение двух первых лет работы программы возникали проблемы с ее реализацией, которые были связаны как с оценкой миграцион-

ного потенциала соотечественников, так и с принятием обеспечивающей стороной нормативно-правовой базы и созданием для переселенцев нормальных человеческих условий в местах их обустройства.

Информационно-социологический центр «Диалог» в РМ в ходе реализации программы периодически проводил (2008–2019 гг.) этносоциологические исследования по темам: «Потенциал и особенности реализации программы переселения соотечественников в Российскую Федерацию», «Механизмы преодоления проблем реализации Государственной программы переселения в Россию», «Резервы и возможности Государственной программы переселения соотечественников в Россию», «Использование Государственной программы с целью учета баланса интересов в межотраслевой координации субъектов переселения».

Команда исследователей «Диалога» опиралась в своей работе на практический опыт полевых исследований в области этнической социологии, накопленный сотрудниками Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН, а также труды основоположников этносоциологической школы в СССР Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло.

Участниками программы стали не только русские, но и представители других национальностей, проживающие на территории республики. Во время исследования использовался комплекс этносоциологических методик: стандартизированные интервью (анкета), включающие несколько блоков вопросов, среди которых были следующие: «Знакомы ли Вы с Государственной программой переселения в Россию?»; «Хотите ли вы участвовать в Программе переселения?»; «Какие регионы-субъекты Российской Федерации привлекают Вас в большей степени?»; «На кого Вы рассчитываете в большей мере при переселении в Россию?». Далее в анкете был представлен блок вопросов по выявлению целей, причин переселения, степени владения русским языком, знания истории, культуры и традиций, законодательных основ РФ. Кроме анкеты использовались другие методы: экспресс-интервью, фокус-группы (по Роберту Мертону), телефонный блиц-опрос, консультации для участников программы переселения. Такой комплексный подход дал возможность исследователям всесторонне подойти к решению многих проблем соотечественников – участников программы.

Как показали результаты исследования, наиболее оперативно отнеслись к переселению в РФ по Государственной программе молдаване, поэтому число участников в этот период среди них было почти вдвое больше, чем среди русских. Молдаване проявили себя более активно в принятии решения о переселении, надеялись больше на себя, имели специальности, востребованные в российских регионах (строительные, сельскохозяйственные). Русским в большей мере были свойственны нерешительность, пассивность, затягивание в подготовке комплекта документов, надежда на чью-то помощь и т.п, хотя потенциальных возможностей, как у соотечественников, у русских было гораздо больше. Отчеты о результатах этносоциологических исследований были представлены на пресс-конференциях, в прессе («КоммерсантЪ +», «Русское слово» и др.), на заседаниях научного общества им. Милеску Спэтару АН РМ, в статье С.Л. Нестеровой «Миграция как фактор адаптации населения Республики Молдова к современным трансформационным процессам».

Большой интерес для этносоциолога представляет проведение этносоциологических исследований в период предвыборной кампании с целью изучения объективной обстановки, настроения разных групп городского и сельского населения (электората) и выявления приоритетных направлений в выборе кандидатов. АТО Гагаузия – автономно-территориальное образование на юге Молдавии. Благодатный край, как поется в песне: «омытый теплым солнечным дождем», с многонациональным населением, с богатой самобытной культурой. Выбор главы автономии (башкана) – это вопрос чрезвычайной государственной важности. Такие выборы проводились в 2015 и 2019 г.

«Диалог», информационно-социологический центр в Республике Молдова, участвовал в предвыборной кампании в тандеме с Научно-исследовательским центром Гагаузии им. М.В. Маруневич, которым в те годы руководил П.М. Пашалы. Прежде всего необходимо было изучить объективную обстановку в исследуемом регионе: исторические материалы, устои, традиции края, законодательные основы. Используя статистику, данные переписи населения, надо было выяснить численность городского и сельского населения, отдельных социально-профессиональных, возрастных, гендерных групп для расчета пропорциональной многоступенчатой выборки, дающей возможность экстраполировать результаты исследования на всю генеральную совокупность в исследуемом регионе. Для учета особенностей районов Гагаузии – Чадыр-Лунгского, Комратского, Вулканештского – выборка проводилась отдельно по каждому району.

Реалии проведения этносоциологического опроса оказались намного сложнее, чем представлялось в теории. В каждом населенном пункте, особенно в сельской местности, интервьюеры столкнулись с частично опустевшими селами, целые улицы справа и слева сквозили пустыми, заколоченными домами. Пришлось срочно корректировать выборку и проводить инструктаж с интервьюерами, осуществлявшими опрос населения; пилотажное интервью на небольшом массиве, использовать метод фокусирующего интервью, экспресс-интервью, чтобы приблизить анкету к реальной жизненной ситуации. Социально-экономическая и политическая обстановка в Гагаузии, как и во всей Молдове, характеризовалась в тот момент серьезным кризисом, расколом общества на два лагеря – прорумынский и пророссийский. Увеличивались миграционные потоки населения, в основном в Турцию и Россию в поисках рабочих мест и улучшения жизни своих семей, что значительно сократило численность населения в целом по региону.

Необходимо было учитывать и многонациональный состав населения Гагаузии, где проживают гагаузы, молдаване, русские, болгары и др. При разработке «сквозного» опросного листа (анкеты) и пилотажного опроса было выявлено, что население пользуется в быту тремя языками – гагаузским, молдавским и русским. В болгарских селах – болгарским. А в качестве языка межнационального общения использовался русский язык. Естественно, это упростило задачу при непосредственной работе с электоратом.

На примере этих двух исследований видно, что работа молдавских этносоциологов успешно продвигается, впереди предстоит еще немало новых исследований для решения сложных и актуальных проблем как республики в целом, так и отдельных социально-демографических и этнических групп.

Современные проблемы и перспективы исследования этнической идентичности (на примере Республики Молдова)

И.И. Кауненко

В настоящее время все больше социальных психологов при исследовании межэтнических отношений уделяют внимание межгрупповым идеологиям [9: 7–15]. Понимание межгрупповых идеологических установок имеет значение для гармонизации межэтнических отношений и смягчения предубеждений в данной сфере [1: 43]. Д.И. Дубровым и Д.С. Григорьевым был проведен теоретический анализ межгрупповых идеологий – *ассимиляционизма, этнического дальтонизма, мультикультурализма, поликультурализма*. По мнению ученых, в самых общих чертах их можно классифицировать по отношению к культурному многообразию – его отрицанию либо принятию. К первым принадлежат ассимиляционизм (одна группа с общей для всех культурой большинства) и этнический дальтонизм (отсутствие групп, игнорирование группового членства, устранение членства в группах для этнических меньшинств), ко вторым – мультикультурализм (множество отличающихся групп, признание и значимость группового членства) и поликультурализм (множество взаимосвязанных групп; признание группового членства с акцентом на значимость взаимосвязей между группами). Исследователи обращают внимание на то, что ни одна из идеологий не существует в «чистом виде», а одновременно присутствует с другими, в зависимости от социально-политического контекста. Эффективность той или иной идеологии в гармонизации межгрупповых отношений зависит от конкретного контекста [1: 149–150] и находит свое отражение в трансформации этноидентификационных процессов. Успешность реализации идеологии мультикультурализма, поликультурализма во многом зависит от особенностей идентификационных процессов у разных этнических групп в обществе.

Интерес представляют исследования, проводимые сотрудниками международной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), руководимой Н.М. Лебедевой. Сотрудники лаборатории длительное время исследуют межэтнические отношения на постсоветском пространстве. Как отмечает Н.М. Лебедева, перед странами – бывшими советскими республиками – по-прежнему стоят задачи взаимной адаптации, причем у этнического большинства и этнического меньшинства они разные. «Этническим меньшинствам важно сохранить свои язык и культуру, иметь равные с местным населением права и доступ к важным социально-экономическим ресурсам. Для большинства важно сохранить мир и порядок, добиться единства общества на условиях доминирования титульной нации, укрепляя ее ценности, язык и культуру» [5: 5–6]. Исследователь также замечает, что «нынешние этнические большинства – это этнические меньшинства в структуре бывшего СССР, со своими обидами, ущемленной этнической идентичностью, пережившие период «русификации» и «советизации» [5: 6].

В данной статье предпринята попытка обозначить проблемы, перспективы и особенности исследования этнической идентичности, как мощного ресурса поддержки личности в период транзитивности. Мы рассмотрим некоторые результаты наших эмпирических исследований этнической идентичности, иерархии этнических предпочтений, восприятия времени и попытаемся на основе их анализа определить вектор этноидентификационных процессов, происходящих в обществе.

Вначале остановимся на результатах исследования этнической идентичности у представителей этнических групп – *молдаван* (титульный этнос), *русских, украинцев, гагаузов,*

болгар, проведенных в различные периоды. Исследования – 2004, 2008 г. (старшие школьники); 2006, 2013 г. (студенты); 2007, 2016 г. (взрослые) – выявили трансформацию этнической идентичности у всех групп. Важным для понимания этноидентификационных процессов, происходящих в Республике Молдова, является то, что у всех исследуемых этнических групп (включая возрастной аспект) *доминирует позитивная этническая самоидентификация.* Это является важным культурным ресурсом для гармонизации межэтнических отношений и поддержки на личностном уровне.

Были установлены определенные типы этнической идентичности, выявлена динамика трансформаций этнической идентичности у молодежных групп этнических общностей Молдовы. У *молдавской и гагаузской* молодежи в обеих выборках (2006, 2013 г.) выявлена близость автостереотипа с гетеростереотипом русских. У *украинской* молодежи произошли изменения в этническом стереотипе: позитивный гетеростереотип молдаван в выборке 2006 г. изменился на слабо отрицательный в выборке 2013 г. В обеих выборках *украинской* молодежи выявлена значимость этнической компоненты на личностном уровне (автостереотип и образ «Я»), а на групповом – близость с группой русских. Этническую идентичность украинцев мы определили как *проблемную актуализированную*.

У *русской* молодежи выявлена значимость этнической компоненты на личностном уровне в обеих выборках, а также определен слабо отрицательный гетеростереотип молдаван, поэтому этническую идентичность русской молодежи мы также определили как *проблемную актуализированную.*

У русских в данном регионе был традиционно высокий социальный статус, и именно у них при образовании независимого государства – Республики Молдова произошла смена этносоциального статуса. Этносоциологи Л.В. Остапенко и И.А. Субботина, более двадцати лет исследующие русских в Молдове, отмечают, что после распада Союза специфика трудовой занятости русских, которая в течение многих лет определяла их особый социально-культурный статус и стабильность положения, стала оказывать все более негативное воздействие. Процесс адаптации к новым условиям оказался более затруднительным, по сравнению с другими странами ближнего зарубежья, где русские занимали менее высокое положение на социальной лестнице (в государствах Балтии) [7: 51–52]. *Адаптация к изменившемуся этносоциальному статусу у группы русских еще продолжается.*

У *болгарской* молодежи также произошли изменения в этническом стереотипе: в выборке 2013 г. выявлена близость автостереотипа и образа «Я», т.е. этническая компонента стала значима на личностном уровне. Как и в выборке 2006 г., выявлена близость между автостереотипом и гетеростереотипом русских, т.е. эмоционально-оценочный компонент автостереотипа болгар схож с их гетеростереотипом русских. У болгар этническую идентичность можно определить как *актуализированную позитивную.*

Таким образом, у молдавской молодежи (титульного этноса) и русских, не произошло изменений этнических стереотипов. У группы *молдаван, гагаузов* выявлена позитивная этническая идентичность, у *русских* – актуализированная проблемная этническая идентичность; у *украинцев* выявлена проблемная актуализированная этническая идентичность (2013); *у болгар* – позитивная актуализированная этническая идентичность [2: 56–69].

Данные результаты трансформации этнической идентичности, на примере молодежи, отражают особенности транзитивного общества – противоречивость этнокультурной направленности и системных изменений в обществе. А также подтверждают необходимость мониторинга этноидентификационных процессов на разных возрастных, а сейчас добавим, и поколенных группах.

Исследование этноаффилиативных мотивов у данных этнических и возрастных групп выявило, что хотя у всех этнических групп в целом доминируют этноаффилиативные тен-

денции, однако степень выраженности этноаффилиации у разных возрастных групп варьирует: стабильна она у группы взрослых и менее стабильна у старших школьников и студенческой молодежи.

Наиболее выражены этноаффилиативные тенденции у *молдаван* (титульного этноса), у *гагаузов*; наименее – у группы *украинцев*. Мы считаем, что практически одинаковая выраженность антиэтноаффилиативных и этноаффилиативных мотивов у группы *украинцев* является стратегией адаптации к структурным изменениям общества. Больше идиоцентриков в выборках *украинских* старших школьников и студентов; в группе *болгарских* старшеклассников. У группы *русских*, хотя и доминируют этноаффилиативные тенденции, однако значимо выражены и антиэтноаффилиативные мотивы у старших школьников, студенческой молодежи [3: 198–206].

Интересна динамика *иерархии этнических предпочтений* у разных этнических групп. Наши исследования выявили, что, например, у молдаван и русских (во всех возрастных группах) своя этническая группа на декларируемом и реальном уровнях занимает первое место, что свидетельствует о высоком уровне осознанности отношения к своей группе.

Несколько иная картина у гагаузов, болгар, украинцев. Например, взрослые гагаузы в выборке 2007 г. своей группе в иерархии этнических предпочтений отдают первое место на реальном уровне, а на декларируемом уровне – делят его с группой русских. В выборке 2016 г. своя группа занимает у гагаузов на декларируемом и реальном уровнях – первое место. Группа русских в иерархии этнических предпочтений занимает второе место на обоих уровнях – декларируемом и реальном. Группа болгар впервые занимает третий ранг на обоих уровнях (декларируемом и реальном) у взрослых гагаузов, в сравнении с выборкой гагаузов 2007 г., где болгары делили четвертое место с украинцами.

Как можно видеть, изменения в иерархии этнических предпочтений, несмотря на их устойчивость, происходят в относительно короткий период. И здесь весьма перспективным представляется совместное комплексное исследование с этносоциологами, этнологами, историками, этнополитологами для выявления влияния социокультурного и политического контекста на межэтнические отношения.

В процессе исследования вполне естественно возник вопрос: «Как представители разных этнических групп воспринимают время?». Нами было проведено исследование восприятия времени (настоящего, прошлого, будущего) на основе полуструктурированного интервью в фокус-группах. Фокус-группы составили 31 респондент в возрасте 20-40 лет из г. Бельцы и г. Комрат (АТО Гагаузия). Период исследования – 2018 г. В фокус-группы входили представители разных этнических общностей республики – молдаване, гагаузы, украинцы, русские, болгары. Нами были выделены следующие группы.

«*Оптимисты*», представляющие реформаторский потенциал. Основной посыл представителей данной группы: «Время “моё”, и мне интересно в нем жить». Они уверены в своем хорошем будущем, считают, что могут меняться «в ногу» со временем. Часто реализованы профессионально, включены в международное сотрудничество. Признают, что время непростое, особенно для старшего поколения, однако выражают несогласие с оценкой родителей относительно определения настоящего времени: «Считаю, что время мое, несмотря на упадок в стране, все равно можно расти». Время, воспринимается респондентами данной группы как динамическое, технологическое, мотивирует их на будущее. Быстрая смена событий их не пугает, а, наоборот, порождает комфортное состояние.

«*Позитивные фаталисты*». У респондентов данной группы позитивно-фаталистическое отношение к настоящему времени – «как будет, так и будет». Они переживают, что не успевают всё реализовать, а кто-то – «по мере возможностей»: «Время мое, когда успеваем, когда не успеваем. По мере возможностей». Для респондентов данной группы играет большую роль профессиональная реализованность. Маркером настоящего времени является возможность получить образование за рубежом, участие в международных проектах.

«*Социально-тревожные*». У данных респондентов настоящее время воспринимается как «хрупкое», «нестабильное», «изменчивое», нет уверенности «ни в чем». Важным фактором в восприятии настоящего времени является социально-экономическое положение в стране: «Что касается планирования, могу сказать, что все зависит от нашей стабильности в данной стране. Как можно планировать что-то на будущее, не зная, что будет с этой страной… На длительный период не можешь планировать, так как нет уверенности ни в чем». У респондентов данной группы выявлены сложности с контролем своего времени, невозможность организовать последовательность событий. Перспектива будущего затруднена. Представляется, что данная группа имеет тенденцию к увеличению [3: 198–206].

Следующим этапом изучения восприятия времени было исследование временной перспективы у молдавской молодежи. Характеристика выборки: возрастной состав и образовательный статус – студенты (19–25 лет), молдаване. Общая выборка составила 200 респондентов. Период исследования – 2019 г.; регион – г. Кишинев. В исследование был включен проективный вопрос: «Кто такие молдаване: вчера, сегодня, завтра?».

Мы исходили из того, что «позитивное отношение членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему связано с позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам» [6]. Был проведен первичный контент-анализ и выделены следующие категории: временная перспектива (прошлое, настоящее, будущее); сильные/слабые качества; отношение к своей этнической группе; ценностные ориентации.

Из общего массива респондентов были выделены подгруппы, которые мы условно объединили в четыре группы на *основе позитивного (негативного) отношения к будущему*. *Первая группа* (1) включала респондентов, позитивно воспринимающих будущее своей этнической группы (43%), ее обозначили – «*оптимисты*». В данную группу молдавской молодежи вошли следующие подгруппы (по восприятию своей этнической группы).

1.1. Позитивное в прошлом, настоящем и будущем – 19%.

1.2. Позитивное в прошлом, будущем и негативное в настоящем – 14%.

1.3. Негативное в прошлом, настоящем и позитивное в будущем – 3%.

1.4. Негативное в прошлом, позитивное в настоящем и в будущем – 7%.

Вторая группа (2) включала респондентов, негативно воспринимающих будущее своей этнической группы, ее обозначили – «*пессимисты*» (29%) и разделили на четыре подгруппы (по восприятию своей этнической группы).

2.1. Негативное восприятие в прошлом, настоящем и будущем – 7%.

2.2. Позитивное в прошлом, негативное в настоящем и будущем – 17 %.

2.3. Негативное в прошлом, позитивное в настоящем, негативное в будущем – 2%.

2.4. Позитивное в прошлом, настоящем и негативное в будущем – 3%.

В *третью группу* вошли респонденты, которые затруднились ответить на поставленный вопрос – 18%; в *четвертую группу* – те, кто ответил абстрактно, либо амбивалентно – 10%.

Общим для подгрупп молдавской молодежи, входящих в выделенные нами основные группы «оптимистов» и «пессимистов», является то, что в прошлом своей группы они позитивно оценивают (вызывает гордость) ее культурное наследие (традиции, обычаи, язык и т.д.). Представляется, что это является мощным ресурсом для жизнеспособности группы и сохранения позитивной этнической идентичности [4: 227–229].

С позитивным отношением к культурному наследию, выявленным в нашем исследовании по восприятию своей группы во временной перспективе у молдавской молодежи, согласуются и эмпирические данные, полученные в ходе исследования межкультурного интереса на выборке молдавской и гагаузской молодежи (2021 г.).

Для исследования межкультурных отношений молодежи была применена шкала «Межкультурный интерес» из методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» [8: 71–91]. Межкультурный интерес включает позитивный настрой на межкультурное взаимодействие, общение. Выборка составила 80 респондентов. Возрастной

состав – 19–25 лет. Социальный статус: студенты, магистранты университетов городов Кишинева и Комрата; период исследования – 2021 г.

В ходе исследования были выявлены высокие значения по межкультурному интересу как у молдавской (M=13,45), так и у гагаузской (M=13,25) молодежи. Можно отметить, что значимость для молодежи культурного наследия является одной из базовых основ, ресурсом для гармонизации межэтнических отношений и реализации идеологий мультикультурализма и поликультурализма.

В заключение приведем основные выводы нашего исследования.

1. У старших школьников, молодежи, взрослых молдаван, русских, гагаузов, украинцев, болгар доминируют позитивная самоидентификация, этноаффилиативные мотивы, что является значимым культурным ресурсом гармонизации межэтнических отношений. Выявленные типы этнической идентичности у исследуемых групп (позитивная этническая идентичность, позитивная актуализированная этническая идентичность, проблемная актуализированная этническая идентичность; иерархия этнических предпочтений) необходимо учитывать при реализации межгрупповых идеологий.

2. Исследование особенностей восприятия своей группы во временной перспективе у молдавской молодежи выявило большую вариативность: от «оптимистов» до «пессимистов», которая является отражением социокультурных трансформаций, происходящих в молдавском обществе. Общим для молдавской молодежи всех выделенных групп является положительное отношение к культурному наследию (гордость), которое может являться базовым ресурсом для построения оптимистического будущего, сохранения этнической идентичности, повышения жизнеспособности группы.

Представляется перспективным проведение исследования (на разных поколенных этнических группах) восприятия своей группы и других во временной перспективе – настоящего и общего будущего.

Литература

1. *Дубров Д.И., Григорьев Д.С.* Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 143–155.
2. *Кауненко И.И.* В поисках этнической идентичности или становление этнической психологии в Республике Молдова // Probleme din istoria psihologiei în Republica Moldova. Iaşi: Pan Europe, 2018. P. 56–69.
3. *Кауненко И.И.* Вариативность восприятия этническими группами социокультурных изменений: проблемы и перспективы // EcoSoEn. Scientific Journal. 2020. Vol 3. Nr.1-2. P. 198–206.
4. *Кауненко И.И.* Восприятие своей группы молдавской молодежью: временной аспект // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 227–229.
5. *Лебедева Н.М.* Предисловие тематического редактора // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 4–6. DOI: https://doi.org/10.17759/chp.202117040.
6. *Нестик Т.А., Журавлёв А.Л.* Психология глобальных рисков. М., 2018.
7. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.
8. *Хухлаев О.Е. и др.* Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультуной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 71–91.
9. *Григорьев Д.С., Берри Д.У.* Таксономия межгрупповых идеологий // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 7–15. DOI: https://doi.org/10.17759/ chp.2021170401

Гагаузы и молдаване по данным переписей населения Республики Молдова 2004 и 2014 г.

О.С. Галущенко

Современное процентное соотношение различных этнических групп в составе населения Республики Молдова (РМ) в основном сложилось в конце XIX – начале XX в. Первая после провозглашения независимости РМ перепись населения была проведена в 2004 г. Она охватила не только правобережные районы, но и ряд сел левобережья Днестра. На остальной территории и в муниципии Бендеры перепись 2004 г. была проведена властями непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Вторая перепись населения на правом берегу Днестра состоялась в 2014 г., а в ПМР – в 2015 г.

Гагаузы постоянно проживают в Пруто-Днестровском междуречье и к востоку от него уже длительное время. Кишиневский историк Д. Хайдарлы отмечает, что в ходе русско-турецких войн ногайцы, а также турецкие гарнизоны покинули данную территорию. «В освоении края приняли активное участие представители целого ряда этнических групп, – пишет он, – в том числе русские, украинцы, молдаване, греки, армяне, евреи, поляки, мигранты из-за Дуная, что способствовало повышению полиэтничности региона» [14: 386]. Значительную часть переселенцев из-за Дуная составляли гагаузы.

В конце 1994 г. парламент Республики Молдова принял закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери). В соответствии с этим законом, регион с компактным проживанием гагаузов получил права Автономного территориального образования [7: 57–58; 16: 204, 248–249].

Еще Л.С. Берг в начале XX в. выделил на территории Бессарабии три этноисторические зоны. Они сохраняются и в наши дни. Вместе с тем следует учитывать как несовпадение границ Бессарабии и Республики Молдова, так и определение этнической идентичности по разным методологиям – по языку и по этническому самосознанию. Внутри страны молдаване по-прежнему более компактной массой проживают в центре, в то время как на севере, юге и в Приднестровье их процент ниже. Так, по данным переписи 2004 г., в Теленештском районе молдаване составляли 96% (в 1970 г. 92,9%) населения, в Ниспоренском – 93,6% (96%), в Сорокском – 89,2% (95,6%) и т.д. В северной зоне высок удельный вес украинцев, в южной – гагаузов и болгар, а в Приднестровье (четвертая этно-историческая зона РМ) – русских и украинцев [7: 34; 13: 72; 17: 318, 322, 325].

При проведении переписей 2004 г. и 2014/2015 г. был использован метод опроса населения и заполнения вопросников по месту постоянного жительства без предъявления каких-либо документов. В крупных городах были организованы стационарные переписные участки. Любой взрослый человек мог прийти и сообщить сведения о самом себе и о членах своего домохозяйства. Главный этнологический вопрос сформулирован так: «Национальность». Следующий – «Владение языками: a) родной язык; b) язык, на котором обычно разговаривает; c) другие языки, которыми свободно владеет» [17: 11, 490].

По официальным данным, численность населения части территории Республики Молдова, контролируемой конституционными властями, в октябре 2004 г. составила 3 383 332 человека, из которых 2 564 849 – молдаване, а 818 483 – представители национальных меньшинств. Из общего числа населения 273 тыс. человек временно отсутствовали, в том числе 130 тыс. выехали за пределы страны более года назад. Сравнение цифр переписей 1989 г. и 2004 г. показывает, что численность населения уменьшилась на 274 тыс. человек, при среднегодовом темпе снижения 0,5%. Это было обусловлено как выездом людей за

границу, так и снижением рождаемости. Несомненно, что среди уехавших весомой была доля этнических меньшинств, в т. ч. гагаузов, а также и самих молдаван [17: 18, 300].

Итоги переписи 2004 г. засвидетельствовали, что молдаване являлись наиболее многочисленным этносом страны. Их доля в общей численности населения составила 75,8% и, по сравнению с переписью 1989 г., увеличилась на 5,9%. В РМ проживали украинцы – 8,4%, русские – 5,9%, гагаузы – 4,4%, румыны – 2,2%, болгары – 1,9% и представители других национальностей – 1,0%. В ходе переписи не указало свою национальность 0,4% населения. Украинцы и русские занимали 2-е и 3-е места в общей численности населения, но их доля уменьшилась за предшествующие полтора десятилетия, соответственно, на 2,9 и 3,9 п.п. (процентных пункта). Также снизилась доля болгар – на 0,1 и других национальностей – на 1,7 п.п. Вместе с тем, доля гагаузов увеличилась на 0,3, а румын – на 2,1 % п.п. Граждане РМ этих национальностей заняли, соответственно, 4-е и 5-е места (табл. 1). Необходимо отметить, что большинство молдаван, гагаузов и болгар проживало в селах, а румын, русских и украинцев – в городах.

При проведении переписи населения Республики Молдова 2004 г. родным языком считался тот, который человек усвоил в раннем детстве. Язык своей национальности назвали родным 78,8% населения, 20,8% отметили другие языки, которые не совпадали с их национальностью, а 0,4% жителей не указали свою национальность. 78,4% молдаван назвали родным молдавский язык, 18,8% – румынский, 2,5% – русский, 0,3% – другие языки. 92,3% гагаузов указали в качестве родного гагаузский язык, 5,8% – русский и 1,9% – другие языки [17: 19–20].

Таблица 1

Национальный состав населения Молдавской ССР и Республики Молдова
(по данным переписей населения*)

	Кол-во человек					
	1959	1970	1979	1989	2004**	2014**
Всего	2 884 477	3 568 873	3 949 756	4 335 360	3 383 332	2 804 801
Молдаване	**1 886 566**	**2 303 916**	**2 525 687**	**2 794 749**	**2 564 849**	**2 068 058**
Украинцы	420 820	506 560	560 679	600 366	282 406	181 035
Русские	292 930	414 444	505 730	562 069	201 218	111 726
Гагаузы	**95 856**	**124 902**	**138 000**	**153 458**	**147 500**	**126 010**
Румыны	1663	1581	1657	2477	73 276	192 800
Болгары	61 652	73 776	80 665	88 419	65 662	51 867
Другие национальности	124 990	143 694	137 338	133 822	34 401	23 223
Не указана	…	…	…	…	14020	50082
	В % к всему населению					
	1959	1970	1979	1989	2004**	2014**
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Молдаване	**65,4**	**64,6**	**63,9**	**64,5**	**75,8**	**73,7**
Украинцы	14,6	14,2	14,2	13,8	8,4	6,5
Русские	10,2	11,6	12,8	13,0	5,9	4,0
Гагаузы	**3,3**	**3,5**	**3,5**	**3,5**	**4,4**	**4,5**
Румыны	0,1	0,0	0,0	0,1	2,2	6,9
Болгары	2,1	2,1	2,0	2,0	1,9	1,8
Другие национальности	4,3	4,0	3,5	3,1	1,0	0,8
Не указана	…	…	…	…	0,4	1,8

* В границах переписей соответствующих лет. ** Без восточных районов и муниципия Бендеры.

Источник: Recensământul populaţiei 2004. Culeg. ststistică în 4 vol. Vol. 1. Caracteristici demografice, naţionale, lingvistice, culturale. Chişinău, 2006. С. 300; Результаты переписи населения и жилищ в Республике Молдова в 2014 г. Табл. 25: Этнический состав населения по данным переписей 2004 и 2014 г., по типу местности. URL: https://statistica.gov.md/ pageview.php?l=ru&idc=479&

Перепись зафиксировала, что обычно разговаривали на молдавском языке 58,8% населения страны, 16,4 % – на румынском (которые в литературном варианте отличаются друг от друга только названием), 16,0% – на русском, 3,8% – на украинском, 3,1% – на гагаузском и 1,1% – на болгарском. На других языках обычно разговаривали 0,4% населения и еще 0,4% не ответили на вопрос. Названным в Конституции Республики Молдова государственным языком – молдавским – регулярно пользовались 6,2% украинцев, 4,4% русских, 1,9% гагаузов, 2,2% румын и 7,1% болгар. Половина украинцев, каждый третий болгарин и каждый четвертый гагауз обычно использовали в общении русский язык. Как правило, разговаривали на русском 5% молдаван [1: 280; 17: 20].

По данным Министерства экономики непризнанной ПМР, численность ее населения на 11 ноября 2004 г. составила 555, 5 тыс. человек. В 1989 г. эта цифра достигала 679 тыс. В 2004 г. здесь была наиболее высока доля представителей трех национальностей: молдаван 177,2 тыс. (31,9%), русских 168,3 тыс. (30,3%) и украинцев 160 тыс. человек (28,8%) в составе населения [4].

Таким образом, общая численность населения Республики Молдова в международно-признанных границах составила в 2004 г. 3 938,8 тыс. человек, в т. ч. этнических меньшинств – 1 196,8 тыс. человек, или 30,4%.

Национальные меньшинства традиционно продолжали более компактно проживать на востоке, юге и севере страны. В центральной части их доля была ниже. Согласно данным переписи 2004 г., этнические меньшинства составляли 95,2% населения АТО Гагаузия (в т.ч. 82,1% – гагаузы), 86,1% жителей Тараклийского района (65,6% – болгары). В муниципии Бельцы украинцев было 23,7%, русских – 19,2%, а всего национальных меньшинств – 47,6%. Минимальный процент данных меньшинств был зафиксирован в Теленештском (4%) и Шолданештском (4,4%) районах. Также 4% составили этнические меньшинства в Дубоссарском районе, но только в населенных пунктах подконтрольных Кишиневу [17: 307, 314, 323–326].

Следующая перепись населения Республики Молдова была проведена с 12 по 25 мая 2014 г. Она основывалась на рекомендациях Европейской конференции статистиков и законе РМ № 90 от 26 апреля 2012 г. Национальная/этническая принадлежность фиксировалась по самоопределению опрашиваемого. В случае невозможности получения необходимых ответов путем опроса использовались сведения из административных источников (книги похозяйственного учета, информационная база Государственного регистра населения, данные управляющих многоквартирных домов и т.д.). Переписные вопросники должны были заполняться переписчиками на молдавском или русском языке со слов опрашиваемых. Результаты подтверждались подписью респондента и переписчика в конце переписного вопросника [3].

Во время переписи были учтены лица по месту обычного проживания (люди, проживавшие на территории РМ более 12 месяцев, вне зависимости от гражданства), а также лица, отсутствовавшие в стране более 12 месяцев. Таким образом, всего было зарегистрировано 2 805 тыс. человек, 209 тыс. (7,5%) из которых являлись нерезидентами, а 2 596 тыс. – лицами, место обычного проживания которых было в Республике Молдова. Население Кишинева было переписано далеко не полностью. Степень охвата составила всего 59%, а в целом по стране был переписан 91% населения. Согласно проведенным статистиками подсчетам, переписью не было охвачено 193 434 человека [8].

По вопросам об этнической принадлежности и названию родного языка в Республике Молдова продолжаются нескончаемые дискуссии [2: 14–18]. Национальное бюро стати-

стики сформулировало их в соответствии с рекомендациями Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций [9: 162–163].

В марте 2017 г. консультативный комитет Совета Европы обнародовал заключение о соблюдении Молдовой Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. В нем было отмечено: «Комплексная перепись населения и жилищного фонда была проведена в мае 2014 года на фоне некоторой критики в отношении процесса сбора данных. Опубликование полных результатов по-прежнему не осуществлено. В то время как респондентам была предоставлена свобода самоидентификации, они не были проинформированы о возможности указать множественную принадлежность в переписных формах, в результате чего этой возможностью воспользовались только некоторые отдельные лица. Кроме того, как сообщается, были случаи, когда переписчики заполняли формы самостоятельно, исходя из собственных предположений, основанных на имени респондента или его внешнем виде» [12: 6; 11].

Регистрация данных об этнической принадлежности, родном языке и языке общения реализовывалась в 2014 г. по желанию и самоопределению опрашиваемых. Были получены данные об этнической принадлежности 2 754,7 тыс. человек (98,2% от всего переписанного населения). Из числа заявивших о своей этнической идентичности 75,1% назвали себя молдаванами, 7,0% – румынами, 6,6% – украинцами, 4,6% – гагаузами, 4,1% – русскими, 1,9% – болгарами и т.д. За прошедшие со времени предыдущей переписи десять лет доля населения, считающего себя молдаванами, сократилась на 1,0 п.п., в то время как доля лиц, полагающих себя румынами, выросла на 4,8 п.п. По сравнению с 2004 г., доля населения русской и украинской этнических групп сократилась, соответственно, на 1,9 и 1,8 п.п., а доля болгар, гагаузов и ромов практически не изменилась [8].

Молдаване преобладали в большинстве районов/муниципиев РМ, а в 16 из них доля молдаван превышала 85%. Исключение составили район Тараклия, в котором доминировали болгары (66,1%) и АТО Гагаузия с 83,8% гагаузов. Многие русские и украинцы проживали в муниципиях Кишинев и Бельцы [8].

2 723,3 тыс. человек, или 97,1% от общего числа опрошенных, ответили на вопрос о своем родном языке. Родным языком каждого второго опрошенного жителя Молдовы (56,7%) являлся молдавский, а для 23,5% населения – румынский язык. Своим родным языком считали русский 9,7% населения, а гагаузский, украинский и болгарский, соответственно, – 4,2%, 3,9% и 1,5% населения страны [8].

По сравнению с 2004 г., на 6,9 п.п. выросла доля лиц, указавших в качестве родного языка румынский, и на 3,5 п.п. сократилась доля лиц, указавших молдавский язык в качестве родного. Также было отмечено снижение на 1,6 п.п. доли лиц, родным языком которых являлись русский и украинский [8].

В 2014 г. была получена информация и о языках общения населения. Из общего числа жителей страны, указавших язык общения (2 720,3 тыс. человек), 54,6% обычно разговаривали на молдавском языке, 24,0% – на румынском, 14,5% – на русском, 2,7% – на украинском, столько же на гагаузском и 1,0% – на болгарском. На других языках, помимо перечисленных, разговаривали, как правило, 0,5%. Не указали язык общения 3,0% населения [8].

Большинство украинцев, гагаузов и болгар в качестве родного языка указали языки своих национальностей. Вместе с тем каждый второй украинец, каждый третий болгарин и гагауз говорили, как правило, на русском языке. Русский являлся языком общения для 5,7% от общего числа молдаван [8].

В середине октября 2015 г. была проведена перепись населения непризнанной ПМР. Всего было учтено 475 665 человек, постоянно проживавших на территории Приднестровья. По сравнению с 2004 г., население сократилось на 79 682 человека, или на 14,3% [5]. Более подробные данные об этническом составе населения были представлены общественности позднее (табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав населения непризнанной ПМР

(на конец года, тыс. человек)

	2011	2012	2013	2014	2015*
Все население, в том числе:	513,4	509,4	505,2	500,7	475,1
молдаване	**163,8**	**162,5**	**161,2**	**159,7**	**157,7**
русские	156,1	154,9	153,6	152,2	160,6
украинцы	147,9	146,7	145,6	144,2	126,9
болгары	12,8	12,7	12,6	12,5	12,8
белорусы	3,6	3,6	3,5	3,5	2,9
гагаузы	**3,6**	**3,6**	**3,5**	**3,5**	**5,7**
немцы	2,1	2,0	2,0	2,0	1,4
евреи	1,0	1,0	1,0	1,0	0,7
другие	22,5	22,4	22,2	22,0	6,4

* Данные переписи населения.

Источник: Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2016: Статистический сборник (за 2011–2015 гг.). Тирасполь, 2016. С. 28.

Следует отметить, что, согласно переписи, относительное большинство населения региона впервые составили русские, а не молдаване, как это было ранее. Такое соотношение сохранилось и в дальнейшем. В 2020 г. русских насчитывалось 158,4 тыс., а молдаван – 153,7 тыс. человек [10: 28]. Это может быть связано с интенсивной пропагандой идеи русского мира, популярной в Приднестровье, а также с геополитическими процессами в регионе.

Таким образом, общая численность населения РМ в международно-признанных границах составила в 2014/2015 г. 3 280 466 человек, или на 658,3 тыс. человек меньше, чем в 2004 г. и на 1 054,9 тыс. меньше, по сравнению с 1989 г. Болгария и Румыния являются членами Европейского Союза. Тем не менее переписи населения этих балканских стран не фиксируют, соответственно, этнических гагаузов и этнических молдаван. В переписях населения Республики Молдова представлены как болгары, так и гагаузы, молдаване и румыны, русские и украинцы – в соответствии с их собственным этническим самоопределением, что соответствует принципам и рекомендациям в отношении переписей населения Организации Объединенных Наций.

Литература

1. Вехи молдавской государственности. Сборник текстов Конституций. Кишинев, 2000.
2. *Галущенко О.* Население Молдавской АССР (1924–1940 гг.). Кишинев, 2001.
3. О переписи населения и жилищ в Республике Молдова в 2014 г. Закон Nr. 90 от 26.04.2012 с изменениями ЗП45 от 27.03.14. МО86/05.04.14 ст. 203. Опубликован 22.06.2012 в Monitorul Oficial Nr. 126–129. Ст. № 407. URL: http://lex.justice.md/ viewdoc. php?action=view&view=doc&id= 343677&lang=2 (дата обращения: 01.02.2022).
4. *Крамаренко И.* Оглашены предварительные итоги приднестровской переписи населения. URL: http://www.olvia.idknet.com/ol37-09-05.htm (дата обращения: 17.11.2006).
5. Краткие предварительные итоги переписи населения Приднестровья 2015 г. URL: http://mer.gospmr.org/novosti/kratkie-predvaritelnye-itogi-perepisi-naseleniya-pridnestrovya-2015-goda.html (дата обращения: 02.02.2022).
6. *Матей К.Г., Прока В.Е.* География населения Молдавской ССР и демографические процессы. Кишинев, 1985.
7. *Мухаметшин Ф.М., Степанов В.П.* Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего // Очерки постсоветского времени. 1991–2020. М., 2021.
8. Основные результаты переписи населения и жилищ 2014 г. URL: https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&id=5583&idc=168 (дата обращения: 01.02.2022).
9. Принципы и рекомендации в отношении переписей населения и жилого фонда. Статистические документы. Серия М № 67/Rev.2 / Статистический отдел. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Организация Объединенных Наций. 2-е изд., испр. и доп. Нью-Йорк, 2009.
10. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2020: Статистический сборник (за 2016–2020 гг.). Тирасполь, 2020.
11. *Суружиу В.* Совет Европы о дискриминации нацменьшинств в Молдове. 20.03.2017. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/213408 (дата обращения: 01.02.2022).
12. Четвертое заключение по Республике Молдова, принятое 25 мая 2016 г. ACFC/OP/IV(2016)004. С. 6. Страсбург, 2016. [Неофициальный перевод].
13. Численность и расселение народов мира. М., 1962.
14. *Хайдарлы Д. И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов Левобережья Днестра в XVIII веке. Этнодемографические и исторические аспекты. Кишинев, 2008.
15. Notă informativă privind rezultatele preliminare ale recensămintului populaţiei şi locuinţelor din Republica Moldova în anul 2014. URL: https://statistica.gov.md/public/files/Recensamint/ Recensamint_pop_2014/Nota_informativa_Preliminare_Recensamint_2014.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
16. Republica Moldova: ed. consacrată împlinirii 650 de ani de la întemeierea statului moldovenesc. Chişinău, 2009.
17. Recensămîntul populaţiei 2004. Culeg. ststistică în 4 vol. Vol. 1. Caracteristici demografice, naţionale, lingvistice, culturale. Chişinău, 2006.
18. Recensămîntul populaţiei şi al locuinţelor 2014. 2 P. Chestionar persoană. URL: https://statistica.gov.md/public/files/Recensamint/Recensamint_pop_2014/Chestionare/2P.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

Раздел V

ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Уроки Учителя

Р.С. Карапетян

Воспоминания о близких тебе людях таятся глубоко в душе и проявляются, обычно, в какой-либо ассоциативной связи. Это обусловлено тем, что воспоминания заключены в ощущениях, эмоциях, связанных с конкретной личностью, и чем ближе по духу тебе человек, с которым они связаны, тем ярче и содержательнее воспоминания.

С.А. Арутюнов, Р. Ованнисян, Ю.В. Арутюнян, Р.С. Карапетян (Принстон, 1989 г.)

С Юрием Вартановичем связаны 40 лет наиболее содержательного и интересного периода моей жизни, насыщенного как годами учебы, совместными проектами и достижениями, так и глубокой и искренней дружбой. В моей памяти он остался очень мудрым, добрым, чутким учителем и другом. Его любят и высоко ценят в научных кругах Армении, и, неслучайно, что три академических института Армении выдвинули его иностранным членом Национальной академии наук. Его учениками являются Амбарцум Галстян, Рубен Оганджанян и автор этих строк.

Наследство Юрия Вартановича в Армении – два научных отдела в Институте археологии и этнографии НАН РА: Отдел этносоциологии и Отдел исследований диаспоры, с 18 сотрудниками, из которых три доктора, 9 кандидатов наук.

Одним из первых для меня уроков Юрия Вартановича стало интервью в армянской семье в Тбилиси в 1975 г. Наши хозяева очень спешили на концерт и попросили Юрия Вартановича поскорее, как они говорили, «задавать свои вопросы», чтобы им не опоздать. Но с третьего вопроса наши респонденты (муж с женой) забыли про концерт и полностью включились в интервью. В этом мастер-классе по проведению интервью, Юрий Вартанович наглядно продемонстрировал, как проверяется инструментарий по реакции респондента, несмотря на мои последующие многочисленные опросы в Армении и вне ее пределов, запомнился мне навсегда как идеальный пример проведения интервью со всеми возможными нюансами.

В Тбилиси я усвоил урок и по организации социологического исследования, которым руководили Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева. Благодаря им, я сблизился с Йо-

насом Мардоса, Сашей Сусоколовым и Нелли Маликовой. Как-то вчетвером мы поймали такси для проезда, и Йонас вдруг подметил, что в одной машине сидят представители сразу пяти союзных республик. А наш водитель-грузин, вдохновленный этим обстоятельством, денег за поездку с нас не взял. Впоследствии мы встречались в Москве, Баку, Ереване.

Один из учеников Юрия Вартановича – Амбарцум Галстян – устроил в своем общежитии митинг, за который ему грозили арестом. Ю.В. Арутюнян позвонил мне, чтобы наш институт вмешался, и, благодаря этому, Амбарцум избежал наказания. Как не быть признательным моему Учителю, когда в очень тяжелые 1990-е годы землетрясения, военного конфликта, блокады и энергетического кризиса (нам в сутки давали всего полтора часа электричества) в Армении, по его протекции, я был включен в международный проект В.А. Тишкова и получил возможность хоть раз в году вырываться из этой ситуации. Эти уроки включенности в проблемы близких тебе людей, ответственность за них, конечно же, передаются его окружению.

На следующий год (1976) в Армении стартовала разработка армянского варианта опросного листа этносоциологического исследования. Юрий Вартанович «выжал» из меня всю информацию, которой я располагал по Армении – история, этнографическое районирование, статистические данные и т.д. Под его руководством была осуществлена подготовка инструментария и определена идеология выборки. Последующие пять дней работы с Юрием Вартановичем – одно из моих ярких воспоминаний. Мне был преподнесен важный урок по подготовке программы армянского варианта ОСУ (Всесоюзного научно-исследовательского проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», руководителем которого был Ю.В. Арутюнян), разработке целей и задач, по подбору инструментария, плана реализации исследования и, в конечном счете, по анализу материала. В дальнейшем, при подготовке коллективной монографии на основе исследования населения Еревана под руководством Ю.В. Арутюняна и Э.Т. Карапетян, вся группа армянских исследователей ознакомилась с каждым этапом исследовательского процесса. Кстати, в 1976 г., под руководством Юрия Вартановича, было осуществлено первое в Армении социологическое исследование.

У Юрия Вартановича я научился формировать команду единомышленников, четко определять цели и вдохновлять сотрудников на их достижение. Под его руководством и при непосредственном участии в Армении были разработаны и осуществлены три проекта по исследованию населения Армении. А во время обсуждения с американскими коллегами темы «Этносы в своей и инонациональной среде» появилась идея изучения армян диаспоры, которую он поддержал. Он стоял и у истоков программы исследования современной армянской диаспоры, развернутой в странах Европы, Америки, Азии и Африки.

Мой приезд в Москву произошел сразу после службы в армии. И я попал не просто в обыкновенную «гражданку», а в московскую научную среду, где путеводителем была Леокадия Михайловна. Был с ней связан и эпизод в Лос-Анджелесе, когда она меня попросила быть внимательнее к Юрию Вартановичу, который тяжело переживал болезнь супруги, но не показывал этого.

В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, Р.С. Карапетян, С.Л. Нестерова, Й. Мардоса, Л.А. Тульцева. Новогодний вечер в Институте этнографии АН СССР. 1971 г.

О Михаиле Николаевиче Губогло, остались воспоминания братской поддержки, также как и о Валерии Кондратьеве в Москве и Тбилиси, о Валерии Шамшурове, Володе Большакове и Вере Мальковой и самое главное – об Ирине Субботиной, Любови Остапенко, Романе Старченко, с которыми наши отношения не прерывались и даже переросли в доверительное многолетнее сотрудничество и тесную искреннюю дружбу.

Очевидно, что Юрий Вартанович был автором такого теплого чувства защищенности в среде нашей корпорации этносоциологов, которое уже много десятилетий согревает мне душу, позволяет продолжать его дело, оставаться членом научной школы, основателем которой был и остается Юрий Вартанович Арутюнян. Его любят, уважают, им гордятся не только его ученики и ученики его учеников, но и вся научная общественность нашей республики, которую впечатлили его гений, незаурядный ум, глубина знаний открытого для всех, но принципиального человека, патриота страны и своей малой родины – Армении.

Для меня всегда было почетно называться его учеником.

«Русский проект»

С.С. Савоскул

С.С. Савоскул

Нет ничего удивительного в том, что многочисленные этносоциологические исследования, проводимые нашим Отделом этносоциологии, поездки по «национальным», как тогда говорили, республикам («А Россия – национальная республика?» – не раз спрашивал я себя), контакты с людьми иных языков и культур, со средой, нередко весьма отличающейся от привычной мне русской, поневоле обращали взор на свое, можно сказать, «домашнее», будоражили мое русское самосознание, заставляли сравнивать его с увиденным в иных краях.

Расскажу, к примеру, про характерный случай, чтобы стало понятнее, в чем это иной раз выражалось. Однажды летом в начале 1970-х годов я долго работал в Грузии, вначале в Тбилиси, потом в маленьком городке Миха Цхакая (ныне Сенаки) и его окрестностях. Это было в Колхиде, по правую, западную сторону Риони. Помнятся круглые чайные кусты по холмам, полуразрушенная маленькая крепость на скале, стоящей среди равнины, редкие дома – хутора. Встречались, правда, и деревни. А по ночам – лягушачьи концерты. И почти ежедневно – дожди. А радио (уже не из анекдота) передавало, что в Подмосковье из-за жары и засухи горят болота, а вода в Северной Двине у Архангельска прогрелась чуть ли не до 30 градусов.

За те полтора месяца, что я провел в Грузии я еще раз убедился в том, что грузинский язык и все грузинское властвуют гордо и темпераментно и в Тбилиси (здесь их квинтэссенция), и в других городах, не говоря уже про села. Все русское на этом фоне звучало приглушенно, скромно, на втором плане. Ситуация вполне понятная и ожидаемая, но со временем она меня все больше утомляла. Видимо, это были симптомы того, что этнопсихологи называют культурным шоком.

Но вот работа, наконец, закончена, я сел на боржомский поезд и поехал домой. Среди попутчиков были одни грузины, прихватившие с собой вино, куриц, пучки душистой зелени и, конечно, свой язык и темперамент, куда же без них. Так что Грузия для меня продолжалась до самой Тулы, где я вышел. Дело в том, что в то лето, жена, спасаясь от заполонившего Москву дыма с горевших подмосковных болот, перебралась с дочками в Серпухов, где в своем доме с садом жил тогда ее отец. Вот я и решил не ехать до Москвы, а отправиться прямо к ним.

В электричке был сплошь *русский* народ, я радостно прислушивался к громкому *русскому* разговору подвыпивших соседей и думал, что бывают минуты, когда не только дым, но и мат отечества покажется тебе «и сладок, и приятен».

В такие вот моменты начинаешь по-настоящему понимать, что ты тоже русский. И во мне постепенно, по-русски не спеша, начала зреть мысль о том, что раз уж я поневоле врос в этносоциологию, почему бы не воспользоваться этим для изучения именно русских, к примеру, того, какое место они занимают среди других народов нашей страны.

Конечно, в наших полевых исследования и в основанных на них работах русские присутствовали всегда. Но в других (помимо России) республиках, которые, как само собой разумеющееся, все же виделись главным исследовательским «полем» этносоциологии

(тут проявлялась все та же идея о «национальных» республиках, по которой РСФСР была вроде бы и не совсем «национальной»), русские рассматривались в качестве второй этнической группы, фоновой по отношению к «коренному» народу. В самой же России постоянным объектом полевых исследований у нас выступала Саратовская область, по ряду важных показателей занимавшая среди российских областей среднее место. Для представления о русском сельском населении ее дополняли Кубань и Кимрский район Калининской области, доставшиеся проекту в наследство от прежних занятий Юрия Вартановича Арутюняна сельской социологией.

Понятно было, что, по сравнению с титульными народами других обследованных нами союзных республик, для суждения о русском большинстве, сосредоточенном, естественно, в России, нашего материала было далеко недостаточно. Не говоря уже о том, что у нас не было данных по другим (кроме обследованных нами) областям и краям России. Еще более заметным недостатком нашего материала было отсутствие в российской выборке Москвы. Правда, на Москву тогда смотрели, прежде всего, как на столицу СССР, а не России. А уж про то, что это *русская* столица («Москва, как много в этом слове…» и так далее) вроде бы никто и не вспоминал.

В Питере русский дух, русские чувства в известном смысле (особенно у москвичей) играют сильнее, чем в привычной нам Москве – «Невы державное теченье…» – Адмиралтейство, Медный всадник, – Империя в ее расцвете!!! Но в Ленинграде провести опрос нам не разрешили.

РСФСР же, стоило лишь об этом поразмыслить, выглядела несколько странным образованием на фоне других союзных республик. Многих сугубо российских республиканских организаций (скажем, российского партийного и прочих ЦК, Академии наук, газет – кроме «Советской России» – органа ЦК КПСС) в ней не было, их заменяли общесоюзные учреждения. Добавлю сюда и множество «национальных» автономных образований – республик, автономных областей и округов, как бы размывающих и сужающих «чисто» русскую этническую территорию, в результате чего в общественном сознании РСФСР отнюдь не казалась преимущественно *«русской»* республикой. Словом, РСФСР являлась скорее уменьшенным вариантом СССР, чем собственно Россией.

В некотором роде парадоксальным народом казались и сами русские. В этнокультурном плане они выглядели менее выразительно, чем другие наши народы. Ведь даже и русский язык уже давно является достоянием не только одних русских. Внимательный к таким вещам В.А. Солоухин как-то заметил, что среди детских фигур, символизирующих народы наших республик (такие изображения и впрямь нередко встречались в ту пору), лишь русский мальчик изображен не в национальном, пусть и стилизованном костюме, как остальные, а в трусах и галстуке. Если Владимир Алексеевич это и придумал, то эта выдумка была недалека от реальности. Правда, мне в этом отношении больше нравится, поскольку лучше отражает современную реальную жизнь, а не этнографический музей, мысль А.С. Пушкина, который где-то сказал, что русский дух отнюдь не прячется за бородой и кафтаном, русский человек и во фраке остается русским.

К тому же, на мой взгляд, для лучшего понимания социально-исторической сущности и значимости русских, их нужно сравнивать не только, а, пожалуй, и не столько с другими народами нашей бывшей страны, а с иными большими и старыми народами мира, создавшими столь же значимые во всемирной истории государства и цивилизации – в первую очередь, с англичанами (британцами), наверное, также с китайцами, а еще с французами, испанцами, немцами – в историко-культурные и политические орбиты которых вовлечено немало других народов-спутников.

А в рамках тогдашней нашей страны (я имею в виду СССР) на современном хронологическом срезе русские, уже сильно урбанизированные, во многом унифицировавшие (зачастую не по своей воле) свой образ жизни и в этом смысле регионально почти не отличавшиеся, казались (и являлись?) неким однообразным людским океаном, на фоне которого то более ярко, то приглушенно выделялись большие и малые этнические полуострова (по краям) и острова и островки (в середине). А говорят, что когда плывешь по океану, то взор, утомленный его однообразной равниной, радуется встрече с любым клочком земли. Психологически именно этим я объясняю наше (этносоциологов) долгое преимущественное внимание к нерусским народам.

Мне кажется, «русский вопрос», как некую современную этносоциальную проблему, в ту пору лучше всех чувствовали и, главное, сумели в какой-то мере выразить такие из наших писателей, как уже названный В.А. Солоухин, а также В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, В.И. Белов. Писали, конечно, и другие, но я называю, по крайней мере, тех, кто своими яркими, нередко трагическими раздумьями наталкивали и меня на какие-то мысли в этом направлении.

Ко времени, так называемой, перестройки, этнические чувства и порожденные ими мысли, до этого в основном бродившие только в головах, стали все более заметным фактором нашей общественной и политической жизни. В «национальных» союзных республиках все более явной становилась тенденция к суверенизации (позднее она проявилась и в российских республиках и автономиях, правда, чаще в требовании повышения их статуса), пробивавшаяся к жизни в значительной мере в форме отталкивания от союзного центра, от олицетворявшей его Москвы, России и русских. Все это, естественно, сопровождалось эскалацией антироссийских и антирусских настроений, если и не преобладающей численно, то наиболее активной в этнополитическом смысле части нерусского населения страны. И в ходе наших полевых исследований нам все чаще приходилось быть свидетелями проявления этих настроений, иной раз принимавших агрессивную форму.

Понятно, что в ответ возникли и русские общественно-политические и культурные «самодеятельные», как тогда говорили, организации. На мой взгляд, и в России, и особенно в республиках за ее пределами, это движение (в форме «интерфронтов» и т.п.) во многом носило характер неизбежной, так сказать, оборонительной реакции части русского населения на этнонационалистические тенденции в общественно-политической жизни страны. Но в целом и тогдашняя властная элита союзного центра, и общественное мнение большинства российского (прежде всего русского) населения занимали, я думаю, позицию на сохранение Союза ССР. Что касается меня, то, откровенно говоря, я к тому времени эту позицию уже не разделял, а полагал, что России нет смысла удерживать рвущиеся из Союза республики, этнические элиты и титульное население которых то и дело попрекали нас колониальной политикой, паразитизмом на труде и ресурсах «национальных» окраин и т.п. «грехами». Именно поэтому показавшаяся тогдашнему российскому большинству парадоксальной и абсурдной идея о выходе России из Союза, высказанная В.Г. Распутиным на первом съезде депутатов СССР, была мною воспринята как лично выношенная и выстраданная.

Словом, во второй половине 1980-х, а тем более к их концу, «русский вопрос» уже витал в воздухе. Вполне понятно, что мне хотелось принять какое-то участие в изучении живо осознанной и внутри пережитой проблемы. Казалось, логичнее и привычнее всего использовать для этого то, что лежало под руками – накопленный к тому времени огромный материал наших полевых исследований – дополнив его новым. Правда, лежал-то он под руками, но у Ю.В. Арутюняна – в том смысле, что без его одобрения, благословения и участия предпринять такую огромную работу было невозможно. И однажды я затеял с ним разговор на эту тему, суть которого сводилась к тому, что, не пора ли нам перейти от

изучения этнических окраин страны к ее центру, главной для СССР этнонациональной проблеме – месту русских в нашем обществе.

Пришедшая снизу идея Юрию Вартановичу понравилась, хотя я не исключаю, что он пришел бы к ней и сам. Но все же мне кажется, что мои слова ускорили ее вызревание, хотя, честно говоря, уже и тогда идея эта несколько запоздала. Или, наоборот – пришла слишком рано, чтобы написать на эту тему все, что мы хотели и могли.

Думаю, что этот разговор происходил не позже 1987 г., поскольку именно в тот год мы впервые провели массовый опрос москвичей, без чего писать работу о современных русских было бы нелогично.

Вскоре после нашего разговора Ю.В. Арутюнян выступил на ученом совете института с предложением написать новую коллективную работу, которая будет посвящена этносоциологическим проблемам русского народа. Полагаю, что к этому времени он уже согласовал эту идею с Ю.В. Бромлеем. Ученый совет это предложение, естественно, поддержал.

Но перед тем, как сесть за книгу, мы, как я говорил, провели опрос в Москве, а на следующий 1988 г. – повторные исследования в Таллинне и Ташкенте. Столицы эти были выбраны потому, что представляли республики, во многом занимавшие позиции противоположные в ряду значимых линий: Запад – Восток, модернизированный–– традиционный образ жизни и т.д.

Результаты этих опросов имели принципиальное значение для будущей книги, поскольку позволили отметить важнейшие сдвиги в общественном сознании, произошедшие в результате радикальных перемен в идеологии и политике в годы перестройки, и сказать о порожденных ею надеждах и ожиданиях. Пожалуй, наиболее значимые изменения, как было показано в книге (особенно в последней заключительной главе, написанной Ю.В. Арутюняном), произошли во внешнеполитической стороне сознания – большинство народа избавилось от образа «осажденной крепости», порожденного перманентным противостоянием страны «победившего социализма» и капиталистического лагеря.

Вместе с тем, и это Юрий Вартанович специально подчеркнул, произошедшие в стране глубокие перемены стали результатом не столько противостояния СССР и Запада, сколько итогом внутреннего развития нашего общества – его интеллектуализации и гуманизации, несовместимых с его длительной внешней закрытостью и внутренней, жесткой регламентацией.

Однако главные надежды и ожидания большинства нашего народа, порожденные перестройкой, относились к необходимости радикальнейших перемен в экономической и социально-политической сферах, а здесь эти надежды и ожидания, как показали итоги опроса, явно не оправдывались. Наибольшим успехом перестройки была признана лишь гласность. В этой связи вполне логично, что существенно снизилась, по сравнению с 1970 – началом 1980-х годов, доля удовлетворенных жизнью. Люди, выросшие в условиях, когда государство (и контролируемые им трудовые коллективы) практически монопольно распоряжались средствами удовлетворения наиболее важных человеческих потребностей, естественно, и в новых условиях рассчитывали в первую очередь на него. В то время мы и сами (я имею в виду авторов книги) наивно надеялись на это же. А между тем уже стояло у дверей время, когда более предприимчивые (и менее рассуждающие?) уже вовсю экспроприировали в свою пользу и «общенародную», а значит бесхозную в ту пору собственность и власть.

Позитивные перемены в общественно-политической сфере, конечно, отразились и на нашей книге. Пришедшая на смену цензуре гласность уже позволяла писать и публиковать практически все, хотя в силу сложившейся привычки еще не все из нас были к этому готовы. Сдерживал, конечно, и жанр традиционной академической монографии. К тому же события развивались столь быстро, что не все можно было осмыслить. Тем не менее

многие острые вопросы, в том числе в сфере русского самосознания, идеологии формирования российского суверенитета, проблемы русских в союзных республиках за пределами России, были подняты. И этим книга уже разительно отличалась от наших предыдущих работ.

Помню, что ее название придумывали коллективно. Ясно было, что в его начале должно стоять «Русские». Но к этому слову-этнониму нужен был подзаголовок. В конце концов, решили скромно добавить «этносоциологические очерки» [7], понимая, что столь глобальную проблему мы, конечно, раскрыли далеко не полностью. Мы тогда еще не знали, что книга эта станет последней коллективной работой отдела этносоциологии. Кстати, сидя над этими заметками, я обратил внимание, что «русская» монография больше остальных коллективных наших трудов. Правда, «Социально-культурный облик» (1986 г.) всего лишь на 12 страниц меньше ее. Отношу такой ее объем не иначе как на счет повышения «градуса» национального (или этнического?) самосознания авторов во время написания нашей последней совместной книги. Но, если говорить без шуток, то большинство из нас, как помню, и вправду работали с энтузиазмом. И дело, конечно, было не только в самосознании (хотя не в последнюю очередь и в нем), а в тогда еще непривычной, но уже вдохновлявшей возможности писать свободно, почти не оглядываясь на цензуру. Что касается меня, то книга эта практически примирила меня с этносоциологией, подлинным сыном которой я себя до этого все же не считал, вздыхая время от времени о своем этнографическом первородстве.

Просматривая недавно ее текст, я убедился, что книга и сейчас важна для понимания формирования этносоциальной, этнополитической и этнопсихологической ситуации в нашей стране накануне распада СССР, поскольку помогает более полно понять и нынешнее положение в этих сферах в России и в других постсоветских странах.

До редакторов (в целях ускорения выхода «актуальной» работы в издательстве «Наука» назначили не одного, а двоих редакторов) рукопись добралась, кажется, в начале 1991 г., а, судя по выходным данным, сдана в набор она была в самом начале сентября того же года. Обращаю внимание на эти технические детали, поскольку при написании этих строк заметил, что в книге упомянуты и августовские события, ставшие (как мы узнали позже) переломным моментом в распаде Союза и в суверенизации России. Значит наши авторы (в данном случае Л.М. Дробижева или В.К. Малькова – точно не знаю) продолжали работать с текстом и после августовского путча.

Русские в новом зарубежье

Заняться русскими в союзных республиках вне России мне посоветовала Л.М. Дробижева. Она в то время была уже заместителем директора нашего Института. Помнится, я по какому-то делу зашел к ней в кабинет. Может быть, по поводу рукописи ее раздела в готовящейся монографии по русским, которую мне пришлось редактировать. И вот именно в своем кабинете, еще в старом нашем здании на ул. Дмитрия Ульянова, она мне и посоветовала взять эту тему. Судя по этой детали (Институт переехал в нынешнее здание незадолго до распада Союза), было это, скорее всего, в 1990-м году. «Сами понимаете, Сережа, – сказала она, – в ближайшее время это будет очень горячей проблемой».

Я это, конечно, понимал, и совет запал мне в голову. Очень ведь важно, чтобы совет был дан вовремя и лег бы на готовую почву. Как раз это и произошло в данном случае, и я с благодарностью вспоминаю, что Леокадия Михайловна окончательно подтолкнула меня в направлении, о котором я тоже часто думал, но окончательно еще не остановился.

Было ясно, что после выхода из Союза какой-то части союзных республик, в новых независимых государствах за пределами России окажется не один миллион их русских жителей. О том, что в таком положении окажутся 25 миллионов – я тогда еще не думал.

Казалось, что Украина и Белоруссия останутся с Россией. Хотелось надеяться, что и Казахстан тоже не уйдет. Было очевидно, что положение этих миллионов русских после распада Союза будет далеко не простым. Дело в том, что к концу 1980-х – началу 1990-х годов вполне ясно проявилось неизбежное стремление политических сил, рассчитывавших на суверенизацию своих республик, к подъему этнонационалистических настроений среди титульного населения, в надежде опереться на них в борьбе с союзным центром. Одной же из главных составляющих национализма титульных народов были антисоюзные, антироссийские и антирусские настроения. При этом союзный центр и олицетворяющая его Россия чаще всего представлялись силами, эксплуатирующими колониальные окраины – другие союзные республики, а русские (и ассоциированные с ними представители других этнических групп) в свете этих воззрений являлись колонизаторами. Понятно, что русские в союзных республиках вне России могли в известном смысле стать своего рода политическими «козлами отпущения». Между тем, в условиях надвигавшегося распада СССР фактически не было политических сил, готовых, в случае необходимости, защитить эти и близкие им группы населения. Казалось бы, эта задача естественным образом должна была стать одним из направлений внешней политики России. Однако логика тогдашней борьбы с союзным руководством делала российских политиков невольными сторонниками лидеров других союзных республик, стремящихся к выходу из СССР. Поэтому поддерживать их русское население, в массе своей настроенное тогда на сохранение союзного единства, ельцинскому правительству было невыгодно. Словом, проблема, за которую я решил взяться, была весьма и весьма непростой и во многих отношениях щекотливой, что в полной мере и проявилось в ближайшие годы.

В 1991 г., перед поездкой в Ташкент, для проведения очередного опроса населения, в недрах нашего отдела этносоциологии начала оформляться небольшая группа сотрудников, решивших осуществлять предложенную мной идею изучения русских за пределами России. На первых порах (до отъезда в США) активную роль в нашем маленьком коллективе играла Алла Исааковна Гинзбург. В группу – еще неформальную – вошли также Ирина Субботина и Люба Остапенко. К поездке в Ташкент мы успели составить свою небольшую анкету, которую решили опробовать на месте. Организации нашего пилотажного опроса во многом способствовало то обстоятельство, что у Аллы Исааковны, родившейся и немалую часть жизни прожившей в Ташкенте, там было множество знакомых. Благодаря им, мы смогли успешно провести опрос и в ряде рабочих коллективов, а также в нескольких исследовательских и творческих организациях.

Вернувшись из Ташкента, мы обработали результаты, но материалы для серьезной работы предстояло еще собирать. Мы подготовили новую, более обширную анкету, по которой бывший аспирант нашего отдела Абылабек Асанканов, ставший к тому времени деканом исторического факультета Киргизского университета, летом следующего 1992 г. провел опрос во время полевой практики своих студентов. Опросом было охвачено немногим более одной тысячи человек, из которых половина была русских, половина киргизов. Опрос проводился как среди горожан – в Бишкеке, Оше и Пржевальске (ныне Каракол), так и среди сельского населения разных регионов Киргизии. Следует сказать, что мы с самого начала осознанно ставили своей целью провести опрос не только русского, но и титульного населения обследуемых республик. Таким образом, мы пытались изучить мнение о новом статусе и положении русского населения не только со стороны самих русских, но и от представителей титульного народа. Таким образом, уже в самой процедуре сбора полевого материала был заложен диалог русского населения той или иной страны с ее титульным народом.

На основе результатов опроса 1991 г. в Ташкенте, мы написали первую небольшую книжку, по существу брошюру, вышедшую в начале 1993 г. [6] и открывшую серию «Русские в новом зарубежье», в которой за пять лет мы выпустили пять книжек.

Из этих пяти книжек две были посвящены итогам исследований в Средней Азии, в одной мы опубликовали расширенную программу наших исследований, в другой – количественные итоги наших исследований в Киргизии, Молдавии, Литве и Эстонии [3; 4]. В последней, пятой книге, вышедшей в 1997 г., рассматривалась миграционная ситуация русского населения нового зарубежья, проблемы его переселения и адаптации в России [5].

1992 год стал для нашей маленькой группы годом обретения независимости. Известную роль в этом сыграла Алла Исааковна, которая принесла нам первые небольшие деньги, которые по дружбе дал ей Т. Шанин (Теодор Шанин – профессор социологии Манчестерского университета, ректор Московской школы социальных и экономических наук, внес значительный вклад в крестьяноведение). Это был небольшой, но все же вклад в наш первоначальный материальный капитал. Чтобы получить независимость, я, с согласия остальных членов группы, написал докладную записку в дирекцию института, в которой обосновывал необходимость нашей самостоятельности для пользы затеянного важного дела. Тишков и его заместители (Семашко, особенно) поддержали нас, и таким образом суверенитет был достигнут. Знаменательно, что это произошло через полгода после распада СССР, что, помимо прочего, означало, что этносоциологическая программа Ю.В. Арутюняна, ориентированная на интеграцию советского народа, оказалась исчерпана самой жизнью. Арутюнян, конечно, на нас обиделся, и в особенности на меня, но препятствовать нашему уходу не стал, понимая, что удерживать нас уже не в его силах.

– Значит, империя Юрия Вартановича рушится? – спросил меня В.А. Тишков.

– Сейчас вся империя рушится, – ответил я.

– А зачем вам идти к Губогло, работали бы самостоятельно.

– Уже не могу – я ему обещал…

Молдова

Летом 1993 г. мы провели массовые опросы в Молдавии и Литве. В то время в Молдавии еще свежа была память о недавней войне в Приднестровье. После нее у моста через Днестр, на правом берегу остались прикрытые маскировочной сеткой самоходки российской группы войск, стерегущие левый берег, а в центре Тирасполя, осененном летящим памятником Суворову, на берегу Днестра – мемориальное кладбище защитников Приднестровья, среди которых было немало российских казаков. В результате той войны Левобережье окончательно утвердилось в своей независимости от Кишинева и, как известно, это продолжается до сих пор. В эту же пору решался вопрос и о статусе гагаузской автономии в составе Молдовы, что также вызывало большие дискуссии в молдавском парламенте и более широких общественно-политических кругах. В дни обсуждения вопроса об официальном утверждении гагаузской автономии (Гагауз Ери) первые страницы газет националистических партий кричали о том, что юг Молдовы выставлен на торги!

Любопытно, что следствия межэтнической напряженности сказались и в Молдавской Академии наук, особенно в ее гуманитарных институтах. Среди молдавских гуманитариев, в том числе в Академии, было немало идеологов националистического движения, а еще больше его сторонников. В результате в научных коллективах, в которых было немало представителей и других народов, сложилась напряженная ситуация. Для ее ослабления академическое руководство организовало новое подразделение – Институт национальных меньшинств, с секторами русским, украинским, гагаузским, болгарским и иудаистики, куда перевели большую часть сотрудников не молдаван, ну и, конечно, тех молдаван, кто был занят тематикой, связанной с этническими меньшинствами республики.

Кстати говоря, сотрудники этого Института активно работали с нами на протяжении ряда лет, в которые мы осуществляли наш проект. Большую помощь нам оказывали директор института академик К.Ф. Попович, сотрудники В.Е. Андрущак, Г.А. Гайдаржи, С.С. Курогло, Т.П. Млечко, А.В. Шипилов.

Словом, фон для массового опроса о положении русского населения республики был не самый благоприятный. Но было тем более интересно и полезно получить материал, отражающий ситуацию вокруг русских именно в это непростое, переходное время. Мне казалось, что благодаря сохранившимся дружеским связям в академической среде и знакомству с некоторыми парламентариями, недавними научными сотрудниками, организовать опрос будет несложно. Отчасти так оно и было – наши кишиневские друзья, настроенные еще во многом просоветски и пророссийски, были готовы помочь нам получить материал, который, как они были уверены, покажет истинные настроения, как русских, так и молдаван, неприятие теми и другими крайне националистических, особенно прорумынских идей. Благодаря широким связям наших друзей, мы познакомились с руководителями ряда кишиневских предприятий и организаций, готовых помочь провести опрос по нашей анкете среди своих рабочих и служащих. Немалую помощь оказали нам и руководители, и активисты русских общественных и культурных организаций, особенно А.Н. Белопотапов, Ю.Н. Савельев, П.М. Шорников и др., проводившие «точечный» опрос, в основном, среди интеллигенции. И все же наш опрос, проводимый почти нелегально, без ведома и одобрения властей, проходил достаточно трудно. Директора ряда предприятий, на первых порах было согласившиеся нам помочь, через несколько дней, когда мы хотели его начать, отказывались от своих обещаний. Да и там, где опрос начали, проводившие его люди (обычно руководители среднего звена) жаловались нам на трудности, на опасения слежки со стороны активистов молдавского народного фронта и пр. Но, хотя и медленно, опрос шел, и в итоге мы получили около тысячи заполненных анкет. Значительную часть опрошенных составляли кишиневцы, но помимо столицы опрос был проведен также в Бельцах, Сороках и Единцах, а также в Тирасполе. Частично было опрошено и сельское население. Конечно, в Приднестровье организация и проведение опроса особых трудностей не вызвали. В Тирасполе в нашей работе много помогли сотрудники университетской лаборатории по истории Приднестровского региона Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, О.Г. Соломий.

Литва

В том же году летом прошел опрос по нашей программе в Литве. Его провели литовские коллеги во главе с руководителем Центра исследования общественного мнения и рынка Института философии, социологии и права АН Литвы Владасом Гайдисем (с которым я познакомился в Питере) и его заместителем Данутой Турейките. В проведении опроса русского населения мы многим обязаны также руководителям и активистам русского культурного центра Павлу Лавренцу, Наталье Касаткиной и Татьяне Ясинской. Было опрошено около 700 человек русских и литовцев в Вильнюсе, Клайпеде, Паневежисе и Висагинасе.

В это время и позднее я дважды приезжал в Литву, чтобы согласовать некоторые вопросы по проведению опроса и ознакомиться с ситуацией вокруг русского населения республики. В этом отношении принципиальное отличие литовской ситуации от положения русских в Латвии и Эстонии состояло в том, что в Литве, где русские составляли сравнительно небольшую долю (около десятой части) населения республики, а литовцы образовывали подавляющее большинство, все жители республики могли получить ее гражданство без всяких ограничений. Таким образом, гражданско-правовой статус русских ничем не отличался от статуса литовцев. Основные же проблемы для русского населения заключались в относительно слабом владении литовским языком, с чем были связаны многие

социально-культурные ограничения. При этом официальная позиция властей в языковом вопросе была весьма жесткой.

Для понимания тогдашней ситуации в этой сфере приведу один пример. В один из моих приездов в Вильнюс в литовском парламенте проходили слушания по проблемам национальных меньшинств республики. Павел Лавренец и Наталья Касаткина, которых пригласили участвовать в слушаниях, взяли меня с собой. В зале собрались представители русских, польских, караимских, белорусских общественных, культурных и религиозных (помню, там были и старообрядцы) организаций. В президиуме сидели руководители ряда парламентских комитетов и некоторые из членов правительства, выступавшие с отчетами и планами по работе с национальными меньшинствами. Все выступали на литовском языке, который, как я понял, далеко не все сидевшие в зале понимали. При этом не было организовано никакого перевода. Одним из выступавших был министр труда. Он опоздал на слушания и как только появился, вышел на трибуну и произнес: «Я думаю, здесь уместно выступать по-русски». Эти слова были встречены одобрительным гулом зала. И он на хорошем русском языке рассказал о работе министерства применительно к проблемам меньшинств и сел в президиум. Докладчику стали задавать вопросы, мне даже показалось, что их было больше, чем предыдущим ораторам, что и неудивительно, поскольку его поняли лучше остальных. Он вернулся на трибуну и стал отвечать по-литовски. За те несколько минут, что он посидел в президиуме, коллеги успели его просветить по поводу его неправильного языкового поведения.

Заседание и дальше продолжалось на литовском языке, хотя и было оживлено небольшим, но эмоциональным выступлением православного архиепископа (кстати, недавно переведенного из Иркутска), который заявил, что, по его мнению, устроители слушаний не настроены на плодотворный диалог с приглашенными, с которыми они говорят на разных языках, и поскольку не видит никакой пользы от своего здесь пребывания, он покидает зал. И демонстративно ушел, сопровождаемый хвостом оживившихся журналистов.

* * *

В 1993–1994 гг. мы с помощью Володи Пароля провели в Эстонии массовый опрос и опрос экспертов. В 1996 г. началась работа в Украине, при этом большую поддержку нам оказали социологи Института социологии украинской Академии наук, в первую очередь, заместители директора Института – Н.А. Шульга и Е.И. Головаха. Непосредственно опрос провело украинское отделение службы Гэллапа под руководством профессора Н.Н. Чурилова. Немалую помощь в этой работе оказали заведующий отделом этносоциологии Института этнографии и фольклористики Украинской академии наук А.В. Орлов и бывший аспирант Ю.В. Арутюняна А.А. Шевченко. Средства на это крупномасштабное исследование выделила нам комиссия по делам соотечественников, которую возглавлял один из премьер-министров, а секретарем ряд лет был наш бывший коллега по отделу Игорь Гришаев.

Напоследок, завершая в конце 1990-х годов работу о русских в новом зарубежье, я съездил в Казахстан и Киргизию, чтобы провести там небольшой опрос экспертов – политиков, ученых, журналистов, руководителей общественных организаций, словом, всех, кто, так или иначе, был причастен к вопросам национальной политики и к проблемам местного русского населения.

Собираясь организовать опрос в Алма-Ате, я в первую очередь рассчитывал на помощь Нурбулата Масанова. К сожалению, его уже несколько лет нет среди живых, и я хочу немного рассказать об этом замечательном человеке и ученом. Впервые я познакомился с ним в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Москве во время его учебы в докторантуре нашего Института. Правда, знакомство тогда не было близким, но не заметить Нурбулата было нельзя. Видным человеком он был и в Казахстане, в первую очередь, из-за своей

непримиримой оппозиционности президенту республики. Понятно, что он находился под более-менее постоянным наблюдением местных чекистов, о чем кое-что мне и рассказал. Мне было нелегко встать на его место, т.к. какого-либо наблюдения КГБ я, конечно, не знал, не представляя никакого интереса для сей организации. Лишь однажды я испытал нечто подобное в уже суверенном Казахстане, когда, по просьбе М.Н. Губогло, я с Ирой Субботиной организовывал в Кустанае опрос. Проект был российско-казахстанско-американский. На деньги, конечно, последней стороны. А казахстанскую сторону представлял покойный Нурбулат. Михаил Николаевич, видимо, не совсем удачно договорился с каким-то чиновником из администрации Назарбаева, а чиновник из областной администрации (славянского, кстати, происхождения) решил перестраховаться и позвонил в Алма-Ату. А там наших полномочий никто не подтвердил. Между тем опрос шел уже вовсю. На второй-третий день нами заинтересовалось КНБ (так у них это теперь называется) в лице полковника, опять же славянина. Он дал нам срок выяснить все до следующей недели. М.Н. Губогло тем временем, закончив опрос в Алма-Ате, вернулся с готовыми анкетами в Москву. А нам же, в конечном итоге, пришлось выслушать часовое внушение генерала – уже казаха – главного областного кнбиста, сидевшего под портретом президента и знаменем Казахстана. Он поведал нам о хитрости американской стороны, составившей такую коварную анкету, которая ко всему прочему провоцирует межнациональную вражду (хотя не мог не заметить – анкету он изучал не один день – что среди ее авторов есть и наши фамилии – моя и Ирины). На мое возражение, что в проекте участвуют и казахстанские ученые, генерал зло ответил – «Знаем мы этого Масанова!». Заранее сообразив, о чем он спросит нас в первую очередь, я перед походом в сие ведомство предупредил Иру, что на вопрос о нашей роли в этом деле, мы должны твердо и однозначно ответить – «мы рядовые исполнители». На это он благосклонно заметил, что это облегчает дело и, как граждане дружественной страны мы отделаемся лишь изъятием заполненных анкет и возвращением восвояси, в чем его сотрудники могут нам оказать любезное содействие. Я поблагодарил генерала и сказал, что дня через два мы улетим. Нам, конечно, нужно было объяснить по-человечески сложившуюся ситуацию нашим местным помощникам – в большинстве своем преподавателям пединститута, студенты которого и вели опрос.

Словом, я отделался тогда несколькими днями нервотрепки и бессонной ночью перед визитом к генералу. Кстати, я упомянул об этом эпизоде в некрологе о Нурбулате – чтобы стало ясней, сколько нужно было ему мужества, чтобы работать под таким колпаком. А он вместо Кустаная договорился и провел опрос в какой-то другой северной области.

Опрос экспертов Киргизии мне помог провести Абылабек Асанканов – бывший аспирант нашего отдела, а в это время заведующий кафедрой этнографии в Бишкекском университете.

Нужно сказать, что, покинув отдел Ю.В. Арутюняна, мы формально вошли в немногочисленный Центр изучения межнациональных отношений под руководством М.Н. Губогло. При этом мы договорились, что будем полностью независимы друг от друга – и в плане содержания работы, и в финансовом отношении. Но со временем эти условия стали нарушаться – Михаил Николаевич стал теснить нашу автономию, перетягивать «моих женщин» на свою сторону, в результате возникали конфликты и внутри нашего маленького коллектива. Я тогда решил, что пришел конец нашему сотрудничеству и вздохнул с облегчением, когда, согласно решению Академии, были ликвидированы все небольшие подразделения. Но и формально оставаться в Центре М.Н. Губогло я уже не мог, тем более после случая в Кустанае. Пошел к В.А. Тишкову с просьбой разрешить мне перейти в отдел русского народа, с которым я давно сотрудничал. «Ну ладно, немного подождем –

ответил директор, – вот решим внешние дела (в Институте работала комиссия Президиума), а потом перейдем и к внутренним». Я подождал с месяц. Комиссия завершила работу и, кажется, даже был ее доклад на Ученом совете института.

Я опять к В.А. Тишкову.

– Давай, подождем до осени, – предложил он.

– Нет, что Вы, – я до осени не выдержу.

– Ладно, пиши заявление.

Вернулся с заявлением к В.А. Тишкову, – он подписал его и велел отнести в отдел кадров.

В отделе кадров попросили подписать заявление у М.Н. Губогло.

Пошел к нему.

– Ну, знаешь, мне еще нужно с Тишковым поговорить…

– Я уже поговорил, он согласен. Вот мое заявление.

Он, молча, подписал, и я отнес заявление в отдел кадров.

К тому времени я получил грант на издание итоговой книги по исследованиям русских в новом российском зарубежье и сел за ее окончание. В 2001 г. она вышла [1] , а в начале 2002 г. я защитил по ней докторскую диссертацию [2].

К моменту завершения книги и защиты докторской диссертации стало очевидным, что в этнополитическом и этническом аспектах среди обследованных бывших союзных республик вне России и вообще в новом зарубежье наиболее сложная ситуация и непростые перспективы сформировались в Украине. Это было обусловлено рядом обстоятельств, в том числе особенно характерным именно для этой страны стабильным глубоким и неразрешимым противоречием, расколовшим ее надвое – на Запад и Восток, а также выявленным в ходе исследования значительным расхождением во взглядах на цели этнополитического и этнического развития Украины между основной частью ее населения (как украинского, так и русского) и украинской (этнически) элитой. В результате, если украинское население в своей массе, в отличие от титульного населения других обследованных стран, наиболее близко по установкам и мнениям к своим русским землякам и наиболее толерантно по отношению к ним, то значительная часть украинской (по национальности) элиты по ряду позиций находится ближе к лидерам титульных народов большинства других постсоветских государств за пределами России. Раскол Украины на Запад и Восток дополняется и углубляется внутриукраинским этноязыковым противоречием – и переписи, и наше исследование показали, что весьма значительная доля украинцев русскоязычны. При этом в языковой сфере весьма высока степень заинтересованности и русских, и украинцев в русско-украинском двуязычии друг друга. Это, а также другие результаты исследования показали, что наряду с существованием определенных этнических и этнополитических противоречий, внутри украинского общества имеется значительный потенциал толерантности, позволяющий Украине развиваться путем построения вполне демократического, цивилизованного государства, основанного на единстве и солидарности его основных этнических групп (украинцев и русских, в первую очередь), на союзе с его основным политическим и экономическим партнером – Россией. Так, межэтнические украинско-русские отношения и их перспективы, судя по исследованию, были достаточно благоприятны, поскольку для основной части украинского и русского населения были характерны высокая степень взаимных симпатий, доброжелательства и терпимости. Основная угроза межэтническому миру и согласию исходила, на наш взгляд, от тех политических сил, которые предпринимают попытки повысить статус украинского языка и других элементов украинской этничности за счет вытеснения русской этничности, прежде всего с помощью властных рычагов.

К сожалению, уже в ходе проведения исследования стало очевидным, что имеющийся в Украине потенциал благоприятных для ее этнополитического развития факторов не был

использован политическим руководством, неуклонно проводящим курс на сугубо этнонационалистическое развитие страны. Таким образом, результатом нашего исследования явилась вполне объективная оценка тогдашней этнополитической и этнокультурной ситуации в Украине, на основе которой и проходило ее дальнейшее развитие, далеко не благоприятное, прежде всего, для ее населения.

По существу, с выходом книги моя этносоциологическая деятельность закончилась, и в дальнейшем я уже работал преимущественно по темам, связанным с этнографией русского народа. Именно так, в конце концов, сложилась моя научная судьба, однако тогда это было еще не вполне очевидно. В то время меня весьма привлекала перспектива дальнейших исследований в Украине, чему благоприятствовал мой уже существующий большой научный задел в виде результатов полевого исследования в основных ее регионах, довольно основательное знакомство с итогами соответствующих исследований украинских ученых, особенно социологов, сложившиеся творческие и дружеские отношения с ведущими украинскими социологами, их поддержка моей работы и, что не менее важно – большой искренний интерес к Украине и утопическая (как я сейчас отчетливо понимаю) надежда на какую-то пользу моих исследований для дальнейшего развития братской дружбы между русскими и украинцами, между Украиной и Россией.

Вместе с тем, я хорошо понимал, что для основательного продолжения серьезной работы по Украине нужно будет постоянное и частое посещение страны и основных ее регионов, а не только Киева, как преимущественно было до этого. Нужны новые контакты с новыми незнакомыми людьми, а я, честно говоря, уже не совсем был готов к этому. Сказались, видимо, годы почти непрерывной полевой работы, да и почти пенсионный возраст. К тому же политическая ситуация в Украине все меньше способствовала независимым исследованиям, особенно русских ученых. Но думаю, что главным в моем окончательном отказе от продолжения украинских исследований стали печальные семейные обстоятельства, вынудившие меня отказаться от длительных научных поездок, без которых исследование в Украине было невозможно.

В результате всех этих обстоятельств российские научные интересы перевесили мое намерение продолжить исследования в Украине.

Литература

1. Русские в новом зарубежье. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
2. Русские в новом зарубежье: выбор судьбы: автореф. дис. ... д. и.н. М., 2002.
3. Русские в новом зарубежье: Итоги этносоциологического исследования в цифрах / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1996.
4. Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки / отв. ред. А.И. Гинзбург, С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1995; Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1994. 138 с.
5. Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1997.
6. Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк / отв. ред. А.И. Гинзбург, С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1993.
7. Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.

Слово об Учителе

А.А. Асанканов

В сентябре 1980 г. я сдал вступительные экзамены и был зачислен в аспирантуру Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Руководство Института, еще до моего приезда в Москву, определило меня в сектор этносоциологических исследований, а конкретно, к Леокадии Михайловне Дробижевой, известному ученому, одному из основателей этносоциологического научного направления в СССР.

Когда мы впервые встретились с Леокадией Михайловной, в октябре 1980 г., она пыталась выяснить для себя, какую этнологическую проблему кыргызов я хотел бы исследовать и какие методы использовать. Я рассказал ей о том, что во время обучения на историческом факультете, мною были проведены исследования и защищена впоследствии дипломная работа по историографии процесса сближения наций и народностей в СССР, в том числе в Кыргызстане. И я хотел бы продолжить ее, но немного сузить проблему – рассмотреть сферу семьи: появление и формирование межэтнических браков в Кыргызстане.

Однако в ходе обсуждения объекта и предмета исследования, все-таки она убедила меня в том, что я должен заняться: во-первых, изучением социально-культурного развития кыргызов 60–70-х годов XX в., во-вторых, мне, одному, будет очень сложно за период обучения провести этносоциологическое исследование, поэтому она посоветовала взять тему, разработка которой не требовала бы слишком большой этносоциологической работы.

Леокадия Михайловна предложила исследовать проблему создания условий социально-культурного развития сельских кыргызов в 60–70-е годы XX в. в Кыргызстане по материалам социальных, культурно-бытовых и других учреждений, а также материалов образовательных, статистических управлений, характеризующих социально-профессиональную, трудовую деятельность сельских кыргызов. Тем самым, в течение трех лет она готовила меня к будущему системному и фундаментальному этносоциологическому исследованию.

Позже, по прошествии времени, когда я работал «по всему фронту» этносоциологии, применяя все имеющиеся технологии и методы, которые я освоил в стенах Института этнологии и антропологии Академии наук СССР, уже будучи в Бишкеке, в Кыргызстане, я не раз убеждался в том, что Леокадия Михайловна поступила очень мудро.

Мне, одному, в период обучения в аспирантуре реализовать этносоциологическое исследование по всей республике, составить всеохватывающую анкету, провести грамотную выборку, отобрать респондентов, разработать программу, по которой осуществлялась бы обработка анкет, провести опрос, работать с анкетами после опроса, ввести этот огромный материал в компьютер, а потом, главное – раскрывать основной контент опроса, вряд ли было бы под силу. Безусловно, я не смог бы завершить научное исследование в течение трех лет. Тем более, что в студенческие годы в Национальном университете в Бишкеке нас не обучали методам проведения этносоциологических исследований. В Кыргызстане в то время еще не было развито этносоциологическое направление и, соответственно, этносоциологические исследования не проводились.

В связи с этим, до поступления в аспирантуру Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая я не изучал этносоциологию как новое научное направление. Этносоциология делала первые шаги только в Москве, Ленинграде, в отдельных союзных республиках, а также в некоторых автономных республиках Российской Федерации.

Позже, после возвращения в Бишкек, по разработанной мной программе «Социально-культурное развитие кыргызов (этносоциологическое исследование)», с середины 1980-х

годов до сегодняшнего дня (см. мою статью в данной книге) проведены крупные фундаментальные этносоциологические исследования по всей республике, опубликованы сотни статей, изданы десятки монографий, подготовлены молодые кадры – отряд этносоциологов, защищены докторские и кандидатские диссертации по актуальным проблемам Кыргызстана.

Таким образом, со второй половины прошлого столетия появилась и сформировалась школа этносоциологии Кыргызстана, и представители этого молодого направления успешно проводят свои исследования, ведут курсы лекций на исторических факультетах в вузах нашей страны.

Мудрость Леокадии Михайловны заключалась и в том, что она в период моего обучения в аспирантуре дала полную свободу по охвату проблем, методике исследования социально-культурного развития кыргызов сельской местности Кыргызстана. Не было никаких ограничений, она не «загоняла» в какие-то рамки по части источников исследования: я применял абсолютно все методы, использовал все имеющиеся источники (за исключением анкетного опроса), чтобы полно и масштабно показать социально-культурное развитие исследуемого объекта.

В период совместного сотрудничества с Леокадией Михайловной я ни разу не слышал с ее стороны каких-либо упреков и замечаний, проявления недовольства моим исследованием, хотя я сам чувствовал, что не всегда на должном уровне проводил исследование и представлял свои работы по частям.

Будучи интеллигентным человеком, она все свои предложения и замечания преподносила мягко, с уважением к мнению молодых, чтобы не «гасить их стремление», не проявляла своего превосходства и мощи знаний перед начинающими исследователями. Леокадия Михайловна умела вдохновлять и мотивировать молодых ученых, в том числе и меня, браться за новые исследования, применять различные методы, много читать и творчески подходить к новым идеям, достижениям своих коллег.

Завершив свое исследование в Москве, перед тем как уехать в Кыргызстан, я приехал к ней домой попрощаться. Мы долго говорили о будущем, о судьбе этносоциологической науки в целом, в том числе в Кыргызстане. В конце разговора я собрался уходить и начал прощаться с ней. Леокадия Михайловна, став очень серьезной, говорит: «Абылабек, я уверена, что в будущем, если в таком же духе будешь продолжать работать, проводить исследования, ты будешь Чингизом Айтматовым в этнологической науке Кыргызстана. Я в этом вполне уверена!»

Конечно, Чингизом Айтматовым в этнологической науке я не стал и вряд ли смогу стать. Думаю, тогда она вдохновила меня на новые свершения в этносоциологической науке, чтобы я развивал это молодое направление в Кыргызстане, в свою очередь, готовил и выращивал молодых этносоциологов и, по мере возможностей, помогал своей стране.

Вдохновлять нас, в частности, меня, она продолжала и потом, когда мне перевалило за 60 лет. Последний раз я с ней встретился в 2017 г. в Центре межэтнических отношений Института социологии Академии наук Российской Федерации, которым она руководила. Когда я прибыл в назначенное время в Центр, Леокадия Михайловна, оказывается, собрала всех своих научных сотрудников, их было 8–9 человек. Она представила меня своим сотрудникам со словами: «Вот, знакомьтесь с моим учеником из Киргизии, Абылабеком Асанкановым, который превзошел меня». Я тут же ответил: «Что Вы, Леокадия Михайловна! Вряд ли кто-нибудь из Ваших учеников превзойдет Вас! Пока, на мой взгляд, на горизонте не вижу никого из Ваших учеников, превзошедших Вас, в том числе и себя». Я еще раз убедился в том, что она осталась непревзойденным Учителем с большой буквы, который превосходно умеет мотивировать и вдохновлять своих учеников на новые свершения в исследовании социальных и этнических процессов.

В Центре мы с Леокадией Михайловной и ее сотрудниками сидели и обсуждали более двух часов актуальные проблемы этнологии и этносоциологии как во всем мире, так и в России, и Кыргызстане. Встреча прошла очень эффективно и интересно, была взаимно обогащающей в информационном плане. К сожалению, эта встреча оказалась последней… Больше мы не увиделись. Болезнь, охватившая весь мир, унесла и ее. Она могла бы еще творить, писать, исследовать и воспитывать молодых ученых.

В конце хотел бы резюмировать о своем Учителе: я благодарен судьбе за то, что я стал учеником великой, умной, красивой женщины. Она определила мою будущую судьбу – судьбу в науке. Несмотря на все трудности, случившиеся в моей сложной, в то же время успешной жизни, я не поменял профессию научного исследователя на другую, более заманчивую. Я влюбился в науку Этнологию и Этносоциологию раз и навсегда. Это благодаря моему и многих других научному воспитателю – Леокадии Михайловне! Она, как одна из родоначальниц этносоциологической школы в СССР, в Российской Федерации, останется в наших сердцах навсегда.

Безусловно, она не одна формировала этносоциологическую школу в России. Рядом с ней стояли такие умные, образованные и талантливые ученые, прекрасные Учителя, заботящиеся о молодых научных кадрах, как Юрий Вартанович Арутюнян и Михаил Николаевич Губогло. Этот «триумвират» в этносоциологической науке вместе со своими молодыми коллегами-этносоциологами (А.И. Гинзбург, В.С. Кондратьев, И.А. Гришаев, В.Н. Шамшуров, А.А. Сусоколов, С.С. Савоскул, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, А.Д. Коростелев и др.) Отдела этносоциологических исследований и Центра межэтнических отношений Института этнологии и антропологии совершили своеобразную научную революцию – обосновали, сформировали и успешно развили этносоциологию, применив новые достижения, в том числе математику и информационные технологии в этнологической науке.

Памяти М.Н. Губогло

Ф.Г. Сафин

Ф.Г. Сафин, М.Н. Губогло

После распада Советского Союза состояние науки было тяжелым. Зарплата научных работников была мизерной. Постепенно шел отток научных кадров. Молодежь особо не желала заниматься наукой за такую зарплату. В этих условиях, обучаясь в аспирантуре МГУ, в ноябре 1992 г., по приглашению М.Н. Губогло, я перевелся в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН. В то время Михаил Николаевич работал над сборником «Этнополитическая мозаика Башкортостана». В июле того года Михаил Николаевич прибыл в Уфу для изучения этнополитической ситуации и в ходе которого выступил перед сотрудниками Отдела народов Урала и Музея археологии и этнографии УНЦ РАН, встретился с чиновниками в Президиуме Верховного Совета Республики с целью сбора материалов и документов для указанного сборника. Для Михаила Николаевича, независимо от ситуации, всегда было характерно оптимистическое выражение своей позиции. Вспомнился такой случай, когда я уже провожал Михаила Николаевича в аэропорт. К нам подходит такой солидный мужчина, лет 35, и обращается к Михаилу Николаевичу с просьбой передать печать его фирмы его друзьям в Москве, уточняя, что его в аэропорту встретят. В то время деятельность таких фирм общественностью воспринималась негативно и считалась криминальной. На просьбу мужчины Михаил Николаевич, с присущим ему юмором, спрашивает: «Вы бандит, да?». Тот мужчина, засмущавшись: «Да нет, Вы что?!». Михаил Николаевич ему: «А, нормальный человек! Тогда возьмем».

В начале сентября 1992 г. в Уфе проходили первые Валидовские чтения. За несколько дней до открытия конференции я позвонил Михаилу Николаевичу сказать, что я приеду к нему после конференции. Судя по Программе конференции, она носила масштабный характер. В разговоре Михаил Николаевич сказал, что на конференцию в Уфу полетит Светлана Михайловна Червонная, сотрудница Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА. При этом добавил: «Было бы хорошо, если б ты смог встретить ее в аэропорту». Я сказал, что встречу. «Но я ее ни разу ни видел, и как я ее узнаю, как она выглядит?». На

мой вопрос Михаил Николаевич ответил просто: «Фаиль, ты ее узнаешь из тысячи». Это был весь ответ. Ни я, ни Михаил Николаевич больше ничего не уточняли. Настал тот день, и ко времени прилета самолета я уже был в аэропорту и ждал рейс из Москвы. В то время зала прилета в аэропорту Уфы не было. Просто был чугунный забор, и пассажиров выпускали, открыв калитку. Как назло, в это время на выход шли пассажиры из двух прибывших рейсов – из Москвы и Тюмени, что усложняло мне «вычислить из тысячи» пассажиров Светлану Михайловну. Я внимательно наблюдаю за идущими на выход пассажирами, волнуясь, как бы не проморгать уважаемого профессора искусствоведения. Более того, день был довольно холодный и облачный для сентября, немного даже моросил дождь, что мешало вести наблюдение через забор. Смотрю, идет очень экстравагантная женщина, одета в куртку, лосины и с эффектной прической. На спине рюкзак, в одной руке сумка, в другой – чемодан на колесах. Думаю про себя, наверное, она. Подхожу и спрашиваю: «Вы – Светлана Михайловна?». В ответ: «Вы – Фаиль, да?»

В ноябре 1992 г. в Институте этнологии и антропологии проходила Международная научная конференция с участием зарубежных ученых. В это время велись переговоры о проведении этносоциологических исследований. Но «первой ласточкой» стал экспертный опрос этнополитической элиты в Башкирии и Татарии. Приехавшая на стажировку в Институт этнологии и антропологии РАН из Университета Эмори, штата Джорджия, США, Донн Джемисон обратилась к М.Н. Губогло за помощью – провести экспертный опрос элиты в двух республиках. Это был первый этносоциологический опрос с выборкой по сто респондентов-экспертов. Что интересно, выборка предполагала опрос высших руководителей республик, руководителей промышленных предприятий, лидеров и активистов национально-культурных организаций, редакторов республиканских газет и журналов и «новых» русских. В Башкортостане необходимо было опросить представителей трех многочисленных национальностей – русских, башкир и татар, а также руководителей национально-культурных центров и клубов, компактно проживающих в республике чувашей, марийцев, украинцев и удмуртов.

В Татарстане выборка предполагала опрос татарской и русской элиты, а также лидеров и активистов национально-культурных организаций. Помимо Казани, выборка предполагала опрос в г. Набережные Челны, втором по численности населения городе в республике, т.к. там активно работал Татарский общественный центр.

В течение трех недель опросы в двух республиках успешно были проведены, анкеты Татьяной Ивановной Губогло обработаны, и впоследствии мною были использованы в ряде моих работ. Данный экспертный опрос стал своего рода трамплином для последующих этносоциологических исследований, как в Башкортостане, так и в других регионах, не только в России, но и в других бывших союзных республиках.

Но первым масштабным этносоциологическим исследованием, проведенным в постсоветской России, стал проект «Язык, национальность и бывший Советский Союз», осуществленный в апреле 1993 г. Накануне Башкортостан с визитом посетила делегация во главе с М.Н. Губогло, в ее составе были: профессор Дэвид Лейтин (Чикагский университет), Джерри Хафф (Университет Дьюка) и Сьюзан Лейманн (Колумбийский университет). Ученые проводили встречи в Уфимском научном центре Российской академии наук, а также в Президиуме Верховного Совета Республики Башкортостан. В ходе встреч был обсужден вопрос о проведении этносоциологического исследования в Республике Башкортостан. Последнее широкомасштабное этносоциологическое исследование в Башкирии было проведено еще в 1986 г. под руководством В.В. Пименова. Проведение такого исследования по данному проекту в постсоветское время, тем более при участии зарубежных ученых, было реализовано впервые.

Переведенный с английского на русский язык «Вопросник», несмотря на профессиональный перевод, не совсем удачно воспринимался респондентами. В связи с этим, необходимо было адаптировать «Вопросник» к условиям полиэтничной Башкирии, имеющей в своем составе более 50% мусульманского населения. С этой целью была организована еще одна поездка в Башкортостан для пилотажного опроса, чтобы максимально адаптировать «Анкету» для респондентов разных национальностей. Уже по пути, в поезде, нам с Михаилом Николаевичем удалось опросить около 20 респондентов разной этнической принадлежности.

Прибыв сначала в Давлекановский район, мою родину, мы потом хотели поехать в Уфу на моем автомобиле. Но снежные заносы замели ворота перед гаражом. Каково было мое удивление, когда Михаил Николаевич лопатой, а местами и ломом, отбивал лед, очищая дорогу для выезда автомобиля. Для меня, выросшего в деревне, тем более бывшего десантника, было поразительно видеть, что профессор из Москвы так виртуозно махал попеременно лопатой и ломом, расчищая дорогу перед гаражом. Не могу не сказать и о таком моменте. Когда ехали в Уфу, перед выездом на трассу М7 при резком торможении закрутило машину, но мне удалось быстро вырулить на дорогу, а сам я незаметно смотрел на Михаила Николаевича. Он, как ни в чем не бывало, спокойно сидит и молчит. Я про себя думаю: «Ну, выдержка». А еще такой случай: провожаю в апреле того же года Михаила Николаевича в аэропорт. Выезжаю на обгон длинномера КамАЗа, а впереди дорога немного уходит влево. С краю левым колесом съезжаю на колею, вода из которой полностью забрызгивает лобовое стекло, и мне ничего не видно. Справа КамАЗ, слева – встречное движение. Я быстро включаю стеклоочиститель и, обгоняя машину, выруливаю на дорогу. Как в тот раз, бросаю взгляд на Михаила Николаевича. Снова вижу его невозмутимое лицо. Об этих опасных маневрах Михаил Николаевич никогда мне не напоминал, хотя впоследствии, вспоминая эти два случая, мне самому становилось жутко.

Приехав в Уфу, посетили Отдел Раиля Гумеровича Кузеева в музее археологии и этнографии. Работа в Уфе была организована таким образом: согласно плану Михаила Николаевича, необходимо было собрать «мозговой центр», состоящий из профессионалов разных национальностей, которые бы на себе испытали, как работают вопросы анкеты. Михаил Николаевич предполагал, что работу «мозгового центра» организуем в гостинице. Один из моих друзей, Рим Суфиянов, предложил нашу работу организовать в его квартире с тем, чтобы, не отвлекаясь, оперативно работать. Сам он закончил исторический факультет Башкирского государственного университета, работал вторым секретарем райкома комсомола. В то время уже стал предпринимателем и работал в системе «Башнефть». Для того времени он был как бы новоиспеченный «новый башкир». Тогда при многих промышленных предприятиях появились свои предприимчивые люди, которые организовали доставку импортных дефицитных товаров широкого потребления из-за рубежа. Вот такой работой занимался и наш друг Рим, который летал чартерным рейсом в Арабские Эмираты и привозил импортные товары. Мы дома, никуда не отлучаясь, подкреплялись, забыв, когда прошел обед или ужин, чтобы максимально сосредоточиться на работе. Впоследствии Михаил Николаевич часто интересовался Римом и передавал ему свое почтение за его гостеприимство и оказанное содействие, вспоминая, «как мы у него ложками ели черную икру». Участие профессиональных социологов, философов, историков разных национальностей позволило нам максимально адаптировать «Вопросник» к башкортостанской действительности с учетом национальных традиций и обычаев, чтобы в ходе опроса не возникало недопониманий, связанных с национальными чувствами респондентов. Данный вариант «Вопросника» впоследствии составил основу для опросов в других районах.

Для проведения опроса во второй половине апреля 1993 г. десант из Москвы, в составе Михаила Николаевича, Татьяны Ивановны Губогло, Ирины Алексеевны Субботиной, Любови Викторовны Остапенко прибыл в Уфу. Выборка представительная для городского

населения республики была разработана Ириной Субботиной. Моя задача состояла в организации опроса, в чем неоценимую помощь оказали сотрудники Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН под руководством Раиля Гумеровича Кузеева. Группы по несколько человек выехали в города Башкирии для проведения опроса на местах, который в течение нескольких дней был успешно завершен.

Вспомнился и такой случай: мы в машине с Михаилом Николаевичем и с Робертом Осборном ехали из Отдела народов Музея в гостиницу, на остановке стоит аспирантка Р.Г. Кузеева. Я остановился, кричу: «Быстрее садись в машину, довезем». Когда она села, я представляю ее сидящим в салоне: «Знакомьтесь, аспирантка Раиля Гумеровича». Михаил Николаевич также представляется: «Мы тоже аспиранты!». Таких интересных, веселых моментов из его повседневной жизни можно было бы привести достаточно много.

Опрос в течение двух недель был успешно проведен, обработка данных опроса была осуществлена Т.И. Губогло и стала достоянием сотрудников ЦИМО и ОНУ с МАЭ УНЦ РАН. Материалы данного опроса были использованы при написании нескольких кандидатских и докторских диссертаций. Аналогичный этносоциологический опрос по данному проекту был проведен и в Республике Татарстан. Но самым интересным и приятным было то, что по итогам опроса в марте 1994 г. в Чикагском университете при кафедре политологии профессором Дэвидом Лейтином был проведен научный семинар, в организации и проведении которого посчастливилось участвовать ряду ученых из Москвы, Уфы и Казани. Итоги научного семинара были опубликованы в специальном сборнике материалов «Язык и национализм в постсоветских республиках: По материалам международного симпозиума. 5–6 марта 1994 г.» (Чикаго. М., 1994).

Другим, не менее масштабным опросом под руководством М.Н. Губогло стал исследовательский проект «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России», проведенный в Башкирии в августе 1995 г., репрезентативный для всего населения республики. В ходе исследования было опрошено 2184 респондента, в том числе 824 русских, 472 башкир, 614 татар и 274 представителя других национальностей. Автор проекта – М.Н. Губогло, руководители исследования – Р.Г. Кузеев, Ф.Г. Сафин. Основные идеи опроса были направлены на изучение этносоциальных основ межэтнических отношений, а также адаптации населения к вызовам рыночной экономики в начальный период трансформационных процессов в республике.

В ноябре–декабре 1993 г., накануне выборов в Федеральное Собрание, в Башкортостане было проведено этнополитологическое исследование по проекту «Предвыборная и поствыборная ситуация в России», разработанному Джерри Хаффом (Университет Дьюка), Тимоти Колтоном (Гарвардский университет) и Сьюзен Лейманн (Колумбийский университет), М.Н. Губогло (Институт этнологии и антропологии РАН), с помощью Вопросника, в составлении которого принял участие и С.В. Туманов (МГУ). Проект финансировался несколькими фондами: Карнеги Корпорейшн (Нью-Йорк), Д. и К. МакАртуров (Чикаго), National Science Foundation (Вашингтон), Фондом Брекинг и некоторыми другими. Одновременно с Башкортостаном по 1 тыс. чел. было опрошено в остальных национальных республиках России, в 34 областях и краях, а также в Москве, Санкт-Петербурге и Новокузнецке.

Опросы в республиках проводились под руководством М.Н. Губогло. В мае 1996 г. совместно с учеными из США в МГУ была проведена Международная научная конференция, в которой приняли участие и представители национальных республик.

В том же 1996 г. в Башкортостане был проведен более развернутый опрос политической и творческой элиты, поддерживаемый фондом Горбачева. Проект «Урегулирование и предотвращение межэтнических конфликтов» был разработан М.Н. Губогло. Результаты исследования позволяли раскрыть многогранные проблемы социального развития

титульного, русского и других народов республики на заре становления рыночной экономики, а также изучить социальное самочувствие населения в разрезе этнических групп, выявить политические и экономические амбиции представителей титульного этноса в борьбе за власть и доступ к материальным ресурсам путем проведения языковой реформы.

Возможность более углубленного изучения социальных основ этнокультурного и этнополитического поведения молодежи в многонациональном мегаполисе дали результаты этнополитологического исследования «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование», осуществленного в марте 1997 г. в г. Уфа под руководством М.Н. Губогло (куратор исследования – Ф.Г. Сафин). В ходе исследования было опрошено 1134 респондента в возрасте 17–20 лет, в том числе 473 русских, 346 татар, 309 башкир и др. Результаты опроса показали, что молодежь титульного этноса более национально ангажирована, чем представители других этнических групп, что ярко проявилось в аудиториях национальных гимназий, с преобладающим контингентом молодежи титульной национальности.

Накануне проведения II Конгресса антропологов и этнологов России, в Уфе, под руководством М.Н. Губогло и Р.Г. Кузеева проводился научный семинар, посвященный межэтническим отношениям в Башкортостане. По результатам семинара была издана книга «Ресурсы мобилизованной этничности», которая стала своего рода «красной тряпкой» для тогдашнего руководства и этнических мобилизаторов.

Тогда мы с Михаилом Николаевичем посетили Администрацию Президента Республики Башкортостан, были на приеме у заведующего отделом А.М. Юлдашбаева. В это время хозяин кабинета со шкафа достал книгу Заки Валидова «Воспоминания» («Хатирэлэр»), переведенную на русский язык. Михаил Николаевич взял книгу в руки, прочитав несколько абзацев, произнес: «Не совсем удачный перевод, вот первое предложение на турецком языке звучит так… – и озвучил по-турецки его содержание. – А в данном издании получился не совсем правильный перевод». При этом спросил: «Кто автор перевода этого издания?». Хозяин кабинета тихо ответил: «Я». Установилась на несколько секунд гробовая тишина, которую прерывали некоторые стуки под столом. Затем Михаил Николаевич добавил: «Да, проделана огромная работа, надо Вам отдать должное за столь скрупулезную работу». Когда мы вышли на улицу, он мне говорит: «Фаиль, что ты меня не предупредил, что он является автором перевода этой книги?». Я в ответ: «Я пытался под столом вам дать знать, но там была перегородка, не смог до ваших ног дотянуться (допинаться)». Мы оба дружно посмеялись, но пару раз об этом случае вспоминали.

Другим немаловажным исследованием стал проект «Электрокардиограмма (ЭКГ) толерантности и солидарности» (авторы проекта – М.Н. Губогло, С.К. Бондырева, Ф.Г. Сафин, С.К. Смирнова, В.А. Тишков), в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)» был реализован в мае 2002 г. Руководитель по Башкортостану – Ф.Г. Сафин. Было опрошено 1229 человек, в том числе 434 русских, 315 башкир, 413 татар и 67 представителей других национальностей в гг. Уфа, Стерлитамак, Салават, Кумертау, Белорецк Нефтекамск, Октябрьский, с. Давлеканово, а также Стерлитамакском, Куюргазинском, Белорецком, Альшеевском, Краснокамском и Туймазинском районах.

Важнейшей составной частью этносоциологических исследований, проведенных в Башкортостане с 1993 по 2014 гг., является то, что в них, помимо сквозного блока вопросов, фиксирующих, так называемые, анкетные данные (пол, возраст, образование, семейное положение, профессия, род занятий и т. п.), были предусмотрены тематически специализированные группы вопросов, в том числе особый блок вопросов по языку («языковой блок»), поскольку в Башкортостане остро стоял и до сих остается сложным языковой вопрос. Принятый в феврале 1999 г. Закон «О языках народов Республики Башкортостан»

определил в качестве государственных башкирский и русский языки. В то же время, татарское население (составляющее более 1 млн 300 тыс. человек) было лишено такого права. Такой факт ставит перед органами государственной власти республики вопрос о необходимости придания аналогичного статуса и татарскому языку. Видимо, с учетом сложившейся ситуации в республике по языковой проблеме, Михаил Николаевич всегда с трепетом относился к данному вопросу.

В конце 1990-х годов во вновь образованном Центре этнологических исследований Уфимского научного центра, под руководством член-корреспондента РАН, академика АН РБ Р.Г. Кузеева по инициативе М.Н. Губогло был создан Отдел этносоциологии и этнополитологии. Сотрудники отдела принимали участие в проведении всех вышеотмеченных этносоциологических исследований, осуществленных Институтом этнологии и антропологии, под руководством М.Н. Губогло, а также Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. Возглавлял отдел этносоциологии бывший аспирант Института этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая РАН, ученик профессора М.Н. Губогло, Ф.Г. Сафин.

Отдел постепенно расширялся, через аспирантуру отдела прошли обучение молодые этносоциологи А.В. Валеев, А.И. Тузбеков, А.И. Халиулина (Фатхутдинова), Л.Г. Хуснутдинова, С.С. Алексеенко, С.Р. Абрамова, докторантуру – Э.А. Мухтасарова и И.В. Кучумов (отв. ред. перевода с французского Б.Э. Нольде «Формирование российской империи»).

Вспоминается случай, когда молодой Р.Р. Галлямов (ныне доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой) приехал поступать в докторантуру Института этнологии и антропологии РАН. Выступая перед Ученым советом, он проговорился, что будет «открывать» новое направление в науке «урбаноэтносоциологию». Такое заявление Рушана Галлямова привело членов Ученого совета в некоторое замешательство. Ситуацию в какой-то степени смягчило выступление М.Н. Губогло, отметившего, что молодой человек «пошутил» с новым направлением. Спустя несколько лет, как-то звонит Михаил Николаевич и говорит, что готовится сборник статей, посвященный юбилейной дате первого этносоциологического исследования в России. В связи с этим событием было бы хорошо, если б из Башкортостана включили пару статей. «Можно даже больше, тем более “отец урбаноэтносоциологии” проживает в Уфе» (имеет в виду Рушана Галлямова), – как всегда с юмором отметил Михаил Николаевич. С тех пор мы профессора Р.Р. Галлямова между собой называем «отцом урбаноэтносоциологии».

В рамках Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (руководитель Сети – академик В.А. Тишков) с.н.с. И.М. Габдрафиковым было проведено множество исследований, посвященных этносоциальным, этнодемографическим, этноязыковым и миграционным процессам в Республике Башкортостан и в Урало-Поволжском регионе.

Молодыми сотрудниками отдела (А.И. Фатхутдинова (Халиулина), С.С. Алексеенко) в рамках исследовательского проекта по гранту РГНФ в январе 2014 г. был проведен этносоциологический опрос на тему «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность». Выборка исследования, репрезентативная для всего населения республики, составила 1000 чел. Методика разработки выборки для многонациональных регионов мною была скрупулезно освоена под руководством Ирины Алексеевны Субботиной и Любови Викторовны Остапенко в ЦИМО ИЭА.

В рамках исследовательского проекта «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» в феврале 2014 г. был проведен этносоциологический опрос среди молодежи г. Уфы. Проект подготовлен д.и.н., проф. Ф.Г. Сафиным и к.и.н. А.И. Фатхутдиновой. Руководители исследования – к.и.н., н.с. А.И. Фатхутдинова, С.С. Алексеенко. Было опрошено свыше 600 респондентов. Результаты исследования были обработаны Е.М. Губогло. По результатам опросов было издано несколько сборников статей, а также подготовлены диссертации С.С. Алексеенко, С.Р. Абрамовой и Е.Н. Сабировой.

Материалы всех этих исследований были обработаны Татьяной Ивановной и Еленой Губогло. Пользуясь случаем, хотел бы от имени участников проекта выразить им сердечную признательность за помощь и содействие в обработке результатов опроса.

Тот опыт и та база, которые формировались в ходе нескольких широкомасштабных этносоциологических исследований, способствовали развитию этносоциологической школы в рамках Института этнологических исследований УФИЦ РАН.

Следует отметить, что в формировании этносоциологической школы в Башкирии заметный след оставила Л.М. Дробижева. В конце 1990-х годов в рамках международного исследовательского проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (автор проекта – Л.М. Дробижева), наряду с Республиками Татарстан и Саха (Якутией), был проведен опрос в Оренбургской области и в Республике Башкортостан. Результаты опроса позволили исследовать социально-профессиональную структуру и этносоциальную стратификацию населения Башкортостана в переходный к рыночным отношениям период и их основополагающие индикаторы.

Эти проекты, осуществленные основоположниками этносоциологии, во многом способствовали становлению и развитию этносоциологической школы не только в Башкортостане, но и во всей Российской Федерации в постсоветский период.

Мне, как аспиранту и впоследствии докторанту Института этнологии и антропологии РАН, приехавшему из периферии, посчастливилось учиться и работать совместно с такими корифеями отечественной этносоциологической школы как М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева и Ю.В. Арутюнян. Их повседневная помощь в теоретико-методологическом познании основ этносоциологии оказала непосредственное влияние на мое становление как ученого. Всем тонкостям этносоциологии, ее инструментария я учился у Любови Викторовны Остапенко и Ирины Алексеевны Субботиной. Для нас всех родным был кабинет «1926», где со мной рядом были они, всегда оказывая мне поддержку и помощь, в том числе при написании двух диссертаций (кандидатской и докторской). Спустя почти 30 лет я продолжаю с удовольствием и благодарностью вспоминать годы моей учебы в Институте этнологии и антропологии РАН и все тех, кто был со мной рядом.

Я поступил в аспирантуру относительно поздно, имея за плечами работу на производстве, армейскую десантную закалку, студенческие строительные отряды, директорство в школе. Встреча с Михаилом Николаевичем и аспирантские, и докторантские годы, проведенные в Институте этнологии и антропологии РАН, в корне изменили мои жизненные позиции и ценности. В эти годы в моей личной жизни произошли события, очень тяжелые психологически. Накануне защиты докторской диссертации трагически погиб мой старший брат, а в год поступления в аспирантуру умер отец, участник Великой Отечественной войны. И в это тяжелое время Михаил Николаевич стал для меня и отцом, и братом, всегда оказывающим и помощь, и поддержку во всех моих начинаниях. В течение всего периода, до его ухода из жизни, я всегда был с ним на связи и с огромным удовольствием принимал участие во всех проводимых им научных мероприятиях и периодически организуемых Конгрессах антропологов и этнологов России, которые всегда объединяли коллег по перу. Уход из жизни Юрика Вартановича Арутюняна, Михаила Николаевича Губогло, Леокадии Михайловны Дробижевой для нас всех стал невосполнимой утратой. Они ушли с небольшой разницей во времени. С ними ушло целое поколение, поколение, которое нам открыло бескрайние просторы в этносоциологии для дальнейших творческих поисков. Несмотря на пандемию и всеобщий запрет на передвижение, я посчитал своим долгом присутствовать и проводить в последний путь моих легендарных учителей. Их имена, их яркий образ мы, ученики, всегда будем помнить и равняться на их творчество.

Жизнь прекрасна, друзья!

Н.А. Дубова

Н.А. Дубова и М.Н. Губогло

Михаил Николаевич Губогло начал работать в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) всего на 5 лет раньше, чем меня «распределили» в этот научный центр. Небольшая разница была и в том, что он в тот год заканчивал подготовку своей кандидатской диссертации, а меня в 1971 г., сразу по окончании кафедры антропологии Биологического факультета МГУ, приняли на работу в качестве старшего научно-технического сотрудника (как тогда называли лаборантов) отдела антропологии в помощь к Валерию Павловичу Алексееву, только недавно защитившему докторскую диссертацию. Наши области деятельности и изучаемые регионы были совсем разные: антропологи обсуждали свои проблемы в своем сообществе, а этнографы и этносоциологи – в своем. Поэтому, конечно, на первых порах общения просто не было. Или оно было минимальным – на общеинститутских собраниях, обсуждениях и, конечно, праздниках. Скажу честно, в 1970–1980-е годы Институт был богат выдающимися личностями: и по вкладу в науку, и в человеческом отношении. Но совсем не заметить такую яркую фигуру, какой был Михаил Николаевич, было нельзя.

В конце 1960-х годов, по инициативе Ю.В. Арутюняна, активно поддержанной директором Ю.В. Бромлеем, в Институте этнографии стало активно развиваться новое направление – этносоциология. Был создан сектор конкретно-социологических исследований. Собственно, юбилею этого важного события и посвящено данное издание. Но мне довелось быть свидетелем процесса лишь со стороны. В развитие именно этой области знания и включился М.Н. Губогло. Не могу сказать, что весь коллектив Института безоговорочно поддерживал новацию. Большинство все же воспринимали это достаточно критически, отмечая ее формализованность и далеко не полный учет всех возможных факторов, которые влияют на развитие национальных культур. Многие полагали, что традиционные методы включенного наблюдения, глубокие интервью могут дать значительно больше для понимания путей исторического процесса, чем выбор одного или даже двух-трех ответов на так или иначе сформулированные вопросы анкет. Но массовые опросы населения, при правильным образом организованной выборке опрашиваемых, давали возможность получить значительно более разнообразную и сравнимую в разных группах картину. Усилиями Юрика Вартановича Арутюняна, Михаила Николаевича Губогло, Леокадии Михайловны Дробижевой и целого ряда их коллег, имена которых будут, думаю, не раз упомянуты в этой книге, составлялись специальные программы, анкеты, по которым были опрошены десятки тысяч человек практически во всех регионах СССР. Появившиеся электронно-счетные машины (которые тогда, к слову сказать, занимали огромные комнаты) давали

возможность провести обсчеты больших массивов данных. Постепенно и отношение к подобного рода сведениям и выводам, сделанным на их основе, стало более уважительным. Мне думается, что немалую роль в этом сыграли и серьезные этнографические познания как М.Н. Губогло, так Людмилы Александровны Тульцевой, Любови Викторовны Остапенко, Сергея Сергеевича Савоскула, Веры Константиновны Мальковой. Все они окончили кафедру этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Михаил Николаевич и Людмила Александровна защитили кандидатские диссертации именно по этнографическим темам. Позднее Л.А. Тульцева полностью переключилась на изучение этнографии русского народа, а М.Н. Губогло сохранил на всю жизнь увлеченность традиционной культурой гагаузов и посвятил тюркологии немало своих трудов.

Кроме этносоциологии в 1980-е годы в Институте стала все активнее развиваться новая тематика, обусловленная требованиями времени – изучение межнациональных отношений. В этом направлении социологические методы сбора и анализа данных оказались просто необходимы. Постановлением Секции общественных наук Президиума АН СССР в 1987 г. был создан Центр по изучению межнациональных отношений – ЦИМО, ставший впоследствии наследником и преемником Отдела этносоциологии. Этот дружный коллектив, душой и руководителем которого с момента создания до последних дней своей жизни был Михаил Николаевич, координировал научно-исследовательскую деятельность в области межнациональных отношений фактически в масштабах всего Советского Союза, проводил свои оригинальные масштабные разработки в разных регионах страны, являлся организатором и издателем нескольких многотомных серий, включая более 100 томов «Современных национальных движений в СССР и на постсоветском пространстве», десятитомное издание «Курсом развивающейся Молдовы» и восьмитомный «Феномен Удмуртии».

Безусловно, были и сотни статей, индивидуальных и коллективных монографий (включая тома «Молдаване» (2010) и «Гагаузы» (2011) в серии «Народы и культуры» и их расширенные версии «Гагаузы в мире и мир гагаузов» (2 тома, 2012)), публикация материалов конференций, тематические сборники, обзору которых можно посвятить специальное исследование. Это «научное богатство», а надо сказать, что первые тома в этой серии, посвященные национальным движениям в различных уголках некогда единой страны, содержат уникальные первичные материалы: уставные документы этих организаций, листовки, обращения к населению. Оригиналы большинства подобных документов не сохранились. А то, что усилиями и самого Михаила Николаевича, его друзей и коллег, было собрано тогда, в бурные 1990-е годы, дает уникальную возможность представить и проанализировать широкую панораму пробуждения, активизации национального самосознания на постсоветском пространстве.

Особенностью М.Н. Губогло было то, что он, как и его старший коллега, вдохновитель и организатор этносоциологического направления Ю.В. Арутюнян, умел привлечь в коллектив, работающий над определенной проблемой, широкий круг специалистов из разных учреждений, находящихся, в том числе, и в разных регионах как СССР, а затем СНГ, так и России.

Именно в процессе этой работы Михаил Николаевич и обратился ко мне, т. к. начиная с середины 1990-х годов, мне довелось осуществлять небольшую издательскую деятельность, включая позднее создание с коллегами ООО «Старый сад». Причем основной моей целью было не получение за этот счет прибыли, а нахождение способов оптимальной (в отношении цены-качества и быстроты) публикации книг. Сейчас, увы, я уже не вспомню ту первую книгу, которую помогла издать М.Н. Губогло, но ряд томов из упомянутых серий мы составляли, редактировали вместе с ним, с авторами, редакторами тех томов. С ним вместе подыскивали оригинальные изображения для обложек. Тут не могу не сказать, как Михаил Николаевич тщательно продумывал многие детали. Писал он очень быстро, эмоционально и, как и многие другие люди с гуманитарным образованием, много. Он мог

в одной и той же работе по-разному оформить ссылки, сноски и допустить орфографические огрехи. Это все с успехом исправлялось редакторами. Но всегда его работы были написаны очень ярким, живым языком, с глубоким знанием предмета, всех доступных источников и публикаций, имевших отношение к проблеме. И всегда он понимал, что важно особым образом выделить обложку, на которую читатель, даже не прочитав название книги, будет обращать внимание. Например, немало сил он потратил, чтобы найти удовлетворяющую его фотографию памятника 1000-летию России для своей монографии «Идентификация идентичности» (2003), которой он хотел подчеркнуть объединительную роль политики Российского государства для создания единой государственной идентичности при сохранении специфики существующих: этнической, конфессиональной, гендерной, региональной, политической, профессиональной, имущественной и ряда других идентичностей. Или подбор фотографии для обложки к книге «Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века)» (2004), акцентом которой является не только русский язык, что указано в названии книги, а православный собор Св. Иоанна Крестителя в столице Гагаузии – г. Комрате. Как мне представляется, Михаилу Николаевичу очень нравились яркие, красивые произведения, обязательно вызывающие какие-либо положительные эмоции. Свидетельством этого, например, могут быть принятые в серии «Курсом развивающейся Молдовы» варианты оформления обложек с гордостью Молдавии – разнообразными, но всегда пронизанными солнцем и аппетитными гроздьями винограда.

В Михаиле Николаевиче привлекало то, что к любому факту, явлению, к каждой ситуации он подходил не формально, а творчески. Даже обычное обеденное чаепитие в комнате ЦИМО, на 19 этаже «в башне» нашего здания, почти всегда превращалось в интереснейший разговор о текущих делах, политике. Оно нередко бывало наполнено богатейшими, яркими картинками из экспедиций, а также этнографическими очерками о культуре тех народов, среди которых имели счастье работать присутствовавшие. А поскольку круг общения у самого руководителя центра и его сотрудников был очень широк, а опыт полевой работы богат, можно было узнать немало по истории, этнографии и народов Поволжья, и Средней Азии, и Кавказа, и Вьетнама, и Русского Севера, и Молдавии, и Турции, и США, конечно же, Гагаузии, и еще многих других частей света. Нередко именно в таких беседах рождались идеи новых проектов, обсуждались пути проведения конференций, определение подходов к решению каких-то проблем. Сейчас так недостает этих чаепитий, разговоров, особенно после «эпохи изоляции»…

Приведу еще пример, связанный с 70-летним юбилеем М.Н. Губогло. В нем, думается, прекрасно видно, что исследователь всегда остается исследователем. Та или иная дата в жизни специалиста отмечается разными способами. Нередко это подготовка сборника, в котором участвуют все, кто ценит и уважает вклад юбиляра в науку. Бывает так, что празднование ограничивается докладом на Ученом Совете, в котором ученому дается возможность подвести промежуточные итоги своей работы. По случаю юбилеев некоторых ученых проводятся, иногда с размахом, большие конференции. В Институте этнологии и антропологии РАН существовали все подобные варианты. Михаил Николаевич всячески избегал проведения любого из мероприятий, в том числе и по той причине, что реальный его день рождения не совпадал с указанным в паспорте (он был на полгода ранее), но все же коллегам удалось уговорить его и он сделал обстоятельный доклад на заседании Ученого совета ИЭА РАН в 2008 г. Так вот, этот доклад, его направленность мне очень запомнились. Михаил Николаевич, конечно, кратко рассказал свою биографию (где родился, кто его родители, какие были перипетии судьбы), но это был не просто рассказ о прожитых годах. Он подошел и к описанию мест, где провел детство, юношеские и зрелые годы, и к процессам, свидетелем которых был (в том числе депортации своих родных вместе с другими тысячами гагаузов в Сибирь), как этнограф. Несмотря на то, что он был тогда

еще подростком, школьником, в его памяти осталось очень много деталей, которые в изложении юбиляра слагались фактически не просто в биографические заметки, а в краткое научное исследование. Позднее он записал все свои воспоминания и опубликовал их в двух томах, назвав в своем стиле очень красочно и точно: «Сполохи прошлого. Автобиографические затеси» (2008) и «Сполохи прошлого – блики будущего. Автобиографические затеси» (2013).

Вклад Михаила Николаевича Губогло в становление и развитие отечественной этносоциологии, в тюркологию, конкретно в гагаузоведение, в изучение межнациональных отношений, в принятие российских законов о национально-культурной автономии, в подготовку специалистов по этнологии, этнографии в Гагаузии и еще во многие другие направления знания очень значим. Об этом уже написано и, уверена, будет еще написано немало. Мне же хотелось подчеркнуть тот факт, что Михаил Николаевич, делая любое дело с душой, пропуская его через свое сердце, осуществляя его, всегда создавал вокруг праздничную, можно сказать, солнечную атмосферу. Будучи в то же время весьма требовательным как к себе, так и к коллегам. Это касается не только его многочисленных печатных работ, выступлений на всевозможных съездах и конференциях, рассказов о проведенных экспедициях, о поездках в разные страны мира, обсуждений трудов сотрудников, участия в формулировке важных государственных документов и всех других дел, включая домашние заботы. Благодаря глубоким знаниям во многих областях, богатой эрудиции и, конечно же, широте души, круг его знакомых и друзей был весьма велик. Причем, хотела бы особо подчеркнуть, что Михаил Николаевич очень ценил и умел хранить дружбу. Примеры этому – его не очень регулярные, ввиду занятости, но длившиеся всю жизнь, теплые отношения с одноклассниками и однокурсниками, уважительная, подчеркивавшая значимость научного вклада поддержка коллег старшего поколения. Нельзя не отметить теплую и дружескую атмосферу, которую М.Н. Губогло создал в основанном им ЦИМО. Михаил Николаевич, прекрасно зная всех участников, умело руководил дискуссиями, иногда приобретавшими формы настоящих научных баталий, предоставляя слово или, наоборот, «отодвигая» выступление на более позднее время, всегда привнося в них свою оригинальную струю, а часто и разрежая ситуацию. Но все такие обсуждения неизменно несли элементы позитивного восприятия событий, способствовали не разобщению, а объединению в один коллектив всех участников.

М.Н. Губогло, М.Ю. Мартынова. Комрат, 2018 г.

Михаил Николаевич не только сам жил, радуясь всем мгновениям жизни, какие бы тяжелые перипетии не доставались на его долю, но и убеждая других в том, что жизнь прекрасна.

Эта моя заметка совсем не претендует на даже приближение к описанию жизненного пути выдающегося ученого. Это лишь отдельные, в той или иной степени яркие картины из жизни, которые, возможно, будут интересны и другим коллегам, но с улыбкой были бы встречены самим Михаилом Николаевичем Губогло.

Социолог-миротворец Леокадия Дробижева и Якутия

У.А. Винокурова

Наука строится на идеях, на профессиональных отношениях, перерастающих в долголетнюю дружбу. Наука как любовь – передается от большого умного сердца к открытому сердцу, ищущему ответ на волнующие вопросы.

Леокадию Михайловну я встретила как раз в такой момент жизни. Помню первую встречу ранней весной на 18-м этаже Института этнографии в Москве. Время было перестроечное. Я участвовала в жаркой конференции по межнациональным отношениям, организованной АОН ЦК КПСС. Прибалтийские ораторы настаивали на выходе из СССР без каких-либо условий отделения. Мне же такой уход представлялся несправедливым: сколько общих ресурсов вложено в прибалтийские республики – и все остается у них, а мы, северяне, как были нищими, так и останемся? С такими мыслями я обратилась к Леокадии Михайловне, изучавшей этносоциальные процессы в Прибалтике. Сегодня я не помню приведенные ею тогда доводы, помню, что в душе я не согласилась с ними, но поняла, что нам, в Якутии, тоже надо ставить вопросы экономической самостоятельности. Леокадия Михайловна вызвала у меня чувство доверия и симпатии еще и тем, что придерживалась здорового образа жизни. В свой разгрузочный день, который как раз пришелся на момент нашей встречи, она, пригласив меня в столовую и угостив чаем, сама съела лишь яблоко, запив его водой. Уважаю волевых, умных, обаятельных женщин.

Близкое же знакомство состоялось, когда я стала докторантом РАГС и устроилась в общежитии на проспекте Вернадского, 84 – недалеко от места жительства Леокадии Михайловны. Она выделила мне кастрюлю, разную посуду, чтоб я не тратилась на обустройство, приглашала к себе домой, и мы говорили о межнациональной ситуации.

Инструменты социологических исследований позволяют держать «руку на пульсе» и аргументировать свои предложения и выводы. Одним из таких масштабных исследований было сравнительное социологическое исследование в Татарстане, Башкортостане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии – Алании в 1994, 1996–1997 и 1998–1999 гг. по теме: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов». Опрашивали по 1000 человек, а карта интервью была составлена на русском и родном государственном языке жителя соответствующей республики.

Помимо массовых опросов, было проведено 230 глубинных интервью с лидерами и специалистами. Уникальное издание «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой», изданное в 1996 г., не имеет аналогов в социологии и содержит исторический срез голосов элит в сложный период трансформации России.

В конце апреля 1994 г. Леокадия Михайловна впервые прилетела в Якутск, привезла программу исследования и тираж анкет. Надо сказать, что это было интереснейшее время в общественном развитии нашей республики. В 1992 г., был зарегистрирован Конгресс народа саха, в апреле создается новое общественное движение – Ассамблея народов Якутии, опередив российскую практику на полгода-год. Это было время исканий, бурного общественного строительства, столкновения мнений, поразительного по своей новизне ощущения того, как спадали идеологические шоры и рушились запреты.

30 апреля мы долго обсуждали план действий, и к 11 часам вечера я пошла пешком домой, взяв с собой пачки анкет. Утром я должна была улетать в Среднеколымск, чтобы побывать на золотой свадьбе родителей и провести опрос. К сожалению, тяжелая сумка привлекла внимание нехорошего человека: я не хотела отдавать ее, кричала, он ударил меня, выхватил сумку и побежал. А в это время как раз проезжал УАЗ с тремя полковни-

ками милиции, которые тут же выскочили из машины, побежали за ним и, конечно, схватили. Ночь прошла в дознаниях, утром я с огромным синяком на лице улетела на семейный праздник. Так стартовал этот масштабный научный проект, который позднее был успешно завершен при участии моих коллег, учеников Леокадии Михайловны – А. Бравина, Э. Яковлевой, И. Спиридоновой.

Дискуссии по составлению карты интервью, согласованию используемых в нем операциональных понятий, поиск близких пониманию участников этих дискуссий интерпретаций и смыслов, выработка общего научного языка, в том числе с зарубежными коллегами. Затем проектирование выборок, расчет корреляционных взаимосвязей, индикаторов, формулирование гипотез; организация опроса на местах, подбор респондентов и экспертов; финансирование столь масштабного проекта, имеющего международных партнеров и экспертов, и руководство им … Это была настоящая академическая школа российской этносоциологии.

В ходе этих подготовительных процедур настолько отшлифовывался план исследования, что, когда начиналась полевая часть работы, зачастую сбор первичной информации шел без особых трудностей для исполнителей. Но мы – свидетели, какого труда эта атмосфера налаженности на полевом этапе стоила Леокадии Михайловне на этапе подготовительном, теоретическом! Это и есть проявление ее высочайшего профессионализма.

Сегодня я с благодарностью вспоминаю один из таких уроков профессионализма, преподанных ею нам, нескольким участникам конференции, организованной Международной Ассоциацией преподавателей русского языка на Гавайях. Наша группа состояла из участников проекта – Роза Мусина из Татарстана, Зоя Анайбан из Тувы, Галина Солдатова из Москвы. Сначала мы посетили университеты Стэнфорд и Беркли в Калифорнии, общались с коллегами и студентами. Там меня поразили великолепные, обширные зеленые газоны со скульптурами Родена, и студенты, занимающиеся в этих райских условиях. Уже в Гонолулу к нам присоединились Лев Гудков и Галина Старовойтова, с которой довелось вместе жить в одном номере. Помню, как интересно было знакомиться с ее интерпретацией происходящего в мире и в нашей стране. Я старалась ей внушить разницу между словами «Россия» и «Российская Федерация» и, что для нас крайне важно, не забывать про федерацию. Она соглашалась, что забывалась в дискуссиях.

В программе конференции не было предусмотрено времени на экскурсии, на пляж, на экзотику Гавайев – пальмы, пингвины, гавайские гитары, океан, пляж, японские молодожены, дворец последней королевы Гавайев Лилиуокалани. Мне, впервые в жизни, посетившей такое райское место в декабре 1992 г., невозможно было усидеть в темном зале с кондиционерами. И мы вместе с Розой Мусиной сбежали посмотреть остров, познакомиться с жизнью обычных гавайцев…

После возвращения беглянок Леокадия Михайловна ничего не сказала в их адрес, но я до сих пор вспоминаю осуждение в ее умных карих глазах.

Сразу после Гавайев, в течение двух суток, я оказалась на заполярной Колыме и выиграла первые демократические выборы во вновь созданное Государственное Собрание (Ил Тумен) Республики Саха (Якутия). Тогда я осознала: насколько мала наша планета и как важно ее знать и любить. И с тех пор, когда мы у себя организовываем подобные конференции с приглашением участников издалека, обязательно предусматриваем время для ознакомления с местными достопримечательностями и жизнью людей.

Материалы нашего совместного сравнительного исследования легли в основу моей докторской диссертации, но кафедра акмеологии и социальной психологии, состоящая преимущественно из преподавателей бывшей АОН ЦК КПСС, мой текст раскритиковала в пух и прах, сочла, что он не подходит под социальную психологию, ведь все, что я написала и защищала в своей работе, совсем не соответствовало их взглядам. Леокадию

Михайловну такой вердикт не остановил, и она попросила В.А. Ядова, председателя диссертационного совета по социологии в Институте социологии, принять мою работу к защите. Владимира Александровича я знала еще со времен подготовки моей кандидатской диссертации в Ленинградском университете, его теория диспозиционной иерархии ценностей была для меня ключевой в докторской диссертации по теме «Формирование и изменение ценностного сознания народов Якутии». Так, почти все участники того большого, сдружившего нас проекта в разное время защитили докторские диссертации и пополнили команду российских этносоциологов.

В то время мы проводили масштабные лонгитюдные исследования в основном на средства зарубежных фондов. Это напрягало некоторых коллег. К тому же девальвация постулатов советского идеологизированного обществоведения выбила привычные теоретические конструкции, взамен началось повальное увлечение зарубежными теориями и терминами, раскалывая и без того немногочисленное социологическое сообщество. Мы много дебатировали на конференциях в стране и за рубежом, особенно плотно общались с американскими коллегами. Несмотря на языковой барьер, Леокадия Михайловна достойно и честно вела нашу команду партнеров, никогда не опускала планку науки до уровня идеологических догм и ожиданий.

Вашингтон, Университет Джорджтаун, участники проекта фонда Мак-Артуров во время приема у четы Мандельштам-Балзер, май, 1999 г.

Поэтому сейчас, когда огульно на российских ученых и журналистов навешивают ярлык иноагентов, поражаюсь глупости этих ретивых служак, не представлявших, что можно быть одновременно и ученым, и гражданином своей страны в равных коммуникациях с представителями зарубежной науки и общественности. Ведь для них важно в их ретивости увидеть лишь сам факт общения с иностранными учеными. И в то же время, они предпочитают не замечать, что именно в таком живом и непосредственном деловом общении и дискуссиях, при непосредственном ознакомлении с постулатами самых различных теорий и подходов, бытующих в научном мире, в обоюдной критике, мы учились отделять «зерна от плевел», накапливали ценнейший опыт защиты своих научных принципов и оттачивали мастерство участия в научных дебатах. Только Мыслетворцы и ученые, имеющие свое достойное Лицо, могут быть интересны в диалоге наук. Не слышала, чтоб настоящие российские ученые за рубежом плохо отзывались о родине и ее трудностях. И я так не делаю, наоборот, даже излишне превращаюсь в патриота, хотя дома часто оппонирую нашим руководителям по многим вопросам управления страной и ее народами.

Леокадия Михайловна умела показать человека с лучшей и полезной стороны саморазвития. Моя слабая/сильная сторона – коренной ученый, т.е. научная и практическая деятельность в интересах своих народов слилась воедино, что мешает академизму и достоверности. Я не могла принять идею мультикультурализма в российской действительности,

я ее опасаюсь, как кривое зеркало неоколониализма, и всячески сопротивлялась его введению даже в научный оборот, не только в правовые документы. Леокадия Михайловна с интересом отнеслась к использованию мной понятия «глокалитет» в контексте отношений «центр-периферия».

Помню, как 11 декабря 1994 года перед коллективом и слушателями РАГС выступил В.С. Черномырдин, который и рассказал нам о том, что «вчера российские войска бомбили Грозный». Причина, как он выразился, была в том, что детям и пенсионерам вовремя не выдают пособия и им не хватает витаминов. В таком нарастающем потоке межнациональной напряженности крепла моя приверженность убеждениям Леокадии Михайловны. Я чувствовала, как ей трудно осмысливать происходящие события, оставаясь только на академических позициях и в русле толерантного влияния на развитие реальной политики. Тема Чечни надолго стала одной из самых острых и трудных в общении с зарубежными коллегами.

25–26 июня 1995 года в г. Якутске прошла одна из основных международных конференций Года толерантности в мире. Этот новый термин наши активисты понимали поразному. Были и те, кто был против организации этой конференции в Якутске, считая, что не нужно предоставлять столь представительную площадку для тех, кто хотел бы «стреножить» процесс национального самоопределения. Приехал весь цвет ученых в этой сфере: В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, Клара Халлик из Эстонии… Мы организовали прием у меня дома, т.к. это был знаковый приезд Леокадии Михайловны в Якутск. Время было трудное со снабжением продуктами, потому угощение было очень скромным, но разговоры были очень значимыми для нас, якутских деятелей.

На конференции[1] Леокадия Михайловна выступила с докладом «Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости». Она отметила крайнюю политизированность подходов к этнической толерантности, заметила не только тенденцию среди реформаторов трансформации России забывать об этничности, но и то, что в республиках такую забывчивость понимают как продолжение политики денационализации (деэтнизации), как установку Центра. Леокадия Михайловна сформулировала определение толерантности как «готовность принять других такими как они есть и взаимодействовать с ними на основе согласия». Она отметила рекомендацию Центра акцентировать внимание на проявлениях национального возрождения: с 1992 по 1996 г. не был принят ни один закон в сфере этнонациональных отношений. Л.М. Дробижева изложила предварительные итоги нашего общего проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ», проведенного в Татарстане, Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании и Туве. Пожалуй, это был первый научный ответ на вызовы народам России в связи с ее обновлением. Она подчеркнула ответственность интеллигенции в регулировании возможных конфликтных ситуаций в «войне идей», указала, что бояться надо не роста национального самосознания, оно может успешно служить и позитивным целям, а его гипертрофированных и агрессивных форм. Вот эти ценности и идеи Леокадия Михайловна пронесла через всю свою многогранную жизнь подвижника – социолога миротворца.

21–23 июня в 2007 году в Якутии был проведен Конгресс и Ассамблея народов России «Историческое духовное наследие дружбы народов России: традиции и современность» в рамках празднования 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства. Также в республике состоялись: Международный фестиваль циркового искусства «Мамонтенок», Международный фольклорный фестиваль «Земля Олонхо». Как вспоминает Маржори Балзер, выступление Леокадии Михайловны состоялось 22 июня. Подхватив тему конференции, она провела различие между патриотизмом и национализмом в его

[1] Толерантность и согласие: Материалы международной конференции «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1995 г. / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997.

агрессивной форме. Она сказала, что для создания гражданского общества мы должны сделать это сами, в том числе иметь политику национальностей – «Государственно-национальная политика», как это есть и в других странах. Если в 1992 г. речь могла идти о сепаратизме, то сегодня мы должны выйти за рамки толерантности и прислушаться друг к другу. Она подтвердила, что в Якутии тех, кто не хочет общаться друг с другом вне своей национальной группы, обычно мало (менее 20%). Но некоторые регионы «хуже других». Концепция самоидентификации россиян выросла с 1992 по 2007 г., и что речь должна идти не только о базовой безопасности всего государства. Она добавила, что в некоторых областях более 50% ностальгируют по советскому периоду. Она интерпретировала данные из Саха как несколько противоречивые – ностальгия по советским временам сопровождалась желанием защитить местные ресурсы. Лично я помню, что в этот период Леокадия проводила различие между республиками, ориентированными на будущее, и теми, кто слишком зациклен на прошлом. Она с удовольствием отнесла Саха к категории регионов, ориентированных на будущее. Она также настойчиво предупреждала, как катастрофично для национальной политики было бы изменение границ республик или их упразднение.

Как вспоминают соратницы Дробижевой, Светлана Рыжова и Екатерина Арутюнова, Леокадия Михайловна «поощряла деятельность Образовательного центра ИС РАН, благодаря которому специалисты из регионов получали дополнительную профессиональную подготовку» [3: 173–182]. Да, это так. Я тоже воспользовалась этой возможностью и в 2011 г. прошла очные курсы подготовки преподавателей социологии в Университете дружбы народов, где основные лекции вела сама Л.М. Дробижева. Она консультировала меня в разработке УМКД «Социология культуры», которым пользуюсь и по сей день.

Л.М. Дробижева, У.А. Винокурова и М. Мандельштам-Балзер в местности Ус Хатын, на открытии Ысыаха в г. Якутске

Излюбленным методом Леокадии Михайловны было включенное наблюдение, умноженное на доброжелательность и открытую любовь к этнокультурному самовыражению. Так совпало, что я оказалась в Москве в то время, когда (10 июня 2012 года) проводился Ысыах в Коломенском. В этот день нас не остановил даже сильный ливень. Леокадии Михайловне очень хотелось посмотреть якутский Ысыах в Москве и познакомиться с якутянами. И мы с Леокадией Михайловной, ее помощницей Марией Евсеевой, моей подругой Ириной Ламбаевой с ее дочкой Алтаной посетили официальную часть Ысыаха, пообщались с хомусистами-виртуозами Иваном Хомус, Николаем Шишигиным, мастером-мудрецом Мандар Уус, мастерами по изготовлению якут-

ских ножей, угостились национальными блюдами, посмотрели концерт и спортивные состязания. Леокадия Михайловна от души наслаждалась знакомством с образцами этнической культуры саха в столице РФ.

Здесь следует пояснить, что Московский Ысыах, который вот уже много лет проводится на территории государственного объединенного музея-заповедника Коломенское, признан среди саха-сообщества главным Ысыахом за пределами республики. В год 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства (2007 г.) в Коломенском была установлена коновязь Сэргэ – символ якутского гостеприимства и свидетельство многолетней дружбы и единства народов России. Этим событием и было положено начало ежегодному празднованию Ысыаха на московской земле. Следуя сложившейся традиции, весь колорит и многообразие якутской культуры на Московском Ысыахе, как правило, представляет делегация того улуса, который в предыдущем году был хозяином главного в Якутии Ысыаха Олонхо. Самые ловкие и сильные соревнуются в якутских прыжках, якутской вертушке, национальной борьбе хапсагай. Именно здесь проходят и всероссийские соревнования по мас-рестлингу. На Московский Ысыах принято надевать национальные костюмы народов России. Сложились и другие традиции, например, во время праздника постоянно проводятся гала-концерты народов России при поддержке Московского дома национальностей. Неизменный интерес гостей праздника вызывает «Город мастеров» – ярмарка народных промыслов, сувениров и ювелирных украшений, которые специально привозят из Якутии. Не обходится здесь и без знаменитых деликатесов из рыбы, жеребятины и ягод. Эта якутская ярмарка в Коломенском – одна из самых посещаемых в начале лета москвичами – гостями Ысыаха.

В Якутии многие знаковые события приурочиваются ко Дню национального праздника Ысыах и сопровождаются посещением знаменитых Ленских Столбов, включенных в Список всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Леокадия Михайловна была желанным и авторитетным участником многих событий, оказавших влияние на развитие гражданского общества и этнонационального самосознания в нашей республике.

22–25 июня 2012 г. состоялся Первый Гражданский форум Якутии под названием «Гражданское общество Якутии – состояние и перспективы развития». Леокадия Михайловна выступила модератором Круглого стола «Государственная национальная политика России с точки зрения субъектов Федерации» и вела обсуждение итогов проекта «Гражданская, региональная, этническая идентичность и межнациональные отношения».

Вспоминая этот период, в разговоре с журналистами во время одного из последних своих приездов в Якутию, Леокадия Михайловна отметит: «В 1994 году я впервые вступила на землю Якутии. В те годы мы все почувствовали, что можно делать себя самому, что от самих нас что-то зависит. И первое, что сумели реализовать якуты, – это потенциал образования. Когда я увидела, что далеко от столицы республики, в школах в улусах появился компьютер, что дети и преподаватели осваивают его, я поняла, что те статистические данные о высоком образовании народа саха, а в то время якуты были одним из самых образованных народов России, это реальность». По ее словам, в том, что якутский народ действительно «болеет» за свою малую Родину и северную культуру, она убедилась не раз. «Веду лекцию в Вашингтоне, и после ко мне подходит молодой человек[2] и говорит, что он из Якутии, биолог и работает там. На вопрос, почему пришли на мою лекцию, ведь она посвящена этническим проблемам и межнациональным отношениям, он отвечает, что мне не все равно, какая сейчас моя республика, как живет мой народ. Это мне запомнилось, очень приятно меня удивило» [2].

[2] Это был В.В. Осаковский, обучавшийся тогда в магистратуре Джорджтаунского университета.

В каждый свой приезд в Якутию Леокадия Михайловна обязательно находила время для рабочих встреч с якутскими социологами, работавшими на кафедре социологии СВФУ, в ИЯЛИ СО РАН, в АГИКИ. Все мы тогда достаточно активно общались под эгидой якутского регионального отделения РОС, а с появлением НАИЦГ в 2001 г., уже в этом Национальном агентстве[3]. Вдохновителями и организаторами этих встреч и мероприятий были к.ф.н. А.Д. Бравин и Э.Я. Яковлева, преданная ученица Леокадии Михайловны, работавшая в те годы сначала в Аналитическом центре Главы РС(Я), а затем – в НАИЦГ.

В дни проведения IV Всероссийского социологического конгресса в г. Уфе (21–23 октября 2012 г.) «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» Л.М. Дробижева выступила с новыми, только опубликованными результатами исследования «Гражданская, региональная, этническая идентичность и межнациональные отношения», проведенного под ее руководством, в авторском коллективе которого были и якутские этносоциологи. Она говорила о проблемах формирования гражданской идентичности, призывала слышать и видеть реальную практику, действовать как акторы социальных процессов.

Во время Конгресса развернулась дискуссия: социолог – ученый или гражданин? Леокадия Михайловна вела секцию «Этносоциология», где обсуждали проект Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. Уже 29 октября в Москве должны были собраться его разработчики и представители субъектов РФ.

Участники IV социологического Конгресса, первый ряд: Л. Дробижева, Е. Арутюнова, В. Ядов М. Черныш, второй ряд: И. Кузнецов, И. Спиридонова, А. Бравин, Э. Яковлева. г. Уфа, 24 октября, 2012 г.

Леокадия Михайловна призывала обратить внимание на определения: что есть гражданская нация, этнос, национальность, какие модернизационные этнокультурные процессы выявлены. Она поставила вопросы: кого называть коренными народами, не хотят ли ликвидировать национальные республики. В последующем Леокадия Михайловна как член Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ способствовала снижению этой угрозы. На этом Конгрессе Л.М. Дробижевой торжественно был вручен почетный знак «Заслуженный деятель РОС» (Российского общества социологов).

Деятельность Леокадии Михайловны в Институте социологии во многом облегчила возможность воздействия на управление межнациональными отношениями в российских

[3] Кафедра социологии экономического института СВФУ; ИЯЛИ – Институт языка, литературы, истории СО РАН; АГИКИ – Арктический государственный институт культуры и искусств; НАИЦГ – Национальное агентство «Информационный центр при Главе РС(Я)».

регионах. Она старалась создать площадку для диалога региональных лидеров и ученых-социологов. Одним из таких событий было выступление Президента Республики Саха (Якутия), доктора экономических наук Егора Афанасьевича Борисова на Ученом совете Института социологии РАН 21 ноября 2012 года, в разгар обсуждения проекта Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. Я присутствовала на этом заседании и сохранила записи обсуждения. Егор Афанасьевич в своем выступлении по теме «Национальная политика России – взгляд из региона» подчеркнул, что государственность – это не этнократия, а мера самоуправления, что в Якутии образовалась социокультурная общность – якутяне. Активное обсуждение доклада Е.А. Борисова направила Л.М. Дробижева на основе результатов шести своих исследований в республике, притом первое было сразу после разрушительных для Севера решений правительства Гайдара. Леокадия Михайловна отметила сложность модернизационных процессов и обозначила роль Якутии как скрепу единства, соединяющую Дальний Восток с Россией. Она обратила внимание на открытость и ответственность гражданского сообщества, в особенности Общественную Палату РС(Я), где она обсуждала острые вопросы жизни якутян. 20–25 июня 2012 года Леокадия Михайловна принимала участие в Первом «Гражданском Форуме Якутии» – «Гражданское общество Якутии – состояние и перспективы развития», была модератором Круглого стола «Государственная национальная политика России с точки зрения субъектов Федерации», где обсудили итоги проекта «Гражданская, региональная, этническая идентичность и межнациональные отношения». Она отметила, что в Якутии хорошие показатели по уровню уверенности населения в завтрашнем дне: «Эти показатели в Республике Саха выше даже, чем в Татарстане и Башкортостане. А уверенность – от веры в государство, от доверия к главе республики. У нас в России тревожные данные: раньше 65% населения считали Россию общим домом, сегодня – идет уменьшение. Только 50% людей считают Россию общим домом. А в Республике Саха 80% якутян считают Россию общим домом. Я получаю большое удовольствие от сегодняшнего разговора. Институт социологии дружит с Якутией давно. Сегодня вы ставите вопросы, которые важны для всей России. Давно мы про Якутию говорили “далекая, но близкая”, а сегодня про Якутию хочу сказать: “Отсюда начинается Родина”. Это и в географическом отношении, потому что здесь солнце встает, и здесь начинаются новые дела, преобразования».

Решением Российского общества социологов якутский президент Е.А. Борисов был награжден серебряной медалью имени Питирима Сорокина за выдающийся вклад в развитие макросоциологии, теории и диалога цивилизаций. Социологи отметили, что главные идеи П. Сорокина об интеграции социокультурных ценностей Истины, Добра и Красоты полностью совпадают с региональной национальной политикой и традиционными ценностями коренных народов Якутии.

10 декабря 2013 года в рабочем кабинете Леокадии Михайловны в Институте социологии РАН в Москве я попросила дать интервью. И вот что она сказала в той видеозаписи: «Якутия такая республика, про которую мы часто говорим – она далекая, но близкая, потому что по духу, по настроению людей, которые живут в Якутии, мы знаем, что они живут теми же интересами, теми же идеями, что вся наша страна. И поэтому мы, живя в Москве, чувствуем такую большую общность, но всегда чувствуем и особенность Якутии. Особенность Якутии, прежде всего, мы видим в том, что люди живут в очень трудных условиях. Это республика, где трудно дается и добыча природных ресурсов, и сами условия жизни, поэтому практически та идея толерантности, которую люди вырабатывают с воспитанием, только здесь она воспитывается самими природными условиями.

С самого начала, как только в девяностые годы мы начали проводить первые исследования, брали первые интервью у общественных деятелей республики привлекали и результаты массовых исследований. И мы видели, что проблема взаимодействия и взаимо-

понимания – это то, что люди ощущают как ценность, личную, важную для каждого человека. И мне кажется, что Якутия отличается, может быть, от многих других регионов тем, что, если, скажем, в Иваново или в Костроме люди говорят о том, что они должны понимать друг друга, но у них нет этого опыта. А вот в Якутии этот опыт есть – трудными жизненными, историческими этапами выношенный опыт необходимости взаимопонимания. И те исследования, которые мы проводим вместе с нашими коллегами из Саха-Якутия, подтверждают, что этот опыт взаимного понимания и взаимного уважения остается как исторический шлейф воспоминаний и как исторический шлейф, дающий основу для современного взаимопонимания. В республике идет приток инонационального населения – это эмигранты из Средней Азии, это мигранты из наших северокавказских республик. И, конечно, наибольшие сложности взаимодействия мы ощущаем в больших мегаполисах – Москва, Питер, но в этих городах такое взаимодействие интенсивное началось раньше, а в Якутии была более спокойная обстановка. Приток этот массовым стал в последние годы и поэтому чувствуется, что местное население реально ощущает трудности взаимодействия, потому что притирка культур северных народов и приезжающего населения невысокая, опыта совместной жизни нет. Если русские старожилы считают Якутию своей Родиной, они говорят о том, что они чувствуют себя гражданами республики в равной мере как саха-якуты, и поэтому республиканская идентичность очень высокая у русских старожилов, то вот вновь прибывшее национальное население не может сказать, что они чувствуют себя гражданами республики в такой же мере, как и сами якутяне, уже давно живущие на этой территории. Значит, нам предстоит трудный этап адаптации. Все народы проходят этот этап, и в зарубежных странах тоже идет мучительный, прямо сказать, этап адаптации. Мы знаем, как развитые страны демократии, такие как Германия, отказываются от принятых всеми демократиями принципов мультикультурной политики, признания других такими, какие они есть. Теперь отказываются от этой политики, говорят, что не могут они ее проводить, но в то же время другой-то не придумано. Остается только выселить этих мигрантов, но это тоже не демократично, и вот получается такой замкнутый круг.

У нас в Стратегии национальной политики мне лично импонирует то, что там сказано об учете интересов и этнического большинства, и других национальностей страны, гражданская идентичность выступает главным фактором, обеспечивающим наше взаимопонимание именно на гражданской основе. Никто не требует, чтобы люди отказались от своей национальной культуры. Кстати сказать, я всегда подчеркиваю, что в Якутии ценности демократии, например, свобода печати или взаимное признание, имеют даже больший вес, чем во многих других республиках». Это интервью я демонстрировала в Якутии перед теми, кто занимается реализацией национальной политики и контролем над ней.

2–5 июля 2019 г. в Казани состоялся XIII Конгресс антропологов и этнологов России, где Леокадия Михайловна выступила с пленарным докладом «Динамика гражданской идентичности в полиэтническом российском пространстве». В своем выступлении она отметила, что «Российская идентичность – это не индивидуальная, а коллективная идентичность, она динамична и многослойна…».

Во время работы Конгресса мы, этносоциологи, встретились отдельно и обсудили волнующие нас вопросы.

Одним из последних совместных размышлений было обсуждение проекта опросника экспертов по российской идентичности. Я отметила, что в сознании наших соотечественников понятия «гражданин России», «гражданин Российской Федерации» и «россиянин» не тождественны и каждое из них несет свое особое смысловое содержание. Мы, в республиках, дорожим федеративными отношениями, и стремимся к сохранению формулы «гражданин Российской Федерации» в гражданской идентичности. Леокадия Михайловна согласилась еще раз продумать инструментарий исследования.

5 апреля 2021 года Леокадия Михайлова мне написала: «Дорогая Ульяна Алексеевна, звоните, когда Вам удобно после 10 утра по Москве. До того у меня лечебная физкультура после перенесенного ковида. О переписи знаю только, что изменить уже ничего нельзя. Но мы – ученые, и важно то, как это все мы проинтерпретируем. Поездка Ваша была впечатляющей. Народная память очень важна». И я не успела ей ответить, хотела после поездки на Колыму обстоятельно поговорить, посоветоваться. И теперь уже необратимо поздно…

20 мая 2021 года состоялся круглый стол, посвященный памяти российского социолога – Леокадии Михайловны Дробижевой, организованный Якутским региональным отделением Российского общества социологов. Информация об этом мемориальном событии опубликована в журнале «СОЦИС» [1: 156–158]. Были высказаны Любовь и Благодарность учителю, большому другу.

Эльза Яновна Яковлева была самым надежным исполнителем совместных проектов с самого начала, с 1995 г., когда я их познакомила в коридоре Дома Правительства № 1. «Эта встреча и долгие годы знакомства с Леокадией Михайловной сыграли судьбоносную роль во всей последующей жизни всех нас, она остается образцом ученого и исследователя. Совместная работа с профессором Дробижевой для меня была не только серьезной научной школой, Леокадия Михайловна стала моим Учителем по жизни, духовным Наставником, Другом, чем я безмерно горжусь. В разговорах последних лет была озвучена идея повторить проект с условным названием “Говорит Элита республик РФ. 25 лет спустя”. Но, увы, идея осталась только идеей. Ее слова “Якутия далекая, но близкая”, “С Якутии начинается Родина!”, были не просто слова, высказанные по случаю…. Они – показатель искреннего отношения Большого ДРУГА Якутии! Спасибо сыну, Сергею Владимировичу, невестке, которую называла не иначе, как Сонечка и, конечно, главной любви и гордости Леокадии Михайловны – внуку Владимиру, которые окружали ее всегда своим теплом и любовью … За Нашего Учителя», – так выразила наше общее состояние Эльза Яновна.

Философ Анатолий Дмитриевич Бравин, один из организаторов социологических исследований в постсоветской Якутии, лидер якутских социологов, был надежным партнером Леокадии Михайловны. «Это были годы моей жизни, наполненные настоящими исследовательскими страстями, спорами и дискуссиями. Одним из итогов завязавшегося в середине 90-х годов профессионального диалога с Леокадией Михайловной, в определенном смысле, стало учреждение Республиканского информационно-консалтингового агентства при Главе РС(Я) в 2001 г., позднее переименованного в “Национальное Агентство ‘Информационный центр при Главе РС(Я)’ ” НАИЦГ[4]. А базой для возникновения интереса Леокадии Михайловны к нашей деятельности стали социологические исследования в рамках мониторинга государственной национальной политики РС(Я), который мне при ее поддержке удалось создать на базе Миннародов РС(Я)[5], начиная с 1994 г. Поддержка с ее стороны заключалась не только в вере в наши возможности, доверии к нашим результатам и включении наших отчетов в сравнительную источниковую базу и в научный оборот. Огромное значение для нас всегда имели безотказное и чуткое консультирование со стороны Леокадии Михайловны, как по методологическим, так и по методическим вопросам. Так, с середины 90-х годов и до учреждения Информационного центра мы вели республиканский социологический мониторинг национальной политики, используя сложную многоступенчатую региональную выборку, рассчитанную для нас специалистами Центра по изучению межнациональных отношений Института социологии РАН.

Так, постепенно и сложилось негласное кураторство со стороны Леокадии Михайловны по такому направлению работы Информационного центра при Главе РС(Я), как

[4] Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)»
[5] Министерство по делам народов и федеративных отношений Республики Саха (Якутия).

социологическое обеспечение деятельности руководства республики», – с благодарностью вспоминает Анатолий Дмитриевич.

Как проникновенно пел Дмитрий Хворостовский: «Первый тайм мы уже отыграли, и одно лишь сумели понять – чтоб тебя на Земле не теряли, постарайся себя не терять».

Мы никогда не потеряем Леокадию Михайловну! Она как скрепа российского федерализма, она как основатель научной дисциплины, она как опора межнационального согласия, она как совесть многонациональной российской идентичности, она как символ миролюбия – женщина с белым платком в высоко поднятой руке, она как представитель классической русской интеллигенции, она как Мать этносоциологов России. Она чутко отслеживала появление незаметных даже для нас, местных, процессов. Она умела общаться и устанавливать длительные межличностные отношения с руководителями республик и заслужить доверительную благодарность. Она всю свою светлую душу, добрый острый ум вложила в строительство той модели федерализма, которая могла бы обеспечить устойчивость и цветущее многообразие Российской Федерации.

Скорбь о невосполнимой потере, горечь утраты, а также чувство огромной благодарности Леокадии Михайловне Дробижевой за дружбу и общение, за науку переполняют нас, ее соратников, единомышленников и учеников в Республике Саха (Якутия).

Она для нас навсегда – пример благородства и кристальной честности, когда невозможно поступиться принципами, смелости и самопожертвования во имя науки, достойнейший пример ученого, благодаря которому социология оставалась академической фундаментальной и честной наукой.

В Якутии Леокадию Михайловну знают, помнят и чтут очень многие, и совершенно разные люди – от простых тружеников и аспирантов, до президентов и глав, в разные годы возглавлявших республику. Здесь вместе с ней исхожены многие километры полевых сезонов, проведены десятки комплексных исследований, в спорах и дискуссиях рождались их программы, писались гайды, обсуждались итоги и формулировались выводы. На ее научных трудах и актульных исследовательских проектах в республике сформировался интеллектуальный общественный капитал. Она была непременным участником выездных заседаний Ассамблеи народов России, проводившихся в г. Якутске, Гражданских форумов Республики Саха (Якутия), внесла огромный вклад в развитие научно-исследовательской базы одного из региональных социогических центров в Якутии – Информационного центра при Главе Республики Саха (Якутия) практически на всем пути его деятельности с 2000 и по 2018 г.

Леокадия Михайловна Дробижева была интеллектуальным строителем трансформирующейся России. С обновлением Конституции РФ мы вступаем в новый этап. И научное наследие Л.М. Дробижевой нам следует основательно проштудировать, чтобы искать ответы на новые вызовы. Учитель, мудрый товарищ, истинный друг – мы Вас не потеряем, дорогая Леокадия Михайловна! Вы всегда с нами!

Выражаю благодарность за подготовку воспоминаний А.Д. Бравину, Э.Я. Яковлевой, Р.А. Кузьминой, И.А. Ламбаевой, Е.Н. Икингрин, Н.Н. Колодезниковой, М. Мандельштам-Балзер, С.В. Максимовой.

Литература

1. *Винокурова У.А., Пронина Е.И.* Личность. Ученый. Учитель (памяти Л.М. Дробижевой) // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 156–158.
2. У жителей Якутии очень высоко национальное самосознание – социолог // URL: https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2845073.
3. *Ryzhova V.S., Arutyunova E.M.* Leocadiya Mikhailovna Drobizheva. Life in Science. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 173–182. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8093

Это было недавно, это было давно

Т.И. Губогло

Т.И. Губогло, М.Н. Губогло

В новом тысячелетии ежегодно 2 января в нашей квартире начиналась генеральная разборка кабинета Михаила Николаевича. Эта традиция появилась в результате компромисса между несовместимыми точками зрения на порядок в квартире. С моей точки зрения, хаос недопустим, и генеральная уборка должна производиться два раза в год в апреле и в октябре. С точки зрения Михаила Николаевича, в кабинете не бывает и не может быть хаоса, а если некоторый беспорядок и есть, то он, бесспорно, творческий. Поэтому разбирать ничего не надо, т.к. всяческие разборки мешают работать и поэтому вредны. В результате такого подхода, купленные книги могли месяцами лежать на креслах, на полу, а рукописям было очень уютно грудами накапливаться на столе и на подоконнике. Весеннюю битву за порядок я обычно проигрывала, а осенью начинался бесконечный перенос начала уборки. В качестве причин отсрочки выдвигались: необходимость дописать статью, сочинить заявку на грант, закончить квартальный или годовой отчет и т.д. К Новому году страсти накалялись, но в какой-то момент хозяин кабинета сдавался. Чтобы прийти к компромиссу, мне пришлось отказаться от двукратной ежегодной уборки, и было подписано соглашение о том, что в новом тысячелетии генеральная уборка в «берлоге» начинается без сопротивления хозяина ежегодно 2 января.

Отношение к рабочему месту и к домашней научной библиотеке у Михаила Николаевича было сакральным с аспирантских лет, т.е. с момента, когда у него появилась отдельная комната в общежитии. Мысль о том, что можно работать за кухонным столом или в ванной комнате, ему была абсолютно чужда. Когда мы поженились 20 октября 1966 г., родители сняли нам комнату в Кривоарбатском переулке. Это была комната на первом этаже в двухэтажном доме, напротив легендарного личного особняка архитектора Мельникова. В комнате стоял огромный антикварный стол XIX в. под зеленым сукном. Этот стол стал первым семейным рабочим столом Михаила Николаевича и немного примирил его с необходимостью переехать из общежития университета, где прошли студенческие и аспирантские годы жизни. Научная библиотека, весьма приличного объема, которую он собрал за эти годы, переехала вместе с ним. Наверное, мало у кого из аспирантов были личные библиотеки, содержащие научные издания с дореволюционных пор, такие как «Родовой бытъ въ настоящемъ, недавнемъ и отдаленномъ прошломъ. Опытъ въ области сравнительной этнографіи и исторіи права» проф. Максима Ковалевского, 1905 г. издания или «Очерки первобытной экономической культуры» Н.И. Зибера, 1899 г. издания.

Через два года мы переселились в нашу первую собственную комнату на Кузнецком мосту в доходном доме начала XX в., расположенном рядом со знаменитым магазином подписных изданий. Первой нашей покупкой был румынский книжный гарнитур, состоящий из письменного стола и большого трехсекционного книжного шкафа. Этот гарнитур, библиотека, научный архив претерпели еще 3 переезда и с марта 1981 г. существуют на Университетском проспекте. А с рабочего места в своем домашнем кабинете Михаил Николаевич 38 лет смотрел на шпиль любимого МГУ.

1 января 2020 года был сороковой день со дня ухода из жизни Михаил Николаевича. И 2 января, не нарушая православных обычаев, можно было начинать традиционную разборку кабинета, но уже, к сожалению, без его хозяина.

Борьба между соблюдением запрета на перестановку книг с одной полки на другую при наведении порядка и желанием собрать все публикации Михаила Николаевича в одном месте в систематизированном виде завершилась в пользу второго варианта. К сожалению, Михаил Николаевич в течение жизни не вел список своих публикаций, а оригиналы журналов и книг, в которых они издавались, были разбросаны по всей библиотеке. Единственная попытка составить полный список работ была предпринята в 2013 г. В монографии «Антропология повседневности» приведен хронологический список трудов, опубликованных с 1966 по 2012 г., содержащий 420 наименований. Начинается список со статьи «К вопросу о происхождении каракачан», опубликованной в журнале Советская этнография (1966, № 4), и заканчивается докладом «Доверительность и идентичность в контексте социокультурной модернизации России», опубликованном в трудах X Конгресса этнографов и антропологов России.

Мне кажется, что долг учеников и родственников – завершить то, чему была посвящена жизнь ученого. Поэтому в течение первой половины 2020 г. была предпринята попытка детально просмотреть все книги, хранящиеся в домашней библиотеке, в поисках оригиналов публикаций. В результате этого просмотра все найденные издания, в которых опубликованы работы Михаила Николаевича, были собраны в одном месте. Выходные данные публикаций сравнены со списком 2013 г. В нем исправлены неточности в названиях статей, годах издания. Список дополнен работами за 2013–2019 гг. и теми более ранними работами, которые в нем отсутствуют, но оригиналы которых были найдены в домашней библиотеке. Результирующий список содержит 537 публикаций. Интересно распределение публикаций по десятилетиям: 1966–1970 гг. – 20, 1971–1980 гг. – 69, 1981–1990 гг. – 85, 1991–2000 гг. – 143, 2001–2010 гг. – 108, 2010–2019 гг. – 112.

Эти книги и журналы, упорядоченные по хронологии года издания, заняли 4 полки библиотеки. К сожалению, не удалось найти в домашней библиотеке 105 оригиналов изданий. Их поиск, с целью окончательной проверки достоверности списка 2013 года и составления полного списка публикаций, планируется продолжить в библиотеке Института этнологии и антропологии после завершения той работы, которая продолжается уже два года, по сканированию книг серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве».

Довольно быстро стало ясно, что существует второй блок книг, которые заслуживают объединения. Это книги с дарственными надписями их авторов. Таких книг оказалось 408.

В результате размышлений о том, в каком порядке расположить эти книги, было принято следующее решение. Первой поставить книгу М.Ф. Неструха «Происхождение человека», подаренную студенту 2 курса с трогательной надписью «Юноше–энтузиасту науки о человеке Михаилу Николаевичу Губогло на добрую память от автора, 14 мая 1960 г., Москва». Думаю, что немногие студенты могут похвастаться таким подарком.

Дальше на этой полке стоят книги ушедших в мир иной учителей, близких друзей и коллег. Среди них книги Г.Е. Маркова (руководителя кандидатской диссертации), А.С. Тверитиновой (оппонента при защите кандидатской диссертации), 5 книг Ю.В. Бромлея, 10 книг Ю.В. Арутюняна, 14 книг Л.М. Дробижевой. И далее авторы книг с дарственными надписями: В.М. Бахта, С.И. Брук, Е.П. Бусыгин, С.И. Вайнштейн, А.И. Гинзбург, А.Ф. Дашдамиров, В.С. Зеленчук, Р.Ф. Итс, В.П. Кобычев, М.И. Куличенко, Ю.И. Мкртумян, С.П. Поляков, А.С. Рудь, Ю.Б. Симченко.

К сожалению, так и не найдена книга с дарственной надписью С.А. Токарева, которая тоже была подарена студенту Мише Губогло, и о потере которой Михаил Николаевич очень сожалел. Последней на этой полке стоит монография Джерри Хаффа «The logic of economic reform in Russia», американского политолога, с которым нас долгие годы связывали совместные исследования и очень интересные поездки. Дарственная надпись в книге: «Миша и Таня Губогло: самые уважаемые коллеги за 10 лет. Без вас эта книга была бы гораздо хуже. Я крайне благодарен, 04.06.2001». Остальные подарки занимают еще три полки и расположены в алфавитном порядке фамилий авторов книг.

Любая библиотека, формировавшаяся долгие годы, содержит в себе неожиданности, которые обнаруживаются при тотальном ее просмотре. Библиотека Михаила Николаевича – не исключение. При разборке были обнаружены книги, которые считались давно и безвозвратно потерянными, нашелся экземпляр докторской диссертации и много других интересных артефактов. Но самыми неожиданными были две находки.

Во-первых, это «Программа XII научной студенческой конференции», которая состоялась в Кишиневском государственном университете в марте 1959 г. Дело в том, что Миша Губогло поступил в 1958 г. в КГУ, закончил там первый курс, а затем перевелся на второй курс МГУ, сдав экзамены по предметам, которых не было в КГУ. Он часто рассказывал, что уже на третьем курсе принимал участие в работе научного студенческого общества исторического факультета МГУ, но почему-то не вспоминал свой первый научный доклад. А доклад, как следует из найденной программы, назывался «К вопросу о болгаро-гагаузских военных формированиях в войне 1806–1812 гг.». Жаль, что текст доклада не нашелся. Но, как известно, рукописи не горят. И может быть, когда-нибудь рукопись будет случайно обнаружена в многочисленных архивных папках, хранящихся во всех потаенных углах квартиры, на даче, в гараже.

Всего на конференции было представлено 178 докладов. Если проанализировать состав участников конференции, то интересно распределение авторов докладов по курсам обучения: на 5 курсе обучалось – 112 человек, на 4 курсе – 46, на 3 курсе – 8, на 2 курсе – 7. И только четыре доклада были сделаны первокурсниками, одним из которых был Миша Губогло.

Во-вторых, был найден автореферат кандидатской диссертации М.Н. со странной надписью на обложке «Дорогому Михаилу Николаевичу от группы научных консультантов по проблемам научного воспитания несовершеннолетних. 30 мая 1967 г.». А внутри обнаружился вклеенный листочек, напечатанный на машинке: «Отзыв на диссертацию М.Н. Губогло “Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов)”».

И далее следующий текст:

Крошка-сын пришел к отцу и спросила кроха:
Что такое «газагуз» – хорошо иль плохо?
Ты откуда это взял? – раскричался папа,
«На заборе прочитал, глупая ты шляпа?»

Вот и нет, - ответил сын, поведя ушами,
Дядя Миша рассказал с черными усами.
Он пришел вчера в детсад и устроил нам доклад.

Про каких-то кар-ках-чан
Про волков и про Балкан,
Где различные народы друг об друга терлись годы
Ну не годы, так века, может, он приврал слегка?

А потом явился волк и солдат турецких полк
И от этого союза появились «газагузы».
Газагузия – страна, хоть на карте не видна,
Там винище пьют без счета и все время бьют кого-то
«Газагузы» – это да, остальные – ерунда.

Наш отряд весь долго хлопал,
А Валерка рыжий топал.
Ну, а Вовка Большаков сбил подметки с башмаков,
Жанка стул сломала свой, а потом пошли домой.

Посмотрел отец на сына и подумал: «вот скотина»,
Мы ведь в эти-то года не слыхали никогда
Про какой-то газагаз, попадешь с ним под указ.

Разговор тут был суровый, снял отец ремень свой новый
И, войдя в великий раж, выбивал из сына блажь.
«Газагузов» нет на свете, это знать должны все дети,
Подрастешь когда, стервец, ты поймешь, что прав отец.

А твой дядя - пусть придет – и ему перепадет!
Будет знать, про что писать, и чужих детей смущать.
И поплелся сын в слезах, заливался кроха:
Дяде Мише хорошо, ну а мне вот плохо.

А на что же здесь намек? – слышу горький я упрек.
Уж какая тут мораль – просто кроху очень жаль.
Коли пишешь реферат – не тащи его в детсад.

Группа консультантов-методистов детсада 16/25

Этот привет из прошлого – шутка рыжего Валерки, который топал, то есть Валерия Семеновича Кондратьева, человека с потрясающим чувством юмора. Он был первым принят на работу в сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР, созданный в 1966 г. Руководителем сектора был назначен Ю.В. Арутюнян. Только появление нового сектора в структуре Института этнографии давало Михаилу Николаевичу возможный шанс стать сотрудником Института, потому что конкурс среди желающих быть зачисленными на работу в головной институт в те годы был огромный, и свободных должностей в штатном расписании практически никогда не было. По какому принципу отбирал сотрудников Ю.В. Арутюнян, теперь уже трудно сказать. Но очень хорошо помню, что Мишу, у которого в октябре 1966 г.

закончился срок очной аспирантуры, рекомендовал ему Владимир Зиновьевич Дробижев, профессор кафедры истории СССР. Он славился необыкновенным вниманием к студентам и аспирантам и помогал с трудоустройством не только своим ученикам, но и многим выпускникам других кафедр. В качестве проверочного задания Юрий Вартанович попросил претендента на работу в секторе сделать обзор литературы по социологии села в Югославии, изданной на сербском языке. Наверное, результат был неплохой, и 1 декабря 1966 г. Михаил Николаевич был зачислен в штат Института этнографии на должность младшего научного сотрудника в сектор социологии. А обзор был опубликован в виде статьи «Путь социологии села в Югославии» в одном из первых сборников нового сектора «Социология изучения села: культура, быт, расселение» (Материалы к Всесоюзному симпозиуму по проблемам села в Краснодаре), изданном в 1967 г.

Михаил Николаевич закончил аспирантуру с практически готовой диссертацией, которая была рекомендована к защите. Но на учет замечаний, подготовку и печать реферата, ожидание в очереди на защиту и другие формальности понадобилось еще полгода. Защита состоялась 30 мая 1967 года на заседании ученого совета кафедры этнографии и археологии исторического факультета МГУ, расположенной тогда в старом здании на Моховой. А на традиционное продолжение члены ученого совета, преподаватели кафедры, сотрудники сектора и друзья с факультета собрались в Кривоарбатском переулке. Очень трудно восстановить все, что было на банкете. Но некоторые моменты запомнились на всю жизнь своей неординарностью. Среди ярких впечатлений: редкое мастерство и шарм Владимира Зиновьевича Дробижева, который вел банкет, феерическое остроумие Владимира Марьямовича Бахты, преподавателя кафедры этнографии, дружба с которым связывала нас потом долгие годы. И, конечно, текст, который зачитал в качестве тоста Валера Кондратьев (счастливо найденный в библиотеке через 55 лет). А еще хорошо запомнился очень вкусный настоящий узбекский плов, приготовленный аспирантом сектора Георгием Трапезниковым, и то, как Геннадий Евгеньевич Марков, научный руководитель и потрясающе красивый мужчина с легендарным военным прошлым, учил присутствующих есть этот плов пальцами. У него это получалось чрезвычайно изящно, а у последователей – не очень. И, конечно, завершающий момент банкета, когда Юрий Вартанович со словами: «Сейчас я обгоню Майю Григорьевну» (жену, которая уже вышла из квартиры в подъезд), – выпрыгнул из окошка на тротуар.

В XIX в. существовал обычай просить гостей поставить подпись на специальной скатерти. Потом хозяйки дома эти подписи вышивали. И сейчас во многих домах-музеях демонстрируют эти скатерти. Как жаль, что в те молодые годы я не подозревала о таком обычае, и в тот памятный вечер подписи гостей не были собраны.

30 мая 1967 года – это первый рубеж в научной работе Михаила Николаевича. К этому моменту им были изданы или сданы в печать 8 работ по гагаузоведению. Далее был длительный период, в течение которого его основные научные интересы лежали в сфере изучения двуязычия. В 1984 г. была издана монография «Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия» и состоялась защита докторской диссертации «Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР».

Но желание вернуться к проблеме происхождения гагаузов, к этапам их этнической культуры, особенностям жизнедеятельности, к истории утверждения этнонима и этнического самосознания у него было неизменным. И через 45 лет это желание реализовалось в виде издания трех огромных томов. Это коллективная монография «Гагаузы» в серии «Народы и культуры» и двухтомник «Гагаузы в мире и мир гагаузов». В монографии «Гагаузы» Михаил Николаевич был ответственным редактором и автором 5 статей. А в двухтомнике «Гагаузы в мире и мир гагаузов» Михаил Николаевич – автор идеи и инициатор

издания. Он собрал большой творческий коллектив специалистов по гагаузоведению, был составителем и ответственным редактором, а также автором 20 глав. Бесспорно, отдавая долг своему народу, Михаил Николаевич вложил в эти книги душу и опыт исследователя, накопленный в течение всей жизни.

Помимо трудов последних лет, посвященных своей исторической родине, Михаил Николаевич считал очень важным не только в своей жизни, но и в жизни Центра по изучению межнациональных отношений, коллективный труд по изданию серии книг «Национальные отношения в СССР и в постсоветском пространстве». Первый том серии был издан в 1989 г. Это был сборник статей с символическим названием «Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР». Последний том серии был издан в 2010 г. Всего серия состоит из 137 книг, в которых содержится документальный, эмпирический материал, характеризующий разнообразные, прежде всего, политические аспекты и радиусы действия мобилизованной этничности, конфликтогенные зоны этого действия. Информационная база сборников этой серии включает не только документы гражданских движений, но и важнейшие государственно-правовые документы, имеющие отношение к национальным движениям.

Коллектив исследователей, принимавших участие в сборе документального материала, редакторов, составителей, авторов аналитических статей огромен, всех невозможно перечислить. Но значительную роль в издании серии сыграли сотрудники ЦИМО: А.И. Гинзбург, Г.А. Комарова, Г.П. Лежава, В.Ф. Грызлов, которых нет с нами, и памятником которым эта серия является.

Оригиналы программ, уставов национальных движений и партий, существовавших в 1990-е годы, скорее всего, канули в Лету вместе с этими движениями, и вряд ли будут доступны будущим летописцам истории конца XX в. Поэтому документальные источники, собранные и изданные в этой серии, представляют большую ценность. К сожалению, книги серии, изданные незначительным тиражом 150–200 экземпляров, разошлись по миру и тоже малодоступны. Последние десять лет Михаил Николаевич мечтал о размещении книг серии на просторах Интернета, но до реализации этой мечты у него руки не дошли.

В процессе разбора библиотеки, все тома серии были найдены, и первый этап реализации мечты Михаила Николаевича к настоящему моменту завершается: отсканированы все тома серии, подготовлены карточки к каждому тому. Эти карточки содержат сведения об авторских коллективах, аннотации и выходные параметры изданий.

Пора переходить ко второму этапу: определению места этой серии на сайте Института этнологии и антропологии и техническому размещению отсканированных книг. Но без участия дирекции Института эту задачу вряд ли можно решить. Хочется верить, что будет принято соответствующее решение, и серия, как важный информационный источник и памятник всем, кто принимал участие в ее создании, обретет жизнь в современном информационном пространстве.

«Рыцарь романтики», историк, этнограф, этносоциолог, политолог: памяти Михаила Николаевича Губогло

М.А. Жигунова

Профессор Михаил Николаевич Губогло (1938–2019 гг.) – один из ведущих советских и российских антропологов, этнологов и этносоциологов, политологов и социолингвистов, крупнейший тюрколог и востоковед, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный член Академии наук Республики Молдова, Почетный гражданин и Кавалер высшего ордена Гагаузии. Академик В.А. Тишков отмечал, что М.Н. Губогло в пору «академического периода жизни… было дано вместе с Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой стать одним из основоположников конкретно-социологических исследований повседневной жизни, культуры и быта народов, исследований, ставших основой этносоциологии как нового научного направления» [9: 11].

М.Н. Губогло, М.А. Жигунова, В.В. Амелин

М.Н. Губогло родился 25 октября 1938 г. в с. Трашполи, близ г. Чадыр-Лунга считавшемся «гагаузским гнездом Бессарабии» (южная часть Молдавии). В 1958 г. он поступил на исторический факультет Кишиневского университета, откуда талантливого юношу после первого курса перевели для дальнейшего обучения в Московский государственный университет (в Советском Союзе существовала практика направлять наиболее успешных студентов на обучение в Москву и Ленинград). После окончания исторического факультета в 1963 г. М.Н. Губогло продолжил обучение в аспирантуре Московского университета, благодаря которому познакомился со своею будущей женой – Т.И. Майоровой. Вот как рассказала мне об этом сама Татьяна Ивановна: «У нас с Мишей – “брак на небесах”, так как познакомились мы в самолете, на котором делегация из пяти лучших комсомольцев МГУ летела в мае 1964 г. в Азербайджан, в Баку, на праздник. Я тогда была студенткой мехмата, а он – членом Комитета комсомола. Потом мы два года не виделись, не общались. Встретились случайно в университете, через две недели он сделал мне предложение, и через полтора месяца мы поженились – 20 октября 1966 г. В 1971 г. у нас родилась дочь Елена, которая тоже получила высшее образование на историческом факультете МГУ, а внук Михаил – на географическом факультете МГУ. Всей семьей там учились».

С 1966 г. М.Н. Губогло работал в Институте этнографии Академии наук СССР. В этом же году он опубликовал свою первую научную статью в профильном журнале «Советская этнография». А уже в 1967 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов» (под руководством Г.Е. Маркова). Защита докторской диссертации М.Н. Губогло

«Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР» состоялась в 1984 г. А в 1985 г. ему было присвоено звание профессора.

В 1988–2005 гг. М.Н. Губогло работал заместителем директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук (РАН). В 1997–1999 гг. являлся Президентом Ассоциации этнографов и антропологов России. В 1999 г. получил звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2003 г. – Почетного члена Академии наук Республики Молдова. Много сил отдал своему авторскому проекту, итогом которого стала многотомная серия «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», которая включает 137 книг, изданных в 1989–2010 гг. В последние годы жизни М.Н. Губогло руководил Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН. Являлся консультантом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. При его участии формировалась национальная политика России и внешняя политика с Молдовой. В 2014 г. получил премию им. Н.Н. Миклухо-Маклая за цикл работ по культурной антропологии и этнополитической истории гагаузов. В 2019 г. М.Н. Губогло был удостоен Благодарности Президента Российской Федерации за заслуги в научной и педагогической деятельности, подготовке квалифицированных специалистов.

Это был необыкновенно умный, добрый, отзывчивый и порядочный человек с широчайшей эрудицией и чувством юмора, всегда полный новых оригинальных идей и влюбленный в жизнь, «рыцарь романтики» (так назвал его Башкан Гагаузии М.М. Формузал) [8: 5–7]. Многим он запомнился как очень обаятельный, стихи слагающий, поэтично свои мысли выражающий. По собственному признанию М.Н. Губогло, среди основных его увлечений – природа, лес, грибы и песни. О своей национальной идентичности он говорил так: «гагауз по национальности отца, …болгарин в паспорте (по матери), …русский по культуре, с некоторыми островками молдавской культуры… я оставался вплоть до отмены национальности в соответствующей графе моего нынешнего гражданского паспорта, свидетельствующего, что я – гражданин Российской Федерации» [6: 337–345].

Мое знакомство с Михаилом Николаевичем состоялось сначала заочно. С конца 1980-х годов я начала изучать самосознание и различные виды идентичности у современного населения Сибири, за что неоднократно подвергалась критическим и скептическим выражениям многих своих коллег. И тут мне в библиотеке Новосибирского Академгородка попалась монография М.Н. Губогло «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» [4]. В книге, подготовленной на основе многочисленных этносоциологических исследований, проведенных автором в 1993–2002 гг. в различных регионах России и странах ближнего Зарубежья, были рассмотрены взаимосвязи между социальными трансформациями и процессами формирования этнической, конфессиональной, гендерной, региональной, политической, профессиональной, имущественной и ряда других идентичностей. Вместо теории множественной идентичности, он предложил новую концепцию множества идентичностей, основанных на понимании многокультурности, проявляющейся на личностном и групповом уровнях. Я поняла, что не одинока на поле идентичности, у меня есть очень известный и уважаемый соратник, которого можно считать основателем новой научной дисциплины – идентологии.

Наше личное знакомство произошло в 2007 г. на VII Конгрессе этнографов и антропологов России в г. Саранске, где нам удалось плодотворно пообщаться и обсудить многие аспекты его монографии, посвященной идентичности. В секционном докладе на этом Конгрессе я впервые озвучила перед профессиональным сообществом итоги своих многолетних исследований по региональной сибирской идентичности и фиксируемой новой национальности «сибиряки», за что была подвержена резкой критике и даже – обвинениям в

сепаратизме. Тогда именно М.Н. Губогло существенно поддержал меня и сказал, что тоже считает себя «частичным сибиряком», поскольку его семья была депортирована в Сибирь в 1949 г. и пробыла там до 1957 г. Несмотря на это, он сохранил самые теплые воспоминания о доброте и мужестве, жизненной стойкости сибиряков. Позднее он написал: «…сложилось стойкое убеждение, что прозорливость и вся ответственность за выдвижение современной идеи “идентичности сибиряка” и за утонченное воплощение этого концепта в лоно отечественного гуманитарного знания, неразрывно связано с именем этой выдающейся дочери Сибири и неутомимой исследовательницы сибиряков» [10: 302].

В рамках подготовки программы VIII Конгресса этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 2009 г.) я подала заявку на организацию секции по идентичности. Мне позвонили из Оргкомитета и спросили: «Вы не будете против, если к Вам присоединится М.Н. Губогло?». Конечно же, я была очень рада. С той поры наше творческое содружество стало постоянным. Начиная с VIII Конгресса этнографов и антропологов России, мы являлись организаторами и руководителями нескольких секций, в работе которых приняли участие представители не только различных регионов России, но и Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Китая, Молдавии, Туркмении, Финляндии, Швеции, Чехии, Японии и других стран мира. Последним нашим совместным мероприятием с М.Н. Губогло стал XIII Конгресс этнографов и антропологов России (г. Казань, 2019 г.), где мы, уже втроем, вместе с его аспирантом Р.А. Старченко, организовали и успешно провели секцию «Ментальная самобытность Тюркского и Русского мира».

В этом же году директор нашего Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, доктор исторических наук Н.А. Томилов предложил М.Н. Губогло стать его соавтором в написании публикации, посвященной моему юбилею. На что Михаил Николаевич радостно откликнулся. В итоге получилось даже две статьи, в которых чувствуется его характерный поэтический почерк [5: 10]. Вот как свидетельствовал он о нашем содружестве: «…наши организационно-творческие отношения складывались и укреплялись на протяжении многих лет в ходе совместной организации и проведении секций по проблемам идентичности (инициированной М.А. Жигуновой) в рамках нескольких Конгрессов этнографов и антропологов России (2009–2019 гг.). Всего за истекшие 6 конгрессов в рамках наших секций было обсуждено или опубликовано 280 тезисов докладов. Главным итогом нашего соавторства и сотворчества стал общепризнанный бренд Конгресса антропологов и этнографов России – наша секция по проблемам идентичности, получившая статус “конгресса в конгрессе” под постоянным руководством М.Н. Губогло (Москва) и М.А. Жигуновой (Омск). Не случайно, например, в ходе подготовки XI Конгресса (Екатеринбург, 2015 г.) более 120 принятых заявок пришлось разделить на две самостоятельно работающие секции (“Идентичность и самоопределение. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании”, сопредседатели – М.Н. Губогло и М.А. Жигунова, “Идентичность и самоопределение. Формы и принципы самоопределения народов”, сопредседатели – В.В. Амелин и В.Ю. Зорин)… Понятное дело, мы с Мариной Александровной – люди разных поколений, но нас объединил разлом исторического времени, когда обществу оказались востребованными проблемы идентичности, самопознания самобытности, ответственной гражданственности» [10: 301–302].

Итоги плодотворнейшей и многообразной научной деятельности самого М.Н. Губогло представлены в более чем 500 публикациях (включая 12 монографий). Упомяну лишь некоторые из них, изданные в начале XXI в. В 2008 г. в Кишиневе была опубликована его книга «Сполохи прошлого. Автобиографические затеси» [6]. Она состоит из очерков, под-

готовленных на основе личных воспоминаний и литературных источников. В ней предлагается новая концепция институтов соционормативной культуры, занимающих важное место в жизнедеятельности гагаузов и играющих полифункциональную роль в трансмиссии этнической самобытности. В 2013 г. в Москве была издана монография «Антропология повседневности» [3], написанная на синтезе воспоминаний, мемуарной литературы, изобразительного искусства и исследовательских проектов. В ней автор дает новое видение ритмов, смыслов и стратегий повседневной жизни, включая отраженную в живописи повседневную проблематику. В 2016 г. вышла в свет очередная авторская монография «Антропология доверия: Этносоциологические и этнополитические очерки» [2]. В ней М.Н. Губогло вводит в научный оборот разработанный им концепт добродетели (институты и принципы, правила и нормы «Грамматики жизнедеятельности» как морально-нравственной и миротворческой основы традиционной народной культуры). На материалах, собранных в Гагаузии, Крыму, Приднестровье, он анализирует взаимосвязи доверия и справедливости, с помощью которых решается проблема группового самоутверждения на личностном, региональном и институциональном уровнях, а также – стремление сохранить традиции русскоязычия и русской культуры.

Заметный вклад оставил М.Н. Губогло также в качестве составителя и ответственного редактора ряда академических изданий. Упомяну лишь два последних и наиболее значимых. В 2011 г. они вместе с Н.А. Дубовой выступили составителями коллективной монографии «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании» [11]. Данная работа посвящена 70-летию академика Валерия Александровича Тишкова, более 20 лет возглавлявшего Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В 2018 г. появилось следующее солидное издание, посвященное юбилею профессора Марины Юрьевны Мартыновой – «Алгоритмы человечности» [1]. Михаил Николаевич пригласил меня к сотрудничеству над данной книгой в качестве члена редколлегии. В этом издании представлены итоги исследований, посвященных этнографическому рассмотрению концепта «советскости»: морали и нравственности как ресурсам мира и согласия; общественному восприятию категорий добра и зла; этике и эстетике этнических и социальных групп; вопросам социокультурной и этнической идентичностей.

Комратский государственный университет и Ассоциация научных исследователей Гагаузии 23 ноября 2021 г. провели Международную онлайн-конференцию, посвященную Дню памяти профессора М.Н. Губогло [7]. В ней приняли участие ученые из Молдовы, Российской Федерации, Турции, Болгарии, Украины и других стран мира, а также – студенты, эксперты, ~~его~~ друзья и родственники Михаила Николаевича. Меня тоже пригласили выступить с докладом, который я назвала: «Михаил Николаевич Губогло: ученый и ЧЕЛОВЕК», причем, последнее слово написано не случайно большими буквами, поскольку является аббревиатурой. И расшифровывается так (характеризуя основные черты этого уникального человека и ученого):

Ч – человечный, чарующий, честный,

Е – единичный и единственный в своем роде,

Л – любознательный, лиричный, лучезарный, любящий жизнь во всех ее проявлениях,

О – обаятельный, отзывчивый, общительный, остроумный, открытый к новому,

В – всесторонне развитый, великодушный, веселый, вдохновенный,

Е – евразийский и европеоидный, естественный,

К – креативный, красивый, красноречивый, качественный.

В народе говорят: «Человек жив, пока о нем помнят». Я надеюсь, что память о Михаиле Николаевиче Губогло будет бережно храниться и передаваться новыми поколениями ученых не только России и Молдавии.

Литература

1. Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
2. *Губогло М.Н.* Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 544 с.
3. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с., ил.
4. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
5. *Губогло М.Н.* К юбилею Марины Александровны Жигуновой // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 400–402.
6. *Губогло М.Н.* Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев: Б. и., 2008. 560 с.
7. После Михаила Губогло: Материалы научной конференции / сост. П.М. Пашалы. Комрат: Комратский государственный университет (КГУ), 2022. 45 с.
8. *Формузал М.М.* Рыцарь романтики. К 70-летию М.Н. Губогло // Губогло М.Н. Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев, 2008. С. 5–7.
9. *Тишков В.А.* Предисловие // Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 11–19.
10. *Томилов Н.А., Губогло М.Н.* Настоящая сибирячка: к 55-летию Марины Александровны Жигуновой // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4(24). С. 299–310.
11. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. 670 с.

Леокадия Михайловна Дробижева

М. Балзер

Мои заметки посвящены 7 важным урокам, которые я получила от своего друга и коллеги – Леокадии Михайловне Дробижевой, настоящем социологе, с огромной любознательностью и находчивостью, всегда искавшей ответы на важные вопросы и не прятавшейся за пропагандой. Завершаются заметки двумя короткими личными историями (9 сакральных пунктов).

– Всегда оставайтесь открытыми, даже в тех вопросах, на которые, как вам кажется, вы знаете ответ. Мы не знаем, пока не зададим вопросы.

– Избегание изучения межэтнической напряженности не избавляет от нее.

– Представления о родине и ее определениях меняются в зависимости от того, где вы находитесь, когда задается вопрос. Например, находясь в Москве, респондент может сказать, что их родиной является Республика Саха или Якутия. Но, находясь в Якутске, человек может вспомнить о «малой родине» находящейся в улусе. Леокадия была одним из социологов, обративших внимание на значение «малой родины».

– Сепаратизм начинается с политики Центра, а не с краев, областей или республик. Крайне важно оставить место для реального федерализма на основе переговоров. Это вдохновляет меня на размышления о концепции «суверенитета матрешки».

– Различные республики имеют отличающееся культурное наследие. Иногда это означает, что одни более перспективны в решении вопросов экономической и политической идентичности, а другие – более исторически озабочены. Те, кто слишком сосредоточен на исправлении прошлых прегрешений, таких как сталинские репрессии, могут навредить себе, какими бы жесткими и несправедливыми ни были эти репрессии.

– В отличие от некоторых этнографов, работающих в Москве, не надо считать, что нерусские ученые должны изучать только свои республики. Леокадия призывала нерусских (тюркских, финно-угорских, монгольских и других) коллег к сравнительному анализу, а не «только» к изучению своих народов.

– Построение гражданского общества включает в себя взаимодействие государства и общества. Одним из самых амбициозных, но так и не полностью реализованных проектов Леокадии, была попытка помочь обучить полицейских толерантности.

А теперь о личных рассказах:

– Когда Леокадия стала членом правления престижного Института им. Кеннана Центра Вудро Вильсона (с моим мужем Харли), мы смогли чаще видеться с ней в Вашингтоне. Однажды мы взяли ее на джазовый блюзовый джем-сейшн в ту часть города, где преимущественно живут афроамериканцы – такое место, где нам, американцам, все еще нужны полицейские, обученные толерантности. Леокадия была потрясена и тронута, увидев динамику чернокожих (большинство) и белокожих (меньшинство) музыкантов, играющих вместе и радующихся обществу друг друга. Она поняла, что всю жизнь была под прессом пропаганды об апартеиде в США и не до конца понимала, что наш жизненный опыт и дружеские отношения имеют гораздо больше нюансов.

– В 1986 г., когда Леокадия была заместителем директора Института этнографии, я зашла к ней, чтобы порадовать, что получила разрешение на полевую работу в Якутии. Конечно, она уже знала. В ее кабинете сидел еще один коллега. Позже он сообщил мне, что, когда я вышла из кабинета, она призналась ему, что беспокоится о последствиях того, что позволили американскому этнологу увидеть бедность и проблемы Дальнего Востока. Но она проглотила свои опасения, сказав, что надеется, что их общество открывается (перестройка и гласность были новыми словами). Она надеялась, что расширение международного сотрудничества, в конечном итоге, откроет новые возможности для общения и науки.

Так что отчасти своей карьерой я обязана Леокадии и таким отзывчивым людям, как она.

О научном вкладе и жизненных принципах Л.М. Дробижевой

Р.М. Валиахметов

О Леокадии Михайловне Дробижевой и ее вкладе в гуманитарную и социальную науку можно рассказывать и писать очень много. Уверен, об этой удивительно незаурядной и неординарной Личности, пытливом и выдающемся Ученом, талантливом и одаренном Учителе, будут изданы отдельные книги и будут проводиться научные конференции по актуальным проблемам этничности и межэтнического согласия в российском обществе, изучению которых она посвятила всю свою жизнь.

Читая выступления наших коллег из Саха (Якутии), Татарстана и других республик я еще раз убедился в том, что точно с таким же живым интересом, полной отдачей и самоотверженностью она работала и у нас в Башкортостане. Многочисленные встречи и беседы Л.М. Дробижевой с учеными республики, лидерами национально-культурных объединений и руководством региона свидетельствуют о том, что для нее принципиально были важны и ценны общение и диалоги с самими участниками и субъектами происходящих событий и процессов. Они рассматривались Леокадией Михайловной как наиболее надежные и валидные источники актуальной социальной информации, очень часто противоречивой, но полученной непосредственно «из первых рук» и «с глазу на глаз». Она предпочитала сама проводить глубинные интервью, при этом беседовала не только с руководителями и представителями органов государственной власти и управления, но и с теми, кто выражал критические, а порой и оппозиционные, мнения и настроения части населения. Проводила и индивидуальные, и групповые дискуссии с экспертами, известными учеными, религиозными деятелями, представителями общественных организаций и национально-культурных центров. Многим запомнились ее содержательные встречи и дискуссии в Доме дружбы народов Республики Башкортостан, Духовном управлении мусульман Европейской части России, Академии наук РБ, других научных, образовательных и общественных организациях республики. Встречи и беседы Леокадии Михайловны не ограничивались этой уже искушенной, условно, городской, аудиторией. В целевую группу ее наблюдений и интересов естественным и логическим образом вписывались и сельские жители республики, с которыми она очень внимательно, тепло и радушно общалась в этнографически богатых Архангельском и Белорецком районах Башкортостана.

В дни проведения IV Всероссийского социологического конгресса в г. Уфе (21–23 октября 2012 г.) Л.М. Дробижева побила своеобразный рекорд среди участников конгресса, успев активно и результативно поработать на четырех географически отдаленных площадках научного форума. При этом она приехала на конгресс в Уфу с абсолютно новым, только опубликованным результатом нашего совместного исследования под ее руководством [4]. Следует заметить, что в этом же 2012 г. Л.М. Дробижева и ее команда, включая коллег из Татарстана и Саха (Якутии), успели подготовить и опубликовать в этой же серии ИНАБ (Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН) результаты еще двух исследований [2; 3]. Обобщенные итоги всех этих трех исследований, в сопоставлении с данными, полученными в республиках Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия), были изданы в 2013 г. [1]. Вышеприведенный пример напряженной, последовательной и результативной работы в 2012–2013 гг. является не исключением, а скорее жизненным принципом и правилом, которых всегда придерживалась Л.М. Дробижева. Это утверждение находит подтверждение в ее многочисленных научных статьях, докладах, интервью и выступлениях по самым актуальным проблемам этнического развития народов России, их статуса, идентичности, взаимодействия и коммуникации. Особое место в

этом ряду занимают две последовательно изданные монографии по результатам социологических исследований в национальных республиках России [5; 6]. Общаясь с Леокадией Михайловной на протяжении многих лет, я обратил внимание на очень ценное ее человеческое и профессиональное качество. Она всегда слушала собеседника очень внимательно, не отвлекалась на второстепенные вопросы, и в самом конце наших дискуссий и бесед не столько подводила итоги, сколько делилась своими оценками и суждениями, сомнениями и опасениями. Запомнился один из ее очень важных, имеющих принципиальное значение в настоящее время выводов о том, что в условиях современной России в защите (и конституционной, и общественной) нуждается сам принцип федерализма, как фундаментальная основа российской государственности. Л.М. Дробижева была и остается одним из самых авторитетных и тонких знатоков особенностей этнонационального развития республик Российской Федерации. Ей всегда было присуще стремление понимать глубину и суть происходящих событий и процессов, в том числе латентных. Поэтому и неудивительно, что в ней сфокусированы и сконцентрированы одновременно и тонкий наблюдатель, и пытливый аналитик, и глубокий теоретик, умеющий не только увидеть, но и оценивать ситуацию, прогнозировать тенденции и возможные сценарии этносоциальных процессов.

В Республике Башкортостан, равно как в Республике Саха (Якутия) и Татарстане, под руководством Л.М. Дробижевой проводилось (и, как всегда, на очень высоком научно-методологическом уровне) значительное количество инициированных ею сравнительных этносоциологических исследований. Одним из первых проектов, в котором я принимал непосредственное участие, стало исследование, посвященное этнической и социальной стратификации в национальных республиках Российской Федерации [8]. Тогда, в самом конце 90-х годов XX в., мало кто из исследователей обращался к теме и проблемам социального неравенства этнических групп. Л.М. Дробижева и ее команда смело взялись за эту тему, во многом ключевую для дальнейших исследований в республиках Российской Федерации. Анализ объективных социально-экономических, этнодемографических, этнокультурных, социально-политических и дополнительно собранных социологических данных позволил обеспечить не только междисциплинарный и комплексный подходы, но и методологическую основу новых проектов. Как продолжение этой линии и логики исследований мы рассматриваем наше участие в широкомасштабном новом академическом проекте «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации», выполняемом в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности, 2020–2022 гг.». (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г., руководители программы – Тишков В.А., Горшков М.К., Дробижева Л.М., Хабриева Т. Я.). Приглашение в этот всероссийский проект и согласование темы нашего исследования в рамках данной программы стало возможным и потому, что Л.М. Дробижева сама проявляла большой интерес к другим нашим исследовательским проектам и возможностям применения их результатов в общероссийских сравнительных исследованиях. Она была одним из первых «читателей» нашего регионального доклада о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан [7]. Помню маленькую, но весьма примечательную «историю», связанную с тем, что я привез в Москву несколько экземпляров этого издания и один из них хотел подарить Леокадии Михайловне. Но оказалось, она успела уже купить наш Доклад в книжном кабинете/магазине Института социологии РАН.

Завершая настоящее эссе о научном вкладе и жизненных принципах нашей славной коллеги, учителя и наставника, хотелось бы особо подчеркнуть, что оно является лишь малой частью предстоящей нашей общей коллективной работы по изучению богатого

творческого наследия Л.М. Дробижевой и увековечиванию ее доброй памяти. И, конечно же, мы будем стремиться работать с осознанием большого долга перед ней и стараться соблюдать те жизненные принципы и правила, которых неукоснительно придерживалась Леокадия Михайловна – принципиальность, порядочность, последовательность, профессионализм и патриотизм.

Литература

1. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
2. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). М.: Институт социологии РАН, 2012. 97 с. (ИНАБ: Информационно-аналитические бюллетени. №4). URL: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html
3. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: Институт социологии РАН, 2012. 149 с. (ИНАБ: Информационно-аналитические бюллетени. № 6). URL: http://www.isras.ru/ inab_2012_06.html
4. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. 124 с. (ИНАБ: Информационно-аналитические бюллетени. №5).URL: http://www.isras.ru/inab_2012_05.html
5. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
6. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
7. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать. 352 с.
8. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

Ученый с мировым именем и служитель человечности

С.И. Аккиева, Г.Р. Столярова

С.И.Аккиева, М.Н.Губогло, Т.И.Губогло, 1999 г., Нальчик

Михаил Николаевич Губогло – один из самых ярких ученых – этнологов второй половины XX – первых двух десятилетий XXI в. Он является одним из основоположников нового научного направления – этносоциологии. Такие монографии, как «Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР» (М., 1973), «Опыт этносоциологического исследования образа жизни: (по материалам МССР)» (М., 1980) в подготовке и написании которых принимал участие М.Н. Губогло, стали классикой этносоциологии. В конце 1980-х годов Михаил Николаевич стал одним из первых исследователей национальных движений в нашей стране. Он выступил автором проекта и ответственным редактором серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве». Общее число работ в этой серии составляет 137 книг, в том числе 6 работ самого М.Н. Губогло. В изданных в рамках данного проекта книгах впервые была выдвинута, обоснована и изложена концепция, программа и практика этнической мобилизации как причины и следствия роста этнического самосознания. В подготовке этой серии к печати принимали активное участие сотрудники Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Г.А. Комарова, Г.П. Лежава, В.Ф. Грызлов, а также Н.А. Дубова. На обложке всех томов серии размещалась эмблема ЦИМО. Михаил Николаевич Губогло был руководителем ЦИМО с момента его основания и до 2019 г. В настоящее время руководителем является его ученик Р.А. Старченко.

Начиная с 1993 г., М.Н. Губогло принимает участие в совместных с американскими учеными проектах. Первым стал проект «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (авторы: Джерри Хафф, Дэвид Лейтин и Сьюзен Лейманн). Джерри Хафф – один из известных американских советологов, который относился к СССР с определенной долей симпатии. Центр, который он возглавлял в Университете Дьюка, издавал Журнал советских национальностей (Journal of Soviet Nationalities) и проводил семинары по национальным вопросам. К проведению этих исследований М.Н. Губогло подключил и коллег из регионов и новых постсоветских государств. Исследование по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» было проведено в Башкортостане, Татарстане, Казахстане, Украине и Латвии. В Башкортостане в проекте участвовали Р.Г. Кузеев и Ф.Г. Сафин, в Татарстане – Е.П. Бусыгин и Г.Р. Столярова, в Казахстане – С.Ш. Казиев.

Для проведения исследования американскими учеными и сотрудниками ЦИМО ИЭА РАН был разработан «Вопросник» с учетом инструментария, разработанного М.Н. Губогло, Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, для изучения межнациональных отношений в стране. В анкету вошли вопросы В.А. Тишкова по проблемам идентичности и вопросы Г.Р. Столяровой по национально-смешанным бракам.

Вопросник был напечатан на языках народов Башкортостана (русский, башкирский, татарский) и народов Татарстана (русский, татарский, чувашский). Объем выборки в Башкортостане составил 2 тыс. 400 человек, опрос был проведен в 7 городах, объем выборки в Татарстане составил 3 тыс. респондентов (татары, русские, чуваши), опрос проведен в 5 городах. В Казахстане опрос был проведен в 8 городах. Вопросник был переведен также на казахский язык. При проведении исследования в Татарстане и Башкортостане была использована разработанная И.А. Субботиной многоступенчатая стратифицированная выборка, которая дала возможность получить надежные и репрезентативные данные в обеих республиках.

Следующим был масштабный проект по выборной ситуации в России в 1993–1995 гг. Авторы проекта – Т. Колтон (Колумбийский университет), Д. Хафф (Университет Дьюка), С. Лейманн (Колумбийский университет). Опрос проводился на русском, а также на языках титульных этносов в республиках РФ. При разработке вопросника были использованы отдельные вопросы из «Опросных листов» В.А. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, С.В. Туманова, а также вопросы В.А. Тишкова, Г.Р. Столяровой. Многоступенчатая, стратифицированная выборка, охватывающая все население каждой из республик, была разработана И.А. Субботиной.

В дополнение к изложению социальных и политических взглядов, респонденты указали образование, профессию, имя и отчество матери и отца, свое имя и имя первого ребенка. Это исследование, по нашему мнению, является наиболее интересным источником для анализа социальной мобильности и социокультурных процессов в советское время. Авторы статьи были участниками этих исследований и до настоящего времени считают, что это было время открытости и ожидания позитивных перемен. Респонденты на вопросы отвечали охотно, комментировали свои ответы и нередко пускались в пространные рассуждения о политике, экономике, этнополитической ситуации, о политических партиях, лидерах партий и других вопросах. По итогам опросов издана книга «Развивающийся электорат России» в 3-х томах. Первый, авторский, том «Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс» (Т. I. М., 1996) был подготовлен М.Н. Губогло. Второй и третий тома (состоящий из двух выпусков) были коллективные: «Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. II. Выборы-93» (М., 1995) и «Развивающийся электорат России. Этнполитический ракурс. Т. III. Вып. 1; Вып. 2» (М., 1996).

В 1995 г. под руководством М.Н. Губогло был осуществлен проект «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» (авторы – Д. Хафф, С. Лейманн) в 4 республиках РФ: в Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Татарстане. Руководителями исследования в Кабардино-Балкарии и Татарстане были авторы статьи, в Дагестане и Башкортостане соответственно Э.Ф. Кисриев и Ф.Г. Сафин. В каждой республике было опрошено по 2 тыс. человек.

Данные, полученные в ходе этих международных проектов, были использованы при подготовке докладов на международных и общероссийских конференциях, статей и монографий аспирантами и докторантами М.Н. Губогло, а также сотрудниками Центра межнациональных отношений ИЭА РАН.

Организация и проведение крупных международных проектов с такими известными учеными, как Джерри Хафф, Тимоти Колтон и др., реализация проекта «Национальные движения в СССР и на постсоветском пространстве» сделали М.Н. Губогло узнаваемым

на международном уровне. А его разработки теории мобилизованного этницизма и лингвицизма широко цитируются не только в России и странах постсоветского пространства, но и в США, Европе и Азии.

В последнее десятилетие М.Н. Губогло все большее внимание уделял исследованию проблем справедливости, равенства, морали и человечности. Обращение его к этим темам было связано с его собственными нравственными качествами. Михаилу Николаевичу было присуще обаяние, доброжелательность, неизменная корректность в общении с людьми различного общественного ранга и служебного положения. С юности он был вовлечен в общественную работу и продолжал ее вести всю жизнь, был коммуникабельным и общительным. Всегда находил верные и правильные слова, чтобы подбодрить, ободрить, вселить уверенность, если человек в этом нуждался. Вместе с тем, он мог быть в необходимых случаях и принципиальным, но всегда был справедливым. Ему были присущи такие чувства, как справедливость и благодарность, требовательность и отзывчивость, все те качества, которые называются человечностью (как он сам говорил – «адамлык»). Он был сам очень человечным и высоко ценил эти качества. И нам очень больно и тяжело говорить о Михаиле Николаевиче в прошедшем времени. Знакомство с ним, наше сотрудничество было незабываемо и ценно. А всем, кому посчастливилось быть его учениками, повезло несказанно в научном и человеческом плане. Он открыл для своих учеников широкую дверь в науку и был образцом высоких нравственных принципов, альтруизма, человечности, справедливости, учил состраданию, понимаю и умению быть благодарным. Под руководством М.Н. Губогло было подготовлено около двух десятков кандидатов наук и более 10 докторов наук, которые работают в разных регионах России и за рубежом. Каждый из них помнит, будет помнить его всегда и будет благодарен своему Учителю.

Первый этносоциолог Карелии и его коллеги

В.Н. Бирин

Писать о Евгении Ивановиче Клементьеве, с одной стороны, непросто, с другой – легко, поскольку он успел написать о себе сам, издав монографию «Этносоциология в Карелии» [11] и подарив ее мне с автографом: «Виктору Николаевичу, одному из подвижников социологии от автора на память 02.10.2015», на которую я буду опираться [12;14], расширяя или уточняя изложенные в ней факты и события.

Евгений Иванович Клементьев, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Карелия родился в 1938 г. в карельской деревне Ондозеро Ругозерского района Карельской АССР в многодетной семье карельских крестьян. После окончания школы и службы в рядах Советской Армии поступил в Петрозаводский государственный университет им. О.В. Куусинена (далее – ПетрГУ) на историко-филологический факультет, который закончил в 1967 г. Был распределен в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее – ИЯЛИ КФ АН СССР), в котором проработал до конца жизни более полувека в должностях лаборанта, младшего и старшего научного сотрудника, ученого секретаря института (1975–1979), заведующего сектором этнографии и этносоциологии (1983–1990), ведущего научного сотрудника.

В 1967 г. от ИЯЛИ был направлен в аспирантуру Института этнографии АН СССР, которую закончил в 1970 г. Специализировался по специальности «этносоциология» в секторе конкретно-социологических исследований, который возглавлял д.и.н. Ю.В. Арутюнян. Защитил диссертацию по теме «Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)» (1972).

Е.И. Клементьев является автором более 250 научных работ, в том числе 13 книг по истории Карелии, этнической истории карелов, вепсов, финнов, конфликтологии, этнологии, этносоциологии, этнополитологии. Руководил более чем 90 исследованиями по изучению этнокультурных и языковых процессов у карелов, вепсов, финнов, образу жизни сельских карелов, русских и белорусов, оценке развития национальной школы республики, деятельности органов государственной власти и управления Карелии различных уровней, политической ситуации накануне и после выборов Президента России, депутатов Государственной Думы РФ и Законодательного Собрания Карелии, Главы Республики Карелия, глав администраций муниципальных районов местного самоуправления. Участвовал во многих российских и международных исследовательских проектах, более 10 лет являлся экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов по Карелии [11: 9–10].

Е.И. Клементьев, З.И. Строгальщикова, В.Н. Бирин, ИЯЛИ, конец 1980-х годов. Фото из статьи Ю. Литвин

В годы аспирантуры Евгений Иванович активно общался с сотрудниками, собранными тогда в составе Сектора конретных-социологических исследований культуры и быта народов СССР, позднее переименованный в сектор этносоциологии: Л. Дробижевой, М. Губогло, В. Мальковой, С. Савоскулом, Л. Остапенко, И. Субботиной, В. Большаковым, В. Кондратьевым, Л. Тульцевой, В. Шамшуровым, И. Гришаевым, А. Сусоколовым, А. Санниковой, о которых он с теплотой и душевностью вспоминает на страницах свой последней монографии «Этносоциология в Карелии» [11: 14–22].

Еще будучи аспирантом, в июне 1969 г., Евгений Иванович в числе трех студентов-историков Петрозаводского государственного университета взял на опрос Александра Кожанова. Позднее он так вспоминал об этом: «В один из первых дней практики подходит ко мне Саша Кожанов и спрашивает: “Евгений Иванович, а где и как можно получить такую специальность, как у Вас?”. Говорю, что надо лишь с отличием окончить университет и получить направление в аспирантуру. Буду надеяться, что Институту языка, литературы и истории потребуются специалисты по этносоциологии. Так и получилось: после окончания университета с “красным” дипломом Саша поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию по проблемам методики изучения национального самосознания. Научным руководителем у него, как и у меня, а несколько лет спустя и у Виктора Бирина, был Юрий Вартанович Арутюнян. С тех пор прошло более 45 лет нашего творческого сотрудничества. Как равноправные руководители мы провели не один десяток социологических исследований по самым различным проблемам современной жизни» [11: 28].

Мое знакомство с Евгением Ивановичем было другим. Осенью 1977 г. меня, студента 3 курса историко-филологического факультета ПетрГУ, один из преподавателей направил к нему на встречу в ИЯЛИ. Как я узнал позднее, Евгений Иванович просил своих коллег из университета найти для него студента, способного к научной деятельности. По-видимому, я произвел впечатление такового.

Первая встреча была короткой. Он посмотрел на меня с интересом, расспросил о жизни, увлечениях, желании заняться наукой и перспективах поступления в аспирантуру. Поскольку я такое желание изъявил, он дал мне перечень литературы по истории и этнографии края, пожелал не сбавлять темпов в учебе и выходить на «красный» диплом. На 5-м курсе я писал у него дипломную работу, получил «красный» диплом и был взят на работу в ИЯЛИ в качестве старшего лаборанта. Через два года поступил в аспирантуру Института этнографии, которую проходил в том же секторе и общался с теми же людьми, что и Евгений Иванович Клементьев.

После окончания аспирантуры в 1985 г. я вернулся в ИЯЛИ КФ АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Евгений Иванович как зав. сектором определил мне научно-исследовательскую тему «Брак и семья сельского населения Карельской АССР».

Одновременно он инициировал избрание меня секретарем партбюро ИЯЛИ (мы оба были члены КПСС), причем, не посвятив меня абсолютно в свои планы. Для меня было полной неожиданностью выдвижение на этот пост и единогласное избрание. Я, конечно, посетовал, что так не делают, даже не поговорив со мной. На что он возразил, дескать, зная твою склонность к рефлексии, лучше тебя поставить перед фактом. Не переживай, справишься, тем более я буду рядом. Он возглавлял профком института. В те времена именно триада: директор – секретарь партбюро – председатель профкома решали в основном все дела института. Таким образом, с подачи Евгения Ивановича, я пять лет возглавлял партбюро и затем еще два года (по август 1991 г.) был заместителем секретаря парткома Карельского научного центра (КарНЦ) РАН, часто выполняя обязанности секретаря.

Евгения Ивановича отличало чуткое отношение к людям. Я не помню, чтобы он кого-нибудь резко осуждал, как правило, только журил. В качестве примера можно привести переаттестацию сотрудников ИЯЛИ в 1986 г. По должности мы с Евгением Ивановичем были членами аттестационной комиссии. Процедура достаточно формальная, все понятно, кроме ситуации с одним археологом, чей конфликт с коллегами обострился, и исход голосования был не ясен. В тот момент я не очень еще знал этого человека и не понимал, как голосовать. Евгений Иванович пояснил, что у каждого человека в жизни бывают неурядицы, что в отношении с коллегами он не во всем прав, допустил бестактность, и в этом плане критика его справедлива. С другой стороны, археология для него – смысл жизни, он ею увлечен, открыл новую стоянку первобытного человека, и если мы его уволим, то сломаем ему жизнь. Со временем все перемелется и забудется, а человека не вернешь. Голосование завершилось *фифти-фифти*, что трактовалось в пользу аттестуемого. Здесь были и наши с Евгением Ивановичем голоса. Жизнь показала его правоту: археолог принес извинения коллегам и продолжил работу в ИЯЛИ, став довольно известным в своей сфере человеком.

Вспоминается еще один острый момент нашей жизни на сломе времен – январь 1991 г. События вокруг телецентра в Вильнюсе, где в противостоянии с группой спецназа СССР, направленной для его захвата, погибли люди с той и другой стороны. Это вызвало возмущение многих людей, в том числе и среди сотрудников КарНЦ РАН. Рассказываю об этом впервые. Объединенный комитет профсоюзов КарНЦ РАН решил организовать в знак протеста против событий вокруг Вильнюсской телебашни митинг-забастовку по принципу итальянской, т.е. прийти и не работать, а собраться в актовом зале. Решение доведено до руководства КарНЦ РАН, которое потребовало собрать партком. Вести его мне. Все участники заседания впервые сталкиваются с подобной ситуацией. Готового решения нет. Советуюсь с Евгением Ивановичем. Он рассуждает, что подавляющая часть сотрудников возмущена действием спецназа, они – за осуждение этих действий. Если партком пойдет против, то полностью потеряет свой авторитет у сотрудников, если поддержит – потеряет доверие горкома КПСС. «Сам-то ты “за” или “против”? Если “за”, то смотри по обстановке, готов ли ты противостоять горкому?»

Заседание парткома прошло внешне спокойно, хотя чувствовалось серьезное внутреннее напряжение. Представитель горкома выступил против проведения митинга-забастовки, я возразил, сказав, что мы не можем противопоставлять себя основной массе сотрудников КарНЦ и предложил, чтобы каждый член парткома решил для себя сам, с кем он. Решили митингу не препятствовать, членам парткома определиться самим с участием или неучастием в этом мероприятии. На следующий день актовый зал был полон. Мы с Евгением Ивановичем также присутствовали. Из всех членов КПСС, присутствовавших на митинге-забастовке, выступил только я. По мотивам своего выступления вечером написал стихи, где были такие строки:

Где же наша петиция?
Голос нынче в цене –
Ведь прошла репетиция
Переворота в стране.

Нам сыграли прелюдию
Тонким посвистом пуль
Те потомки иудины,
В ком не вышибли культ.

Культ «родного любимого
Дорогого отца».
До сих пор отрыгается
Торжество подлеца.

Евгений Иванович был со мной солидарен.

Одним из кардинально изменивших мою жизнь решений стало поступление на государственную службу в только что созданный Комитет по межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, прообраз нынешнего Миннаца РК. (в тексте также упоминается Госкомнац – в зависимости от времени он имел разное название). Получив приглашение от республиканских властей, я пришел посоветоваться к Евгению Ивановичу, который в тот момент лежал в больнице. Позднее, в 2013 г., когда я уходил из Миннаца в отставку, на проводах он вспомнил этот момент. «В 1992 г. Виктора Николаевича пригласили работать в Миннац. Он говорит: “Евгений Иванович, ну не хочу я туда, мне здесь [в ИЯЛИ – В.Б.] нравится”. Время было переломное, трудное в социально-экономической и политической ситуации, нам стали задерживать зарплату. Я говорю: “Виктор Николаевич, у тебя двое детей, ты сегодня должен думать о семье, о детях: их надо растить, учить, одевать и кормить”. И он ушел на госслужбу. Это не значит, что он потерялся для науки. Я с ним постоянно поддерживал контакт, мы тесно работали по ряду проектов, я постоянно заходил в Миннац за информацией, и Виктор Николаевич никогда не отказывал мне в той информации, которую я хотел получить, сам делился интересной информацией. Сборники документов по национальным проблемам Карелии, которые мы подготовили вместе с Кожановым, выполнялись с активным участием Виктора Николаевича, без помощи которого мы не смогли бы обойтись. Я рад, что у нас с Виктором Николаевичем сложились такие добрые и рабочие отношения» [5]. Если Е.И. Клементьев благословил меня, то А.А. Кожанов отнесся к моему переходу на госслужбу весьма скептически, что, впрочем, никак не сказалось на наших отношениях.

Несмотря на то, что Александр Алексеевич в 1988 г. ушел из ИЯЛИ в ПетрГУ на преподавательскую работу, наше творческое содружество сохранялось. В 1992 г. он стал редактором моей первой монографии [2] и блестяще справился с этой ролью. Его тщательность и дотошность проявилась здесь в полной мере. Во-первых, он помог мне квалифицированно, с минимальными потерями сократить четверть текста, придать книге определенный шарм. Во-вторых, его внимание к мелочам, к точности названия должностей, событий, ссылок на факты и т.п., подготовки текста «под ключ» помогло мне в дальнейшем в выполнении функций редактора различных научных и иных сборников, многолетнего ведения раздела «Земля Карельская» в республиканской газете «Карелия», посвященного проблемам народонаселения и реализации национальной политики. Все это Александр Алексеевич ненавязчиво прививал мне в процессе редактирования монографии, за что я всегда ему был благодарен.

В ходе работы возник конфликт – расхождение мнений о структуре работы: Кожанов настаивал, что одна из глав, особенно для меня важная и бывшая одной из центральных в книге, должна быть переделана. Я яростно возражал, доказывая, что переделка существенно нарушит концепцию книги. Александр Алексеевич шаг за шагом подводил меня к мысли, что ее все же надо переделать и это заметно улучшит логику восприятия работы. Переделка состояла в том, что главу нужно было «вывернуть» так, как выворачивают рукав шубы или пальто. Работа достаточно трудоемкая.

При этом Кожанов «вычесал абсолютно всех блох», что бывает не так часто. Теперь, когда я беру в руки книгу и не нахожу ни одной ошибки или опечатки, я с благодарностью вспоминаю настойчивость, тщательность и скрупулезность Александра Алексеевича. В принципе, это касается всех текстов, к которым приложил свою руку Кожанов, как своих собственных, так и совместных, коллективных. Качество поразительное и достойно восхищения для людей понимающих.

Оценивая время конца 1980-х – начала 1990-х годов, Евгений Иванович отмечал, что *«когда наступила перестройка, то я понял, что могу писать то, что думаю, а не то, чего от меня ждут»* [14]. В 1992 г. мы с ним подготовили первый неподцензурный сборник «Карелы, Финны. Проблемы этнической истории» [9]. Там были опубликованы материалы, которые ранее не прошли цензуру. В частности, мои статьи по этнодемографии карелов и финнов. Там же впервые была размещена статья С.Г. Веригина, ныне директора Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ «О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года». Отпечатанный в Институте этнологии и антропологии РАН сборник был роздан делегатам первого и единственного Национального конгресса карелов, финнов, вепсов, проходившего в Петрозаводске в ноябре 1992 г. Один из делегатов, Иван Сергеев, прочитав данную статью, так вдохновился темой, что провел свое более углубленное исследование, результатом которого стала книга «Заговор генералов» [15]. Одну из главных ролей сыграл тогдашний первый секретарь ЦК КП/б/ Карело-Финской ССР и член Военного совета Карельского фронта, генерал-майор Геннадий Николаевич Куприянов, отстоявший республику и спасший карелов и вепсов от репрессий и депортации. Позднее он был арестован по «ленинградскому делу», подвергся пыткам, унижениям и мучениям, отсидел в тюрьме, реабилитирован, но властями республики в 1960-е – 1980-е годы воспринимался очень холодно. В момент публикации сборника преимущественно негативная оценка его деятельности в республике сохранялась. В 2010 г. известный карельский журналист, кстати, украинец, член Общества украинской культуры «Калина», Анатолий Гордиенко написал книгу «Куприянов и его время» [7], где с беспощадной документальностью описания сурового, драматичного периода жизни нашего края – конца 1930-х – 1940-х годов дал объективную характеристику личности и оценку деятельности тогдашнего первого секретаря.

Я предложил посвятить наш сборник Геннадию Куприянову, Евгений Иванович возразил. Пригласили А. Кожанова в качестве третейского судьи. Он поддержал Клементьева. Я до сих пор жалею, что не смог их убедить. Позднее они согласились, что можно было и посвятить, но в тот момент оставались еще в плену «общественного мнения». А мы могли быть первыми.

В 1993–1997 гг. в России осуществлялись социологические исследования сложившимся международным российско-американским коллективом: Центром социологических исследований МГУ (директор – С.В. Туманов), Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологи РАН (руководитель – М.Н. Губогло) и группой американских ученых под общим руководством известного американского политолога Джерри Хаффа (Университет Дьюка, Институт Брукинга) и Сьюзен Лейман (Колумбийский университет).

Первым таким мероприятием стало (беспрецедентное, по мнению ФСБ) российско-американское социологическое исследование «Предвыборная ситуация в России», проведенное осенью 1993 г. К исследованию меня привлек М.Н. Губогло, сожалея, что Клементьев из-за болезни не сможет принять в нем участие. Я заверил, что будем проводить втроем, вместе с Клементьевым и Кожановым.

Это был первый опыт моего сотрудничества с Михаилом Николаевичем, затем я неоднократно участвовал во многих социологических исследованиях, проводимых или курировавшихся им. Участников предстоящего социологического исследования собрали в одном из подмосковных домов отдыха на инструктаж или установочную сессию. С российской стороны кураторами выступили профессор С. Туманов, объединивший в основном представителей вузовской науки российских краев и областей, и д.и.н. М. Губогло, объединивший представителей республик РФ, многие из которых являлись «выпускниками» Института этнологии и антропологии РАН. Михаил Николаевич создал потрясающую атмосферу единой многонациональной семьи народов России. Коллеги с удовольствием общались друг с другом и самое главное – выступили единой сплоченной командой. Это было особенно заметно на фоне представителей вузовской науки, затевавших перманентные склоки и скандалы. Это обстоятельство сильно удивило американцев: дескать, как так, русские конфликтуют между собой, а «националы» выступают дружным, тесным, монолитным коллективом.

Еще больше удивило американцев участие в конференциях по итогам проведенных социологических исследований, в частности, посвященных выборам в Государственную Думу 1995 г. и ситуации между первым и вторым туром президентских выборов 1996 г. Обсуждение среди представителей вузовской науки проходило в традиционном академическом стиле и было достаточно скучным. В то же время доклады «националов» проходили в неформальных жарких дискуссиях и с исключительным уважением к мнению друг друга, с доверием к высказанным выводам и представленной информации. Думаю, данная ситуация весьма забавляла Михаила Николаевича и даже, возможно, восхищала. (Сужу по своему впечатлению и более поздним беседам с М.Н.). Полагаю, что многие стереотипы американских коллег в отношении России и ее народа были разрушены М.Н. Губогло в процессе как беседы с ними, так и организации совместных конференций и семинаров.

В 1998 г. в рамках конференции, подводящей итоги еще одного совместного исследования «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование», руководитель группы американских ученых Джерри Хафф организовал смешанные секции, объединив представителей вузовской науки и этнологов (этносоциологов). Нам это, мягко говоря, не очень понравилось. Во-первых, нас интересовали темы друг друга, особенно то, как развиваются события в республиках, во-вторых, не привлекал академичный в худшем значении этого слова стиль обсуждения. Мы являлись в ту или иную секцию на доклад коллеги и устраивали «допрос с пристрастием», что раздражало остальных. В итоге, после окончания работы секций мы собрались вместе и устроили неформальный семинар в наших традициях. Думаю, это было интересно всем. Информация, полученная на этих конференциях и семинарах, была для меня крайне полезной, поскольку я реализовывал национальную политику на практике. Еще раз я вспомнил добрым словом эти семинары и конференции, когда несколько лет назад выступал в качестве эксперта по вопросу кровной мести и куначества в судебном заседании Верховного Суда Республики Карелия.

Вернемся, однако, к исследованию 1993 г. Было сформировано три группы интервьюеров из студентов ПетрГУ. Мы с Клементьевым поехали в свои «вотчины»: он – в Олонец, я – в Сортавалу, Кожанов отправился в Медвежьегорск. Петрозаводск «опрашивали» вместе. Евгений Иванович рассчитал всю выборку, чем очень облегчил нам с Сашей задачу. Александр обеспечил студентами, я вел финансовую отчетность. Опрос был проведен качественно: мы уложились и в сроки, и в смету. Все были довольны. Я отвез массив

М.Н. Губогло и получил от него задание: всем троим написать очерк об этнополитической ситуации в Карелии и готовиться к конференции по итогам проведенного исследования. Евгений Иванович и Александр Алексеевич ничего этого делать не стали (не помню уже, по каким причинам), в итоге пришлось «отдуваться» мне.

В 1995 г. финансирование мероприятий, проводимых в рамках реализации национальной политики, практически не проводилось из-за дефицита средств. Для получения хоть какой-нибудь финансовой поддержки было принято решение о подготовке республиканской целевой программы «Возрождение и развитие языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия». Я пригласил Евгения Ивановича поучаствовать в подготовке проекта этой программы. Он охотно согласился. Работалось дружно и согласованно. Мы подготовили проекты Концепции возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия и одноименной РЦП. Правда, при утверждении окончательного варианта программы от наших предложений остались «рожки да ножки». Это обстоятельство сильно удручало Евгения Ивановича, впервые столкнувшегося с тем, что даже самые правильные и прогрессивные решения зависят от наличия средств и за отсутствием оных не могут быть приняты.

Карельский язык – особая тема в национальной политике Карелии и главная тема научных исследований Е.И. Клементьева. Пожалуй, никто столько не написал о своем родном языке, как Евгений Иванович. Он «вел» эту тему на протяжении всей своей жизни, он страдал ею, стучался в разные инстанции, особенно в Министерство образования и Миннац Карелии. Его статьи и материалы всегда были аргументом при принятии решений в языковой сфере. Поэтому драматические события языковой эпопеи о придании карельскому языку статуса государственного вовлекли в свою орбиту и Е.И. Клементьева. (Я не буду останавливаться подробно на всей этой теме, надеюсь, напишу об этом отдельную статью, коснусь только участия Евгения Ивановича в этом процессе).

Решение о придании карельскому языку статуса государственного было принято на 1 съезде карелов, прошедшем в 1991 г. в г. Олонце. Евгений Иванович был одним из инициаторов его проведения и делегатом, следовательно, это и его решение.

Однако в течение следующих трех лет никто не рискнул приступить к реализации принятого решения. Депутатам Верховного Совета Карелии 1992–1993 гг. было не до этого. Они участвовали в противостоянии законодательной и исполнительной власти, обострившемся в те годы. После роспуска Верховного Совета и принятия новой Конституции 1993 г. все ждали выборов в новую структуру – двухпалатное Законодательное Собрание Карелии. Попытка З.И. Строгальщиковой, возглавлявшей в Палате Республики Законодательного Собрания РК комитет по государственному устройству и национальной политике, сформировать рабочую группу по «языковому проекту» на базе Законодательного Собрания с треском провалилась: депутаты реально чуть не подрались (говорю как свидетель и очевидец, участвовавший в этом мероприятии), после чего тема «зависла».

Видя такое дело, Председатель Правительства Карелии В.Н. Степанов поручил Госкомнацу подготовить «языковой» законопроект. Я решил сформировать рабочую группу из своих коллег – сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН, в состав которой, конечно же, включил Е.И. Клементьева. Помня о негативном опыте З.И. Строгальщиковой, чтобы первое заседание рабочей группы не превратилось в словесное сотрясение воздуха, которое уже изрядно всем надоело, я подготовил расширенный вариант проекта закона «О языках в Республике Карелия», который и предложил для обсуждения в марте 1996 г. При его подготовке я использовал подобные законопроекты, имевшиеся в других республиках, а кое-где уже принятые и ставшие законами. Главная цель моего проекта заключалась в том, чтобы направить работу коллег в конкретное конструктивное русло, максимально сократив их словесные упражнения.

Проект, как и ожидалось, был раскритикован. Когда градус эмоций понизился, я сказал, что они неправильно понимают свою роль. «Вы – не эксперты, вы – авторский коллектив, и все замечания и предложения, которые здесь были высказаны, необходимо преобразовать в новый законопроект. И это должны сделать именно вы». Повисла пауза, после которой Евгений Иванович выразил желание такой законопроект подготовить. На волне эмоционального подъема сделал он его быстро и представил в Госкомнац. Проект был показан другим членам рабочей группы и дополненный их небольшими замечаниями направлен В.Н. Степанову, который принял решение опубликовать его для общенародного обсуждения. 3 сентября 1996 г. проект с моей пояснительной запиской был опубликован в главной республиканской газете «Карелия» [3: 112–114]. Сделано это было в нарушение действующего законодательства, в соответствии с которым в республиканской прессе могли публиковаться только проекты Конституции Карелии. Случай для Карелии уникальный.

Одобрив пояснительную записку в целом, Евгений Иванович не согласился с некоторыми ее тезисами. Особенно его обидела фраза: «Конечно, рабочая группа прекрасно понимает, что карельский язык в его нынешнем состоянии не может выполнять функции государственного языка в республике». Прочитав ее, он позвонил и с дрожью в голосе спросил: «Виктор, ну как ты можешь писать это, да еще от имени рабочей группы?»

– Ну, ведь это – правда.

– Правда, но не нужно об этом писать, когда идет острая дискуссия о законопроекте.

– Евгений Иванович, я честно и объективно показал ситуацию, тем более она всем известна. Мы, как орган государственной власти, т.е. Госкомнац, не должны замалчивать острые проблемы, иначе доверия к нам не будет.

Обсуждение проекта в прессе было бурным, Госкомнац буквально завалили замечаниями, предложениями, упреками и т.п. Я предложил Евгению Ивановичу продолжить работу над законопроектом, включившись в обсуждение и анализ поступившей информации, которая, надо сказать, существенно корректировала концепцию данного законопроекта. Однако Евгений Иванович от этой работы уклонился. Не принимал он участия в обсуждении существенно доработанного законопроекта ни на заседании Коллегии Госкомнаца РК 25 декабря 1996 г. [8: 235–240], ни на заседании правительства Карелии 25 февраля 1997 г. [6], ни на заседании Палаты Республики Законодательного Собрания РК 29 января 1998 г. [16: 256–276]. Не знакомился он также (в тот период) с многочисленными отзывами на законопроект как юридических лиц, так и обычных граждан. Т.е. практически выпал из борьбы за «языковой проект», который изобиловал многими драматическими и детективными моментами.

Поэтому, когда Е.И. Клементьев включил в книгу «Этносоциология Карелии» раздел «Будет карельский язык государственным языком? Хроника событий», я возразил и предложил его снять, «поскольку он выходит за рамки заявленной темы и явно выбивается из повествования». Это мягко сказано, т.к. написан он был тенденциозно и фактологически неточно. Евгений Иванович участвовал только на начальном этапе подготовки законопроекта, в его дальнейшей доработке после всенародного обсуждения в прессе участия не принимал. Он считал, что его проект был самый оптимальный и правильный. На мой вопрос, почему же к нему было высказано столько замечаний, поправок и дополнений, он обвинил людей в недопонимании ситуации. Мое возражение, что политика есть компромисс между желаемым и возможным, его не убеждало. На этот раз А.А. Кожанов меня решительно поддержал. Евгений Иванович прислушался к нашему мнению и раздел изъял.

Наша дискуссия с Евгением Ивановичем о состоянии и перспективах карельского языка носила перманентный характер. В 1997 г. он возражал против моего тезиса о том, что слабая общественная функциональная нагрузка, приходящаяся на национальные языки, не способствует их развитию и усвоению в процессе получения образования, что

школа предоставляет ограниченные возможности в сохранении и развитии навыков родной речи. В 2002 г. на научно-практической конференции Евгений Иванович согласился с выводами Госкомнаца о том, что школа не в состоянии обеспечить языковую преемственность поколений [16: 65]. В 2015 г. он согласился, что надежда на то, что школа станет одним из важнейших условий широкого воспроизводства двуязычия в карельской среде как фактор сохранения языковой преемственности поколений, становилась все более призрачной; что она не соответствует ожиданиям национальной интеллигенции [16: 60].

В 2002 г. по заказу Госкомнаца РК Евгений Иванович провел исследование карельской языковой ситуации, сложившейся в начале XXI в. В частности, он посетовал, что только 26% карельских детей изучает свой родной язык, а правительству до этого нет дела. Я возразил: «Вы предлагаете, чтобы чиновники, госслужащие, в том числе я, ходили и агитировали карелов, чтобы они отдавали детей в классы с изучением карельского языка. Мне кажется, это дело общественных карельских организаций. Сейчас карельские активисты 1990-х годов перебрались в Финляндию. Там их дети и внуки.

– Сколько наших с Вами знакомых, коллег, друзей уехало из Карелии?

Евгений Иванович помрачнел и с болью произнес:

– Хорошо, что я не увижу, как умрет этнос.

– Да и я не увижу. Все-таки это процесс длительный. Я же не случайно еще в 1999 г. предложил и обосновал одну из основных целей национальной политики в Карелии – “Сохранение и развитие карелов и вепсов как уникальных этносов мирового сообщества”. Эта цель перешла в Стратегию государственной национальной политики в Республике Карелия и остается в ней до сих пор. Так что не нужно говорить, что правительство ничего не делает».

В этом же исследовании за «огосударствление» карельского языка проголосовало 29%, в то время как за закон, защищающий приоритеты карельского языка в сфере образования и культуры, высказались 47% опрошенных [16: 63]. Общественное мнение изменилось. Это подтвердило правильность намерений Госкомнаца РК подготовить законопроект «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», который был принят в 2004 г.

До ухода в Госкомнац я был назначен ИЯЛИ одним из редакторов тома «Прибалтийско-финские народы России». Эту работу взял на себя Евгений Иванович, я остался исполнителем разделов по этнодемографии. Благодаря ему эта тяжелая кропотливая работа была выполнена, том издан и занял свое законное место в ряду подобных изданий Института этнологии и антропологии РАН.

Подготовку сборников материалов и документов в рамках серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» Карелия начала с заметным опозданием. Одна из причин – все мы, эносоциологи, занимались своими делами. Толчок дал М.Н. Губогло, посетовав Евгению Ивановичу, дескать, почему вы, Карелия, остаетесь в стороне от публикаций документов и материалов по этнополитической ситуации в Карелии. Упрек был абсолютно справедливым и задел Клементьева за живое. Он собрал нас с Кожановым, подключил нашу коллегу З.И. Строгальщикову и за 2005–2018 гг. по проекту «Современная этнополитическая ситуация в Карелии» было издано 6 сборников документов [8]. Основная нагрузка легла на Е.И. Клементьева и А.А. Кожанова, я принял участие в двух сборниках, в которых, по мнению Евгения Ивановича, без моего участия было не обойтись. Главным организатором и идейным вдохновителем этой работы был именно Е.И. Клементьев. Без его мягкой настойчивости и целеустремленности мы, боюсь, ничего бы не сделали. Это целиком и полностью его заслуга, о чем я прямо сказал М.Н. Губогло, с чем он согласился. Сборники документов – ценнейшие источники по изучению этнополитической ситуации в республике в постсоветский период, они регулярно используются

исследователями для научной работы и моими студентами при подготовке выпускных квалификационных работ.

Е.И. Клементьев был многолетним участником Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, директором-основателем которой стал в 1993 г. директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, ныне академик. Вот как вспоминает об этом сам Евгений Иванович: «Приглашение принять участие в работе Сети стало для меня абсолютно неожиданным. От имени Валерия Александровича позвонила Мара Яновна Устинова, исполнительный секретарь проекта (это было в конце июля 1994 г.), объяснив, что в проект приглашаются специалисты, чья работа связана с национальной проблематикой». В течение нескольких дней ему привезли из Москвы компьютер и подключили его к сети Интернет, что было тогда большой редкостью, поскольку компьютеризация делала только первые шаги [11: 93].

В качестве участника Сети он побывал во многих странах: Кипр (Лимасол), Северная Ирландия (Белфаст, Лондондерри), Шри-Ланка, Хорватия, Испания, Турция, Франция, Алжир, Черногория и др. [11: 188], регулярно публиковал свои материалы в бюллетенях Сети, экземпляры которых постоянно приносил мне в Госкомнац. В 2012 г. он завершил работу в Сети. За 1994–2012 гг. им было опубликовано 140 отчетов, статей, сообщений.

А.А. Кожанов, Е.И. Клементьев. Петрозаводск, 2006 г.

Мое общение с Евгением Ивановичем продолжалось 40 лет и прошло все стадии: ученик-учитель, подчиненный-начальник (руководитель), коллеги. Он всегда оставался для меня старшим товарищем, с которым я советовался, принимая те или иные решения на своем пути. Мы проводили совместные исследования, в которых помогали друг другу: я делал по его просьбе что-то для его исследования (чаще всего опрос каких-либо этнических групп или населения определенных районов), он что-то делал для моих исследований (смотрел анкету, выборку, давал адреса карелов (с этим всегда была проблема, особенно в Петрозаводске) и даже сам некоторых из них опрашивал в качестве интервьюера. Иногда мы смотрели проекты итоговых отчетов друг друга на предмет правомерности тех или иных выводов.

В тандеме с А.А. Кожановым Евгений Иванович работал значительно чаще, чем со мной. Начиная с 1979 г., они провели ряд крупномасштабных исследований, посвященных социальным проблемам жизни населения Карелии, среди которых особенно значим проект «Финны Карелии» 1994–1995 гг., инициатором которого выступил ПетрГУ, выпустили две книги исследований сельского населения Карелии и многое другое. Их исследования носили как научный, так и практический характер, наши проекты с Евгением Ивановичем чаще носили прикладной характер и касались практических проблем реализации

национальной политики. Время от времени мы объединяли усилия для проведения совместных социологических исследований либо реализации научно-исследовательских проектов. Бывало, мы выступали как соредакторы, но ни одной совместной статьи у меня с Евгением Ивановичем или с Александром Алексеевичем не получилось, хотя планы такие были. Единственная наша совместная статья, посвященная проблемам формирования этнической группы белорусов в Карелии и их социально-культурным характеристикам, была опубликована в 1992 г. в Вестнике Белорусской академии наук на белорусском языке [13: 90–98].

В последние годы Евгений Иванович много усилий посвящал систематизации того разнообразного материала (данных статистики, официальных документов, решений и резолюций съездов, вырезки публикаций в СМИ и т.д.), который был накоплен им в течение научной жизни с последующей передачей его в научный архив Карельского научного центра. После смерти жены он жил один. Ввиду преклонного возраста, он ушел из ИЯЛИ и стал полноправным пенсионером, но продолжал работать. «Не могу сидеть без дела, так воспитан», – говорил он мне.

В 2015 г., будучи уже в отставке и работая в Карельском филиале РАНХиГС, я принял участие в совместном карельско-белорусском научно-исследовательском проекте «Белорусы в Карелии». В это же время КРОО Общество белорусов Карелии «Криница» решило провести первый съезд белорусов Карелии, дескать, чем мы хуже карелов, которые к тому времени провели 8 съездов. Помещение для проведения данного мероприятия предоставил Карельский филиал РАНХиГС. Меня попросили выступить с докладом о состоянии белорусской диаспоры в республике. Грех было не воспользоваться ситуацией, когда со всей республики приехало более сотни делегатов-белорусов, и не опросить их. Я оперативно подготовил анкету для небольшого этносоциологического исследования и «сбросил» ее на электронную почту Евгению Ивановичу с просьбой посмотреть. Он попросил меня прийти к нему. «Работать на компьютере не могу, зрение подводит, читаю только с лупой», – пояснил он.

Как обычно, мы расположились в его кабинете и обсудили вопросник. Я заметил, что книжные полки, прежде ломившиеся от книг, брошюр, журналов и других разных материалов, были практически пусты. «Отдал все в библиотеку Карельского научного центра, – ответил он на мой вопрошающий взгляд. – А что ты хочешь? Мне уже мало осталось. Хочу закончить еще один проект – подготовить библиографический справочник по увековечиванию памяти людей, внесших существенный вклад в изучение, сохранение, развитие и использование культурно-языкового наследия карельского народа. Материал собран, может, успею».

Я сказал, что 80-летие мы обязаны отметить. Кроме того, я хочу летом свозить его на Ладогу, в Сортавалу, на остров, где он наконец-то покажет мне свой мастер-класс по рыбной ловле. Сказал, что отвезу и привезу обратно на своей машине (он уже не водил). Однако летом он пожаловался на плохое самочувствие, и мы никуда не поехали. Осенью у меня был плотный учебный процесс в КФ РАНХиГС, звонил ему несколько раз, но он не брал трубку (как сказали позднее, был в больнице). 25 декабря, накануне дня моего рождения, прямо во время лекции мне позвонили и сообщили грустную весть, что Евгений Иванович умер.

Проститься с Е.И. Клементьевым пришло достаточно много людей, родные, близкие, родственники, сотрудники ИЯЛИ и ПетрГУ. Все, с кем он работал, дружил, общался. Не было только Саши Кожанова, который в это время болел.

На поминках, проходивших в небольшом кафе Петрозаводска, остались самые близкие люди и институтские коллеги. Я, пожалуй, выступал больше всех, так сказать, за себя и за Сашу. Вспомнил много неожиданного, сожалел, что наши планы не реализовались, отметил, что Евгений Иванович самоотверженно служил науке 50 лет, прожил интересную

жизнь, занимаясь любимым делом, написал много работ по истории карелов и Карелии, создал группу этносоциологов, по сути, выпестовав нас с Сашей, поставил на крыло и дал путевку в науку. Может, не во всем мы соответствовали его замыслам, разошлись по разным сферам деятельности, но все же мы собирались и реализовывали совместные проекты, проводили этносоциологические исследования, использовали полученные результаты на практике при планировании мероприятий по реализации национальной политики в республике.

Заканчивая небольшой очерк, подумалось, а ведь это счастье – иметь такого доброго, светлого, надежного человека рядом. И я такое счастье имел. За что искренняя и безмерная ему благодарность.

P. S. 29 мая 2021 года, на 72 году, ушел из жизни Александр Алексеевич Кожанов. Мне сообщили об этом спустя несколько дней. Я находился в Сортавале и не смог проводить его в последний путь, тем более что в условиях пандемии прощание было ограничено только кругом близких родственников. В мемориальных материалах, размещенных в Интернете, его все называли историком и ни разу не упомянули о том, что он – этносоциолог. «Историк – это скорее мировоззрение, образ мышления, это уровень образованности, широта кругозора», – говорил Александр Алексеевич в интервью газете «Простые Истины», которая выпускалась в 2008–2010 гг. студентами исторического факультета [1].

«Мне всегда хотелось преподавать», – отвечал он на вопрос, почему в 1988 г. он из ИЯЛИ перешел в ПетрГУ, в стенах которого проработал четверть века. В 1991 г. его избрали заведующим кафедрой дореволюционной истории России. Сложившийся благодаря его усилиям коллектив единомышленников стал основой для создания в 2004 г. новой кафедры – архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, которая осуществляла подготовку специалистов по перспективному направлению и которой он бессменно заведовал вплоть до ухода на пенсию.

«Строгий, но справедливый», «защитник студентов», «настоящий историк» – так говорили о нем университетские коллеги. Он был внимателен к их потребностям и запросам, всегда поддерживал талантливых студентов, оказывал помощь молодым, начинающим сотрудникам. Один из студентов в комментариях сравнил его с Каа из «Книги джунглей»: «с “породистым” грустно-ироничным чувством юмора; студент при виде силуэта высокой фигуры в коридоре университета вытягивается по струнке и мысленно кается за все прегрешения» [10]. Студенты ценили в нем чувство юмора.

Широкий кругозор, независимость и неординарность мысли, умение аргументированно и спокойно отстаивать свою позицию, желание слушать и слышать, что говорит собеседник, неизменная внутренняя собранность и подтянутость, ненавязчивая принципиальность, сочетаемая с тонким остроумием и доброжелательным сарказмом [4], – таким он остался в памяти коллег и студентов, таким его помню и я.

Литература

1. *Кожанов А.* Россия – страна невыученных по истории уроков. Интервью Михаилу Мешкову. URL: https://gazeta-licey.ru/public/loss/97209-aleksandr-kozhanov-rossiya-strana-nevyuchennyh-urokov (дата обращения: 15.03.2022).
2. *Бирин В.Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 256 с.
3. *Бирин В.Н.* Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия // Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 112–114.
4. В память об Александре Алексеевиче Кожанове (01.09.1949–29.05.2021). URL: https://petrsu.ru/news/2021/95855/v-pamyat-ob-aleksand#t20c (дата обращения: 15.03.2022).

5. Видеозапись выступления Е.И. Клементьева в Миннац РК 3 октября 2013 года / Архив автора.
6. Выписка из протокола №35 заседания Правительства Республики Карелия // Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 254.
7. *Гордиенко А.А.* Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
8. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 112–114. Финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006. 258 с.; Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 337 с.; Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду. Сборник материалов и документов / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 247 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 2. Умеренное крыло. Сборник материалов и документов / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 250 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 3. Радикальное крыло (1990–1993) / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов; отв. ред. З.И. Строгальщикова, С.Э. Яловицына. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. 242 с.
9. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М, 1992. 227 с.
10. Кожанов Александр Алексеевич: Отзывы о преподавателе. URL: https://professorrating.org/professor.php?id=117164#gsc.tab=0 (дата обращения: 15.03.2022).
11. *Клементьев Е.И.* Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 208 с.
12. *Клементьев Евгений Иванович* // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Клементьев,_Евгений_Иванович (дата обращения: 15.03.22).
13. *Кляменцеу Е.І., КашанауА.А., Бірын В.Н.* Беларусы у Карэліі: фармирование этнічнай группы// Весцы Акадэміі Беларусі. Серыя грамадскіх навук. Мінск. 1992. № 1. С. 90–98.
14. *Литвин Ю.В.* Евгений Иванович Клементьев и становление этносоциологии в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. Вып. 5. URL: https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1644 (дата обращения: 15.03.22).
15. *Сергеев И.И.* Заговор генералов. Петрозаводск: Барс-Афган, 1995. 360 с.
16. Стенограмма заседания Палаты Республики Законодательного Собрания Республики Карелия «О проекте Закона Республики Карелия “О языках в Республике Карелия”» от 29 января 1998 года // Карелы: модели языковой мобилизации: сб. материалов и документов. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КНЦ РАН [и др.], 2005. С. 256–276.

«…Нельзя к минувшему остынуть…» (О «молдавском поле» московских этносоциологов)

И.А. Субботина

И.А. Субботина, 1972 г.

Удивительная штука – память. Очень похожа на морозное зимнее окно, покрытое причудливыми узорами. Ты его можешь долго рассматривать, удивляясь волшебству тонкой вязи, множественности линий, соединений, переходов, фигур, нежности рисунка, таинственного мерцания света. Ты видишь, кажется, очень многое... Но стоит немножко поскрести пальцем по этому заледенелому, узорному полю, и тебе открывается новый мир, знакомый до боли, но скрытый до времени. И чем больше тепла таит твоя рука, тем прекраснее, отчетливее и шире картина воспоминаний. «…Нельзя к минувшему остынуть...»

Эти заметки – дань памяти тем людям, ныне живущим и уже ушедшим от нас, с именами которых у меня была связана значительная часть жизни, яркие воспоминания о единственных или многократных, многолетних этносоциологических исследованиях. За более чем полувековой (написала – и даже страшно стало самой!) период наших этносоциологических исследований, Судьба (в лице, прежде всего, Юрия Вартановича Арутюняна, а потом и Михаила Николаевича Губогло) забрасывала нас в разные уголки нашей страны (сначала это был Советский Союз, потом – Россия). Мы не только изучали далекие, неведомые нам края, но и знакомились с новыми людьми, которые на многие годы становились нашими добрыми коллегами и друзьями. Почти с каждой союзной или автономной республикой СССР, так случилось, были связаны имена людей, проходивших стажировку в нашем секторе (а позднее Отделе) этносоциологии, в ЦИМО, учившихся в аспирантуре нашего Института, участвовавших в наших экспедициях и научных исследованиях, защищавших у нас кандидатские и докторские диссертации, становившихся впоследствии руководителями научных отделов, кафедр и целых институтов, получавших звания профессоров и даже академиков. Для меня Татария навсегда связана с Розой Мусиной, Башкирия – с Фаилем Сафиным, Карелия – с Женей Клементьевым, Сашей Кожановым и Витей Бириным, Кабардино-Балкария – с Мишей Кумаховым и Светланой Аккиевой, Тува – с Зоей Анайбан, Грузия – с Ирмой Кецховели, Армения – с Рубеном Карапетяном и Рубеном Оганджаняном, Киргизия – с Абылабеком Асанкановым и Светой Каракеевой, Казахстан – с Саттаром Казиевым, Литва – с Йонасом Мардоса, Эстония – с Владимиром Паролем, Украина – с Валей Гриценко и Толей Шевченко, а Молдавия – с Валентином Степановичем Зеленчуком, Светланой Нестеровой, Степаном Курогло.

С каждым из этих людей меня связывали (и связывают до сих пор) отношения дружбы и сердечной привязанности, взаимной (надеюсь!) теплоты и сопереживания, с каждым из

них связаны курьезные случаи, эпизоды и целые сериалы нашей этносоциологической жизни, почти о каждом можно рассказать историю. Но сейчас мне бы хотелось вспомнить о тех из них, с кем доводилось встречаться и работать в Молдавии.

Так случилось, что Молдавия стала для меня первым (и многократным) этносоциологическим полем в СССР, с ней же связаны и многолетние исследования русских и гагаузов постсоветского периода, результатом которых стало для меня множество статей и четыре «молдавских» монографии: «Русские в Молдавии: миграция или адаптация?» (1998 г.), написанная в соавторстве с Любовью Остапенко; «Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья. Молдавия» (1998 г.); «Гагаузы: расселение, миграция, адаптация» (2007 г.); «Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя…» (2012 г.) (в соавторстве с Л. Остапенко и С. Нестеровой).

Молдавия, эта земля, щедро обласканная солнцем, с ее певучими холмами, вытканными многоцветными коврами виноградников, с ее серебряными родниками и гнездящимися у домов аистами; с ее прекрасными, печальными и безудержными песнями и танцами; с ее богатыми подвалами с золотыми и багряными винами, терпкими, настоянными на душистом дыхании белой акации и щемящей горечи полыни, напоенными ароматами созревающего хлеба и спелой айвы, навсегда вошла в мое сердце как часть родной земли, Родины, называвшейся когда-то Советским Союзом.

«ОСУ»

Поскольку Молдавия была исследовательским полем многих и многих проектов московских этносоциологов, расскажу лишь о тех, в которых мне самой довелось участвовать. Первые этносоциологические исследования на земле Молдавии (1971 г.) были связаны с реализацией масштабного научного проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» (коротко – ОСУ), автором которого был Юрий Вартанович Арутюнян, доктор исторических наук, в то время зав. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, которому на момент начала этих грандиозных исследований было всего-навсего 42 года. Но мы, сотрудники его сектора, молодые, 20–30-летние, воспринимали Юрия Вартановича как известного Ученого, за плечами которого были серьезные, новаторские исследования в области сельской социологии, как талантливого Открывателя нового научного направления в России – этносоциологии, как Руководителя, голова которого рождала множество идей, зачастую гениальных. И как Поэта, писавшего глубокие, философские стихи. Всегда трепетно относилась к поэтам, потому что Поэт, как мне кажется, от рождения отмечен особой печатью и живет по своим законам, находясь в постоянном поиске чего-то неведомого другим…

Первый этап этого масштабного этносоциологического проекта занял 5 лет (1971–1975 гг.), в течение которых мы по 2–3 раза в год выезжали в республики, отобранные для исследования – Молдавию, Грузию, Эстонию, Узбекистан и три области России (Тверская и Саратовская области, Краснодарский край) – с целью сбора различной статистической, архивной и пр. информации, а главное – проведения многотысячных опросов титульного и русского населения этих регионов СССР. Первой по времени реализации этого проекта стала Молдавия.

Помню, как сейчас, август 1971 г., день отъезда в Кишинев нашей небольшой группы, которая должна была подготовить выборку основного исследования в Молдавии. Главным «выборщиком» во всех этих исследованиях был Валера Кондратьев, рано ушедший из жизни – почти одновременно с окончанием реализации этого проекта, в 1990 г.

Опрос должен был охватить несколько тысяч человек, как городских, так и сельских жителей двух основных национальностей республики – молдаван и русских.

Из дневниковых записей 1971 г.:

Ну, вот… Мы еще не успели выехать из Москвы, а уже первое происшествие. Наш поезд отбыл в Кишинев …без нас. Оба Валеры (Кондратьев и Шамшуров) и я явились на Киевский вокзал минут за 20 до отправления поезда. Мы спокойно стояли на перроне, около своего 6-го вагона и уже предвкушали удовольствие от того момента, когда мы все займем места нашего отдельного купе и поезд тронется. Но судьба распорядилась по-своему. Пока мы обменивались впечатлениями о проведенном отпуске, Валера Кондратьев горевал об отсутствии вагона-ресторана в нашем поезде (он не взял с собой ничего из съестного), время шло, световое табло неумолимо показывало цифру за цифрой. И чем дольше мы на него смотрели, тем меньше и меньше надежд оставалось у нас на отъезд… Не было N.N., у которой все наши билеты. Валера К. все чаще и чаще чертыхался, посылая все громы и молнии на голову бедной N. и вообще всего женского пола. Валера Ш. побежал зачем-то к бригадиру поезда. Разве он надеялся, что нас посадят без билетов, если он объяснит ситуацию? Или поезд задержат ради нас? Когда до намеченного срока осталось 2 минуты, мы потеряли последнюю надежду: даже если бы N. появилась в это мгновенье на перроне, она не успела бы добежать до 6-го вагона. Но мы еще ждали…Поезд, задержавшись на 1 минуту, отбыл. Проводницы, которых Валера К. посвятил в тайны наших душевных мук, сочувственно качали головами и переговаривались о том, как нам не повезло. Итак, поезд ушел, а мы остались, не зная, что думать и что теперь делать.

Примерно через полчаса после отправления поезда, когда наше терпение уже истощилось, появилась N. Ничего толком не сказав о причинах своего опоздания, она предложила нам пройти в кассы вокзала и поменять билеты, что мы и сделали. Теперь взяли билеты на поезд Москва – Бухарест, он – скорый и прибудет в Кишинев лишь на 1 час позже того, на который мы опоздали. Теперь каждый взял свой билет, чтобы больше не было подобных происшествий. Наши новые билеты были в разных, вагонах, разных купе, но все же мы доехали…

В тот первый экспедиционный выезд я работала с Володей Большаковым на севере Молдавии – в Бельцах, Сороках, Фалештах и окрестных селах. В ту осень в Молдавии были зафиксированы случаи заболевания холерой, был объявлен карантин, и многие дороги в Кишинев были перекрыты, чтобы в столицу не завезли этой заразы. Мы передвигались по республике на своей экспедиционной машине, а вдоль дорог – непривычные для нас огромные деревья грецкого ореха, персиков, попадались и яблони. И все это нам хотелось попробовать, тем более что экспедиционное полевое «довольствие» составляло всего 50 коп. в сутки, и есть хотелось почти постоянно. Вода, чтобы помыть фрукты, не всегда попадалась на пути, и мы, молодые и легкомысленные, ели их, немного стерев руками возможную дорожную пыль. Самой осторожной среди нас была N., не притрагивавшаяся к фруктам, если они не были вымыты. И надо же так случиться, что именно N. была единственной из нашего экспедиционного отряда, кто попал в больницу с признаками дизентерии. А поскольку в Молдавии был объявлен «холерный» карантин, N. пришлось провести в инфекционной больнице Кишинева почти весь наш экспедиционный срок.

Казалось бы, довольно однообразные молдавские пейзажи – виноградники на певучих холмах, поля кукурузы и подсолнечника, уже опустившего к земле свои тяжелые черные головы, маленькие города, ничем не отличавшиеся от крупных сел, почти полное отсутствие каких-либо достопримечательностей, даже в столице республики; достаточно утомительная работа, связанная с бесконечными (до 10 человек в день) опросами, инструктажем студентов, выступавших в роли интервьюеров, проверкой заполненных анкет, своевременной корректировкой выборки – все это не могло вызвать в нас каких-то ярких, незабываемых впечатлений. Но чем-то зацепила душу эта земля, может быть, простотой и

щедростью ее жителей, в большинстве своем сельских, теплотой и отзывчивостью их сердец: «*Сердце его, как лютня. Чуть тронешь – и отзовется…*»

Следующий этап наших исследований в Молдавии пришелся на 1975 г., когда все в тех же отобранных регионах страны начались опросы представителей этнических меньшинств республик. Для Молдавии это были украинцы, болгары и гагаузы.

Из дневниковых записей 1975 г.:

Дорога в Кишинев. Почти не помню. Был вечер, потом было утро, потом снова вечер… Долгая дорога и …воспоминания о прошлой дороге, о дожде, лившем не переставая. Подъезжаем к Кишиневу, и снова дождь, молнии блещут в полнеба. Нас встречают (в отличие от прошлого приезда). Объятья, поцелуи. Сначала – все знакомые лица – Валентин Степанович Зеленчук, заведовавший в ту пору Отделом этнографии и искусствоведения в Молдавской Академии, неизменно приветливый, обаятельный, гостеприимный, решавший все вопросы и проблемы, возникавшие при проведении наших исследований в Молдавии; Елена Постолаки и еще какие-то сотрудники Отдела, имена которых не сохранились в памяти. А потом, вдруг, уже на вокзальной площади – новый человек: волосы с сильной проседью, а лицо молодое. Красивые, печальные глаза за длинными ресницами. Знакомимся – Степан Курогло, сотрудник Отдела этнографии и искусствоведения, этнограф и известный гагаузский Поэт (Именно эту поэтическую сущность Степана Курогло, который был и известным гагаузским этнографом, а позднее политическим и общественным деятелем Молдавии, я ценила выше всех его остальных сущностей…).

…Закончив работу в Сороках и Кишиневе, мы отправились на юг Молдавии, в Кагул, приграничный с Румынией городок, где должны быть продолжены наши опросы. Нас было шестеро: Степан Курогло, Володя Коршунов, Саша Кожанов, Верочка Малькова, Ирина А. и я. День был жаркий, в машине было душно, мы несколько раз останавливались передохнуть, выпить родниковой воды. Проехали Комрат. Через несколько километров на нашем пути гагаузское село Бешалма («Пять яблок»). Красивое село на берегу р. Ялпуг. На высоком речном берегу – церковь. Умели выбирать для них места.

Сворачиваем с шоссе к селу. Здесь расположен гагаузский историко-этнографический музей. Первый и единственный гагаузский музей. Его основатель, а ныне директор – Д. Кара-Чобан, гагауз, историк по образованию и …Поэт. Большой энтузиаст своего дела. Музей открылся совсем недавно, несколько дней назад.

Д. Кара-Чобан – человек малопривлекательный внешне, невысокого роста, очень худой, густо заросший черной щетиной, в каком-то помятом костюме. Но как рассказал нам Степан Курогло, хорошо его знавший, это человек глубокого ума, широкой эрудиции, талантливейший поэт и очень добрый человек. Интересно, все гагаузы – поэты?

Нам показывают музей. На одном из стендов – фотография нашего Михаила Губогло, еще совсем молодого, красивого, мало похожего на себя теперешнего. Его фотография – среди трех снимков других ученых, выдвигающих разные гипотезы происхождения гагаузов. На другом стенде видим еще одно знакомое лицо – Степан Курогло, гагаузский поэт, несколько сборников его стихов представлены здесь же…

Попрощавшись с Д. Кара-Чобаном, оставив в книге гостей благодарственную запись, мы отправились дальше, в Кагул. Нашу машину нигде не останавливали, хотя мы все время ждали, когда же будет проверка наших пропусков в погранзону. Благополучно добрались до Кагула, встретили здесь П. Паскаля, всегда веселого, жизнерадостного молдавского историка, который сопровождал нас в этой поездке и помогал во всем.

Мы вчетвером, Степан К., П. Паскаль, Вера М. и я, отправились в горком партии. Без похода по партийным инстанциям не начиналось ни одно наше исследование. Нас принимал 2-ой или 3-ий секретарь, еще весьма молодой мужчина, голубоглазый, красив какой-

то скорее северной красотой. Так и не поняли, кто он по национальности: русским языком владеет совершенно свободно, хотя некоторый акцент все же присутствует. Он вызвал к себе зав. Отделом агитации и пропаганды (Б.Н.) и поручил ему все заботы о нас.

Б.Н. рассказал нам о городе, о его проблемах, о связях с Румынией и немного о себе. Оказалось, что он – украинец, но почти всю жизнь живет в Молдавии, молдавского языка не знает совсем. Мы очень удивились и спросили, каким же образом он общается с приходящими к нему по разным вопросам людьми. Он объяснил, что всегда может обратиться к кому-либо из работников Горкома за помощью, если вдруг не найдет общего языка с человеком, который к нему пришел. Мы, было, подумали, что незнание молдавского языка, вероятно, мешает его карьере здесь, в молдавском городе. Но нет, оказалось, что Б.Н. весьма доволен своим служебным продвижением и не ощущает какого-либо «зажима».

Помимо вопросов, связанных с работой, мы выяснили, возможно ли посмотреть погранзаставу. Оказалось, что на погранзаставе есть небольшой музей, и можно организовать туда экскурсию…

Кагул – город приграничный. Его отделяет от Румынии только река Прут. Нам показали музей, рассказали о заставе. Мы расспросили, много ли бывает нарушений границы. Да, говорят, много, но чаще – по недоразумению. Впервые своими глазами я видела контрольную полосу, а за ней – Прут. На той стороне – уже Румыния. Мы постояли у раскрытых ворот, ведущих к мосту через р. Прут. Велико было искушение переступить через «границу». Володя Коршунов сказал: «Будь там, за мостом, Франция, можно было бы рискнуть, а ради Румынии…».

…Итак, после окончания недельных опросов в Кагуле, мы вернулись в Кишинев. Прошел день, и наступило 19 сентября – день рождения Веры М. Мы собрались в Отделе В.С. Зеленчука. Поздравления, маленькие подарки. Ждем машину, чтобы можно было поехать в Ханску. Это местечко неподалеку от Кишинева, в зоне Кодр, археологическая база молдавской Академии наук, где предполагалось провести выходные перед новым этапом работ. Нас было много, человек 10, во главе с И.Г. Хынку (археолог, «хозяин» этой базы).

Археологическая база, до которой мы добрались только к вечеру, представляла собой вот что: несколько хорошо построенных, симпатичных домиков, служивших живущим здесь в полевой сезон археологам спальнями; кухня; несколько кладовых помещений; рядом прекрасный колодец с журавлем. Вокруг – чудесные холмы (место раскопок древнего поселения) и светлый, чистый широколиственный лес.

Мы очень устали за дорогу, всем хотелось есть, а потому сразу приступили к приготовлению ужина из тех продуктов, что захватили по дороге. Вынесли на лужайку перед домиками столы, подвесили на шесте лампу (уже становилось совсем темно), разложили все привезенные продукты, расставили тарелки, кружки, вилки и ложки, которых на базе оказалось в избытке. Пока мы готовили ужин, ребята (Игорь Гришаев, Миша Губогло, Степан Курогло, Сережа Савоскул и Володя Коршунов) отправились в лес за хворостом для костра, который мы развели здесь же, на лужайке. Поужинали довольно быстро и стали потихоньку, по одному перемещаться от стола к костру, потому что становилось уже прохладно. Все же осень… Вскоре мы все уже сидели вокруг огромного, жаркого костра. Потихоньку разговаривали, пели. Степан читал нам свои стихи, пел печальные гагаузские песни…

Потом кто-то включил небольшой приемничек, и в тишине ночи раздался какой-то удивительно широкий, роскошный вальс. Миша Г. подхватил меня и закружил вокруг костра. Вальс сменило какое-то полузабытое старинное танго. Игорь церемонно пригласил меня, и мы на неровном лужке у костра пытались танцевать.

Игорь и Степан вдруг решили продемонстрировать нам борьбу. Расстелили брезент, приготовились. Игорь в прошлом занимался классической борьбой, Степан – вольной. Не успели мы опомниться, как Степан мгновенным рывком перекинул Игоря через себя, и тот оказался

на лопатках. Это было почти невероятно. Игорь, видимо, тоже не ожидал такого оборота и был заметно смущен. Но, кроме того, он как-то неудобно упал и здорово ушиб плечо.

Потом мы снова сидели у костра, образовались уже какие-то группки. Мы расположились втроем с Игорем и Степаном. Были какие-то воспоминания о Средней Азии. Игорь, обращаясь к Степану, сказал: «Вот, сколько времени прошу Ирину говорить мне "ты". Еще с Пскента, а она все "Вы" да "Вы". Даже обидно…» (Это обращение на «Вы» сохранилось у меня с Игорем Гришаевым до самого конца …).

Хынку вдруг предложил всем пойти на раскоп. Мы с радостью согласились. Время близилось к полуночи. Огромная луна заливала все вокруг своим таинственным светом. Мы бродили по раскопу, Хынку рассказывал… В такую ночь легче, чем при свете дня, представлять себе это древнее поселение: постройки, очаги, дороги. Проведя всех по раскопу, Хынку увлек нас на один из холмов. Мы поднялись на вершину, сели в траву и несколько мгновений наслаждались удивительнейшей тишиной ночи и какой-то неземной, залитой ярким, холодным лунным светом красотой этих мест. Хынку сказал, что ровно в полночь здесь появляются привидения, которые идут от одного могильника к другому. И вот, в этой полночной тишине, ровно в 12 часов раздались вдруг какие-то жуткие звуки и крики. Это было так неожиданно, и так страшно, что я невольно вздрогнула. Может быть, так кричит какая-то птица?

Еще немного посидев на холме, мы спустились вниз. Хынку, этот неугомонный человек, предложил прогулку по ночному лесу. Лес в этих местах удивительно красив: светлый, чистый, просторный, почти без подлеска, багряный и оранжевый. Все деревья соединены между собой тонкими лучами паутины. Приходится разрушать эти мосты, обойти невозможно: они всюду. Даже сухие травинки и цветы под ногами опутаны серебряными кружевами. И после этой долгой ночной прогулки по удивительно светлому (так ярко сияла луна) лесу, от тишины и красоты волшебной ночи на душе стало как-то хорошо и светло… Мы вернулись к костру. Все почему-то проголодались. Отыскали остатки сыра, помидоры, испекли в золе картошку и съели все это с огромным удовольствием. Долго еще мы продолжали любоваться гаснущими углями костра. Молчали. Думали… (Позднее, Степан К. написал очень красивое стихотворение, которое так и называлось «У костра»). *Разошлись мы, когда начало светать…*

Назавтра, при прощании, кто-то предложил переименовать это местечко в Хынск…

…После нашего с Сашей Кожановым возвращения из Рыбницы, где мы целую неделю вели опросы, в один из воскресных дней Игорь Гришаев и Сережа Савоскул предложили нам с Верой Мальковой прогулку по Кишиневу, вернее, не просто прогулку, а осмотр известного в городе армянского кладбища и церкви (Именно на этом кладбище покоятся ныне Валентин Степанович Зеленчук и Степан Степанович Курогло. – *С.И.*). *Мы отправились часов в 12. Ребята сказали, что примерно представляют себе, где все это располагается, и мы тронулись в путь. Долго блуждали мы где-то по окраинам Кишинева, по каким-то оврагам, заросшим зеленью кустов, с разбросанными кое-где старыми домишками. День был очень приятный, и мы подчас забывали о первоначальной цели своего путешествия, останавливались возле деревьев грецкого ореха. Игорь взбирался на них и пытался палкой сбивать орехи, которые мы, стоя внизу, долго отыскивали потом в траве. Мы шли не спеша, останавливались у каких-то незнакомых нам кустов и цветов, иногда срывая понравившийся лист, ягоду, цветок. Наконец, после долгих блужданий мы попали в так называемую Долину Роз, а проще, в парк отдыха. Побродив здесь немного, мы наткнулись на небольшой ресторанчик, очень симпатичный, напоминающий по форме теремок... Мы уже проголодались и решили здесь пообедать. Спустились вниз, в ресторанчик, носящий название «Старый погреб». Низкие каменные своды. Полумрак. Деревянные столы, стулья с очень высокими резными спинками. Нам подают еду в глиняных мисках и горшочках, вино в кувшине. Приятно за обедом и разговорами проходит время…*

Пообедав, мы снова отправляемся на поиски армянской церкви. Забредаем на какую-то строительную площадку. Игорь влезает на стрелу экскаватора, чтобы с высоты обозреть окрестности и определить, куда же нам следует идти. Церкви он, конечно, не увидел, зато в поле его зрения попало колесо обозрения, и мы решаем покружиться на нем и высмотреть церковь с высоты. Покупаем по дороге виноград, добираемся до колеса, усаживаемся в «люльки», поднимаемся, и вот, наконец-то… Совсем рядом мы видим купол столь долго искомой церкви.

Спускаемся вниз и, пытаясь не потерять направления, выбираемся из парка. Через несколько минут – мы у церкви. Сегодня – воскресный день и потому в церкви – служба. Но она еще не началась. Будет в 19. У нас есть немного времени, и мы бродим по кладбищу. Осмотрев его, мы возвращаемся к церкви. Начинается служба. Церковь, хотя и армянская, но теперь «во власти» католиков. Молодой ксендз. Прекрасный голос. Мягкий и вкрадчивый. Служба идет на двух языках – польском и немецком. Иногда звучат отдельные русские слова и фразы. Прекрасно поет хор.

Выстаиваем всю службу, а потом пешком пускаемся через весь город в обратный путь, усталые, но довольные…

Были и другие, казалось бы, ничем особенно не примечательные, но запомнившиеся всем участникам, маленькие эпизоды нашей молдавской экспедиционной, в целом, очень утомительной жизни – мы были молоды, счастливы (или не очень), немножко влюблены и жили ожиданием нового и чудесного впереди!

Много-много лет спустя, в 2009 г., когда в ЦИМО готовился к выпуску 9-ый том издания «Курсом развивающейся Молдовы», посвященный юбилею Степана Курогло, а я была ответственной за составление этого тома, мне захотелось обратиться к нашим коллегам, работавшим на «молдавском поле» и знавшим Степана Курогло с просьбой откликнуться статьями и заметками на это событие. Я сразу вспомнила о тех, кто бывал в наших молдавских этносоциологических экспедициях, и написала в Петрозаводск Саше Кожанову, который редко или почти никогда (по какой причине – неведомо мне) не откликался на наши предложения приехать, поучаствовать в наших конференциях, симпозиумах, встречах.

Из переписки с Сашей Кожановым:

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 9 ноября 2009 г. в 13:08

Саша, здравствуй! Написала тебе письмецо, но, оказалось, у тебя иной адрес.

Вот, пишу вновь...Почему ты совсем пропал из нашей московской жизни? Мы так часто вспоминаем тебя, что, кажется, вот-вот ты появишься вновь :-)…Теперь о том поводе, который заставил меня написать. Ты знаешь, конечно, что в силу разных обстоятельств, наш Центр много лет работает на поле Молдавии, у нас много дружеских и творческих связей с тамошними коллегами. Одному из них – Степану Курогло – в начале будущего года стукнет 70... мы задумали выпустить небольшую книгу статей друзей-коллег, знающих и еще помнящих друг друга. Я думаю, Вы с Женей (Клементьевым) *не откажетесь посвятить Степану Курогло – этнографу, Поэту, революционеру – какие-либо Ваши статьи. И, может быть, предваряя эти серьезные публикации, можно было бы сказать пару теплых слов о юбиляре и о прошлых встречах и расставаниях…Главное – чтобы Вы в этом сборнике приняли участие, чтобы прозвучали Ваши голоса…*

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 2 декабря 2009 г. в 19:27

Дорогая Ира! Извини, что не ответил сразу. Как-то трудно после стольких-то лет... Конечно, виноват перед вами всеми. Уж простите. Посылаю свою меморию о Степане. Получилось очень кратко и очень сентиментально, я бы даже сказал, слезоточиво. Но именно так я к нему и отношусь. Очень рад был получить от тебя письмо. Даже не представляешь, как рад. Передай всем от меня привет. Всегда ваш – был, есть и буду. АК

МЕМОРИЯ
Степану Курогло

Бывает так, что встретился с человеком один-два раза, а память о нем живет в душе. Особенно, если встреча случилась, когда тебе не очень хорошо, когда тебе нужна поддержка – и вдруг неожиданно незнакомый человек протягивает руку, подставляет плечо и становится близким и родным.

Я часто вспоминаю осень 1975 года в Молдавии, степные путешествия, а потом поездку в Подмосковье. Тогда мы с тобой катались на лыжах, я посмеивался – не ваш, не степняков, это вид спорта, вечером за «спиртягой» мы строили планы твоего приезда к нам в Карелию, рыбалки на островах. Не получилось. Пока?

Иногда снимаю с полки книгу твоих стихов и открываю ее. Я не знаю гагаузского языка. Но на титульном листе надпись: «“Старому” другу – “лесорубу” Александру Кожанову от автора – “пастуха” из Буджакской степи с пожеланием и впредь оставаться верным кунаком, добрым и надежным человеком, немного удачливым и, если бог даст, чуть-чуть самоуспокоенным. Отныне знай, что на юге у тебя есть друг».

Радушный, душевно щедрый, рыцарски благородный – таким ты навсегда остался для меня. Что тебе можно пожелать в день твоего юбилея? Долгих лет жизни.

Спасибо тебе.

А.А. Кожанов.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 2 декабря 2009 г. в 22:30

Сашенька! Благодарна тебе! За теплые и нежные слова, а еще больше – за чувства, что за словами…Жалею, что в книгу, которую послала Вам, не смогла написать воспоминаний о Молдавии. Было бы много о тебе...Я часто вспоминала, как однажды в Институте, увидев тебя, понуро стоящим возле дверей сектора, спросила: «Что ты стоишь здесь, как сирота?». А ты ответил: «А я и есть сирота...». Как мне было долго-долго стыдно...

Саша! Не пропадай из нашей жизни! Пиши, хотя бы иногда!

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 30 декабря 2009 г. в 22:17

Дорогая Ира! Спасибо за поздравление. Я тоже желаю тебе всего самого наилучшего и не только в следующем году. На всю оставшуюся жизнь, как говорится. Спасибо тебе за все. Всем передай, пожалуйста, от меня привет и поздравления. Я всех помню и люблю. После нашего с тобой обмена письмами мне приснился сон. Как будто, мы опять в Молдавии, и там все или почти все. Так было хорошо и немного грустно. Но о грустном не будем.

Саша.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:28

…Саша, а сам-то ты как?

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:48

Знаешь, если честно – не очень.

Субботина Ирина irinalsu@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 20:52

Саша! Может быть, я что-то могу сделать для тебя? Чем-то помочь?

Скажи, я сделаю все, что в моих силах.

Кожанов Александр aleksa-kozhanov@yandex.ru 4 февраля 2016 г. в 22:13

Ира, ничего не надо. С вами, женщинами, надо держать ухо востро. Нельзя расслабляться. С заведования кафедрой я ушел, университет наш разваливается. Наверное, это как-то сказалось… Но не будем о грустном. Ничего особенного с нами не происходит.

Пожалуйста, не беспокойся.

* * *

Теперь о серьезном. Первой большой книгой нашего Отдела, написанной на материалах этносоциологических исследований в Молдавии (не считая множества статей, докладных записок, подготовленных для различного уровня партийных органов, написанных, главным образом, Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой) была коллективная монография, в которой приняли участие практически все сотрудники, «Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР», выпущенная под редакцией Ю.В. Арутюняна, в издательстве «Наука», в 1980 г. Следующим крупным коллективным трудом Отдела, основанным на материалах этносоциологических исследований во всех выбранных республиках, в том числе и в Молдавии, была книга «Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования)», вышедшая в том же издательстве в 1986 г., спустя 15 лет после начала реализации проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

Последней книгой проекта «ОСУ» и последней коллективной монографией отдела этносоциологии стала монография «Русские», над которой мы трудились с особым интересом, ведь большинство нашего коллектива были русскими, и все происходящие в стране перемены в положении русского населения мы пропускали через свое русское самосознание, через свое сердце. Книга вышла уже в 1992 г., после распада СССР. Писали мы ее по материалам, собранным за весь период реализации проекта, но основные перемены, происходившие в стране накануне, в 1980-е годы, она уже высветила. Так, в книге, впервые в научной литературе, было отмечено зарождение тех миграционных процессов, которые позднее, в начале 1990-х, выльются в потоки русской миграции из вновь созданных независимых государств. 1980-е годы явились тем поворотным моментом, когда характерная для истории русских инерция центробежного движения, «растекания» по территории Советского Союза ослабла, когда зародилось и стало набирать силу противоположное по направлению движение – центростремительное, «собирающее» русских в Россию.

Помнится, когда я писала эту главу по миграции, мне необходимо было объяснить причины этого нового явления, и я не могла пройти мимо того, что казалось мне главным: стремление многих республик к независимости, созданию самостоятельных суверенных государств, разработка и принятие в них законов о языке, гражданстве, миграции были восприняты многими русскими как ущемление их человеческих и гражданских прав, что привело к усилению национального противостояния и межнациональных конфликтов. Были высказаны и более резкие замечания о политике, проводимой в отношении русского населения, в тех (еще) союзных республиках, где мы вели свои исследования. Но Юрий Вартанович, который был ответственным редактором этой книги, сказал, что нам еще предстоят исследования в этих республиках в будущем (видимо, даже он еще не чувствовал приближающегося распада Союза), что не нужно нарушать уже сложившиеся связи и отношения, и снял целый кусок моего текста. Я пыталась возражать, но мне было сказано: «Вот, когда будете писать свою книгу, напишете все, что хотите. А пока я – ответственный редактор, Вы будете писать так, как я считаю нужным». Было обидно это слышать и, вероятно, это заявление было последней каплей, переполнившей чашу терпения. Хотелось осуществления собственных исследований. Еще в процессе подготовки этой книги, ощущая неполноту, недостаточность нашего методического инструментария, нашей анкеты для анализа вызванных временем трансформаций изучаемых нами процессов, мы предлагали Юрию Вартановичу модифицировать анкету, которая оставалась во многом неизменной на протяжении десятилетий: каждому из нас, участников коллективного этносоциологического проекта ОСУ, требовались иные подходы, новые методы исследования, в том числе и новые анкетные вопросы (поскольку именно анкетный опрос оставался основным инструментом, с помощью которого мы собирали материал для освещения тех проблем, которыми занимались). Но Юрий Вартанович был непреклонен и никаких изменений в

свой проект вносить не хотел, ставя превыше всего принцип строгой сопоставимости вопросов. Прошло 20 лет с начала реализации проекта, и представить себе очередной многолетний виток этносоциологических исследований все по той же неизменной программе, было уже выше наших сил. И в 1992 г., вскоре после выхода в свет нашей коллективной монографии «Русские», небольшой группой из 4 человек (Алла Исааковна Гинзбург, Любовь Остапенко и я, во главе с Сергеем Савоскулом), мы ушли от Арутюняна.

«Русские» проекты

Дальнейшая работа нашей независимой группы, работавшей над «Русским проектом», проходила в рамках ЦИМО, который возглавлял М.Н. Губогло, и наш приход значительно (практически вдвое) пополнил ряды немногочисленного на тот момент Центра, основным проблемным полем которого были национальные движения в СССР и (позднее) в республиках России. Главной целью проекта нашей группы – «Русские в странах нового зарубежья: этнополитическая ситуация и социально-культурный статус» (1993–1996 гг.) стало изучение положения русского населения теперь уже в независимых государствах ближнего российского зарубежья (см. подробнее статью С.С. Савоскула в этом сборнике).

И в этом проекте, по результатам которого за 5 лет было выпущено несколько сборников статей и коллективных монографий, выполненных по единой программе («Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк». М., 1993; «Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки». М., 1995; «Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований». М., 1994; «Русские в новом зарубежье: Итоги этносоциологического исследования в цифрах». М., 1996; «Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России». М., 1997), Молдавия оставалась одним из главных этносоциологических «полей» наших исследований.

Продолжение «Русского проекта» в Молдавии

С уходом из ЦИМО в 1997 г. Сергея Савоскула, который перешел в Отдел русского народа нашего Института (ИЭА), работа по изучению проблем русских в странах ближнего зарубежья, в том числе и в Молдавии, в Центре не завершилась.

В 1998 г. вышла моя книга «Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия», подготовленная в рамках проекта «Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья», который был поддержан Фондом Дж. и К. Мак-Артуров. А следом за ней, в том же году, мы с Любой Остапенко выпустили книгу «Русские в Молдавии: миграция или адаптация?». Обе книги были посвящены жизненно важным проблемам всей русской диаспоры Молдавии и, в частности, проблемам русской молодежи, опросы которой проводились как в центре Молдавии, так и в Гагаузии, и в Приднестровье. Понимая всю необъятность этой проблемы, особое внимание мы акцентировали на решении двух задач – социально-экономическом анализе процессов адаптации русских в новых этнополитических условиях независимой Молдавии и исследовании миграционного поведения русских, перспектив их миграции.

Позднее на «молдавском поле» были реализованы и такие проекты, как «Проблемы адаптации национальных меньшинств в столицах постсоветских государств» (1996–1998 гг.), (авторами этого проекта были В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина); «Предпринимательство как фактор адаптации русских в странах нового зарубежья» (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, 2000–2002 гг.); «Этнорегиональные модели адаптации в условиях трансформирующегося общества. Постсоветский опыт» (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, 2003–2004 гг.); международный российско-молдавский проект «Технологии преодоления социально-экономического неравенства при построении гражданского общества в Республике Молдова» (И.Г. Бодруг, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, 2007 г.).

Обширные результаты этих этносоциологических исследований, неизменно базировавшихся на массовых опросах как русского, так и населения других национальностей Молдавии, были опубликованы в целом ряде статей и коллективных монографий.

В 2012 г. вышла монография «Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя…» (авторы Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, С.Л. Нестерова). В монографии раскрывались ключевые вопросы жизни русского населения Молдавии за 20-летний постсоветский период, прослеживалась динамика социально-экономических, этнополитических и культурно-языковых условий, изменения в характере трудовой деятельности русских, их социальной структуре, демографическом поведении, миграционных ориентациях, социальном настроении, отношениях с мажоритарным этносом и т.п. В книге была сделана попытка анализа успешности/неуспешности адаптации русских к условиям жизни в суверенной Молдавии, выбора их адаптивных, языковых стратегий, оценка удовлетворенности различными сторонами жизни, трансформации жизненных ценностей русских, перспектив существования местной русской диаспоры.

Наша книга, охватывавшая весь двадцатилетний период существования независимой Республики Молдова, базировалась как на материалах прошлых этносоциологических исследований в Молдавии 1990-х годов, так и на осуществленных авторами исследованиях в этой республике в 2000-х годах, включавших как массовые опросы русских, так и экспертные опросы, направленные на изучение современных проблем русского населения этой страны, проведенные в 2009–2011 гг. среди политиков, ученых, журналистов, преподавателей, руководителей предприятий, общественных организаций, бизнесменов страны.

Эта книга оказалась последней нашей работой в «Русском проекте», осуществленной на молдавском поле, но не последней в ряду работ, посвященных русским. Были еще исследования, направленные на изучение современных проблем русской молодежи в Киргизии и Москве (Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко, И.А. Субботина «Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики)». М., 2018); Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко, И.А. Субботина «Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке: стратегия адаптации». М., 2018 и др.), жизни русской провинции (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина «Провинциальный русский город в начале XXI века». М., 2019).

«Гагаузские» проекты

Реализации, так называемого «Русского проекта», который мы начали осуществлять нашей небольшой этносоциологической группой во главе с Сережей Савоскулом в начале 1990-х годов, предшествовал наш первый «гагаузский проект» на молдавском поле. Инициатором этого исследования был Степан Курогло, ставший к тому времени заведующим Отделом гагаузоведения Института национальных меньшинств в Молдавской академии. Наши научные и дружеские связи со Степаном Курогло не прерывались, начиная с середины 1970-х годов, когда наш сектор этносоциологии проводил в Молдавии исследования по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

В конце же 1980-х, когда в Советском Союзе активизировались и набирали силу национальные движения, гагаузы Молдавии, о которых в стране мало кто знал, громко заявили о себе выступлениями за свое национальное самоопределение, и этноним «гагауз» замелькал в выступлениях политических и общественных деятелей, на телевидении и страницах газет. И хотя истории, традиционной культуре и быту гагаузов было посвящено немалое количество научных трудов, проблемы их современной жизни оставались вне поля зрения ученых. Степан Курогло обратился ко мне с предложением провести небольшое исследование, направленное на изучение этнодемографической ситуации у гагаузского населения страны. Я согласилась. Разработала программу и анкету предстоящего исследования. В 1989–1990 гг. был проведен опрос гагаузов в Молдавии, на Украине, Северном Кавказе.

Это социально-демографическое исследование было первой попыткой подобного рода исследований, давшей возможность показать динамику численности гагаузов в стране, дать картину их расселения в СССР, выявить и проанализировать социальную и этническую обусловленность особенностей демографического поведения гагаузов.

Изучение миграционного поведения, в том числе трудовой миграции гагаузов, было одной из составных частей более широкой программы исследования демографического поведения, включавшего, помимо миграции, брачное и репродуктивное поведение гагаузов. Выявление изменений в брачно-репродуктивном поведении (изменение отношения к браку, детям, женщине, желаемому полу будущего ребенка, допустимости межэтнических брачных союзов, добрачного сексуального опыта у женщин, внебрачных связей и внебрачной рождаемости и пр.), сужение сферы одних и активизация других факторов, регулирующих процессы в этой области, т.е. изучение стереотипов и феноменов в демографическом поведении и их социальной и этнокультурной детерминации являлось одной из главных задач изучения демографического развития гагаузов.

Определенное внимание в исследовании было уделено семье. Степан Курогло, будучи серьезным специалистом в сфере этнографического изучения гагаузской семьи как транслятора этнокультурной традиции, особое внимание уделял в нашем исследовании вопросам роли семьи в формировании социокультурных свойств личности, освоению молодым поколением бытующих в гагаузской среде культурных ролей, ценностей и норм поведения, в том числе демографического.

Самым масштабным был опрос гагаузского населения, конечно же, в Молдавии, где проживало большинство гагаузов СССР. Выборка исследования составила свыше 1 тыс. человек в возрасте от 16 лет и старше, городских и сельских жителей, и была представительна для всего гагаузского населения Молдавии (подробнее о выборке см.: Субботина И.А. «Гагаузы: расселение, миграция, адаптация». М., 2007. С. 24–25).

Чуть позднее, в 1991 г., к проведению исследований по гагаузам Молдавии подключились и другие члены нашего московского этносоциологического сообщества – Сергей Савоскул, Игорь Гришаев, Любовь Остапенко. Каждый из нас отвечал за определенное направление этого исследования: я – за решение этнодемографических проблем, в частности, миграции гагаузов, в том числе трудовой. Игорь Гришаев и Степан Курогло «курировали» проблемы семьи, Люба Остапенко занималась анализом экономического развития, динамикой социально-профессиональной структуры гагаузов, особенностями трудовой занятости, Сергей Савоскул – проблемами образования, языка и культуры. И для решения всех этих проблем был подключен весь арсенал возможных приемов и методов этносоциологии, накопленных нами за десятилетия работы в отделе Юрия Вартановича, начиная от специальных выборочных опросов разных социально-демографических групп гагаузов Молдавии, глубинных интервью с экспертами, представителями творческой и научной интеллигенции, политическими деятелями до сбора государственной и ведомственной статистики о развитии экономической и социально-культурной среды той территории юга Молдавии, где проживали гагаузы.

Наш небольшой, но дружный коллектив работал с большим интересом и энтузиазмом. Итоговой книгой, базировавшейся на проведенных нами, при активной поддержке сотрудников Отдела гагаузоведения Института национальных меньшинств Молдавской академии наук, этнодемографических и этносоциологических исследованиях гагаузов Молдавии, была монография «Этносоциальные проблемы гагаузов» (М., 1993), авторами которой были Игорь Гришаев, Степан Курогло, Любовь Остапенко, Сергей Савоскул и я. Книгу, посвященную изучению гагаузов, невозможно было издать без участия М.Н. Губогло, «главного» гагауза в нашем Институте, который и был включен в редакционную коллегию монографии, наряду с С.С. Курогло и С.С. Савоскулом, хотя научные интересы

Михаила Николаевича в эти годы были направлены на изучение глобальных процессов в стране – развития межэтнических отношений, проблем двуязычия, национальных движений в СССР и России – и были далеки от «гагаузских» вопросов.

На то время, пока мы продолжили (уже по своей программе) наши исследования по русским в ближнем зарубежье, гагаузские проекты пришлось отложить. Правда, в 1996–1998 гг. в Кишиневе было проведено этносоциологическое исследование в рамках Международного российско-молдавского проекта «Проблемы адаптации этнических меньшинств в столицах постсоветских государств», авторами которого с молдавской стороны были сотрудники Института национальных меньшинств АН Молдавии Г.А. Гайдаржи и С.С. Курогло, а с российской стороны – В.К. Малькова, Л.В. Остапенко и И.А. Субботина. Исследование позволило получить широкий спектр материалов по социально-культурной адаптации болгар, гагаузов, русских и украинцев Кишинева, межэтническим отношениям, в том числе по интересовавшим меня вопросам миграции и межэтнической брачности.

Оставлять гагаузскую тематику мне вовсе не хотелось. Занимаясь миграционными проблемами русских в странах ближнего зарубежья, я не оставляла мысли о проведении повторного этнодемографического и этносоциологического исследования на «гагаузском поле» Молдавии. Собирала статистику, работала в архивах, обрабатывала материалы прошлых исследований по гагаузам Северного Кавказа, ожидая 2004 г., времени проведения в Республике Молдова первой переписи населения, ибо реализация моих исследований, в том числе миграционных, требовала привязки к широкому полю переписных данных.

Подошел 2004 г., прошла перепись населения, и я отправилась в Молдавию для проведения своего панельного исследования по единой, сопоставимой с 1989 г., программе. Ни грантов, ни денег на осуществление этого исследования у меня не было, а помог мне в проведении опроса городских и сельских гагаузов (670 человек), Степан Курогло, которому я была бесконечно благодарна.

С. Курогло и ранее неизменно участвовал во всех наших исследованиях, будь то «русские» проекты или работы по гагаузам: помогал в поисках интервьюеров, опросах «непростых» респондентов из числа творческой, научной интеллигенции, политических лидеров страны, консультировал нас по многим вопросам «гагаузоведения». Степан Курогло был всегда вместе с нами в исследованиях на «молдавском поле», и представить себе Молдавию без него было просто невозможно: стоило нам только после прилета в Кишинев заселиться в гостиницу «Кишинэу», которая находилась возле Академии наук, как через короткое время (а иногда даже раньше нас) на пороге появлялся Степан Курогло (часто вместе с Валентином Степановичем Зеленчуком), и начинались нескончаемые рассказы о гагаузах, их истории, обычаях, современных проблемах, которые заканчивались чтением гагаузских стихов и печальными гагаузскими песнями…

Сопоставление материалов двух «гагаузских» исследований позволило сделать, как мне казалось, ряд важных выводов, базировавшихся как на широкой статистической основе, так и на результатах масштабных опросов гагаузского населения. Первый заключался в том, что на протяжении последнего десятилетия существования СССР и 15-летнего отрезка истории независимого государства Республики Молдова важнейшей чертой трансформации расселения гагаузов являлась устойчивая, с нарастающей динамикой тенденция рассредоточения гагаузского этноса. Основным фактором изменения географии расселения гагаузов следовало признать центробежный характер миграций, доминирующим направлением которых являлся российский вектор.

Второй вывод, подтвержденный масштабными опросами гагаузов и разработкой первичных материалов текущего учета населения, касающегося этнических аспектов миграции, заключался в том, что многолетние трудовые миграции гагаузов, постепенно пере-

растающие в окончательную, безвозвратную эмиграцию, создают серьезную угрозу снижения демографического, социального и интеллектуального потенциала гагаузского общества (особенно опасную своими последствиями для малочисленного народа), разрушения этнокультурной идентичности гагаузов.

Дополнив полученные в результате двух своих «гагаузских» исследований сведения материалами этносоциологического опроса гагаузов (и молдаван) в Москве в 2006 г., (осуществленного вместе с Любовью Остапенко в рамках проекта «Москва многонациональная», реализованного в нашем Институте под руководством М.Ю. Мартыновой), нацеленного на изучение социально-культурной адаптации гагаузских трудовых мигрантов в столице России, в 2007 г. я опубликовала монографию «Гагаузы: расселение, миграция, адаптация», а затем в 2011 г. – разделы по демографическому развитию и расселению гагаузов в Молдавии и России в готовившийся нашим Институтом том «Гагаузы» из серии «Народы и культуры».

Уже работая в секторе этнической экологии, я решила продолжить свои этнодемографические и этносоциологические исследования по гагаузам Молдавии и провести, спустя 10 лет, в 2014 г., третий этап работ, осуществив по той же единой программе опрос гагаузов в Гагаузии и получив таким образом сопоставимый с 1989 и 2004 годами материал, позволяющий показать изменения в социально-демографическом развитии гагаузов за четверть века. Опрос 650 гагаузов был проведен (с помощью независимого информационно-социологического центра «Диалог», возглавляемого С.Л. Нестеровой), но все анкетные материалы этого исследования были изъяты Службой безопасности Республики Молдова, запретившей мне въезд в страну на много лет…

Воспоминания о работе в Институте этнографии АН СССР

Д.Д. Бекоева

Л.М. Дробижева, Д.Д. Бекоева, Ф.Г. Сафин

Я работала в Институте этнографии АН СССР в период 1987–1988 гг., когда директором Института был Юлиан Владимирович Бромлей, глубокий знаток национального вопроса и межнациональных отношений в СССР. В связи с моими интересами меня определили в отдел этносоциологии, возглавляемый тогда Юрием Вартановичем Арутюняном, очень энергичным и полным новых идей ученым, который разрабатывал тогда сложнейшие проблемы этносоциальных процессов в СССР. Каждый вторник в институте проходили семинары и обсуждались вопросы этнографии, этносоциологии и политических изменений в стране в связи с появлением на политической арене М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе в качестве министра иностранных дел. В этот период была опубликована статья М.С. Горбачева в журнале «Коммунист», где он предлагал усилить управление страной путем предоставления больших полномочий управления руководству республик для успешного осуществления перестройки. Ю.В. Бромлея и его заместителя Л.М. Дробижеву постоянно вызывали в правительство, и они приходили огорченными, отмечая, что ученых нынешняя власть не слышит, не учитывает сложностей межэтнических отношений. В то же время интенсивные этносоциологические исследования в разных регионах страны на основе эмпирических данных выявляли множество линий межэтнических напряженностей, показывая важность и необходимость учета этнических особенностей. Юрий Вартанович Арутюнян считал, что жизненная потребность в такой информации и для теории, и для практики очевидна, в том числе для оптимизации социально-культурных условий развития наций и для осмысления социально-этнических перспектив страны. Ему оказывала поддержку и его группа, в которую входили Т.В. Левашова, И.А. Субботина, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, С.С. Савоскул, А.Д. Коростелев, А.А. Сусоколов, И.М. Кузнецов и др. Кроме того, поднимался вопрос об управлении страной с серьезными проблемами и в природно-ландшафтных отношениях, и в экономике, и в переплетении национальностей, и, главное, в особых деструктивных позициях республиканских элит. На семинарах о социально-политических проблемах выступали М.Н. Губогло о межнациональных отношениях и этнической идентификации, В.А. Тишков, которым, как правило, задавались самые острые вопросы про нарушения интегративных процессов в республиках, смогут ли под влиянием своих элит дифференцироваться народы республик, не приведут ли решения правитель-

ства к развалу страны в политике перестройки М.С. Горбачева. При этом, ученые подчеркивали, что этого нельзя допускать, тем более что отношение граждан страны к пространству своей родины сформировалось как к родному, любимому персонифицированному пространству (вспомним «мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский союз»), которое связывало людей высоким уровнем сплоченности, а порой конформных установок граждан (Головаха, Панина), и, возможно, именно поэтому никто не выступал против перестройки. Казалось невозможным, чтобы политическая элита страны могла иначе думать и сплачиваться на основе иных установок, отличных от идеалов СССР. В этих условиях перестройка, и, по сути, разрушение системы управления – одной из составляющих государства, наряду с территорией и общностью, были в то время сродни преступлению. Я в тот период провела этносоциологическое исследование в Южной Осетии «Этнические стереотипы в нормативной культуре осетин» по методикам Института этнографии, которое было опубликовано в Известиях НИИ Южной Осетии, где показано опасение осетин по поводу нарастающих агрессивных публикаций в средствах массовой информации Грузии, негативное отношение к шествиям грузинских студентов с флагами Грузии 1920-х годов и развешивание их в грузинских школах. Грузинский флаг меньшевиков, с которым они воевали против осетин и абхазов, желая их изгнать с территории, в 20-х годах XX столетия, описан Главнокомандующим национальной гвардии Грузии В.К. Джугели, воевавшим против осетин и абхазов, в его книге «Тяжелый крест» как осетинская и абхазская Вандея. Этот период массового уничтожения осетин воспринимается осетинами и абхазами как период геноцида. Всякое напоминание об этом периоде воспринималось крайне негативно, поэтому ответ на вопрос, как ты относишься к русским, почти в 100% случаев был положительным, также как ко всем остальным национальностям (евреям, грекам, украинцам), проживающим в Южной Осетии, а к грузинам – в 87% случаев отрицательным. Этому во многом способствовала перемена осетинских топонимов на грузинские, и попытка зафиксировать полную номенклатуру географических названий и установить координаты населенных пунктов Южной Осетии на грузинском языке, с чем категорически не согласились и население сел, и сотрудники НИИ Южной Осетии, в частности, специалист по топонимике З.Д. Цховребова, автор книги «Топонимия Южной Осетии в письменных источниках» (1979). Это была предконфликтная ситуация, которая позже переросла в открытый конфликт.

Воспоминания о будущем, уходящие в прошлое. Сюжет для небольшого рассказа…

С.Л. Нестерова

Погружаясь в глубины моей памяти, вспоминаю далекий 1970 год. Молдавия, конец сентября.

Это первый приезд этносоциологов из Москвы, из Института этнографии Академии наук СССР. Делегацию из Москвы возглавлял известный ученый, профессор доктор исторических наук Юрий Вартанович Арутюнян, основатель новой науки – этносоциологии, руководитель вновь созданного сектора конкретно-социологических исследований.

Встречали гостей сотрудники Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук МССР. В те годы и позднее Отдел возглавлял известный в Молдавии историк и этнограф, профессор, доктор исторических наук Валентин Степанович Зеленчук. Гостей ждали с волнением.

В Молдавии сентябрь, золотая осень – любимое время года. На базаре, куда мы пригласили наших гостей, пахло айвой, спелым виноградом, который большими прозрачными гроздьями свисал с прилавков. А прилавки не простые – это молдавские домики с плетеными заборами и кукурузными початками, кувшинами с молодым молдавским вином. Выбираем, советуем сорта вин и винограда: Негру де Пуркарь, Каберне, Фетяскэ, Совиньон, Чумай, Траминер и др.

В те давние времена на базаре в воскресные дни звучала молдавская национальная музыка. Музыка создавала настроение благодушия и гостеприимства. Продавец и покупатель обменивались уважительными словами: «Бунэ диминяца, домнуле (молд. господин)». Юрию Вартановичу такое уважительное приветствие очень нравилось.

С Михаилом Николаевичем Губогло, сотрудником московского института, мы были уже знакомы. У нас в Отделе этнографии тогда работала красавица-гагаузка Маша Маруневич (Мария Васильевна Маруневич). Она занималась историей гагаузов, их культурой, обрядами, традициями. Впоследствии она стала зав. кафедрой в университете г. Комрат АТО Гагаузия, руководила созданным в Гагаузии Научно-исследовательским центром, получившим позднее ее имя. Они имели общие научные интересы с Михаилом Николаевичем.

Наш зав. отделом, Валентин Степанович Зеленчук, учился и защищал диссертацию в Москве, в Институте истории Академии наук СССР. Так что наши сотрудники, его ученики, были не совсем уж «темно-серыми лошадками», как представлялось коллегам-москвичам. Михаил Губогло вызывал у всех нас восхищение. Парень из маленькой, мало известной миру Гагаузии, поступил в Москве в МГУ им. М.В. Ломоносова, окончил аспирантуру и защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук.

На первом совместном заседании Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева и В.С. Зеленчук провели «инструктаж», объяснили нам суть совместной работы. «Проводим “пилотажный” этносоциологический опрос населения по теме: “Особенности межэтнических отношений в Молдавской ССР”. Опрашиваем жителей города Кишинева, молдаван и русских, по специально разработанной анкете методом интервью». Наши сотрудники привыкли работать с населением в экспедициях, в полевых условиях в молдавских, русских, украинских селах, но в Кишиневе, в столице? Мы как-то оробели. А вдруг не пустят в дом, квартиру, выгонят с треском, спустят с лестницы? «Может быть и такое», – «успокоил» нас Юрий Вартанович. Леокадия Михайловна Дробижева, его заместитель, смягчила обстановку. «Представьте, что вы журналисты, пришли к жителю взять интервью, так заинте-

ресуйте респондента и т.д.». Первый день нас инструктировали коллеги-москвичи. Алгоритм подготовки: анкета заполняется «на себя», затем опрашиваем друг друга и, наконец, премьера: «Коллеги, на выход!». Мечтаем: как нас будут принимать хозяева с хлебом-солью, с караваем, с чаркой молдавского вина. Наш Петр Стоянов, болгарин, изображал все в лицах, по ролям. Сотрудники Отдела В.С. Зеленчука – Ю. Попович, Е. Постолаки, И.Г. Хынку, С. Нестерова, Е. Лоскутова и др. – старались постичь азы науки этносоциологии. Как молоды мы были ...

Однако на второй день мы уже получили «первый блин комом», причем с Юрием Вартановичем. Важно отметить, что администрация Кишинева предварительно провела соответствующую работу по информированию жителей Кишинева о предстоящем научном «мероприятии», этносоциологическом исследовании, используя местные СМИ, в том числе газету «Вечерний Кишинев» и др.

Валерия Кондратьева называли «королем выборки», т.к. от выборки зависел результат всего исследования. В. Кондратьев консультировал нас: «Правильно просчитанная выборка дает возможность экстраполировать полученные выводы на всю генеральную совокупность». Выборка осуществлялась по избирательным спискам. Как раз в выборку попали жители дома рядом с Академией наук. А дом был не простой – элитный. Юрий Вартанович решил самолично проверить, как «работает» анкета. В одной из квартир он смело задает вопросы анкеты, в том числе о наличии предметов долговременного пользования: «А есть ли у вас, дорогие хозяева, телевизор, холодильник, музыкальный центр, видеокамера и пр.?». Вот тут-то хозяева здорово насторожились и пригласили органы правопорядка – местную милицию. Примерно в таком изложении: дескать, посетил их квартиру человек подозрительной, восточной наружности, «не из наших», выманивает у них (и не только у них, но и у соседей) информацию об их богатствах, «нажитых непосильным трудом». «А еще при “госте” подозрительный списочек жителей дома имеется». А дом по этому адресу непростой, здесь проживает, преимущественно, молдавская творческая интеллигенция: художники, артисты, писатели, композиторы. Тревогу подняла Леокадия Михайловна. Только благодаря вмешательству Валентина Степановича, известного в элитных кругах, в администрации города, да еще благодаря «словцу» некоторого известного депутата, удалось «спасти» Юрия Вартановича. А то бы «замели» известного московского ученого, как это бывает в подобных случаях. Как говорится: «И горько – и смешно...». А нам, интервьюерам, было не до смеха – «струхнули малость».

Пришлось для жителей Кишинева давать дополнительную информацию о предстоящем этносоциологическом исследовании силами двух Академий наук.

Вот так, дорогие коллеги-москвичи, «первый блин оказался комом», но не совсем…

«Пилотное» этносоциологическое исследование совместными усилиями сотрудников двух Институтов, двух Академий наук мы все-таки довели до логического конца. «Генеральное» исследование в Молдавской ССР провели через год. Результаты опубликованы….

Память – удивительная штука. Иногда, вдруг она за ниточку вытаскивает маленькие эпизоды из нашей жизни, которые создают определенное настроение, напоминая о встречах с нашими коллегами, друзьями.

Вспоминается теплый осенний вечер в Кишиневе. Один из тех осенних вечеров, когда уже начали опадать первые желтые листья – ощущение расставания с летом.

Почетных московских гостей из Института этнографии Академии наук СССР, приехавших в Отдел этнографии и искусствоведения Академии наук Молдовы для этносоциологического опроса, наша семья пригласила на посиделки. Наш дом увит лозами разных сортов винограда: фетяска, кардинал, молдова, ркацители. Гроздья винограда уже налились солнечной энергией, но урожай еще не собран – не срок. Лучшее время для сбора

этих сортов – конец сентября-начало октября. Наших гостей – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижеву, М.Н. Губогло, В.Н. Шамшурова, В.С. Кондратьева усадили в саду под сенью виноградника.

Весь день мы с мамой суетились, готовили молдавские блюда: фаршированные гогошары, зразы, сермале (типа голубцов в виноградных листьях), кырнэцеи ку муждей, плацынды и др. Однако самое главное молдавское блюдо – мамалыга! – русские, как правило, не знают, как готовить правильно. Пришлось пригласить соседку-молдаванку, которая наварила целый казан горячей, янтарной, пахнувшей знойным кукурузным полем «мамалыжки». Подают ее с овечьей брынзой, сметаной, шкварками. Но чтобы оценить ее, к ней надо привыкнуть.

Наши московские гости, Валерий Кондратьев и Валерий Шамшуров, оказались специалистами по разведению костра. И вот затрещал костер, дымок, искры от костра взметнулись в звездное небо. Мититеи (молд.), приготовленные на костре, на гратаре – это то, «что надо» к легкому молдавскому вину. Продегустировав молодого молдавского винца Рара Нягрэ, наши гости запели известную песню, как «цыганка-молдаванка собирала виноград…». Наши молдаване обиделись: «Вы ошибаетесь, друзья, молдаване – это не цыгане. Надо петь «смуглянка–молдаванка», – запели вместе.

В ответ молдавские коллеги спели шуточную молдавскую песенку «Омуле ку винул бун, че стэй ын кэруца друм, траже, траже ел акасэ…». Дело в том, что в те времена в русских школах молдавский язык был обязательным предметом изучения. А в молдавских школах преподавали русский язык. Это был явный пример русско-молдавского и молдавско-русского двуязычия.

Как говорится, вечер прошел в теплой, дружественной обстановке…

Воспоминания о Л.М. Дробижевой. О бескорыстии, честности, чуткости и добродушии моей многоуважаемой руководительницы

Р.С. Оганджанян

Не думаю, что во времена моего обучения в аспирантуре кто-либо из аспирантов или стажеров обращал внимание на характер своих руководителей. Просто прислушивались к их советам. Но спустя почти сорок лет, мне хочется представить образ моей руководительницы.

В 1981 г. моим руководителем была Леокадия Михайловна. Однажды в Отделе она позвала меня и сказала:

– Рубен, скоро в нашем институте будет организована конференция по этнопсихологии. В ней примут участие психологи из разных учреждений. Ты тоже должен выступить.

Я растерялся, а, честно говоря, испугался. И ответил:

– Леокадия Михайловна, у меня нет опыта выступлений перед такой аудиторией. И по какой теме я буду выступать?

Она сказала:

– У тебя есть материалы, которые будут интересны для этнопсихологов.

Она, по всей вероятности, по моему испуганному лицу почувствовала, что я не в себе, и сказала:

– Ну, ладно, Рубен, у меня времени в обрез, соберешь все свои материалы, и работать будем у нас дома.

Я решил в день консультации с Леокадией Михайловной преподнести ей какой-нибудь подарок. Конечно, нормальным подарком были бы цветы. Однако в Москве их продавали или в подземках, или на рынках. Чтобы доехать до ближайшего рынка, потребовалось бы много времени. Пришлось поискать вблизи дома Леокадии Михайловны, на улице Горького. Но, как назло, ни одного цветка я не нашел. Вдруг вспомнил, что почти рядом находится магазин «Армения» и, возможно, там я найду что-нибудь подходящее. В этом магазине, кроме армянского коньяка, ничего армянского не было. Пришлось купить коньяк. Леокадия Михайловна открыла дверь, сказав: «Заходи», – и быстро вошла в комнату. В коридоре было что-то вроде тумбочки, я положил бутылку туда и вошел в комнату. Она выбрала тему по этническим стереотипам, подробно проконсультировала о выступлении. Перед моим уходом, провожая меня, Леокадия Михайловна увидела бутылку. Коньяк был завернут в бумагу, но все-таки явно видно было, что это – бутылка. И вы не представляете, какова была реакция Леокадии Михайловны. Строгим тоном она сказала:

– Что это такое? Я Вас прошу, заберите это.

И тон был таким строгим, что я окоченел. Взял бутылку и выбежал. Вот и бескорыстной была Леокадия Михайловна.

Конференция была интересной. Мое выступление, судя по реакции некоторых психологов, в том числе А. Асмолова, П.Н. Шихирева, было неплохим.

После конференции Леокадия Михайловна меня похвалила. Но спустя столько лет, при написании этих воспоминаний, анализируя уже описанный эпизод, мне в голову пришла мысль о научной заслуге Леокадии Михайловны. До этой конференции на материалах конкретных полевых исследований представление этнических стереотипов, насколько мне известно, не особо поощрялось. Это деликатная тема, она прямо связана с националь-

ными чувствами, и по сей день многие ученые не решаются публиковать список этнических стереотипов. Практически получается, что Леокадия Михайловна одной из первых в СССР ввела в научный оборот проблему этнических стереотипов, что очень важно для многонациональной страны.

С многоуважаемым П.Н. Шихиревым у меня сложились хорошие научные взаимоотношения. Неоднократно он приглашал меня на разные научные мероприятия в Институт психологии. После многократных консультаций он помог мне опубликовать статью в «Психологическом журнале». Во время землетрясения 1988 г. в Армении он приехал туда с целью научных исследований. И, по мере необходимости, я был рядом с ним.

Однако я думал, что после случая с этим коньяком Леокадия Михайловна ко мне будет относиться не так уж доброжелательно. Но прошло немного времени, и представительницы отдела – Л. Остапенко, И. Субботина, В. Малькова (тогда к ним обращались словом «девочки», а я сейчас – «Сестренки») сказали, что Леокадия Михайловна приглашает нас к себе в гости. Я не помню, по какому поводу было приглашение, и как мы доехали до дома (если помнят девчата, пусть добавят). Но мы провели чудесное время, девочки великолепно исполняли русские народные песни. Их голоса до сих пор в ушах приятно звенят.

После этого приглашения я успокоился, почувствовав, что Леокадия Михайловна не держит на меня зла. Вспоминая об этом приглашении, спустя столько лет, я понял, что Леокадия Михайловна была чуткой и добродушной.

СПИСОК АВТОРОВ

Акопян Гаянэ Левоновна	–	кандидат исторических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, научный сотрудник, gayik20@gmail.com
Анайбан Зоя Васильевна	–	доктор исторических наук, Москва, Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник, anayban@mail.ru
Асанканов Абылабек Асанканович	–	академик НАН Республики Кыргызстан, доктор исторических наук, Республика Кыргызстан, Бишкек, профессор
Бекоева Диана Дмитриевна	–	доктор психологических наук, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, профессор, bekoeva@mail.ru
Бикбулатова Аниса Рифовна	–	доктор исторических наук, Кыргызстан, Бишкек, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, профессор,tataroved.anisa@yandex.com
Бирин Виктор Николаевич	–	кандидат исторических наук, Петрозаводск, Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент кафедры государственного регионального управления, vik_birin@mail.r
Бурдина Елена Николаевна	–	кандидат исторических наук, Республика Казахстан, Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет, доцент
Валиахметов Рим Марсович	–	кандидат социологических наук,Уфа, Башкирский государственный университет, декан факультета философии и социологии, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований, rim_m_sifat@inbox.ru
Варданян Лилия Мартыновна	–	доктор исторических наук, США, г. Глендейл, независимый исследователь
Винокурова Ульяна Алексеевна	–	доктор исторических наук, Якутск, Научно-исследовательский центр циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств, руководитель,uottaah1707@gmail.com
Габдрахманова Гульнара Фаатовна	–	доктор социологических наук, Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, зав. отделом этнологических исследований, medi54375@mail.ru
Галстян Мигран Вардгесович	–	доктор исторических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА зав. отделом этносоциологии, akoonk@yahoo.com
Галущенко Олег Сергеевич	–	доктор истории, Республика Молдова, Кишинев, Институт культурного наследия АНМ, старший научный сотрудник, galuscenco@mail.ru
Гарипов Ягфар Закирович	–	доктор социологических наук, Казань, независимый исследователь, tatgarip@mail.ru
Громов Дмитрий Вячеславович	–	доктор исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотрудник, gromovdv@mail.ru
Губогло Татьяна Ивановна	–	кандидат технических наук, Москва, независимый исследователь

Данилов Александр Николаевич	–	член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет, зав. кафедрой социологии, a.danilov@tut.by
Денисенко Валентина Николаевна	–	кандидат исторических наук, Сыктывкар, ИЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник
Донежук Мурат Юсуфович -	–	Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, стажер-исследователь, donezhuk.murat@yandex.ru, kw1763@yandex.ru
Дубова Надежда Анатольевна	–	доктор исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, зав. Центром антропоэкологии, dubova_n@mail.ru
Жигунова Марина Александровна	–	кандидат исторических наук, Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник, доцент, marizh.omsk@mail.ru
Закарян Тамара Закаровна	–	Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, научный сотрудник
Казиев Саттар Шарниязович	–	доктор исторических наук, Республика Казахстан, Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет, профессор, sattarkaz@yandex.kz
Карапетян Рубен Суренович	–	доктор исторических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, зав. отделом исследований диаспор, karapetyan.ruben.s@gmail.com
Кауненко Ирина Ивановна	–	доктор психологии, Республика Молдова, Кишинев, Институт культурного наследия АНМ, старший научный сотрудник, caunencoi@mail.ru
Квилинкова Елизавета Николаевна	–	доктор исторических наук, Республика Беларусь, Минск, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАНБ, ведущий научный сотрудник, доцент, cvilincova@mail.ru
Козлов Вадим Евгеньевич	–	доктор исторических наук, Казань, Институт педагогики, психологии социальных проблем, директор, vadim.kozlov@list.ru
Коростелев Александр Дмитриевич	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотрудник, adkoros@yandex.ru
Макарова Гузель Ильясовна	–	доктор социологических наук, Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, ведущий научный сотрудник, makarova_guzel@mail.ru
Малькова Вера Константиновна	–	доктор исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, главный научный сотрудник, veramalk@mail.ru
Мандельштам-Балзер Марджори	–	доктор исторических наук, США, Вашингтон, Джорджтаунский университет, Департамент антропологии (центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований), профессор
Мардоса Йонас	–	доктор истории, Литва, Вильнюс, независимый исследователь j.mardosa@gmail.com
Маркосян Салвине Акоповна	–	Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, младший научный сотрудник, salvi.markosyan@gmail.com

Могунова Марина Викторовна	–	Республика Казахстан, Петропавловск, Северо-Казахстанский университет им. Манаша Козыбаева, старший преподаватель, m_mogunova@mail.ru
Налбандян Карине Георгиевна	–	Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, научный сотрудник, nalbandyankarine@yandex.ru
Намруева Людмила Васильевна	–	кандидат социологических наук, Элиста, Калмыцкий научный центр РАН, Башкирский Государственный университет, ведущий научный сотрудник, доцент lnamrueva@yandex.ru
Нестерова Светлана Леонидовна	–	кандидат исторических наук, Республика Молдова, Кишинев, Ассоциация ученых «Соотечественники», председатель правления, sunrise20142015@mail.ru
Оганджанян Рубен Самвелович	–	кандидат исторических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, старший научный сотрудник, r.ohanjanyan@mail.ru
Омурзакова Жылдыз Кубанычбековна	–	Кыргызская Республика, Бишкек, Международный университет Кыргызской Республики, проректор по учебной работе, науке и развитию государственного языка, omurzakova.74@mail.ru
Остапенко Любовь Викторовна	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник, lost_82@bk.ru
Паин Эмиль Абрамович	–	доктор политических наук, Москва, НИУ – ВШЭ, профессор-исследователь, painea@mail.ru
Попков Юрий Владимирович	–	доктор философских наук, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН. главный научный сотрудник, профессор yuripopkov54@mail.ru
Рыжова Светлана Валентиновна	–	кандидат социологических наук, Москва, Институт социологии РАН, ведущий научный сотрудник, Silica2@yandex.ru
Савоскул Сергей Сергеевич	–	доктор исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотрудник, salotop@yandex.ru
Сагитова Лилия Варисовна	–	доктор политических наук, Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, ведущий научный сотрудник, liliya_sagitova@mail.ru
Сафин Фаиль Габдулович	–	доктор исторических наук, Уфа, Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева Уфимского научного центра РАН, главный научный сотрудник, failsafin@mail.ru
Севастьянов Иван Владимирович	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, научный сотрудник, rushd-al@yandex.ru
Снежкова Ирина Анатольевна	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник, snezhkova@mail.ru
Старченко Роман Александрович	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, зам. директора, starchencko.roman@yandex.ru
Столярова Гузель Рафаиловна	–	доктор исторических наук, Казань, Казанский Федерадьный университет, профессор

Субботина Ирина Алексеевна	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник, irinalsu@yandex.ru
Танаджян Лусине Асатуровна	–	кандидат исторических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, старший научный сотрудник,
Титова Татьяна Алексеевна	–	доктор исторических наук, Казань, Казанский федеральный университет, профессор, tatiana.titova@rambler.ru, Tanajyan07@mail.ru
Фадеев Павел Васильевич	–	кандидат социологических наук, Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, научный сотрудник, erving45 @gmail.com
Фролова Елена Валерьевна	–	кандидат исторических наук, Казань, Казанский федеральный университет, доцент
Халиулина Айгуль Ильясовна	–	кандидат исторических наук, Уфа, Институт этнологических исследований им.Р.Г.Кузеева Уфимского научного центра РАН, старший научный сотрудник, aygul_kamila@mail.ru
Хачатурян Нелли Рафиковна	–	кандидат политических наук, Республика Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА, научный сотрудник, nelli.khachaturyan@gmail.com
Черникова Виктория Владимировна	–	кандидат исторических наук, Воронеж, Воронежский государственный университет, доцент. victoriacher@list.ru
Шабаев Юрий Петрович	–	доктор исторических наук, Сыктывкар,ИЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН, зав. сектором этнографии
Эралиев Салайдин Нуралиевич	–	кандидат исторических наук, Кыргызская Республика, Бишкек, Кыргызский национальный университет, доцент, eralievsalaidin@mail.ru
Ямсков Анатолий Николаевич	–	кандидат исторических наук, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотрудник, доцент, yamskov@iea.ras.ru

Научное издание

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Ответственные редакторы и составители
Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
Им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Редакторы
О.И. Мальцева, Т.В. Царева
Компьютерная верстка
О.Г. Симонова
Дизайн обложки
Е.В. Орлова

Подписано к печати 29.11.2022. Формат 60x84/8
Усл. печ. л. 39,5. Тираж 500 экз. Заказ № 223

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32